THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

Годъ XII-й. № 8.

129

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

АВГУСТЪ

1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. М. М. АНТОКОЛЬСКІЙ. ЕГО ЖИЗНЬ И ЕГО ТВОРЕНІЯ. **И. Гинцбурга** 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ: ПРИ ЗВѢЗДНОМЪ СІЯНЬИ. (На мотивъ изъ Лонгефело). **Ник. Кир.** 17
3. ОПЕРАЦІЯ. (Очеркъ). **С. Линдена.** 18
4. НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ. (Истор. очеркъ). (Окончаніе). **А. Корнилова.** 29
5. МОЛОХЪ. Романъ **Якова Вассермана.** (Продолженіе). Переводъ съ нѣмецкаго **Л. Горбуновой.** 61
6. ОСНОВЫ ЭЛЕКТРОННОЙ ТЕОРІИ. Проф. **И. Боргмана.** . 99
7. СТИХОТВОРЕНІЯ: I) ГОЛОСЪ МОРЯ. II) НА ЗАКАТѢ. **О. Чюминой.** 122
8. МАТЬ И ДОЧЬ. Романъ Часть I. (Продолженіе). **И. Потапенки.** 123
9. ОБЗОРЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ СЪ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ Часть первая. Кіевская Русь (съ VI до конца XII вѣка). (Окончаніе). **Н. Рожкова.** 168
10. ВОСЕМЬ ПЛЕМЕНЪ. Романъ изъ древней жизни крайняго сѣверо-востока. (Окончаніе). **Тана.** 200
11. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ. (1857—1864 гг.). (Окончаніе) **Мих. Лемке.** 227
12. ДОНАТЬЕННА. Романъ **Ренэ Базэна.** Переводъ **З. Журавской.** (Продолженіе). 266
13. СТИХОТВОРЕНІЕ: АНТОКОЛЬСКІЙ. **Ев. Моро—ова.** . . . 282

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

14. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Изъ лѣтнихъ впечатлѣній.—Жизнь на Западѣ. — Что поражаетъ новичка въ этой жизни?—Свободная борьба силъ.—Закономѣрность ея.—Изъ выборной борьбы въ Германіи.—Народная толпа, ея самостоятельность и дисциплинированность.—Отсутствіе опеки.—Жалобы германца на стѣсненія и опеку личности.—«Свободный британецъ» въ «Очеркахъ Англіи» г. Діонео.—Содержательность этой книги, ея полнота и безпристрастіе.—Къ 50-лѣтнему юбилею дня рожденія Вл. Гал. Короленко. **А. Б.** . . . 1

BERG-N
DALIA ROA
WHEN WRITI
NO CARBO

Г... II-й. № 8-й

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

08477

АВГУСТЪ

1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1903.

AP50
M67
V.12
no.8
Aug, 190

Дозволено цензурою 28-го іюля 1903 года. С.-Петербургъ.

The
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

SLA/EYCH

27375

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

стр.

1. М. М. АНТОКОЛЬСКІЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ЕГО ТВОРЕНІЯ. **И. Гинцбурга.** 1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ: ПРИ ЗВѢЗДНОМЪ СІЯНЬИ. (На мотивъ изъ Лонгефело). **Ник. Кир.** 17
3. ОПЕРАЦІЯ. (Очеркъ). **С. Линдена.** 18
4. НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ. (Истор. очеркъ). (Окончаніе). **А. Корнилова** 29
5. МОЛОХЪ. Романъ **Якова Вассермана.** (Продолженіе). Переводъ съ нѣмецкаго. **Л. Горбуновой** 61
6. ОСНОВЫ ЭЛЕКТРОННОЙ ТЕОРІИ. Проф. **И. Боргмана** . 99
7. СТИХОТВОРЕНІЯ: I) ГОЛОСЪ МОРЯ. II) НА ЗАКАТѢ. **О. Чюминой.** 122
8. МАТЬ И ДОЧЬ. Романъ. Часть I. (Продолженіе). **И. Потапенки.** 123
9. ОБЗОРЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ СЪ СОЦІОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ. Часть первая. Кіевская Русь (съ VI до конца XII вѣка). (Окончаніе). **Н. Рожкова.** 168
10. ВОСЕМЬ ПЛЕМЕНЪ. Романъ изъ древней жизни крайняго сѣверо-востока. (Окончаніе). **Тана.** 200
11. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ. (1857—1864 гг.). (Окончаніе). **Мих. Лемке.** . . . 227
12. ДОНАТЬЕННА. Романъ **Ренэ Базэна**. Переводъ **З. Журавской**. (Продолженіе). 266
13. СТИХОТВОРЕНІЕ: АНТОКОЛЬСКІЙ. **Ев. Моро—ова** . . . 282

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

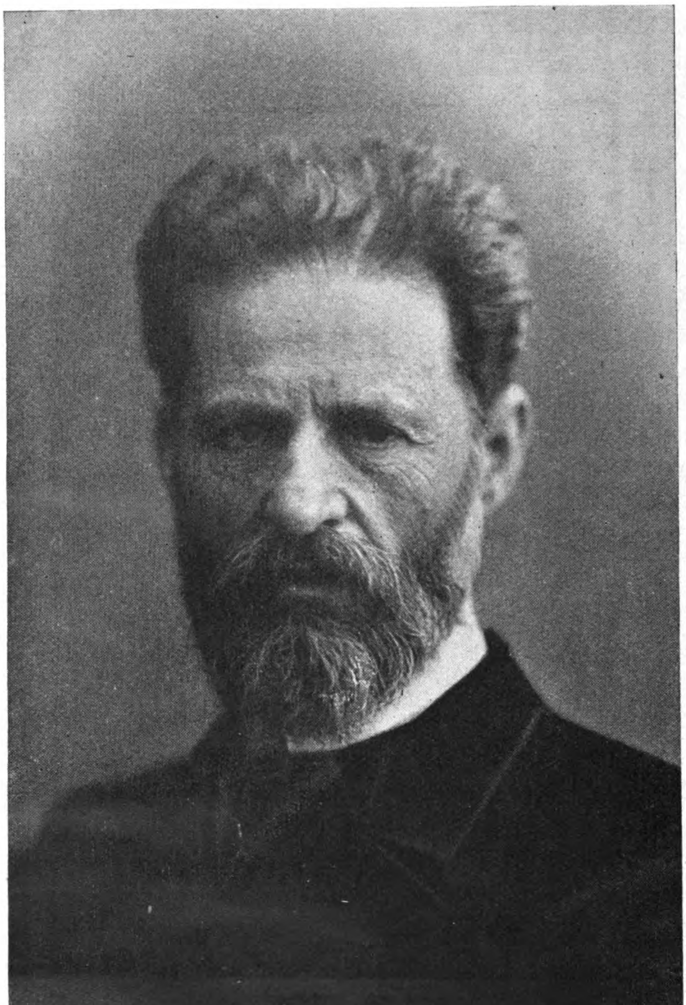
14. КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ. Изъ лѣтнихъ впечатлѣній.—Жизнь на Западѣ.—Что поражаетъ новичка въ этой жизни?—Свободная борьба силъ.—Закономѣрность ея.—Изъ выборной борьбы въ Германіи.—Народная толпа, ея самостоятельность и дисциплинированность.—Отсутствіе опеки.—Жалобы германца на стѣсненія и опеку личности.—«Свободный британецъ» въ «Очеркахъ Англіи» г. Діонео.—Содержательность этой книги, ея полнота и безпристрастіе.—Къ 50-лѣтнему юбилею дня рожденія Вл. Гал. Короленко. **А. Б.** . . . 1

стр.

15. ОБЪ ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕКЦИИ ВЪ ПРОВИНЦІАЛЬНЫХЪ ГОРОДАХЪ. **Н. Граціанова** 16
16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Исторія одного адреса.—Судьба земскихъ ходатайствъ.—Санитарныя условія русской деревни.—Эксплоатація дѣтскаго труда.—«Божьи люди».—Карьера г. Крушевана.—Къ юбилею Вл. Г. Короленки.—За мѣсяцъ.—Некрологъ.—Опроверженіе. 23
17. **Изъ русскихъ журналовъ.** («Русская Старина» — іюнь. «Вѣстникъ Европы»—іюль. «Русское Богатство» — май) . . . 40
18. **За границей.** Выборы въ германскій рейхстагъ.—Общественная жизнь Германіи.—Негритянская проблема въ Соединенныхъ Штатахъ и президентъ Рузвельтъ.—Смерть папы Льва XIII.—Организація международнаго обмѣна дѣтей.—Народные образовательные курсы въ Вѣнѣ и союзъ австрійскихъ женщинъ.—Самая сѣверная желѣзная дорога. 50
19. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** Въ защиту сербскаго народа.—Ибсенъ на званомъ обѣдѣ.—Ирландскій вопросъ и британскій имперіализмъ. 63
20. ВЪ СТАРОМЪ ПЕКИНѢ. (Письмо второе). **В. В. Корсакова.** 67
21. НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ. О «сущности» жизни. (Окончаніе). **В. Агафонова** 75
22. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Исторія литературы и критика.—Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія и соціологія.—Антропологія.—Медицина.—Народныя изданія.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію. 94
23. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 112

ОТДѢЛЪ ТРЕТІИ.

24. ЙЁРНЪ УЛЬ. Романъ **Густава Френсена.** Перев. съ нѣмецкаго **Л. Гуревичъ.** (Окончаніе). 189
25. СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ. **Освальда Кюльпе.** Переводъ съ нѣмецкаго **Н. Андреева** 1
26. ОМУТЪ. Романъ **Франка Норриса.** Переводъ съ англійскаго **А. В. Гольстейна** 1



М. М. АНТОКОЛЬСКІЙ, ЕГО ЖИЗНЬ И ЕГО ТВОРЕНІЯ.

(Род. въ 1842 г.; умеръ 26 іюня 1902 г.).

Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій—одинъ изъ тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые своимъ необычайнымъ талантомъ, оригинальнымъ умомъ и настойчивостью характера достигли всемірной славы, и справедливо будутъ пользоваться этой славой всегда. Онъ принадлежитъ къ числу талантовъ-самородковъ, которые рождаются при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ и прокладываютъ свой путь сквозь терніи, только благодаря изъ ряда вонъ выходящимъ личнымъ качествамъ. Вотъ отчего біографія этого выдающагося человѣка и высоко-даровитаго художника одна изъ самыхъ интересныхъ. Жизнь его полна фактовъ въ высшей степени поучительныхъ,—фактовъ, которые проливаютъ свѣтъ на нѣкоторые вопросы, касающіеся условій развитія таланта вообще. Такъ, споконъ вѣка установился взглядъ на то, что евреи, способные къ искусствамъ, поэзіи и музыкѣ, неспособны къ изобразительнымъ искусствамъ, живописи и скульптурѣ, въ особенности къ послѣдней. Дѣйствительно, по разнымъ причинамъ, а также потому, что еврейская религія запрещаетъ дѣлать скульптурныя изображенія, искусство это не развилось у евреевъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы эта способность совершенно отсутствовала у евреевъ. Причины, мѣшающія развиваться искусству, могутъ исчезнуть, а религія не всегда была единственнымъ двигателемъ и объектомъ искусства, какъ это мы видимъ во фламандскомъ и въ голландскомъ искусствѣ. И вотъ появляется первый скульпторъ-еврей Антокольскій, и этотъ примѣръ достаточенъ, чтобы разрушить всю легенду о неспособности евреевъ къ скульптурѣ. Сейчасъ послѣ него является цѣлая плеяда молодыхъ евреевъ, которые занимаются скульптурой съ такимъ же успѣхомъ, какъ и другими искусствами. Это доказалъ русскій отдѣлъ на всемірной выставкѣ, на которой число еврейскихъ скульпторовъ, получившихъ награду, было весьма значительно. Второй поучительный фактъ это то, что М. М., вышедшій изъ очень бѣдной, религіозной еврейской семьи и никогда не порывавшій со своими сородичами близкихъ отношеній, однако всю жизнь творилъ и рабо-

талъ въ русскомъ духѣ, исторически вѣрно изображалъ русскихъ героевъ и царей. А этому способствовало то, что онъ попалъ въ такое время, когда въ искусствѣ и въ наукѣ не дѣлалось различія между національностями, и что среда хорошихъ русскихъ людей приблизила М. М. къ себѣ и отнеслась къ нему какъ къ таланту, а не какъ къ чужому человѣку другой вѣры и другой расы. Впрочемъ, о вліяніи 60-хъ годовъ на талантъ М. М. я скажу послѣ, когда буду говорить о его работахъ, а пока сообщу нѣсколько біографическихъ свѣдѣній.

М. М. не любилъ говорить о своемъ дѣтствѣ, которое было безотрадно и печально. В. В. Стасову онъ писалъ въ 1898 году: «Въ дѣтствѣ я не былъ балованъ никѣмъ. Я былъ нелюбимый ребенокъ. Мнѣ доставалось отъ всѣхъ; кто хотѣлъ, билъ меня, даже прислуга, а ласкать меня никто не ласкалъ». Неудивительно, что такое дѣтство непріятно ему было вспоминать. Только о матери свой онъ часто говорилъ; онъ обожалъ ее за ея доброту, за ея свѣтлый, живой умъ. Въ 1899 г. М. М. диктовалъ мнѣ краткій конспектъ своей біографіи; вотъ что я тогда записалъ: «Родился я въ 1843 году въ городѣ Вильнѣ, среди очень небогатой семьи; насъ было семеро. Я былъ нелюбимцемъ родителей и исправлялъ въ семействѣ должность рабочей лошади. Понятія о художествѣ въ то время въ городѣ Вильнѣ, а тѣмъ болѣе въ нашемъ семействѣ, были самыя ограниченныя; тѣмъ не менѣе страсть къ искусству появилась у меня съ самаго ранняго возраста. За неимѣніемъ днемъ свободнаго времени я рисовалъ только по ночамъ и за работою такъ бывало засыпалъ. Чтобы доставать бумагу и карандашъ, я взамѣнъ отдавалъ свой завтракъ и обѣдъ. Моя страсть не была понятна родителямъ, и они не только ее не поощряли, но жестоко преслѣдовали ее. Я былъ отданъ въ ученіе къ самымъ прозаическимъ ремесленникамъ, ничего общаго не имѣвшимъ съ художествомъ. Я не могъ долго оставаться: у однихъ хворалъ, а отъ другихъ бѣжалъ. Наконецъ, былъ отданъ рѣзчику, будто болѣе подходящее ремесло по моему внутреннему стремленію. Но и это меня не удовлетворяло; втайнѣ отъ всѣхъ продолжалъ по ночамъ любимое мое занятіе—рисовать». Объ этомъ рисованіи разсказывала мнѣ его любимая сестра Эстеръ: «Маркъ еще маленькимъ мальчикомъ имѣлъ страсть къ рисованію. По цѣлымъ днямъ бывало онъ рисовалъ на столахъ и стѣнахъ и иногда изображалъ на стѣнѣ въ натуральную величину цѣлую фигуру и сцены. У насъ была харчевня. Внизу мы торговали, а наверху у насъ была комната для посѣтителей. Гости бывало нарочно приходили смотрѣть рисунки Марка и удивлялись его мастерству. Конечно, родители не знали и не понимали его влеченія къ рисованію; они отдали его сперва къ позументщику, а потомъ къ рѣзчику по дереву. Впослѣдствіи, когда Маркъ поступилъ въ академію, онъ лѣтомъ пріѣзжалъ къ намъ. У него была своя комната на чердакѣ, и тамъ онъ работалъ изъ дерева и изъ слоновой

кости». Рѣзчикъ Стеселькраутъ, у котораго М. М. былъ въ ученіи почти три года, еще теперь имѣетъ свой магазинъ рамъ и картинъ въ Вильнѣ. Вотъ что онъ мнѣ разсказалъ: «М. М. былъ мальчикъ очень добраго и тихаго нрава. Я его полюбилъ за его прилежаніе. Способности у него были огромныя, и онъ страшно увлекался работой. Не забуду я, какъ разъ, поднимаясь въ свою мастерскую, я наткнулся на слѣдующую сцену. Ученикъ мой М. М. держитъ въ рукахъ деревянную рамку, имъ только что оконченную, держитъ ее на манеръ того, какъ держатъ тору въ синагогѣ. Торжественно съ этой рамкой ходитъ онъ по комнатѣ и напѣваетъ псалмы; такъ онъ былъ доволенъ удачной работой. Послѣ меня онъ работалъ у другого мастера, Джимодра, у котораго получалъ хорошее жалованье. У него онъ работалъ иконостасы для церквей, и для этой цѣли ему часто приходилось разъѣзжать по другимъ городамъ. Тамъ онъ познакомился съ религіозной живописью и скульптурой».

М. М. въ своей автобіографіи, напечатанной въ 1887 г. въ «Вѣстникѣ Европы» описываетъ подробно свое положеніе въ Вильнѣ. «Жизнь дома не удовлетворяла меня. Моей завѣтной мечтой было—ѣхать куда-нибудь учиться. Родители и слышать не хотѣли; мечты мои они называли бредомъ, который нужно изъ головы выкинуть. Они хотѣли видѣть своего сына во время пристроеннымъ, какъ Богъ и добрые люди велятъ». Но не такъ думалъ и не о томъ мечталъ молодой талантъ. Внутреннее чувство тянуло его куда то впередъ. Притомъ разсказы его друга-идеалиста, какого то землемѣра, объ искусствѣ, о высшихъ задачахъ жизни совершенно вскружили ему голову и сдѣлали для него невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе дома. И вотъ «свѣтъ не безъ добрыхъ людей», пишетъ М. М. «Много пришлось мнѣ пережить, но безъ этихъ добрыхъ людей я бы совсѣмъ не пережилъ. Первая среди нихъ была А. А. Назимова, жена бывшаго виленскаго генералъ-губернатора. Ей понравились первыя мои работы: это было копія, голова Христа и Божья Матерь изъ дерева. Она дала мнѣ письмо въ Петербургѣ къ баронессѣ Радэнъ, а та рекомендовала меня профессору Пименову». Живо и талантливо описываетъ М. М. свой отъѣздъ въ Петербургъ и свое поступленіе въ академію. Искренностью и правдивостью дышитъ его разсказъ о томъ, что онъ тогда пережилъ. Пріѣхалъ онъ (ему былъ тогда 21-й годъ) въ чужой ему Петербургъ совершенно безъ средствъ къ существованію но жажда ученія заглушала въ немъ чувство одиночества и бѣдноты. Со страшнымъ трудомъ ему удается поступить въ академію, о которой онъ столько мечталъ. Онъ ожидаетъ получить въ академіи ту духовную пищу, достигнуть тѣхъ идеаловъ, о которыхъ ему разсказывалъ пріятель въ Вильнѣ, но скоро ему приходится разочароваться. Въ академіи тогда царила мертвящая рутина и застой. Профессора были всѣ старые, очень добрые, почтенные, у каждаго изъ нихъ была своя прошедшая

заслуга, но «они всѣ уже были утомлены, добродушіе ихъ превратилось въ апатію, свойственную старости, когда наступаетъ время думать о превратностяхъ міра. Мы были для профессоровъ чужіе, какъ и они для насъ; ихъ мастерскія были для насъ закрыты, ихъ работы не были видны на выставкахъ; однимъ словомъ, мы блуждали безъ руководителей. Единственные люди, которые и по таланту и по участію къ молодежи внушали къ себѣ уваженіе и любовь, это были Пименовъ и Реймерсъ. Но оба они скоро умерли, и въ академіи какъ будто никого не стало. И вотъ, по странному стеченію обстоятельствъ, въ то время, какъ въ самомъ храмѣ искусства царствуетъ апатія, лѣнь и отжившая традиція, внѣ его зарождается нѣчто особенное, живое: цѣлая плеяда молодыхъ, высоко-даровитыхъ людей ищетъ ученія и жаждетъ живого свѣтлаго слова. Понятно, почему эти молодые люди, не находя у профессоровъ отвѣта на мучившіе ихъ вопросы, сплотились, вмѣстѣ стали работать, учиться другъ у друга и сблизились такъ, какъ могутъ сблизиться люди, которые стремятся къ одной и той же духовной цѣли и любятъ одно и то же дѣло. Въ особенности М. М. близко сошелся съ И. Е. Рѣпинымъ; вмѣстѣ они жили, вмѣстѣ развивались. Это былъ лучшій его другъ; товарищи собирались, спорили, говорили объ искусствѣ. Жажда знанія была у всѣхъ огромная. Общій потокъ стремленій шестидесятыхъ годовъ увлекъ и этихъ воодушевленныхъ любовью къ искусству людей, и они стали слѣдить за наукой и литературой, желая выяснить вопросы искусства. Къ сожалѣнію тогда существовали крайніе взгляды на искусство подъ вліяніемъ Чернышевскаго, Добролюбова и др., крайность, вызванная пробужденіемъ искусства отъ долгаго сна. «Мы сознавали, что мы стоимъ не на твердой почвѣ, что намъ нечѣмъ защищать то, что мы такъ любимъ, что насъ такъ сильно влечетъ къ себѣ. И мы бросились искать знаніе, сами не зная, гдѣ его найти: искали въ книгахъ, читали все, что только тогда было въ переводѣ на русскомъ языкѣ, читали безъ разбора и безъ системы». Словомъ, этимъ молодымъ пришельцамъ въ академію пришлось самимъ искать и создавать то, что ни въ академіи, ни въ обществѣ не было для искусства подготовлено. Но вскорѣ пришла и помощь. Ученый идеалистъ М. В. Праховъ своими бесѣдами объ искусствѣ страшно заинтересовалъ Рѣпина и Антокольскаго. Они увлекались его лекціями и любили его за его безкорыстіе и сердечность. Еще больше вынесли они отъ знакомства съ умнымъ, развитымъ художникомъ Крамскимъ и всестороннее образованнымъ, талантливымъ критикомъ В. В. Стасовымъ. «Такъ пріобрѣлъ я столько знакомыхъ, столько добрыхъ, простыхъ и искреннихъ друзей, что въ ихъ духовной средѣ я чувствовалъ, что я духовно обогащаюсь, что горизонтъ мой расширяется».

«Жизнь кипѣла горячимъ ключемъ», пишетъ А. К. Савицкій въ своихъ воспоминаніяхъ о М. М. Антокольскомъ. «Непреодолимо было стремленіе къ самодѣятельности. Мы радовались проявленію оригиналь-

ности и самобытности замысловъ и съ еще большимъ восторгомъ и ликованіемъ такихъ сверстниковъ, товарищей по искусству, когда работы ихъ имѣли успѣхъ или поощрялись академіей. Это бодрило насъ; мы внутренно сознавали, что «наша беретъ». Кумиръ академіи мало-по-малу блѣднѣетъ. Такому увлеченію нельзя было ограничиться работами только въ академіи; каждый изъ насъ, бывшихъ учениковъ, писалъ самостоятельно картины и выставлялъ.

«Теперь я не былъ уже прежнимъ юношей», пишетъ М. М., «блуждающимъ по ночамъ по набережной и умоляющимъ звѣзды вразумить его, сказать ему, что такое искусство, научить куда и какъ идти. Теперь я зналъ себя, зналъ свою дорогу. Сталъ я понимать, что въ искусствѣ есть двоякая красота, физическая и душевная; насколько первая принадлежитъ къ декоративному искусству, настолько вторая свойственна духовной; понялъ, что между душевной красотой и добромъ есть близкое родство, сталъ смотрѣть на античное искусство болѣе сознательно, любовался его величавымъ спокойствіемъ, простотой, пластической шириной, однимъ словомъ, всѣмъ его внѣшнимъ совершенствомъ. Но я любовался всѣмъ этимъ только глазами; я не могъ испытывать того духовнаго наслажденья, которое греки испытывали, и не могъ просто потому, что это были ихъ идеалы, ихъ боги, а не мои». Это быстрое умственное развитіе принесло свои плоды, и на работахъ уже отражается зрѣлость и болѣе сознательное отношеніе къ задачамъ своимъ. Въ это время М. М. работаетъ сцены изъ еврейской жизни, которая была ему столь близка и знакома. Какъ растеніе, геніальный и глубокій талантъ питается соками той почвы, на которой онъ выросъ. Онъ вырѣзалъ изъ дерева еврея—«портного» и изъ слоновой кости еврея «скупого», а затѣмъ цѣлую композицію: «споръ о талмудѣ». Въ этихъ работахъ чувствуется тонкая наблюдательность, правдивость и чрезвычайно талантливая передача быта евреевъ. Но скоро М. М. не удовлетворяется однимъ жанромъ: его талантъ склоненъ къ болѣе идейнымъ сюжетамъ, и онъ приступаетъ къ исполненію эскиза: «нападеніе инквизиціи на евреевъ». «Въ этомъ эскизѣ мнѣ хотѣлось вывести цѣлый рядъ еврейскихъ типовъ, выработанныхъ историческимъ ходомъ событій, но главное, это показать въ скульптурѣ по своему, до сихъ поръ еще небывалымъ образомъ». Стасовъ, описывая эту вещь, говоритъ: «Эта сцена, эти выраженія, эти народные и племенные характеры и типы, эти разнообразныя душевныя движенія, то высокія, то низкія, то великодушныя и широкія, то дрянныя и мелкія, образовали одну изъ капитальнѣйшихъ страницъ еврейской исторіи, переданную въ совершенно новыхъ формахъ искусствомъ, въ продолженіи столѣтій трусливымъ и отсталымъ, а теперь смѣлымъ и ступающимъ на новые пути». А эти новые пути были такъ смѣлы и оригинальны, что академическіе профессора не на шутку разсердились на смѣлаго новатора. Изъ за этой «Инквизиціи» М. М. чуть не былъ прогнанъ изъ академіи. Дѣйствительно, какъ имъ не

возмущаться? Въ «Инквизиціи» М. М. отступилъ отъ всѣхъ правилъ барельефнаго искусства, да еще ввелъ новый элементъ: искусственное освѣщеніе. Но товарищи и истинные знатоки привѣтствовали М. М. и радовались его успѣху. Этой работой заканчивается періодъ его работы на еврейскія темы, и хотя впослѣдствіи М. М. еще задумываетъ сюжеты изъ еврейской жизни, дѣлаетъ эскизы изъ еврейской исторіи: Моисея, Вѣчнаго жида, Ревекку, однако къ ихъ исполненію онъ не возвращается. Лишь за годъ до смерти своей онъ опять возвратился къ «Инквизиціи».

Послѣ первой своей «Инквизиціи» у М. М. является въ творчествѣ перерывъ: это время для него было очень тяжелое. Его неопредѣленное положеніе въ академіи очень его безпокоило: какъ вольнослушающій онъ не могъ пользоваться правами при окончаніи академіи. Кромѣ того матеріальное положеніе было незавидное. «Судьба не баловала художника», писалъ А. К. Савицкій, «такъ какъ рядомъ съ большимъ подъемомъ душевнаго настроенія, подъ вліяніемъ того, что его работа всѣмъ нравится, возбуждаетъ всеобщій интересъ, Антокольскій страшно перебивался, нуждаясь въ каждомъ рублѣ». И вотъ М. М. думаетъ попытать счастье въ другой академіи; и онъ ѣдетъ въ Берлинъ, но оттуда скоро возвращается еще болѣе печальный и разочарованный. Тогда берлинская академія по своей отсталости ни чѣмъ не отличалась отъ петербургской. Лишенія и внутреннія сомнѣнія въ это время такъ дѣйствуютъ на М. М. Антокольскаго, что онъ падаетъ духомъ, и кажется ему, что и товарищи стали къ нему иначе относится. Однако это состояніе продолжается у него недолго. Онъ много читаетъ, изучаетъ исторію и замышляетъ новую крупную работу. Работа эта опредѣляетъ сразу его талантъ и рѣшаетъ его судьбу: онъ вылѣпилъ статую Ивана Грознаго. Но какъ это случилось, что М. М., работавшій на темы еврейскія, вдругъ поворачиваетъ на русскую исторію, исполняетъ историческую статую такъ, какъ до сихъ поръ никто изъ русскихъ художниковъ не дѣлалъ? Мы видимъ, что въ Вильнѣ, когда онъ еще только началъ работать, единственными образцами искусства для него были иконостасы, и онъ копируетъ вещи религіознаго содержанія. Поступивъ въ академію и получивъ тамъ технику, онъ почувствовалъ потребность творить и сталъ черпать свои сюжеты изъ жизни евреевъ, жизни наиболѣе ему близкой и извѣстной. Но по натурѣ своей М. М. не былъ жанристомъ: развиваясь, онъ сталъ стремится къ общимъ идеямъ, къ исторіи. Въ Петербургѣ, какъ онъ самъ пишетъ, подъ вліяніемъ высоко-образованныхъ людей, онъ духовно обогащается и его горизонтъ расширяется. Его «Инквизиція» задача широкая и глубокая. Въ средѣ даровитыхъ товарищей онъ изучаетъ русскую литературу, русскую старину. Жизнь русскихъ начинаетъ его глубоко интересовать и онъ проникается ею. Всему этому помогаетъ то сердечное отношеніе, которое проявляло къ нему тогдашнее общество: не только не дѣлали различія между нимъ—евреемъ и товари-

щами его, но всѣ смотрѣли съ особеннымъ участіемъ на него, приближали его къ себѣ и отнюдь не давали ему чувствовать, что его происхожденіе чѣмъ то отличаетъ его отъ всего окружающаго. Вообще въ то время русскіе люди сознавали важность для родины полнаго объединенія людей на почвѣ правды и справедливости. Слѣдствіемъ этого объединенія было то, что всѣ образованные люди безъ различія вѣры и происхожденія дружно работали, стремясь къ прогрессу. Разительный примѣръ такого сближенія представляетъ М. М.: онъ всѣмъ сердцемъ полюбилъ тѣхъ, которые его приласкали и которые его просвѣтили. Онъ изучаетъ исторію русскаго народа, которому онъ посвящаетъ свой талантъ. Словомъ, онъ дѣлается русскимъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова.

М. М. останавливается на двухъ противоположныхъ типахъ русской государственности: на Иванѣ Грозномъ и Петрѣ. «Мнѣ хотѣлось олицетворить двѣ совершенно противоположныя черты русской исторіи», пишетъ онъ. «Мнѣ казалось, что эти столь чуждые одинъ другому образы въ исторіи дополняютъ другъ друга и составляютъ нѣчто цѣльное. Я бросился изучать ихъ по книгамъ». Онъ начиналъ съ Ивана Грознаго. Въ то время типъ этого загадочнаго царя страшно занималъ русскихъ художниковъ. Зачитывались произведеніями графа Алексѣя Толстого, изображающаго Ивана Грознаго; интересовались рисунками Шварца на ту же тему. Но Антокольскій совершенно своеобразно представилъ типъ этого царя. И по идеѣ и по исполненію ничего подобнаго не было еще создано въ скульптурѣ не только у насъ, но и въ Европѣ. Это была первая оригинальная русская статуя. До этого въ скульптурѣ царствовало вліяніе классицизма и итальянскаго искусства XVII в.; сюжеты изъ русской исторіи совершенно игнорировались скульпторами, по долгу жившими въ Римѣ, или исполнялись по образцамъ классическихъ. Статуя Антокольскаго была сдѣлана непосредственно, безъ всякаго вліянія какой-бы то ни было школы, и въ этомъ отношеніи Антокольскій сказалъ новое слово въ скульптурѣ.

Несмотря на то, что скульптура въ Россіи стояла тогда на очень низкой ступени и чужда было пониманію толпы, появленіе статуи Ивана Грознаго было событіемъ для всѣхъ въ Петербургѣ. Мастерская М. М. осаждалась народомъ. Государь императоръ Александръ II самъ поднялся на четвертый этажъ академіи, чтобы посмотрѣть статую и ее одобрилъ. В. В. Стасовъ привѣтствовалъ появленіе этой статуи словами: «Это безспорно примѣчательнѣйшее созданіе русской скульптуры. Подобной силы и глубины выраженія, подобной реальности и правды не представляло еще до сихъ поръ отечественное ваяніе». Почти одновременно писалъ Тургеневъ: «По силѣ замысла, по мастерству и красотѣ исполненія, по глубокому проникновенію въ историческое значеніе и въ самую душу лица, изображаемаго художникомъ, статуя эта рѣшительно превосходитъ все, что являлось у насъ до сихъ поръ въ этомъ родѣ». Успѣхъ былъ огромный. Академія вопреки всѣмъ

правиламъ присудила ему званіе академика. «Я заснулъ бѣднымъ и всталъ богатымъ», пишетъ М. М. Антокольскій въ своей автобіографіи. «Вчера былъ неизвѣстнымъ, сегодня сталъ моднымъ, знаменитымъ». Однако это торжество стоило ему дорого: вкладывая въ эту работу всю свою душу, онъ слишкомъ не пожалѣлъ своего тѣла. Здоровье его настолько пошатнулось, что С. П. Боткинъ нашелъ его состояніе опаснымъ и велѣлъ ему немедленно уѣхать въ Италію. Не замѣтилъ онъ также, что работа поглотила всѣ его средства, и онъ остался безъ гроша. Еще незадолго до того онъ отказался отъ стипендіи, которую онъ съ самаго пріѣзда въ Петербургъ получалъ отъ барона Гинцбурга, извѣстнаго филантропа, помогшаго не одной сотнѣ молодыхъ людей выбраться на свѣтъ. Онъ былъ упоенъ успѣхомъ и ни слабаго здоровья ни бѣдности своей не замѣчалъ. И только когда доктора его напугали, а товарищи сами предложили ему нѣсколько десятковъ рублей, онъ точно очнулся отъ глубокаго сна и сталъ думать о себѣ, о своемъ здоровьѣ. Къ счастью императоръ Александръ II заказалъ статую Ивана Грознаго въ бронзѣ, а великая княгиня Марія Николаевна заказала повтореніе «Инквизиціи» въ терракоттѣ. Онъ скоро собрался и уѣхалъ въ Италію. Уѣхалъ онъ не одинъ, а взялъ меня съ собой. За восемь мѣсяцевъ до того времени, о которомъ пишу, М. М., съѣздивъ на короткое время въ Вильну, увидѣлъ тамъ мои первые опыты въ скульптурѣ. Показалось ему, что у меня есть способности къ лѣпкѣ, и онъ взялъ меня, незнакомаго ему мальчика, въ Петербургъ. Тогда онъ только что началъ «Ивана Грознаго». Онъ былъ страшно озабоченъ этой работой и очень нуждался въ деньгахъ. Но несмотря на это онъ помѣстилъ меня у себя, въ своей небольшой комнатѣ и дѣлилъ со мной послѣдніе свои гроши. Я привязался къ нему, какъ только можно привязаться къ человѣку, который дѣлаетъ добро во имя любви къ ближнему. Все, что тогда происходило у него и вокругъ него, меня интересовало, и его радости и печали отражались и на мнѣ. Я тогда былъ свидѣтелемъ его духовнаго подъема. Онъ вѣрилъ въ людей, любилъ всѣхъ, платя имъ за то добро, которое они ему дѣлали. Уѣхалъ онъ, съ сожалѣніемъ оставивъ лучшихъ друзей и знакомыхъ, о которыхъ онъ не переставалъ мнѣ говорить и по дорогѣ и въ Италіи. Говоря объ отношеніяхъ къ нему, онъ слова «еврей» не произносилъ и считалъ въ порядкѣ вещей, что его признаютъ за русскаго. Не думалось тогда ему, что пройдетъ десятокъ-другой лѣтъ и все перемѣнится такъ, что добрыя чувства превратятся въ озлобленіе. Взявъ меня съ собою, онъ увезъ съ собою и свидѣтеля его радостей. Впослѣдствіи я былъ свидѣтелемъ его горя.

Въ Италіи М. М. очутился въ средѣ русскихъ художниковъ и людей, сочувствующихъ ему. «Въ Римѣ,—пишетъ товарищъ его баталитисъ П. О. Ковалевскій,—Антокольскій опять сталъ жить полной художественной жизнью». Несмотря на недавній свой успѣхъ, М. М. остался тѣмъ же добрымъ пріятелемъ и доброжелательнымъ человѣ-

комъ. Черезъ годъ уже появляется новая статуя М. М. «Петръ Великій». Въ этой статуѣ М. М. проявилъ столько мощи и силы, что не вѣрилось, что это сдѣлалъ человѣкъ слабаго здоровья который годъ тому назадъ былъ докторомъ приговоренъ къ смерти. Въ «Петрѣ Великомъ» М. М. олицетворяетъ высшую активную силу и торжество воли. Это не Иванъ больной, ушедшій въ себя и обдумывающій свое печальное прошлое: Петръ устремляется впередъ. Это будущность, прогрессъ Россіи. Впослѣдствіи, черезъ большой промежутокъ въ 18 лѣтъ, М. М. сдѣлалъ подобную статую, выражающую такую же активную силу и отвагу: это Ермакъ. Съ технической стороны «Петръ Великій» выдѣляется изъ общаго уровня современной скульптуры. Въ Италіи статуя Петра произвела фуроръ, но въ Петербургѣ, гдѣ она была выставлена въ 1873 г., она не имѣла успѣха. Впослѣдствіи «Петръ», купленный государемъ, былъ поставленъ въ Петергофѣ въ Monplaisir'ѣ. Изъ русской исторіи М. М. дѣлаетъ еще четыре эскиза конныхъ статуй, проекты для моста. Изъ нихъ въ особенности замѣчательны проекты Іоанна III и Ярослава Мудраго, полные исторической правды и художественной красоты. Къ сожалѣнію, проекты эти никогда не были осуществлены; между тѣмъ это лучшія вещи въ монументальномъ искусствѣ, которыя могли бы быть украшеніемъ любой столицы Европы.

Послѣ указанныхъ работъ М. М. переходитъ къ сюжетамъ изъ всеобщей исторіи; всемірный Римъ еще болѣе развилъ въ немъ любовь къ міровымъ идеямъ. «Есть четыре степени эгоизма,—писалъ онъ мнѣ,—личный, семейный, національный и общечеловѣческій. Излишне сказать, чей эгоизмъ лучше, кто больше страдаетъ и наслаждается, чья жизнь шире и глубже. Я не могу прослѣдить самого себя, какими путями и почему складывался у меня взглядъ и любовь на общечеловѣческія идеи. Съ тѣхъ поръ какъ помню себя, я иначе не думалъ, хотя вначалѣ и по-ребячески. Я тогда разсуждалъ о томъ, что мы родились на всемъ готовомъ и что наша задача—отплатить человѣчеству чѣмъ-нибудь. Съ тѣхъ поръ и понынѣ я иду той же дорогой, и я рѣшительно не раскаиваюсь». Его «Христосъ», «Сократъ» и затѣмъ «Спиноза» выражаютъ всемірную идею неблагодарности толпы къ своимъ великимъ людямъ. «Толпа никогда не почитаетъ своихъ великихъ людей, а ихъ тиранитъ», часто говорилъ онъ. И вотъ этотъ упрекъ толпѣ онъ выражаетъ въ своихъ герояхъ, принадлежащихъ разнымъ эпохамъ человѣчества: Христосъ, связанный, стоитъ передъ тѣмъ народомъ, которому онъ ясно, свободно говорилъ о любви къ ближнему; Сократъ лежитъ отравленный ядомъ, который преподнесенъ ему неблагодарными согражданами, не понявшими его проповѣдей о любви и справедливости; Спиноза, преслѣдуемый общественнымъ мнѣніемъ, шепчетъ: «Я прохожу мимо зла человѣческаго, ибо оно мнѣ мѣшаетъ служить идеѣ Бога». По исполненію статуи эти представляютъ собой оригинальнѣйшія произведенія искусства. Нѣтъ у него условныхъ классическихъ пріемовъ,

которые тогда еще господствовали въ Италіи, М. М. трактуетъ всякій сюжетъ просто, естественно и правдиво. Рядомъ съ сюжетами историческими М. М. работаетъ вещи, выражающія общую печаль, скорбь и смиреніе. Образцомъ поэтичности и элегичности можетъ служить статуя его: «Надгробный памятникъ княжнѣ Оболенской». Въ этой статуѣ М. М. передалъ въ удивительно правдивыхъ и простыхъ формахъ печаль. Такою же поэтичностью отличаются его барельефы «Безвозвратная потеря», «Послѣдній вздохъ» и въ особенности барельефъ молодого художника, барона Гинцбурга.

Шесть лѣтъ пробылъ М. М. въ Италіи. Прекрасный климатъ, чудная природа и интимный кружокъ русскихъ благотворно дѣйствовали на его здоровье и на его настроеніе. Его художественный кругозоръ расширился благодаря изученію музеевъ и итальянскихъ древностей. Въ особенности полюбилъ онъ эпоху до-ренессанса и флорентійскую школу. Задушевность, простота этихъ эпохъ болѣе отвѣчали его поэтической натурѣ и его душевному настроенію. Изъ скульпторовъ онъ особенно полюбилъ Донателло, Лука делла Роббіа и Сансовино.

Въ 1878 г. М. М. выставляетъ всѣ свои работы на всемірной парижской выставкѣ и имѣетъ огромный успѣхъ. Онъ получаетъ высшую награду и орденъ Почетнаго Легіона. Еще за нѣсколько лѣтъ до того кенсингтонскій музей пріобрѣлъ слѣпокъ съ «Ивана Грознаго», честь, которой удостаиваются только лучшіе художники въ мірѣ. М. М., поработавъ еще въ Парижѣ два года, сдѣлалъ голову Іоанна Крестителя, Мефистофеля и нѣсколько бюстовъ. Онъ всѣ свои вещи везетъ въ Петербургъ и устраиваетъ выставку, въ 1880 г., въ своей alma mater, въ академіи. Никогда въ залахъ академіи не было столько скульптурныхъ произведеній одного и того же художника; никогда въ скульптурныхъ работахъ, выставленныхъ въ академіи, не было столько серьезности, глубокой мысли и художественнаго совершенства, какъ на этотъ разъ. Товарищи и друзья М. М. были въ восторгѣ отъ этой выставки. Они привѣтствовали талантъ, который въ короткій промежутокъ времени успѣлъ сдѣлать столько замѣчательныхъ вещей. Но не такъ поняли и не такъ думали нѣкоторыя газеты и часть публики. Съ семидесятаго года многое уже перемѣнилось. Ужъ не было того единенія и тѣхъ стремленій; отчужденность и вражда на почвѣ національной розни уже стала распространяться и Антокольскому стали ставить въ упрекъ его происхожденіе и его вѣру. Успѣхъ выставки былъ слабый. Разочарованный, съ чувствомъ горечи, М. М. уѣхалъ въ Парижъ и принялся опять за работу. Въ Италію онъ больше не вернулся, хотя часто порывался туда переселиться. Парижъ онъ не особенно любилъ. Онъ не выносилъ шума и блеска этого всемірнаго города. Кромѣ того само искусство французское было ему не по душѣ. «Есть тутъ въ искуствѣ много хорошаго и прекраснаго»—писалъ онъ мнѣ въ то время, «но есть и нѣчто такое, отъ котораго хотѣлъ бы бѣжать и бѣжать». «Я немного усталъ отъ французскаго искусства,—

писалъ онъ В. В. Стасову въ 1886 г.—Въ немъ мало глубины и очень много внѣшности. Они затрагиваютъ въ своей живописи все, но по всему они только скользятъ. Много вкуса, но мало чувства. Часто превосходное тѣло, но безъ души и смысла. Эта односторонность далеко не удовлетворяетъ меня и еще меньше ихъ скульптура. Тутъ они еще больше придерживаются старыхъ традицій; то, что дѣлалось въ прошломъ столѣтіи, дѣлается и понынѣ, и эта традиція мѣшаетъ имъ идти впередъ. Тѣ же аллегоріи, что были, та же миѳологія, та же внѣшность во всемъ». Однако, онъ считалъ французовъ геніальными по части исполненія и вкуса. Неудивительно, что М. М., не раздѣляя взгляда французовъ на искусство, уединился въ своей мастерской. Дома онъ окружаетъ себя старинными вещами, въ особенности эпохи среднихъ вѣковъ. «Я въ нихъ черпаю духъ поэтическій,—говорилъ онъ мнѣ;—онѣ помогаютъ мнѣ работать». Въ свободное время отъ работы онъ занимается коллекціонерствомъ. Парижское искусство имѣетъ мало вліянія на М. М. Онъ беретъ отъ французовъ только то, что касается техники и исполненія. «Французы спрашиваютъ, какъ сдѣлано, а не что сдѣлано,—говорилъ онъ часто.—Ихъ скульптура граціозна, красива, ласкаетъ глазъ, но не одухотворена». М. М. продолжаетъ работать все въ томъ же духѣ какъ и въ Италіи. Его новыя статуи носятъ тотъ же глубокій смыслъ какъ прежде. Всѣ онѣ полны мысли и поэзіи. Его «Спиноза» весь погруженъ въ глубокую думу; его «Несторъ» поразительно вѣрно передаетъ всю задушевность, простоту и любовь къ труду смиреннаго монаха-историка; его «Не отъ міра сего» олицетворяетъ кротость, смиреніе и всепрощеніе; его «Мефистофель» отличается отъ всѣхъ статуй подобныхъ, сдѣланныхъ другими художниками: онъ не пугаетъ своимъ внѣшнимъ, ложно придуманнымъ чертовскимъ видомъ; не глупо злорадствуетъ, какъ это принято было изображать, а какъ человѣкъ умный, зорко слѣдившій за наукой, глубоко обдумываетъ свои замыслы противъ свѣта и правды. «Сестра милосердія» реально представляетъ такъ часто встрѣчающійся типъ женскаго самопожертвованія. Всей душой, всѣмъ существомъ своимъ она предана дѣлу благотворенія и облегченія страданій. Во всѣхъ этихъ работахъ М. М. проводитъ философскую идею торжества духа и разума и борьбы противъ мрака и насилія; но борьбы не внѣшней, а внутренней, и хотя внѣшнимъ образомъ герои его побѣждены: Христосъ связанный, Сократъ отравленный, Спиноза всѣми покинутый, мученица слѣпая,—но ихъ дѣло не покорено и не умерло. И въ своей собственной жизни М. М. придерживался той же идеи: никакія непріятности, лишенія и печали не помѣшали ему заниматься своимъ до фанатизма любимымъ дѣломъ; точно все внѣшнее до него не касалось. Къ портретамъ М. М. не чувствовалъ особаго влеченія, хотя многіе его бюсты отличаются удивительнымъ сходствомъ: портретная статуя Полякова до того реальна и изумительно жизненна, что можетъ сравняться съ лучшими работами Гудона.

М. М—а приглашаютъ на всѣ европейскія выставки. Въ Вѣнѣ, Мюнхенѣ, Берлинѣ, вездѣ, гдѣ появляются его работы, онѣ имѣютъ колоссальный успѣхъ: ему присуждаютъ высшія награды, его избираютъ членомъ всѣхъ академій. Слава его упрочена во всей Европѣ. Какъ не показать родинѣ-матери своей то, чѣмъ восхищаются чужіе? Вѣдь эта всемірная слава, эта честь, которую ему оказывала Европа, все это принадлежитъ Россіи. И онъ вторично везетъ свои вещи въ Петербургъ. На этотъ разъ у него вещи болѣе близкія русскому сердцу: «Несторъ», «Ермакъ», «Ярославъ Мудрый» и др. Забылъ М. М. свой неуспѣхъ восьмидесятаго года. Въ Парижѣ, вдали отъ русской жизни онъ не зналъ, что то, что въ восьмидесятомъ году только насаждалось, въ 1893 году уже выросло и расцвѣло. Проповѣдники національной розни усилились, выставку М. М—а часть печати встрѣтила бранью и порицаніемъ. Газеты извѣстнаго ужъ тогда лагеря обрушились на Антокольскаго и ругали его какъ преступника, точно онъ своими статуями, своей дѣятельностью вредилъ Россіи. Любимый публикой фельетонистъ наиболѣе распространенной газеты безъ стѣсненія писалъ, что случайно удалось бездарному жиду сдѣлать статую Ивана Грознаго и что Антокольскій всякими пройдошескими пріемами достигъ извѣстности въ Европѣ. Время уже было такое, что истинно просвѣщенные люди не имѣли храбрости и силы возстать противъ всѣхъ замысловъ этого новаго лагеря. Одинъ только В. В. Стасовъ какъ богатырь грудью защищалъ ни въ чемъ неповиннаго художника. Одинъ онъ воевалъ съ цѣлымъ роемъ комаровъ. Но одинъ въ полѣ не воинъ. Какъ разъ въ это время появилась въ одномъ изъ карикатурныхъ журналовъ слѣдующая карикатура: Антокольскій, облитый помоями, удаляется, а Стасовъ, Баярдъ въ рыцарскомъ одѣяніи, вонзаетъ пику въ грудь врага. Состояніе Антокольскаго было ужасное. Это видно изъ того письма, которое онъ помѣстилъ въ «Новостяхъ» 10-го апрѣля 1893 г. Это письмо до такой степени характеризируетъ то время и положеніе Антокольскаго въ Россіи, что я считаю необходимымъ тутъ привести. Называется письмо «Послѣ выставки».

«По поводу шума, поднятаго извѣстной газетой изъ-за моей выставки, мнѣ вспоминается одинъ эпизодъ, когда-то слышанный мною въ дѣтствѣ: однажды кому-то приснилось, что воры взломили дверь; со сна онъ закричалъ: «воры»! Всѣ домашніе вскочили на ноги и начали кричать: «воры! гдѣ воры?» Посыпались удары. Кто кричалъ, что воры его бьютъ, кто—что онъ крѣпко держитъ вора... и пошла свалка, шумъ и гамъ. Услышали сосѣди и начали стучать въ закрытыя ставни. Суматоха еще больше увеличилась .. Наконецъ, кто-то догадался зажечь огонь, и зрителямъ представилась траги-комическая сцена: всѣ стояли въ ночныхъ костюмахъ, уцѣпившись другъ за друга, а воръ?—вора, конечно, вовсе не было...

«Не происходитъ ли что либо въ этомъ же родѣ и у насъ теперь,

только въ колоссальныхъ размѣрахъ?.. Поймали вора! Причина всѣхъ бѣдъ... Ну, и—ату его!.. Кого? Меня. Да я то въ чемъ виноватъ?

«Что я дурного сдѣлалъ кому-либо? Отнимаю ли у кого хлѣбъ, срамлю ли честь русскаго художества?..

«Первый, кто подалъ мнѣ руку помощи, былъ русскій... Товарищи и друзья какъ въ академіи, такъ и внѣ ея были русскіе... Создала мнѣ извѣстность и спасла жизнь—также русская. Чувствовалъ ли я тогда и давали-ль мнѣ чувствовать, что—еврей?! Нисколько!.. Мы всѣ были воодушевлены одною мыслью, всѣ стремились къ одной цѣли—любить свою родину и будить въ ней чувство добра. Съ этимъ чувствомъ уѣхалъ за границу; оно поддерживало меня многіе годы, и если на моихъ произведеніяхъ не отразилась та горечь, которую за послѣднее время мнѣ приходилось глотать въ столь большихъ дозахъ и такъ часто, то опять благодаря тѣмъ же добрымъ людямъ, тѣмъ же русскимъ, внушившимъ мнѣ то же, что и Спиноза: «проходить мимо человѣческаго зла, потому что оно мѣшаетъ служить идеѣ Бога».

«Съ тѣхъ поръ прошло ровно двадцать лѣтъ... И Боже, какая перемѣна! Вмѣсто единства—разъединеніе, вмѣсто мира—ссоры, вмѣсто любви къ ближнему—какое-то тупое, слѣпое озлобленіе.

«Я далекъ отъ полемики; она ни къ чему не ведетъ; мы и безъ того пресыщены желчью; наши нервы раздражены; мы готовы видѣть врага даже тамъ, гдѣ его вовсе нѣтъ... Мои «Сократъ», «Христосъ», «Спиноза», «Христіанская мученица», «Несторъ», «Послѣдній вздохъ» не несутъ съ собой ни ссоры, ни вражды, а Рах (что и начертано на табличкѣ въ рукахъ «Не отъ міра сего»), Рах, который такъ близокъ и родственъ добру и красотѣ...

«Дурно ли, хорошо ли, все-таки, надъ этими произведеніями я работалъ двадцать пять лѣтъ. Я отдалъ имъ лучшіе годы моей жизни. Но при какихъ обстоятельствахъ и въ какомъ душевномъ настроеніи я работалъ ихъ въ послѣдніе годы?.. Въ то время, когда гнулось желѣзо для «Ермака», когда я лѣпилъ «Нестора»—шелъ погромъ за погромомъ, и, вмѣсто обязательнаго въ подобныхъ случаяхъ со стороны каждаго просвѣщеннаго человѣка сочувствія, мои родные и братья встрѣчали одни лишь глумленія... Горькая чаша не миновала и меня.

«Я бросилъ читать газеты, сталъ избѣгать разговоровъ, заперся у себя въ мастерской; но и тамъ мнѣ было не легче... Мнѣ казалось, что я не хорошо поступаю, не то дѣлаю... Я чувствовалъ себя въ роли Риголетто,—пѣлъ, когда хотѣлось плакать. Писалъ къ друзьямъ—молчаніе; умолялъ заступиться, сказать свое авторитетное слово—отвѣта не было!..

«Но вѣра моя была сильна, сильнѣе моихъ терзаній. Я вѣрилъ и до сихъ поръ всей силой своей души вѣрю въ справедливое и доброе чувство русскаго народа. Я вѣрилъ, что причина всѣхъ столь печальныхъ и жестокихъ явленій—не въ тѣхъ русскихъ, которыхъ зналъ и знаю, а въ какихъ-то новыхъ, ненормальныхъ, чуждыхъ намъ прежде элементахъ, которые умѣютъ гнуться по направленію случайнаго вѣтра..

«И вотъ, наконецъ, мои работы за послѣднія 12 лѣтъ явились передъ судомъ русской публики. Я не могу пожаловаться на недостатокъ сочувствія; напротивъ, оказанное мнѣ сочувствіе превзошло всѣ мои ожиданія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ извѣстнаго лагеря съ озлобленіемъ обрушились на меня: ату его!.. И все это за то, что я еврей!

«Но развѣ я виноватъ въ томъ, что я еврей? И что дурного въ томъ, что я—еврей! Развѣ мои произведенія не доказываютъ, что я люблю Россію тысячу тысячъ разъ больше, чѣмъ тѣ, которые меня гонятъ только за то, что я еврей?! Развѣ все то, что я пережилъ, прочувствовалъ, всѣ мои радости и печали, все, что вложено въ мои произведенія, не отъ Россіи и не для Россіи?! Развѣ пріобрѣтенное мною имя не принадлежитъ Россіи? Развѣ почести и награды, которыми удостоили меня разныя академіи, были даны мнѣ, не какъ русскому?

«Я не взялся бы за перо, если бы всѣ эти инсинуаціи и клеветы только касались меня... Меня очень мало затрагиваютъ—мой мраморъ отъ этого не почернѣетъ, а волосы мои и безъ того уже бѣлѣютъ. Отъ людей, которые печатно глумятся и ругаются площадными словами,—просто сторонятся... Повторяю, не они меня интересуютъ, а почва, почва, на которой они живутъ и плодятся, публика, для которой они пишутъ и за которую они даже думаютъ...

«Вотъ почему я и позволю себѣ сказать слѣдующее:

«Многіе годы уже люди извѣстнаго лагеря издѣваются надъ моими работами, глумятся надо мной, надъ моимъ племенемъ, клевещутъ и обвиняютъ меня при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ въ разныхъ небылицахъ: я «нахалъ», «трусъ», «пролаза», «гордецъ», «рекламистъ», «шантажистъ», «получаю заказы нечистыми путями», «получаю почетныя награды, благодаря жидовскимъ банкирамъ», и т. д., и т. д... И при этомъ не замѣчаютъ, что, обвиняя меня, обвиняютъ шесть академій разныхъ странъ, членомъ которыхъ я имѣю честь состоять, и жюри двухъ международныхъ выставокъ, почтившихъ меня наградами».

Но въ Парижѣ, какъ бы въ догонку, посыпались на него еще новые удары и неудачи. При разборкѣ вещей съ выставки сломали его любимую статую «Не отъ міра сего». Можно себѣ представить, какъ извѣстіе это его поразило. «Положимъ, эта работа куплена», пишетъ онъ, но кто меня вознаградитъ за мою душу, которую я вложилъ въ эту статую». Къ его пущему огорченію Третьяковъ, которому принадлежала эта статуя, ни за что не согласился, чтобы Антокольскій сдѣлалъ новую и настаивалъ на томъ, чтобы ему отдали эту статую склеенную. Притомъ Антокольскі не имѣлъ права, по условію, ее повторить. «Не могу согласиться, чтобы это произведеніе осталось въ единственномъ видѣ въ безобразномъ видѣ», пишетъ онъ изъ Парижа. «Къ чорту съ матеріализмомъ,—говоритъ онъ въ слѣдующемъ письмѣ.—Родители пристраиваютъ своихъ дѣтей, но не продаютъ ихъ. Когда я работалъ, менѣе всего я думалъ о деньгахъ. Охотно

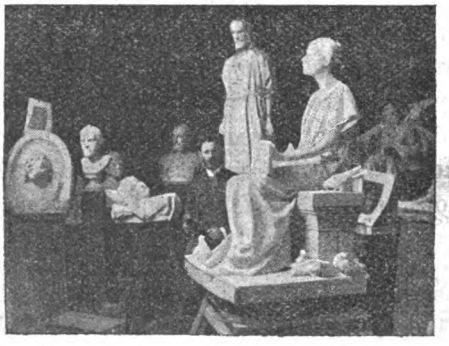
я отдамъ деньги назадъ, чтобы спасти мое произведеніе отъ вѣчнаго уродства. Отголоски петербургской печати о выставкѣ, какъ серьезная болѣзнь, еще долго давали о себѣ знать М. М. «Здѣсь никого не вижу изъ русскихъ,—пишетъ онъ сейчасъ по возвращеніи въ Парижъ;—говоря вѣрнѣе, никто изъ русскихъ не хочетъ меня видѣть. Причина ясная: здѣсь всѣ читаютъ только одну газету и не прочь вѣрить всему тому, что она на меня наговариваетъ. Кого встрѣчаю, тотъ смотритъ на меня съ недоумѣніемъ: дескать, здоровъ ли я, не съѣли ли меня въ Петербургѣ?.. Когда настанетъ всему этому конецъ?»—Но недолго продолжается у художника это состояніе; принявшись за работу, онъ всѣ обиды забываетъ, и уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, разсуждая объ искусствѣ, онъ высказываетъ въ письмѣ ко мнѣ слѣдующіе взгляды: «Развѣ искренно влюбленный спрашиваетъ себя, съ чего онъ будетъ жить? А если спрашиваетъ, то любовь его не юная, а запоздалая. Надо раньше всего не думать о послѣдствіяхъ, а начать работать, увлекаться сильно, страшно полюбить ее, бороться за нее, отстаивать со всей своей силой души, выдержать испытанія, невзгоды. Тогда только, тогда творчество будетъ плодъ твоего душевнаго состоянія; оно будетъ цѣльное, какъ выкованное изъ одного куска желѣза». Это онъ писалъ въ то время, когда его денежныя дѣла были въ очень плохомъ состояніи. Неуспѣхъ выставки 1893 г. въ Петербургѣ сильно отражался на его матеріальномъ положеніи: изъ Россіи стали меньше къ нему обращаться съ заказами. Въ это время опять выплываетъ наружу вопросъ о постановкѣ конныхъ статуй на мосту. Правительство не прочь заказать эти статуи Антокольскому, но нашлись доброжелательные люди, которые вмѣшались въ это дѣло и разстроили этотъ заказъ. Еще болѣе раздражало Антокольскаго то, что за всѣ эти 25 лѣтъ ему не удалось воздвигнуть ни одного общественнаго памятника, въ то время какъ всѣ художники, и малые и незначительные, исполняли подобные заказы. Правда, со времени конкурса на памятникъ Пушкину (1876 г.), когда его оригинальнѣйшій, чудесный проектъ провалился, М. М. пересталъ участвовать въ конкурсахъ, и не потому, что онъ ихъ боялся или что зазнавался, а по принципу, по всѣмъ извѣстнымъ причинамъ, что конкурсы въ въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ, нелѣпы и не достигаютъ своей цѣли. Объ этомъ уже писалось много въ Европѣ, и негодность конкурсовъ многимъ уже доказана *). Но и неучастіе его не должно было людямъ, искренно любящимъ искусство, помѣшать обратиться къ тому скульптору, работы котораго говорятъ сами за себя. И вотъ проходитъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, М. М. видитъ, какъ вездѣ наставлены па-

*) Вопросъ о значеніи конкурсовъ, конечно, не можетъ считаться исчерпаннымъ: еще въ античномъ мірѣ они играли огромную роль въ исторіи искусства и отрицательное отношеніе къ нимъ покойнаго М. М. Антокольскаго представляется весьма субъективнымъ. За коллегіальнымъ жюри всетаки больше данныхъ для справедливаго приговора, чѣмъ при единоличномъ рѣшеніи. *Ред.*

мятники, между ними многіе плохіе, а ему ничего не поручаютъ, а скорѣе мѣшаютъ. «Мои враги,—пишетъ онъ мнѣ въ 1897 г., какъ нарывы: выдавишь ихъ въ одномъ мѣстѣ, они выскочутъ въ другомъ. А я усталъ бороться съ ними. На это уходитъ все мое здоровье, и я рѣшился разъ навсегда выяснить мое положеніе. Я вижу, что отъ меня хотятъ закрыть всѣ дороги, но безъ боя не дамъ проглотить себя. Мнѣ не предлагаютъ работы; мои работы стараются отнимать. Я закаленъ въ бою. Мнѣ всю жизнь приходится работать точно въ чужомъ станѣ. Но тѣмъ лучше: моя совѣсть спокойна, моя честь чиста. Мой мраморъ твердъ и бѣлъ; проглотить его будетъ трудно моимъ, хотя бы и многочисленнымъ врагамъ».

Въ послѣдніе годы своей жизни М. М. лѣпилъ небольшія вещи: «На перепутьи», «Ундина», «Спящая красавица» — замѣчательно граціозныя, красивыя и поэтическія вещи, которыя петербургская публика еще не видала. Мечталъ М. М. издать всѣ свои работы въ малой величинѣ. Хотѣлось ему собрать всѣ свои вещи и сдѣлать выставку передвижную по Европѣ. Но для этого надо было потратить много денегъ, времени и силы, но ни того ни другого, ни третьяго уже у него не хватало. Незадолго до своей смерти М. М., задумалъ цѣлый циклъ новыхъ вещей, подъ названіемъ «Всемірная трагедія». Онъ долженъ былъ состоять изъ трехъ горельефовъ и одной группы: 1) нападеніе европейцевъ на варваровъ; 2) нападеніе язычниковъ на христіанъ; 3) нападеніе инквизиціи на евреевъ. Въ заключеніе группа «Помирились»: два врага, обнявшись, лежатъ мертвыми. Изъ этихъ вещей онъ успѣлъ только наполовину сдѣлать «Инквизицію», и заключительное слово этой трагедіи: «Помирились», онъ какъ бы самъ выразилъ преждевременной своей кончиной. Крупнѣйшія работы М. М. находятся въ музеяхъ и у частныхъ лицъ. Было бы желательно, чтобы всѣ его работы были собраны вмѣстѣ, въ одномъ помѣщеніи, и тогда еще болѣе ясенъ будетъ весь обликъ этого замѣчательнаго художника.

И. Гинцбургъ.



съ безконечными сверкающими рядами всевозможныхъ инструментовъ за зеркальными витринами...

Я «приватный» паціентъ К—а, и меня прямо проводятъ, по кратчайшей дорогѣ, въ предопераціонную, въ которой должны докончить мой «туалетъ» передъ операціей. Здѣсь я узнаю, что въ сосѣдней «асептическій» профессоръ додѣлываетъ сложную брюшную операцію. Всѣ поглощены своимъ дѣломъ и меня оставляютъ пока одного.

Я въ небольшой комнатѣ съ верхнимъ свѣтомъ, каменнымъ поломъ и выкрашенными въ сѣрую масляную краску стѣнами. Посрединѣ узкій полый столъ изъ цинка, налитый горячей водой и покрытый черными клеенчатыми подушками; полъ весь мокрый и по нему разбросаны клочки марли; вдоль одной изъ стѣнъ— длинный жестяной умывальникъ въ видѣ корыта, ярко блестятъ никелированные краны; повыше тянется мраморная полка съ мыломъ, банками, въ которыхъ мокнутъ въ сулемѣ ногтяныя щетки и т. п. Здѣсь моютъ себѣ руки передъ операціями профессоръ и его ассистенты. Въ сторонѣ, на жестяныхъ столахъ разныя снадобья и инструменты, въ углу блеститъ какой-то мѣдный цилиндръ, вдѣланный въ стѣну. Что-то шумно кипитъ на газѣ: тоже инструменты.

Въ предопераціонной очень тепло, и воздухъ пропитанъ тѣмъ особымъ запахомъ, который всегда слышется въ хирургической клиникѣ: пахнетъ смѣсью влажной отъ пара кисеи, эѳира, карболки, лизола и іодоформа; мнѣ сразу становится гадко и тошно отъ этого воздуха.

Мимо снуютъ сестры въ бѣлыхъ балахонахъ, ассистенты— тоже въ бѣломъ, съ гуттаперчевыми фартуками и въ полотняныхъ колпакахъ; то и дѣло проносятъ инструменты, перевязочные матеріалы... Гдѣ-то за стѣной съ шумомъ вырывается паръ.

Сначала мой взоръ безцѣльно блуждаетъ кругомъ, но вскорѣ его приковываетъ къ себѣ то, что происходитъ въ смежной комнатѣ. Сквозь пріотворенную дверь въ операціонной виднѣется плотная кучка бѣлыхъ фигуръ. Онѣ столпились вокругъ чего-то, чего нельзя разглядѣть, накренились впередъ всѣмъ корпусомъ и въ напряженныхъ позахъ слѣдятъ за чѣмъ-то съ глубокимъ вниманіемъ. Задніе ряды иногда приподнимаются на цыпочки и черезъ плечи товарищей стараются получше разглядѣть то, что совершается тамъ, въ центрѣ этой безмолвной группы. Яркій разсѣянный свѣтъ проникаетъ сквозь матовыя стекла потолка и освѣщаетъ этихъ людей, которые стоятъ, стоятъ такъ тихо и *неподвижно*; въ нихъ что-то неизъяснимо тягостное, почти зловѣщее. Лишь по временамъ слышется тяжелое, хриплое, словно механическое дыханіе усыпленнаго больного, раздается холодный

стальной лязгъ инструментовъ и изрѣдка долетаетъ отрывистое приказаніе профессора или какое-нибудь его объясненіе. Только тогда, когда надо пропустить сестру или служителя, которые принесли оператору тотъ или другой инструментъ, группа слегка раздвигается и можно различить наклоненную голову профессора онъ возится надъ продолговатымъ бѣлымъ предметомъ... Дверь затворяется, доносится заглушенное, однообразное металлическое позвякиваніе и тѣ же отрывистыя восклицанія... Какъ-то трудно себѣ представить, что здѣсь, въ эту минуту рѣшается вопросъ жизни или смерти человѣка.

Я присаживаюсь на табуретъ въ ожиданіи своей очереди. Въ мозгу запечатлѣваются машинально, до мельчайшихъ подробностей, впечатлѣнія, получаемыя извнѣ слухомъ и зрѣніемъ. Одновременно въ головѣ проносятся мысли о томъ, что со мною происходитъ въ настоящую минуту и что предстоитъ... Да, операція... Какъ просто и... какъ странно... Не чужая, а моя операція... Вотъ я опять въ хорошо знакомомъ и ненавистномъ мнѣ мѣстѣ... Не въ первый разъ все это переживается съ тѣхъ поръ, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ мною былъ схваченъ плевритъ, запущенный и потребовавшій вмѣшательства хирурговъ... Въ душѣ ярко встаетъ воспоминаніе этого сквернаго періода моей жизни, со всей ея грустной подноготной. Какъ ужасно тяжело было чувствовать всѣ эти годы—молодые годы—свою зависимость, закрѣпощенность у докторовъ! Только надежда сбросить это иго заставляетъ меня ложиться подъ ножъ. На великаго К—а послѣднее мое упованіе... Если мнѣ суждено исцѣленіе, то только онъ одинъ съумѣетъ закрыть упорно незаживающую, глубокую до самаго легкаго рану въ груди... Но на этотъ разъ ожиданіе особенно тошно: операція будетъ безъ общаго наркоза; мой ослабленный организмъ могъ бы и не выдержать его... Это будетъ буквально «рѣзка живьемъ», вивисекція, и навѣрное очень мучительная, хотя профессоръ и обѣщалъ сдѣлать какія-то впрыскиванія для ослабленія боли.. И въ головѣ тянутся сѣрой вереницей, одна за другой, удручающія думы... Приходится вновь убѣждаться, что только въ самой этой «операціонной» обстановкѣ непосредственно просыпается сознаніе того, что должно совершиться. До самой минуты призыва предстоящее всегда кажется дѣломъ такимъ отдаленнымъ, чужимъ. Но съ того мгновенія, когда меня позвала діаконисса этимъ запыхавшимся голосомъ, точно озаренная молніей вся программа мытарства встаетъ въ воображеніи и облекается въ живыя формы съ удвоенною же интенсивностью, когда впечатлѣнія слуха, зрѣнія и обонянія дополняютъ картину, созданную фантазіей.

Поднимается малодушное чувство: «Нѣтъ, отказаться отъ

всего, бросить, не давать себя мучить!.. Однако, это ребячество!.. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ идти на попятный дворъ въ послѣднюю минуту: къ тому же, операція не опасна для жизни». Но несмотря на эти разсужденія разума, приходится дѣлать усиліе воли и призывать на помощь свой здравый смыслъ, чтобы побороть закрадывающуюся въ сердце робость; я говорю себѣ: «Вѣдь операція должна меня исцѣлить, избавить отъ несносной тяготы; наконецъ, малодушно и смѣшно отступать, когда дѣло зашло такъ далеко! Всѣ будутъ смѣяться!» Конечно, серьезно ни на секунду не собираешься поступать такъ нелѣпо: говоритъ лишь примитивное чувство самосохраненія; совершенно подавить это чувство въ своемъ сердцѣ нельзя, какъ себя не урезонивай...

Какъ глубоко противны эти послѣднія минуты до операціи, эти послѣднія приготовленія: чистка, увязываніе на операціонный столъ... Сердце болѣзненно сжимается въ ожиданіи, подъ ложечкой томительно сосетъ: лишь бы поскорѣе!..

Спокойный голосъ произноситъ мое имя. Это—младшій ординаторъ, симпатичный, совсѣмъ еще молодой блондинъ, въ очкахъ. Онъ входитъ въ полномъ операціонномъ «парадѣ» и говоритъ мнѣ ободряющимъ тономъ:

— Мнѣ надо васъ приготовить. Будьте добры—раздѣньтесь и лягте сюда на столъ.

Я покорно стаскиваю съ себя верхнее платье и бѣлье и, оставшись въ однихъ «невыразимыхъ» и носкахъ, взлѣзаю на столъ и ложусь.

— Повернитесь чуточку на бокъ... Лѣвѣе! Поднимите руку!.. А, вы не можете?.. Сестра! Фрицъ!

Около меня вдругъ показывается служитель, мнѣ поднимаютъ руку, подкладываютъ подушки, подстилаютъ теплыя салфетки... Все дѣлается какъ по неслышной командѣ; сестра приноситъ бутыль съ эѳиромъ, подаетъ ассистенту куски марли и льетъ на нихъ эту ненавистную жидкость. Мнѣ начинаютъ чистить всю грудь и спину съ ожесточеніемъ. Я вздрагиваю—сначала эфиръ холодитъ, затѣмъ невыносимо жжетъ; но чистка идетъ своимъ чередомъ, несмотря на мои гримасы и дрыганье.

— Еще эѳиру!.. Еще!..

Эѳиръ льютъ, кисея летитъ кусокъ за кускомъ на полъ, тѣло багровѣетъ. За эѳиромъ слѣдуетъ алкоголь. Меня слегка дурманитъ и я безотвѣтно отдаюсь въ руки истязателей.

Я уже не морщусь и не вздрагиваю, но лежу на спинѣ и молча гляжу въ люкъ верхняго свѣта. Солнце свѣтитъ мнѣ прямо въ лицо во всю, и я жмурюсь отъ этихъ нестерпимыхъ лучей... Мое вниманіе поглощается всецѣло мухой, которая ползетъ по краю стекла. Муха снимается со стекла и ее замѣчаетъ ассистентъ...

Начинается ея преслѣдованіе: сестра и служитель стараются ее поймать или изгнать изъ помѣщенія—Богъ знаетъ, какую заразу она можетъ занести въ это святое святыхъ асептики!

Охота за мухой даетъ мнѣ возможность перевести духъ, и мое вниманіе вновь просыпается къ происходящему вокругъ: слышу гулъ сдержанныхъ голосовъ, шарканье многихъ ногъ и общее движеніе. Вотъ выходитъ изъ смежной комнаты одинъ изъ ассистентовъ; онъ бережно несетъ какой-то довольно большой красный комокъ на кускѣ кисеи. За нимъ высыпаютъ врачи, присутствовавшіе при операціи, только что законченной знаменитымъ профессоромъ. Проходя мимо, кое-кто изъ нихъ бросаетъ въ мою сторону равнодушный взглядъ. Я оглядываю ихъ также безучастно и прислушиваюсь къ разноязычному говору; тутъ представители всевозможныхъ національностей: кромѣ швейцарцевъ, еще нѣмцы, американцы, англичане, голландцы, французы, шведы, русскіе, итальянцы, даже японцы...

А вотъ и самъ профессоръ—маленькій человѣчекъ, съ очень прямой, изящной фигуркой, длинной шеей и плечами, какъ у бутылки шампанскаго. Ему лѣтъ подъ шестьдесятъ, онъ довольно некрасивъ и хотя черты лица правильны, впечатлѣніе,—почти невзрачности; его лицо блѣдное, болѣзненное, изборожденное глубокими морщинами на высокомъ лбу, подъ глазами и около рта, окаймленнаго щетинистыми коротко подстриженными усами и бородой желѣзно-сѣраго цвѣта. Выраженіе утомленное... Онъ пресмѣшно одѣтъ: бѣлый колпачокъ, не то поварской, не то ермолка, желтый резиновый балахонъ, спускающійся отъ подбородка до пола, и сверху какая-то батистовая ночная кофточка до колѣнъ. Если бы не борода—точь-въ-точь католическій ксенздъ въ стулѣ и орнатѣ. Рукава кофточки слегка завернуты, и онъ стаскиваетъ на ходу окровавленныя нитяныя перчатки; его кофточка кое-гдѣ забрызгана кровью и даже на колпакѣ видны темно-красныя крапинки.

Шлепая высокими калошами по мокрому полу, профессоръ подходитъ живой, энергичной походкой, и вдругъ глаза и все лицо преображается удивительно чарующей улыбкой, точно освѣщенное какимъ-то невидимымъ свѣтомъ; невзрачность пропала,—лицо его кажется мнѣ почти прекраснымъ. Удивительные глаза—большіе, сѣрые, умные, полные энергіи и воли, вселяющіе бодрость и надежду! Одного ихъ взгляда достаточно, чтобы разсѣять всякія сомнѣнія и опасенія. Въ его рукахъ, чувствуешь, самая сложная операція не страшна.

— Какъ поживаете? Хорошо?—спрашиваетъ профессоръ, обнажая большіе, немного торчащіе въ стороны, зубы.—Вы готовы, докторъ? Ну, такъ пусть перенесутъ пацієнта. Я скоро буду.

Пока онъ говоритъ, рука его, мягкая и теплая, ласково опускается на мое плечо, и это магическое прикосновеніе сразу успокаиваетъ меня. Я машинально изучаю его крупные рѣзцы, которые меня словно загипнотизировали, и мой взоръ не можетъ оторваться отъ нихъ: я размышляю о томъ, что хоть профессору и шестой десятокъ на исходѣ, но не видать ни одного порченаго зуба, и тутъ же я ловлю себя на этихъ, Богъ вѣсть откуда приходящихъ мысляхъ... Сестра проноситъ на подносѣ стаканъ молока и булку—на подкрѣпленіе силъ профессора... Пахнуло свѣжимъ хлѣбомъ и горячимъ молокомъ: какъ ужасно несуразенъ этотъ запахъ въ подобной обстановкѣ—*мнѣ* противна всякая мысль о пищѣ... А впрочемъ, вѣдь я единица безконечнаго клиническаго матеріала... Не надо этого забывать...

Профессоръ отходитъ. Меня загребаетъ въ охапку дюжій служитель, мое тѣло оказывается на воздухѣ... Я уже въ операціонной и меня бережно кладутъ на блестящій, совсѣмъ теплый мѣдный столъ. Мимо проносятъ оперированнаго: полуобнаженная фигура, вытянутое блѣдно-зеленое, отъ пота глянцевитое, точно облитое масломъ лицо; полузакрытые закатившіеся глаза, губы подернутыя легкой пѣной, безпомощно болтающіяся руки и голова... брр!..

Здѣсь въ операціонной жарко—почти какъ въ банѣ. Весь полъ заплесканъ кровью и водой и усѣянъ огромнымъ количествомъ окровавленныхъ тампоновъ. Двѣ сестры убираютъ великое множество только что бывшихъ въ употребленіи инструментовъ. Меня увязываютъ: щелкаютъ пряжки, я не могу шевельнуться, мягкіе широкіе ремни закрѣпили неумолимо руки, ноги, колѣни... Потомъ меня накрываютъ теплыми салфетками и оставляютъ одного.

Въ сосѣдней комнатѣ слышется говоръ на своеобразномъ швейцарскомъ нарѣчіи и раздается отчетливый, звенящій голосъ профессора, смѣхъ, стучитъ посуда, трещитъ звонокъ телефона... А я жду и жду... цѣлую вѣчность... И опять мозгъ начинаетъ автоматически регистровать разныя мелочи. Лежа безпомощно на спинѣ, на этотъ разъ я тщательно изучаю ржавое пятно на горизонтальной шторѣ, которой сверху задернутъ стекляный потолокъ; я до сихъ поръ отчетливо помню форму этого пятна, похожаго на изображеніе почки въ разрѣзѣ на анатомическомъ атласѣ... Одновременно меня ужасно угнетаетъ чувство, что я въ положеніи барана, котораго собираются зарѣзать, запроданъ хирургамъ—вотъ, вотъ они придутъ и сдѣлаютъ со мной, что захотятъ... и я не могу ихъ оттолкнуть... Вскорѣ къ этому отвратительному сознанію присоединяется жуткое любопытство: «Каково это, когда тебѣ рѣжутъ твое живое тѣло, при полномъ твоемъ сознаніи почти что на твоихъ глазахъ?..»

Наконецъ, дверь растворяется, и входитъ профессоръ со своими ассистентами. По его приказанію меня кладутъ нѣсколько иначе, изъ-подъ одного мѣста вынимаютъ подушки, подъ другое подкладываютъ, подъ ноги профессору подставляютъ низенькій табуретикъ, кто-то набрасываетъ мнѣ на голову кусокъ марли и я чувствую какъ чьи-то цѣпкіе и проворные пальцы начинаютъ оттягивать, щупать, тискать и щипать кожу на груди и плечѣ.

— Мнѣ трудно дышать, снимите эту тряпку съ лица!—я почти кричу.

— Снимите же съ его лица салфетку, дайте ему свободно дышать!—говоритъ и профессоръ

Невидимая рука освобождаетъ лицо—покрываютъ лишь бороду и усы. Становится сразу легче. Я могу видѣть окружающихъ: тягостно лежать безпомощнымъ, но ничего не видѣть еще хуже.

Въ головахъ стоитъ приготовлявшій меня ассистентъ; теперь онъ держитъ мой пульсъ.

— Такъ подъ кокаиномъ, что ли?—обращается ко мнѣ весело профессоръ.

— Да, пожалуйста. Но скажите мнѣ, будетъ ли это очень болѣзненная исторія?

— А это вы сейчасъ сами увидите,—говоритъ К—ъ съ добродушной ироніей и затѣмъ добавляетъ:—нѣтъ, со *Schleich'омъ* не должно быть очень больно.

Потомъ онъ оборачивается къ старшей сестрѣ:

— Ну, такъ скажите, господамъ докторамъ, что мы готовы, пусть идутъ!

Въ мгновеніе ока, беззвучно подкатываются столы съ инструментами и, точно по волшебству, вокругъ меня вырастаетъ такая же группа бѣлыхъ фигуръ, какъ вокругъ того, другого...

— Сдѣлаемъ рисунокъ!—провозглашаетъ профессоръ.—Дайте небольшой ножъ! И профессоръ начинаетъ съ разстановкой и обдумывая все вслухъ, дѣлать «рисунокъ». По груди скользитъ что-то острое холодное. Кругомъ ни звука, кромѣ сосредоточеннаго бормотанія профессора:—вотъ это отрѣжется такъ... гм... да! Потомъ такъ (холодное острое скользнуло). Затѣмъ это придется сюда (опять скользнула тончайшая холодная змѣйка, оставляя огненный слѣдъ); здѣсь освѣжимъ, тутъ придется шовъ... и т. д.

Пока не больно по настоящему, только непріятное нервное ощущеніе. Наконецъ рисунокъ законченъ.

— Кокаину! Одну на тысячу!

Сестра быстро составляетъ разстворъ.

— Вы не ошиблись? Точно ли одна на тысячу?

— Да.

— Правацъ!

У профессора моментально появляется въ рукѣ шприцъ съ длинной, острой, блестящей иглой, и я чувствую довольно непріятный уколъ.

— Чувствуете что-нибудь! Больно?

— О, да!

Уколъ слѣдуетъ за уколомъ, кожа вздувается и становится нечувствительной.

Все это время профессоръ говоритъ безъ устали, сообщая слушателямъ исторію моей болѣзни или попросту болтаетъ и балагуритъ съ тѣмъ или другимъ изъ присутствующихъ.

Впрыскиванія окончены, профессоръ куда то пропадаетъ... Въ ушахъ начинаетъ немного шумѣть, дѣлается сердцебіеніе, дыханіе учащается и я отдаюсь чувству какого-то разслабленія, мною овладѣваетъ лѣнивая истома... Время идетъ... Возвращается профессоръ.

— Сколько? Восемь минутъ? Достаточно! Ножъ!

Опять что-то холодное начинаетъ скользить по груди. Лезвіе точно рѣжетъ постороннее тѣло, въ ушахъ отдается странный, слабый звукъ; но скоро острая боль заставляетъ вздрогнуть— будто полоснуло раскаленнымъ металломъ; зубы сжимаются, дыханіе еще болѣе учащается. «Начинается!» промелькнуло въ головѣ.

По груди и шеѣ заструились теплыя струйки.

— Tupfen!.. Aber zum tupfen! *) отрывисто и властно командуетъ профессоръ.

Къ разрѣзу крѣпко прижимаются тампоны, уголкомъ глаза я вижу какъ ассистентъ что-то разнимаетъ крючками... Операція налаживается, работа кипитъ, мнѣ кажется, будто профессоръ пришелъ въ какой-то дикій азартъ..

— Schieber, Schwester! Schieber... Schieber!.. **). Непостижимо быстро, одинъ за другимъ, со щелкомъ замыкаются какіе-то щипчики, два ассистента еле успѣваютъ подавать все, чего требуетъ профессоръ.

— Tupfen! Aber bitte zum tupfen!..—онъ взываетъ жалобнымъ голосомъ, ожесточенно надавливая тампонами на разрѣзъ.—Schieber!.. Aber warum geben sie mir nicht zum tupfen!.. Einen stumpfen Haken!—mit dem scharfen werden sie mir die ganze Wunde auseinander reissen! ***).

---

*) Тампонировать!.. Давайте же тампонировать!..

**) Сосудозажиматель, сестра! Сосудозажиматель...

***) Почему же не даете мнѣ тампоновъ!.. Тупой крючокъ!—острымъ вы мнѣ раздерете всю рану!..

Иногда, на мгновеніе, вижу, какъ ему черезъ плечо летятъ маленькіе темные фонтаны.

У меня ощущеніе незримой силы, страшно давящей грудь, проникающей въ самыя нѣдра, и, несмотря на кокаинъ, боль быстро возрастаетъ. Я дышу, какъ паровикъ, и все крѣпче сжимаю челюсти, изрѣдка мычу. Наконецъ, я сдаюсь, и мои стоны вырываются съ каждымъ дыханіемъ. Точно въ унисонъ съ болью, тембръ моихъ стоновъ то повышается, то понижается. Это дѣлается полубезсознательно... Мнѣ представляется, что это лучшій способъ для сообщенія профессору о степени испытываемой боли. Когда меня спрашиваетъ профессоръ: «Was fühlen sie? Was mache ich jetzt? . Ist der Schmerz auszuhalten?» *) я отвѣчаю сквозь стиснутые зубы; почему то ужасно боюсь, что иначе схватитъ неожиданная спазма боли и я откушу себѣ языкъ... А тамъ, невидимо для меня, на груди и у шеи накопляется груда холодящихъ стальныхъ инструментовъ, которая все растетъ и растетъ, по мѣрѣ того какъ подвигается со своей работой профессоръ... «Точно коклюшки на подушкѣ кружевницы»... Собственно говоря, самыя скверныя первыя минуты боли; потомъ я къ ней притерпѣлся— точно я ее терпѣлъ годами: успокаиваетъ меня и то, что профессоръ увѣрилъ меня, хуже де не будетъ... Все же достаточно гадко. Наконецъ я не выдерживаю.

— Скоро ли кончится?

— Двадцать три процента операціи готовы!

Какъ всего только 23%! Хватитъ ли силъ выдержать остальныя 77%? Впрочемъ, должно хватить! Затѣмъ я соображаю, что это сказано полу-шутя, и опять дѣлаю надъ собой усилія и напряженно, насколько позволяютъ узы, выгибаюсь дугой всѣмъ корпусомъ... Когда я очень уже жалуюсь, профессоръ громкимъ голосомъ велитъ дѣлать новыя впрыскиванія... «Не военная ли это хитрость?..» Начинаютъ отдѣлять отъ груди лоскутъ... Мучительно, ужасно подавляюще мучительно! А сладкія слова профессора?!. Но, къ счастью, процедура краткая: что-то сдаетъ, словно обрываясь, со слабымъ звукомъ, напоминающимъ распарываніе шва, нѣсколько мгновеній тяжелой, тошной боли...

— Не дайте остыть лоскуту!—говоритъ профессоръ.

— Что вы дѣлаете теперь?

— Повертываемъ лоскутъ на новое мѣсто.

Новая пытка!

Профессоръ начинаетъ вертѣть рукой; да вѣдь это мнѣ вытягиваютъ жилы! Я буквально начинаю выть чужимъ себѣ голо-

*) Что чувствуете? Что я теперь дѣлаю?.. Выносима ли боль?

сомъ; что же оказывается?—мелкіе перерѣзанные сосуды просто «откручиваются»—операторъ вертитъ зажиматель, пока не оборвется... Мило...

— Zum spülen! *).

Меня обдаетъ благодатная теплая струя, мои напряженные мышцы ослабляются и я отдаюсь съ наслажденіемъ, почти сладострастнымъ, чувству пріятнаго изнеможенія.

Начинается шитье.

Сестра проворно вдѣваетъ нить въ кривую иглу, замыкаетъ въ иглодержатель и подаетъ профессору.

— Что вы подаете мнѣ такія иглы—это не иглы, а цѣлые заступы: паціентъ не усыпленъ, а мнѣ суютъ такія иглища!—брюзжитъ профессоръ.

Работаютъ споро: оператору подаютъ одну за другой иглы, я чувствую проколы, продергиваніе шелковинки и стягиваніе краевъ раны съ упругимъ, точно гуттаперчевымъ звукомъ...

— Давайте же мнѣ нитку подлиннѣе!—ворчитъ профессоръ.—Не будьте скупой! Не будьте скупой! Послѣ можете быть скупой, а теперь не скупитесь!..

Чуть сестра замѣшкается или такъ покажется профессору, и онъ уже иронизируетъ на ея счетъ, проситъ ее разбудить или поясняетъ окружающимъ, что у него въ клиникѣ состоятъ не сестры милосердія, а принцессы, для которыхъ ему приходится самому прислуживать. Діаконисса улыбается немного сконфуженно, но видно, что она привыкла къ подобнымъ выходкамъ «старика».

Шовъ накладывается за швомъ и эта работа тянется безконечное время, не менѣе получаса, и хотя порой мнѣ очень больно, но я больше не жалуюсь: сознаніе, что главное свалено съ плечъ—огромное облегченіе...

Я прошу испить. Мнѣ даютъ черезъ трубочку портвейну. Дѣйствіе кокаина и вина и пережитое возбужденіе даютъ себя чувствовать: наступаетъ реакція, языкъ развязывается, овладѣваетъ неудержимая болтливость, и я забрасываю профессора всевозможными вопросами. Мы бесѣдуемъ на самыя разнообразныя темы: говорю я о своихъ операціяхъ, спрашиваю мнѣнія К—а о «Запискахъ врача» Вересаева и т п., и милый старикъ отвѣчаетъ на все съ неизмѣннымъ благодушнымъ терпѣніемъ.

Но вотъ послѣдній стежокъ!

— Готово!

— Такъ все готово?

— Да.

---

*) Промыть!

— Довольны ли вы операціей, Herr Professor?

— Даже очень!

— Закроется ли теперь все? Навѣрное?

— Да, уже закрыто! Посмотрите сами... Дайте-ка ему посмотрѣть въ зеркало.

Мнѣ показываютъ въ ручное зеркало мою грудь: нѣтъ больше раны! Вмѣсто нея три новыхъ чистенькихъ шва, прикрѣпляющихъ вшитый на свѣжее мѣсто большой языкъ моего же тѣла—больше ничего. «Да вѣдь это прелесть!» Я положительно упоенъ.

— Такъ вы ручаетесь, что все крѣпко прирастетъ?—спрашиваю я, не вѣря своему счастью.

— Да, ручаюсь.

Профессоръ даетъ приказанія насчетъ перевязки, улыбается мнѣ на прощаніе еще разъ своей свѣтлой улыбкой и улетучивается. Всѣ присутствовавшіе уже успѣли испариться, и я опять остаюсь наединѣ съ сестрой и ассистентомъ.

Черезъ четверть часа я уже лежу въ своей просторной свѣтлой палатѣ, въ чистомъ бѣльѣ, въ чистой, согрѣтой постели. Боль у меня не сильная, на душѣ удивительно легко! Конецъ, конецъ всему тому, что мнѣ пришлось испытать за послѣдніе кошмарные годы! Да—и эта зловѣщая, невѣдомая операція, которая была въ сущности такъ проста—дѣло прошлаго! И вѣдь вовсе не такъ это было ужасно. Худшее—приготовленія и ожиданіе...

И воспоминаніе всего пережитаго отходитъ у меня куда-то далеко... далеко...

С. Линденъ.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ТУРГЕНЕВЪ.

(Историческій очеркъ).

(*Окончаніе* *).

Глава VI.

Уставъ „Союза Благоденствія“ или „Зеленая книга“.—Цѣль общества и его мирный характеръ.—Откровенность пропаганды.—„Отрасли“ Союза. — Организація общества.—Условія вступленія въ союзъ.—Число членовъ, ихъ дѣятельность въ 1818—1820 гг.—Роль Тургенева и другихъ.—Недовольство правительствомъ.—Имѣла ли дѣятельность „Союза Благоденствія“ прямую политическую цѣль?—Подготовительный характеръ этой дѣятельности.—Факты, приводимые въ „Донесеніи“.—Правительственная реакція и предупрежденія, полученныя нѣкоторыми членами.—Закрытіе общества послѣ съѣзда въ Москвѣ въ 1821 году

Возвращаясь къ «Союзу Благоденствія», иначе именовавшемуся «Обществомъ Зеленой книги» по цвѣту переплета, въ который былъ заключенъ уставъ, выработанный Михаиломъ Муравьевымъ, изложимъ вкратцѣ содержаніе этого устава. Прототипомъ ему послужилъ уставъ Tugendbund'a, напечатанный въ «Freiwillige Blätter» и доставленный Муравьеву, по разсказу его брата Сергѣя Николаевича, кн. П. П. Лопухинымъ, а по словамъ «Донесенія», привезенный изъ-за границы кн. И. А. Долгорукимъ. Уставъ этотъ напечатанъ полностью во-2-мъ изданіи книги А. И. Пыпина, который сопоставляетъ въ примѣчаніяхъ отдѣльныя статьи его съ соотвѣтствующими статьями устава Tugendbund'a.

«Убѣдясь,—гласитъ § 1 устава,—что добрая нравственность есть твердый оплотъ благоденствія и доблести народной и что при всѣхъ объ ономъ заботахъ правительства, едва ли достигнетъ оное своей цѣли, ежели управляемые съ своей стороны ему въ сихъ благотворныхъ намѣреніяхъ содѣйствовать не станутъ, союзъ благоденствія въ святую себѣ вмѣняетъ обязанность, распространеніемъ между соотечественниками истинныхъ правилъ нравственности и просвѣщенія, споспѣшествовать правительству къ возведенію Россіи на степень величія и благоденствія, къ коей она самимъ Творцомъ предназначена.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 7, іюль, 1903 г.

«§ 2. Имѣя цѣлью *благо отечества, союзъ не скрываетъ оной отъ благомыслящихъ согражданъ*, но для избѣжанія злобы и зависти дѣйствія онаго должны производиться втайнѣ.

«§ 3. Союзъ, стараясь во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ соблюдать въ полной строгости правила справедливости и добродѣтели, *отнюдь не обнаруживаетъ тѣхъ ранъ*, къ *исцѣленію коихъ немедленно приступить не можетъ*, ибо не тщеславіе или иное какое побужденіе, но стремленіе къ общему благоденствію имъ руководитъ.

«§ 4. *Союзъ надѣется на доброжелательство правительства*, основываясь особенно на слѣдующихъ изреченіяхъ наказа въ Бозѣ почивающей государыни императрицы Екатерины Вторыя: «Если умы ихъ недовольно пріуготовлены къ нимъ (къ законамъ), то возьмите на себя трудъ ихъ пріуготовить и вы тѣмъ уже много сдѣлаете». И въ другомъ мѣстѣ: «Весьма дурная политика та, которая исправляетъ законами то, что должно исправить нравами» *).

Эти четыре §§ показываютъ, что составители устава заранѣе имѣли въ виду, что существованіе «союза», по всѣмъ вѣроятіямъ, не укроется отъ вниманія правительства; сами же они и не намѣревались, повидимому, дѣлать изъ этого особаго секрета. Біографъ М. Н. Муравьева со словъ его брата разсказываетъ, что Муравьевъ предложилъ даже, подобно тому, какъ это хотѣлъ сдѣлать Орловъ въ отношеніи своего общества, испросить на основаніе «Союза» разрѣшеніе государя **). Члены «Союза» не приняли этого предложенія, и г. Кропотовъ совершенно напрасно упрекаетъ ихъ по этому поводу въ излишнемъ честолюбіи, тщеславіи и проч.: неудавшаяся попытка Воронцова и Меньшикова въ 1820 году образовать открытое общество изъ помѣщиковъ для подготовленія освобожденія крестьянъ показываетъ лучше всего, что «союзъ благоденствія» при всей скромности своихъ цѣлей едва ли получилъ бы разрѣшеніе правительства. А что тайна его существованія, дѣйствительно, не охранялась строго,—это доказывается фактомъ широкой и свободной пропаганды среди лицъ, принадлежавшихъ къ высшему петербургскому обществу, изъ которыхъ нѣкоторые близко стояли ко двору. Н. И. Тургеневъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, какъ откровенно и, какъ онъ выражается, «наивно» велъ свою пропаганду кн. С. П. Трубецкой. «Въ концѣ 1819 г.,—разсказываетъ Тургеневъ,—ко мнѣ пришелъ однажды кн. Трубецкой. Я едва зналъ его по имени. Не входя много въ предварительныя объясненія, онъ мнѣ сказалъ, что по всему тому, что онъ знаетъ о моихъ взглядахъ, онъ полагалъ себя обязаннымъ предложить мнѣ вступить въ

---

*) „Законоположеніе союза благеденствія". Приложеніе къ „Обществ. движен." А. И. Пыпина, стр. 505—506.

**) Кропотовъ, н. с. 216. Срав. у Богдановича, т. VI, стр. 419—420 и въ „Донесеніи" слѣдств. коммиссіи.

одно общество, уставъ котораго онъ тутъ же мнѣ передалъ. Это былъ уставъ того самаго «Союза Благоденствія», о которомъ говорится въ «Донесеніи», слѣдственной коммиссіи о событіяхъ 1825 года. Онъ прибавилъ, что сдѣлалъ только что такое же предложеніе одному поэту, съ которымъ я находился въ очень дружескихъ отношеніяхъ, но что тотъ отказался. Кн. Трубецкой, надо замѣтить,—прибавляетъ Тургеневъ,—и этого поэта зналъ не болѣе, нежели онъ зналъ меня» *). Поэтъ этотъ, очевидно, былъ Жуковскій, который въ это время уже близко стоялъ ко двору, давая уроки русскаго языка великой княгинѣ (впослѣдствіи императрицѣ) Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

По уставу члены союза дѣлились по роду своихъ занятій на четыре *отрасли:* каждый долженъ былъ приписаться къ одной изъ нихъ, причемъ не возбранялось участвовать въ занятіяхъ и всѣхъ остальныхъ. Въ первой отрасли предметомъ дѣятельности было *человѣколюбіе*, т.-е. благотворительность.

Замѣчательно, что въ противность нѣмецкому прототипу членамъ союза не предписывалось отпускать своихъ крестьянъ на волю (что требовалось обязательно отъ членовъ Тугендбунда), а устанавлялись лишь слѣдующія два правила (§ 11 книги IV): «члены сей отрасли обращаютъ вниманіе помѣщиковъ на отклоненіе крестьянъ бродить по міру: и тѣхъ, у коихъ болѣе таковыхъ, подвергаютъ сужденію соотечественниковъ, дабы тѣмъ заставить ихъ взять мѣры къ прекращенію праздношатанія», и § 12: «Вообще стараются склонять помѣщиковъ къ хорошему съ крестьянами обхожденію, представляя, *что подданные такіе же люди и что никакихъ въ мірѣ отличныхъ правъ не существуетъ, которые дозволили бы властителямъ жестоко съ подвластными обходиться*».

Изъ этого можно видѣть, какъ отразились на уставѣ союза Благоденствія консервативныя тенденціи его составителя.

Во второй отрасли предметомъ занятій должно было служить *умственное и нравственное образованіе*, распространеніемъ познаній, заведеніемъ училищъ, особенно ланкастерскихъ, и вообще содѣйствіемъ въ воспитаніи юношества, а также и черезъ примѣры доброй нравственности, разговоры и сочиненія, соотвѣтствующія этимъ задачамъ и цѣли общества. Членамъ этой отрасли поручался надзоръ за всѣми школами; *они должны были питать въ юношествѣ любовь ко всему отечественному, препятствуя по возможности воспитанію за границей и всякому чужеземному вліянію.*

Послѣднее обстоятельство показываетъ, что предпріятіе членовъ союза благоденствія основывалось во всякомъ случаѣ не на однихъ общихъ либеральныхъ стремленіяхъ и любви къ человѣчеству вообще,

*) „La Russie et les russes", I, 77.

но и на чисто патріотическихъ чувствахъ, которыя особенно ярко проявлялись у нѣкоторыхъ членовъ (Якушкина, Муравьевыхъ, Орлова).

Предметомъ попеченія членовъ третьей отрасли являлось *правосудіе.* Члены обязывались не уклоняться отъ должностей по выбору дворянства и другихъ въ порядкѣ судебномъ, исправлять оныя съ усердіемъ и точностью, сверхъ того наблюдать за теченіемъ дѣлъ сего рода, ободряя чиновниковъ безкорыстныхъ и прямодушныхъ, даже помогая имъ деньгами, удерживая слабыхъ, вразумляя незнающихъ, обличая безсовѣстныхъ и доводя ихъ поступки до свѣдѣнія правительства.

Наконецъ, члены четвертой отрасли должны были заниматься предметами, относящимися къ *политической экономіи;* стараться изыскивать, опредѣлять непреложныя правила общественнаго богатства, способствовать распространенію всякаго рода промышленности, утверждать общій кредитъ и противиться монополіямъ... «Вѣроятно—сказано въ «Донесеніи» слѣдственной коммиссіи—что для сего въ особенности нѣкоторые (въ томъ числѣ Михаило Муравьевъ) предлагали испросить согласіе покойнаго императора на учрежденіе ихъ общества...»

Въ донесеніи Бенкендорфа, поданномъ въ 1821 году, сказано, что число членовъ «Союза» въ 1818 году было уже болѣе 200 человѣкъ *). Ту же цифру приводитъ и Н. И. Тургеневъ для 1819 года **). Онъ утверждаетъ, однако, что во время его вступленія въ «союзъ»—въ концѣ 1819 года—требованія устава вовсе не соблюдались, что молодежь, вступавшаявъ союзъ, требовала себѣ живого дѣла со всѣмъ пыломъ и нетерпѣніемъ молодости и что ставила этимъ въ большое затрудненіе вожаковъ союза ***). Если разумѣть подъ этимъ опредѣленную политическую дѣятельность, то ея, повидимому, дѣйствительно, не было, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ [и въ Петербургѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ также и поведеніе членовъ «союза», напримѣръ, Сергѣя Муравьева — Апостола, во время возмущенія семеновскаго полка ****)· Даже въ донесеніе генерала Бенкендорфа, который не стѣсняется утверждать, что Николай Тургеневъ «бредитъ гильотиною», что генералъ Орловъ предлагалъ дѣлать и распространять фальшивыя ассигнаціи, что генералъ Фовизинъ и полковникъ Граббе «готовы на все» и что члены тайнаго общества возлагаютъ большія надежды въ дѣлѣ революціи на Воронцовыхъ и тому подобныя нелѣпости, при всей своей безцеремонности, то-же не указывается ни единаго факта, могущаго подтверждать наличность какого-нибудь *политическаго заговора*

---

*) Шильдеръ, н. с., IV, 210.

**) La Russie et les Russes, I, 85.

***) Ibidem, 81.

****) Богдановичъ, н. е. т V.

или вообще опредѣленнаго политическаго предпріятія въ средѣ союза благоденствія, и въ концѣ концовъ сводится все лишь къ тлетворному вліянію на молодежь Николая Тургенева и нѣкоторыхъ его друзей, имъ руководимыхъ *). При тогдашнемъ общемъ положеніи вещей, при томъ уставѣ, который былъ принятъ въ «союзъ благоденствія, дѣятельность его членовъ едва ли и могла выражаться въ какихъ-либо политическихъ предпріятіяхъ, и съ этой точки зрѣнія она не могла не быть и въ дѣйствительности была достаточно прѣсной, и конечно, не могла удовлетворить пылкія требованія нетерпѣливой молодежи, что и повело естественно къ упадку дѣятельности «союза» и къ закрытію его въ 1821 году.

Очень можетъ быть, что формальности и порядокъ управленія, установленный «Зеленой книгой», не соблюдались строго, но Тургеневъ едва ли вполнѣ основательно утверждалъ, что члены «Союза» не приписывались къ секціямъ или «отраслямъ» и не исполняли никакихъ дѣлъ, предписываемыхъ уставомъ. Лучшимъ опроверженіемъ его словъ можетъ служить прежде всего его собственная дѣятельность. Хотя онъ можетъ быть формально и не приписался ни къ одной изъ секцій «Союза», но своими дѣйствіями по крестьянскому дѣлу онъ выполнялъ болѣе, чѣмъ требовало бы отъ него участіе въ 1-й отрасли «Союза» (по части человѣколюбія); своей научной и литературной дѣятельностью онъ несомнѣнно выполнялъ обязанности, связанныя съ принадлежностью ко 2-й и 4 й отраслямъ (распространеніе просвѣщенія и занятіе политической экономіей), не говоря уже объ организаціи имъ лекцій и чтеній для молодыхъ офицеровъ-членовъ общества, и въ довершеніе всего онъ принималъ живое участіе въ разработкѣ нѣкоторыхъ вопросовъ, относившихся къ упорядоченію судоустройства и судопроизводства въ Россіи. Однимъ словомъ самъ Н. И. Тургеневъ по своей государственной, общественной и литературной дѣятельности можетъ быть безъ сомнѣнія признанъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ «Союза Благоденствія». Конечно, было бы очень трудно сказать, что именно Николай Тургеневъ сдѣлалъ въ качествѣ члена «Союза Благоденствія», за то можно сказать, что все, что онъ дѣлалъ,—онъ дѣлалъ въ полномъ соотвѣтствіи съ цѣлями «Союза Благоденствія».

Такою же представляется дѣятельность М. Ѳ. Орлова, по крайней мѣрѣ въ отношеніи ланкастерскихъ школъ, вполнѣ отвѣчавшая требованіямъ 2-й отрасли «Союза». Такова же дѣятельность И. И. Пущина,

*) Шильдеръ, н. с. IV. 204-215. Для читателя, прочитавшаго со вниманіемъ все изложенное въ первыхъ главахъ этой работы, личность и дѣятельность Н. И. Тургенева достаточно выяснилась на основаніи данныхъ, основанныхъ на документахъ, чтобы понять, насколько нелѣпы обвиненія и клеветы, взводимыя на него Бенкендорфомъ. Неудивительно, что Александръ не обратилъ на это никого вниманія и сталъ даже показывать къ послѣднему холодность.

пожертвовавшаго своей карьерой и вступившаго вскорѣ по окончаніи лицея въ надворный судъ засѣдателемъ, исключительно въ цѣляхъ способствованія правосудію въ духѣ обязанностей, налагавшихся уставомъ на членовъ 3-й отрасли Союза. Такова же была дѣятельность Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ, Якушкина, Шаховского и другихъ офицеровъ Семеновскаго полка и нѣкоторыхъ другихъ гвардейскихъ частей, о которой вспоминаетъ Н. И. Тургеневъ *), и которая безъ сомнѣнія вполнѣ соотвѣтствовала 1-й и 2-й отрасли «Союза Благоденствія» **).

Совершенно понятно, что молодежь, видѣвшая усиливавшееся вліяніе Аракчеева и подвиги Магницкихъ и Руничей въ сферѣ народнаго образованія, не могла удовлетвориться одной подготовительной, культурной работой. Она естественно казалась ей слишкомъ ничтожной по сравненію съ тѣми блистательными идеалами, которые внушены ей были отчасти ознакомленіемъ съ европейскими порядками, отчасти начинаніями и обѣщаніями самого правительства.

Н. И. Тургеневъ, смотрѣвшій глубже въ корень вещей, не могъ увлечься стремленіями пылкой, но неподготовленной молодежи, потому что онъ ставилъ на первый планъ крестьянскій вопросъ и разрѣшенія его ждалъ отъ самодержавной власти. Но и онъ не могъ особенно дорожить существованіемъ «союза благоденствія» потому, что все, что онъ дѣлалъ для достиженія своей завѣтной цѣли—освобожденія или, по крайней мѣрѣ, облегченія участи крѣпостныхъ крестьянъ,—онъ могъ дѣлать и дѣлалъ помимо «союза» и независимо отъ своей принадлежности къ нему. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ убѣдился, что тайныя общества не могли служить ему удобной ареной для распространенія его идей.

Поэтому и онъ, какъ и другіе члены «союза», довольно легко согласился на его распущеніе.

Но прежде чѣмъ остановиться подробнѣе на распущеніи «союза благоденствія», попытаемся выяснить, имѣлъ ли «союзъ» въ виду какую-либо политическую цѣль въ близкомъ или отдаленномъ будущемъ. «Донесеніе» слѣдственной коммиссіи утверждаетъ главнымъ образомъ на основаніи показанія Семенова секретаря союза, что скрытая цѣль «союза благоденствія» была политическая, а именно учрежденіе въ Россіи представительнаго правленія. Если сопоставить это показаніе и показанія другихъ членовъ съ принятымъ ими намѣреніемъ составить таинственную вторую часть устава, о которой упоминается

---

*) „La Russie et les Russes“, II, 351.

**) Вигель недоброжелательно относившійся къ Тургеневу, писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ; что ему неоднократно случалось видѣть гражданскихъ и военныхъ юношей „густой толпой“ наполнявшихъ кабинетъ Тургенева и съ подобострастнымъ вниманіемъ принимавшихъ его слова (ч. V, стр. 47).

въ 1-ой части и которую пытался составить, хотя и неудачно, Никита Муравьевъ, то, повидимому, необходимо признать, что политическая цѣль имѣлась въ виду членами коренного союза, причемъ едва ли можно назвать ее «скрытой», такъ какъ довольно ясные намеки на нее можно найти и въ первой части устава. Такъ, § 4 книги первой говоритъ о *подготовленіи умовъ* къ новымъ законамъ, и если принять во вниманіе, что это писалось въ 1818 г., то подъ этими законами можно разумѣть не что иное, какъ конституціонный режимъ, который императоръ Александръ въ рѣчи, торжественно сказанной въ этомъ именно году въ Варшавѣ при открытіи польскаго сейма, обѣщался распространить на всѣ части имперіи, *когда онѣ будутъ къ тому достаточно подготовлены.*

Было бы однако ошибочно думать, что первая часть устава была лишь ширмой, сочиненной для отвода глазъ правительства. Если бы это было такъ, то въ ней не было бы, конечно, никакого упоминанія о 2-ой части, которая (согласно § 24 кн. 3) должна была (по ея составленіи и принятіи) сообщиться членамъ союза. *Подготовительная* роль союза была воспринята его членами, несомнѣнно, совершенно серьезно и сознательно, на что указываетъ, между прочимъ, и включеніе въ уставъ такихъ правилъ, какъ § 3 книги I, въ которомъ указывалось, что союзъ, серьезно стремясь къ общему благоденствію, *отнюдь не обнаруживаетъ тѣхъ ранъ, къ исцѣленію коихъ немедленно приступить не можетъ*, или какъ § 16 книги 2-ой, воспрещавшій членамъ союза вступать въ неодобренныя правительствомъ сообщества, ибо союзъ, «дѣйствуя къ благу Россіи и слѣдовательно къ цѣли правленія, не желаетъ подвергнуться его подозрѣнію».

И если принять во вниманіе, что члены союза, дѣйствительно, могли въ 1818 г. съ полнымъ основаніемъ разсчитывать, что само правительство желаетъ введенія въ Россіи свободныхъ учрежденій, то легко можно понять и повѣрить, что подготовительной дѣятельности въ смыслѣ гражданскаго воспитанія общества они должны были искренно придавать весьма серьезное значеніе. Этимъ и объясняется, вѣроятно, тотъ фактъ, что въ 1818 г. они не торопились принять и ввести въ дѣйствіе вторую часть устава, которая должна была, вѣроятно, ставить передъ ними уже не подготовительную, а прямую политическую задачу. Нетерпѣливое же стремленіе къ политическимъ реформамъ стало обнаруживаться лишь по мѣрѣ того, какъ подъ вліяніемъ западно-европейскихъ событій и западноевропейскихъ вліяній, ускользала надежда на осуществленіе прежнихъ либеральныхъ намѣреній императора Александра, особенно начиная съ 1820 г. Итакъ, хотя политическая цѣль не упускалась изъ виду членами союза благоденствія, но въ то же время всѣ помыслы и толки о достиженіи этой цѣли въ

*) Срав. Богдановича, VI, 420.

1818—1820 гг. отнюдь не имѣли еще характера заговора, потому что въ то время члены союза надѣялись многого достичь при помощи самого правительства, а вовсе не наперекоръ ему. Это обстоятельство придавало многимъ политическимъ мечтаніямъ и планамъ того времени совершенно лойяльный характеръ. И вотъ почему и слѣдственной коммиссіи по дѣлу декабристовъ было довольно трудно придать криминальный или даже просто неблагонамѣренный характеръ политическимъ толкамъ и планамъ членовъ союза благоденствія. Въ ихъ частныхъ собраніяхъ несомнѣнно очень часто дебатировались политическіе вопросы; среди нихъ устраивались чтенія и диспуты политическаго содержанія; но едва ли подготовленіе умовъ путемъ чтенія и толкованія сочиненій Бенжамена Констана, Бентама, Траси, Адама Смита и т. п. можно было признать противоправительственнымъ въ то время, когда самимъ императоромъ было громогласно объявлено, что онъ намѣревается распространить на всю Россію свободныя политическія учрежденія, какъ только признаетъ ее болѣе готовой къ воспріятію этихъ учрежденій. Единственный намекъ на приготовленіе къ *незаконной* политической агитаціи, путемъ изданія нелегальнаго журнала, слѣдственная коммиссія добыла не изъ показаній членовъ общества, а изъ доноса «посторонняго свидѣтеля». Тургеневъ былъ пораженъ тѣмъ, что намѣреніе издавать журналъ (вполнѣ легальный), которое, дѣйствительно, было ему присуще, обращено было въ одинъ изъ обвинительныхъ пунктовъ противъ него. Онъ не зналъ, конечно, въ то время, что это обвиненіе взято было изъ донесенія Бенкендорфа, и не обратилъ вниманіе на то, что ему приписано было намѣреніе издавать журналъ *нелегальный* и даже завести для этого тайную типографію въ Россіи или заграницей *). Несправедливость этого обвиненія для насъ очевидна; оно казалось, повидимому, сомнительнымъ и самой слѣдственной коммиссіи, которая привела его съ оговоркой; но авторитетъ Бенкендорфа былъ великъ въ глазахъ императора Николая и въ этомъ и заключалась, можетъ быть, главная причина суровости приговора, постановленнаго противъ Тургенева.

Другой фактъ, приведенный въ «донесеніи» слѣдственной коммиссіи для характеристики «Союза Благоденствія», опирается на показанія Пестеля, впрочемъ настолько несогласныя съ показаніями другихъ членовъ союза, что сама слѣдственная коммиссія не рѣшалась сдѣлать его однимъ изъ пунктовъ обвиненія. Пестель въ одномъ изъ показа-

*) La Russie et les Russes, I, 165. Срав. записку Тургенева въ статьѣ подъ названіемъ „Никол. Ив. Тургеневъ въ своемъ оправданіи“ въ „Русской Старинѣ за 1901 г. № 8, стр. 280 и слѣд. Замѣчательно, что въ „Донесеніи“ слѣдст. веной коммиссіи донесеніе Бенкендорфа скромно названо „показаніемъ одного посторонняго свидѣтеля“, а въ примѣчаніи къ этому мѣсту сказано: „Такъ говоритъ сочинитель записки, найденной въ бумагахъ покойнаго императора, бывшій, какъ видно, членомъ „союза благоденствія“.

ній заявилъ, что въ 1820 году въ засѣданіи управы на квартирѣ у полковника Глинки онъ излагалъ по предложенію блюстителя совѣта кн. И. А. Долгорукаго относительныя выгоды и невыгоды республиканской и монархической формы правленія, послѣ чего вопросъ о предпочтеніи той или другой формы правленія пущенъ былъ на голоса...— Глинка доказывалъ, что въ Россіи не могло быть другого правленія кромѣ монархическаго и что, наконецъ, Тургеневъ сказалъ вовсе не то, что приписалъ ему Пестель, а слѣдующую фразу: «республиканское правительство съ президентомъ во главѣ очень хорошо; но вообще все зависитъ отъ системы народнаго представительства». Изъ всѣхъ этихъ показаній слѣдственная коммиссія сдѣлала заключеніе, что можно считать установленнымъ фактомъ, что между членами союза происходили о различныхъ формахъ правленія *разговоры* и дебаты, которые многіе изъ членовъ могли разсматривать, какъ формальныя постановленія. Тѣмъ не менѣе сама же коммиссія приводитъ тутъ же показаніе Никиты Муравьева, — а его показанія отличались какъ извѣстно, полной откровенностью, — что эти дебаты не имѣли никакого вліянія на огромное большинство членовъ Союза за исключеніемъ одной лишь Тульчинской управы.

Во всякомъ случаѣ изъ вышеизложеннаго видно, что всѣ разговоры о формахъ правленія въ 1820 г. между членами «Союза Благоденствія» были простыми *разговорами* и отнюдь не имѣли значенія постановленій или рѣшеній «Союза», сколько-нибудь обязательныхъ для его членовъ. Наличность ихъ и особенно рѣзкость высказывавшихся сужденій показываетъ только, что къ этому времени среди нѣкоторыхъ членовъ Союза значительно усилилось стремленіе къ чисто политической дѣятельности. Очевидно, что ихъ уже не могла удовлетворять мирная подготовительная дѣятельность «Союза Благоденствія».

Между тѣмъ принадлежность и къ этому мирному «Союзу» становилась небезопасной. Послѣ «Исторіи» въ Семеновскомъ полку, разразившейся въ маѣ 1820 года, и въ особенности послѣ конгресса въ Лайбахѣ, императоръ Александръ сталъ очень неблагосклонно смотрѣть на всякаго рода тайныя общества, пропагандѣ которыхъ онъ приписывалъ бунтъ Семеновскаго полка *) и силу которыхъ вообще склоненъ былъ преувеличивать **). Такое настроеніе Александра поддерживалось докладами Паулучи, Новосильцова, Васильчикова, доносами въ родѣ Бенкендорфскаго и тревожными извѣстіями изъ Западной Европы, а также наставленіями кн. Меттерниха ***).

Члены «Союза» съ разныхъ сторонъ стали получать предостере-

*) Шильдеръ, IV, стр. 185.

**) „La Russie et les Russes", I, стр. 88.

***) Шильдеръ, IV, passim; Богдановичъ, V и VI.

женія *) и многіе изъ нихъ стали опасаться если не за свою личную непрекосновенность, то за свою карьеру. Другимъ дальнѣйшее пребываніе въ «Союзѣ» сдѣлалось неудобнымъ по разнымъ домашнимъ обстоятельствамъ, напр. М. Ѳ. Орлову, задумавшему около этого времени жениться на дочери генерала Раевскаго, родные невѣсты поставили непремѣннымъ условіемъ ихъ согласія выходъ изъ общества **). Нѣкоторымъ пребываніе въ «Союзѣ» просто наскучило. Въ результатѣ, когда члены «Союза» съѣхались въ Москвѣ въ январѣ 1821 г. для совѣщаній о преобразованіи «Союза», вопросъ о преобразованіи очень быстро превратился въ вопросъ о распущеніи общества. Въ первомъ же засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Орлова, онъ заявилъ о своемъ выходѣ изъ общества. Его примѣру послѣдовали: Глинка, князь Илья Долгорукій и другіе. За этимъ послѣдовалъ рядъ совѣщаній, происходившихъ большею частью на квартирѣ у М. А. Фонвизина, причемъ предсѣдательствовалъ обыкновенно Н. И. Тургеневъ ***).

На этихъ совѣщаніяхъ предлагались и обсуждались различные планы преобразованія общества, но съѣхавшіеся не могли столковаться и остановились на мысли о необходимости, въ виду отсутствія единенія и единомыслія между членами, закрыть союзъ. Это рѣшеніе было объявлено въ послѣднемъ засѣданіи Н. И. Тургеневымъ и ему же было поручено редактировать письменное постановленіе съѣзда о распущеніи союза и разослать его во всѣ управы, что имъ и было исполнено. Засѣданія этого съѣзда продолжались около трехъ недѣль, и по всѣмъ вѣроятіямъ, нѣкоторыя изъ предложеній о преобразованіи союза, обсуждавшіяся въ теченіе этого срока, и послужили ошибочнымъ основаніемъ къ послѣдующимъ утвержденіямъ и толкамъ о томъ, что будто бы Н. И. Тургеневъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими членами, тотчасъ по объявленіи союза прекратившимся, обсуждали вопросъ о его возобновленіи въ иномъ видѣ. Тургеневъ же не переставалъ утверждать и до осужденія и по осужденіи своемъ, что съ момента закрытія «Союза

*) Черезъ Глинку, адъютанта Милорадовича, петербургскаго генералъ-губернатора („Зап.“ Волконскаго, 411), чрезъ Орлова (отъ его брата ген.-адъют. А. Ѳ. Орлова, см. „La Russie et les Russes“, I, 84), чрезъ Ермолова, при проѣздѣ его на Кавказъ (ibidem, I, 88) и др.

**) „Записки“ Волконскаго, 410. Выше мы уже говорили о недостовѣрности свѣдѣній, сообщенныхъ Якушкинымъ въ его запискахъ и Бенкендорфомъ въ его доносѣ о поведеніи Орлова въ этомъ случаѣ. Ср. „Русс. Старину“ 1873 г., III, 374, письмо гр. Граббе.

***) Онъ и Глинка были уполномоченными Коренной управы, братья Фонвизины, И. Д. Якушкинъ, Граббе, Калошины и М. Н. Муравьевъ — отъ Московской, Бурцовъ и Комаровъ — отъ Тульчинской, М. Ѳ. Орловъ и Охотниковъ (адъютантъ Орлова) пріѣхали изъ Кіева. Кн. С. Г. Волконскій также пріѣхалъ въ Москву депутатомъ Тульчинской управы, но онъ не участвовалъ въ рѣшеніяхъ, не будучи членомъ коренного союза („Записки“, 411).

Благоденствія» онъ не принадлежалъ ни къ какимъ тайнымъ политическимъ обществамъ и не дѣлалъ никакихъ попытокъ къ ихъ возстановленію. Въ Москвѣ онъ принялъ лишь участіе въ обсужденіи проекта И. Д. Якушкина объ учрежденіи общества помѣщиковъ для постепеннаго освобожденія крестьянъ на волю, подобнаго тому, какое гр. Воронцовъ и кн. Меньшиковъ хотѣли устроить въ 1820 г. при участіи между прочимъ и Н. И. Тургенева *). Затѣмъ, побывавъ въ своемъ симбирскомъ имѣніи и возвратившись въ Петербургъ, Н. И. Тургеневъ, по желанію нѣкоторыхъ бывшихъ членовъ «Союза Благоденствія», собралъ ихъ у себя и далъ имъ полный отчетъ обо всемъ происходившемъ на съѣздѣ въ Москвѣ **). При этомъ онъ излагалъ имъ, по всѣмъ вѣроятіямъ тѣ проекты преобразованія союза, которые были обсуждаемы, но не были приняты московскимъ съѣздомъ, и, надо думать, что это и дало поводъ впослѣдствіи показать одному изъ бывшихъ при этомъ лицъ (Семенову), что будто бы Н. И. Тургеневъ читалъ свой проектъ возстановленія тайнаго общества ***). Во всякомъ случаѣ самъ Семеновъ присовокупилъ, что этотъ проектъ не былъ осуществленъ тогда же, вслѣдствіе выступленія гвардіи въ походъ. Никита Муравьевъ свидѣтельствовалъ, что въ Петербургѣ члены «Союза Благоденствія» въ 1821 году были совершенно разсѣяны и что тайное общество возникло тамъ вновь лишь въ 1822 году.

Глава VII.

Возникновеніе „Южнаго“ и „Сѣвернаго“ обществъ. — Участіе, приписываемое Тургеневу.—Неосновательность нѣкоторыхъ показаній противъ него.—Обвиненіе, высказанное С. Г. Волконскимъ.—Его несправедливость.—Кривилъ ли Тургеневъ душой въ своихъ позднѣйшихъ показаніяхъ? -Факты, относящіеся къ Тургеневу, и обвиненія, выставленныя противъ него слѣдственной коммиссіей.—Его осужденіе.—Текстъ приговора.

Въ Тульчинѣ Пестель и его друзья протестовали противъ рѣшенія московскаго съѣзда о распущеніи общества. Какъ только Волконскій привезъ имъ это извѣстіе, они собрались у Юшневскаго въ числѣ десяти членовъ и постановили не признавать общества закрытымъ, а дѣйствовать дальше по программѣ, предложенной Пестелемъ и Юшневскимъ. При этомъ была возстановлена та организація общества, которая введена была Пестелемъ еще въ 1817 году въ уставъ «Союза Спасенія». Директоры «Южнаго общества» Пестель и Юшневскій попытались тотчасъ объединить и членовъ бывшаго союза благоденствія, жившихъ въ Петербургѣ и вообще на сѣверѣ, для

*) Проектъ Якушкина, на основаніи его „Записокъ“, подробно изложенъ В. И. Семевскимъ въ I т. „Крестьянскаго вопроса въ Россіи“, стр. 461, 462.

**) „La Russie et les Russes“, I, 196—199.

***) Ibidem, 196. Сравн. „Русская Старина“ за 1901 годъ, № 10, стр. 208. „Н. И. Тургеневъ въ своемъ оправданіи“.

чего они назначили третьимъ директоромъ Никиту Муравьева *). Но эта попытка не удалась, такъ какъ Никита Муравьевъ, какъ и другіе петербургскіе члены «Союза Благоденствія», не раздѣляли намѣреній Пестеля и Юшневскаго и не согласились принять ихъ радикальную программу **). Тайное общество было возстановлено въ Петербургѣ лишь въ концѣ 1822 года, по возвращеніи гвардіи изъ западныхъ губерній, подъ именемъ «Сѣвернаго общества». «Донесеніе» слѣдственной коммиссіи приписываетъ его образованіе — на основаніи показаній главнымъ образомъ Никиты Муравьева — князю Е. П. Оболенскому, Никитѣ Мих. Муравьеву и Н. И. Тургеневу, которые и были избраны членами думы. Никита Муравьевъ прибавилъ лишь къ своему показанію, что Тургеневъ воздерживался отъ пріема новыхъ членовъ. Г. Богдановичъ, которому доступны были кромѣ самаго «Донесенія» также и подлинныя показанія декабристовъ и другіе матеріалы, излагая это обстоятельство, указываетъ лишь, что «при отъѣздѣ за границу въ апрѣлѣ 1824 года Тургеневъ разорвалъ всякія сношенія съ обществомъ и считалъ себя уже вышедшимъ изъ него. Охлажденію его къ обществу — прибавляетъ почтенный историкъ—много способствовали переданныя ему отъ имени государя увѣщанія—не какъ приказанія, а какъ совѣтъ одного христіанина другому—оставить свои заблужденія» ***). На самомъ дѣлѣ все это было не такъ. Мы видѣли, *что онъ давно уже прекратилъ связь съ южнымъ обществомъ*. Самъ Тургневъ подробно разбираетъ показанія Никиты Муравьева и выводы «Донесенія» относительно своего участія въ «Сѣверномъ обществѣ» и категорически отрицаетъ, какъ участіе въ возстановленіи общества, такъ и свою принадлежность къ нему ****).

---

*) Богдановичъ, VI, 428; срав. „Записки“ Волконскаго, 412.

**) Какъ далеки были члены „Сѣвернаго общества“ отъ республиканской программы Пестеля показываютъ, между прочимъ, слѣдующіе довольно характерные факты: Рылѣевъ, одинъ изъ наиболѣе энергичныхъ дѣятелей „Сѣвернаго общества“, ставшій въ 1824 г. во главѣ его, написалъ 30 августа 1823 г. „Оду на тезоименитство вел. кн. Александра Николаевича“, которую при всѣхъ благихъ и либеральныхъ пожеланіяхъ, въ ней высказанныхъ, никогда не могъ бы написать республиканецъ. Въ 1825 г. за нѣсколько мѣсяцевъ до 14 декабря тотъ же К. Ѳ. Рылѣевъ и А. А. Бестужевъ, издавая 3-ю книжку „Полярной Звѣзды“, посвятили это изданіе государынямъ-императрицамъ, за что Бестужевъ получилъ золотую табакерку, а Рылѣевъ два бриллiантовыхъ перстня. Такое посвященіе отнюдь не знаменовало какого-нибудь сервилизма со стороны Бестужева и Рылѣева—людей высоко благородныхъ—оно было въ нравахъ того времени. Но во всякомъ случаѣ они не могли бы этого сдѣлать, если бы они стремились къ водворенію республики въ Россіи. См. біографическій очеркъ Мазаева приложенный къ сочиненіямъ К. Ѳ. Рылѣева, изд. 1895 г. стр. XII и 97.

***) Богдановичъ, VI, 429, 430.

****) „La Russie et les Russes“, I, 200 — 205. Сравн. „Русская Старина“ за 1901 годъ, № 10, стр. 208 — 215. „Николай Ивановичъ Тургеневъ въ своемъ оправданіи“.

Что касается показаній Никиты Муравьева, то Тургеневъ, прежде всего обращаетъ вниманіе на противорѣчіе ихъ съ другими данными, приведенными въ томъ же «Донесеніи», гдѣ, между прочимъ, сказано, что въ первое время по возникновеніи «сѣвернаго общества» во главѣ его былъ поставленъ одинъ Никита Муравьевъ, которому лишь въ концѣ 1823 г. приданы были въ товарищи два другіе директора: кн. С. П. Трубецкой и кн. Е. П. Оболенскій, а по отъѣздѣ въ концѣ 1824 г. князя Трубецкого къ новому мѣсту службы въ Кіевъ вмѣсто него былъ избранъ К. Ѳ. Рылѣевъ. Въ томъ же «Донесеніи» сказано, что по свидѣтельству Матвѣя-Муравьева Апостола, Тургеневу предлагали званіе директора «сѣвернаго общества» въ 1823 г., но онъ отказался, ссылаясь на дурной успѣхъ его предсѣдательствованія на съѣздѣ въ Москвѣ. Очевидно, что Тургеневъ не могъ бы такъ мотивировать свой отказъ, еслибы онъ уже былъ членомъ думы въ 1822 году. Что же касается показанія Никиты Муравьева, то Тургеневъ приводитъ свидѣтельство матери и жены Никиты Муравьева о томъ, что въ «Донесеніи» слѣдственной коммиссіи его показанія о Тургеневѣ приведены совершенно невѣрно *).

Образцомъ того, какъ неправильны были нѣкоторыя изъ показаній, свидѣтельствовавшихъ противъ Тургенева, можетъ служить показаніе о томъ, что Тургеневъ участвовалъ въ 1825 году въ одномъ совѣщаніи. Мѣжду тѣмъ на самомъ дѣлѣ Тургеневъ болѣе, чѣмъ за годъ передъ тѣмъ, уѣхалъ за границу (въ апрѣлѣ 1824 года), и въ тотъ моментъ, когда происходило въ Петербургѣ указанное совѣщаніе, онъ находился въ Неаполѣ.

Вообще, не трудно вообразить, насколько неточны могли быть показанія многихъ членовъ общества о Тургеневѣ, если принять во вниманіе, что факты, о которыхъ приходилось давать показанія, были по большей части вовсе не исключительные, а довольно часто повторявшіеся въ томъ кругу, гдѣ эти лица вращались, и происходили за нѣсколько лѣтъ до допроса; притомъ многіе могли думать, что ихъ показанія не могутъ нанести Тургеневу особаго вреда, такъ какъ они знали, что онъ находится за границей, и слѣдовательно, внѣ опасности.

---

*) Тургеневъ приводитъ слѣдующую выписку изъ письма одного лица къ его брату: „Давно уже m-me Муравьева (мать Никиты) поручила мнѣ сдѣлать вамъ это сообщеніе. Она просила меня со слезами на глазахъ передать вамъ, что ея сынъ тотчасъ послѣ процесса клялся ей, что онъ вовсе не давалъ противъ вашего брата тѣхъ показаній, которыя приведены въ „Донесеніи“ слѣдственной коммиссіи. Эта ложь угнетала бѣдную женщину и она много разъ просила меня довести до вашего свѣдѣнія истину“.

„Жена Муравьева—прибавляетъ Тургеневъ,—которая пожелала раздѣлить ссылку своего мужа, и которая не вынесла этихъ лишеній, засвидѣтельствовала, что онъ и ей часто повторялъ то же самое“. „La Russie et les Russes“, I, 205.

Такъ, по крайней мѣрѣ разсуждали, по ихъ собственнымъ словамъ, нѣкоторые изъ его судей *).

Однако, независимо отъ показаній членовъ тайныхъ обществъ, данныхъ во время слѣдствія, въ настоящее время имѣются и другія свидѣтельства относительно участія Н. И. Тургенева въ тайныхъ обществахъ послѣ закрытія «союза благоденствія». Таково особенно категорическое заявленіе кн. С. Г. Волконскаго въ его «Запискахъ» **). Волконскій обвиняетъ Тургенева «въ намѣренномъ искаженіи истины.» «Отдавая ему—пишетъ С. Г. Волконскій,—полную справедливость, какъ постоянному защитнику словомъ и дѣломъ уничтоженія крѣпостного права въ Россіи, не могу и не долженъ утаить, что высказанное имъ, даже въ печати, увѣреніе, *что онъ не участвовалъ въ тайномъ обществѣ* и не былъ его членомъ, есть явная ложь. Въ ежегодныя мои поѣздки въ Петербургъ, какъ я выше сказалъ, по дѣламъ общества, я не только имѣлъ съ нимъ свиданія и разговоры, но было постановлено южной думой давать ему полный отчетъ о нашихъ дѣйствіяхъ, и онъ южной думой почитался, какъ усерднѣйшій дѣятель, и былъ однимъ изъ учредителей тайнаго общества».

На это прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что Н. И. Тургеневъ вовсе не отрицалъ своей принадлежности къ «союзу благоденствія», а отрицалъ лишь участіе свое въ «сѣверномъ обществѣ» послѣ закрытія «союза». Поэтому въ 1820 г. кн. С. Г. Волконскій могъ говорить съ нимъ, какъ съ членомъ тайнаго общества. Въ послѣдующія свои поѣздки онъ могъ встрѣчаться съ Н. И. Тургеневымъ, какъ съ частнымъ лицомъ, мнѣніемъ котораго однако же вожаки общества могли дорожить, несмотря на то, что онъ въ немъ не принималъ активнаго участія. Кн. Волконскій могъ даже думать по недоразумѣнію, что Тургеневъ принадлежитъ къ обществу. Разговоръ съ Тургеневымъ вовсе не служитъ самъ по себѣ доказательствомъ принадлежности Тургенева къ обществу... Такую фразу могло сказать всякое лицо, которому извѣстны были замыслы южнаго общества. Въ какомъ-нибудь спорѣ или разговорѣ она могла быть сказана иронически, напримѣръ, для выраженія сомнѣнія въ осуществимости этихъ плановъ. И въ такомъ именно смыслѣ, всего скорѣе, могъ сказать ее такой человѣкъ, какъ Тургеневъ, который, безъ сомнѣнія, относился къ планамъ южнаго общества въ высшей степени скептически. Фраза, сказанная Тургеневымъ Пущину, во-первыхъ относится, по словамъ самого Волконскаго, къ 1820 г., когда Тургеневъ былъ членомъ тайнаго общества, хотя онъ могъ, конечно, ее сказать и не будучи имъ. Но сама по себѣ эта фраза, если только она правильно передана, могла

*) „La Russie et les russes", т. I, стр. 276 „Русск. Стар." за 1901 г., № 11, стр. 328.

**) „Записки" С. Г. Волконскаго, стр. 421.

имѣть значеніе развѣ шутки. Все это противорѣчило бы совершенно тому представленію о Тургеневѣ, которое можно составить себѣ о немъ по его дѣятельности и по многочисленнымъ свидѣтельствамъ знавшихъ его лицъ. Что касается сношеній и разговоровъ съ отдѣльными членами тайныхъ обществъ, то, разумѣется, они у Тургенева были до самаго его выѣзда за границу и не могли не быть, потому что въ тайныхъ обществахъ участвовали люди по своимъ нравственнымъ качествамъ, по своему образованію и стремленіямъ по бо́льшей части весьма симпатичные Тургеневу, а съ другой стороны самъ Тургеневъ былъ личностью настолько выдающейся и просвѣщенной, что и со стороны членовъ тайныхъ обществъ и ихъ вожаковъ было вполнѣ естественно поддерживать съ нимъ сношенія. Вѣдь это были люди одного съ нимъ круга, однихъ понятій, даже во многомъ одинаковыхъ взглядовъ. Самъ Тургеневъ разсказываетъ объ одномъ свиданіи своемъ съ Пестелемъ въ началѣ 1824 г., когда Пестель былъ въ Петербургѣ, незадолго до отъѣзда Тургенева за границу. Въ это свиданіе Пестель старался обратить Тургенева къ участію въ политической агитаціи и старался убѣдить его въ правильности своихъ соціальныхъ и политическихъ мнѣній и въ исполнимости и практичности своихъ замысловъ, но не успѣлъ въ этомъ, потому что соціалистическіе идеалы Пестеля были Тургеневу совершенно чужды и казались ему дикой фантазіей, а въ политикѣ у него былъ свой планъ, первымъ актомъ котораго должно было быть освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостного права при помощи самодержавной власти императора *).

Благодаря нѣкоторымъ неправильнымъ показаніямъ относительно участія и роли Тургенева въ тайныхъ обществахъ того времени, у многихъ лицъ составилось такое представленіе, что онъ въ своихъ оправдательныхъ запискахъ и въ своихъ мемуарахъ до нѣкоторой степени кривилъ душой, искажалъ дѣйствительный и юридическій смыслъ явленій и фактовъ, желая во что бы то ни стало оправдаться и по мнѣнію нѣкоторыхъ (барона Розена **), В. И. Семевскаго ***) облегчить участь своихъ товарищей, томившихся въ то время въ ссылкѣ. Такая точка зрѣнія мнѣ кажется несправедливой. Я убѣжденъ, что Тургеневъ, что писалъ, то и думалъ, и не говоря о томъ, что одни и тѣ же факты могутъ имѣть не вполнѣ одинаковое историческое и юридическое значеніе, потому что возможность установить между различными фактами историческую связь не даетъ еще возможности установить между ними и связь юридическую и особенно связь криминальную, въ дѣлѣ Тургенева можно, мнѣ кажется, утверждать, что онъ не только былъ неправильно осужденъ съ юридической точки зрѣнія, но

*) „La Russie et les Russes“, I, 128—129.

**) „Записки декабриста“, стр. 6.

***) Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, полут. 67, стр. 108.

и съ простой житейской точки зрѣнія его роль и участіе въ событіяхъ того времени были не таковы, какими ихъ представляютъ большинство историковъ, судящихъ о нихъ главнымъ образомъ по «Донесенію» слѣдственной коммиссіи и показаніямъ его современниковъ и упускающихъ изъ виду его сочиненія, его записки и его дѣйствія, имѣвшія общественное значеніе. Я старался освѣтить ихъ какъ можно ярче и выставилъ ихъ нарочно на первый планъ, чтобы читатель могъ судить о роли Тургенева въ тайныхъ обществахъ и о степени основательности его осужденія, предварительно познакомившись съ нимъ самимъ, какъ можно полнѣе.

Приступая теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ обвинительныхъ пунктовъ, которые выставлены были противъ Тургенева «Донесеніемъ» слѣдственной коммиссіи, остановимся сперва на томъ, какъ установлена была вообще прикосновенность тайныхъ обществъ, дѣйствовавшихъ въ Россіи въ 1817—1825 годахъ, къ возмущеніямъ войскъ, происшедшимъ 14 декабря 1825 г. въ Петербургѣ и 29 декабря и въ слѣдующіе затѣмъ дни въ Бѣлой церкви. Вопросъ этотъ былъ, повидимому, предрѣшенъ съ самаго же начала: даже коммиссія, которая назначена была для разслѣдованія дѣла, названа была не слѣдственной коммиссіей по дѣлу о возмущеніи 14 декабря, а «коммиссіей для изысканій о злоумышленныхъ обществахъ» *). Въ составъ коммиссіи не было назначено ни одного юриста: предсѣдателемъ ея былъ военный министръ ген. Татищевъ, членами: вел. кн. Михаилъ Павловичъ, министръ почтъ кн. А. Н. Голицынъ, петербургскій генералъ-губернаторъ Голенищевъ-Кутузовъ и генералъ-адъютанты: Чернышевъ **), Бенкендорфъ ***), Левашовъ и Потаповъ; производителемъ дѣлъ чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ Д. Н. Блудовъ. Допросы вели главнымъ образомъ Чернышевъ, Бенкендорфъ и Левашовъ; Блудовъ въ засѣданіи коммиссіи обыкновенно не присутствовалъ ****) и составлялъ всеподданнѣйшій докладъ или донесеніе на основаніи поступившихъ къ нему записанныхъ въ засѣданіяхъ коммиссіи отдѣльныхъ показаній. Показанія записывалъ обыкновенно полковникъ Адлербергъ *****).

Кн. М. С. Волконскій сообщаетъ, что непрерывные допросы, быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ, очныя ставки, перекрестные допросы, повторявшіеся почти ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ,

---

*) Срав. добавленіе къ „Запискамъ“ С. Г. Волконскаго, составленное его сыномъ кн. М. С. Волконскимъ, стр. 477.

**) Впослѣдствіи князь, военный министръ и наконецъ предсѣдатель Государственнаго совѣта.

***) Впослѣдствіи графъ, первый шефъ жандармовъ и главноуправляющій III отдѣленіемъ собственной Е. В. канцеляріи.

****) „Записки“ С. Г. Волконскаго, добавл., составл. М. С. Волконскимъ, 451. Срав. „Записки декабриста“, барона А. Е. Розена, 87.

*****) „Записки“ С. Г. Волконскаго, стр. 451.

тяготили его отца и нравственно измучили его совершенно. По отношенію къ самому себѣ показанія кн. Волконскаго были «безусловно искренни, но страхъ своими неосторожными показаніями привлечь къ дѣлу людей непричастныхъ, или же увеличить долю виновности привлеченныхъ, неотступно его преслѣдовалъ» *). Надо думать, что душевное состояніе другихъ его товарищей было такое же. Нѣкоторыхъ мучило раскаяніе, что они увлекли другихъ къ погибели **), были и совершенно упавшіе духомъ и старавшіеся во что бы то ни стало спастись и выгородить себя (таковы въ особенности нѣкоторые изъ членовъ общества «Соединенныхъ славянъ» ***); были, наконецъ, и такіе, которые доведены были до полнаго нравственнаго разстройства ****).

Факты или утвержденія «Донесенія» слѣдственной комиссіи, имѣвшіе непосредственное отношеніе къ Тургеневу, сводятся къ девяти пунктамъ, изъ которыхъ каждый былъ подробно разобранъ въ оправдательной запискѣ Тургенева, составленной имъ при содѣйствіи французскаго юриста Шедестанжа *****).

1) Въ «Донесеніи» констатировано участіе Тургенева въ планахъ М. Ѳ. Орлова образовать въ 1817 г. общество «Русскихъ Рыцарей». Фактъ самъ по себѣ совершенно невинный, причемъ проектъ Орлова даже и не осуществился, Мамонова же, который выставленъ былъ третьимъ соучастникомъ этого предпріятія, Тургеневъ вовсе не зналъ, и самъ Мамоновъ къ дѣлу не привлекался.

---

*) Дополненіе къ „Запискамъ“ С. Г. Волконскаго, 450, 451.

**) Въ сильной степени испытывалъ это Рылѣевъ. Его чувства вылились въ стихахъ, посланныхъ имъ кн. Е. П. Оболенскому:

Мнѣ тошно здѣсь, какъ на чужбинѣ,
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто дастъ крылѣ мнѣ голубинѣ,
Да полечу и почію?
Весь міръ какъ смрадная могила!
Душа изъ тѣла рвется вонъ.
Творецъ! Ты мнѣ прибѣжище и сила,
Вонми мой вопль, услышь мой стонъ;
Приникни на мое моленье,
Вонми смиренію души,
Пошли друзьямъ моимъ спасенье,
А мнѣ даруй грѣховъ прощенье
И духъ отъ тѣла разрѣши!

(„Сочиненія К. Ѳ. Рылѣева“, изд. 1895 г., стр. 110).

***) Богдановичъ, VI, 491—492.

****) Особенно Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ; см. его статью въ „Русск. Стар.“ за 1873 г., № 8, стр. 105.

*****) „Русская старина“ за 1901 г. №№ 8—12. „Николай Ивановичъ Тургеневъ въ своемъ оправданіи“; «La Russie et les Russes“, „Memoire justificatif“, p. 153—290 (брюссельск изд. 1847 г.).

2) Было констатировано участіе въ «Союзѣ Благоденствія», но не въ «Союзѣ Спасенія». Тургеневъ по этому поводу настаиваетъ на томъ, что самъ по себѣ «Союзъ Благоденствія»—въ рамкахъ первой части устава, которая одна только и была извѣстна Тургеневу—хотя и былъ тайнымъ обществомъ, но не имѣлъ никакихъ преступныхъ или наказуемыхъ по закону цѣлей.

3) Тургеневу приписывался проектъ основанія нелегальнаго журнала и заведенія для этой цѣли тайной типографіи. Это обвиненіе, никѣмъ не подтвержденное, взято было слѣдственной комиссіей изъ доноса Грибовскаго, послужившаго повидимому источникомъ и для Бенкендорфа. На самомъ дѣлѣ Тургеневъ имѣлъ въ виду издавать журналъ, программа котораго была имъ составлена и обсуждалось при участіи проф. Куницына и нѣкоторыхъ членовъ «Союза Благоденствія», но этотъ журналъ отнюдь не долженъ былъ имѣть характера нелегальнаго изданія; и, наоборотъ, долженъ былъ выходить съ разрѣшенія цензуры. Притомъ и это предпріятіе не получило осуществленія и дальше обсужденія програмы дѣло не пошло.

4) Тургеневу приписывалось, на основаніи показанія Пестеля, участіе въ одномъ совѣщаніи о различныхъ формахъ правленія, происходившемъ на квартирѣ у полковника Глинки. Показаніями Глинки, фонъ-деръ-Бриггена и Семенова было установлено, что это было не совѣщаніе, а простой разговоръ и что Тургеневъ вмѣсто приписаннаго ему выраженія сказалъ приблизительно такъ: «республиканское правительство съ президентомъ во главѣ очень хорошо, но главное всегда зависитъ отъ устройства въ народномъ представительствѣ». Поэтому слѣдственная комиссія не рѣшалась выставить это показаніе Пестеля, какъ обвинительный пунктъ противъ Тургенева.

5) Констатировано было участіе Тургенева въ съѣздѣ членовъ «Союза Благоденствія», происходившемъ въ Москвѣ въ началѣ 1821 г. и постановившемъ подъ его предсѣдательствомъ закрытіе «Союза». На этомъ съѣздѣ, прежде чѣмъ постановить рѣшеніе о распущеніи «Союза», дѣлались разныя попытки преобразованія общества *). Очевидно, что по этому пункту Тургеневъ также мало подлежалъ осужденію, какъ освобожденные отъ всякой отвѣтственности его товарищи: Орловъ, Бурцовъ, Калошинъ, Михаилъ Муравьевъ и Комаровъ.

6) Противъ Тургенева выставлено было обвиненіе въ участіи и въ основаніи «Сѣвернаго общества» на основаніи показаній Никиты Муравьева и Семенова. Эти показанія разобраны нами выше, причемъ достаточно выяснена ихъ неосновательность.

7) Показанія Никиты и Матвѣя Муравьевыхъ относительно участія Тургенева въ управленіи «Сѣвернымъ Обществомъ» въ качествѣ одного изъ его директоровъ также подробно разсмотрѣны выше, причемъ ихъ

*) „Донесеніе“, стр. 33. Ср. „Русск. Старин“. за 1901 г., № 9, стр. 635.

неточности и противорѣчивость выясняются простымъ сопоставленіемъ датъ, независимо отъ того, что Никита Муравьевъ, по свидѣтельству его матери и жены, самъ считалъ впослѣствіи эти показанія невѣрными, а Матвѣй Муравьевъ во время слѣдствія находился въ совершенно ненормальномъ душевномъ состояніи.

8) Въ «Донесеніи» говорится еще о присутствіи Н. И. Тургенева на одномъ совѣщаніи членовъ «Сѣвернаго Общества» съ делегатами «Южнаго» въ 1824 г., на основаніи показаній одного лишь Никиты Муравьева, который самъ на этомъ совѣщаніи не былъ и показалъ лишь по слухамъ. Тургеневъ совершенно отвергаетъ справедливость этого показанія.

Наконецъ, 9) въ «Донесеніи» приведено явно ошибочное показаніе Рылѣева и Матвѣя Муравьева, который впослѣдствіи отъ него и отказался, что будто бы онъ участвовалъ въ одномъ совѣщаніи членовъ «Сѣвернаго Общества», происходившемъ осенью 1825 г. На самомъ дѣлѣ Тургеневъ, какъ мы уже знаемъ, уѣхалъ изъ Петербурга за полтора года до этого—въ апрѣлѣ 1824 г.—за границу и въ тотъ моментъ находился въ Неаполѣ. Это показаніе не было впрочемъ признано основательнымъ ни слѣдственной коммисіей, ни даже верховнымъ уголовнымъ судомъ.

Такъ какъ Тургеневъ на судъ не являлся, а та оправдательная записка, которую Тургеневъ послалъ черезъ брата при первомъ извѣстіи о выставленныхъ противъ него обвиненіяхъ, не показались достаточно убѣдительной князю Голицыну, разсмотрѣвшему ее при участіи Жуковскаго и кн. Вяземскаго, и такъ какъ показанія Никиты Муравьева и Семенова относительно участія Тургенева въ основаніи и управленіи «Сѣвернымъ обществомъ» не были тогда опровергнуты, то Тургеневъ былъ бы обвиненъ верховнымъ уголовнымъ судомъ даже и въ томъ случаѣ, если бы судъ этотъ отвергъ бы обвиненія Тургенева въ республиканскихъ замыслахъ. Верховный уголовный судъ нашелъ, что Тургеневъ *по показанію 24-хъ соучастниковъ, былъ дѣятельнымъ членомъ тайнаго общества, участвовалъ въ учрежденіи, возстановленіи, совѣщаніяхъ и распространеніи онаго привлеченіемъ другихъ, равно участвовалъ въ умыслѣ ввести республиканское правленіе, и удалясь за границу, онъ по призыву правительства къ оправданію не явился, чѣмъ и подтвердилъ эдѣланныя на него показанія*, въ виду чего судъ приговорилъ его къ смертной казни, а по Высочайшей конфирмаціи опредѣлено было лишить его всѣхъ правъ состоянія и сослать въ каторжную работу безъ срока *).

*) Роспись государственнымъ преступникамъ, приговоромъ верховнаго уголовнаго суда осуждаемымъ къ разнымъ казнямъ и наказаніямъ. При указѣ сената. Печат. при сенатѣ іюля 13-го дня 1826 г.

Глава VIII.

Жизнь Тургенева за границей послѣ осужденія. — Его братья и В. А. Жуковскій, какъ адвокатъ Тургенева.—Предположенія о пріѣздѣ Тургенева въ Россію и о пересмотрѣ его дѣла, вызванныя недоразумѣніемъ. — Женитьба и поселеніе его вблизи Парижа.—Характеристика его быта.—Матеріальное обезпеченіе благодаря брату.—Мемуары Тургенева.—Изданіе книги „La Russie et les Russes".—Третій томъ—„Pia desideria". — Планъ послѣдовательнаго преобразованія Россіи.—„Русская правда" Н. И. Тургенева.—Связь этого труда съ прежними идеями Тургенева.—Возстановленіе Тургенева въ правахъ.—Поѣздка въ Россію въ 1857 г.—Устройство крестьянъ въ Каширскомъ уѣздѣ.—Участіе въ обсужденіи реформъ въ концѣ 50-хъ и въ 60-хъ годахъ. — „Чего желать для Россіи?"—Смерть Тургенева.

Послѣ осужденія Тургеневъ остался за границей. Братъ сохранилъ ему его наслѣдственную долю имущества, такъ что онъ могъ существовать не только безбѣдно, но и съ комфортомъ. Изъ друзей Н. И. Тургенева наиболѣе вѣрнымъ и преданнымъ ему въ его несчастіи оказался В. А. Жуковскій *). Съ самого момента осужденія Тургенева Жуковскій не переставалъ мужественно и дѣятельно хлопотать объ измѣненіи его участи передъ императоромъ Николаемъ. Жуковскій занималъ въ это время должность наставника наслѣдника престола, будущаго императора Александра II-го. Въ 1826 г. призванный на этотъ отвѣтственный постъ, онъ былъ поглощенъ составленіемъ раціональнаго плана воспитанія и обученія Александра Николаевича, которому въ это время исполнилось 7 лѣтъ. Онъ уѣхалъ за границу, чтобы лучше приготовиться къ своей миссіи, и здѣсь, между прочимъ, при содѣйствіи братьевъ Тургеневыхъ составлялъ для своего питомца библіотеку. Младшій изъ братьевъ Сергѣй Ивановичъ первоначально былъ также вызванъ въ Петербургъ къ слѣдствію по дѣлу декабристовъ; но въ Дрезденѣ онъ былъ остановленъ и получилъ разрѣшеніе остаться за границей, какъ человѣкъ безусловно непричастный ни къ возмущенію 14-го декабря, ни къ тайнымъ обществамъ.

Императоръ Николай Павловичъ, несмотря на свое предубѣжденіе противъ Николая Тургенева, первоначально не препятствовалъ Жу-

*) Срав. ст. кн. П. А. Вяземскаго въ „Русск. арх." за 1876 г., т. I „Жуковскій, какъ адвокатъ Н. Тургенева передъ императоромъ Николаемъ", и статью Н. Дубровина въ „Русск. Стар." за 1902 г., № 4 „В. А. Жуковскій и его отношенія къ декабристамъ", стр. 47—94. Живя въ 1826—1827 гг. съ Александромъ Тургеневымъ въ Дрезденѣ В. А. Жуковскій постоянно сносился и съ Николаемъ, которому онъ посвятилъ въ это время басню „О золотѣ". 8-го сентября 1827 г. А. Тургеневъ писалъ Николаю: „Читая твои письма въ Дрезденѣ и послѣ, Жуковскій часто мнѣ говаривалъ, что онъ обязанъ тебѣ, твоему несчастію, самыми высокими минутами въ жизни" („Русская Старина" за 1875 г., № 4, стр. 745).

ковскому поддерживать съ нимъ сношенія и терпѣливо принималъ ходатайства Жуковскаго, хотя давалъ на нихъ неизмѣнно отрицательный отвѣтъ.

Н. И. Тургеневъ остался за границей въ качествѣ пожизненнаго изгнанника. Въ 1833 г. онъ переѣхалъ въ Парижъ и поселился навсегда въ его окрестностяхъ, въ Буживалѣ, гдѣ пріобрѣлъ виллу Вербуа. Передъ тѣмъ онъ женился въ Швейцаріи на дочери офицера наполеоновскихъ войскъ сардинца маркиза Віарисъ, отъ которой впослѣдствіи имѣлъ двухъ сыновей и дочь *).

«Несмотря на многолѣтнее пребываніе за границей, Н. И. Тургеневъ остался—по выраженію И. С. Тургенева—русскимъ человѣкомъ съ ногъ до головы, и не только русскимъ,—московскимъ человѣкомъ. Эта коренная русская суть выражалась во всемъ: въ пріемахъ, во всѣхъ движеніяхъ, во всей повадкѣ, въ самомъ выговорѣ французскаго языка,—о русскомъ языкѣ уже и упоминать нечего. Бывало,—вспоминаетъ Иванъ Сергѣевичъ—находясь подъ кровомъ этого радушнаго, гостепріимнаго хозяина-хлѣбосола (онъ жилъ на большую ногу,—извѣстно, что братъ его, Александръ Ивановичъ, сохранилъ ему все его состояніе); слушая его нѣсколько тяжеловатую, но всегда искреннюю, толковую и честную рѣчь, невольно удивляешься, почему ты сидишь передъ каминомъ, въ убранномъ по иностранному кабинетѣ, а не въ теплой и просторной гостиной старозавѣтнаго московскаго дома, гдѣ-нибудь на Арбатѣ или на Пречестенкѣ, или на той же Маросейкѣ, гдѣ Н. Тургеневъ провелъ свою первую молодость?..» **).

Въ 1837 г., чтобы обезпечить на случай своей смерти матеріальное положеніе Николая Тургенева, А. И. Тургеневъ продалъ родовое симбирское имѣніе своему двоюродному брату, который далъ честное слово «любить и жаловать крестьянъ» ***). Этотъ поступокъ Александра Ивановича многимъ казался предосудительнымъ или по крайней мѣрѣ несоотвѣтствующимъ тѣмъ мнѣніямъ, которыя проповѣдывали братья Тургеневы въ крестьянскомъ вопросѣ. Но дѣло въ томъ, что въ случаѣ смерти А. И. Тургенева имѣніе не могло перейти къ Николаю, и все равно досталось бы родственникамъ, тогда какъ Н. И. Тургеневъ съ семьей остался бы безъ средствъ къ жизни. Это соображеніе нельзя не принять во вниманіе при оцѣнкѣ этого факта.

Въ Парижѣ Николай Ивановичъ занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ мемуаровъ, которые онъ предпринялъ сперва въ цѣляхъ своего

---

*) Некрологъ, написанный Ив. С. Тургеневымъ„ Полное собраніе сочиненій т. X, стр. 450. Ср. статью Д. Н. Свербеева въ „Русск. Архивѣ“ за 1871 годъ. № 11, стр. 1962.

**) „Полное собраніе соч. И. С. Тургенева“, X, 454—455.

***) Названная статья Д. И. Свербеева, а также статья В. И. Семевскаго о Н. И. Тургеневѣ въ 67 полутомѣ энцикл. словаря Брокгауза и Ефрона, стр. 110.

оправданія, но которые затѣмъ незамѣтно для него самаго разрослись въ цѣлую книгу о Россіи, которую онъ и издалъ въ 1847 г. на французскомъ языкѣ въ 3-хъ томахъ подъ заглавіемъ: «La Russie et les Russes». Въ сущности она была готова гораздо ранѣе, но Жуковскій отсовѣтовалъ Тургеневу ее издавать, опасаясь, что можетъ повредить Александру Тургеневу. 13-го декабря 1846 г. Александръ Ивановичъ умеръ и послѣ того ничто уже не могло помѣшать Николаю Ивановичу опубликовать свой трудъ.

Въ I томѣ этого сочиненія на первомъ мѣстѣ, подъ заглавіемъ «Записки изгнанника» изложены весьма интересныя воспоминанія Н. И. Тургенева, начиная съ 1812 г. до 1825 года, которыми я неоднократно пользовался при составленіи настоящей статьи. Затѣмъ слѣдуетъ его оправдательная записка, содержащая подробную и обстоятельную критику на донесеніе слѣдственной коммиссіи по дѣлу декабристовъ. Наконецъ, въ томъ же томѣ въ видѣ приложеній помѣщены отдѣльныя статьи о Штейнѣ, Лагарпѣ, Поццо ди-Борго, Карамзинѣ, о тайныхъ обществахъ, о проф. Геде, кн. Алексѣѣ Куракинѣ, кн. Александрѣ Салтыковѣ и М. М. Сперанскомъ. Содержаніе этого тома послужило однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для извѣстной книги А. Н. Пыпина—«Общественное движеніе при Александрѣ I».

II томъ «La Russie et les Russes» посвященъ описанію моральнаго, политическаго и соціальнаго положенія Россіи въ половинѣ XIX-го столѣтія. Въ первой части этого тома изображено положеніе отдѣльныхъ классовъ русскаго народа, причемъ особенно обстоятельно очерчено положеніе крестьянъ всѣхъ категорій. Во второй части этого тома описано государственне устройство и управленіе дореформенной Россіи. Въ этомъ томѣ на ряду съ общеизвѣстенными въ настоящее время свѣдѣніями приводится много интересныхъ данныхъ изъ личныхъ наблюденій и воспоминаній Тургенева, особенно по крестьянскому вопросу и по финансовымъ дѣламъ. Въ видѣ приложеній въ концѣ тома напечатаны: «Записка, поданная въ 1819 г. Н. И. Тургеневымъ гр. Милорадовичу»; «Замѣтки объ указѣ 2-го апрѣля 1842 г. (объ обязанныхъ крестьянахъ)»; «О муштровкѣ солдатъ при Александрѣ I»; «О шпіонствѣ и о реформѣ монетной системы въ Россіи».

III томъ, носящій заглавіе «Будущность Россіи», содержитъ въ себѣ обзоръ необходимыхъ для Россіи реформъ въ опредѣленной послѣдовательности—«pia desideria», какъ назвалъ ихъ самъ авторъ. Тургеневъ начинаетъ эту часть своей книги подробными доказательствами необходимости для Россіи, въ цѣляхъ ея благополучія и развитія ея національнаго могущества, пріобщиться къ благамъ европейской цивилизаціи. Высшей точки могущества и величія, по мнѣнію Тургенева, Россія достигла при Александрѣ I, когда ей посчастливилось явить міру необыкновенное зрѣлище: самодержца, призывающаго на-

родъ къ борьбѣ за независимость и свободу *). Послѣ того Россія не только не прогрессировала, но, наоборотъ, отстала отъ другихъ государствъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ періодъ съ 1813—1845 г. всѣ европейскія страны быстро пошли впередъ въ торговлѣ, промышленности, во всесторонніхъ улучшеніяхъ гражданскаго быта и въ организаціи армій. Въ Россіи былъ въ это время полный застой благодаря, главнымъ образомъ, крѣпостному праву. Даже русская армія, какъ доказываетъ Тургеневъ, регрессировала въ это время въ своемъ духѣ и строѣ, что и обнаружилось во время войнъ турецкой (1828) и польской (1831 г.). Этотъ регрессъ зависѣлъ отъ существовавшей тогда рекрутской системы и плохихъ кадетскихъ корпусовъ, выпускавшихъ невѣжественныхъ офицеровъ. Указывая на необходимость для Россіи позаимствовать у Европы всѣ эти улучшенія, Тургеневъ предостерегаетъ противъ всякихъ попытокъ заимствовать одни результаты цивилизаціи, отвергнувъ ея основы. При всемъ горячемъ своемъ патріотизмѣ Тургеневъ является въ этой главѣ рѣшительнымъ западникомъ. Но констатируя отсталость Россіи и почти предсказывая ей пораженіе при будущемъ столкновеніи съ европейскими державами, если она не выйдетъ изъ состоянія застоя, Тургеневъ рекомендуетъ мѣры отнюдь не революціонныя, а совершенно лойальныя. Въ тогдашней Россіи онъ видѣлъ два капитальныхъ препятствія къ прогрессу; крѣпостное право и положеніе Польши **). Указавъ на повелительную необходимость приступить къ эмансипаціи крестьянъ, онъ высказываетъ даже, что всякая другая реформа, предпринятая въ Россіи до освобожденія крестьянъ, опасна и нежелательна, потому что она можетъ затормозить это послѣднее.

Въ видѣ примѣра, заслуживающаго подражанія, Тургеневъ приводитъ планомѣрную и раціональную реформаторскую дѣятельность Штейна, который въ Пруссіи также поставилъ на первую очередь освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостного права и имѣлъ въ виду завершить дѣло широкимъ политическимъ представительствомъ народа. Иниціативы преобразованій Тургеневъ ждалъ отъ самой верховной власти, опираясь въ своей надеждѣ на историческіе примѣры и особенно на примѣръ Петра, главную заслугу котораго Тургеневъ видѣлъ въ томъ, что Петръ въ своей реформаторской дѣятельности всегда работалъ для Россіи.

Рекомендуя извѣстную планомѣрность и послѣдовательность въ преобразованіи гражданскаго и политическаго быта Россіи, Тургеневъ раздѣляетъ необходимыя преобразованія на двѣ эпохи. На первое мѣсто онъ ставитъ освобожденіе крестьянъ, причемъ попрежнему онъ представляетъ себѣ освобожденіе безземельное, хотя отдаетъ пред-

*) „La Russie et les Russes“, III, 13.

**) Ibidem, III, 26—50.

почтеніе освобожденію крестьянъ съ землей, причемъ считаетъ достаточнымъ надѣломъ 1 десятину на души или 3 десятины на тягло, но зато безплатно *). За крестьянской реформой должна слѣдовать судебная, которая обезпечила бы хотя нѣкоторую независимость суда, въ видѣ отдѣленія судебной власти отъ административной, и ввела бы судъ присяжныхъ по уголовнымъ и по гражданскимъ дѣламъ, гласное и устное судопроизводство и періодичность сессій. Тургеневъ полагалъ уѣздный и земскій судъ соединить въ одинъ, подчинивъ ему дѣла мировой юстиціи и слѣдственную часть. Судъ присяжныхъ онъ полагалъ съ одною инстанціей и съ правомъ для недовольной стороны обжалованіе лишь въ кассаціонномъ порядкѣ. Въ кассаціонный судъ онъ предполагалъ преобразовать сенатъ. Отличительной чертой тургеневскаго проекта являлось то, что, проектируя судъ присяжныхъ, онъ въ то же время не желалъ состязательнаго процесса по уголовнымъ дѣламъ и прокурору предоставлялъ роль не обвинителя, а лишь блюстителя законности. Что касается судебнаго персонала, то Тургеневъ предполагалъ открыть доступъ къ юридической карьерѣ лицамъ всѣхъ сословій, а при замѣщеніи должностей отдавалъ преимущество выборному началу, которое въ его глазахъ являлось больше гарантіей независимости судей, нежели ихъ несмѣняемость. Для образованія молодыхъ юристовъ Тургеневъ находилъ желательнымъ командировку молодыхъ людей за границу для ознакомленія съ тамошнимн судебными порядками. Къ учрежденію адвокатуры Тургеневъ относился съ сомнѣніемъ; не имѣя въ виду вводить состязательнаго процесса, онъ смотрѣлъ на нее, какъ на роскошь, по крайней мѣрѣ въ извѣстномъ періодѣ реформъ, и ему ка-

*) „La Russie et les Russes“, 110—114. Этотъ надѣлъ, какъ справедливо отмѣтилъ уже В. И. Семевскій, весьма походилъ на четвертной, нищенскій надѣлъ, придуманный въ 1860 г. кн. Гагаринымъ. Нельзя не согласиться съ В. И. Семевскимъ, что Тургеневъ, бывшій передовымъ бойцомъ за крестьянское дѣло въ царствованіе Александра I, очень отсталъ отъ русскаго общественнаго теченія по крестьянскому вопросу къ концу сороковыхъ годовъ. Живя за границей, онъ потерялъ способность живо схватывать и понимать жизненныя потребности народа и оставался благодаря этому и ко времени освобожденія крестьянъ въ Россіи на точкѣ зрѣнія реформъ Штейна, на которую онъ сталъ въ первой молодости. Ошибочность и отсталось его точки зрѣнія на крестьянскій вопросъ была очень рѣзко указана однимъ изъ его товарищей по несчастію Н. А. Бестужевымъ въ письмѣ послѣдняго С. Г. Волконскому, написанномъ въ 1849 г. и приведенномъ С. В. Максимовымъ въ ст. „Н. А. Бестужевъ по его письмамъ“ („Наблюдатель“. 1883 г, № 3 стр, 115-119); срав, „Крестьян. вопросъ въ Россіи“ В. И. Семевскаго, т. II, стр, 362. Слѣдуетъ, однако, помнить, что Н. И. Тургеневъ, стоя за маленькіе надѣлы, имѣлъ въ виду вовсе не помѣщичьи интересы, а исходилъ единственно изъ желанія какъ можно скорѣе и какъ можно полнѣе освободить и отмежевать крестьянина отъ помѣщика, причемъ опасался, что выкупъ, опредѣленный за болѣе значительные надѣлы, установленные редакціонными коммиссіями, будетъ разорителенъ для крестьянъ. Впослѣдствіи онъ призналъ самъ свою ошибку.

залось, что гораздо важнѣе такъ редактировать законы, чтобы они были доступны для каждаго гражданина безъ помощи адвоката *). На ряду съ судебной реформой Тургеневъ ставитъ пересмотръ уголовныхъ законовъ. Прежде всего онъ требуетъ уничтоженія тѣлесныхъ наказаній, скептически относится къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, особенно т. наз. бродягъ. Смертную казнь онъ признаетъ вредной съ общественной точки зрѣнія; рекомендуетъ тюремное заключеніе современнаго ему французскаго типа, но въ смягченномъ видѣ **).

Въ области администраціи Тургеневъ находитъ нужнымъ, прежде всего, съ освобожденіемъ крестьянъ ввести должности мировыхъ посредниковъ, которые являлись бы защитниками крестьянскихъ интересовъ и разбирали бы различныя недоразумѣнія между помѣщиками и крестьянами по найму земель и т. п. Затѣмъ онъ полагалъ дать самоуправленіе городскимъ обществамъ въ лицѣ домовладѣльцевъ. Изъ соединеннаго присутствія дворянскихъ собраній и городскихъ совѣтовъ онъ проектировалъ нѣчто въ родѣ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній ***).

Въ системѣ управленія и народнаго хозяйства вообще въ первомъ періодѣ реформъ Тургеневъ считалъ возможными и желательными слѣдующія улучшенія: усиленіе децентрализаціи въ смыслѣ представленія мѣстнымъ властямъ большаго круга дѣлъ и невмѣшательства центральной администраціи въ мелочныя дѣла. Въ устраненіе же произвола мѣстныхъ властей Тургеневъ предполагалъ широкое развитіе выборной системы замѣщенія должностей. Въ то же время онъ проектировалъ допущеніе подготовленныхъ лицъ изъ низшихъ классовъ къ замѣщенію должностей, особенно спеціальныхъ, и вообще указывалъ на необходимость открыть дорогу образованнымъ людямъ и людямъ труда и таланта разныхъ сословій; рекомендовалъ также постепенное уничтоженіе чиновъ съ замѣной ихъ на первое время классами должностей ****).

Говоря о начальномъ образованіи, Тургеневъ далекъ отъ мысли о необходимости и справедливости безплатнаго обученія вообще, но въ Россіи временно онъ полагаетъ необходимымъ установленіе именно дарового начальнаго обученія. Останавливаясь по этому поводу надъ вопросомъ о средствахъ, онъ полагаетъ, что слѣдуетъ поступиться для этого нѣсколькими гвардейскими полками (причемъ замѣчаетъ, что содержаніе каждаго изъ нихъ стоитъ столько же, сколько стоитъ содержаніе университета), даже такими блестящими, но дорого стоющими народу, какъ Бородинскій и нѣкоторые другіе, а равно и постройкой роскошныхъ зданій. Съ цѣлью насажденія знаній онъ полагаетъ по-

*) „la Russie et les Russes", т. III, 121—132.
**) Ibidem, 132—136.
***) Ibidem, 137—139.
****) Ibidem, 140—149.

прежнему полезнымъ поощреніе водворенія въ Россіи честныхъ и образованныхъ иностранцевъ и еще болѣе полезнымъ посылку русскихъ молодыхъ людей для обученія за границу. Онъ предлагалъ даже образовать въ этихъ видахъ за границею особое заведеніе для русскихъ указывая, какъ прототипъ, французскую академію художествъ въ Римѣ *).

Далѣе онъ останавливается на необходимости улучшенія матерьяльнаго положенія духовенства и поднятія его нравственнаго и умственнаго уровня. Между прочимъ онъ рекомендуетъ и молодыхъ духовныхъ посылать за границу для слушанія лекцій на богословскихъ факультетахъ протестантскихъ университетовъ. Въ отношеніи раскольниковъ и сектантовъ Тургеневъ рекомендуетъ полную вѣротерпимость и даже противъ наиболѣе вредныхъ сектъ, каковы напр. скопцы, онъ считаетъ наиболѣе раціональнымъ средствомъ широкое распространеніе просвѣщенія. Столь же полную свободу вѣроисповѣданія Тургеневъ предполагаетъ и для иновѣрцевъ **).

Переходя къ устройству войска, Тургеневъ настаиваетъ на необходимости немедленно вслѣдъ за уничтоженіемъ крѣпостного права уничтожить и рекрутчину, замѣнивъ ее всесословной воинской повинностью по примѣру европейскихъ странъ. Требуя уничтоженія тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ, Тургеневъ допускаетъ здѣсь нѣкоторую постепенность, начиная съ гвардейскихъ, гренадерскихъ и артиллерійскихъ войскъ, а также старыхъ солдатъ въ армейскихъ полкахъ, и сводя въ концѣ концовъ къ удержанію подобныхъ наказаній лишь въ дисциплинарныхъ батальонахъ. Далѣе онъ доказываетъ необходимость допущенія въ военныя школы (кадетскіе корпуса) дѣтей не дворянскаго происхожденія и желательность посылки молодыхъ офицеровъ съ учебными цѣлями за границу. Наконецъ, онъ останавливается на необходимости завести во всѣхъ полкахъ школы для солдатъ, подобно тому, какъ это попытался когда-то осуществить въ своей дивизіи М. Ѳ. Орловъ ***).

Въ отношеніи управленія финансами въ первомъ періодѣ реформъ Тургеневъ предлагалъ слѣдующія реформы: 1) отмѣну подушной подати, 2) отмѣну откуповъ и налога съ вина, причемъ настаивалъ на необходимости ввести общества трезвости по примѣру ирландскихъ; 3) взамѣнъ отмѣняемыхъ податей и налоговъ Тургеневъ проектировалъ установленіе поземельнаго и подоходнаго налоговъ. Наконецъ, 4) онъ указывалъ на необходимость отказаться отъ системы покровительства торговли и промышленности въ ущербъ земледѣлію и соотвѣтственно измѣнить таможенное законодательство ****).

---

*) „La Russie et les Russes“, 149—158.
**) Ibidem, 158—163.
***) Ibidem, 163—168.
****) Ibidem, 168—171.

Надзоръ за исполненіемъ этихъ реформъ, по мнѣнію Тургенева, не можетъ быть осуществленъ безъ помощи независимой печати. Онъ сознавалъ, что при абсолютномъ правительствѣ полной свободы печати быть не можетъ, но признавалъ безусловно необходимымъ допущеніе и развитіе гласности и нѣкоторый просторъ въ обсужденіи внутреннихъ народныхъ и общественныхъ нуждъ. Въ числѣ аргументовъ онъ приводитъ тутъ между прочимъ мнѣніе О'Коннеля, что свобода печати также, какъ свобода миттинговъ, есть своего рода клапанъ для выхода народныхъ страстей и общественнаго пыла *).

Переходя къ внѣшней политикѣ, Тургеневъ рѣзко критикуетъ политику нераціональнаго и безплоднаго съ точки зрѣнія интересовъ Россіи вмѣшательства нашей дипломатіи во внутреннія дѣла отдаленнѣйшихъ государствъ съ цѣлью повсемѣстной поддержки легитимистовъ противъ революціонныхъ и прогрессивныхъ теченій. Онъ указываетъ на ненормальность и невыгодность для Россіи положенія русскаго императора, какъ главы консервативной или легитимистской партіи въ Европѣ, и отмѣчаетъ измѣненіе повсюду въ Европѣ отношенія къ Россіи со времени 1812—1814 гг., когда Россія пользовалась всемірными симпатіями. Настоящіе интересы Россіи, по мнѣнію Тургенева, на востокѣ и ея миссія тамъ—освободительная. При этомъ онъ ссылается на политику Панина, Безбородко, Потемкина при Екатеринѣ и политику Каподистріи при Александрѣ. Впрочемъ, Тургеневъ далекъ отъ увлеченія славянофильскими взглядами. Онъ называетъ ихъ поэзіей въ политикѣ. Между прочимъ, онъ считалъ выгоднымъ для Россіи содѣйствовать національному объединенію Германіи и Италіи, разсчитывая, что въ восточномъ вопросѣ вліяніе этихъ странъ будетъ благопріятно освобожденію грековъ и славянъ **).

Настаивая на необходимости во 2-омъ періодѣ реформъ обезпечить въ Россіи полную свободу слова и печати съ подчиненіемъ преслѣдованія ея злоупотребленій суду присяжныхъ, Тургеневъ такъ обосновываетъ это положеніе: «Вмѣсто того, чтобы преувеличивать неудобства свободы мысли и печати, которыя безъ сомнѣнія не больше тѣхъ, какія бываютъ во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ, слѣдовало бы лучше глубже оцѣнить опасности, проистекающія изъ отсутствія этой свободы, исчислить все, что теряетъ народъ, которому отказываютъ въ этой свободѣ, въ своемъ матерьяльномъ благосостояніи, въ своемъ умственномъ развитіи и нравственномъ достоинствѣ...»

«Какъ всякая иная свобода, свобода слова и печати влечетъ за собой и отвѣтственность. Эта отвѣтственность должна быть опредѣлена закономъ; и этотъ законъ долженъ быть ясенъ и простъ, и то и другое вполнѣ достижимо, при условіи откровенности и устраненіи всякой задней мысли...» ***).

---

*) „La Russie et les Russes", 172—176.

) Ibidem, 176—190. *) Ibidem, 202.

О свободѣ совѣсти Тургеневъ замѣчаетъ, что нельзя лишить человѣка этой свободы, не поступаясь частью человѣческаго достоинства, не жертвуя тѣмъ, что есть въ человѣкѣ духовнаго и безсмертнаго. Не требуя отъ Россіи, чтобы она опередила въ этомъ отношеніи другія образованныя страны, онъ не рѣшается настаивать на отдѣленіи церкви отъ государства, а требуетъ лишь, чтобы церковь не служила для государства орудіемъ для его цѣлей и чтобы всѣ культы въ Россіи пользовались полной свободой и одинаковымъ покровительствомъ закона. Отстаивая свободу сектъ, онъ замѣчаетъ: «разнообразіе, а не единообразіе—законъ природы и этотъ законъ возобладаетъ въ области ума и вѣры, какъ онъ царитъ теперь въ физическомъ мирѣ... Скажемъ болѣе,—прибавляетъ Тургеневъ,—секты, въ ихъ разнообразіи, не только есть вещь неизбѣжная, но и чрезвычайно полезная, особенно въ религіи... Свобода—и скажемъ правду—конкуренція,—вотъ что придаетъ и сохраняетъ силу и плодотворность различныхъ вѣроученій: монополія поражаетъ ихъ безплодіемъ и производитъ тупость и равнодушіе...» *).

Мы остановились такъ подробно на изложеніи нѣкоторыхъ частей сочиненія Н. И. Тургенева потому, что оно не безынтересно, какъ «единственное сочиненіе въ эпоху императора Николая, въ которомъ русскій политическій либерализмъ получилъ довольно полное выраженіе» **), для насъ же оно имѣетъ еще особый интересъ въ виду прямого утвержденія кн. С. Г. Волконскаго, что все, что печатно высказано Тургеневымъ «о финансахъ и судопроизводствѣ для Россіи» во время пребыванія его за границей, «есть сводъ того, что имъ приготовлено было для примѣненія при переворотѣ» ***). Подробное ознакомленіе съ тѣмъ, что высказано Тургеневымъ въ этомъ отношеніи, какъ нельзя лучше показываетъ, что Тургеневъ, стоя на уровнѣ понятій просвѣщенныхъ людей своего вѣка относительно всѣхъ отдѣловъ государственнаго устройства и управленія, отнюдь не помышлялъ однако о какомъ-нибудь переворотѣ, а разсчитывалъ на мирную преобразовательную дѣятельность самого правительства, которое, по его соображеніямъ вступитъ на путь реформъ, если пожелаетъ сохранить свое мѣсто въ средѣ великихъ европейскихъ державъ. Событія, наступившія вслѣдъ за крымской компаніей, блистательно оправдали эти соображенія Николая Тургенева. Въ 1848 г. Тургеневъ предвидѣлъ уже и самую войну, какъ это видно изъ его брошюры «La Russie en présance de la crise européenne» ****).

Съ восшествіемъ на престолъ императора Александра II, воспитан-

*) „La Russie et les Russes“, 209.

**) Ср. ст. о Тургеневѣ В. И. Семевскаго въ Энцик. слов. Брокгауза и Ефрона, полутомъ 67, стр. 110.

***) „Записки“, стр. 423.

****) Ив. Сер. Тургеневъ „Некрологъ Н. И. Тургенева“ въ Собран. сочин.“ т. X, стр. 451, примѣчаніе.

ника В. А. Жуковскаго, Тургеневу удалось, наконецъ, быть выслушан нымъ. При личномъ свиданіи съ кн. А. Θ. Орловымъ, бывшемъ въ 1856 г. нашимъ уполномоченнымъ въ Парижѣ, ему удалось доказать неосновательность выставленныхъ противъ него обвиненій и несправедливость приговора, осудившаго его въ 1826 году. Вскорѣ послѣ того Тургеневъ по особому высочайшему повелѣнію былъ возстановленъ во всѣхъ правахъ, отнятыхъ у него приговоромъ верховнаго уголовнаго суда *). Онъ не только получилъ право, подобно другимъ осужденнымъ въ 1826 г. лицамъ, возвратиться на родину, но ему были возвращены вмѣстѣ съ тѣмъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и ордена **).

Въ 1857 г. онъ впервые послѣ тридцатитрехлѣтняго изгнанія возвратился въ Россію. Начиналась эпоха великихъ реформъ, и Тургеневъ со всѣмъ интересомъ и пыломъ юности поспѣшилъ принять участіе въ обсужденіи готовящихся преобразованій. Но еще прежде, нежели изданъ былъ знаменитый рескриптъ 20-го ноября 1857 года, Николай Ивановичъ приступилъ къ практическому рѣшенію крестьянскаго вопроса въ небольшомъ имѣніи, доставшемся ему по наслѣдству въ 1856 г. въ Каширскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи. Крестьяне въ этомъ имѣніи были частью на оброкѣ, частью на барщинѣ; Тургеневъ, прежде всего, перевелъ барщинныхъ крестьянъ на оброкъ, который и былъ установленъ въ размѣрѣ 20 руб. съ души (сравнительно весьма умѣренный). Затѣмъ Тургеневъ предложилъ крестьянамъ выйти на волю и получить въ собственность *безвозмездно* $^1/_3$ всей земли, принадлежавшей къ имѣнію, что составляло, впрочемъ, нѣсколько менѣе 3 десятинъ на тягло. Этотъ надѣлъ былъ, безъ сомнѣнія, недостаточенъ; но если мы примемъ во вниманіе, что въ тульскомъ губернскомъ комитетѣ большинство членовъ проектировало дать крестьянамъ именно этотъ надѣлъ *за значительный выкупъ* и что Тургеневъ и всю остальную землю сдалъ въ аренду тѣмъ же крестьянамъ по 4 руб. за десятину и сталъ такимъ образомъ получать съ имѣнія вдвое меньше, чѣмъ получалъ оброка при всей его умѣренности, то для насъ не остается никакого сомнѣнія, что онъ хотѣлъ устроить своихъ крестьянъ на условіяхъ весьма льготныхъ для нихъ и очень невыгодныхъ для него самого ***). Независимо отъ этого

*) Статья Д. И. Свербеева о И. И. Тургеневѣ въ „Русск. Архив." за 1871 г., № 11, стр. 1477.

**) Прочимъ осужденнымъ одной съ Тургеневымъ категоріи было возвращено дворянство, но не были возвращены ни прежніе титулы, ни чины, ни права на прежнее имущество. Срав. „Записки" С. Г. Волконскаго и продолженіе ихъ, написанное его сыномъ, стр. 496.

***) Д. И. Свербеевъ въ статьѣ о Н. И. Тургеневѣ („Русск. Арх." 1871 г. № 11, стр. 1478) утверждаетъ, что Тургеневъ отдалъ крестьянамъ остальную землю даже по 12 руб. за десятину и эти свѣдѣнія заимствовалъ у Свербеева и В. И. Семевскій въ книгѣ своей „Крест. вопросъ въ Россіи" (т. II, стр. 352);

онъ устроилъ въ этомъ имѣніи школу, больницу и богадѣльню и обезпечилъ безбѣдное существованіе причта; крестьянамъ же предоставилъ въ случаѣ, если условія, на которыхъ правительство освободитъ всѣхъ вообще крестьянъ, окажутся выгоднѣе для нихъ, принять эти условія вмѣсто назначенныхъ въ договорѣ.

Тотчасъ послѣ изданія рескрипта 20-го ноября 1857 года Тургеневъ принялъ горячее участіе въ обсужденіи готовящейся реформы въ цѣломъ рядѣ брошюръ, подъ заглавіемъ: «Пора!» (1858), «О силѣ и дѣйствіи рескриптовъ 20-го ноября» (1857), «Вопросъ освобожденія и вопросъ управленія крестьянъ» (1859), «О судѣ крестьянъ и о судебной полиціи въ Россіи» (1860), «Un dernier mot sur l'emancipation der serfs» (1860), «О новомъ устройствѣ крестьянъ» (1861). У насъ нѣтъ подъ руками всѣхъ этихъ брошюръ и потому мы не можемъ въ настоящее время подробно на нихъ останавливаться, да и едва ли ихъ содержаніе представляетъ теперь самостоятельный интересъ. Выше мы упомянули, что Н. И. Тургеневъ, живя за границей и оставаясь въ крестьянскомъ вопросѣ на точкѣ зрѣнія, усвоенной имъ въ дни своей юности подъ несомнѣннымъ вліяніемъ реформъ Штейна, отсталъ отъ передовыхъ теченій русской общественной мысли сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Поэтому его идеи рядомъ со свѣжими статьями Кавелина, Герцена, Чернышевскаго, кн. Черкасскаго и Самарина не могли имѣть практическаго значенія, особенно по вопросамъ о размѣрахъ надѣла, о выкупѣ, о сохраненіи общиннаго землевладѣнія. Въ этомъ отношеніи онъ лишь post factum, когда-уже вышло положеніе 19 февраля, призналъ превосходство основаній, принятыхъ редакціонными коммиссіями, надъ тѣми, какія предлагалъ онъ самъ. Въ одномъ только отношеніи онъ не могъ одобрить этихъ послѣднихъ—это въ вопросѣ о сохраненіи для крестьянъ тѣлеснаго наказанія. Н. И. Тургеневъ по этому вопросу держался одного мнѣнія съ Я. И. Ростовцевымъ, что тѣлесное наказаніе осталось «пятномъ» на освобожденіи. Къ дѣятелямъ «освобожденія» Н. И. Тургеневъ относился съ трогательнымъ сочувствіемъ. «Я не думалъ,—говорилъ онъ—чтобы послѣ Штейна я могъ полюбить кого-нибудь такъ, какъ я полюбилъ Николая Милютина!» *). Вѣсть объ объявленіи воли Н. И. Тургеневъ встрѣтилъ въ Парижѣ. «Намъ рѣдко случалось—пишетъ впослѣдствіи И. С. Тургеневъ—видѣть нѣчто болѣе умилительное, какъ Н. Тургенева, предстоявшаго, съ бѣгущими по щекамъ слезами, въ церкви парижскаго посольства, во время молебна за Государя, въ день, когда пришло извѣстіе о появленіи манифеста 19 февраля...» **). Другой свидѣтель той же сцены,

---

но въ спеціальной статьѣ о Тургеневѣ (въ энцикл. слов. Брокгауза и Ефрона) г. Семевскій, пользуясь, очевидно, позднѣйшими данными, приводитъ цифру 4 рубля за десятину и находитъ ее даже нѣсколько высокой въ качествѣ арендной платы.

*) И. С. Тургеневъ. „Собр. сочиненій", т. X, 454.

**) Ibidem, 453.

Д. Н. Свербеевъ, упоминаетъ, что въ церкви было много народу, между прочимъ посолъ графъ П. Д Киселевъ—первый государственный человѣкъ въ Россіи положившій прочное начало устройству государственныхъ крестьянъ, С. Г. Волконскій (не долюбливавшій Тургенева) и др. и всѣ эти лица, когда пришлось прикладываться ко кресту, посторонились и уступили дорогу Николаю Тургеневу, какъ старѣйшему борцу за крестьянское дѣло въ Россіи *).

Въ 1862 г. Тургеневъ издалъ брошюру «Взглядъ на дѣла Россіи», въ которой доказывалъ необходимость введенія мѣстнаго самоуправленія. Онъ предполагалъ учредить уѣздныя и губернскія собранія, или, какъ онъ ихъ называлъ, совѣты (уѣздные изъ 25 человѣкъ), собирающіеся періодически, раза 2 въ годъ, и состоявшіе изъ представителей землевладѣльческихъ сословій: дворянъ, крестьянъ и др. Въ губернскій совѣтъ должны были входить, по проекту Тургенева, также представители отъ городскихъ сословій—купцовъ и мѣщанъ. Этимъ учрежденіямъ Тургеневъ предлагалъ поручить: раскладку земскихъ повинностей, завѣдываніе путями сообщеній, устройство школъ и вообще заботу о мѣстныхъ нуждахъ, связанныхъ съ благосостояніемъ народныхъ массъ. Указывая рядъ другихъ необходимыхъ реформъ, Тургеневъ предлагаетъ въ той же брошюрѣ поручить подготовку ихъ коммиссіямъ, составленнымъ по примѣру редакціонныхъ коммиссій, т.-е. съ участіемъ лицъ, не состоящихъ на государственной службѣ **).

Въ 1866 г. онъ издалъ брошюру «О разноплеменности населенія въ русскомъ государствѣ», касавшуюся польскаго вопроса; въ 1867 г. «Отвѣтъ» Ковалевскому по поводу предпринятой послѣднимъ ***) защиты гр. Блудова отъ нареканій на него Тургенева за «Донесеніе слѣдственной коммиссіи о злоумышленныхъ обществахъ».

Въ 1868 г. Тургеневъ издалъ книгу подъ заглавіемъ: «Что желать для Россіи». Въ этой книгѣ ****) онъ начинаетъ съ обзора уже введенныхъ въ Россіи реформъ. По поводу крестьянской реформы онъ признаетъ, что жизнь опередила его проекты и что положеніе 19-го февраля болѣе соотвѣтствуетъ желаніямъ и интересамъ крестьянъ, нежели тѣ способы рѣшенія этого вопроса, которые онъ предлагалъ. Тутъ же онъ выражаетъ сожалѣніе, что «совершеніе святого дѣла освобожденія не обошлось безъ крови, безъ жертвъ. Для водворенія свободы,—замѣчаетъ онъ съ горечью,—прибѣгали иногда къ тѣмъ же средствамъ, какія употреблялись для введенія военныхъ поселеній;

*) „Русск. Арх.“ за 1871 г., № 11.

**) Ст. В. И. Семевскаго въ энциклопед. словарѣ Брокгауза и Ефрона, 67 полутомъ, стр. 112.

***) Въ книгѣ „Графъ Блудовъ и его время“.

****) Не имѣя подъ рукой этой книги, мы пользуемся изложеніемъ ея содержанія въ названной статьѣ В. И. Семевскаго (Брокгаузъ и Ефронъ, 67 полутомъ, стр. 112—113).

противъ недоумѣвающихъ, шумящихъ мужиковъ были иногда принимаемы такія мѣры, кои могутъ быть только извинительны противъ заявленныхъ враговъ и мятежниковъ». Земская и судебная реформы вполнѣ удовлетворяютъ Тургенева; онъ скорбитъ лишь о тѣхъ изъятіяхъ изъ общаго порядка подсудности, которыя незадолго передъ тѣмъ было примѣнены впервые.

Книга Тургенева «Чего желать для Россіи» любопытна, какъ замѣчательный образчикъ постоянной работы мысли этого 80-тилѣтняго старца, который охотно признаетъ себя опереженнымъ новыми передовыми дѣятелями обновленной Россіи; но въ то же время, несмотря на то, что онъ могъ бы подобно Симеону воскликнуть: «нынѣ отпущаеши!» еще въ 1861 году, онъ не теряетъ способности критически относиться къ быстро мѣняющимся передъ его глазами событіямъ и хорошо замѣчаетъ всѣ недостатки и грѣхи въ осуществленныхъ уже преобразованіяхъ.

Въ послѣдній годъ своей жизни Тургеневъ былъ обезпокоенъ войной и осадой Парижа, которую и ему пришлось выдержать вмѣстѣ со всѣмъ парижскимъ населеніемъ. Личныя безпокойства и передряги были для него не такъ тяжелы, какъ непріятная необходимость быть свидѣтелемъ вандализма нѣмцевъ, которыхъ онъ привыкъ съ молоду такъ высоко ставить и уважать и отъ которыхъ не ожидалъ ничего подобнаго *).

Н. И. Тургеневъ сохранилъ до конца не только ясность мысли и нравственную свѣжесть, но и физическую бодрость. За два дня до смерти, несмотря на свои 82 года, онъ еще дѣлалъ прогулку верхомъ **). Онъ умеръ тихо, почти внезапно, 27-го октября 1871 года въ своей виллѣ Вербуа, близъ Парижа.

«Изъ возможныхъ благъ, доступныхъ людямъ, многія — говоритъ И. С. Тургеневъ,—достались на его долю: онъ вкусилъ вполнѣ счастье семейной жизни, преданной дружбы, онъ узрѣлъ, онъ осязалъ исполненіе своихъ завѣтныхъ думъ. Будемъ надѣяться, что и для тѣхъ изъ нихъ, которыя еще не исполнились и которымъ онъ посвятилъ свой послѣдній трудъ, со временемъ также настанетъ чередъ, и что совершеніе ихъ обрадуетъ его хотя въ могилѣ новою зарею счастья, которое оно принесетъ столь любимому имъ русскому народу!» ***).

А. Корниловъ.

---

*) Статья Д. Н. Свербеева, въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1871 г. № 11, стр. 1983.

**) Собраніе сочиненій И. С. Тургенева, т. X, стр. 450.

***) Ibidem, стр. 456.

МОЛОХЪ.

Романъ **Якова Вассермана.**

Переводъ съ нѣмецкаго *Л. Горбуновой.*

(*Продолженіе*) *).

50.

Такъ какъ Агнеса стала поправляться, то Ханка также рѣшилъ ѣхать въ городъ и Арнольдъ былъ радъ компаніи. Наконецъ въ послѣдній вечеръ онъ пересилилъ себя и занялся просмотромъ счетовъ и отчетовъ, представленныхъ ему управляющимъ. На это онъ потратилъ не мало времени, такъ какъ несмотря на скуку принудилъ себя добросовѣстно вникнуть во все. Управляющій разсчитывалъ, что собьетъ его съ толку, но Арнольдъ доказалъ, что провести его не такъ-то легко. Подъ конецъ онъ долженъ былъ рѣшить, согласенъ ли продать общинѣ кусокъ пахотной земли подъ мѣстную желѣзную дорогу; предлагали они за землю до смѣшного низкую цѣну. Арнольдъ съ нетерпѣніемъ отложилъ рѣшеніе вопроса до другого раза, хотя, само собою, ничего этимъ путемъ не выигрывалъ.

— До свиданія, Урсула—сказалъ онъ утромъ, входя къ старухѣ въ кухню. Онъ такъ крѣпко сжалъ протянутую ею руку, что та подняла страшный крикъ, на который прибѣжали управляющій и работникъ, они со смѣхомъ смотрѣли какъ Арнольдъ обнималъ и цѣловалъ старуху.—Скажи, Урсула, ты все также романтично, какъ и прежде, укладываешься спать?—спросилъ онъ, въ порывѣ радости отъѣзда говоря ей ты. Она ударила его по губамъ кухонной ложкой.

Наконецъ то онъ опять сталъ прежнимъ! Должно быть онъ не высыпался тамъ въ городѣ, а вотъ теперь у насъ нагналъ это.

Подъѣхалъ экипажъ съ Ханка. Кланяясь и посылая привѣтствія рукой, Арнольдъ выѣхалъ со двора. Урсула, махала большимъ полотенцемъ, которое еще долго виднѣлось въ отдаленіи.

— Я радъ; теперь опять примусь за работу, сказалъ Арнольдъ.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 7, іюль, 1903 г.

— А почему вы въ такомъ дурномъ расположеніи духа?

Ханка вытянулъ ноги и съ досадй покачалъ головой

— Дѣла мои очень плохи,—сказалъ онъ.—Монтановскія акціи пали на десять процентовъ.

— Что же вы будете дѣлать?

— Вынужденъ продать ихъ.

— А потомъ?

— А потомъ мнѣ предстоитъ великое несчастіе—работа.

Арнольдъ засмѣялся.

— Жаль, сказалъ онъ—Вы какъ бы рождены для праздности.

Когда они послѣ полудня прибыли въ городъ, на Арнольда подѣйствовала благотворно уличная суета и толкотня. У него было чувство, будто онъ вернулся къ себѣ домой. На вокзалѣ они разстались съ Ханка. Кровь быстро переливалась въ жилахъ Арнольда, съ улицъ на него пахнуло теплотой жизни. Здѣсь было не важно свѣтитъ ли солнце или нѣтъ, идетъ ли дождь или нѣтъ. Разнообразіе, крики, стукъ экипажей, шумъ многихъ тысячъ шаговъ—все это представлялось ему не разрозненными звуками и сливалось въ одну выразительную мелодію, гдѣ-то на самой глубинѣ слышался ропотъ страданія, но именно онъ-то и оттѣнялъ въ музыкѣ широту ликованія и могучій размахъ. Придя къ себѣ въ комнату, Арнольдъ расплатился съ носильщиками доставившимъ багажъ и въ ту же минуту въ дверяхъ показалась Анна Барромео. Она радостно протянула ему обѣ руки; Арнольда удивило, что теперь онъ видитъ въ ней женщину поразительной красоты, тогда какъ раньше она была для него лишь женою Фридриха Барромео. Она сообщала ему разныя новости и хотя они еще ни разу запросто не болтали другъ съ другомъ, но Арнольду это казалось вполнѣ естественнымъ и соотвѣтствующимъ его приподнятому настроенію. Анну, въ свою очередь, удивило, что онъ такъ хорошо понимаетъ ея намеки, дополняетъ про себя брошенныя ею фразы, словомъ умѣетъ участвовать въ разговорѣ, мыслимомъ только между людьми одинаковаго развитія и одинаковыхъ привычекъ... Потомъ Арнольдъ принялся читать письма, пришедшія безъ него. Сначала онъ, не распечатывая, перебралъ ихъ, но ни одно не подало ни малѣйшей надежды; большею частію это были просьбы или приглашенія. Между прочими находилось и письмо отъ Вольмута, въ которомъ тотъ извѣщалъ, что получилъ назначеніе въ Грацъ и что по всѣмъ вѣроятіямъ, ему въ непродолжительномъ времени предстоитъ дальнѣйшее повышеніе. Арнольдъ былъ не слишкомъ-то этимъ доволенъ—ему показалось, что добрый геній покидаетъ домъ и уноситъ съ собою ключъ отъ него.

Арнольда охватила жажда дѣятельности; онъ снялъ съ полки всѣ книги, позвалъ человѣка и приказалъ ему стереть съ нихъ пыль, а потомъ сталъ сортировать по величинѣ, родамъ и внѣшности и разставлять по полкамъ. Исписанные листы бумаги онъ клалъ другъ на

друга, перекладывая однорядной проволочной сѣткой. Онъ приказалъ вымыть окна, вымести полъ, выбить ковры, предпринялъ цѣлый походъ противъ чернильныхъ пятенъ, паутины, блохъ и заставилъ хлопотать весь домъ.

Но въ самый рзгаръ уборки на него вдругъ напало унынiе онъ передалъ человѣку верховный надзоръ надъ разоренными комнатами, а самъ вышелъ и отправился въ улицу Ваза. Войдя въ хорошо знакомыя сѣни онъ увидалъ швейцара, который почтительно раскланялся съ нимъ, какъ со старымъ знакомымъ. Комнаты барышни все еще пустуютъ, сообщилъ онъ и Арнольдъ пожелалъ осмотрѣть ихъ.

Подгоняемый невидимой мукой, онъ расхаживалъ взадъ и впередъ по пустому помѣщенiю. Были мѣста на стѣнахъ, казавшiяся ему письмами изъ невозвратнаго прошлаго. Его тянуло назадъ въ пустоту. Задумчиво подошелъ онъ къ окну и какъ ребенокъ, который, чтобы Боженька видѣлъ, какой онъ пай-дѣтка, умненько лежитъ въ своей кроваткѣ, такъ и онъ старался изгнать изъ своей груди всю горечь и безпокойство, потому что ему казалось, будто Верена словно облако окутываетъ его. О своихъ чувствахъ и даже наружности онъ теперь судилъ ея глазами. Швейцару, наконецъ, надоѣло дожидаться и онъ поднялся наверхъ; Арнольдъ объявилъ ему, что снимаетъ комнату.

Затѣмъ онъ отправился покупать мебель, ковры, кровать, занавѣски и все, по его мнѣнiю, необходимое. Купленныя вещи были изящны и цѣнны и стоили большихъ денегъ, но Арнольдъ былъ радъ, что можетъ старательно украсить скромное помѣщенiе, и хлопоталъ словно барсукъ, принимающiйся осенью рыть новый корридоръ къ своей норѣ. Такимъ образомъ у Арнольда оказались двѣ квартиры—одну онъ считалъ убѣжищемъ души, другую тѣла; конечно, къ этому опредѣленiю онъ самъ относился юмористически, несмотря на свое горе. Когда жильцы дома увидѣли, что за изящныя и дорогiя вещи тащатъ по лѣстницѣ, они отъ удивленiя широко раскрыли глаза. Но Арнольду, все казалось мало: онъ пріобрѣталъ художественныя произведенiя, вазы, картины, маленькiя бронзовыя статуэтки, японскiя вышивки и все-таки всего этого, по его мнѣнiю, было недостаточно; ему хотѣлось каждый уголокъ убрать по своему и нѣкоторые изъ нихъ онъ спецiально устраивалъ для извѣстныхъ вечернихъ свѣтовыхъ эффектовъ. Кухня, служившая Веренѣ складочнымъ мѣстомъ, превратилась въ таинственный уголокъ въ мавританскомъ стилѣ, устланный толстыми коврами и съ широкими диванами вдоль стѣнокъ. Стѣны передней онъ обтянулъ штофомъ и съ потолка спустилъ голубой фонарь. Этотъ поистинѣ княжескiй пріютъ уединенiя Арнольдъ сначала хотѣлъ скрыть отъ всего свѣта, но когда послѣдній драпировщикъ вышелъ отъ него, ему захотѣлось показать его другу, способному оцѣнить, и онъ отправился за Ханка. Къ своему удивленiю онъ засталъ послѣдняго среди уложен-

ныхъ сундуковъ и заколоченныхъ ящиковъ, точно онъ готовился къ продолжительному путешествію.

— Я все распродалъ, милѣйшій: домъ и пожитки,—равнодушно произнесъ онъ, прогуливаясь въ пальто и шляпѣ по комнатамъ.—Я потерялъ большую часть своего состоянія и нахожусь теперь подъ знаменіемъ краха.

Арнольду было это очень непріятно — онъ разсчитывалъ встрѣтить человѣка, не обремененнаго заботами. Но равнодушіе Ханка дало ему смѣлость взглянуть на происшествіе съ комической точки зрѣнія. Проводивъ Ханка, перевозившаго свои сундуки въ отель, гдѣ онъ временно намѣревался поселиться, Арнольдъ потомъ съ любезной настойчивостью сталъ тащить его къ себѣ и съ нѣсколько дѣланной торжественностью привелъ его въ преобразованное жилище Верены. Ханка выказалъ лишь поверхностное удивленіе. До сихъ поръ Арнольдъ не рѣшался дать ему замѣтить свои мечты объ Веренѣ. Теперь же ему показалось возможнымъ воспользоваться удобнымъ предлогомъ и разсказать участливо слушающему его Ханка обо всемъ произошедшемъ. Но въ его устахъ вещи принимали какую то странную окраску; подправленныя его самолюбивымъ страданіямъ онѣ производили впечатлѣніе чего-то романтическаго и вычурнаго. Верену онъ превозносилъ надъ собою, это заставило его самого задуматься. Но черезчуръ подчеркивая превосходство изъ опасенія, чтобы его разсказъ не показался одной изъ сотни обыкновенныхъ любовныхъ интрижекъ, онъ искажалъ естественный и спокойный ходъ событій. Ханка не могъ разобраться въ его повѣствованіи и какъ можно деликатнѣе высказалъ нѣкоторыя сомнѣнія насчетъ хваленой Верены; и вдругъ ему стало гораздо болѣе жалко Арнольда за его странный капризъ отдѣлывать эти комнаты, нежели себя, потерявшаго состояніе. Арнольдъ почувствовалъ это. Довольно-таки сильно взволновавшись, онъ принялся сызнова объяснять рѣдкостную натуру Верены, но когда намъ приходится хвалить то, что мы любили, мы невольно впадаемъ въ нѣкоторыя преувеличенія, и потому Ханка становился все грустнѣе и недовѣрчивѣе. Насколько онъ сочувствовалъ проявленіямъ темперамента, настолько же его отталкивала всякая взвинченность. Въ Арнольдѣ шевельнулось что-то въ родѣ гнѣва на него. «Да будь же живѣе! помечтай со мною! вѣрь!» хотѣлось ему крикнуть спокойно сидящему гостю, и вдругъ у него явилось желаніе хоть окно расколотить, лишь бы заставить того увѣровать въ фактъ.

— Идемте!—сказалъ онъ.—Здѣсь жарко. Его глаза сверкали жаждой жизни и сильнѣйшимъ отвращеніемъ къ терпѣливому выжиданію по цѣлымъ часамъ неизвѣстно чего. Ханка медленно послѣдовалъ за нимъ.

— Какъ все тихо кругомъ,—сказалъ Арнольдъ, выходя на улицу. Нельзя ли какъ-нибудь согнать всѣхъ этихъ людей съ ихъ кроватей?

Мнѣ хотѣлось бы плясать въ какомъ-нибудь залѣ съ сотней нагихъ женщинъ.

Взявъ Ханка подъ руку, онъ сталъ шутливо подражать величавой походкѣ друга. Вдругъ онъ сразу измѣнился; въ немъ поднялось какое-то тяжелое, точно смѣсь воды и пепла—уныніе. И это чувство было подобно хвастливо раздувшейся лягушкѣ, сидящей на одномъ мѣстѣ; онъ отправился домой, чтобы заглушить его сномъ.

Ханка было противно ложиться въ новую кровать, а потому онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ отправиться въ одно изъ кафе, остающихся открытыми и на ночь, чтобы тамъ спокойно смотрѣть, какъ проходятъ часы за часами. «Такъ какъ мнѣ суждено, сидя у бочки съ порохомъ, выжидать, когда она взлетитъ на воздухъ, то, по крайней мѣрѣ, я постараюсь хоть нѣсколько скрасить эту черную дѣйствительность», думалъ онъ. Мрачныя тучи скуки, охватывающей весь міръ все болѣе и болѣе заволакивали его горизонтъ. Онъ проходилъ мимо событій, какъ обыкновенно проходишь въ гостинницѣ мимо дверей комнатъ, въ которыхъ не живешь. Леденящій ужасъ ожиданія милліона послѣдствій одной-единственной причины заполнялъ его міръ, все предвидящій и все ожидающій; поэтому чувство отвѣтственности парализовало и умерщвляло всѣ его поступки. Ханка припоминалъ слова Марка Аврелія: «ужасно, если душа твоя устанетъ, а тѣло нѣтъ». Потомъ развивалъ слова св. Августина: «откуда такое несоотвѣтствіе? Зачѣмъ? Духъ повелѣваетъ тѣлу, и тѣло повинуется; духъ повелѣваетъ самому себѣ и встрѣчаетъ отпоръ».

Единственнымъ прибѣжищемъ для Ханка оставалась азартная игра. Онъ растрачивалъ всѣ силы души на изнуряющія волненія карточнаго стола. Здѣсь онъ въ маломъ видѣ сталкивался съ тѣмъ, что въ обычное время вызывало въ его вѣчно все взвѣшивающемъ умѣ мрачное упорство; — это «авось», безумно необходимое, мы споконъ вѣку сторожащее въ міровомъ пространствѣ «авось», которое видимъ при случаѣ въ дурацкомъ колпакѣ, или въ видѣ судьбы съ ликомъ божества, составляетъ великое и малое судилище для всего живущаго. Ханка отправлялся играть, точно шелъ къ колодцу, наполненному сладкимъ ядомъ, доставляющимъ ему забвеніе... Но удрученные игроки не выигрываютъ. Ему стало казаться, что онъ швыряетъ золото въ воду. Въ нѣсколько недѣль онъ проигралъ около пяти тысячъ гульденовъ. Когда сумма обнаружилась и ясно обозначился путь къ пропасти, онъ со свойственнымъ ему хладнокровіемъ поднялся съ мѣста и заявилъ: «Довольно; больше я не дотронусь ни до единой карты».

И какъ будто разрушивъ стѣну, отдѣлявшую его отъ Арнольда Анзорге, его первой живительной мыслью было идти къ нему. Безпокойно проспавъ утро, онъ потомъ, точно отпущенный изъ заключенія, отправился къ Арнольду. Комната, въ которую его провели, была похожа на мѣсто, гдѣ только что кончилась ярмарка. Ящики, сундуки,

книги, постель, все было разбросано; Арнольдъ, весь красный, что-то дѣлалъ, стоя на лѣстницѣ; человѣкъ укладывалъ.

— Ого! — крикнулъ сверху Арнольдъ, — вы пришли какъ разъ во-время. Какъ видите, у меня есть работа.

— Пока я вижу только, что вы заняты, — съ нѣкоторой досадой отвѣтилъ Ханка.

— Дѣло въ томъ, что я переѣзжаю,—объявилъ Арнольдъ, однимъ прыжкомъ очутившись на полу и ревностно наматывая веревку на руку.—Здѣсь все мнѣ кажется слишкомъ маленькимъ—я снялъ квартиру съ такими высокими комнатами, точно въ церкви. Надо имѣть возможность дышать полной грудью.

— Въ такомъ случаѣ я здѣсь лишній, — замѣтилъ Ханка, — а я думалъ, не сдѣлаемъ ли мы маленькой прогулки за городъ; чудная погода.

— Отлично!—воскликнулъ Арнольдъ и, обратясь къ человѣку, приказалъ привести экипажъ. — Я и такъ довольно наглотался пыли.— Съ этими словами онъ пробрался къ Ханка и съ сіяющею улыбкой пожалъ ему руку.

— Въ сущности, я не понимаю, зачѣмъ вы покидаете такое спокойное помѣщеніе,—сказалъ Ханка, качая головой.

— Потому что оно для меня черезчуръ ужъ спокойно,—возразилъ Арнольдъ и снова у него на лицѣ появилась та же сіяющая, очаровательная улыбка, полная надеждъ, тепла и радости.—Въ этомъ домѣ все старо, все криво. Если хорошенько ступить, всѣ половицы трещатъ. Слишкомъ рано темнѣетъ, не бываетъ настоящаго солнечнаго свѣта. Это не для меня. Тамъ, вы увидите, настоящій дворецъ. И что я купилъ, Ханка! У васъ отъ удивленія глаза вылѣзутъ на лобъ.— Онъ смѣялся; Ханка также улыбался, хотя не могъ отдѣлаться отъ тайнаго опасенія.

— Просто некогда отдышаться, — продолжалъ Арнольдъ, сидя въ экипажѣ, катившемся по направленію къ Пратеру. — И что за день сегодня, какой чудный воздухъ! Жизнь очень пріятное изобрѣтеніе.

— Вотъ какъ!—серьезно замѣтилъ Ханка и задумчиво посмотрѣлъ въ совершенно голубое небо.

— А вы, черный котъ, все еще что-то мурлыкаете о дурной погодѣ.

— Я мурлыкаю, — возразилъ Ханка, — хотя чувствую себя при этомъ вовсе не такъ хорошо, какъ должно бы, занимаясь мурлыканьемъ.

— «Занимаясь мурлыканьемъ», — передразнилъ его Арнольдъ. — Чѣмъ хуже ваше расположеніе духа, тѣмъ лучше вы говорите по-нѣмецки.

Казалось, будто у Арнольда не хватало глазъ, чтобы на все наглядѣться. Всѣ его движенія дышали тою сознательною простотою,

которая, повидимому, и не догадывается, что за нею наблюдаютъ. Кучеръ пустилъ лошадей рысью, и легкій экипажъ быстро покатился по широкой, бѣлой аллеѣ; съ такою же быстротою мимо нихъ проносились встрѣчные экипажи, въ которыхъ мелькали прелестныя женскія личики, съ милыми, но усталыми улыбками на губахъ, и ротъ Арнольда подергивался желаніемъ. Ненасытными глазами скользилъ онъ по всей массѣ народа, толпившейся по дорожкамъ для пѣшеходовъ, и ему казалось, что именно онъ обладаетъ властью заставить ихъ сердца биться ускоренно и что это его заслуга, что ни единый крикъ, ни единый знакъ или движеніе не нарушаютъ ихъ спокойной прогулки. Никто ничего не знаетъ о другомъ, и каждый скрываетъ въ себѣ высшую мѣру горечи, пресыщенія жизнью и бѣдностью, и вотъ въ немъ, въ Арнольдѣ, есть сила направить всѣ ихъ способности къ одной цѣли, заставить ихъ дѣятельно проявить извнѣ то, что, оставаясь скрытымъ, гложетъ и разрушаетъ ихъ внутренній міръ; а вотъ онъ мчится мимо нихъ къ другимъ звѣздамъ, счастливый сознаніемъ своего превосходства. Солнечный свѣтъ играетъ на его лбу, а взглядъ покоится на темно-зеленой долинѣ, украшенной фантастически изогнутыми деревьями, гдѣ безпокойная жизнь внезапно предается краткому сну.

Они поѣхали обратно въ городъ. Арнольдъ пригласилъ Ханка къ чаю.

— Анна Барромео давно уже просила меня привести васъ. Она считаетъ васъ философомъ.

Лошади шли шагомъ; отъ нихъ поднимался паръ, хотя съ улицы также неслись душныя испаренія труда.

— А! гости; къ тому же еще дамы,- сказалъ Арнольдъ въ передней дома Барромео. Они вошли. У Анны сидѣлъ баронъ Валескотъ съ матерью и сестрами. Арнольдъ представилъ Ханка и самъ, въ свою очередь, былъ представленъ дамамъ.

51.

— Представь себѣ, Арнольдъ,—сейчасъ же начала Анна съ присущей ей восторженной и въ то же время сдержанной улыбкой,—въ Бельведерѣ будетъ данъ цвѣточный праздникъ, который посѣтитъ императоръ и весь дворъ.

— И мнѣ поручено спросить васъ,—вмѣшался лейтенантъ Валескотъ,—не пожелаете-ли вы вступить въ комитетъ праздника?

— Почему именно я?—недоумѣвающе спросилъ Арнольдъ и по очереди окинулъ взоромъ всѣхъ дамъ. Въ его глазахъ все еще свѣтилось то странное сознаніе своей власти, а въ жилахъ все еще клокотала кровь отъ быстрой ѣзды въ прохладно-тепломъ лѣтнемъ воздухѣ.

— Это нашъ секретъ—замѣтила баронесса и маленькій, вѣчно

вздрагивающій ротикъ какъ то по дѣтски выпятился. Ея лицо бросалось въ глаза тѣмъ, что углубленіе между подбородкомъ и нижней губой было необыкновенно велико, отчего черты лица выражали слабость, смѣшанную съ какою то одухотворенностью.

— Я съ удовольствіемъ приму участіе въ комитетѣ—сказалъ Арнольдъ.—Цвѣточный праздникъ! Да это на что нибудь похоже.

Лейтенантъ добродушно улыбнулся.

— Есть ли у васъ идеи?—Спросилъ онъ.—Намъ требуются идеи.

Арнольдъ покачалъ головой.

— Дѣло въ томъ, что Францъ сочинилъ стихи къ живымъ картинамъ,—сказала младшая изъ баронессъ съ милымъ серьезнымъ не по лѣтамъ личикомъ, на которомъ лежало по временамъ какое то элегическое плутовство. Лейтенантъ который такимъ образомъ оказался выданнымъ, съ приличествующей подобному случаю скромностью опустилъ глаза. На лицѣ Александра Ханка появилась почти неумолимая улыбка. Онъ съ удовольствіемъ и съ видомъ знатока ѣлъ прекрасное печенье, пилъ чай, молча курилъ и вообще велъ себя какъ человѣкъ, которому болѣе чѣмъ чуждо желаніе выказаться. Арнольда это нѣсколько смущало; по временамъ онъ ему улыбался, какъ бы желая показать, что думаетъ о немъ и понимаетъ его молчаніе.

— Я думалъ,—началъ Валескотъ, съ живостью поднимая голову, не примите ли вы участіе въ живыхъ картинахъ, господинъ Анзорге?—и онъ подсѣлъ поближе къ Арнольду; въ его обращеніи проглядовало какое-то льстивое благоволеніе.

Арнольдъ удивленно разсмѣялся.

— Я никогда не участвовалъ ни въ чемъ подобномъ—смущенно отвѣтилъ онъ и снова оглядѣлъ всѣхъ подрядъ.

— Въ этомъ-то и суть—снова горячо заговорилъ Валескотъ,—намъ нужно прекрасно сложеннаго человѣка, который держался бы вполнѣ естественно.

— Вы должны будетъ изображать Нарцисса,—сказала старшая баронесса и ея умное и слегка недовольное лицо на минуту прояснилось.

— Приходите какъ-нибудь на-дняхъ ко мнѣ,—предложилъ лейтенантъ, кладя руку на колѣно Арнольда—и мы потолкуемъ объ этомъ. Вѣдь вамъ придется только принять соотвѣтствующую позу, а стихи актеръ произнесетъ. Мы уже имѣемъ согласіе графини Паланской, госпожи фонъ-Герстофъ и моихъ двухъ сестеръ. Какъ видите, въ дамахъ нѣтъ недостатка.

Арнольдъ засмѣялся.—Что вы на это скажете, Ханка? А ты?—и онъ обратился къ Аннѣ Барромео.—Неужели мнѣ въ самомъ дѣлѣ придется участвовать въ представленіи?

— Но madame Барромео сама же подала намъ эту счастливую мысль,—улыбаясь, сказалъ Валескотъ.

Лицо Ханка на этотъ разъ совершенно открыто выразило горькую иронію. Онъ поднялся и сталъ прощаться; его отпустили очень холодно. Арнольдъ проводилъ его до дверей и потомъ, чтобы изгладить дурное впечатлѣніе, оставленое ушедшимъ, сказалъ:

— Я очень бездаренъ милѣйшій баронъ. Впрочемъ завтра и послѣзавтра мнѣ предстоитъ устраиваться на новой квартирѣ, а въ пятницу я зайду къ вамъ. Васъ это устраиваетъ?

Валескотъ былъ доволенъ и они пожали другъ другу руки.

Оживленно и радостно заглядывая въ будущее Арнольдъ отправился по улицамъ и площадямъ къ своему новому помѣщенію. Черты его лица, сильно выравнявшіяся за послѣднее время, свѣтились симпатіей ко всему окружающему. Его взглядъ ни на чемъ долго не останавливался,—видно было, что его занимали самыя разнообразныя вещи и что онъ надо многимъ раздумывалъ. Когда ему кланялись, все его существо, казалось, выливалось въ внимательной и многообѣщающей улыбкѣ.

Солнечный свѣтъ окрашивалъ мостовую краснымъ цвѣтомъ и пыль носившаяся въ воздухѣ, блестѣла всѣми цвѣтами радуги. Арнольду казалось, будто не онъ двигается, а его несетъ чья-то услужливая чужая спина. Серебристый мягкій воздухъ ласкалъ его лицо; какая-то особенная нѣжность ко всему живущему наполняла его; съ минуту онъ прислушивался къ біенію собственнаго сердца и также растроганно подумалъ о его неутомимости и вѣрности. Вдругъ онъ остановился и съ испугомъ уставился на проходившаго мимо человѣка; онъ успѣлъ замѣтить только длинную бороду и мутные, почти потухшіе глаза — ему показалось, что это Самуэль Элассеръ. Какъ можно скорѣе онъ поспѣшилъ слѣдомъ за нимъ, но догнать его не могъ. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ со времени его отъѣзда изъ Подолина, а эта фигура уже успѣла для него какъ въ землю провалиться. Арнольдъ заглядывалъ во всѣ ворота и старался разсмотрѣть сквозь стекляныя двери внутренность магазиновъ — напрасно. Наконецъ, онъ задумался и остановился среди толпы и, какъ бы ища чего-то, взглянулъ на пламя уличнаго фонаря, выдѣлявшееся свѣтло желтымъ пятномъ на фонѣ розовато-желтаго неба. Вдругъ онъ вторично увидѣлъ того же человѣка, но уже возвращающагося обратно. Это не былъ Элассеръ. Арнольда ввело въ заблужденіе необычайное сходство. Задумчиво онъ пошелъ дальше и обдумывалъ планъ дѣйствія, потомъ, отыскавъ ближайшее почтовое отдѣленіе, перевелъ сто гульденовъ на имя разносчика Элассера въ Подолинѣ, послѣ чего, выйдя на улицу, съ облегченіемъ вздохнулъ, точно исполнилъ долгъ.

Поздно вечеромъ онъ отправился въ отель, въ которомъ поселился Ханка, и спросилъ, у себя ли онъ; ему еще не успѣли отворить, какъ появился самъ Ханка, пришедшій домой для ночевки. Арнольдъ состроилъ таинственную гримасу и потащилъ его съ собою. Въ улицѣ Раттаузъ онъ позвонилъ у подъѣзда очень высокаго дома.

— Здѣсь я живу,—сказалъ онъ.

Надъ устройствомъ и приведеніемъ въ порядокъ комнаты, свѣтлой, похожей на огромный залъ, хлопотали два лакея. Повсюду валялись разбросанныя драгоцѣнныя вещи, точно въ магазинѣ антикварія.

— Вы, какъ видно, расширяете свое дѣло,— замѣтилъ Ханка съ сухимъ лаконизмомъ, дѣлая гигантскій шагъ черезъ плоскій ящикъ. Арнольдъ провелъ его полуосвѣщенной комнатой въ совершенно темное помѣщеніе и сказалъ:—теперь смотрите, — отъ ожиданія у него дрожалъ голосъ; онъ повернулъ кнопки трехъ электрическихъ лампъ и кругомъ разлился ослѣпительный свѣтъ. Въ серединѣ комнаты на широкомъ постаментѣ стоялъ мраморный Антиной, на лицѣ его лежало выраженіе мечтательной, но холодной чувственности; губы были пресыщенны и неподвижны, шея подобна древесному стволу, а тѣло какъ бы свѣтилось желтовато-бѣлымъ свѣтомъ; все говорило о его прирожденномъ спокойствіи, его безбожіи и невѣріи въ дьявола.

— Откуда у васъ эта вещь?—спросилъ Ханка, помолчавъ.

— Она принадлежала богачу Потчиссеру.

— Да, какъ же, знаю: онъ разорился. Вы купили ее? Цѣнная вещь.

— Какъ она вамъ нравится?—почти робко спросилъ Арнольдъ.

— Прекрасная вещь. Только бы вы не пріобрѣтали ее изъ-за извѣстной тенденціи.

— Что это значитъ?

— Я подразумѣваю эллинизмъ, культъ красоты и т. п. — Ханка большими, странно шумными шагами расхаживалъ взадъ и впередъ, причемъ крѣпко уперся руками въ бока, такимъ образомъ онъ весь, за исключеніемъ глазъ, безпрерывно двигался; лишь глаза его были обращены куда-то въ воображаемую глубину и походили на черные, слегка тлѣющіе шарики.

— А если бы и такъ?—отвѣтилъ Арнольдъ.—Я ничего въ этомъ не смыслю, но если бы и такъ?—У него за послѣднее время явилась привычка повторять вопросы или даже цѣлыя фразы.

Ханка остановился, потянулся, глубоко вздохнулъ и коротко разсмѣялся.

— Ничего особенно дурного не произошло бы, — сказалъ онъ. Только думаю, до всего этого намъ дѣла нѣтъ. Все это чепуха. Мы должны искать идеалы гораздо ниже. Для насъ уже достаточно идеально быть попросту порядочнымъ человѣкомъ. Впрочемъ,—прибавилъ онъ и ротъ его выразилъ отвращеніе, точно собственныя слова казались горькими,—впрочемъ, скажите, вы на самомъ дѣлѣ примите участіе въ живыхъ картинахъ?

— Думаю, что нѣтъ,—отвѣтилъ Арнольдъ. Ханка закурилъ и замолчалъ. Арнольдъ стоялъ у окна и смотрѣлъ на статую. И вотъ изъ-

дали на него стало надвигаться что-то крадущееся, жадное и ему захотѣлось положить конецъ посѣщенію Ханка.

Ханка ушелъ, а Арнольдъ остался одинъ передъ мраморной фигурой; хотя въ первую минуту, въ присутствіи Ханка она показалась ему одушевленной, теперь же онъ ничего не видѣлъ въ ней кромѣ изваянія. Онъ прислушался къ шуму на улицѣ: тихое, неумолчное клокотанье, жужжанье и дрожанье достигало его ушей и нарушало обманчивую тишину. Тамъ была жизнь и вѣчное бодрствованіе. Въ груди Арнольда шевельнулся ненасытный голодъ, ему захотѣлось вмѣсто того, чтобы сидѣть здѣсь и ждать, сейчасъ, не колеблясь овладѣть всѣмъ неизвѣданнымъ. Сонъ не приходилъ. И что за радость, лежа въ прохладныхъ подушкахъ, проспать самое важное въ жизни! И счастья, и удовлетворенія, и заполненія времени, и дружбы, и знанія жаждалъ онъ ненасытно. Не было такого слова, которое могло бы выразить его желаніе, такой мысли, которая могла бы обнять его. Оно походило на разинутую пасть, для которой милліоны золотыхъ россыпей составили бы не больше одного ничтожнаго глотка, объятія Психеи едва ли доставили бы хоть каплю наслажденія. Въ пылу страданія отъ чрезмѣрнаго напряженія силъ или въ опьяненіи предчувствія, ему казалось, что весь міръ заполненъ его слѣпою страстью. То, что раньше заставляло его пылать, теперь казалось ничтожнымъ, чего раньше жаждалъ — нищенской подачкой. Безчисленныя желанія развертывали передъ нимъ очаровательную панораму міра, восторженному созерцанію которой онъ предавался. Но почему же, какъ только буря утихала въ немъ, изъ какого нибудь угла выползало караулившее его чудище, точно паукъ, опутывающій сердце тонкими нитями паутинокъ, отчего оно становилось холоднымъ, лишеннымъ радости?!

Арнольду нужно было переговорить съ Фридрихомъ Барромео относительно новаго помѣщенія одной части своего капитала. У него появилась жажда смѣлыхъ спекуляцій; до чего бы онъ ни касался, все кончалось, какъ нельзя болѣе удачно. Въ канцеляріи онъ не засталъ дяди и, подождавъ до вечера, отправился къ нему на домъ. Постучавъ въ дверь, онъ вошелъ въ комнату и засталъ дядю и Анну Барромео стоящими другъ противъ друга; оба были блѣдны; ея распущенныя волоса висѣли въ безпорядкѣ, а пурпурно-красный ротъ былъ искаженъ волненіемъ.

— Извините,—сказалъ Арнольдъ подавая руку. Анна пристально посмотрѣла на него своими горящими голубыми глазами, а докторъ еле замѣтно и безсмысленно улыбнулся.

— Вамъ надо переговорить другъ съ другомъ?—спросила Анна, глухо вздохнула, откинула голову и шею назадъ и прижала руки къ груди, затѣмъ лѣниво кивнула въ сторону Арнольда, съ изумленіемъ разглядывавшаго массу ея волосъ, вышла изъ комнаты. Арнольдъ взялъ съ блюда папиросу и задумчиво закурилъ.

Барромео не одобрилъ плана Арнольда. Полузакрывъ глаза и слегка склонивъ голову на бокъ, онъ сталъ медленно ходить взадъ и впередъ. Время отъ времени онъ верхней стороной руки поднималъ бороду или зубами закусывалъ блѣдныя губы. Потомъ онъ остановился, прислушался, открылъ дверь, въ которую вышла Анна, и передъ нимъ мрачно раскинулась громадная гостинная. Подойдя ко второй двери, онъ ее также открылъ и заглянувъ въ нее опять притворилъ. Съ поднятыми кверху глазами, неподвижно повисшими руками, въ наглухо застегнутомъ сюртукѣ стоялъ онъ, не шевелясь, передъ Арнольдомъ.

— Ты мнѣ еще ничего не разсказалъ про Подолинъ?—вдругъ заговорилъ онъ, видимо подавляя что-то, очень для него близкое, вертѣвшееся на языкѣ.

— Тамъ ничто не измѣнилось,—отвѣтилъ Арнольдъ.—Управляющій показался мнѣ ненадежнымъ, Урсула состарѣлась. Я желалъ бы раздѣлаться съ имѣньемъ, а то оно словно камень на шеѣ.

Баромео уставился на столъ, по которому были разбросаны карты. Взявъ пачку, онъ выдернулъ изъ нея короля и какъ то особенно мрачно сталъ смотрѣть на него.

— Что ты на это скажешь? спросилъ Арнольдъ.

Барромео кротко покачалъ головой.—Я не могу совѣтовать,—сказалъ онъ тихо. Мнѣ самому нуженъ совѣтъ. Зачѣмъ хочешь продать свое родное гнѣздо?

Арнольдъ внимательно посмотрѣлъ на дядю. Внутри его поднималось негодованіе на желѣзную тоску одного человѣка.

— Я самъ нуждаюсь въ совѣтѣ,—продолжалъ Барромео.

Арнольдъ испуганно вздрогнулъ; испугавшись тѣмъ сильнѣе, что почувствовалъ на себѣ взглядъ дяди, ясный, полный, вѣрѣ въ него, полной уваженія, онъ ничего не могъ сказать и впродолженіи цѣлой секунды чувствовалъ то же, что когда то въ домѣ Верены, когда смотрѣлъ въ зеркало, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли въ немъ отражается его собственное лицо.

Они разстались. Держа свѣтъ прямо передъ собою и заглядывая во всѣ темные углы, Барромео осторожной походкой направился къ себѣ въ кабинетъ. Сѣвъ къ письменному столу онъ взялъ въ руку перо, да такъ и остался сидѣть неподвижно.

52.

Арнольду приснилось, что онъ стоитъ на стекляномъ полѣ и при каждой попыткѣ сдѣлать шагъ впередъ скатывается обратно по скользкимъ берегамъ бороздъ; отъ дѣлаемыхъ при этомъ усилій онъ проснулся; голова болѣла, и вторично заснуть онъ уже не могъ, а зажегъ свѣчу, взялъ книгу и сталъ читать. Во время чтенія ему пришло въ голову какъ-нибудь вечеромъ пригласить всѣхъ своихъ друзей и зна-

комыхъ на новоселье и тутъ же, желая пересилить въ себѣ чувство одиночества и жуткости, навѣваемое ночной тишиной, занялся составленіемъ изысканнаго меню и придумываніемъ какъ бы получше украсить свои комнаты. Антиною онъ рѣшилъ надѣть черезъ плечо гирлянду изъ розъ. Затѣмъ его мысли перешли къ занятіямъ: ему казалось заманчивымъ пріобрѣсти какъ можно болѣе знаній и съ ихъ помощью потомъ завоевать власть. Утромъ онъ отправился на лекцію, записывалъ ее вмѣстѣ со всѣми и насильно заставилъ себя сосредоточить свои строптивыя мысли на предметѣ чтенія.

Хотя дома былъ заказанъ обѣдъ, онъ послѣ лекціи отправился въ одинъ изъ великосвѣтскихъ и очень дорогихъ ресторановъ вблизи оперы, такъ какъ у него явилось желаніе покушать хорошія и рѣдкія кушанья. Такія фантазіи на него какъ бы навѣвались окружающимъ воздухомъ и рѣшимость выполнять ихъ усиливала въ немъ чувство своей широты и приподнимала надъ тѣми, кто, какъ по желѣзнымъ рельсамъ, катятся по разъ навсегда крѣпко начерченному пути. Онъ съ удовольствіемъ слѣдили за кельнеромъ, сгибавшимся передъ нимъ, точно складной ножъ. Сѣвъ къ столу и заказавъ обѣдъ по своему вкусу, онъ окинулъ взглядомъ торжественный красный залъ и у противоположной стѣны увидѣлъ Максима Шпехта съ Беатой. Шпехтъ отвѣтилъ на поклонъ небрежно-холоднымъ кивкомъ головы. Лицо у него было блѣдное, утомленное, какъ у человѣка необыкновенно занятаго. На рукѣ блестѣли два бриліантовыхъ перстня, а въ галстухѣ торчала жемчужина величиною съ горошину. На Беатѣ было свѣтло-зеленое суконное платье англійскаго покроя, плотно облегавшее талію. Въ волосахъ блестѣла гребенка, украшенная жемчугомъ; лицо у нея было необыкновенно блѣдное, усталое, вытянутое. Судя по нему, она все извѣдала въ жизни и ея сдержанность, искусственно-миловидная порядочность производили впечатлѣніе надѣтой маски. На поклонъ Арнольда она засмѣялась ему прямо въ лицо и сдѣлала видъ будто ей досаждаетъ комаръ. Шпехтъ повидимому боролся съ самимъ собою; немного погодя, онъ подошелъ къ Арнольду и пожалъ ему руку. Въ его, повидимому, корректномъ обращеніи въ то же время сквозила притворно-сдержанная злоба.

— Повидимому ваши дѣла идутъ не дурно?—сказалъ Арнольдъ. Выраженіе его лица ясно говорило, что онъ заранѣе отклоняетъ всякую возможность излишней фамильярности.

— Я теперь редактирую «Дворянскую газету»,—сказалъ Шпехтъ, съ легкимъ поклономъ присаживаясь къ его столу.

— Вы также имѣете большой успѣхъ, какъ слышно,—продолжалъ онъ слегка шипящимъ голосомъ, съ легкимъ вопросомъ склоняя голову къ плечу.—Разсказываютъ, будто вы очень выгодно спекулировали на болгарской рентѣ.

Арнольдъ снималъ въ это время кожу съ форели и соскабливалъ

съ костей бѣлое мясо. Онъ весело улыбнулся Шпехту, отчего тотъ опустилъ выпуклыя вѣки.

— Между прочимъ, я долженъ вамъ кое-что сообщить,—вдругъ заявилъ Шпехтъ весело оживляясь,—это очень хорошо, что я васъ встрѣтилъ. Знаете, странное совпаденіе; вы сейчасъ сами убѣдитесь, что моя исторія совершенно тожественна съ той, что произошла тогда: я сговорился съ небольшой компаніей актеровъ послѣ спектакля поужинать въ погребкѣ около св. Стефана и по телефону заказалъ для насъ отдѣльный кабинетъ. Метръ д'отель назвалъ мнѣ номеръ комнаты. По окончаніи спектакля я отправляюсь туда, кельнеръ прекрасно меня знаетъ, и потому пропускаетъ въ корридоръ одного; до меня уже издали доносится говоръ и смѣхъ нашей компаніи. Вдругъ, къ несчастью (по всей вѣроятности я перепуталъ номеръ), я открылъ не ту дверь, и вижу—кого бы вы думали?—молодого барона Валескота и...

— Ни слова болѣе, Шпехтъ!—повелительно воскликнулъ Арнольдъ, кладя вилку на столъ. Шпехтъ вторично опустилъ выпуклыя вѣки. Губы его вытянулись и закруглились, точно онъ собрался играть на флейтѣ.

— Вы правы, имени произносить не дозволяется. Но, надѣюсь, вы безъ того поняли меня. Позднѣе я увидѣлъ ту же даму выходящей изъ кабинета далеко за полночь, подъ очень густой вуалью. Баронъ Валескотъ справлялся у лакея и очень былъ недоволенъ моей глупѣйшей ошибкой, но я подумалъ: вотъ новый случай для васъ вторично разыграть правдолюбца, какъ тогда съ Ханка. Истина великая вещь, особенно если за нее не приходится платиться... О, чортъ, я кажется начинаю пробалтываться. До свиданья, будьте здоровы.

Арнольдъ не подалъ ему руки. Аппетитъ у него сразу пропалъ и заплативъ онъ ушелъ. Онъ чувствовалъ гнѣвъ на Шпехта, нерѣшительность, печаль, неопредѣленную жажду дѣятельности, но прошло немного времени и ему удалось вернуть благотворное чувство собственнаго могущества и совершенства.

Было четыре и онъ рѣшилъ отправиться къ Валескоту. Домъ, который занимала его семья, находился въ улицѣ Браунееръ, почти въ центрѣ города и былъ однимъ изъ тѣхъ вывѣтрившихся дворцовъ, первоначальная могущественность и величественность которыхъ втиснутая въ мрачную, узкую, извивающуюся какъ червь, улицу, напоминала павшее величіе ех-короля. Уже по лѣстницѣ и сѣнямъ можно было судить о расточительности людей, его построившихъ. Арнольда ввели въ очень высокую комнату, оклееную красными обоями, съ лѣпного потолка спускалась старинная, очень цѣнная люстра. Вернувшись человѣкъ доложилъ, что господина барона ждутъ домой съ минуты на минуту; уходя, они изволили приказать просить господина Анзорге непремѣнно подождать ихъ.

Арнольдъ кивнулъ головой. Онъ прошелъ къ окну и сталъ спо-

койно смотрѣть на пустынную узкую улицу; ему пришлось напрячь всѣ силы, чтобы не дозволить извѣстной мысли завладѣть своимъ мозгомъ. Вдругъ въ сосѣдней комнатѣ раздались звуки рояля и заглушенное закрытой дверью и толстой портьерой тихое ритмическое пѣніе. Арнольдъ подошелъ къ дверямъ и сталъ слушать. Молодой дѣвичій голосъ напѣвалъ мелодію для танцевъ.

Съ улыбкой откинувъ портьеру, Арнольдъ, нажавъ на ручку дверей, осторожно пріотворилъ ее и просунулъ голову въ образовавшуюся щель. Старшая Валескоть сидѣла у рояля и играла, устало, но въ тактъ покачиваясь всѣмъ корпусомъ. Темные волосы, очень низко на затылкѣ свободно закрученныя въ греческій узелъ, придавали всей фигурѣ что-то небрежно-мечтательное. Вторая сестра и еще одна очень молоденькая дѣвушка танцовали посреди комнаты на коврѣ. Онѣ робко держали другъ друга за руки и разучивали повидимому новый танецъ. Старшая изъ нихъ была въ выходномъ платьѣ, младшая въ костюмѣ, коротенькой лиловой юбочкѣ, доходящей до колѣнъ, такихъ же чулкахъ и шелковыхъ туфелькахъ. На каштановыхъ волосахъ былъ вѣнокъ изъ темныхъ анютиныхъ глазокъ, а въ рукахъ корзина, наполненная тѣми же цвѣтами. Ея удивительно нѣжныя и тонкія ножки выдѣлывали па, долженствовавшія казаться то дѣтски-натянутыми, то торжественно-миловидными, но всегда выходившими у нея очень граціозными. Младшая первая замѣтила въ дверяхъ голову Арнольда и, вскрикнувъ, убѣжала. Игравшая на роялѣ испуганно поднялась, но потомъ, вмѣстѣ съ сестрой разсмѣялась.

— Войдите сюда, такъ какъ все равно вы уже ворвались, — сказала средняя, самая находчивая изъ всѣхъ. Старшая, заложивъ руки за спину спокойно стояла прислонившись къ роялю. Хотя на ея лицѣ лежало выраженіе чувственности и эгоизма, но не было ни жизнерадостности, ни легкомысленности, ни серьезности. Стройное тѣло дышало здоровьемъ, подтачиваемымъ однако, какими-то враждебными, разрушительными силами. Въ ней бросалась въ глаза странная смѣсь неустойчивости и тупого каприза. Вторая сестра была не столь непосредственна. Въ ея нѣсколько грустныхъ, но умныхъ глазахъ постоянно просвѣчивали, хотя она старалась скрыть это, знаніе жизни, добродушіе и чувственность. Арнольдъ крѣпко пожалъ руки обѣимъ и сказалъ:—Я до сихъ поръ не знаю еще вашихъ именъ.

— Отгадайте—отвѣтила старшая почти строго.

Онъ сталъ отгадывать, лукавилъ, притворялся, что приходилъ въ отчаяніе, пока дѣвушки не стали утѣшать его и помогать. Старшую звали Фелиціей, Дорой—вторую, и младшую, только что убѣжавшую—Анастасіей.

— Вы однѣ дома?—Спросилъ Арнольдъ.

— Мама съ Францемъ приглашены къ тетѣ Рахмизъ,—отвѣтила Дора, препотѣшно глазами, голосомъ и всѣми движеніями, и даже по-

воротомъ головы изображая отчаянную міровую скорбь.—Во всякомъ случаѣ вамъ надо подождать Франца. Вѣдь принимать такимъ образомъ визиты ковалеровъ не принято, но для васъ мы дѣлаемъ исключеніе—и она засмѣялась. Фелиція снова сѣвшая къ роялю, тихо взяла моль-аккордъ.

— Давно ли вы въ Вѣнѣ? — свѣтски-учтиво спросила Дора, опускаясь на стулъ. — Разкажите-ка намъ что-нибудь. Мы любимъ слушать разсказы.

Арнольдъ усѣлся въ необыкновенно широкое кресло и улыбнулся про себя.

— Я не знаю никакихъ исторій,—возразилъ онъ.

— Въ такомъ случаѣ разсказывайте истинныя происшествія или сны, — Дора засмѣялась особеннымъ переливчатымъ, чисто юношескимъ смѣхомъ.

— Разсказывая сны очень трудно воздержаться отъ лжи—сказалъ Арнольдъ. Онъ запнулся, замялся и сталъ смотрѣть прямо передъ собою, причемъ руку, на которую опирался подбородкомъ, сжалъ въ кулакъ. Съ его губъ не сходила задумчивая, даже слегка мечтательная улыбка. Дора не мигая съ серьезнымъ вниманіемъ смотрѣла ему прямо въ глаза. Фелиція тоже нѣсколько разъ черезъ плечо оглянулась назадъ, потомъ опустила руки на колѣни и стала слушать.

— Я помню,—началъ Арнольдъ,—какъ однажды мнѣ приснился очень страшный сонъ. Я видѣлъ двухъ лошадей... зеленыхъ лошадей? А на стѣнѣ около нихъ была надпись: «эти лошади умѣютъ говорить». Надъ стѣной висѣлъ колоколъ и какъ только раздался его звонъ, одна изъ лошадей открыла морду и сказала: «у людей съ ничѣмъ не замаранными руками сила удвоивается». Я испугался, ужаснулся и убѣжалъ. Но тогда я презиралъ сны.

— Гдѣ же вы жили?—спросила Дора.

— Въ Подолинѣ; это моя родина. Тамъ мѣстность некрасивая: долина, лѣсъ, изрѣдка холмики, грязная рѣчка. Но когда я только вспоминаю о ней... Однажды—мнѣ было 17 лѣтъ,—случилось слѣдующее: я лежалъ въ лѣсу далеко отъ дороги, по близости такъ называемой дикой часовни... надо мною одни листья да вѣтви... потихоньку шумятъ... тепло... Вдругъ приходитъ дряхлая предряхлая старушенція, оглядывается во всѣ стороны и, не замѣчая меня, что-то зарываетъ въ землю. Я при этомъ ровно ничего не подумалъ, да въ то время я никогда ни о чемъ не раздумывалъ. Нѣсколько дней спустя у насъ проходитъ слухъ, что женѣ лѣсника во снѣ явилась Матерь Божія и объявила, что у дикой часовни зарыты чудотворныя чотки. Въ воскресенье тысячи народу изо всѣхъ деревней отправляются къ часовнѣ... Впереди всѣхъ старая горбунья: происходитъ ужасающая давка; старуха молится, потомъ начинаетъ рыть землю прямо пальцами; тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей опускаются на колѣна, плачутъ, рыдаютъ,

молятся и также руками роютъ землю, вдругъ моя старуха поднимаетъ надъ головой найденныя чотки. Сотни людей бросаются къ ней, въ клочья разрываютъ платье, потому что теперь она имъ кажется святой и каждому хочется получить частицу святыни. Самые загрубѣлые мужики размякли.. цѣлуютъ ее, воютъ... Вотъ что за сторонка у насъ, и вотъ какіе тамъ люди.

Дѣвушки молчали. Фелиція совсѣмъ повернулась въ ихъ сторону. Она повидимому совершенно спокойно перегнулась впередъ и смотрѣла внизъ.

— Mademoisselle Dora!—раздался рѣзкій, крикливый голосъ изъ передней. Дора поднялась,—«француженка»,—устало, съ пренебреженіемъ сказала она и вышла. Арнольдъ посмотрѣлъ на Фелицію, подошелъ къ ней и спросилъ:

— Почему вы не играете?

— А что же вы любите? — спросила молодая дѣвушка, глядя на него ясными, испытующими глазами и кладя лѣвую руку на узелъ волосъ. Вдругъ Арнольдъ нагнулся надъ ней и они жадно словно преступники поцѣловали другъ друга. Арнольдъ грустно посмотрѣлъ передъ собою; у него явилось чувство, что онъ оболгалъ себя и Фелицію.

53.

Въ комнату вошелъ Валескотъ съ баронессой и Дорой. Баронесса немного удивленно поздоровалась съ Арнольдомъ. Лейтенантъ въ народной формѣ тотчасъ же отвелъ его въ сторону и спросилъ, какъ онъ рѣшилъ. Когда Арнольдъ изъявилъ согласіе участвовать въ живыхъ картинахъ, онъ радостно пожалъ ему руку. Появился ливрейный лакей и подалъ на бронзовой тарелкѣ двѣ визитныхъ карточки. Прочтя ихъ, баронесса велѣла просить и ласковымъ движеніемъ руки пригласила Арнольда послѣдовать за нею въ гостиную, гдѣ привѣтствовала двухъ гостей— господина фонъ-Грёденъ и барона Друзіуса. На столѣ оказался сервированъ послѣобѣденный чай. Комната была настолько широка и высока, что напоминала парадный залъ, стѣны были оклеены голубыми обоями съ тиснеными цвѣтами. Всѣ сѣли. Обѣ молодыя дѣвушки и Клементина Рохлицъ, старая глухая дворянка, сидѣла поодаль. Клементина передвигалась съ помощью палки и долго съ молчаливымъ вниманіемъ разсматривала каждаго сидящаго за столомъ. Баронъ Друзіусъ по обыкновенію хрустѣлъ пальцами и съ горячимъ участіемъ предлагалъ самые обыденные вопросы.

Дора, какъ зачарованная, не спускала глазъ съ его исполинскаго кадыка, то подымавшагося, то опускавшагося во время разговора. Господинъ фонъ-Грёденъ что-то шепнулъ хозяйкѣ, на что та, послѣ коротнаго раздумья, пожала плечами. Грёденъ, отличавшійся нѣкото-

рою полнотой и обладавшій круглымъ толстымъ лицомъ и ласковыми, вѣжливо-внимательными глазами, предупредительно обратился къ Арнольду:

— Господинъ Анзорге, если я вѣрно разслышалъ,—спросилъ онъ, помѣшивая ложечкой въ своей чашкѣ,—у васъ есть родные тамъ въ Моравіи въ Подолинѣ?

— Нѣтъ, но я самъ оттуда родомъ,—нѣсколько разсѣянно и въ то же время безпокойно отвѣтилъ Арнольдъ.

Господинъ фонъ-Грёденъ откашлялся.

— Я три года служилъ въ судѣ поблизости оттуда—въ Ломнитцѣ, вы, вѣроятно, имѣете понятіе объ этомъ гнѣздѣ?

— Да, это старенькая деревушка отвѣтилъ Арнольдъ.

— Да проститъ мнѣ Богъ,—продолжалъ любезный молодой человѣкъ, вскидывая кверху влажно-блестящіе глаза,—это было ужасное время. Никого кромѣ мужиковъ, и жидовъ и ничего кромѣ скучныхъ коммиссій. Скажите, господинъ Анзорге, вѣдь вы помните эту исторію съ жидомъ Элассеромъ? Можетъ быть, это вы сами тогда какъ бы выразиться, принимали въ ней такое горячее участіе? Вы—не такъ ли?

— Да,—съ досадой и довольно невѣжливо отвѣтилъ Арнольдъ.

— Для меня это загадка,—продолжалъ съ довольно откровеннымъ удивленіемъ господинъ Греденъ,—съ тѣхъ поръ прошло уже довольно много времени—я не хорошо помню... тамъ былъ учитель... по имени... по имени...

— Шпехтъ?

— Совершенно вѣрно. Шпехтъ! Такъ этотъ Шпехтъ разсказывалъ мнѣ тогда о васъ.

Всѣ смотрѣли на Арнольда.

Друзіусъ съ глупѣйшимъ любопытствомъ, причемъ лѣвая, напоминающая зобъ сторона его шеи замѣтно вздрагивала.

— Почему это для васъ загадка?—отвѣтилъ Арнольдъ, слегка блѣднѣя. Дѣло шло объ открытомъ грабежѣ.—И онъ устремилъ на молодого человѣка строгій полный ожиданія взглядъ.

— Да, да, да! Конечно. Совершенно вѣрно,—съ готовностью подтвердилъ фонъ-Греденъ,—но все таки, иногда не мѣшаетъ слегка пощипать эту гадкую жидовскую клику. Вѣдь вы не станете же отрицать, что этимъ людямъ не доступны наши дифференцированныя ощущенія. Дѣвушкѣ въ тысячу разъ будетъ лучше въ монастырѣ, нежели въ хлѣву, въ которомъ она выросла. Весь поднятый тогда шумъ былъ не болѣе какъ заранѣе подготовленной комедіей. Вѣдь вы должны же допустить...

— Я ничего не допускаю...—прервалъ его Арнольдъ до странности тихимъ голосомъ, его лобъ покраснѣлъ, правая рука сжалась въ кулакъ.—И какъ вы можете такъ разсуждать, вы юристъ, слуга правительства? Когда я впервые услыхалъ объ этомъ, мнѣ казалось, что я

умру отъ стыда. Конечно, мнѣ не слѣдовало бы говорить этого, такъ какъ подобныя слова все-таки лишь слова. Но какъ вы можете оправдывать что-либо подобное? Ни одинъ человѣкъ, требующій для себя справедливости, не смѣетъ утверждать подобные вещи. Подумайте хорошенько: оставивъ въ сторонѣ жидовъ и монастырь и ваше презрѣніе, или вашу способность такъ поверхностно судить—остается еще такое ужасное преступленіе, что мысль не можетъ привыкнуть къ нему. Я вамъ скажу только, что тогда я плакалъ. Я ничего не могъ понять во всемъ этомъ, на моихъ глазахъ разрушался міръ, точно отъ толчка ногой; похищаютъ ребенка, насильно заставляютъ перемѣнить религію, въ которой онъ родился—какую религію—вѣдь безразлично, и кругомъ ничего не дѣлается, нѣтъ справедливости, ее попираютъ ногами, да топчутъ ногами. И вы говорите о какой-то комедіи. О, если бы только захотѣли, какъ бы вы могли правильно чувствовать! А вы вмѣсто того говорите о какихъ-то дифференцированныхъ ощущеніяхъ.

Арнольдъ поднялъ голову; суровость и глубина словъ облегчили его и наполнили гордостью; а вызванное этимъ порывомъ всеобщее молчаніе нѣсколько успокоило, на его губахъ появилась открытая и любезная улыбка.

Баронъ Друзіусъ похлопалъ его по плечу.

— Прекрасно,—сказалъ онъ,—вы сказали смѣлое слово! Я всегда говорилъ, что въ васъ течетъ настоящая кровь. Дьявольски хорошо говорите.

Онъ засмѣялся и это подѣйствовало разрѣшающе на подавленное состояніе духа баронессы. Съ обязательной улыбкой она протянула черезъ столъ руку и сказала:

— Вы говорили, словно читали въ моемъ сердцѣ.

— Prenons le temps, comme il vient — сказалъ господинъ фонъ-Грёденъ со вздохомъ и откинулся къ спинкѣ кресла.

Mademoiselle Рохлицъ неожиданно, крикливо спросила:

— Что онъ такое сказалъ? — на что молодая дѣвушка, до того съ удивленіемъ и испугомъ взиравшая на Арнольда, громко разсмѣялась.

Господинъ фонъ-Грёденъ и баронъ Друзіусъ откланялись. Съ Арнольдомъ Валескоту нужно было еще кое-о-чемъ переговорить.

— Намъ нельзя мѣшкать, Дора,—сказала баронесса,—опера начинается въ половинѣ седьмого. Можетъ быть, вамъ, господинъ Анзорге, доставитъ удовольствіе поѣхать съ нами въ ложу?

Арнольдъ съ поклономъ поблагодарилъ и сказалъ, что пока онъ съѣздитъ переодѣться, будетъ слишкомъ поздно.

Но лейтенантъ настаивалъ и предложилъ даже отправиться съ нимъ вмѣстѣ; выйдя изъ дому они увидали у подъѣзда карету; въ ожиданіи господъ кучеръ и выѣздной сидѣли на козлахъ на вытяжку, оба въ темныхъ ливреяхъ съ отворотами кирпичнаго цвѣта. Дорогой Валескотъ разболтался. Онъ былъ не глупъ, но фатовство портило его

хорошія качества. Уже по тому можно было видить, что онъ пользуется успѣхомъ. Но у него не хватало ума, какъ у Максима Шпехта, напримѣръ, чтобы умственнымъ ханженствомъ сбить съ толку всякое здравое сужденіе о себѣ. Наружность Валескота производила очень пріятное впечатлѣніе: красивый, выхоленный, онъ отличался врожденной, хотя и безличной любезностью. Разсказывалъ онъ о разныхъ своихъ любовныхъ интрижкахъ безъ хвастовства, а даже съ нѣкоторою сухостью и осторожностью, точно желая дать понять, что само собою считаетъ Арнольда въ этомъ отношеніи ничуть не ниже себя.

— Я больше всего люблю имѣть дѣло съ замужними женщинами,— произнесъ онъ холодно и дѣловито,—правда, часто это бываетъ опасно, но зато въ большинствѣ случаевъ очень удобно. Вы, конечно, сами это испытали. Въ подобныхъ отношеніяхъ отъ васъ требуется ровно столько чувства, сколько вы можете удѣлить.

Арнольда страшно затронуло безстыдство подобнаго признанія. Онъ вдругъ остановился, точно собираясь что-то возразить. При воспоминаніи о своемъ сегодняшнемъ разговорѣ со Шпехтомъ, — у него по спинѣ точно капли холодной воды пробѣжали, но онъ промолчалъ. Впродолженіи цѣлой секунды онъ былъ увѣренъ, что его заставило промолчать неизмѣримо болѣе благородное и строгое чувство, нежели онъ проявилъ бы, произнеся слова, которыя ему пришлось бы тщательно выбирать. Но почему въ такомъ случаѣ онъ разразился по адресу господина Грёдена длинной тирадой, преисполненной гнѣва и мужественнаго негодованія? Потому что этимъ могъ произвести впечатлѣніе. Нѣкто похлопалъ его по плечу и произнесъ «смѣлыя слова». Негодованіе, гнѣвъ, возмущеніе — все было лишь легкимъ пусканіемъ крови изъ переполнившагося сердца. Онъ молчалъ и молчалъ. А про себя разсчиталъ, что дважды подъ рядъ разыгрывать моралиста было бы смѣшно. Да, Арнольдъ, дѣйствительно, былъ огорченъ. Чтобы не терять ни минуты, онъ торопливо натянулъ на себя фракъ, но отъ разстройства вдѣлъ въ сорочку не тѣ запонки, что было нужно, потомъ просидѣлъ цѣлыхъ двѣ минуты на мѣстѣ, чтобы спокойно подумать обо всемъ.

Они пріѣхали въ оперу къ концу перваго акта. Окинувъ глазами ряды разукрашенныхъ дамъ, сидѣвшихъ въ ложахъ, Арнольдъ снова ощутилъ захватывающее и все заполняющее собою чувство могущества человѣка, который имѣетъ смѣлость надѣяться, что всѣмъ, что только охватываетъ его дерзкія мечты, онъ овладѣетъ.

Передъ нимъ сидѣла баронесса съ Дорой и Фелиціей. Музыки онъ не слушалъ, а былъ занятъ самимъ собою. Ему казалось, жить, дышать, видѣть передъ собою свободные пути, что подносить къ губамъ каждый день полный кубокъ, чтобы затѣмъ, вечеромъ, опростать его до дна, отбросить въ сторону.

Онъ знакомился съ людьми, приходившими въ антрактахъ къ ба-

ронессѣ: графомъ Фалькенбергъ и его женой, красавицей, съ тихими и громадными, какъ у коровы, глазами; при этомъ замѣтилъ, что на всѣхъ производитъ впечатлѣніе. Тогда онъ старался дать себѣ отчетъ, какія собственно качества въ немъ покоряютъ ихъ и, чтобы не потерять то, чѣмъ уже обладалъ, сталъ тщательно наблюдать за собою. Поступокъ съ Фелиціей вызывалъ въ немъ раскаяніе, онъ находилъ недостойнымъ такъ играть живою душою. Но странно, и она сторонилась его. Онъ произвелъ на нее впечатлѣніе своею веселостью и извѣстнаго рода привѣтливой глубиной, которыхъ она никогда раньше не замѣчала ни въ одномъ изъ мужчинъ, но сердце ея не обладало никакой потребностью въ логикѣ, а въ головѣ не было ни единаго твердаго жизненнаго понятія. Природа горько мстила ей тѣми муками, которыми она даритъ людей, лишенныхъ внутренней гармоніи.

Арнольдъ осушалъ свой кубокъ. Дни оказывались слишкомъ короткими, ночи также.

Какой богатой казалась ему жизнь. Когда онъ думалъ, какъ мало изъ ея богатствъ при даже благопріятныхъ условіяхъ достанется на его долю, онъ поражался.

Въ концѣ недѣли докторъ Барромео написалъ ему по поводу все еще не рѣшеннаго вопроса о новомъ помѣщеніи капитала и просилъ зайти къ нему въ бюро. Арнольдъ все откладывалъ это посѣщеніе дня два, потомъ взялъ экипажъ и поѣхалъ. Изъ темныхъ сѣней онъ вошелъ въ большую сводчатую комнату, съ неуклюжей мебелью и массой полокъ, педантично заставленныхъ рядами книгъ. Быстрая смѣна уличной толкотни на глухой міръ этого помѣщенія въ первую минуту даже нѣсколько испугала его. Онъ развязно опустился въ кожаное кресло противъ дяди; борода у него сегодня была какъ-то особенно тщательно расчесана, а губы бѣлы какъ песчаникъ. Въ этомъ мрачномъ помѣщеніи Арнольдъ вдвойнѣ интенсивно ощущалъ свою силу, жизнерадостность и довѣріе къ себѣ. Вдругъ случилось нѣчто ужасное—послѣ первыхъ же словъ, произнесенныхъ имъ, раздался сильный раскатъ грома. До того Арнольдъ не замѣтилъ никакихъ признаковъ приближающейся грозы, и вѣроятно она собралась въ какихъ нибудь нѣсколько секундъ. Какъ эхо громового удара раздались внутри его слова Шпехта: «пренепріятная исторія... совершенно тожественная съ той... какъ вы сами сейчасъ убѣдитесь...»

— Шесть процентовъ—это очень хорошо,—говорилъ Фридрихъ Барромео, мелькомъ взглянувъ въ окно и съ секунду прислушавшись къ удалявшимся раскатамъ,—но подумай, какъ ты рискуешь. Я справлялся—пожимаютъ плечами.

Арнольдъ сдѣлалъ усиліе надъ собою, такое усиліе, какъ до того ему рѣдко приходилось дѣлать. Посмотрѣвъ на черную бороду дяди онъ сказалъ:

— Но условія благопріятны. Въ настоящее время предпріятіе имѣетъ шансы на хорошій исходъ. Остальное дѣло счастья.

54.

Только что до Натали дошли слухи о предстоящемъ большомъ праздникѣ цвѣтовъ, какъ она сейчасъ же пустила въ ходъ всевозможныя пружины, чтобы принять въ немъ участіе. Ей удалось даже добиться представленія принцессѣ, почетной предсѣдательницѣ праздника, и услыхать отъ нея нѣсколько благосклонныхъ фразъ; осчастливленная, опьяненная, пылкая, какъ въ огнѣ, полетѣла она послѣ представленія домой. Ей предложили съ двумя пожилыми аристократками продавать конфети въ одной изъ палатокъ. Уже въ дверяхъ, задыхаясь и возбужденно она кричала сестрѣ:

— Петра, подумай только! — И принялась разсказывать. Но Петру, у которой сложилось убѣжденіе, что Натали не можетъ иначе, какъ выходить изъ себя или восторгаться, не особенно трогали ея настоящіе успѣхи. Она была моралистка по натурѣ; конечно, и она желала по возможности больше извлечь счастья и довольства изъ каменныхъ глыбъ своей жизни, но при условіяхъ, чтобы это удалось очень приличнымъ и высоконравственнымъ путемъ. Даже на лицѣ была видна нравственная строгость, и нависшая верхняя губа походила на маленькую крышу, надежную защиту противъ заблужденій,—страстей и возможности забыться.

Обладая сознаніемъ долга, она любила дать понять, будто страдаетъ отъ его выполненія.

Ничѣмъ не занятые часы, дѣйствительно заставлявшіе ее страдать, она заполняла музыкой, подобно тому какъ торопливо и чѣмъ попало набиваютъ для однодневнаго путешествія дорожный сундукъ. У Натали не было ни малѣйшаго сознанія долга и поступки ея находились въ постоянной зависимости отъ всякой перемѣны общественной температуры.

Она прекрасно и неизмѣнно чуяла ничтожество своего существа и своихъ поступковъ, не разбираясь въ нихъ, она чувствовала это, какъ чувствуютъ ночной воздухъ съ завязанными глазами. Бракъ, дѣти, хозяйство все было для нея иногда милой и занимательной, а иногда и скучной забавой. Теперь всѣ ея помыслы исключительно были направлены на цвѣточный праздникъ, и ничто, кромѣ него, не занимало. Госпожа Кенигъ мать, уже нѣсколько недѣль переѣхавшая къ Натали, чтобы постоянно видѣть вокругъ себя всю семью, была безнадежно больна. Но у Натали была лишь одна забота, выстоитъ ли до праздника погода, и она подробно совѣщалась объ этомъ со всѣми, начиная съ мальчика изъ булочной до молочницы включительно. Значеніе всего міра сводилось у

нея на успѣхи ея желаній, и она чувствовала особенную пріязнь къ небесамъ, пока тѣ одаривали ее солнечнымъ свѣтомъ.

Такимъ образомъ наступилъ желанный день. Портниха явилась въ одиннадцать утра, Натали тотчасъ же стала одѣваться, причемъ щеки ея пылали, а глаза увлажнились отъ волненія. На ней было голубое шелковое платье empire, искусно зашитое фіалками. Оно облегало нѣжное тѣло Натали точно благодатный райскій воздухъ.

Въ двѣнадцать явилась парикмахерша.

Темные волосы были перевиты пучочками фіалокъ. На шеѣ, на золотой цѣпочкѣ висѣлъ круглый медальонъ съ чуднымъ брилліантомъ. Длиннѣйшія перчатки, на застегиваніе которыхъ пошло около четверти часа; на ножкахъ голубыя туфельки и голубые шелковые чулки; въ такомъ видѣ вошла Натали въ комнату матери, гдѣ Левинъ и Петра играли въ карты. Госпожа Кёнигъ съ лицомъ сѣро-свинцоваго цвѣта лежала въ постели; сидѣлка держала передъ нею балонъ съ кислородомъ, и больная вдыхала его черезъ трубочку. При видѣ Натали она выронила ее; отъ нѣжной улыбки, появившейся на лицѣ, она не похорошѣла, а, наоборотъ, все лицо ея исказилось.

— Натали, дитя мое, ты отправляешься повеселиться...—сказала она голосомъ, напоминавшимъ хриплое карканье вороны.—Ты права... И я въ твоемъ возрастѣ была веселой, болѣе даже, чѣмъ веселой, когда подумаешь... А ты, Петра, дитя мое, остаешься дома съ своей бѣдной матерью? Это хорошо! О, ты у меня философъ, всегда было имя...

— Не говори такъ много, мама,—сказала Петра, морща лобъ.

Натали стояла нѣсколько сконфуженная и раздосадованная, какъ пѣвецъ, замѣчающій, что поетъ передъ глухими.

— Не находишь ли ты, Левинъ, что платье нѣсколько черезъчуръ вырѣзано?—спросила она.

— Милѣйшая моя Натали,—отвѣтилъ онъ, и его взглядъ въ одно и то же выражалъ время величественность и желаніе поссориться,—у меня на душѣ другія заботы, можешь быть увѣрена... Не знаю, испытывалъ ли кто-либо на землѣ столь ужасную боль, какъ я вотъ тутъ, вотъ тутъ...—и онъ потеръ колѣно.—Къ тому же ты легкомысленнѣйшая женщина...—уже съ бѣшенствомъ продолжалъ онъ,—я не позволяю себѣ купить лишней сигары, а ты...

Обѣ сестры съ ужасомъ посмотрѣли на него. И разстроенный въ конецъ, онъ замолчалъ, съ минуту смотрѣлъ на сидѣлку, потомъ заговорилъ по-французски, причемъ, однако, слово alors играло главную роль; больше ничего нельзя было разобрать.

Госпожа Кенигъ съ интересомъ и ненавистью слѣдила за этой оживленной бесѣдой. Она не вѣрила ни въ свою болѣзнь, ни въ то, что ей скоро придется умереть.

То, что ей приходилось лежать и дышать кислородомъ, она при-

*

писывала неблагопріятному стеченію обстоятельстъ и ненавидѣла собственныхъ дѣтей, когда тѣ слишкомъ явно напоминали ей о томъ что называется жизнью. Только къ одному человѣку она относилась съ довѣріемъ, а именно къ своему врачу. Ей казалось, что если удастся заслужить его расположеніе, смерть станетъ безсильной. Въ сущности она была доброй старушкой, немного смѣшная въ своемъ тщеславіи и раздутой величественности, но у нея дѣлались судороги отъ ядовитаго бѣшенства, если окружающіе думали не исключительно о ея болѣзни. Руками, ногами и зубами она цѣплялась за настоящую жизнь, какою она себѣ ее представляла, т.-е., чтобы утромъ спокойно попить кофе, потомъ до обѣда выслушивать разныя сплетни, потомъ съ наслажденіемъ пообѣдать, послѣ выѣзжать или по дѣламъ, или кататься въ Пратеръ, вечеромъ съ удовольствіемъ поболтать въ семейномъ кругу, и потомъ крѣпко и глубоко проспать десять часовъ подрядъ, причемъ на ночномъ столикѣ, какъ видится, должны стоять два стакана съ водою. Такъ она съ удовольствіемъ прожила бы нѣсколько тысячъ лѣтъ подрядъ.

Съ сильно бьющимся сердцемъ сѣла Натали въ карету и отправилась къ празднично изукрашенному парку дворца Бельведеръ.

Было еще довольно рано. Въ смущеніи осматривалась она вокругъ и еле разглядѣла длиннаго, изысканно одѣтаго господина, которому было поручено провожать дамъ въ назначенные для нихъ кіоски. Ея глаза застилались туманомъ ошеломляющаго сладострастія—она чуть чуть не спросила совершенно незнакомаго ей мужчину: «ну что скажете, какъ я вамъ нравлюсь?»—такъ какъ для нея это было важнѣе всего.

Она не замѣчала ни разстилающагося надъ нею голубого неба, ни раскаленно-зеленой листвы, ни цвѣтовъ, которые какъ бы цѣлыми потоками вѣнковъ и огненныхъ гирляндъ заполняли всѣ дороги и перекидывались въ видѣ арокъ съ одного дерева на другое; не замѣчала безчисленныхъ искусныхъ фонтановъ, длинныхъ рядовъ палатокъ, любопытныхъ людей; для нея все это было лишь неудовлетворительнымъ зеркаломъ для отраженія ея собственной разряженной фигурки и она улыбалась смущенно, нѣжно, точно во снѣ, почти не сознавая куда идетъ, гдѣ стоитъ, что говоритъ и что ей говорятъ. Ея маленькое сердечко билось легко—весело и скованная душа выглядывала изъ него на свѣтъ Божій, точно черезъ рѣшетку окна. Въ такомъ состояніи Натали тоже прожила бы съ удовольствіемъ тысячи годовъ...

Она пила темный полузамороженный сладкій кофе, кушала тортъ изъ взбитыхъ сливокъ и съ безсодержательной, но блаженной улыбкой отвѣчала на вопросы молодого дворянчика, похожаго на подростка и въ самомъ дѣлѣ бывшаго лишь таковымъ. Продавъ какой-то пустякъ, они выручили за него бумажку. Подошла Анна Барромео и привѣтливо поздоровалась съ Натали. Она завѣдывала съ двумя придворными актрисами лотереей.

На ней было бѣлое, какъ жасминъ, платье съ тяжелыми греческими складками, схваченными на бокахъ дорогимъ, украшеннымъ пятью изумрудами поясомъ. Красновато-золотистые волосы, зачесанные на подобіе короны, придавали ея фигурѣ что-то царственное; это впечатлѣніе увеличивалось еще блѣднымъ лицомъ и блѣдной шеей съ вибрирующими голубыми жилками.

Аристократки большею частью были одѣты проще не аристократокъ. Послѣднимъ хотѣлось похвастаться своимъ умѣньемъ нарядиться, но глубокое впечатлѣніе производитъ лишь безыскуственность и спокойная простота.

Въ этомъ отношеніи Анна Барроммео еще могла ввести въ заблужденіе, но и у нея въ душѣ бушевало честолюбіе.

— Гдѣ господинъ Анзорге?—спросила Натали и ея любопытное дѣтское личико отъ присутствія болѣе красивой женщины подернулось робостью и завистью.

Анна Барромео указала на одну изъ боковыхъ дорожекъ, гдѣ стоялъ Арнольдъ съ графиней Фалькенбергъ, баронессой Валескотъ и Фелиціей. Онъ издали поклонился Натали. Та съ внутреннимъ безпокойствомъ окинула взглядомъ обѣихъ Валескотъ: ихъ простые, почти строгіе наряды снова наполнили ея душу какой-то неопредѣленной заботой. Но Арнольдъ подошелъ къ ней и сказалъ:

— Вы сегодня прекрасны, madame Натали,—и этихъ словъ было достаточно, чтобы снова настроить ее на веселье и любовь ко всему человѣчеству. Она не попыталась даже отвѣтить ему, только покраснѣла до плечъ.

Съ удивленіемъ, почти съ почтеніемъ, смотрѣла она на блѣдное, но какъ бы отражающее праздничное веселье, лицо Арнольда. Вскорѣ около палатки Натали, украшенной гирляндами розъ, толпилась масса народу.

Графини и княгини подходили, чтобы подарить ее ласковымъ словомъ или поклономъ: одинъ изъ эрцгерцоговъ остановился и попросилъ представить себѣ очаровательную даму; являлись молодые кавалеры и предлагали свои услуги... Она такъ и блистала остроуміемъ; успѣхъ и запахъ цвѣтовъ опьяняли ее и ей стало казаться, что она чужая принцесса, которую долго не признавали и наконецъ-то теперь стали отдавать должныя почести. Въ трехъ различныхъ пунктахъ обширнаго парка играли три оркестра. Покачиваясь на цыпочкахъ, Натали съ восторгомъ прислушивалась къ вальсу, какъ вдругъ замѣтила среди приближающейся толпы Левина, заглядывающаго во всѣ палатки. Мрачный, не предвѣщающій ничего хорошаго видъ мужа подѣйствовалъ на нее такъ, будто ея щекъ и лба коснулось ледяное дыханіе. Рѣшетки въ ея сердцѣ опустились и сладостный вальсъ сразу превратился въ злобный хриплый крикъ. Она совершенно забыла, что была замужемъ за Левиномъ, и теперь его надутая важность, толстыя не-

гритянскія губы, которыя уже издали выдавали ужасную вѣсть, что несли ей, произвели на нее впечатлѣніе удара бича. Увидѣвъ жену и протискавшись къ ней, Левинъ какъ-то странно захлебываясь сказалъ:

— Поѣдемъ домой, Натали, твоя мать...

Натали тихо и тяжело вздохнула. Ей казалось, что она сразу ослѣпла отъ испуга и почувствовала себя самымъ ужаснымъ и предательскимъ образомъ ограбленной. Глаза наполнились слезами, она не двинулась съ мѣста.

— Ты должна вернуться домой,—настаивалъ Левинъ, продолжая захлебываться и въ то же время съ любопытствомъ и завистью оглядываясь по сторонамъ.—У твоей матери ужасный припадокъ...

— Навѣрно, не сильнѣе обыкновеннаго, — возразила Натали, широко и съ упрекомъ раскрывая глаза,—оставь меня здѣсь только до прихода государя.

Левинъ съ большимъ удовольствіемъ далъ бы согласіе, потому что самъ начиналъ входить во вкусъ окружающаго ликованія и забывалъ, что собственно привело его сюда. Но въ Натали уже проснулась совѣсть, и она дрожащими руками набросила на плечи свою накидку. Въ ея возбужденномъ, дрожащемъ и смущенномъ сердечкѣ клокотало неудовольствіе на мать. Когда она попрощалась съ дамами, Левинъ противъ воли послѣдовалъ за ней. На одной изъ боковыхъ дорожекъ, ведущихъ прямымъ путемъ къ выходу, встрѣтился имъ Арнольдъ; онъ спѣшилъ, точно былъ заваленъ дѣлами.

— Куда, куда?—воскликнулъ онъ.—Государь ѣдетъ.

Левинъ ласково щелкнулъ пальцами. Но Натали зарыдала какъ ребенокъ.

— Теперь-то начинается самое интересное,—прошептала она и стала смотрѣть прямо передъ собою. Арнольдъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ Натали вслѣдъ, но лишь одну секунду. Въ глазахъ его свѣтилась жажда удовольствія, онъ смотрѣлъ въ безоблачное небо и вдыхалъ запахъ луговъ и цвѣточныхъ клумбъ, наслаждаясь ощущеніемъ избытка неизрасходованныхъ силъ, способный многое покорить себѣ и прежде всего желавшій себя на чемъ-нибудь испробовать. Но все враждебное уступало ему дорогу, такъ ему казалось по крайней мѣрѣ, и неистраченныя силы и смѣлость порождали дикое, лихорадочное состояніе. Онъ протискался сквозь все увеличивающуюся толпу къ палаткѣ Валескотъ, продававшихъ лотерейные билеты; на каждые сто билетовъ, выпадалъ лишь одинъ единственный выигрышъ—золотая, чудной работы, хризантема. Дора, съ мечтательной улыбкой, протягивала проходящимъ бѣлую вазу, наполненную бумажными трубочками.

— Сколько стоитъ билетъ?—спросилъ Арнольдъ, подходя къ палаткѣ.

— Это зависитъ отъ васъ,—отвѣтила Дора съ притворною скромностью.

Арнольдъ бросилъ на прилавокъ пять гульденовъ и вынулъ билетъ; онъ оказался пустымъ, второй и третій тоже. Вынувъ изъ бумажника сто гульденовъ, онъ взялъ двадцать билетовъ. Со всѣхъ сторонъ подходили любопытные и поспѣшно протискиваясь, составили около него полукругъ. Изъ-за палатокъ показались дамы-патронессы праздника и нѣсколько мужчинъ. Отъ Анны Барромео не ускользнуло ни единаго движенія Арнольда. Ея лобъ сморщился, на губахъ играла выжидательная улыбка.

— У меня нѣтъ больше денегъ, — сказалъ Арнольдъ и оглянулся.

— Но зато кредиту сколько угодно,—воскликнула Дора.

Тогда онъ, смѣясь, вытащилъ полные пригоршни выигрышей и выдалъ росписку на 500 гульденовъ.

— Браво, Нарцисъ!—восклинулъ Валескотъ, также показавшійся у палатки; дамы захлопали въ ладоши, а нѣкоторыя стали даже помогать ему развертывать трубочки. Публики все больше и больше тѣснилось. Арнольдъ, точно опьянѣвъ, схватилъ обѣ еще почти полныя вазы, высоко взмахнулъ ими и высыпалъ легкіе билетики на головы окружающихъ, съ хриплымъ, восторженнымъ крикомъ радости. Безчисленныя руки протянулись за летящими бумажками и вся масса завертѣлась вокругъ самой себя. Это было даже страшно. Дора ликовала вмѣстѣ съ другими; Фелиція точно оцѣпенѣла, Валескотъ обнялъ Арнольда—вдругъ среди этой суеты раздался возгласъ:

— Императоръ, императоръ!

Всѣ капеллы соединились и заиграли народный гимнъ; солдаты раздвигали толпу, посрединѣ образовался широкій проходъ, въ который еще издали стало видно государя. Арнольда охватила непонятная дрожь. Императоръ шагахъ въ пяти отъ него разговаривалъ съ Анной Барромео и графиней Фалькенбергъ, потомъ съ улыбкой кивнулъ головой сестрамъ Валескотъ и прослѣдовалъ далѣе сквозь молчащую толпу. Арнольдъ съ чувствомъ вѣрноподданничества, граничащаго со страхомъ, отвѣсилъ глубокій поклонъ; его глаза подернулись влагой; мозгъ утомился.

Наступилъ вечеръ. На балюстрадѣ, въ верхнемъ концѣ сада, былъ фейеверкъ. Съ трескомъ поднимались въ воздухъ цвѣтныя ракеты, точно хотѣли взобраться на самое небо, но жалкимъ образомъ лопались надъ землею и изъ нихъ вываливались громадныя вздутыя фигуры изъ японской папиросной бумаги; слоны съ всадниками, мандарины, смѣшно кивающіе головой, летающія рыбы и лягушки. Пестрыя фигуры очень мило ковыляли и плыли по воздуху, точно заблудившіяся группы далекихъ созвѣздій; ихъ освѣщали въ высшей степени таинственно бенгальскіе огни. Палатки стали запираться и знать отправилась во дворецъ, чтобы полюбоваться танцами и живыми картинами. Арнольдъ стоялъ подъ деревьями и молча смотрѣлъ въ свер-

кающій огнями садъ. Вспыхнула радуга Цергона и ея лучи заискрились въ лѣтнихъ сумеркахъ. Музыка играла танцы и банальныя мелодіи. Всѣ дорожки были густо усѣяны цвѣтами и самый воздухъ казался сладострастнымъ и душнымъ. Арнольдъ забылъ мѣсто и время и напрасно старался обуздать въ себѣ тысячи внутреннихъ вожделѣній. Онъ былъ разгоряченъ, сознательность нѣсколько притуплена, усталъ, но опьяненіе точно подшпоривало его. Міръ теперь разстилался передъ нимъ не въ мирномъ спокойствіи, а летѣлъ, задыхаясь отъ ликованія, и нужно было сосредоточить все вниманіе исключительно на томъ, чтобы не пропустить моментъ, когда можно будетъ вспрыгнуть наверхъ, какъ на подножку вагона экстреннаго поѣзда. И это чувство вѣчнаго спѣха, вѣчнаго «на сторожѣ», вызывало въ немъ слабость и какую-то странную, безсильную похотливость. Онъ задумчиво шелъ между низко свѣшивающимися кустами бузины. Было темно, но ему хотѣлось немного придти въ себя. Цвѣты слишкомъ сильно и слишкомъ сладко благоухали. Издали неслось безсмысленное брянчанье музыки и крики людей и «народа», какъ выразительно замѣтила баронесса Валескотъ. Арнольдъ вздрогнулъ. Сзади его обхватили двѣ руки и къ нему прижалась чья-то теплая грудь; въ ту же минуту на шеѣ онъ почувствовалъ что-то влажное, теплое, какъ бы сосущее, услышалъ прерывистое дыханіе и шопотъ, а когда насильно повернулся, то увидѣлъ, какъ прошуршало платье и на золотомъ поясѣ въ сіяніи заблудившихся свѣтовыхъ лучей блеснули изумруды.

Арнольдъ опустилъ голову и остановился на мѣстѣ, безсмысленно улыбаясь. Ему казалось, что его захватилъ и закружилъ горячій вихрь. Онъ догадывался, кто обнималъ его, но подавлялъ въ себѣ приближающуюся увѣренность. Потому что въ противномъ случаѣ ему пришлось бы броситься въ траву и умолять своего парящаго въ недосягаемыхъ высотахъ Бога, чтобы онъ заставилъ его бѣжать или даровалъ колеблющейся душѣ больше силы. На одну секунду онъ смирился; поднялъ было глаза къ небу, но не сталъ дожидаться, какъ его осѣнитъ просвѣтленіе, а тотчасъ же насильно принудилъ свое сердце отдаться ликованію, и когда до него донесся съ подъѣзда дворца громкій зовъ, онъ отвѣтилъ на него торжествующимъ далеко разносящимся крикомъ. Онъ выступилъ изъ чащи, и свѣтъ ослѣпилъ его.

Валескотъ шелъ къ нему навстрѣчу и сталъ тащить его за собою, потому что, говорилъ онъ, нельзя больше терять ни минуты. Насмѣшливо улыбаясь, Арнольдъ послѣдовалъ за барономъ въ уборную, гдѣ для него былъ приготовленъ греческій костюмъ. По дорогѣ онъ встрѣтилъ Наталй. Она вернулась и шла теперь съ блаженной улыбкой, будто происшествіе, что заставило ее уѣхать, было сто лѣтъ тому назадъ. Пронеслась туча по ея радостному небосклону, но не разрядилась.

55.

Арнольдъ праздновалъ свое новоселье; на Антиноѣ по этому случаю красовалась гирлянда изъ розъ, но въ виду расточительной роскоши остального убранства онъ не возбудилъ особеннаго вниманія гостей. Объ этомъ праздникѣ поговорили съ недѣлю, а потомъ забыли. И снова съ насмѣшливою медлительностью потянулись дни за днями... Арнольдъ ходилъ въ гости, но однообразіе разговоровъ утомляло его; какъ-то зашелъ къ Хиртлю и тотъ фестировалъ его точно Бога, но видъ больного только вызвалъ въ немъ отвращеніе. Нерѣдко, выходя изъ какого-нибудь свѣтскаго общества, мускулы его лица сразу опускались, лобъ становился мрачнымъ и глаза подергивались холодомъ. Онъ попробовалъ было принимать участіе въ сборищахъ актеровъ и другихъ причастныхъ кулисамъ лицъ, шатался съ ними по цѣлымъ ночамъ и усвоилъ себѣ ихъ постоянную искусственно-возбужденную веселость. Онъ, какъ и они, началъ относиться критически ко всѣмъ и каждому и высказывалъ плохое мнѣніе о томъ, къ кому только что передъ тѣмъ, повидимому, относился съ полнымъ довѣріемъ. Таящаяся въ глубинѣ его души человѣчность, нѣсколько тяжеловатая грація, рѣшительность, сила, остроуміе, оригинальная манера выражаться, какъ бы облагораживая самыя обыкновенныя вещи, вызывали къ нему уваженіе и онъ единогласно былъ признанъ за человѣка самобытнаго. Но на самой вершины успѣха онъ стряхнулъ съ себя своихъ поклонниковъ, какъ человѣкъ, проспавшій ночь на сѣновалѣ стряхиваетъ съ своего платья сѣно, и вернулся въ болѣе чистоплотное «хорошее общество»; но и тамъ не могъ долго оставаться, не почувствовавъ скуки, страшной тяжестью сдавливавшей ему грудь. Тогда онъ принялся за прерванную работу, но вскорѣ замѣтилъ, что сердце его безпокоится, словно мышь попавшая въ западню и что руки сами по себѣ, маханически-вяло выполняютъ лишь самое необходимое. Вслѣдствіе этого работа оказывалась безплодной и умъ игралъ лишь роль искусственныхъ крыльевъ деревянной птицы. Мѣсто выполнимыхъ плановъ заняли различныя желанія, вызывавшія одну досаду, потому досаду, что даже въ мечтахъ они не могли быть выполненными, и лишь поверхностнымъ свѣтомъ озарявшія мракъ, словно дымъ или копоть осѣдавшая въ груди. Разныя пустяшныя дѣла заставляли его выходить и онъ послушно выполнялъ ихъ, принималъ приглашенія, былъ разговорчивъ, предпріимчивъ, участливъ и беззаботенъ. А безпокойство между тѣмъ все росло; сталъ строить планы различныхъ путешествій и, вслѣдствіе страха пропустить время для чего-то важнаго, снова отбрасовалъ ихъ. Кромѣ того, онъ думалъ, что не имѣетъ права позволять себѣ такихъ царскихъ отдыховъ, такъ какъ, хотя въ настоящую минуту ровно ничего не предпринимаетъ, но отъ каждаго

слѣдующаго дня ждетъ какого то рѣшенія. Стоило ему закрыть глаза и свѣтъ манилъ его; открыть ихъ и онъ отталкивалъ его отъ себя. Въ душѣ у него произошелъ расколъ, какъ между партіями парламента. Возбужденный мозгъ не могъ заставить встрепенуться замершее сердце или наоборотъ. Такимъ образомъ или умъ бывалъ недоволенъ сердцемъ, или сердце умомъ, или же внутри наступала жуткая тишина. Но во снѣ онъ начиналъ волноваться и имъ овладѣла мучительная борьба. День начинался какъ-то безпорядочно и также кончался. Каждая сила въ отдѣльности дѣйствовала разрушительно, даже самообладаніе побуждало къ притворству и въ результатѣ получалось то отчаянное выжидательное положеніе, которое вызывается неоконченной внутренней борьбой. Однажды среди ночи Арнольдъ поднялся съ кровати: ему показалось просто невыносимымъ оставаться въ этихъ комнатахъ. Расхаживая взадъ и впередъ, онъ дождался утра и отправился на бывшую квартиру Верены.

Тамъ Арнольдъ уже не былъ около шести недѣль. Мебель и драпировки были покрыты пылью; войдя въ мавританскую комнату, онъ растянулся тамъ на диванѣ и закрылъ глаза рукою. Враждующія партіи души, точно жаждая ночного отдыха, на время отбросили свои споры, но зато его охватила тоска, да такая, какой еще никогда не испытывалъ. Не по Веренѣ только, а по всему, что она унесла съ собою. Куда все это дѣвалось? При одной мысли неправильно обвинить ее въ чемъ-нибудь, онъ становился самому себя противенъ, а потому мысленно сталъ искать судью надъ собою; тутъ-то изъ темноты смутныхъ ощущеній передъ нимъ ясно въ повелительномъ спокойствіи обрисовался образъ Александра Ханки. Недвижимо полежавъ нѣсколько часовъ въ мирной комнатѣ, онъ отправился къ Ханкѣ, котораго давно не видалъ; на его приглашеніе на новоселье тотъ отвѣтилъ извиненіемъ, и Арнольдъ скоро забылъ о немъ.

Въ отелѣ ему сказали, что докторъ Ханка уже болѣе не живетъ здѣсь, а нанялъ комнату въ 3-мъ округѣ. Получивъ адресъ, Арнольдъ, горя нетерпѣніемъ, нанялъ экипажъ и поѣхалъ къ нему. Въ маленькомъ чистенькомъ домикѣ ему пришлось подняться на двѣ лѣстницы-на нее же выходило окно изъ кухни, и кухарка объявила ему, что господинъ докторъ еще спятъ.

— Такъ разбудите его,—улыбаясь, сказалъ Арнольдъ,—уже одиннадцать. Скажите, что пришелъ другъ.

Когда онъ вслѣдъ затѣмъ вошелъ къ Ханка, тотъ потягивался еще въ кровати.

— Ну, милѣйшій, что же васъ привело ко мнѣ? спросилъ онъ.

— Я хотѣлъ убѣдиться, живы ли вы еще? — отвѣтилъ Арнольдъ, садясь возлѣ.—Почему васъ не видать? Почему тогда не пришли ко мнѣ?—Онъ не ждалъ отвѣта на свои вопросы и задавалъ ихъ тѣмъ легкимъ тономъ, который можетъ служить переходомъ или чѣмъ-то

въ родѣ занавѣси для того, что человѣкъ таитъ въ себѣ. Мимоходомъ онъ обратилъ вниманіе на простоту и непривѣтливое убранство помѣщенія, и это заставило его слегка задуматься.

Ханка немного приподнялся и облокотился на руку.

— То, что вы пришли ко мнѣ, плохой знакъ для вашего душевнаго состоянія,—съ удивленіемъ сказалъ онъ.

— Вздоръ,—отвѣтилъ Арнольдъ.—Вставайте-ка, да потолкуемъ какъ слѣдуетъ.

Ханка засмѣялся, поднялся съ кровати, съ жалкой миной погладилъ свои тонкія ноги и, дрожа, натянулъ на себя кальсоны.

— Что подѣлываете?—проронилъ онъ низкимъ голосомъ—У васъ все такой же сильный аппетитъ къ жизни? Вы стали молчаливы, по крайней мѣрѣ со мною, потому что вчера еще нѣкто разсказывалъ мнѣ, что считаетъ васъ самымъ занимательнымъ человѣкомъ на свѣтѣ и удивляется вамъ.

Указывая быстрымъ жестомъ на масляную картину на столѣ. Арнольдъ спросилъ:—А это кто?

Ханка въ это время умывался, и фыркая, отвѣтилъ:—Человѣкъ, который рано или поздно сойдетъ съ ума.

— Поэтому у васъ и виситъ его портретъ.

— Именно. Для калѣки наслажденіе видѣть человѣка совершенно безъ ногъ. На этомъ чувствѣ зиждется всякое истинное довольство.

Они вмѣстѣ отправились обѣдать, вмѣстѣ сидѣли въ кофейной, вечеръ провели потомъ тоже другъ съ другомъ и разошлись поздно ночью.—Что вы, въ сущности, находите въ моемъ обществѣ? — спросилъ Ханка. Моменты, когда я могу вамъ датъ что-нибудь рѣдки.

Арнольдъ, не задумываясь ни на минуту, отвѣтилъ: Да, но вліяніе этихъ моментовъ продолжительной смѣхъ.

Ханка удивленно замолчалъ. Удивленіе это усилилось еще и отъ того, что онъ, въ концѣ концовъ, не могъ не видѣть, что Арнольдъ шелъ къ нему въ качествѣ просителя, и ему стало стыдно за него; хотя онъ любилъ его, но сталъ постепенно отдаляться. «Просить у меня моего времени», думалъ онъ; «и въ самомъ дѣлѣ, вѣдь я могу разсточать его сколько угодно, но чѣмъ болѣе буду удѣлять его ему, тѣмъ бѣднѣе онъ будетъ становиться. Вотъ интересная ариѳметическая задача». Онъ всегда предвидѣлъ конецъ всяческимъ человѣческимъ отношеніямъ и заранѣе опасался его. Заранѣе представлялъ себѣ, какъ нѣжное лицо исказится ненавистью, станетъ гадкимъ, а красота, полная жизни, по его мнѣнію уже отдавала запахомъ разложенія. Для него было бы полезно пожить въ такомъ мірѣ, въ которомъ ничто не измѣнялось бы, гдѣ вода не выдалбливала бы камней и друзья никогда не превращались въ клеветниковъ. Онъ жилъ, какъ бы вѣчно присматриваясь ко всему, что подвергается порчѣ, что приближается къ смерти и подвергается законамъ земныхъ

превращеній. Глядя на воду, онъ уже ждалъ, когда она превратится въ облака; на облака, когда они разольются дождемъ. Думалъ, что камень, о который споткнулась его нога, можетъ причинить смерть идущему вслѣдъ за нимъ... о всякомъ движеніи, улыбкѣ, рѣшеніи онъ думалъ, что вотъ они могутъ измѣнить или окончательно остановить теченіе судьбы; не было такого кушанья, питья, волоска на человѣческомъ тѣлѣ, которыя по своему не могли бы причинить смерти. Въ выжидательномъ выраженіи его темныхъ глазъ таилось нѣчто иное, нежели огонь, который зажигаетъ мысль или фантазія.

Но рѣшеніе избѣжать Арнольда ни къ чему не привело—тотъ точно гнался за нимъ; часто было похоже, что между ними разыграется умственной поединокъ, потому что мысли Арнольда, освобожденнаго отъ броженія крови и душевнаго безпокойства, быстро уносились отъ вопросовъ земли и искали спасенія въ царствѣ отвлеченнаго мышленія и мечтаній. Но и въ этой области Ханка былъ неизмѣримо сильнѣе его. Онъ обладалъ неумолимой логикой во всемъ, что касалось вопросовъ духа, поистинѣ божественной прозорливостью и безграничными познаніями. Никто никогда не видалъ, чтобы онъ чѣмъ-нибудь занимался продолжительное время, и все же не было такой области въ наукѣ, въ которой онъ былъ бы лишь диллетантомъ или рутинеромъ. Безграничному блужданію въ области незрѣлаго эмпиризма онъ противоставлялъ въ видѣ желѣзнаго укрѣпленія формулу и временами человѣчно и благородно опрокидывалъ, словно гнилое дерево, всякое суемудріе и вступалъ въ свѣтлую обитель созерцанія и идеи.

Арнольдъ боролся напрасно. Его духъ взлеталъ въ высь и затѣмъ, изнемогая, снова спускался на землю. Въ немъ зарождалась глухая ненависть къ Ханка; ненависть затаенная, подавленная, пріобрѣтавшая надъ нимъ власть лишь въ часы нравственнаго безсилія. Онъ запутывался въ пустыхъ противорѣчіяхъ, напускалъ на себя презрѣніе къ узкой дѣловитости Ханка; и какъ ужасно у него было на душѣ, когда временами онъ начиналъ догадываться, что, собственно говоря, борется вовсе не за то, что говоритъ, а за нѣчто иное, чего не осмѣливался коснуться ни единымъ словомъ, за то таинственное, что лежалъ далеко назади въ прошедшемъ, словно запертой храмъ. Да, Арнольдъ ненавидѣлъ, завидовалъ спокойному превосходству Ханка и, смущенный, неувѣренный въ себѣ, все таки жаждалъ найти возможность одержать надъ нимъ побѣду; все равно какую, но побѣду во что бы то ни стало, потому что боялся и Ханка, и самого себя, и общества, передъ которымъ его сердце оказывалось теперь настолько же безпомощнымъ, какъ и голова Ханка. Все это иногда прорывалось наружу въ изворотахъ несправедливыхъ и иногда слишкомъ поспѣшныхъ сужденій. Однажды, придя къ Ханка онъ увидалъ у него на углу стола небольшой листъ картона, на которомъ рукою хозяина было написано: «я вошелъ во врата смерти и вступилъ на порогъ Прозерпины, но,

пройдя всѣ элементы, вернулся обратно. И среди ночи я увидалъ ослѣпительное сіяніе солнца».

Арнольдъ прочелъ это и съ проніей спросилъ:

— Что это за болтовня? Какъ не стыдно заниматься такой чепухой? и, взявъ кусокъ картона, съ пренебреженіемъ отбросилъ его въ сторону.

Ханка по своей привычкѣ двумя пальцами ухватилъ кончикъ своего носа, сжалъ его и снисходительно осторожно возразилъ:

— Это изреченіе взято изъ мистерій Изиды, дорогой мой.

Всякая горячка была чужда его натурѣ.

Ни самый отвѣтъ, ни тонъ его не заставили Арнольда измѣниться въ лицѣ, подойти къ окну и смотрѣть на сѣрое, покрытое облаками небо. Нѣтъ: но онъ поймалъ на себя взглядъ Ханки удивленной, расширенный, вопросительный: «что даетъ тебѣ право вмѣшиваться въ мою жизнь? Неодобрительно относиться къ тому, что я думаю? Можетъ быть, въ этомъ то ищешь спасенія отъ своего собственнаго душевнаго разлада и въ видѣ отвлеченія хочешь заняться чужимъ внутреннимъ міромъ?»—вотъ что приблизительно выражалъ взглядъ Ханка.

Дома Арнольдъ нашелъ письмо отъ Эммериха Хиртеля: «Забытъ, окончательно забытъ—писалъ тотъ.—Нѣсколько дней тому назадъ я думалъ о васъ и съ тѣхъ поръ никакъ не могу забыть. Приходите ко мнѣ. Я писалъ не выхожу. Приходите сегодня вечеромъ. Я всѣми покинутъ, сижу дома и поэтому чувствую себя плохо. Я приготовилъ для васъ лучшее печенье во всей Европѣ, а не захотите разговаривать, можете молчать, только приходите. Я уже нѣсколько мѣсяцевъ не видалъ настоящаго человѣка и окончательно одинокъ. Скоро наступитъ мой конецъ. Вашъ Хиртель».

Арнольдъ равнодушно отбросилъ письмо. Бабье нытье больного возбуждало въ немъ отвращеніе. Черезъ часъ онъ уже забылъ о немъ. Попробовалъ было читать, но скоро отбросилъ книгу, взялъ шляпу и трость и отправился въ кафе. Но и тамъ не могъ долго оставаться—его манила улица. Медленно пересѣкъ онъ Рингъ и пошелъ по направленію къ народному дому, но вскорѣ вернулся обратно, такъ какъ къ ужину ждалъ къ себѣ Ханка. На лѣстницѣ его встрѣтилъ одинъ изъ лакеевъ и съ растерянымъ видомъ пробормоталъ: «Сударь, у насъ случилась бѣда». Арнольдъ съ головы до ногъ смѣрилъ его взглядомъ и тотъ, пройдя впередъ, распахнулъ передъ нимъ двери въ комнату, гдѣ находилась статуя Антиноя. Теперь она уже не стояла, а валялась на полу, голова откатилась къ окну, а лѣвая рука, съ ея чуднымъ жестомъ, была также отломана и лежала рядомъ съ туловищемъ. Арнольдъ произвелъ строжайшее разслѣдованіе. Оказалось, что лакеи въ его отсутствіе забавлялись въ этой комнатѣ единоборствомъ, причемъ опрокинули статую и вмѣстѣ съ нею свалились на полъ. Арнольдъ обоимъ отказалъ отъ мѣста и грустно усѣлся передъ обломками. Когда

пришелъ Ханка, они вдвоемъ подняли торсъ и осмотрѣли мѣсто слома. Ханка объявилъ, что бѣда не такъ еще велика и ее можно исправить съ незначительными затратами. Его забавлялъ разстроенный видъ Арнольда—онъ не могъ бы быть грустнѣе, если бы у него умеръ близкій другъ.

— Съ которыхъ поръ вы такъ сильно полюбили бездушные предметы?—спросилъ онъ немного нетерпѣливо.

56.

Они отправились въ столовую и молча сѣли ужинать; ѣли они съ присущей людямъ образованнаго круга спокойной порядочностью, съ которою тѣ относятся къ подобнаго рода занятіямъ. Было довольно поздно, уже около десяти, когда они встали изъ-за стола и отправились въ другую комнату покурить. Ханка, нѣсколько разстроенный, какъ бы желая облегчить себя разсказомъ, сообщилъ, что продажа дома, цѣнныхъ вещей и упрощенный образъ жизни мало принесли ему пользы. Представлено ко взысканію новое долговое обязательство на 15 тысячъ гульденовъ. Кромѣ того, ему предстоитъ выплата денегъ прежней своей супругѣ, а тамъ, гдѣ нравственность сводится къ денежному вопросу, онъ не имѣетъ права долѣе колебаться, съ горечью замѣтилъ онъ. Ему прямо страшно обратиться къ сестрѣ Агнесѣ, находящейся на пути къ выздоровленію, ее потрясетъ до глубины души малѣйшій намекъ на его разореніе... И все-таки я долженъ рѣшиться на это,—стоически закончилъ онъ,—если не желаю, чтобы стропила рухнули мнѣ на голову и раздавили меня.

Арнольдъ слушалъ лишь вполовину и скоро мысли его унесли далеко отъ сердечныхъ изліяній Ханка. Ища перехода къ другой темѣ, онъ вспомнилъ письмо Хиртля и подалъ его Ханка. Тотъ дважды прочелъ его, разсмотрѣлъ со всѣхъ сторонъ бумагу и, наконецъ, спросилъ:

— Почему вы не пошли къ нему?

Арнольдъ пожалъ плечами.

— Этотъ человѣкъ лжетъ, — сказалъ онъ холодно. — Не относительно фактовъ, а относительно чувствъ.

— Такъ не лгутъ,—покачавъ головой отвѣтилъ Ханка.—Въ прежнія времена я часто встрѣчался съ нимъ, большею частью у Натали—Остербургъ. Онъ очень добродушный человѣкъ.

— Хиртль радъ своей хворости — съ живостью возразилъ Арнольдъ,—онъ съ удовольствіемъ умеръ бы, если бы могъ увидать впечатлѣніе, произведенное его смертью.

Ханка усмѣхнулся, однако, нѣсколько удивленно заглянулъ въ лицо Арнольда.

— Да вы психологъ,—замѣтилъ онъ, почесывая у себя за ухомъ,

но психологъ, придерживающійся невѣрнаго метода, а именно, разъ навсегда заготовлять готовыя сужденія. Съ такою же проницательностью вы могли бы утверждать, что дерево есть неудавшійся каменный уголь. Нѣтъ, это не хорошо.

Въ Арнольдѣ вновь шевельнулась загадочная ненависть къ Ханка, соединенная со страхомъ. Онъ собирался что-то возразить, но снаружи позвонили и вслѣдъ затѣмъ человѣкъ доложилъ о господинѣ Хиртлѣ. Арнольдъ и Ханка переглянулись; первый выглядѣлъ нѣсколько сконфуженно, второй смотрѣлъ съ легкой насмѣшкой.

Вошелъ Хиртль, какъ всегда какою-то деревянной походкой, точно бедра не позволяли ногамъ сгибаться.

— Если гора не идетъ къ Магомету, то Магометъ идетъ къ горѣ — произнесъ онъ съ судорожной улыбкой и сдавленнымъ, беззвучнымъ голосомъ. Подавъ обоимъ руку, онъ сѣлъ. — Если бы вы только знали, мои милые, что значитъ одиночество — произнесъ онъ со вздохомъ, стараясь придать своему замѣчанію характеръ шутки.— Въ воздухѣ передъ тобою носится множество лицъ, а стѣны комнаты распадаются, она становится какой-то бездонной...

Лицо Хиртля было грязно-сѣраго цвѣта, точно паутина, глаза ввалились и боязливо вращались въ орбитахъ; на лбу то и дѣло выступали капли пота, который онъ время отъ времени вытиралъ платкомъ. Ханка, не переставая наблюдалъ за нимъ, въ то же время изрѣдка сбоку окидывая Арнольда взглядомъ, но тотъ, молча, тоненькими колечками пускалъ дымъ своей сигары въ воздухъ.

— Какъ же вы поживаете, дорогой мой? — обратился Хиртль къ Арнольду и его взглядъ засвѣтился искренней дружбой и безусловной преданностью.—Онъ видѣлъ въ Арнольдѣ жизнь, здоровье, силу, все, чѣмъ самъ никогда не обладалъ. Ему на долю выпало только чувствовать безграничное удивленіе къ этимъ качествамъ, подобно рабу, смотрящему на высоко парящаго въ воздухѣ орла.

— Хорошо, очень хорошо—сухо отвѣтилъ Арнольдъ,—а вы больны, какъ всегда? — Да встряхнитесь же! И зачѣмъ вы курите, если это вамъ вредно! Какія противорѣчія?

Хиртль покачалъ головой въ знакъ того, что никакой совѣтъ уже не могъ помочь ему.

— Теперь мнѣ хорошо,—сказалъ онъ,—я надулъ своего доктора и вышелъ изъ дому. Когда я вижу милыхъ людей, мнѣ хорошо. Что дѣлать, я слабъ. А вы, докторъ,—обратился онъ къ Ханка, передразнивая его низкое переливчатое «о»,—что вы подѣлываете?

— Ханка благороднѣйшій человѣкъ,—замѣтилъ онъ по своей привычкѣ не стѣсняясь хвалить присутствующаго,—если бы не существовало слова «благородный», его слѣдовало бы создать ради Ханка.

Ханка покраснѣлъ, дѣйствительно покраснѣлъ; потомъ положилъ ногу на ногу и пошевелилъ толстыми губами. Хиртль съ Арнольдомъ

разсмѣялись, причемъ у Хиртля на глазахъ выступили слезы. Потомъ онъ поднялся, одной рукой обнялъ Арнольда и нѣжно похлопалъ его по щекѣ.

— Помните вы нашу прогулку тогда?—спросилъ онъ.—А мой домашній балъ тоже помните?.. Верена! Что за красота! Гдѣ она? Гдѣ Верена?

— Вы опять ребячитесь — произнесъ Арнольдъ почти съ угрозой и отстранилъ его отъ себя. Но Хиртля не такъ легко было смутить. Онъ твердо вѣрилъ въ дружбу тѣхъ, къ которымъ самъ относился хорошо. Причина этого тщеславіе, а не недостатокъ деликатности.

— Я соскучился по зелени, — сказалъ онъ, расхаживая взадъ и впередъ,—и мнѣ страхъ какъ хочется завтра днемъ прокатиться съ вами обоими черезъ Дорибахъ къ Рорерхютте. Мой экипажъ къ вашимъ услугамъ. Тамъ мы отлично пообѣдаемъ — хотите? Какія у меня воспоминанія связаны съ тѣмъ мѣстомъ! Первая любовь и послѣдняя! Соглашайтесь, Арнольдъ, не будьте такимъ мрачнымъ!

Ханка заявилъ, что согласенъ, а за нимъ и Арнольдъ. Хиртль обрадовался. Очевидно, сегодня онъ былъ болѣе самимъ собою и откровеннѣе, чѣмъ когда-либо. Даже его обычная какая-то липкая печаль смѣнилась чѣмъ-то въ родѣ кроткаго веселья. Все, до малѣйшаго движенія въ немъ молило Арнольда о сочувствіи, но тотъ оставался холоденъ, какъ камень.

Хиртль снова усѣлся и какъ всегда, когда бывалъ въ духѣ положилъ щиколодку одной ноги на другую и улыбаясь продолжалъ разсказывать:

— Въ Дорибанѣ была, а можетъ быть и понынѣ существуетъ, площадка для игръ, на которой я ежедневно подвизался. Помню, у меня былъ тогда бѣлый барашекъ и однажды я выковырялъ ему глаза, потому что меня страшно интересовало, что у него позади ихъ. Но, конечно, тамъ оказались однѣ опилки, какъ у очень многихъ изъ нашихъ почтенныхъ гражданъ. — Онъ засмѣялся. — А моя первая любовь! увы! Она была дочкой булочника, четырехъ лѣтъ. Я помню, однажды мнѣ показалось, будто она пренебрегаетъ мною и я заявилъ: «Соня, сегодня я умру». Она презрительно разсмѣялась и отвѣтила: «Люди не умираютъ, дуракъ!»

Такимъ образомъ Хиртль до тѣхъ поръ перебиралъ воспоминаніе за воспоминаніемъ, пока не усталъ и не увидалъ, что пора ему отправляться во свояси. Ханка вышелъ вмѣстѣ съ нимъ. Онъ втихомолку все раздумывалъ объ Арнольдѣ и его мучили и гнѣвъ и печаль, такъ какъ сознавалъ, что образъ этого человѣка начинаетъ меркнуть. «Что побуждаетъ его», думалъ Ханка, «показывать несчастному Хиртлю когти? Почему онъ не оттолкнетъ меня отъ себя, такъ какъ я для него опаснѣе милліоновъ подобныхъ Хиртлю? Правда и то, что когда падаетъ звѣзда, мы видимъ ее лишь благодаря окружаю-

щему насъ мраку». На другой день уже около половины одиннадцатаго онъ подходилъ къ квартирѣ Хиртля. Въ ту же минуту съ другой стороны показался Арнольдъ и каждый началъ дразнить другъ друга соней. Юстинъ на цыпочкахъ встрѣтилъ ихъ въ передней и шопотомъ сообщилъ, что баринъ еще почиваютъ. Безбородое лицо его выражало благоговѣніе, серьезность и скрытность.

Арнольдъ, широко распахнувъ двери въ спальню крикнулъ:—Пора, пора вставать, милѣйшій! Чудесный день!

Хиртль съ мирной улыбкой на губахъ лежалъ въ кровати и не двинулся. Юстинъ, неодобрительно остановившійся въ дверяхъ, медленно приблизился къ кровати, нагнулся надъ нею и взялъ спящаго за руку. Вдругъ онъ воскликнулъ, рыдая:

— Баринъ, баринъ!—и упалъ около постели на колѣни. Ханка ухватился за мѣдные столбики кровати. Его лицо стало блѣдно-зеленымъ. Арнольдъ крикнулъ:—Бѣгите за докторомъ!

Плачущій человѣкъ быстро поднялся съ пола и послѣдовалъ приказанію. Ханка молча сѣлъ въ углу. Арнольдъ не смѣлъ пошевельнуться. Четверть часа спустя явился докторъ.

Въ результатѣ его изслѣдованія оказалось, что смерть наступила нѣсколько часовъ тому назадъ; параличъ сердца во время сна.

Подоспѣли Наталѝ и Петра, за которыми сбѣгалъ Юстинъ на ихъ квартиру, находящуюся поблизости, потому что Петра считалась невѣстой Хиртля. Петра была блѣдна какъ мѣлъ; глаза были полузакрыты, и, вообще, она производила впечатлѣніе человѣка, обиженнаго судьбой выше всякой мѣры. Наталѝ не умѣла достаточно миловидно изображать разстроенную особу, а потому пристально приглядывалась къ Ханка, чтобы догадаться до какой степени ей слѣдуетъ быть печальной. Понятіе о смерти ей было настолько же чуждо, насколько непонятенъ снѣгъ жителю Синегамбіи. Входили посторонніе люди, съ комическимъ выраженіемъ напускной мрачности, будто они дали обѣтъ не смѣяться впродолженіи цѣлаго года. Арнольдъ и Ханка обмѣнялись знакомъ и вышли. Ни тотъ, ни другой не были въ состояніи заговорить. Арнольдъ боялся взгляда Ханка; боялся его мыслей, но боялся также, что тотъ оставитъ его одного. Вдругъ его лицо приняло просвѣтленное, почти радостное выраженіе и, остановившись, онъ сказалъ:

— Послушайте, Ханка, мнѣ кое-что пришло въ голову. Вы находитесь теперь въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ, мнѣ не трудно ссудить вамъ 15 тысячъ гульденовъ, въ которыхъ вы нуждаетесь. Иначе зачѣмъ бы и называться друзьями.

Ханка также остановился и неподвижно уставился вдаль. Онъ почувствовалъ, точно что-то кольнуло его въ мозгъ и отозвалось въ шеѣ и въ груди.

— Ага,—съ огорченіемъ подумалъ онъ, — ты хочешь подкупить меня, подкупить мое сужденіе, купить снисхожденіе къ себѣ...

— Благодарю,—холодно отвѣтилъ онъ,—мнѣ не нужно.

Еще наканунѣ онъ принялъ бы эти деньги. Въ эту секунду его сердце желало находиться какъ можно дальше. У него было такое чувство, точно какое-то привидѣніе ударило его по лицу. Онъ презрительно смотрѣлъ впередъ печальными глазами и равнодушно выталкивалъ въ открытое море свою опустѣвшую ладью. Ему не хотѣлось такъ разставаться съ Арнольдомъ, хотя въ душѣ онъ уже разстался съ нимъ; поэтому они провели еще нѣсколько часовъ вмѣстѣ.

«Дѣло вовсе не въ томъ, совершаетъ ли человѣкъ хорошій или дурной поступокъ», съ отчаяніемъ раздумывалъ Ханка, «но побужденія его неизмѣнно должны быть одними и тѣми же». Открыто высказать все это Арнольду у него не хватало силы воли. Вечеромъ они еще разъ отправились навѣстить покойнаго Хиртля. Наружная дверь была раскрыта настежъ. Въ сѣняхъ лежали вѣнки. Они уже собирались переступить порогъ комнаты, гдѣ лежалъ покойникъ, когда Ханка остановился и положилъ руку на плечо Арнольда, чтобы обратить его вниманіе на то, что самого его поразило. Въ полуоткрытую дверь они увидѣли, какъ Юстинъ, лакей, одинъ-на-одинъ съ покойникомъ, медленно, съ искреннимъ почтеніемъ склонился надъ нимъ и приложился къ рукѣ своего господина.

Ханка тихонько пошелъ обратно; Арнольдъ механически слѣдовалъ за нимъ.

— Покойной ночи,—произнесъ Ханка, очутившись на улицѣ,—видите ли, для насъ онъ не имѣлъ даже такого значенія, какъ для человѣка, которому платилъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОСНОВЫ ЭЛЕКТРОННОЙ ТЕОРІИ.

20-го мая (н. с.) нынѣшняго года въ Манчестерѣ, гдѣ провелъ лучшіе годы своей ученой дѣятельности знаменитый Джонъ Дальтонъ, съ большою торжественностью, съ какою только англичане умѣютъ устраивать научныя собранія, былъ отпразднованъ столѣтній юбилей атомической теоріи,—теоріи, которая съ полнымъ правомъ можетъ быть названа фундаментомъ нашихъ знаній объ явленіяхъ природы. Впрочемъ, не сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ возникло основное представленіе этой теоріи, идея объ атомахъ—эта идея явилась, какъ всѣмъ извѣстно, еще у древнихъ философовъ, но впервые Дальтону удалось воплотить эту идею въ отчетливую, вполнѣ конкретную форму и при помощи ея создать теорію строенія всѣхъ веществъ, представившую собою не только руководящую нить въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ химіи и физики, но самымъ существеннымъ образомъ измѣнившую характеръ этихъ изслѣдованій, превратившую ихъ изъ качественныхъ въ количественныя. Лишь съ момента появленія атомическаго ученія Дальтона могло начаться правильное, непрерывное развитіе химіи. И вся современная химія, всѣ законы ея построены, какъ на базисѣ, на дальтоновой теоріи. Благодаря этой же теоріи могли и въ физикѣ возникнуть: кинетическая теорія всѣхъ трехъ состояній вещества, механическая теорія тепла, теорія электролиза, теорія дисперсіи свѣта и многое другое. Ученіе Дальтона неразрывными нитями связало химію съ физикой и создало наконецъ новую науку, много обѣщающую въ будущемъ, физическую химію. Понятно, что, такъ какъ химическія и физическія явленія представляютъ собою главную основу жизни въ природѣ, то и науки о природѣ должны пользоваться атомической теоріей.

Въ настоящее время всѣмъ образованнымъ людямъ хорошо извѣстна сущность дальтонова ученія. Всѣ мы представляемъ себѣ любое физическое тѣло, будетъ ли оно твердымъ, жидкимъ или газообразнымъ, образованнымъ изъ вещества, которое не заполняетъ собою *сплошь* всего объема, занимаемаго этимъ тѣломъ, но имѣетъ зернистое строеніе, является раздробленныыъ на весьма мелкія, но *вполнѣ опредѣленныя* части, отдѣленныя другъ отъ друга промежутками. Такія мельчайшія зернышки носятъ названіе *физическихъ частицъ* или *молекулъ*.

Каждая молекула представляетъ собою наименьшее количество даннаго вещества, обладающее всѣми, принадлежащими этому веществу, химическими свойствами, но эта молекула сама, въ свою очередь, является собраніемъ еще болѣе мелкихъ подраздѣленій вещества—*атомовъ*. Атомъ—вотъ тотъ наименьшій предѣлъ, до котораго можетъ быть доведено, согласно дальтоновому ученію, раздѣленіе какой-либо матеріи, предѣлъ, который при всевозможныхъ измѣненіяхъ, претерпѣваемыхъ этою матеріею, остается всегда однимъ и тѣмъ же. Такимъ образомъ атомъ является какъ бы недѣлимымъ. Но эта недѣлимость атома должна быть понимаема не какъ недѣлимость геометрическая—атомъ занимаетъ въ пространствѣ нѣкоторый объемъ, а слѣдовательно мыслимо дѣленіе его на части,—но какъ недѣлимость индивидуума. Любой индивидуумъ, даже такого сложнаго состава и строенія какъ человѣкъ, животное, растеніе, сохраняетъ всѣ присущія ему свойства, только пока онъ цѣлый. При раздробленіи на части, всѣ характерныя особенности этого индивидуума исчезаютъ. То же самое мы представляемъ себѣ и по отношенію къ атому какого угодно вещества. Какимъ бы химическимъ дѣйствіямъ ни подвергалось данное вещество, въ какія бы соединенія съ другими веществами оно ни вступало, всѣ атомы этого вещества, какъ убѣждаютъ насъ непосредственныя опытныя изслѣдованія, *производящіяся по употребляющимся въ настоящее время въ химіи методамъ*, остаются безъ всякаго измѣненія. Кромѣ того, принимается, почти какъ аксіома, положеніе, что вообще всѣ безъ исключенія атомы одного какого угодно химически простого тѣла, такъ называемаго элемента, вполнѣ тожественны, не обнаруживаютъ ни малѣйшей разницы. Но за то атомы двухъ какихъ-либо различныхъ химическихъ элементовъ рѣзко отличаются другъ отъ друга. И это отличіе выражается прежде всего въ неодинаковости массъ, присущихъ атомамъ, т.-е. въ неодинаковости вѣсовъ ихъ, или точнѣе, въ неодинаковомъ отношеніи ихъ къ одной и той же силѣ, стремящейся вызвать измѣненіе механическаго состоянія атомовъ: изъ состоянія покоя привести ихъ въ движеніе или же при ихъ движеніи произвести измѣненіе скорости этого движенія. По существующимъ въ настоящее время воззрѣніямъ въ химіи масса атома вещества является главнымъ опредѣлителемъ всѣхъ химическихъ свойствъ этого вещества. По величинамъ массы атомовъ или иначе по величинамъ вѣса атомовъ (вѣсъ пропорціоналенъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ на поверхности земли массѣ) и распредѣлены химическіе элементы въ знаменитой періодической системѣ нашего славнаго ученаго проф. Д. И. Менделѣева. Вполнѣ естественно искать зависимость между химическими свойствами различныхъ веществъ и величинами массы атомовъ этихъ веществъ. Вѣдь всѣ химическія дѣйствія, выражающіяся въ распаденіи молекулъ на атомы и въ новой группировкѣ послѣднихъ въ иныя молекулы, сводятся нами къ одной основной причинѣ, къ силѣ взаимодѣйствія

атомовъ. Атомамъ мы приписываемъ свойство притягивать другіе атомы. Это притяженіе между атомами матеріи, какъ отличительное, но пока необъяснимое нами, свойство послѣдней, и представляетъ собою тотъ цементъ, который закрѣпляетъ атомы въ молекулахъ, а молекулы въ тѣлахъ. Очевидно, что отъ количества вещества въ атомѣ, опредѣляющагося отношеніемъ его къ дѣйствію на него постоянной массы земного шара, т.-е. отъ вѣса этого атома, должны зависѣть и тѣ силы, какія, при одинаковыхъ прочихъ условіяхъ, будетъ проявлять этотъ атомъ на атомы другихъ веществъ, т.-е. тѣ химическія свойства, какія будетъ обнаруживать данный химическій элементъ.

Но представляетъ ли безусловную истину только что сообщенная, господствующая до настоящаго времени въ химіи, идея о полномъ тожествѣ всѣхъ атомовъ какого-либо одного химическаго элемента, а также и другая основная идея, идея объ абсолютной неизмѣнности атомовъ вещества, какимъ бы дѣйствіямъ ни было подвергнуто это вещество, при какихъ бы условіяхъ оно ни изслѣдовалось? Уже много лѣтъ, какъ время отъ времени стали появляться въ научной литературѣ одинокія возраженія противъ того и другого положенія. Эти возраженія принадлежатъ ученымъ, которые проводили совершенно особый взглядъ на строеніе матеріи, которые разсматривали различные химическіе элементы образованными путемъ эволюціи изъ одной и той же субстанціи. Особенно въ Англіи, чаще, чѣмъ гдѣ-либо, слышались подобныя революціонныя мнѣнія. И такія, несогласныя съ общепринятыми понятіями, идеи принадлежали, главнымъ образомъ, физикамъ. На основаніи физическихъ изслѣдованій, Локіеръ, Круксъ, Стоксъ и нѣкоторые другіе явились сторонниками новой доктрины, допускавшей измѣняемость атомовъ, раздѣленіе ихъ на части, когда данное вещество попадаетъ въ особыя условія, и принимавшей возможность существованія нѣкотораго различія между отдѣльными атомами одного и того же вещества, подобно тому какъ наблюдается въ природѣ нѣкоторая, хотя, можетъ быть, и очень незначительная, разница между отдѣльными особями однихъ и тѣхъ же животныхъ одного и того же пола, одного и того же возраста. И на континентѣ изрѣдка высказывалось то же, высказывалось между прочимъ даже и химиками. Главнѣйшій доводъ въ пользу возможнаго представленія о фактической дѣлимости атомовъ представляли спектрометрическія изслѣдованія. Сложность спектровъ накаленныхъ паровъ металловъ и газовъ и измѣненія, наблюдаемыя въ этихъ спектрахъ при измѣненіи температуры паровъ и газовъ или вообще при измѣненіи условій полученія самаго свѣченія ихъ, представляются трудно объяснимыми, если держаться мнѣнія простоты строенія атомовъ и абсолютной прочности, неизмѣнности ихъ. Высказывалось также положеніе, что величина атомнаго вѣса какого-либо химическаго элемента, или, точнѣе, величина массы атома этого элемента, опредѣляемая обычными, принятыми въ химіи,

способами, не представляетъ собою въ дѣйствительности истинную массу всѣхъ отдѣльныхъ атомовъ этого элемента, но является лишь *среднею величиною* массъ отдѣльныхъ атомовъ, т.-е. что различные атомы одного и того же элемента могутъ, какъ и отдѣльные индивидуумы живой природы, обладать не вполнѣ одинаковыми массами, хотя, конечно, разница въ величинахъ этихъ массъ должна быть незначительная. Были даже указанія на происходящія какъ будто при нѣкоторыхъ химическихъ реакціяхъ измѣненія въ общей массѣ реагирующихъ другъ на друга веществъ. Изслѣдованія Ландольта и въ недавное время Гейдевейлера приводятъ къ такому заключенію. Такое заключеніе кажется невозможнымъ, оно какъ бы противорѣчитъ основному началу сохраненія матеріи, и тѣмъ не менѣе, хотя весьма вѣроятно не на основаніи только опытовъ Ландольта и Гейдевейлера, которые еще мало убѣдительны, быть можетъ, придется придти къ принятію вѣроятности кажущагося измѣненія общей массы дѣйствующихъ другъ на друга и заключенныхъ въ данномъ сосудѣ веществъ. Открытія, произведенныя въ недавнее время при физическихъ изслѣдованіяхъ, заставляютъ существеннымъ образомъ измѣнить основное представленіе о строеніи вещества, заставляютъ внести весьма значительное дополненіе въ атомическую теорію Дальтона. Но прежде чѣмъ затронуть этотъ вопросъ, намъ необходимо разсмотрѣть еще другіе вопросы изъ области электрическихъ явленій.

Въ 1785 г. явился знаменитый мемуаръ Кулона, положившій начало математической теоріи электричества, въ дальнѣйшемъ развитіи которой приняли участіе лучшіе математики первой четверти прошлаго XIX-го столѣтія. Въ этомъ мемуарѣ былъ впервые изложенъ количественный законъ, которому подчинены электрическія дѣйствія, т.-е. дѣйствія, наблюдаемыя между наэлектризованными тѣлами, и впервые была высказана гипотеза, давшая возможность наиболѣе простымъ образомъ объяснить всѣ происходящія въ природѣ электрическія явленія. «Отъ какой бы причины ни происходили дѣйствія, обнаруживаемыя нами между наэлектризованными тѣлами, всѣ эти дѣйствія могутъ быть описаны и опредѣлены количественно, если мы допустимъ, что *въ каждой частицѣ* тѣла находятся равныя количества двухъ особыхъ субстанцій, двухъ электричествъ, положительнаго и отрицательнаго, причемъ оба эти электричества обладаютъ способностію взаимнаго отталкиванія частей однородныхъ и взаимнаго притяженія частей противоположныхъ электричествъ, и сила отталкиванія или притяженія между двумя количествами электричества, мысленно сосредоточенными въ двухъ точкахъ, подчиняется тому же закону, какой былъ данъ Ньютономъ для силы тяготѣнія: *отталкиваніе или притяженіе между этими электричествами пропорціонально произведенію количествъ электричества и обратно пропорціонально квадрату разстоянія между ними*». Вотъ какова формулировка гипотезы и закона

Кулона, остающаяся въ наукѣ въ употребленіи и до настоящаго времени. Ни Кулонъ, ни позднѣйшіе развивателитеоріи электрическихъ явленій, основанной на гипотезѣ и законѣ Кулона, не касались вопроса объ абсолютномъ количествѣ электричествъ, распредѣленныхъ по частицамъ какого-либо тѣла Въ этой теоріи допускалась даже возможность безпредѣльнаго или, лучше сказать, неопредѣленнаго содержанія обоихъ электричествъ, по крайней мѣрѣ, въ частичкахъ такъ называемыхъ проводниковъ электричества, напр., въ металлахъ. Лишь сравнительно весьма недавно былъ поставленъ и до извѣстной степени рѣшенъ вопросъ объ абсолютномъ количествѣ той или другой электрической субстанціи въ каждомъ атомѣ матеріи, причемъ пришлось и электрической субстанціи приписать строеніе, подобное тому, какое мы принимаемъ согласно дальтонову атомическому ученію въ обыкновенной матеріи. Первый поводъ этому дали тѣ весьма важные результаты, къ какимъ пришелъ знаменитый Михаилъ Фарадей на основаніи произведенныхъ имъ изслѣдованій явленія прохожденія электрическаго тока чрезъ жидкости. Фарадей самымъ неоспоримымъ образомъ доказалъ, что прохожденіе электрическаго тока чрезъ сложную химически жидкость, чрезъ такъ называемый электролитъ, т.-е. движеніе электричества въ такой жидкости происходитъ лишь совмѣстно съ движеніемъ составныхъ частей этой жидкости,—частей, находящихся въ непосредственномъ прикосновеніи къ электродамъ, опущеннымъ въ жидкость, и выдѣляющихся на этихъ электродахъ или же вступающихъ здѣсь около электродовъ въ обмѣнъ съ другими составными частями взятой жидкости и заставляющихъ послѣднія отлагаться на этихъ электродахъ. Фарадей показалъ, что количество вещества, выдѣляющагося изъ жидкости на томъ или другомъ электродѣ, строго пропорціонально количеству электричества, протекшему чрезъ эту жидкость (законъ I), и что *одно то же произвольно большое или произвольно* малое количество прошедшаго сквозь различные электролиты электричества выдѣляетъ на электродахъ количества продуктовъ разложенія этихъ электролитовъ, всегда находящіяся другъ къ другу въ отношеніяхъ, равныхъ отношеніямъ химическихъ эквивалентовъ этихъ веществъ (законъ II). Оба эти закона можно соединить въ одинъ законъ, въ одну формулу: при прохожденіи электрическаго тока сквозь химически сложныя жидкости химически эквивалентныя количества продуктовъ *происходящаго при этомъ* разложенія этихъ жидкостей переносятъ съ собою и выдѣляютъ на электродахъ одинаковыя количества электричествъ. Такъ, въ круглыхъ числахъ, 1 граммъ водорода, выдѣляющагося при электролизѣ, сообщаетъ отрицательному электроду, т.-е. катоду, такое же количество положительнаго электричества, какое сообщаютъ катодамъ выдѣляющіеся изъ другихъ электролитовъ $32^1/_2$ гр. цинка, 108 гр. серебра или же, какое сообщаетъ аноду, только отрицательнаго электричества, 8 граммовъ кислорода. Пользуясь законами Фарадея и зная лишь количество одного

какого-либо вещества, выдѣляющагося при прохожденіи извѣстнаго количества электричества чрезъ электролитъ, въ которомъ это вещество является однимъ изъ продуктовъ электролита, мы въ состояніи при помощи таблицы атомныхъ вѣсовъ и свѣдѣнія относительно *валентности* интересующаго насъ вещества опредѣлить количество этого вещества, получающагося какъ продуктъ электролита отъ дѣйствія какого угодно тока въ какой угодно промежутокъ времени. По многимъ обстоятельствамъ оказалось наиболѣе удобнымъ для опредѣленія такъ называемаго *электро-химическаго эквивалента*, т.-е. отношенія масы вещества, выдѣляющагося при электролизѣ (обозначимъ эту массу черезъ m), къ количеству электричества, произведшаго этотъ электролизъ (обозначимъ это количество электричества черезъ e), выбрать серебро, которое получается на платиновомъ катодѣ при прохожденіи электрическаго тока чрезъ водный растворъ азотно-серебряной соли и при употребленіи въ качествѣ анода серебряной пластинки. Изслѣдованія, произведенныя въ двухъ разныхъ лабораторіяхъ съ различными измѣрительными приборами лордомъ Рэлеемъ и братьями Кольраушами, дали для величины электрохимическаго эквивалента серебра одно и то же число. Выражая массу въ *граммахъ*, а количество электричества въ *кулонахъ*, мы получаемъ, на основаніи опытовъ лорда Рэлея и братьевъ Кольраушъ, для электрохимическаго эквивалента серебра величину, равную 1,001118. Итакъ, для серебра $\frac{m}{e} = 0.001118$ $\frac{\text{граммъ}}{\text{кулонъ}}$.

Такъ какъ химическій эквивалентъ серебра (въ круглыхъ числахъ) 108, а водорода 1, то по электрохимическому эквиваленту серебра мы получаемъ, на основаніи закона Фарадэя, электрохимическій эквивалентъ водорода равнымъ $\frac{0{,}001118}{108} = 0{,}00001035$, т.-е для водорода имѣемъ:

$$\frac{m}{e} = 0{,}00001035 \ \frac{\text{граммъ}}{\text{кулонъ}} = \frac{1}{96600} \ \frac{\text{гр.}}{\text{кул.}}$$

Такъ какъ употребляемая нынѣ на практикѣ единица количества электричества *кулонъ* представляетъ собою одну десятую величины того количества, которое принимается въ научныхъ изслѣдованіяхъ за единицу измѣренія заряда и носитъ названіе *электромагнитной абсолютной единицы количества электричества въ системѣ C. G. S.* (сантиметръ, грамъ, секунда), то выражая количество электричества въ этой единицѣ, мы получаемъ для электрохимическаго эквивалента водорода величину $\frac{1}{9660}$. Отсюда обратное отношеніе $\frac{e}{m}$, т.-е отношеніе величины электрическаго заряда, выраженнаго въ электромагнитной абсолютной единицѣ, къ величинѣ массы водорода, несущаго съ собою при прохожденіи электрическаго тока чрезъ жидкость, этотъ зарядъ, получается равнымъ 9660 или приблизительно 10000, что можетъ быть

выражено чрезъ 10^4. Итакъ, одинъ граммъ водорода, выдѣляясь на катодѣ вольтаметра, сообщаетъ этому катоду въ круглыхъ числахъ, 10000 (т.-е. 10^4) абсолютныхъ электромагнитныхъ единицъ положительнаго электричества. Такое количество электричества несетъ съ собою каждый граммъ водорода, перемѣщаясь при процессѣ электрическаго тока въ жидкости отъ анода къ катоду. Такое же совершенно количество электричества, какъ заставляетъ насъ принять это безусловно вѣрный законъ Фарадэя,—законъ, подтвержденный многочисленными самыми точными опытами, несетъ съ собою и другое какое-либо вещество въ своей массѣ, которая химически эквивалентна одному грамму водорода. Въ настоящее время физика различными способами даетъ возможность примѣрно подсчитать число отдѣльныхъ атомовъ вещества, заключающихся въ одномъ граммѣ этого вещества, или иначе, примѣрно опредѣлить, такъ сказать, *оцѣнить* величину массы одного атома. Разсчеты, произведенные на основаніи весьма отличныхъ другъ отъ друга физическихъ данныхъ, полученныхъ изъ наблюденія вполнѣ разнородныхъ явленій, дали для массы *одного* атома водорода величины почти равныя. Вслѣдствіе этого съ достаточною вѣроятностью мы можемъ принять массу одного атома водорода равною долѣ грамма, выражающейся дробью, въ числителѣ которой стоитъ 1, а въ знаменателѣ 1 съ 24 или съ 25 нулями, т.-е. равною 10^{-24} гр. или 10^{-25} гр. Примемъ эту массу равною 10^{-24} гр. Зная массу одного атома водорода и зная, что одинъ граммъ послѣдняго обладаетъ, т.-е. переноситъ съ собою при электролизѣ (въ круглыхъ числахъ) 10000, или 10^4, абсолютныхъ электромагнитныхъ единицъ количества электричества, мы уже крайне легко, простою ариѳметикою, опредѣляемъ зарядъ каждаго атома водорода. Этотъ зарядъ будетъ равенъ $10^4 \times 10^{-24}$ абс. электромагнитныхъ единицъ, т.-е. будетъ равенъ 10^{-20} абс. электромагнитныхъ единицъ, или выраженный въ единицѣ кулонъ, будетъ равенъ 10^{-19}.

Атомы другихъ химическихъ элементовъ, какъ это со всею строгостью доказано химическими изслѣдованіями, что, между прочимъ, и является самымъ главнымъ аргументомъ въ пользу атомической теоріи, эквивалентны каждый или одному, или двумъ, или, вообще, цѣлому числу атомовъ водорода, а потому, на основаніи закона Фарадея, атомъ какого-либо элемента, перемѣщаясь въ жидкости при прохожденіи чрезъ нея тока, несетъ съ собою и при прикосновеніи къ электроду сообщаетъ послѣднему или 10^{-20} абс. электромагнит. ед. электричества (атомъ одновалентный) или въ два раза большее количество электричества (атомъ двувалентный) или въ три раза большее (атомъ трехвалентный) и т. д. Итакъ, зарядъ электричества, равный 10^{-20} абс. электром. ед., представляетъ собою наименьшее количество электричества, присущее отдѣльнымъ атомамъ. Изъ сочетанія такихъ зарядовъ полностью, безъ дробленія на части, т.-е. изъ удвоенія, изъ утроенія ихъ и т. д., обра-

зуются заряды атомовъ различныхъ элементовъ. Зарядъ въ 10^{-20} кулонъ является, такимъ образомъ, единичнымъ зарядомъ. Онъ можетъ быть разсматриваемъ какъ атомъ электричества. Впервые Гельмгольмцъ въ своей замѣчательной рѣчи, произнесенной имъ при чествованіи памяти Фарадея въ химическомъ обществѣ въ Лондонѣ въ 1881 году, высказалъ идею о такомъ единичномъ зарядѣ. Онъ назвалъ этотъ зарядъ «*электрическимъ зарядомъ іона*» (Elektrische Ladung des Ion). Іонами, какъ извѣстно, назвалъ Фарадей продукты распаденія молекулъ электролита при прохожденіи чрезъ послѣдній электрическаго тока. По предложенію Джонстона Стоней (Johnston Stoney) этотъ зарядъ, т.-е. количество электричества, заключающееся въ одномъ іонѣ водорода, носитъ названіе въ настоящее время «*электрона*».

Итакъ, въ явленіяхъ электролиза *электронъ* по отношенію къ электричеству играетъ ту же роль, какую въ явленіяхъ химическихъ соединеній или разложеній исполняетъ по отношенію къ матеріи *атомъ*.— Атомъ, вмѣстѣ съ присоединеннымъ къ нему электрономъ, называется нынѣ *іономъ*.

Изученіе явленія электролиза, доказавшее, что при немъ всегда происходитъ распаденіе молекулъ электролита на двѣ части, заряженныя равными, но противоположными по знаку количествами электричества, привело еще въ сравнительно давнее время къ заключенію, что вообще химическія силы, или, точнѣе, химическія соединенія обязаны своимъ происхожденіемъ электрическимъ дѣйствіямъ, что молекулы сложнаго химически вещества образуются только потому, что одна группа атомовъ, входящихъ въ составъ этихъ молекулъ, обладаетъ однимъ электричествомъ, другая группа такимъ же количествомъ другого электричества, вслѣдствіе чего протяженіе между этими противоположными по знаку электричествами и вызываетъ закрѣпленіе обѣихъ этихъ группъ въ одну, электрически нейтральную, систему. Уже Берцелліусъ положилъ въ основу своей теоріи образованія солей такую идею, но еще яснѣе и вполнѣ соотвѣтственно тому, что даютъ опыты, эта идея была высказана Гельмгольмцемъ въ его вышеупомянутой фарадеевской рѣчи. Въ современной физической химіи, такъ быстро прогрессирующей, всѣ химическія реакціи сводятся исключительно къ взаимодѣйствію іоновъ, т.-е. химическія силы разсматриваются не какъ силы *sui generis*, но какъ силы электрическія. Даже преимущественное строеніе молекулы простого химическаго тѣла изъ двухъ атомовъ объясняется въ физической химіи тѣмъ, что эти два атома суть два разнородныхъ іона, одинъ положительный, другой отрицательный *).

*) Насколько должны быть значительны по величинѣ электрическія силы, возникающія между сосѣдними іонами, видно изъ сдѣланнаго Гельмгольмцемъ разсчета той силы, съ какою стали бы дѣйствовать другъ на друга два количества электричества, положительное и отрицательное, которыя приносятъ къ электродамъ, при процессѣ электролиза подкисленной сѣрною кислотою воды,

Но что же такое представляетъ собою электричество? Есть ли это лишь особое состояніе матеріи или нѣчто, отличное отъ послѣдней, какъ бы отдѣльная самобытная субстанція? Въ XVIII-омъ столѣтіи и въ первой половинѣ XIX-го столѣтія не было почти иного мнѣнія, какъ только второе. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія взгляды нѣсколько измѣнились и многіе изъ ученыхъ старались свести электричество на чисто механическое измѣненіе самой матеріи.

Если электричество представляетъ собою лишь особое состояніе вещества, какъ теплота, согласно общепринятому мнѣнію, есть безпорядочное движеніе молекулъ въ тѣлѣ и атомовъ въ молекулахъ, то электричество не можетъ существовать отдѣльно отъ вещества, оно должно быть тѣсно связано съ послѣднимъ. Всѣ наблюденія до весьма недавняго времени подтверждали вполнѣ такое заключеніе. Лишь только теперь, какъ увидимъ дальше, является возможность, если пока и не съ увѣренностью утверждать, то съ нѣкоторою вѣроятностью предполагать, что электрическіе заряды въ видѣ электроновъ получаются нами совершенно изолированными отъ атомовъ матеріальныхъ, что электричество существуетъ само по себѣ, внѣ матеріи. А если это такъ, то электричество должно быть разсматриваемо, какъ отдѣльная субстанція. Впрочемъ, намъ нѣтъ надобности принимать эту субстанцію за нѣчто вполнѣ самобытное. Есть много основаній думать, что электричество представляетъ собою тотъ эѳиръ, который по прочно установившемуся въ наукѣ мнѣнію заполняетъ собою все, свободное

продукты разложенія *1 миллиграмма* воды, если бы эти количества были сосредоточены въ двухъ точкахъ, отстоящихъ одна отъ другой на разстояніи, равномъ *1 километру*. Приведемъ здѣсь этотъ расчетъ.

Какъ уже сообщено выше, 1 гр. водорода несетъ съ собою 9660 абс. электромаг. ед. полож. электр. Выразимъ это количество при помощи другой абсолютной единицы, а именно, *электростатической*. Абсолютною электростатическою, въ системѣ C. G. S., единицею называютъ въ физикѣ то количество электричества, которое дѣйствуетъ на равное себѣ количество электричества, отстоящее отъ него (въ воздухѣ) на разстояніи въ 1 см., съ силою, равною 1 динѣ, т.-е. одинаковою съ давленіемъ тѣла, вѣсящаго $^1/_{981}$ грамма. Эта абсолютная электростатическая единица меньше абсолютной электромагнитной единицы въ 3×10^{10} разъ. А потому зарядъ, соотвѣтствующій 1 гр. водородныхъ іоновъ и выраженный въ электростатической ед., представится чрезъ $9660\times3\times10^{10}$. При разложеніи 1 мгр. воды получается: $^1/_9$ мгр. водорода и $^8/_9$ мгр. кислорода. Въ $^1/_9$ мгр. водорода будетъ заключаться положительнаго электричества въ 9000 разъ меньше, чѣмъ въ 1 гр., т.-е. $3{,}22\times10^{10}$ абс. электрост. ед. Такое же количество отрицательнаго электричества будетъ находиться въ $^8/_9$ мгр. кислорода, выдѣляющагося на аноды. При нахожденіи такихъ зарядовъ въ разстояніи 1 километра, т.-е. въ разстояніи 10^5 см., сила притяженія между ними, по закону Кулона, выразится чрезъ $\frac{(3{,}22\times10^{10})^2}{(10^5)^2}$ динъ, т.-е. эта сила будетъ равна $\frac{1036{,}8}{981}\times10^8$ граммъ или *105700 килограммамъ*. Такова колоссальная величина этой силы.

отъ матеріи, пространство и служитъ передатчикомъ тепловыхъ, свѣтовыхъ явленій, электронныхъ и магнитныхъ дѣйствій, но эѳиръ находящійся въ особомъ состояніи. Согласно такому взгляду, электронъ является какъ бы ядромъ этого эѳира, приведеннаго въ особое состояніе, причемъ вокругъ этого ядра, какъ центра, должны и въ остальномъ окружающемъ его эѳирѣ возникать соотвѣтствующія деформаціи. Первый, кто указалъ на существованіе связи между электризаціей тѣла и состояніемъ окружающаго это тѣло эѳира, былъ Фарадэй. Своими остроумнѣйшими опытами, приведшими къ великимъ открытіямъ, Фарадэй убѣдилъ въ необходимости признать, что электрическія и магнитныя дѣйствія между тѣлами происходятъ не на разстояніи, что они не суть *дальнодѣйствія* (Fernewirkungen), но что всѣ эти дѣйствія обязаны происходящимъ въ промежуточномъ эѳирѣ особымъ измѣненіямъ. Это важное заключеніе Фарадэя было впослѣдствіи разработано Максвеллемъ, создавшимъ на основаніи этого положенія Фарадэя, изящную математическую теорію электрическихъ явленій. Самое важное слѣдствіе теоріи Макевелля было то, что явленія свѣта и электричества вполнѣ родственныя явленія, что свѣтовой лучъ представляетъ собою лишь направленіе, по которому распространяется въ *эѳирѣ* возникновеніе возмущеній электрическаго характера, т.-е. возникновеніе электрическихъ токовъ перемѣннаго направленія и перпендикулярныхъ къ направленію луча. Замѣчательные опыты Гертца вполнѣ доказали справедливость предсказанія Максвелля. Въ настоящее время физика не выдѣляетъ явленій свѣта и лучистой теплоты въ особую рубрику, она разсматриваетъ ихъ какъ частные случаи явленій электромагнитныхъ. Итакъ, электрическій процессъ, происходящій въ какомъ-либо тѣлѣ, немедленно отражается на состояніи эѳира, окружающаго это тѣло. Съ другой стороны, сама матерія, не находящаяся въ состояніи электризаціи, не оказываетъ, повидимому, никакого вліянія на эѳиръ. По крайней мѣрѣ, произведенные опыты не обнаружили даже слѣдовъ зависимости между механическимъ состояніемъ матеріи и состояніемъ соприкасающагося съ нею эѳира. *Одна сама по себѣ матерія не имѣетъ никакой замѣтной связи съ эѳиромъ* (Matter alone has no perceptible connection with the ether) — таково заключеніе, къ которому пришелъ Лоджъ на основаніи весьма обстоятельнаго изученія этого вопроса. *Только присоединенный къ этой матеріи электрическій зарядъ устанавливаетъ подобную связь* — говоритъ Лоджъ. Если между эѳиромъ и электрическимъ зарядомъ тѣла существуетъ такая тѣсная зависимость, то, очевидно, представляется допустимымъ и само электричество считать эѳиромъ, пребывающимъ въ особомъ состояніи. Каково это состояніе, мы пока не знаемъ. Можно надѣяться, что дальнѣйшія изысканія дадутъ возможность въ ближайшемъ будущемъ отвѣтить на этотъ вопросъ.

Какіе же факты указываютъ на существованіе электрическихъ за-

рядовъ отдѣльно отъ матеріи? Косвеннымъ образомъ подтверждаютъ это, какъ справедливо замѣчаетъ тотъ же Лоджъ въ своемъ интереснѣйшемъ докладѣ «*Объ электронахъ*» «(One lectrons by Sir Oliver Zodge. The Electrician S, Z[1]), процессъ, происходящій на электродахъ вольтаметра, когда чрезъ этотъ вольтаметръ происходитъ электрическій токъ. Здѣсь на каждомъ электронѣ происходитъ, какъ мы увѣренно утверждаемъ, передача зарядовъ іоновъ заряженнымъ противоположнымъ электричествомъ атомамъ электрода. Если зарядъ электричества передается отъ іона другому заряженному атому, то этотъ зарядъ въ теченіе нѣкотораго, хотя бы и чрезвычайно малаго, промежутка времени, можетъ быть вполнѣ изолированнымъ. Могутъ сложиться такія условія, что такая передача на самомъ дѣлѣ даже и не произойдетъ, а отдѣлившійся отъ іона зарядъ, т. е. электронъ, нѣкоторое, большее чѣмъ нужно для обычной передачи, время будетъ оставаться отдѣленнымъ отъ вещества. Это то по всей вѣроятности и происходитъ въ явленіяхъ прохожденія электричества чрезъ разрѣженые газы. Явленія, наблюдаемыя нами при электрическихъ процессахъ въ разрѣженныхъ газахъ, и даютъ поводъ предполагать существованіе электроновъ самихъ по себѣ, въ полномъ отдѣленіи отъ атомовъ матеріальныхъ.

Еще въ 1869 г. былъ напечатанъ интересный мемуаръ Гитторфа, въ которомъ этотъ талантливый ученый подробно описалъ особое явленіе, которое замѣчается на отрицательномъ электродѣ, помѣщенномъ внутри стекляннаго сосуда, когда чрезъ сильно рязрѣженный воздухъ, находящійся въ этомъ сосудѣ, происходитъ разрядъ Румкорфовой катушки. Чрезъ десять лѣтъ послѣ опубликованія этого мемуара Гитторфа, не обратившаго на себя особое вниманін ученыхъ, явилась работа Крукса, въ которой Круксъ особенно тщательно изучилъ явленіе, впервое открытое Гитторфомъ. Круксъ показалъ, что при разрядѣ Румкорфовой катушки или электрической машины чрезъ сильно разряженный газъ отрицательнымъ электродомъ, т. е. катодомъ, испускаются какъ бы особые лучи, направленія которыхъ не зависятъ отъ положенія другого электрода, анода, и совпадаютъ съ направленіями линій, перпендикулярныхъ къ поверхности катода. Эти лучи, названные «*катодными лучами*», обладаютъ слѣдующими свойствами. При встрѣчѣ съ поверхностью стекла сосуда или при своемъ паденіи на какое нибудь, находящееся на пути ихъ, тѣло, они вызываютъ весьма значительное образованіе тепла. На стеклѣ и на многихъ другихъ тѣлахъ они возбуждаютъ фосфоресценцію или флюоресценцію. Они видимы глазу такъ же благодаря тому, что вызываютъ флюоресценцію газа, сквозь которой они распространяются. Они обладаютъ механическими дѣйствіями, они приводятъ въ движеніе мельничное колесо или подобіе турбинки, если подобное подвижное тѣло будетъ находиться въ соотвѣтствующемъ положеніи на ихъ пути. Эти лучи чувствуютъ на себѣ дѣйствіе приближеннаго къ сосуду магнита.

отклоняются этимъ магнитомъ такъ, какъ отклоняются имъ абсолютно гибкіе проводники, по которымъ распространяются электрическіе токи, имѣющіе направленіе къ испускающему эти катодные лучи катоду. На основаніи своихъ наблюденій Круксъ замѣтилъ, что катодные лучи представляютъ собою матеріальные потоки, что они образуются выбрасываемымъ съ громадною скоростью катодомъ частичками, *болѣе мелкими* чѣмъ обыкновенные атомы, заряженными отрицательнымъ электричествомъ. По мнѣнію Крукса явленіе катодныхъ лучей доказываетъ существованіе особаго состоянія вещества, отличнаго отъ трехъ обычныхъ состояній, твердаго, жидкаго, и газообразнаго, доказываетъ, что при условіяхъ возникновенія катодныхъ лучей вещество является въ четвертомъ состояніи. Находящуюся въ такомъ состояніи матерію Круксъ назвалъ «*радіантною матеріею*». Въ 1895 г. было открыто еще новое свойство катодныхъ лучей. Рёнтгенъ, въ Вюрцбургѣ, замѣтилъ, что катодные лучи при паденіи на стѣнку того сосуда, въ которомъ они образуются, возбуждаютъ совершенно новое излученіе. Отсюда распространяются во всѣ стороны особые лучи, названные Рентгеномъ X—лучами. Мы знаемъ, на сколько сильно заинтересовались этими новыми Рентгеновыми лучами не только спеціалисты ученые, но и все образованное общество. Кромѣ этого, незадолго передъ испытаніемъ Рентгена, другому прекрасному нѣмецкому ученому-экспериментатору Ленарду удалось выпустить катодные лучи наружу изъ Круксовой трубки. Ленардъ воспользовался наблюденіемъ Гертца, доказавшимъ существованіе у катодныхъ лучей свойства проникать тонкіе слои алюминія. Ленардъ и устроилъ особую трубу, въ которой прямо противъ катода было сдѣлано небольшое отверстіе, герметически закрытое очень тонкимъ листкомъ алюмонія (толщина этого листка была всего 0,003 мм.). При возбужденіи катодныхъ лучей въ такой трубкѣ они проходили сквозь алюминій, а потомъ могли быть изслѣдуемы непосредственно внѣ Круксова сосуда. Удивительныя особенности Рёнтгеновыхъ лучей, а также, многое, напоминающее по свойствамъ Рёнтгеновы лучи, и подмѣченное Ленардомъ въ катодныхъ лучахъ, выпущенныхъ изъ трубки, заставили ученыхъ обратить особое вниманіе на эти катодные лучи. И очень многіе ученые принялись за тщательное изслѣдованіе природы катодныхъ лучей. Эти изслѣдованія не остались безъ результатовъ, напротивъ провели къ въ высшей степени интереснымъ и важнымъ заключеніямъ. Прежде всего оказалось несомнѣннымъ полное отличіе катодныхъ лучей отъ какихъ бы то ни было лучей свѣта. Опыты Перрэна, Дж. Дж. Томсона, Де-Кудре, Вйна и др. самымъ строгимъ образомъ доказали, что катодные лучи не суть лучи въ истинномъ смыслѣ этого слова, но представляютъ собою непрерывный потокъ какихъ-то мельчайшихъ частичекъ, заряженныхъ отрицательнымъ электричествомъ. Эти опыты, какъ видно, вполнѣ подтвердили то мнѣніе, какое высказывалъ относительно катодныхъ лучей Круксъ, мнѣніе,

не только не раздѣленное большинствомъ физиковъ, но даже почти осмѣянное. Но мало этого. Произведенныя по весьма остроумному методу изслѣдованія *) дали возможность Дж. Дж. Томсону даже опредѣлить величину отношенія между количествомъ электричества, несомымъ каждою частичкою въ катодномъ потокѣ, и величиною массы этой частички, т.-е. для явленія катодныхъ лучей сдѣлать то, что, на основаніи закона Фарадея, было сдѣлано для явленія электролиза. Вмѣстѣ съ этимъ опыты Томсона дали возможность еще найти и самую скорость, съ какою несутся внутри Круксовой трубки въ катодномъ потокѣ эти маленькія частички, заряженныя отрицательнымъ электричествомъ. Какъ величина отношенія между зарядомъ каждой такой частички и массою ея, такъ и величина скорости движенія этихъ частичекъ получились поразительными, вполнѣ неожиданными. Первые опыты Томсона дали для величины отношенія между зарядомъ частички, выраженнымъ въ абсол. электромагн. ед., и массою частички, выраженною въ грамм., число, равное $0{,}5\times10^{7}$, для скорости движенія частичекъ дали величину, представлявшую около $^1/_{10}$ величины скорости свѣта. Опыты Томсона въ нѣсколько измѣненномъ видѣ были повторены потомъ нѣсколькими физиками, и результаты, полученные имъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи порядка величины, оказались безспорно вѣрными. Какъ наиболѣе вѣроятныя въ настоящее время, эти величины суть: *отношеніе между зарядомъ частички* (ε—въ абсол. электромагн. ед.) *и массою частички* (μ—въ грамм.) *выражается чрезъ* $\frac{\mu}{\varepsilon} = 1{,}8\times10^{7}$, *скорость движенія частичекъ въ катодномъ потокѣ выражается чрезъ* $V=0{,}6\times10^{10}\ \frac{\text{см.}}{\text{сек.}}$

Необходимо особенно замѣтить, что обѣ эти величины получаются безъ измѣненія тѣми же, будетъ ли въ Круксовой трубкѣ, въ которой образуются катодные лучи, воздухъ или другой газъ. Равнымъ образомъ эти величины не зависятъ и отъ вещества электродовъ трубки. Какъ ни интересны сами по себѣ эти результаты опытныхъ изысканій, показывающіе, что въ явленіи катодныхъ лучей мы имѣемъ нѣчто совсѣмъ новое, отличное отъ всего того, что было намъ извѣстно раньше, эти результаты становятся еще болѣе важными, когда мы сравнимъ ихъ съ тѣмъ, что было открыто непосредственно за этимъ. Извѣстно, что очень скоро послѣ открытія Рёнтгеномъ его замѣчательныхъ лучей, было произведено Беккерелемъ другое, не менѣе цѣнное, открытіе другихъ лучей, во многомъ похожихъ по своимъ свойствамъ на Рёнтгеновы лучи, но тѣмъ не менѣе существенно отличающихся отъ послѣднихъ. Беккерель замѣтилъ, что нѣкоторыя соли урана, минералы, содержащіе въ своемъ составѣ уранъ и торій, а также и

*) См. объ этомъ мою статью „Новые лучи и радіоактивность“ въ жур. „Вѣстникъ и Библіотека Самообразованія“, 1903 г., №№ 21, 22.

самый металлъ уранъ въ чистомъ видѣ непревывно испускаютъ лучи, обладающіе способностью проникать непрозрачныя для всѣхъ лучей свѣта тѣла и дѣйствующіе на фотографическую пластинку, возбуждающіе флюоресценцію и фосфоресценцію въ нѣкоторыхъ тѣлахъ и при своемъ прохожденіи сквозь воздухъ и другіе газы обращающіе ихъ въ проводники электричества. Во всемъ этомъ открытые Беккерелемъ лучи оказываются вполнѣ подобными лучамъ Рёнтгена, ибо послѣдніе производятъ такія же дѣйствія. Но лучи Боккереля существенно отличаются отъ лучей Рёнтгена тѣмъ, что на нихъ дѣйствуетъ магнитъ, который не оказываетъ ни малѣйшаго вліянія на лучи Рёнтгена. Не много времени спустя послѣ открытія Беккереля, супругамъ Кюри удалось изъ минерала «смоляная урановая руда», обладающаго свойствами непрерывно испускать Беккерелевы лучи, выдѣлить вещества, у которыхъ это свойство количественно превышаетъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ разъ свойство излученія даже чистаго металла урана. Такія, какъ ихъ теперь называютъ, радіоактивныя вещества суть соли двухъ новыхъ, неизвѣстныхъ прежде,металловъ, полонія и радія *).

Изслѣдованія явленій, возбуждаемыхъ радіоактивными веществами, показали, что лучи, испускаемые этими веществами, не представляютъ собою лучей въ прямомъ смыслѣ этого слова. Эти явленія сложны, но вполнѣ отличны отъ явленій свѣта и лучистой теплоты. Наиболѣе сильное радіоактивное вещество, бромистый радій, какъ вытекаетъ это изъ опытовъ, испускаетъ три рода различныхъ лучей. Одни лучи, названные Рудзефордомъ β-лучами, вполнѣ по своимъ свойствамъ подобны катоднымъ лучамъ. Эти лучи, какъ и катодные лучи, отклоняются магнитомъ, а также, какъ и катодные лучи, *притягиваются* тѣломъ, заряженнымъ положительнымъ электричествомъ. Другіе лучи, названные Рудзефордомъ α-лучами, также чувствуетъ на себѣ дѣйствіе магнита, но отклоняются имъ въ сторону, обратную той, въ которую онъ отклоняетъ катодные лучи, или β-лучи. Эти α-лучи *отталкиваются* тѣломъ, заряженнымъ положительнымъ электричествомъ. Они вполнѣ аналогичны тѣмъ лучамъ, которые были наблюдены въ Круксовой трубкѣ Гольдштейномъ и прозваны послѣднимъ *Kanal-Strahlen* или по-русски *закатодными лучами*. Третьи лучи, названные темъ же Рудзефордомъ γ-лучи, во всемъ подобны лучамъ Рёнтгена. Но кромѣ этихъ троякаго рода лучей, бромистый радій выдѣляетъ изъ себя еще нѣчто, какъ бы необычайно легкій паръ, то, что носитъ теперь названіе *эманаціи*.

Какъ уже упомянуто, β-лучи, испускаемые радіоактивными веществами, вполнѣ подобны лучамъ катоднымъ. Для нихъ было также путемъ опытовъ опредѣлено отношеніе $\frac{\varepsilon}{\mu}$ и величина этого отношенія оказалась такого же порядка, какъ и для лучей катодныхъ, т.-е.

*) См. Научный фельетонъ „Радіоактивность матеріи“. М. Б. февраль 1903. *Ред.*

отношеніе между зарядомъ и массою каждой изъ частичекъ, совокупность которыхъ въ потокѣ образуетъ β*-лучи, выражается величиною порядка* 10^7.

Лучи-α существенно отличаются отъ лучей-β и отъ лучей катодныхъ. Эти лучи вполнѣ напоминаютъ собою *закатодные лучи*, которые, какъ доказали это сравнительно недавніе опыты Війна, представляютъ собою потокъ частичекъ, заряженныхъ *положительнымъ* электричествомъ. Опыты Війна дали возможность опредѣлить какъ отношеніе заряда къ массѣ каждой такой частички, такъ и скорость движенія этихъ частичекъ. Обѣ эти величины получились далеко не такими, какими онѣ являются для частичекъ, изъ которыхъ образуется катодный потокъ. Обѣ эти величины, кромѣ того, измѣняются вмѣстѣ съ измѣненіемъ природы газа, внутри котораго возникаютъ закатодные лучи. Для водорода отношеніе заряда (положительнаго электричества) къ массѣ частички выражается величиною порядка 10^4, скорость движенія частичекъ примѣрно въ 1000 разъ меньше скорости свѣта, т.-е. выражается величиною порядка $10^7 \frac{\text{см.}}{\text{сек.}}$. Какъ видимъ, для этихъ частичекъ, несущихъ съ собою положительное электричество, отношеніе заряда къ массѣ одинаково съ тѣмъ, что находится для іоновъ при изслѣдованіи явленія электролиза. Изъ опытовъ Війна оказывается, что и въ другихъ газахъ это отношеніе также равно отношенію заряда къ массѣ іона газоваго вещества.

Намъ извѣстны въ настоящее время еще нѣкоторые, весьма интересные факты. Въ самомъ концѣ 80-хъ годовъ, на основаніи одного явленія, замѣченнаго Гертцемъ, было открыто Гальваксомъ вліяніе ультрафіолетовыхъ лучей на отрицательную электризацію какого бы то ни было проводника. Гальваксъ нашелъ, что отрицательно наэлектризованное тѣло, помѣщенное въ воздухѣ или другомъ газѣ на самомъ хорошемъ изоляторѣ, тотчасъ начинаетъ терять свой зарядъ, какъ только на это тѣло станутъ падать ультрафіолетовые лучи свѣта. Явленіе, открытое Гальваксомъ, было обстоятельно обслѣдовано потомъ Ричи и покойнымъ профессоромъ А. Г. Столѣтовымъ. Въ послѣднее время это явленіе вновь подверглось тщательному изученію Томсономъ. Своими блестящими опытами Дж.-Дж. Томсонъ доказалъ, что и въ этомъ случаѣ, т.-е. при освѣщеніи ультрафіолетовыми лучами отрицательно наэлектризованнаго тѣла происходитъ выдѣленіе съ поверхности этого тѣла частичекъ, уносящихъ съ собою отрицательное электричество, чѣмъ и вызывается наблюдаемая при этомъ потеря заряда. И для этихъ частичекъ Томсонъ былъ въ состояніи опредѣлить отношеніе $\frac{\varepsilon}{\mu}$, т.-е. отношеніе количества отрицательнаго электричества, уносимаго каждою частичкою, къ массѣ этой частички. Это отношеніе получилось опять того же порядка, какъ и въ случаѣ катодныхъ лучей-β. Оно выразилось числомъ порядка 10^7.

Было извѣстно еще, что накаленная въ водородѣ угольная нить при сообщеніи ей отрицательнаго электричества довольно быстро теряетъ свой зарядъ. Произведенные надъ этимъ явленіемъ опыты Томсона показали, что и въ этомъ случаѣ потеря заряда вызывается отлетающими отъ нити частичками, причемъ снова отношеніе отрицательнаго заряда каждой частички къ массѣ послѣдней выражается величиною того же порядка, какъ и въ вышеприведенныхъ явленіяхъ, т.-е. выражается числомъ порядка 10^7.

Итакъ, и въ катодныхъ лучахъ, и въ β — лучахъ, испускаемыхъ радіоактивными веществами, и при разсѣяніи отрицательнаго электричества отъ дѣйствія ультрафіолетовыхъ лучей или высокой температуры—всюду мы наблюдаемъ возникновеніе потока мельчайшихъ частичекъ, несущихъ вмѣстѣ съ собою отрицательное электричество, и всюду отношеніе заряда каждой такой частички къ массѣ послѣдней получается одно и то же, оно выражается величиною порядка 10^7, т.-е. величиною, превосходящею, по крайней мѣрѣ, въ 1.000 разъ подобное же отношенія для іона водорода въ явленіяхъ электролиза. Такое совпаденіе результатовъ, полученныхъ при изслѣдованіи весьма отличныхъ другъ отъ друга явленій, очевидно, не случайное, а тѣсно связанное съ природою отрицательнаго электричества. Эта связь еще рѣзче сказывается, если мы примемъ во вниманіе явленіе, совершенно изъ другой области, но тѣмъ не менѣе обнаруживающее то же самое, т.-е. показывающее опять, что отрицательное электричество распредѣлено въ частичкахъ, причемъ отношеніе между зарядомъ и массою каждой изъ этихъ частичекъ опредѣляется опять величиною порядка 10^7. Явленіе, о которомъ теперь упоминается открыто также весьма недавно, всего въ 1897 году, въ Амстердамѣ Зееманомъ. Зееманъ нашелъ, что въ магнитномъ полѣ, создаваемомъ сильнымъ электромагнитомъ между его полюсными поверхностями, *качество* свѣта, испускаемаго накаленными парами какого-либо металла, весьма замѣтно измѣняется. Спектръ свѣта, даваемаго этимъ паромъ, въ этомъ случаѣ получается болѣе сложный, чѣмъ при отсутствіи магнитнаго поля. Такъ, напр., спектръ свѣта отъ пламени газовой горѣлки, въ которое введена соль натрія, представляющійся обыкновенно, при наблюденіи помощью сильно разсѣивающаго спектроскопа, въ видѣ двухъ близко расположенныхъ другъ къ другу желтыхъ линій, является состоящимъ изъ 4 или даже 6 линій, (смотря по тому направленію, по которому мы наблюдаемъ лучи свѣта), когда это пламя подвергается дѣйствію магнитнаго поля. Явленіе, открытое Зееманомъ, вполнѣ объясняется, существованіе его становится необходимымъ, если мы примемъ теорію Лоренца, если вмѣстѣ съ послѣднимъ будемъ разсматривать атомъ вещества, какъ группу изъ двухъ частичекъ, сравнительно большого ядра, заряженнаго положительнымъ электричествомъ, и очень маленькой частички, заряженной отрицательнымъ электричествомъ, представ-

ляющей собою какъ бы спутника этого ядра, и если свѣтъ мы будемъ разсматривать, какъ явленіе возбужденія особыхъ измѣненій въ состояніи эѳира, возбужденія, производимаго движеніями этого отрицательно наэлектризованнаго спутника центральнаго ядра. При такомъ взглядѣ на строеніе атома и причину свѣтоваго явленія, вліяніе магнитнаго поля на качество свѣта, испускаемаго накаленнымъ паромъ, находящимися въ этомъ полѣ, дѣлается абсолютно необходимымъ. Примѣняя теоремы механики и законы электромагнитизма, представляется не труднымъ по величинѣ разстоянія, найденнаго при наблюденіи явленія Зеемана, между двумя спектральными линіями, которыя образовались изъ одной линіи, и по величинѣ напряженія созданнаго магнитнаго поля опредѣлить отношеніе заряда спутника ядра въ атомѣ къ массѣ этого спутника. Произведенныя еще самимъ Зееманомъ измѣренія дали для этого отношенія величину порядка 10^7, т.-е. дали то же, что было приведено раньше. Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ, въ случаѣ изслѣдованія свѣтового явленія, получается прежнее соотношеніе между количествомъ отрицательнаго электричества и массою (мы увидимъ, что это будетъ только *кажущаяся* масса) носителя этого электричества. Назовемъ каждый такой носитель электричества, другими словами, каждую частичку съ присущимъ ей количествомъ отрицательнаго электричества *газіономъ*. Понятно, что, если намъ извѣстна для такого газіона величина отношенія $\frac{\varepsilon}{\mu}$, то, если будетъ какимъ-нибудь образомъ опредѣлена величина самаго заряда этого газіона, т.-е. ε, явится возможность вычислить и величину массы его. Это и удалось выполнить Дж.-Дж. Томсону. При помощи необыкновенно простого, но вмѣстѣ съ тѣмъ поразительно остроумнаго пріема Дж.-Дж. Томсонъ *) *сосчиталъ число газіоновъ*, т.-е. частичекъ, уносящихъ съ собою отрицательное электричество, *отдѣляющихся отъ поверхности отрицательно наэлектризованной металлической пластинки, при паденіи на эту пластинку ультрафіолетовыхъ, Беккерелевыхъ или Рёнтгеновыхъ лучей, въ теченіе одной секунды времени.* Зная по показанію электрометра количество электричества, теряемое въ это же время такою пластинкою, Томсонъ простымъ ариѳметическимъ дѣйствіемъ, дѣленіемъ этого количества на число газіоновъ, получилъ величину заряда каждаго газіона, т.-е. величину ε. Найденная Томсономъ величина оказалась равною $3{,}8 \times 10^{-10}$ абсол. электрост. ед. Повторенные, съ небольшимъ измѣненіемъ, сначала Тоунзендомъ, а затѣмъ въ самое послѣднее время Г. Вильсономъ опыты дали въ результатѣ для ε величину, $3{,}1 \times 10^{-10}$ абсол. электрост. ед. Итакъ, *зарядъ одного газіона равняется* $3{,}1 \times 10^{-10}$ *абс. электрост. ед., или,* что то же, 10^{-20} *абсол. электромаг. ед., т.-е. этотъ зарядъ представляетъ собою одинъ электронъ, или то коли-*

*) См. мою статью „Новые лучи и радіоактивность“ l. c.

чество электричества, которое при электролизѣ переносится однимъ атомомъ водорода.

Намъ извѣстно что, при электролизѣ для іона водорода получается $\frac{e}{m} = 10^4$.

Для каждаго газіона, какъ это слѣдуетъ изъ болѣе точныхъ опытовъ съ катодными лучами, что приведено выше, такое же отношеніе, т.-е. $\frac{\varepsilon}{\mu}$, должно быть положено равнымъ $1{,}8 \times 10^7$. Отсюда и потому, что $e = \varepsilon$, т.-е. потому, что зарядъ іона водорода равняется заряду газіона, мы получаемъ $m = 1800\ \mu$., т.-е. находимъ, что *масса одного газіона въ 1800 разъ меньше массы атома водорода, представляющей собою наименьшее, извѣстное намъ изъ химическихъ изслѣдованій, количество матеріи.*

Такимъ-то образомъ физическія изслѣдованія приводятъ къ заключенію о существованіи массъ, меньшихъ чѣмъ массы атомовъ, какъ бы о возможности дѣленія послѣднихъ. Заключеніе громадной важности, составляющее эпоху въ наукѣ! Замѣтимъ при этомъ, что *положительные газіоны*, т.-е. тѣ частички, которыя своимъ движеніемъ образуютъ закатодные лучи или лучи-х, которыя несутъ вмѣстѣ съ собою заряды положительнаго электричества, *имѣютъ массы, одинаковыя съ массами обыкновенныхъ атомовъ.* Для этихъ газіоновъ, какъ слѣдуетъ это изъ опытовъ Томсона, Тоунзенда и Вильсона *), заряды получаются равными съ зарядами отрицательныхъ газіоновъ, т.-е. эти заряды суть положительные электроны. Вслѣдствіе этого и потому, что для газіоновъ водорода, согласно опытамъ Війна, находится для отношенія $\frac{\varepsilon}{\mu}$ величина 10^4, т.-е. та же, какая соотвѣтствуетъ обыкновенному іону водорода, слѣдуетъ, что $\mu = m$, т.-е. масса положительнаго газіона водорода равна массѣ атома водорода. Опыты Війна съ другими газами приводятъ къ подобному же выводу. Можно съ большею вѣроятностью утверждать, что носителями положительнаго электричества въ газахъ являются массы атомовъ этихъ газовъ.

Обращаемся теперь къ самому важному вопросу. Дѣйствительно ли отрицательные газіоны представляютъ собою *матеріальныя* частички, значительно меньшія, чѣмъ атомы, частички съ присоединеннымъ къ отрицательнымъ электричествомъ, по количеству равнымъ въ каждой такой частичкѣ одному электрону? Не есть ли матеріальность такихъ отрицательныхъ газіоновъ только кажущаяся? Не являются ли они непосредственно электронами, т.-е., такъ сказать, атомами электричества, отдѣлившимися отъ матеріи?

Поставленный вопросъ—очень смѣлый. Онъ слишкомъ не соотвѣтствуетъ обычнымъ нашимъ понятіямъ, какъ бы переноситъ насъ изъ

*) См. мою статью «Новые лучи и радіоктивность».

области положительныхъ наукъ въ метафизику, но онъ необходимъ. И то, что даетъ намъ современная физика, позволяетъ отвѣтить на этотъ вопросъ и отвѣтить вполнѣ опредѣленно: *да, наблюдаемые нами при весьма различныхъ явленіяхъ, отрицательные газіоны суть на самомъ дѣлѣ электроны, они не матеріальны въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, они лишь атомы электричества.* Какимъ же образомъ мы можемъ придти къ такому отвѣту?

Прежде всего замѣтимъ, что *непосредственные опыты*, произведенные въ недавнее время Кауфманомъ, показали, что при измѣненіи условій, при которыхъ возникаютъ въ Круксовой трубкѣ катодные лучи вмѣстѣ съ увеличеніемъ опредѣляемой при помощи этихъ опытовъ скорости движенія газіоновъ въ катодномъ потокѣ наблюдается уменьшеніе величины отношенія $\frac{\varepsilon}{\mu}$, т.-е. наблюдается какъбы возрастаніе массы каждаго отрицательнаго газіона. Такой результатъ представляется трудно объяснимымъ, если мы будемъ принимать отрицательные газіоны за матеріальныя частички. Для этого намъ нужно было бы дѣлать новое предположеніе, нужно было бы допустить, что съ увеличеніемъ электрическаго импульса, вслѣдствіе чего происходитъ увеличеніе скорости движенія частичекъ въ катодномъ потокѣ, увеличивается и масса каждой такой частички. Хотя такое предположеніе и не представляетъ собою чего либо мало вѣроятнаго, но оно оказывается излишнимъ и то, что замѣтилъ Кауфманъ, является вполнѣ понятнымъ и даже необходимымъ, когда мы примемъ иное воззрѣніе на природу отрицательныхъ газіоновъ, когда мы будемъ разсматривать послѣдніе, какъ отдѣльные электроны.

Но какимъ же образомъ электронъ, т. е. атомъ электричества, а слѣдовательно нѣчто нематеріальное, можетъ обнаруживать массу, иначе свойство инерціи, однимъ словомъ то, что составляетъ главную отличительную особенность обыкновенной матеріи? Но что же такое представляетъ собою инерція матеріи, какъ объясняется эта инерція? На этотъ вопросъ, мы знаемъ, нѣтъ еще отвѣта въ наукѣ. До сихъ поръ мы ограничиваемся однимъ только допущеніемъ, мы прямо приписываемъ матеріи свойство инерціи, какъ нѣчто ей присущее, и не пытаемся даже попробовать хотя отчасти проникнуть въ тайну этого. Но, съ другой стороны, ученіе объ электричествѣ указываетъ, какъ на необходимое слѣдствіе того, что знаемъ мы объ электрическихъ явленіяхъ, на существованіе въ движущемся электричествѣ, а слѣдовательно и въ каждомъ отдѣльномъ электронѣ, сопротивленія перемѣнѣ этого движенія, т.-е. требуетъ принятія во вниманіе электрической инерціи этого электричества, этого отдѣльнаго электрона. Въ самомъ дѣлѣ, еще Фарадей показалъ путемъ опытовъ, что въ каждомъ проводникѣ, въ которомъ проходитъ электрическій токъ, т.-е., иначе, движется электричество, возникаетъ явленіе самоиндукціи, какъ только происходитъ измѣненіе силы тока: движущееся электричество

какъ бы сопротивляется всякому измѣненію характера своего движенія, оно уподобляется въ этомъ отношеніи обыкновенной матеріи, подверженной дѣйствію какой либо механической силы. Теоретическое разсмотрѣніе электрическихъ явленій привело еще много лѣтъ тому назадъ къ выводу, показывающему, что всякое наэлектризованное тѣло, находясь въ движеніи, обладаетъ помимо той кинетической энергіи, которая свойственна этому тѣлу, какъ имѣющему массу и скорость, еще особою дополнительною энергіею, зависящею отъ величины заряда на тѣлѣ, скорости движенія тѣла и размѣровъ послѣдняго. Для частнаго случая, для сферы съ равномѣрно распредѣленнымъ на ней электричествомъ эта дополнительная энергія вычисляется весьма просто. Вычисленіе даетъ для этой энергіи для случая, когда скорость движенія сферы много меньше скорости свѣта, выраженіе: $\frac{\mu e^2 u^2}{3a}$, въ которомъ a обозначаетъ радіусъ сферы, u—скорость, съ которою движется эта сфера, e—количество электричества на сферѣ и μ представляетъ собою величину нѣкоторой постоянной, характеризующей магнитныя свойства среды, въ которой происходитъ движеніе сферы.

Полагая, что электронъ не имѣетъ свойства обыкновенной матеріи, т.-е. не обладаетъ массою, въ истинномъ смыслѣ этого слова, по формѣ же есть шаръ радіуса a, мы должны приписать этому электрону, когда онъ находится въ движеніи, энергію, величина которой выразится только что приведенною формулою, т.-е. опредѣлится формулою $\frac{\mu e^2 u^2}{3a}$. Съ другой стороны энергія, запасенная этимъ электрономъ можетъ при удобныхъ условіяхъ совершить какую-либо работу или превратиться въ иную форму энергіи, однимъ словомъ произвести то же самое, что создаетъ обыкновенная двигающаяся масса соотвѣтственной величины. Поэтому-то нематеріальный, въ дѣйствительности не имѣющій массы, электронъ намъ будетъ представляться какъ бы матеріальнымъ. Его фиктивная, *кажущаяся* масса m должна будетъ только удовлетворять условію:

$$\frac{1}{2} m u^2 = \frac{\mu e^2 u^2}{3a},$$

ибо разсматривая электронъ, какъ двигающуюся *матеріальную* частичку, мы должны будемъ положить его энергію равною $\frac{1}{2} mu^2$, когда на самомъ дѣлѣ она выражается чрезъ $\frac{\mu e^2 u^2}{3a}$. Итакъ, *кажущаяся масса электрона находится по формулѣ:* $m = \frac{^2\mu e^2}{3a}$.

Эта формула справедлива однако только тогда, когда скорость движенія электрона много меньше скорости свѣта, ибо, какъ замѣчено выше, только при этомъ условіи энергія движущагося заряда выражается простою формулою $\frac{\mu e^2 u^2}{3a}$. Для случая движенія электрона со скоростями, близкими къ скорости свѣта, какъ это на самомъ дѣлѣ

происходитъ въ явленіи катодныхъ лучей, выраженіе энергіи электрона, а отсюда и формула для кажущейся массы его получаются несравненно болѣе сложными. Въ этомъ случаѣ формула для m показываетъ зависимость этой величины отъ скорости движенія электрона, а именно *возрастаніе m вмѣстѣ съ увеличеніемъ скорости*, т.-е. показываетъ то, къ чему пришелъ изъ своихъ наблюденій Кауфманъ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что добытыя нынѣ физикою данныя позволяютъ съ весьма большою вѣроятностью говорить о возможности самостоятельнаго существованія электричества въ полномъ отдѣленіи отъ какого либо матеріальнаго тѣла или даже матеріальной частички, матеріальнаго атома. Правда, мы имѣемъ право утверждать это только по отношенію къ одному роду электричества, по отношенію къ электричеству отрицательному, такъ какъ только для отрицательныхъ газіоновъ, какъ слѣдуетъ это изъ всего, что было выше сообщено, опыты приводятъ къ величинамъ массъ, значительно меньшихъ массъ матеріальныхъ атомовъ. Электричество положительное какъ будто всегда связано съ матеріей. Положительные газіоны во всѣхъ случаяхъ, въ которыхъ они изслѣдовались, обнаруживаютъ массы по величинѣ такого же порядка, какъ и массы обыкновенныхъ атомовъ. Только будущія изслѣдованія выяснятъ причину этого и вмѣстѣ съ тѣмъ покажутъ природу положительнаго электричества.

Обратимся снова къ вопросу объ отрицательныхъ электронахъ. Изъ приведенной выше формулы для выраженія кажущейся массы каждаго такого электрона и изъ полученныхъ путемъ опытовъ фактическихъ данныхъ является возможность опредѣлить порядокъ размѣровъ электроновъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы имѣемъ $m = \frac{2\mu e^2}{3a}$. Отсюда получаемъ $a = \frac{3}{2} \cdot \frac{e}{m}$. е. Но, какъ показываютъ опыты, величина отношенія $\frac{e}{m}$ выражается числомъ порядка 10^7, количество же электричества въ одномъ электронѣ опредѣляется величиною 10^{-20}, а потому радіусъ электрона, если его принимать за сферу, получается выражающимся долею сантиметра, по величинѣ порядка 10^{-13}. Намъ извѣстны размѣры атомовъ. Полагая, что атомъ имѣетъ форму шара, мы должны принимать радіусъ этого шара выражающимся въ стомилліонныхъ доляхъ сантиметра, т. е. величиною порядка 10^{-8} см. Итакъ, *линейные размѣры электрона въ сто тысячъ разъ меньше линейныхъ размѣровъ атома*. Въ солнечной системѣ, какъ мы знаемъ, діаметръ нашей планеты, т. е. земля, составляетъ примѣрно $\frac{1}{20000}$ діаметра орбиты земли при движеніи ея около солнца. Это даетъ намъ возможность наглядно представить себѣ отношеніе объемовъ электрона и атома. Объемъ электрона примѣрно во столько же разъ меньше объема одного атома, во сколько разъ меньше объемъ земного шара объема сферы, радіусъ которой въ 5 разъ больше разстоянія земли отъ

солнца. Въ вопросѣ объ электронѣ мы имѣемъ такимъ образомъ прямо противоположное тому, что встрѣчаемъ при наблюденіи неба. Астрономія знакомитъ насъ съ громадными размѣрами, физика заставляетъ считаться съ размѣромъ чрезвычайно малымъ. Но понятія «большой» и «малый» суть понятія только относительныя, а потому малые размѣры электроновъ должны для насъ быть на столько же допустимы, на сколько допустимы громадные размѣры, съ которыми мы считаемся, наблюдая движеніе небесныхъ тѣлъ.

Итакъ, явленія катодныхъ лучей, явленія радіоактивности, вліяніе ультрафіолетовыхъ лучей на зарядъ тѣлъ, разсѣяніе электричества при дѣйствіи высокой температуры, измѣненіе качества свѣта при возбужденіи въ источникѣ этого свѣта магнитнаго поля, а также и другіе факты приводятъ насъ къ необходимости допустить въ каждомъ электрически-нейтральномъ атомѣ вещества, кромѣ ядра матеріальнаго, еще существованіе атома отрицательнаго электричества, электрона. Отдѣленіе электрона, т.-е. отдѣленіе атома отрицательнаго электричества, вызываетъ въ матеріальномъ ядрѣ обнаруженіе положительной электризаціи. Но что такое представляетъ собою само это матеріальное ядро или вообще атомъ? На этотъ вопросъ можетъ быть данъ отвѣтъ, на первый взглядъ, весьма странный, устраняющій необходимость допущенія самой матеріи, но тѣмъ не менѣе не представляющій собою чего-либо, противорѣчащаго нашимъ современнымъ знаніямъ.

Электрически нейтральный атомъ вещества—это агрегатъ одинаковаго числа положительныхъ и отрицательныхъ электроновъ, образующихъ собою, благодаря дѣйствующимъ между ними электрическимъ силамъ, систему въ устойчивомъ равновѣсіи. Атомы различныхъ химическихъ элементовъ суть системы, состоящія изъ различнаго числа и различнаго расположенія паръ положительныхъ и отрицательныхъ электроновъ.

Въ атомѣ водорода, котораго «масса», какъ показываютъ опыты, примѣрно въ 1.800 разъ больше кажущейся массы электрона, число такихъ паръ около 900. Въ атомѣ натрія, въ 23 раза тяжелѣйшемъ атома водорода, такихъ паръ будетъ около 20.000; въ атомѣ ртути ихъ около 180.000. Несмотря на большое число электроновъ въ одномъ атомѣ, объемъ, занимаемый ими, составляетъ, вслѣдствіе относительной малости каждаго электрона, лишь незначительную часть объема атома. Такимъ образомъ густота распредѣленія электроновъ въ атомѣ небольшая, а потому пространство для ихъ движенія внутри объема атома получается вполнѣ достаточное. Итакъ, атомъ вещества составленъ изъ электроновъ подобно тому, какъ звѣздныя системы составлены изъ громаднаго числа отдѣльныхъ тѣлъ. Субстанція электроновъ—вотъ тотъ матеріалъ, изъ котораго путемъ эволюціи, путемъ борьбы за

МАТЬ И ДОЧЬ.

Романъ

Часть I.

(*Продолженіе* *).

XII.

Какъ ни была тверда Ирина Васильевна въ своемъ обычаѣ не допускать никогда столкновеній съ Модестомъ Петровичемъ по какому бы то ни было поводу, тѣмъ не менѣе иногда, хотя до чрезвычайности рѣдко, этого нельзя было избѣжать. И если это случалось, то поводомъ всегда бывало что-нибудь постороннее. Все, что касалось ея лично, она умѣла отстранить съ презрѣніемъ. На этотъ разъ роль такого повода суждено было сыграть Антонинѣ Петровнѣ.

Былъ праздничный день. Часа въ два заѣхалъ Поршневъ и, поболтавъ съ полъ-часа, уѣхалъ въ какое-то дѣловое засѣданіе, гдѣ должны были собраться «его акціонеры». Модестъ Петровичъ, очевидно негласно, былъ заинтересованъ этимъ засѣданіемъ, потому что съ большой настойчивостью давалъ Поршневу какіе-то совѣты.

Послѣ отъѣзда Поршнева, Людмила вышла въ Гостинный что-то купить. Въ три часа, по праздникамъ, Модестъ Петровичъ любилъ пить чай съ вареньемъ, и на столъ были поданы чайникъ съ кипяткомъ и посуда.

Чай, по обыкновенію, разливала Антонина Петровна. Ирина Васильевна получила свою чашку и хотѣла поскорѣе выпить ее и уйти къ себѣ.

— Вотъ,—сказалъ Модестъ Петровичъ, указывая глазами на свою сестру, которая, наливъ себѣ чашку чаю, набирала въ блюдце земляничное варенье,—въ своемъ-то городѣ, я полагаю, съ патокой чай пила наша Антонина, а тутъ съ сахаромъ, да еще съ вареньицемъ...

Это замѣчаніе показалось Иринѣ Васильевнѣ до того ориги

---

*) См. „Міръ Божій“, № 7, іюль, 1903 г.

нальнымъ, что она подняла глаза и внимательно посмотрѣла на брата и сестру. Антонина Петровна смутилась, и ложка, набиравшая варенье, вывалилась изъ ея руки и вся утонула въ вазочкѣ.

— Я вѣдь только по праздникамъ, Модестъ... Да и много ли я съѣмъ?..—отозвалась она.

Ирина Васильевна съ усиленнымъ вниманіемъ перевела взоръ на Балясова.

— Да я вѣдь ничего. Развѣ я тебя упрекаю? Я только къ тому,—говорилъ Балясовъ,—что здѣсь, стало быть, жить слаще, чѣмъ тамъ, а сама, навѣрное, въ душѣ думаетъ: «вотъ братъ старшій грабитъ меня...» Вѣдь сознайся, думаешь?

— Съ чего это ты, Модестъ? Кажись, я никогда... Ужъ, право, не знаю...—скромно возражала Антонина.

— Да вѣдь это всегда такъ: братья только и дѣлаютъ, что грабятъ сестеръ, такіе ужъ это злодѣи...

Ирина Васильевна видѣла, что рѣчь Модеста Петровича убійственно дѣйствуетъ на Антонину. Глаза ея сдѣлались влажными. Того и гляди, заплачетъ.

— Зачѣмъ это вамъ нужно доводить до слезъ вашу сестру?—сказала она.—Антонина ничѣмъ этого не вызвала.

Модестъ Петровичъ вдругъ обозлился и недружелюбо посмотрѣлъ на нее.

— Я могу обойтись безъ всякихъ указаній насчетъ того, что мнѣ нужно и чего не нужно,—замѣтилъ онъ.

— Вы напрасно разсердились,—сказала Ирина Васильевна,—я не дѣлала вамъ указаній. Я высказала свое мнѣніе.

— Вы могли выбрать для вашего мнѣнія другую тему, а не меня.

— Наша тема теперь не вы, а ваша сестра... Вы ставите ее въ неловкое положеніе.

Модестъ Петровичъ вскипѣлъ. Его опухшее лицо покраснѣло, и онъ собирался выпалить что-то оскорбительное.

Въ это время Антонина быстро отодвинула отъ себя чашку, сказала: «охъ, Господи», поднялась и стремительно вышла изъ комнаты. Очевидно, она не хотѣла быть причиной раздора между супругами, которые и такъ, насколько она могла замѣтить, жили не въ дружбѣ.

— Вотъ видите, чего вы достигли,—сказалъ Модестъ Петровичъ,—она уже фыркаетъ. Скоро, пожалуй, швырнетъ мнѣ въ лицо чашку съ кипяткомъ... Ваше непрошенное покровительство только портитъ отношенія.

Ирина Васильевна почувствовала, что ея негодованіе, которое какъ-то помимо ея воли и противъ ея желанія, возникло въ

душѣ, вдругъ упало. Ей стало обидно допустить какое бы то ни было чувство по поводу такихъ плоскостей, какія говорилъ ея мужъ. И она ограничилась тѣмъ, что насмѣшливо взглянула на Модеста Петровича.

— А знаете,—промолвила она,—я, признаться-таки, удивляюсь мирному характеру вашей сестры. На ея мѣстѣ всякая другая давно сдѣлала бы это.

— То-есть, что это?

— Да вотъ, какъ вы говорите, швырнула бы вамъ чашку съ кипяткомъ.

— Отчего же это такъ, скажите пожалуйста?

— Вы сдѣлали все для этого.

— То-есть, что же это *все*?

— Да вѣдь вы, дѣйствительно, ограбили ее... На этотъ счетъ не можетъ быть двухъ мнѣній.

— Вы не имѣете ни малѣйшаго понятія о моихъ дѣлахъ и не должны разсуждать о нихъ.

— Менѣе всего я желаю разсуждать о вашихъ дѣлахъ... Но если вы поселили вашу сестру въ домѣ, въ которомъ и я живу, и, какъ мнѣ извѣстно, берете съ нея что-то такое за пищу и питье, то, по крайней мѣрѣ, ведите себя съ нею такъ, чтобы въ другихъ не оскорблялось чувство справедливости.

— Въ другихъ? Ужъ не въ васъ ли? Ха!.. Ваша справедливость!.. Кажется, вы давно заживо похоронили ее... Это видно изъ воспитанія, которое вы даете вашей дочери... Вы готовите изъ нея чудовище...

Ирина Васильевна съ видомъ любопытства откинулась на спинку стула, скрестила на груди руки и смотрѣла на него, какъ будто на какое-то чудо. Онъ говоритъ о справедливости, о воспитаніи, это человѣкъ, обокравшій свою сестру, берущій взятки не только деньгами, акціями и ужинами, но и женщинами...

Она смотрѣла на него, и глаза ея говорили это, и онъ понималъ, что глаза ея именно это говорятъ.

Онъ ненавидѣлъ ее уже давно. Но въ эту минуту ненависть его вдругъ выросла до того, что онъ не былъ въ состояніи сдерживать себя. Это спокойствіе, эти смѣющіеся надъ нимъ глаза выводили его изъ себя, и ему хотѣлось нанести ей какую-нибудь обиду, да такую, чтобы она ее почувствовала, какъ боль. И онъ зналъ, что у него за пазухой есть острый камень, которымъ онъ, если захочетъ, можетъ раздробить ей черепъ, и ему не по силамъ было не воспользоваться этимъ.

И онъ вдругъ сильно возвысилъ голосъ, который сдѣлался рѣзкимъ и крикливымъ:

— Вы готовите изъ нея чудовище... Да, да. Милое существо,

которое благодарность считаетъ порокомъ... Вы убѣдили ее, что это такъ и нужно... Но зато,—продолжалъ онъ, очевидно все менѣе и менѣе владѣя собой и уже не отвѣчая за свои слова,—зато вы будете первая, которую она отблагодаритъ такъ, какъ вы её научили... Вы не понимаете? Въ вашихъ глазахъ еще иронія... такъ надо объяснить вамъ... Я объясню, объясню... Съ величайшимъ наслажденіемъ... Въ этомъ вы мнѣ повѣрите.. Вы и представить себѣ не можете, съ какимъ высокимъ наслажденіемъ я доставлю вамъ эту непріятность... Вамъ угодно знать? Угодно?

— Мнѣ ничего отъ васъ не угодно... Ваша злоба сдѣлала васъ невмѣняемымъ!—брезгливо и попрежнему съ видомъ глубокаго спокойствія отвѣтила Ирина Васильевна.

— А вы вмѣните... Вотъ сейчасъ вмѣните... Вотъ я кончилъ чай и ухожу къ себѣ, потому что мнѣ съ вами нечего дѣлать,—онъ всталъ и направился къ двери, а дойдя до нея, остановился.—Я сейчасъ уйду, но все же я успѣю сообщить вамъ интересную, захватывающую новость, вотъ она: въ Петербургѣ больше двухъ лѣтъ проживаетъ нѣкій господинъ, отставной агитаторъ, по фамиліи Рокотовъ, и вашей дочери это не только извѣстно, а, можетъ быть,—за это, впрочемъ, не ручаюсь,—можетъ быть, она уже имѣла ни съ чѣмъ несравнимое счастье видѣть его... небесныя черты!.. Да-съ... И больше мнѣ съ вами нечего дѣлать.

И, сказавъ это, онъ почти побѣжалъ черезъ гостиную, вбѣжалъ въ свой кабинетъ и захлопнулъ за собою дверь.

Ирина Васильевна, не измѣнивъ позы, смотрѣла ему вслѣдъ, когда онъ удалялся съ такимъ видомъ, словно обращался въ бѣгство. Его бѣшенство, доходившее почти до невмѣняемости, какъ ей казалось, заставляло ее отнестись къ его словамъ, какъ къ бреду. Но когда онъ произнесъ это имя и какъ-то странно сопоставилъ его съ именемъ ея дочери, съ ея сердцемъ сдѣлалось что-то необыкновенное. Что-то вдругъ сжало его и не выпускало. Она еще сидѣла съ скрещенными на груди руками, чувствуя, что щеки ея блѣднѣютъ и передъ глазами носится туманъ.

Она поднялась и посмотрѣла вслѣдъ ему, на только что захлопнутую дверь. «Что онъ сказалъ? Этому человѣку ничего не стоитъ оклеветать, втоптать въ грязь самую чистую душу... Но это... Но этого нельзя выдумать... Здѣсь Рокотовъ и уже нѣсколько лѣтъ... Людмила знаетъ это и, можетъ быть, видѣлась съ нимъ... Что же это? Что?»

Балясовъ точно поставилъ передъ нею ларецъ, въ которомъ заключалось что-то дорогое и въ тоже время страшное для нея, а ключъ отъ ларца только показалъ ей и бросилъ въ помойную яму.

Что-жъ, надо рыться въ этой ямѣ, докапываться до самаго

грязнаго дна, чтобы розыскать ключъ. И она рѣшила пойти къ нему.

Она подошла къ двери и постучала. Отвѣта не было. Она повторила стукъ. Онъ точно притаился тамъ. Онъ ничѣмъ не проявлялъ своего присутствія.

— Я должна войти къ вамъ,—строго и повелительно произнесла Ирина Васильевна.

Онъ молчалъ. Тогда она схватилась за ручку двери и съ силой распахнула дверь. Балясовъ сидѣлъ на диванѣ, положивъ ногу на ногу, въ такой позѣ, которой, очевидно, хотѣлъ показать свое глубокое спокойствіе. Но онъ не былъ спокоенъ. Его разбитые ежедневнымъ пьянствомъ и всякими излишествами нервы не подчинялись ему. Мускулы лица его передергивались, глаза были налиты кровью, на губахъ играла злобно-торжествующая усмѣшка.

— Что-же вамъ угодно отъ меня?—спросилъ онъ, стараясь сохранять самообладаніе.

— Мнѣ нужно знать, для какой цѣли вы выдумали эту нелѣпую ложь,—сказала Ирина Васильевна.

— Ха, ха, ха! Вамъ, можетъ быть, угодно знать его адресъ? Ха, ха... Извольте... Васильевскій островъ, Волховской переулокъ, домъ... вотъ не знаю—четвертый или пятый... Но вы можете справиться въ адресномъ столѣ...

— И вы не лжете?—съ пылающими глазами спросила его Ирина Васильевна.

— Ахъ, да, да, вотъ еще примѣта: съ нимъ живетъ нѣкій студентъ Крученинов.ъ... Его вѣрная собака, его ищейка...

— Крученинов.ъ...—какъ бы про себя произнесла Ирина Васильевна и вдругъ почувствовала, что вся ея успокоительная гипотеза, въ которой она искала опоры, расплывается.

— Этотъ господинъ,—продолжалъ Модестъ Петровичъ,—навѣрняка знаетъ, въ которомъ часу вы ложитесь спать и въ которомъ встаете. А-а... я вижу, что вы, наконецъ, повѣрили... Ну, что-жъ, можете ѣхать къ нему... Можете даже переѣхать, если вамъ угодно... У него, говорятъ, тамъ цѣлый флигель... Дѣла, его кажется, недурны... А я... съ наслажденіемъ выдамъ вамъ на извозчика...

И онъ наслаждался эффектомъ, потому что видѣлъ, что эффектъ этотъ чрезвычайный. Ирина Васильевна какъ будто собиралась еще задавать ему вопросы, но раздумала и, шатаясь, вышла изъ кабинета.

Она прошла черезъ гостинную въ столовую. Тутъ съ глубоко подавленнымъ видомъ возилась съ посудой Антонина Петровна. Ирина Васильевна слышала, какъ она съ чѣмъ-то обратилась къ

ней, кажется—съ сожалѣніемъ, что была причиной непріятностей, но она пропустила это мимо ушей. Въ головѣ ея стучала стремительно прилившая туда кровь. Она остановилась у окна и глядѣла въ пространство, желая собрать свои мысли и овладѣть своими чувствами. Въ передней раздался звонокъ.

Тогда она вдругъ быстро ушла въ свою комнату, легла на кровать и зарылась съ головой въ подушки. Она знала, что это пришла Людмила. Но избави Богъ, если она теперь заговоритъ съ нею. Она боялась самой себя. Теперь у нея нѣтъ ни осторожности, ни самообладанія, ни ума.

Людмила, очевидно предупрежденная Антониной, вошла въ ея спальню на цыпочкахъ и на минуту остановилась.

— У тебя голова болитъ?—спросила она мать.

— Да,—глухо отвѣтила Ирина Васильевна и крѣпко стиснула свои челюсти, какъ бы этимъ преграждая себѣ возможность произнести еще хоть одно слово. То, что она узнала сейчасъ, еще не привилось какъ слѣдуетъ къ ея мозгу, не освоилось съ нимъ. Она еще не полная хозяйка въ этомъ, она не готова. Сперва надо пережить это внутри себя, чтобы потомъ оно было для нея не тяжелой ношей, а опорой.

Людмила прошла къ себѣ и взялась за книжку. Къ пяти часамъ она ждала къ себѣ Любочку. Было условлено, что онѣ поѣдутъ кататься. Любочкѣ прибавили жалованья, и она рѣшила кутить. Былъ уже договоренъ лихачъ, который повезетъ ихъ по набережной и на острова.

Но ей какъ-то не читалось. Что-то тревожное чуялось ей въ этомъ глубокомъ молчаніи въ домѣ. Не вѣрила она въ головную боль матери. Да и видъ Антонины Петровны, когда Людмила проходила черезъ столовую, и когда та предупреждала ее о томъ, что Ирина Васильевна не совсѣмъ здорова, казался ей подозрительнымъ. Но ни на одно мгновеніе не пришла ей въ голову мысль даже близкая къ тому, что произошло.

Было около пяти часовъ, когда пришла Любочка. Людмила не дала ей войти къ себѣ, а рѣшила выйти въ гостинную, чтобы не безпокоить мать.

Когда она проходила черезъ комнату Ирины Васильевны, ей показалось, что мать не спитъ, и она остановилась на секунду. Ирина Васильевна поднялась и сѣла на кровати. Лицо ея было въ тѣни, такъ какъ наступили уже глубокія сумерки, а лампочка не была зажжена.

— Это Любочка пришла за мной,—сказала Людмила.—У тебя все еще болитъ голова?

— Вы ѣдете кататься?—спросила Ирина Васильевна, не отвѣтивъ на ея вопросъ.

— Да, ты вѣдь знаешь...

— Куда вы поѣдете?

— Не знаю... Кажется, на острова...

— Надолго?

— Часа на полтора...

— Не больше?—какъ-то странно допрашивала Ирина Васильевна.

— Я думаю, что нѣтъ.... А что? Ты что нибудь имѣешь противъ?

— Н-нѣтъ, я ничего не имѣю...

И Ирина Васильевна опять положила голову на подушку.

— Вѣдь это Любочка выдумала... Я постараюсь поскорѣе отдѣлаться,—сказала Людмила и тихонько вышла.

XIII.

Оставшись одна, Ирина Васильевна продолжала думать все о томъ же. Почти уже увѣрившись, что слова Балясова были не простой злобой, она все больше и больше приходила къ мысли, что должна поговорить объ этомъ съ самой Людмилой. Но вѣдь это будетъ крайне рѣшительный разговоръ; чтобы приступить къ нему, надо быть «вооруженной съ ногъ до головы».

Съ Людмилой она никогда не говорила о ея происхожденіи, обо всей той исторіи, которая висѣла надъ нею, и вдругъ—все разомъ. Эта недавняя вспышка, когда Людмила такъ опредѣленно обозначила свою ненависть къ Балясову, такъ и осталась неразъясненной. Объ этомъ разговоръ не возобновлялся.

И неужели же она приступитъ къ этому, опираясь лишь на нѣсколько словъ, брошенныхъ въ припадкѣ злобы этимъ человѣкомъ, не заслужившимъ отъ нея никакого довѣрія? А что, если онъ сдѣлалъ это только изъ одной злобы, выдумалъ все, чтобы доставить ей самую большую непріятность, какую онъ только знаетъ? Шагъ будетъ сдѣланъ, и его ужъ нельзя будетъ взять обратно. Требовалась провѣрка. Но у кого? Кто еще во всемъ мірѣ могъ интересоваться ихъ жизнью, въ особенности этой стороной, какъ она думала, закрытой отъ всѣхъ густымъ покрываломъ минувшихъ двадцати лѣтъ?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ въ голову ей пришло имя: Поршневъ! Не можетъ быть, чтобы эти люди, встрѣчающіеся каждый день, съ головами, отуманенными винными парами, дѣлившіе между собой самые гнусные интересы, не дѣлились всѣмъ. И если въ словахъ Балясова есть доля правды, то Поршневъ знаетъ это и подтвердитъ.

И когда она подумала такимъ образомъ, то въ то же мгно-

веніе рѣшеніе поѣхать къ Поршневу у нея было готово. Она быстро одѣлась и, сказавъ что-то Антонинѣ, вышла.

Поршневъ жилъ совсѣмъ въ другой сторонѣ города. Хотя онъ и готовился къ формальному разводу съ своей женой, но пока это еще не случилось, они жили въ одной квартирѣ. Квартира была очень большая, и онъ занималъ въ ней нѣсколько совершенно отдѣльныхъ комнатъ.

Ирина Васильевна пріѣхала, вошла въ подъѣздъ и стала подниматься по лѣстницѣ. Когда она прошла нѣсколько ступеней, она увидѣла быстро спускавшагося ей навстрѣчу Поршнева. Онъ узналъ ее и изумился.

— Вы? Кажется, ко мнѣ?

— Да, къ вамъ. А вы должны уѣхать? Вы торопитесь?

— У меня обѣдъ съ Балясовымъ и еще кой съ кѣмъ. Но, разумѣется, я вернусь, они тамъ меня подождутъ.

Ирина Васильевна никогда не бывала у Поршнева, и тѣмъ болѣе это его заинтересовало. Они поднялись во второй этажъ. Поршневъ отперъ дверь американскимъ ключикомъ, и они вошли.

Онъ ввелъ Ирину Васильевну въ огромную комнату, которая была его кабинетомъ. Высокіе потолки, масса воздуха, широкая, мягкая, обитая сукномъ мебель, все это говорило о томъ, что Поршневъ любитъ жизнь и умѣетъ сдѣлать ее пріятной.

Въ каминѣ горѣли дрова. Онъ освѣтилъ комнату и пригласилъ Ирину Васильевну поближе къ огню, чтобы согрѣться.

— Не могу понять, что могло привести васъ ко мнѣ. Васъ, которая никогда не оказывала мнѣ этой чести,—сказалъ Поршневъ.

— Да вѣдь вы въ ней не нуждаетесь,—отвѣтила Ирина Васильевна.—И теперь я пришла не для того, чтобы оказывать вамъ честь, а потому, что нуждаюсь въ васъ.

— Тѣмъ лучше. Значитъ, я могу быть вамъ полезенъ. А вы знаете, что это мнѣ всегда пріятно.

— Допустимъ. Дайте мнѣ слово, что на мои вопросы вы будете отвѣчать правду.

— Почему вы думаете, что я сталъ бы лгать вамъ?

— Потому что вы другъ господина Балясова, а это касается и его.

— Я другъ Балясова!.. Ну, знасте... эта дружба такого рода, что, если бы вамъ вотъ сейчасъ понадобилась его голова, я отдалъ бы ее въ ваше полное распоряженіе. Наша дружба основана на совмѣстномъ чревоугодіи и... ну, и на другихъ тому подобныхъ вещахъ.

— Сегодня господинъ Балясовъ, приведенный въ бѣшенство однимъ моимъ замѣчаніемъ, сообщилъ мнѣ, что здѣсь въ Петер-

бургѣ живетъ нѣкій Рокотовъ, о которомъ вы навѣрно отъ него знаете; правда ли это?

— А, вотъ что... вотъ что... Это вопросъ сложный.

— Но вы отвѣтьте прямо: правда ли?

Поршневъ взялъ щипцы, нагнулся и помѣшалъ ими дрова въ каминѣ.

— Это правда,—сказалъ онъ,—незыблемая...

Ирина Васильевна помолчала. Она поднялась и прошлась по обширному кабинету. Потомъ она вернулась къ камину и опять сѣла на свое мѣсто?

— Давно?—спросила она.

— Три года.

— Кто такой Крученинов? Когда вы встрѣтились съ нимъ тогда на вечерѣ, вы отнеслись къ нему странно. Какую роль играетъ онъ при немъ, при Рокотовѣ?

— Какую роль? Ученика, наперсника, послѣдователя... Не знаю, какую еще. Можетъ быть, они вмѣстѣ соблазняютъ наивныхъ женщинъ...

— Вы судите по себѣ, Владиміръ Ивановичъ! Рокотовъ этимъ никогда не занимался.

— Виноватъ, я не зналъ, что его особа для васъ священна..

— Что вы еще знаете по этому поводу? Разскажите... Я не могу спрашивать...

— По поводу Рокотова я знаю, что онъ появился здѣсь года три тому назадъ. Прежнія бредни свои онъ совсѣмъ бросилъ. Разумѣется, предварительно проведя нѣсколько скучныхъ лѣтъ около сѣвернаго полюса... Состоитъ вольнослушателемъ въ университетѣ и занимается химіей, живетъ съ Крученинов и принимаетъ у себя молодыхъ людей обоего пола, которые, конечно, смотрятъ на него, какъ на священную развалину прошлаго. Живетъ, впрочемъ, мирно, никакими пропагандами не занимается, а молодые люди большею частью кормятся и поятся у него. А еще что дѣлаетъ онъ, не знаю. Вотъ все, что мнѣ извѣстно относительно Рокотова.

— Все?

— Относительно Рокотова все.

— Когда узнала объ этомъ Людмила?

— А, вы уже начинаете совсѣмъ другую исторію...

— Пусть другую...

— Вы думаете, что я долженъ выдать вамъ Людмилу Модестовну?

— Обязаны и, кажется, въ вашихъ же интересахъ.

— Да, интересъ мой тутъ есть и большой. Но я хотѣлъ бы прежде знать, будетъ ли онъ попрежнему идти рядомъ съ вашимъ?

*

— О, да. Несмотря на все мое *не*уваженіе къ вамъ, я положу на это всѣ силы, теперь въ особенности.

— Спасибо и на этомъ. Уважать меня, дѣйствительно, не за что. А я за уваженіемъ и не гоняюсь. Такъ вы спрашиваете, когда Людмила Модестовна узнала о Рокотовѣ? Я думаю, что чуть ли не на томъ вечерѣ, когда въ первый разъ встрѣтилась съ Крученинымъ...

— Это возможно... Съ тѣхъ поръ она круто измѣнилась.

— Да, но ко мнѣ въ особенности.

— Что было потомъ?

— Потомъ она видѣлась съ Крученинымъ въ театрѣ. У нихъ была ложа съ аванъ-ложей. Они просидѣли весь спектакль въ аванъ-ложѣ. Надо думать, что здѣсь она узнала о Рокотовѣ болѣе подробно.

—Затѣмъ?

—А затѣмъ, наконецъ, состоялось и свиданіе.

— Съ нимъ?—вдругъ вскочивъ съ мѣста, воскликнула Ирина Васильевна.

—Да, съ нимъ и у него. Свиданіе длилось часа два, и тутъ уже, надо думать, онъ разсказалъ ей всю свою исторію.

Ирина Васильевна довольно долго молчала, какъ бы стараясь впитать въ свою душу свѣдѣнія, которыя были такъ чужды ей. Она, видимо, переживала чрезмѣрное волненіе. И ей стоило большихъ усилій надъ собой, чтобы нѣсколько успокоиться.

—А скажите, промолвила она, наконецъ, какими средствами вы все это узнали?

Поршневъ поднялъ голову, и лицо его, освѣщенное краснова-тымъ пламенемъ отъ камина, приняло цинически-смѣющееся выраженіе.

—Вамъ и это надо знать?—спросилъ онъ и засмѣялся.

—Это не изъ любопытства,—отвѣтила Ирина Васильевна.—Мнѣ надо знать, насколько этому можно довѣриться...

— О, что до этого, то можете на меня положиться. Все это такъ же достовѣрно, какъ то что вы сегодня сдѣлали мнѣ честь своимъ посѣщеніемъ, и что мы сейчасъ сидимъ здѣсь передъ каминомъ. Вамъ Модестъ Петровичъ сказалъ это въ припадкѣ бѣшенства?

—Да, почти невѣроятномъ для него.

—И прибавилъ, что вы можете хоть переѣхать туда?

—Вы и это знаете!

—И что онъ охотно дастъ вамъ на извозчика?

—Да вы слишкомъ освѣдомлены, слишкомъ... И я боюсь, что попала къ одному изъ заговорщиковъ противъ меня.

—Никогда я не буду противъ васъ... замѣтьте это. Я только

объ одномъ прошу: устройте поскорѣе такъ, чтобы мое пламенное желаніе исполнилось...

— А развѣ вы не думаете, что послѣ того, что вы мнѣ разсказали это сдѣлалось трудно? И почему, почему вы держали это отъ меня втайнѣ? Три года, три года...

— Три года онъ не проявлялъ никакого движенія. Онъ занимался себѣ своей химіей и только. Казалось, ему было все равно, существуете вы или нѣтъ; есть-ли у васъ его дочь или ея нѣту.... И только въ послѣднее время, когда....

— Когда?—спросила Ирина Васильевна, такъ какъ онъ зашнулся на этомъ словѣ.

— Да вотъ именно въ послѣднее время,—видимо увильнулъ Поршневъ.

— Вы уклоняетесь, Владиміръ Ивановичъ.

— А вы сегодня совсѣмъ отказываетесь догадываться.

— Послѣднее время, когда до него дошло, что у васъ есть шансы добиться руки Людмилы?

— Есть ли эти шансы, вотъ вопросъ... Есть тѣ шансы, которые находятся у васъ, что же касается самой Людмилы Модестовны, то отъ нея я никакъ не могу добиться простой искренней улыбки...

— А вамъ очень нужна ея искренность?

— Я думаю. А то какъ же?

— Такимъ господамъ, какъ вы, достаточно владѣть женщиной, и вамъ рѣшительно все равно, отдается она вамъ охотно или изъ разсчета... Вѣдь вы же съ господиномъ Балясовымъ чуть не каждый день покупаете женщинъ, и что-жъ, вы спрашиваете ихъ, охотно ли онѣ вамъ отдаются? Вы требуете отъ нихъ искренности? Да я пришла бы въ отчаяніе, если бы замѣтила въ моей дочери хоть каплю искренняго чувства къ вамъ.

— О, да, я знаю ваши взгляды на этотъ счетъ.

— Но мы отклонились... Итакъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ узнала о вашихъ шансахъ, онъ сталъ проявлять движеніе...

— Да.

— Онъ сталъ искать встрѣчи съ Людмилой.

— Да, все это такъ и было.

Ирина Васильевна съ выраженіемъ энергіи начала ходить по комнатѣ.

— Значитъ, онъ еще не разстался съ мыслью о своемъ правѣ вліять на ея душу, на исправленіе ея жизни... Онъ ошибается. Этого вліянія я не допущу. Я больше васъ не задерживаю, ВладиміръИвановичъ!—прибавила она, остановившись:—теперь около семи часовъ. Вы еще поспѣете на вашъ обѣдъ. До свиданія.

— Мы выйдемъ вмѣстѣ, я подвезу васъ въ своемъ экипажѣ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, этого не нужно...

— Такъ, по крайней мѣрѣ, я посажу васъ на извозчика.

— Я сама сяду. Нѣтъ, право, это неудобно. Дайте мнѣ только шубу. Не зовите для этого никого!

Они вышли въ переднюю. Поршневъ подалъ ей шубу, и она сейчасъ же ушла.

«Балясушка-таки не выдержалъ,» подумалъ Поршневъ, когда она ушла: «до чего онъ сталъ слабъ! Ахъ, до чего ослабѣлъ человѣкъ!

Онъ тоже одѣлся и, выждавъ нѣсколько минутъ, вышелъ изъ дому.

Когда черезъ четверть часа онъ встрѣтился съ Балясовымъ, то ни слова не сказалъ ему о посѣщеніи Ирины Васильевны. Балясовъ выждалъ удобный моментъ—такъ какъ здѣсь было еще третье лицо—и, отведя его въ сторону, разсказалъ ему о сегодняшней сценѣ. Поршневъ выслушалъ это, какъ совершенную новость для него, и ни однимъ намекомъ не далъ ему понять, что знаетъ объ этомъ.

XIV.

Когда Ирина Васильевна, вернувшись домой, вошла въ свою спальню, она увидѣла въ растворенную дверь Людмилу, сидѣвшую за столомъ. Около нея лежала раскрытая книга, которую она не читала.

Ирина Васильевна сняла шляпку, положила ее на подзеркальникъ. Она не зажгла лампочку. Полоса свѣта, падавшая изъ комнаты Людмилы, достаточно свѣтила ей, и Людмила видѣла, что лицо у нея было сосредоточенное, глаза напряженные. Затѣмъ Ирина Васильевна вошла къ Людмилѣ и остановилась на порогѣ.

Людмила встала. Разомъ обѣ почувствовали, что «пришелъ часъ», что больше не можетъ быть ни одной минуты колебанія, и что теперь должно быть сказано все. Должно быть сказано и не можетъ быть не сказано. Точно малѣйшимъ промедленіемъ будутъ нарушены всѣ законы природы и произведена міровая катастрофа. Дошло до того, что дальше жить такъ нельзя.

Ирина Васильевна стояла на порогѣ съ страннымъ лицомъ, съ сомкнутыми губами. Людмила смотрѣла на нее и ждала. Длилась безконечная минута молчанія.

— Ты ничего не имѣешь сказать мнѣ?—спросила, наконецъ, Ирина Васильевна и, неподвижная, осталась на своемъ мѣстѣ.

— Очень много, мама, если ты захочешь меня слушать...—твердо отвѣтила Людмила, и въ голосѣ ея не было слышно ни колебанія, ни смущенія, а скорѣе ясное сознаніе своего права.

— Я хочу слушать тебя, но боюсь, не слѣдовало ли сдѣлать это гораздо раньше...—откликнулась на ея слова Ирина Васильевна.

— Раньше я не могла... Я не была готова. Я и теперь не знаю, какъ начать... Я вижу, что ты знаешь... Слышала или догадалась... Что же тебѣ сказать?

— Что сказать, это все равно, Людмила... Это правда, что едва-ли ты скажешь мнѣ что-нибудь новое... Но для меня важно, что ты уже нѣсколько мѣсяцевъ живешь особою жизнь, со мною врозь, сообща съ моими врагами, и можетъ быть сама уже врагъ мнѣ... Ты понимаешь, почему это мнѣ важно...

— Но это не такъ...—воскликнула Людмила:—Это не такъ.

— А какъ же?

— Ахъ, мама,—вдругъ, какъ бы на минуту потерявъ свою твердость,—промолвила Людмила, нетерпѣливо, нервозно; какъ странно мы съ тобой разговариваемъ... Ты точно допрашиваешь, я какъ будто избѣгаю... Я ничего не хочу избѣгать... Я ничего не хочу скрывать отъ тебя... Да, да,—говорила Людмила съ напряженнымъ волненіемъ, шагая по комнатѣ, въ то время, какъ Ирина Васильевна продолжала стоять у двери, слѣдя за ней глазами.—Я жила особою жизнью и не нѣсколько мѣсяцевъ, а больше, можетъ быть, уже нѣсколько лѣтъ... Ты изумлена, я вижу. Но тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Я выросла... Моя душа выросла, а ты этого не замѣтила и все продолжала со мной, какъ съ малолѣтней... Ты точно думала, что растетъ только мое тѣло, а душа нѣтъ... А вѣдь я твоя дочь, я въ тебя... Впрочемъ, ты не объ этомъ хочешь слышать отъ меня...

— Объ этомъ тоже интересно...—вскользь и какъ будто безъ особаго волненія проговорила Ирина Васильевна.

— Да, но это послѣ. А теперь то, что мучаетъ меня...

— Мучаетъ? Значитъ, мучаетъ?

— О, я думаю! Вѣдь я не могла и представить себя отдѣльно отъ тебя, а тутъ вдругъ... Но вѣдь ты все знаешь?

— Не знаю, все ли...—сказала Ирина Васильевна и, подойдя къ столу, сѣла около него на стулъ.—Да и то, что слышала отъ другихъ,—продолжала она,—сочту знаніемъ только тогда, когда услышу отъ тебя...

— А... Лучше бы, еслибъ ты уже все знала...

— Какъ это странно,—говорила Ирина Васильевна, подперевъ голову рукой и глядя на дочь грустными, но, повидимому, примиренными глазами:—хватаетъ мужества на дѣла и не хватаетъ на слова...

— Да, вотъ не хватаетъ... Тяжело говорить объ этомъ... Слушай, мама... Людмила подошла къ ней близко и остановилась,—скажи мнѣ, зачѣмъ все это такъ произошло? Нѣтъ, ты, навѣрное, не такъ понимаешь... Что вы съ нимъ не сошлись, у васъ были на то

причины... Я не сужу васъ. Зачѣмъ вотъ это: этотъ подставной отецъ, котораго ни я, ни ты даже уважать не можемъ?

— Постой... Не будемъ забѣгать впередъ... Я хочу, чтобы ты судила насъ... Я этого хочу... До сихъ поръ у меня не было судьи, а теперь ты узнала и, кажется, произвела слѣдствіе, ну такъ суди же, суди...

— Слѣдствіе? Нѣтъ... Тебя никто не обвинялъ...

— Еще бы. Посмѣлъ бы онъ обвинить меня...

— Я не хочу судить васъ... Я не знаю и не хочу знать... Потому что вы оба дороги мнѣ...

— Оба?—Ирина Васильевна подняла голову и выпрямилась.— Оба! Вотъ это для меня ново. Съ одной ты прожила двадцать лѣтъ жизни и, какъ я думаю, ни разу не могла сказать, что она манкировала своими обязанностями матери, что любила кого-нибудь, кромѣ тебя, и занималась чѣмъ-нибудь, кромѣ твоей жизни... А съ другимъ ты видѣлась одинъ разъ—и уже оба одинаково дороги...

— Я не сказала «одинаково»,—отрицательно покачавъ головой, возразила Людмила,—Боже мой, мама, зачѣмъ ты такъ со мной говоришь? Я хочу раскрыть тебѣ душу, а отъ твоихъ словъ, отъ твоего тона она закрывается...

Ирина Васильевна съ безпокойствомъ посмотрѣла на нее, какъ человѣкъ, сдѣлавшій неловкость и вдругъ спохватившійся. Въ самомъ дѣлѣ, она дала перевѣсъ своему чувству обиды, которое сдѣлало ее сухой и требовательной. Она сразу начала съ упрековъ, и въ ея голосѣ слышался суровый допросъ. Съ этимъ она не имѣла права разсчитывать на откровенность дочери, и Людмила такъ хорошо напомнила ей объ этомъ. Ея душа, которую она хотѣла раскрыть передъ нею, закрывается...

— Ты права... Это оттого, что я слишкомъ обижена. Меня обошли...—сказала она съ грустнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ и въ глазахъ.

— О, мама, неужели ты можешь думать, что я сдѣлала это умышленно, что я хотѣла это сдѣлать? Я сдѣлала это только потому, что была поставлена въ необходимость...

— Кѣмъ это?

— Не знаю, кѣмъ... Тобой или такъ осложнившеюся жизнью... Я жила подъ твоимъ... хотѣла сказать вліяніемъ, но это слишкомъ слабо: подъ твоимъ обаяніемъ долгіе годы... Ты, одна ты, лѣпила мою душу и никто не мѣшалъ тебѣ, ты могла сдѣлать изъ нея все, что хотѣла. И ты думала, что ты дѣлаешь то, что хочешь, но вышло не то..

— Почему же? И какъ могло произойти это?

— Погоди, мама, дойду до этого, я дойду до всего... Уже нѣ-

сколько лѣтъ я ломаю голову надъ всѣмъ этимъ, и я уже многое объяснила себѣ...

— Нѣсколько лѣтъ!—произнесла Ирина Васильевна и покачала головой.—Нѣсколько лѣтъ безъ меня!

— Да, мамочка, нѣсколько лѣтъ... Нѣсколько лѣтъ уже я одинока. Я живу бокъ-о-бокъ съ тобой и стараюсь поступать потвоему, но это уже не обаяніе и даже не вліяніе. Я стараюсь только потому, что люблю тебя и дорожу твоимъ покоемъ, который ты заслужила. Но въ моихъ мысляхъ я одинока.. Какъ это произошло? Не знаю точно. Но думаю, что вотъ начало: я догадалась, что этотъ... Ну, ты знаешь... Что онъ мнѣ не отецъ, и тебѣ не мужъ... Я поняла изъ намековъ, полусловъ... Но все равно. Когда я поняла, я испытала радость. Ты понимаешь, почему... Но тутъ же я задала себѣ и мысленно тебѣ вопросъ: почему и зачѣмъ? Шестнадцать лѣтъ ты заставляла меня почитать за отца человѣка, котораго сама презирала. Значитъ, были серьезныя причины, и я росла въ невѣдѣніи ихъ... Я рано стала жить сознательно. Въ девять, въ десять лѣтъ я уже многое понимала, и я считала, что съ этихъ поръ надъ моей душой было насиліе... Но все равно, не будемъ считаться. Тебѣ я простила это въ тотъ же мигъ, ни на одну минуту я не почувствовала вражды къ тебѣ, но мое безпредѣльное довѣріе къ тебѣ поколебалось. Твоя непогрѣшимость для меня кончилась, и уже съ тѣхъ поръ я стала относиться критически къ тому, что исходило отъ тебя. Вотъ откуда началось мое одиночество... Я постоянно думала о твоемъ прошломъ, которое было для меня загадкой. Я не знала изъ него ничего и все-таки думала о немъ, потому что я знала тебя и не допускала, чтобы ты безъ глубокихъ причинъ допустила близко къ себѣ такого грязнаго человѣка и такъ долго заставляла меня называть его отцомъ. А къ этому времени подоспѣло еще новое, отчего я сразу встала на дыбы: это—Поршневъ, твоя благосклонность къ нему и твое явное покровительство его ухаживанью за мной. Ты не скрывала отъ меня, что это за личность. Напротивъ, ты какъ будто считала своимъ долгомъ показать его въ истинномъ свѣтѣ. Отъ тебя я узнала, что это человѣкъ безчестный, грязный, развратный... И ты, показывая мнѣ его такимъ, толкала меня къ нему. Не скрою отъ тебя, мама, въ иныя минуты изумленіе переходило во что-то другое, и я съ ужасомъ чувствовала, что во мнѣ зачинается вражда къ тебѣ... Не дѣлай такое скорбное лицо. Эта вражда никогда долго не жила во мнѣ, я вытравляла ее моей любовью. Нѣтъ, мама, ты будешь говорить потомъ, а я ужъ доскажу все... У меня такъ все готово!.. Да, враждѣ я не давала мѣста, но ходъ къ тебѣ для меня все затруднялся, точно вырастала между нами гора, съ каждымъ днемъ все выше и выше. Сегодня я ее

разбросаю, а завтра новая, выше прежней... Каждый визитъ Поршнева, и твоя любезность съ нимъ повергали меня въ трепетъ.. И не потому, чтобы мнѣ это грозило... О, нѣтъ... Несмотря на свой ужасъ передъ мыслью огорчить тебя, я на это не пошла бы. Я твердо знала, что никогда не сдѣлалась бы женой Поршнева. Меня потрясало другое: что ты можешь по какимъ-то недоступнымъ моему уму соображеніямъ желать этого и готовить мнѣ это. . Это было второе, чего я не понимала въ тебѣ: какъ мнѣ хотѣлось освѣтить все это и понять! какъ я была готова принять всякій лучъ. О, что я говорю... Всякую искру, крупицу свѣта... И когда на студенческомъ балу мнѣ намекнули, что могутъ и хотятъ объяснить, я пошла, я побѣжала навстрѣчу... И ужъ ты сама должна понимать, мама, что къ тому, что мнѣ постепенно открывалось, я не могла относиться иначе, какъ страстно... Крученинов, съ которымъ я познакомилась на балу, сперва разсказалъ мнѣ про отца, а потомъ и показалъ мнѣ его... Мамочка, я не скрою отъ тебя: онъ показалъ мнѣ такого отца, какого я хотѣла бы имѣть... Я вижу, ты хочешь сказать: почему же я къ тебѣ не пришла съ своими сомнѣніями и вопросами?

— Да, вотъ, вотъ,—подтвердила Ирина Васильевна.

— Потому что я не ожидала, не надѣялась на то, что ты разрѣшишь мнѣ ихъ по правдѣ... Прости... У меня на это было много причинъ, и ты знаешь, что это такъ и было бы... По твоему плану такъ должно было быть. Ты твердо рѣшила закрыть передо мной все прошлое. Если бы это было не такъ, ты не прятала бы его отъ меня до девятнадцати лѣтъ... Но, мама, вѣрь мнѣ, вѣрь, пожалуйста, что я страдала и жаждала случая сказать тебѣ все... и вотъ теперь мнѣ стало легче.

Людмила замолчала. Ирина Васильевна тоже сидѣла молча и неподвижно, съ подавленнымъ видомъ. То, что высказала ей дочь, было слишкомъ важно, затрогивало слишкомъ глубокіе вопросы всей ея жизни и создавало какія-то новыя отношенія, которыя сейчасъ и нельзя было предугадать. Казалось, вся прошлая жизнь ея разомъ зачеркнута однимъ этимъ разговоромъ. Все, надъ чѣмъ она такъ самоотверженно работала, объявлено неправильнымъ, ошибочнымъ, ненужнымъ. Вся двадцатилѣтняя борьба, всѣ потраченныя на нее силы, все это было напрасно.

Она казалась себѣ похожей на человѣка, который, оберегая свои милліоны, всю жизнь сидѣлъ на сундукѣ, отказывая себѣ во всѣхъ удовольствіяхъ жизни, съ единственною цѣлью сберечь сокровище для своихъ дѣтей, и вдругъ однажды, поднявъ крышку сундука, увидѣлъ, что оттуда, какими-то невѣдомыми ему путями, похищены всѣ сокровища, а на мѣстѣ ихъ лежатъ камни и всякій ненужный соръ.

Людмила видѣла, какое впечатлѣніе произвели на мать ея рѣчи и вдругъ на минуту почувствовала себя виноватой передъ ней. Она подошла къ ней близко, близко.

— Мамочка, я причинила тебѣ горе,—промолвила она дрожащимъ голосомъ.

Ирина Васильевна посмотрѣла на нее безконечно грустными глазами и покачала головой.

— Нѣтъ, не горе, но ты... ты уничтожила меня всю, со всей моей прошлой жизнью!..

— Это неправда... Если я такая, а не иная, то только благодаря тебѣ... Слушай, мама, объясни же мнѣ ты, ты сама, почему все это произошло!

— Что все?—чуть-чуть встрепенувшись, спросила Ирина Васильевна.

— Все, все... И то, что ты, будучи подругой такого человѣка, какъ мой отецъ, вдругъ нашла въ себѣ силы допустить къ себѣ близко этого... другого... И то, что ты, противорѣча самой себѣ, своей душѣ, своей сокровенной вѣрѣ, такъ настойчиво желала моей близости съ Поршневымъ... Объясни мнѣ все, я повѣрю каждому твоему слову...

— Повѣришь изъ уваженія къ моей любви... Но ты не поймешь. Ты не можешь понять то время... Оно было единственное, оно никогда не повторялось и не повторится.

— Я знаю о немъ.

— Откуда? Изъ книгъ, изъ разсказовъ,—это все не то... Только тотъ знаетъ его, кто жилъ въ немъ. Тотъ его чувствуетъ...

— Я знаю отъ него... Онъ много-много говорилъ мнѣ о своемъ времени.

— А, да, если онъ говорилъ, это источникъ достовѣрный... Тогда ты знаешь. Ты знаешь, что въ то время любовь для насъ играла ничтожную роль. Люди были поглощены, если не дѣломъ, то стремленіемъ къ дѣлу... Всѣ были заняты имъ, всѣмъ было некогда... Если мужчина и женщина сходились, то просто потому, что они были мужчина и женщина, сходились безъ долгихъ думъ, а расходились безъ сожалѣнія... И еще облегчалось это тѣмъ, что всѣ были однихъ мыслей и одной вѣры... Я была создана иначе. Во мнѣ было что-то противъ этого. Я никому не позволяла близко подойти ко мнѣ... А когда явился онъ, твой отецъ, онъ самъ пришелъ и взялъ меня... Да, я допустила слабость, я впала въ страшную ошибку, въ которую никогда не должна впадать женщина. Я полюбила его. И мы вдругъ сдѣлались съ нимъ не равны. Онъ полюбилъ свою идею, свое дѣло, а на меня смотрѣлъ, какъ на пріятную случайность, а я и идею, и дѣло, все вложила въ него. Видишь ли, я была слишкомъ женщина. Въ то время и въ томъ кругу,

гдѣ я жила, женщина не требовалась. Нужны были дѣятели и все равно, къ какому полу они принадлежали, говорили ли они нѣжнымъ голосомъ или грубымъ, носили ли длинныя платья или короткія, были ли черты ихъ лица изящны, красивы, или грубы, угловаты, ихъ разсматривали одинаково и спрашивали объ одномъ: вѣруешь ли ты въ единый символъ, достойный человѣка, въ народъ, въ его силу въ его будущность? Готовъ ли работать для него, жертвовать всѣми личными благами и даже самою жизнью. И чѣмъ больше горячей убѣжденности слышалось въ твоемъ да, тѣмъ виднѣе тебѣ доставалось мѣсто. Когда я была одинока, я занимала видное, исключительное мѣсто, занимала его по праву. Тогда я не была женщиной, потому что женщина во мнѣ спала. Я была и умнѣе, и убѣжденнѣе многихъ, и на меня смотрѣли снизу вверхъ. Притязанія мужчинъ меня не трогали. Я смотрѣла на нихъ холодными глазами, и мнѣ это было дѣлать легко, потому что женщина была во мнѣ покорена дѣятелемъ. Но вотъ я сблизилась съ твоимъ отцомъ. Онъ былъ крупной величиною, онъ былъ орелъ среди вороновъ. И я сразу еще больше возвысилась. Но тутъ-то и случилась моя страшная ошибка: въ то время, какъ онъ сошелся со мной мимоходомъ, по-пути, не придавая этой связи глубокаго значенія, я полюбила... Женщина проснулась во мнѣ и заняла въ душѣ моей свое властное мѣсто. Видишь, я оказалась изъ тѣхъ женщинъ, которыя не могутъ безнаказанно сближаться съ мужчиной, изъ тѣхъ, что, отдаваясь, отдаютъ, дѣйствительно, всю себя и иначе не могутъ. Это—рабство, но рабство особенное, требовательное рабство. Мы покоряемся, но требуемъ, чтобы и намъ покорялись. Я твоя вся, но зато и ты долженъ быть моимъ весь, нераздѣльно. И я думала, что это такъ и есть. Если бы я такъ не думала, я, конечно, не унизилась бы до... любви. Но было не такъ. И это выяснилось, когда твой отецъ вдругъ рѣшилъ уйти. Ему пришло время уйти. Его идеи и его дѣло этого требовали, и онъ сказалъ мнѣ просто, какъ будто даже не существовало вопроса обо мнѣ: «я ухожу»... О, да, я, конечно, знала, куда и зачѣмъ онъ идетъ, мы были товарищи, я была посвящена въ его дѣла. «Но какъ же я?» «Ты—какъ хочешь. Ты — свободная личность, ты вольна распорядиться собой сообразно своимъ желаніямъ и взглядамъ...»—«А ребенокъ? У меня долженъ родиться ребенокъ...»—«Если онъ долженъ родиться, то онъ и родится... Таковъ незыблемый законъ природы, что отъ близости мужчины и женщины рождается ребенокъ...» — «Значитъ до меня и до него тебѣ все-равно?» Тогда онъ сказалъ:—«Ты знаешь мое дѣло (оно до сегодняшняго дня было и твоимъ), оно требуетъ меня всего. Ты знаешь, что оно въ милліонъ разъ важнѣе одной личной жизни... Ты можешь идти со мной, если чувствуешь для этого

силы...» Но я не пошла. Были ли у меня для этого силы, не знаю, но это все равно. Если бы и были, я уже не пошла бы за нимъ. Во мнѣ была оскорблена женщина—любящая и отдававшая всю себя... И тогда все упало въ моихъ глазахъ. Все вмѣстѣ съ нимъ рухнуло для меня: и то дѣло, которому онъ служилъ, и тѣ идеи, которымъ отдавалъ онъ свои силы. Я чувствовала себя оскорбленной, униженной и имъ, и всѣми... Онъ ушелъ, я осталась... Изъ злобы къ нему я допустила къ себѣ этого, который давно добивался меня... Въ немъ я никогда не заблуждалась, онъ и тогда былъ для меня ясенъ. Но знаешь ли ты, почему я, не задумываясь, согласилась сдѣлаться его женой? Да вотъ именно потому, что онъ былъ гадокъ, и я уже, значитъ, не могла вторично впасть въ ошибку... Любовь сдѣлала меня слабой, любовь отдала меня въ рабство, любовь принесла мнѣ оскорбленіе... А этого я презирала, и презрѣніе сдѣлало меня сильной. Вслушайся въ это... Постарайся понять это...

И она замолкла, какъ бы утомленная столь продолжительнымъ разсказомъ, потребовавшимъ отъ нея большого подъема нервной силы.

— Это разгадка?—полувопросительно произнесла Людмила.

— Да... Разгадка... Ты, значитъ, поняла,—сказала Ирина Васильевна,—ты, Людмила, была единственнымъ существомъ въ мірѣ, которое я любила. Я прилагала всѣ старанія, чтобы воспитать тебя сильной... Развѣ я не сдѣлала все, чтобы ты научилась презирать людей? О, чтобы навѣрняка презирать того, кого судьба поставила рядомъ съ тобой, надо сперва научиться презирать всѣхъ. Ни для кого не должно быть исключенія, потому что всѣ одинаково ничтожны... Изъ милліона людей одинъ, можетъ быть, выше другихъ, но развѣ легко его встрѣтить? И, воспитывая тебя сильной, я больше всего на свѣтѣ боялась, чтобы ты не ослабѣла, не впала въ ту ошибку, въ которую впадаютъ большинство женщинъ, и не отдалась въ рабство... Вотъ почему я хотѣла, чтобы жизнь чувства началась для тебя съ презрѣнія...

— Ты заблуждалась, мамочка, ты страшно заблуждалась... И, кромѣ того, ты... хотѣла быть несправедливой.

— Несправедливой? Къ тебѣ?

— Да, ко мнѣ... Ты сама испытала то чувство, которое сильнѣе и глубже всѣхъ другихъ чувствъ... Ты любила, и ты хотѣла лишить меня этого, замѣнивъ его презрѣніемъ...

— Ага... Я, значитъ, заблуждалась... Я была къ тебѣ несправедлива,—съ чуть пробивающимся оттѣнкомъ сарказма промолвила Ирина Васильевна,—настало время и для этого... Казни, казни...

Людмила близко подошла къ ней и обняла ея шею обѣими руками.

— Не говори такъ, мама... Видишь ли, я уже не дѣвчонка, которую надо вести на помочахъ, показывая ей только правду, какую надо, и закрывая отъ нея всякую другую.. Я все знаю и все поняла... Не произошло ничего злого, увѣряю тебя... Только вдругъ точно міръ раздвинулся, расширился передо мной, и я увидѣла, что жизнь гораздо больше и глубже, и прекраснѣе, чѣмъ я думала...

— И это тамъ показали тебѣ? Тамъ? На Васильевскомъ Острову?—все еще съ оттѣнкомъ ироніи спросила Ирина Васильевна.

— А хотя бы и тамъ? Здѣсь меня приготовили къ жизни, а тамъ раскрыли и показали, какъ она широка и заманчива...

— И потому теперь ты можешь отвергнуться отъ того, что здѣсь... Приготовленіе кончилось...

— Никогда... Слышишь ли, мамочка, никогда... Я слишкомъ много думала, чтобы поступить опрометчиво, я дни и ночи думала о томъ, отчего это такъ вышло, что я, вѣрившая каждому твоему слову, вышла не такою, какъ ты хотѣла, а какъ разъ противуположной... Ты учила меня презирать людей, а я ихъ люблю, не знаю за что, но люблю... Ты учила меня думать, что на землѣ нѣтъ добра, что все кажущееся свѣтлымъ — призракъ, а въ дѣйствительности есть только мракъ, эгоизмъ и зло... А въ моей душѣ, точно невѣдомо кѣмъ зажженная неугасимая лампада, живетъ вѣра въ добро и манитъ меня куда-то къ свѣту, и я вѣрю, что онъ есть, настоящій, а не призрачный, что къ нему стоитъ стремиться, и что онъ достижимъ... Думала я о томъ, почему это такъ произошло. Я перебирала въ памяти всю мою жизнь, и вдругъ однажды поняла это. Я поняла, что все это отъ тебя и только отъ тебя, что этому ты, ты сама научила меня...

— Я научила тебя этому? — спросила Ирина Васильевна, — поднявъ голову и посмотрѣвъ на Людмилу мягкимъ, умиротвореннымъ взглядомъ.

— Ты, мамочка, ты... Потому что твое ученье шло изъ твоей головы, а сердце твое не раздѣляло его... Твоя голова признала, что такъ думать и такъ вѣрить для меня лучше, но въ глубинѣ твоего сердца осталось навсегда, запертое глубоко, то прежнее, чѣмъ ты жила... И когда ты говорила мнѣ свои суровыя, облитыя ядомъ, мнѣнія о жизни и людяхъ, въ твоихъ глазахъ я видѣла горе, въ твоихъ вздохахъ я слышала тоску... Это тосковало то прежнее, твоя вѣра, которой ты жила... То былъ вздохъ заключеннаго въ тюрьму... А развѣ я не слышала о твоей дѣятельности, когда ты еще участвовала въ благотворительномъ обществѣ?.. Вѣдь она противорѣчила всѣмъ твоимъ словамъ, всему

твоему ученію... А развѣ я не слышала твоихъ слезъ, когда душа твоя, оставшись наединѣ, рыдала по лучшимъ днямъ своимъ?.. Ты двоилась, въ тебѣ всегда боролись сердце и разумъ и ты страдала отъ этого, бѣдная... страдала ради меня, потому что это сдѣлаетъ меня счастливой...

— Постой, погоди, Людмила... Ты страшно заблуждаешься, твоя фантазія ужасна,—промолвила Ирина Васильевна, и въ ея голосѣ Людмилѣ опять послышалась прежняя сухость, а на лицѣ какъ будто появилась маска.—Но что же теперь будетъ,—прибавила Ирина Васильевна,—что ты готовишь для меня?

— Что я готовлю? Вотъ что, мама: я хотѣла бы взять тебя за руку и повести въ тотъ свѣтлый храмъ, въ которомъ ты когда-то молилась...

Людмила не докончила фразы, вдругъ Ирина Васильевна съ усиліемъ отодвинулась отъ нея, и высвободила свою голову изъ-подъ ея руки.

— Ты ошибаешься, мой другъ... Этого никогда не будетъ!— и она покачала головой.—Никогда, никогда не будетъ..: Свѣтлый храмъ, — прибавила она, съ какимъ-то выраженіемъ муки устремивъ взглядъ въ пространство,—можетъ быть, онъ и есть, но я забыла всѣ молитвы... Я теперь уже не умѣю молиться...

Она встала, и плечи ея нервно вздрагивали, какъ бы отъ холода.

— Будемъ спать, дитя мое,—сказала она упавшимъ, ослабѣвшимъ голосомъ, — что намъ теперь гадать? Жизнь какъ-нибудь пойдетъ... Этотъ живой ключъ всегда проложитъ себѣ какую-нибудь дорожку...

Она протянула Людмилѣ руку и пожала ее, какъ руку товарища или добраго знакомаго. Это было въ первый разъ. Прежде она на сонъ грядущій цѣловала Людмилу.

Людмила не сказала ни слова и проводила ее долгимъ вопросительнымъ взглядомъ.

Черезъ минуту дверь слегка притворилась, и онѣ, каждая порознь, стали готовиться ко сну. Больше онѣ ни слова другъ дружкѣ не сказали.

Людмила почувствовала, что съ завтрашняго утра между нею и матерью начнутся какія-то новыя отношенія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Былъ превосходный солнечный день необычайно рано наступившей весны въ Петербургѣ. Уже прошло двѣ недѣли ранняго поста, начавшагося въ половинѣ февраля.

Въ воскресный день въ квартирѣ Балясовыхъ, послѣ одиннадцати часовъ, почти всѣ собрались въ столовую и пили чай, соединенный съ завтракомъ. Даже Михаилъ, который почти никогда не ѣлъ съ другими, а какъ-то все опаздывалъ, и ему обыкновенно носили завтракъ и обѣдъ въ его комнату, на этотъ разъ случайно былъ здѣсь и притомъ не въ затрапезномъ грязномъ пиджачишкѣ, какъ онъ всегда ходилъ дома, безсознательно подражая своему отцу, а въ мундирѣ, видимо готовый къ выходу.

Только Модестъ Петровичъ, вчера вернувшійся поздно по случаю какого-то чиновнаго юбилея, еще спалъ и не выходилъ изъ своей спальни. Впрочемъ, въ послѣднее время онъ точно избѣгалъ встрѣчаться въ столовой съ членами своей семьи и еще чаще прежняго сталъ отлучаться.

Ирина Васильевна была въ темномъ капотѣ, лицо у нея было несвѣжее, блѣдное и, какъ казалось, въ послѣднія недѣли замѣтно похудѣвшее. Слегка припухшія вѣки говорили о плохомъ снѣ, чѣмъ она вообще страдала, но въ иные періоды это обострялось настолько, что отражалось на ея лицѣ.

Людмила была одѣта въ свое черное, довольно нарядное платье, въ которомъ она обыкновенно выходила изъ дому. Лицо у нея было свѣжее, оживленное, здоровое.

Антонина Петровна разливала чай и вообще исполняла обязанности хозяйки и ключницы, а когда надобилось, то и горничной.

— Ты развѣ уходишь сегодня, что въ мундирѣ?—спросила Антонина племянника, къ которому она питала особую благосклонность.

— Какъ же! Я иду въ университетъ,—отвѣтилъ Михаилъ.

— Сегодня? Въ воскресенье? Ты такой усердный?

— У насъ сегодня диспутъ...

— Ну, это я даже не знаю что такое,—простодушно созналась Антонина.

— Вамъ и не нужно этого знать. Вы и безъ этого проживете...—пошутилъ надъ теткой Михаилъ, а затѣмъ обратился къ Людмилѣ и къ матери.—Это диспутъ по химіи, и я, конечно, въ химіи ничего не смыслю, я юристъ... Но много народу будетъ, потому что очень оригинальный диссертантъ.

При этомъ сообщеніи лицо у Ирины Васильевны сдѣлалось сосредоточенное и строгое, она опустила вѣки и сидѣла неподвижно. Людмила же съ живостью подняла голову.

— Я тоже иду на этотъ диспутъ!—сказала она.

— Ты? Ты развѣ что-нибудь понимаешь въ химіи?

— Нѣтъ... Но ты же говоришь, что много будетъ народу, и что диссертантъ оригинальный...

— Да ты откуда это знаешь? Онъ, дѣйствительно, оригиналенъ... Онъ уже почти старикъ, ему сорокъ восемь лѣтъ, и онъ только теперь добивается ученой степени...

— Сорокъ восемь лѣтъ вовсе не старость,—замѣтила Антонина.

— Для вашего жениха, тетушка, конечно, нѣтъ, но для диссертанта на степень магистра да... Говорятъ, онъ лѣтъ двадцать тому назадъ кончилъ, а потомъ забросилъ химію... Про него разсказываютъ, будто онъ былъ въ свое время главой разныхъ кружковъ и даже будто бы пострадалъ... Но теперь раскаялся... и опять занялся химіей... А ты о немъ слышала?

— Я съ нимъ знакома,—отвѣтила Людмила и какъ-то необыкновенно прямо, даже съ нѣкоторой гордостью посмотрѣла ему въ глаза и прибавила:—только это неправда, что онъ раскаялся. Ему не въ чемъ было раскаиваться.

Ирина Васильевна не подняла головы и продолжала сидѣть неподвижно.

— Ахъ, да,—сказалъ Михаилъ:—вѣдь это же пріятель Крученинова! Онъ же тебя и познакомилъ, конечно... Крученинова называютъ его наперсникомъ.

— Что это такое значитъ наперсникъ? — полюбопытствовала Антонина Петровна.

Михаилъ лукаво усмѣхнулся.

— Это, тетушка, далеко не то же, что наперстокъ. Это происходитъ отъ слова «перси».

— Это, значитъ, неприличное слово?

— О, что вы? Во всякой порядочной трагедіи бываетъ наперсникъ и въ операхъ тоже... Перси, это грудь. Наперсникъ почиваетъ на груди, любимецъ, значитъ... Такъ вотъ Крученинов любимецъ Рокотова, сегодняшняго диссертанта. Значитъ, онъ и познакомилъ тебя, Людмила?

— Да, онъ.

— Что же, онъ интересный, этотъ Рокотовъ, или такой же дутый, какъ Крученинов?

— Тебѣ онъ не понравился бы... Онъ не въ твоемъ вкусѣ,— отвѣтила Людмила.

— А, значитъ, à la Крученинов...

Въ это время Ирина Васильевна встала и попрежнему съ

неподвижнымъ лицомъ, съ полуопущенными вѣками промолвила, обратившись къ Людмилѣ:

— Передъ уходомъ ты зайди ко мнѣ.

— Да, мама... Я жду Любочку, она заѣдетъ за мной, —отвѣтила Людмила.

Ирина Васильевна кивнула головой и ушла къ себѣ.

— Ахъ, Любочка Кострова!—подхватилъ Михаилъ.—Я давно ее не видалъ: что же, она попрежнему сіяетъ красотой?

— Ты вовсе не такъ близокъ съ нею, Михаилъ, чтобы называть ее Любочкой, въ глаза ее ты такъ не назовешь...—недружелюбно замѣтила Людмила.

— Да вѣдь ее всѣ такъ называютъ. Что же, она еще не пошла на содержаніе?

Людмила ни слова не отвѣтила, точно и не слышала вопроса. А Антонина воскликнула съ глубокимъ укоромъ:

— Михаилъ, ай, ай!-ай!

— Я спрашиваю,—ни мало не смутившись, повторилъ Михаилъ:—она еще не пошла на содержаніе?

Людмила съ презрѣніемъ посмотрѣла на него и опять не отвѣтила ни слова. Михаилъ пожалъ плечами и больше не приставалъ къ ней. Онъ кончилъ завтракъ, ушелъ въ свою комнату, а потомъ и изъ дому.

Черезъ полчаса явилась Любочка. Она была въ очень нарядной весенней кофточкѣ и въ шикарной шляпкѣ съ пышными перьями.

— Какой у тебя неакадемическій нарядъ,—замѣтила Людмила, осматривая ее,—въ такихъ шляпкахъ на ученые диспуты не ходятъ.

— Я не такъ богата, чтобы заказывать шляпку спеціально для ученаго диспута,—отвѣтила Любочка:—навѣрно, больше одного раза въ жизни не попаду туда. Что же, мы ѣдемъ безпрепятственно?..

— Я почти готова... Только мнѣ хотѣлось бы сперва поговорить съ тобой.

Антонина Петровна сейчасъ же догадалась, что хотятъ говорить «секреты» и, какъ тѣнь, изсчезла. Ушла ли она дѣйствительно въ свою отдаленную комнату въ корридорѣ или притаилась гдѣ-нибудь за дверью, чтобы слышать разговоръ дѣвушекъ, это осталось неизвѣстнымъ. Но въ послѣднее время Модестъ Петровичъ какими-то невѣдомыми путями узнавалъ многое изъ того, что говорилось въ домѣ въ его отсутствіе и совсѣмъ не для него.

Антонина Петровна тяготилась своимъ положеніемъ на хлѣбахъ у брата, который не пропускалъ случая подчеркнуть это и, чтобы

сдѣлать свое присутствіе въ домѣ для него полезнымъ, попробовала разъ другой подслушать и передать Модесту слышанное. И она замѣтила, что Балясову это пришлось на душѣ. Онъ сталъ обращаться съ нею болѣе «по-братски» и пересталъ укорять за безполезное существованіе въ домѣ. Этого было достаточно, чтобы Антонина превратила свое шпіонство въ ремесло.

Ее никто не знакомилъ съ сложными отношеніями, существовавшими между членами семьи, никто даже не намекалъ ей на это. Самъ Модестъ Петровичъ не былъ склоненъ къ такой откровенности съ сестрою. Онъ не питалъ къ ней ни малѣйшаго родственнаго чувства, а объ уваженіи нечего было и говорить. Онъ могъ уважать только человѣка съ достаткомъ или съ какимъ бы то ни было вѣсомъ, Антонина же была нищая, и вся отъ него зависѣла.

Но она часто, проводя время за дверью, когда происходили значительные разговоры, изъ разныхъ намековъ и обрывковъ кой-что узнала и, по свойственному человѣческому уму стремленію къ законченности, то, чего не знала, сама сочинила, и въ головѣ ея составилась исторія, не имѣвшая ничего общаго съ дѣйствительностью, но тѣмъ не менѣе занимательная, заключавшая въ себѣ много обвинительныхъ пунктовъ по отношенію къ Иринѣ Васильевнѣ и Людмилѣ. Антонинѣ представлялось, что въ домѣ брата происходитъ измѣна, жертвой которой сдѣлался Модестъ Петровичъ. Да и Людмила, хотя смутно, все же была заподозрѣна «въ чемъ-то нечистомъ», и когда въ недавнее время въ домѣ сталъ бывать Крученинов, Антонина посматривала на него косо.

— Любочка, помоги мнѣ...—сказала Людмила, когда Антонина вышла изъ столовой,—помоги мнѣ убѣдить маму поѣхать на диспутъ.

— Ты думаешь, что они тамъ встрѣтятся?—спросила Любочка.

— О, нѣтъ... Я на это не разсчитываю... Но она увидитъ его. Понимаешь, это такъ рѣдко случается, когда его можно увидѣть... Но я вѣрю, что, увидѣвъ его, она смягчится и захочетъ встрѣтиться съ нимъ... Мнѣ такъ это нужно. Они должны встрѣтиться.

— Зачѣмъ?

— Я не знаю, что изъ этого выйдетъ. Но должна выйти какая-то перемѣна. Развѣ можно такъ жить, какъ мы живемъ? Посмотри, мы окружены врагами... Я увѣрена,—прибавила она тихо, что и сейчасъ насъ подслушиваютъ... и въ то же время мы съ мамой не только не держимся другъ за друга, но какъ будто чуждаемся... Со времени того разговора она стала холодна ко мнѣ. Она какъ чужая... Я ничѣмъ не могу разогрѣть ее... Я точно потеряла ее...

—Я тебѣ давно говорю, что ты хочешь соединить невозмож-

ныя вещи!—замѣтила Любочка.—Ты должна пожертвовать однимъ для другого...

— Я этого не могу сдѣлать... Если я выйду отсюда, изъ этого дома, то только вдвоемъ съ нею... Поддержи меня, пойдемъ къ ней...

Она поднялась и направилась къ спальнѣ. Любочка пожала плечами, но послѣдовала за ней.

Когда онѣ вошли, Ирина Васильевна оживленно ходила по комнатѣ—признакъ того, что она была взволнована. Она остановилась.

— Вы уже уходите?—спросила она съ виду довольно равнодушнымъ тономъ.

— Пора уже,—отвѣтила Людмила.—Да не хочется безъ тебя,—прибавила она нерѣшительно.

— Я была увѣрена, что и вы поѣдете съ нами,—вставила Любочка, очевидно съ единственной цѣлью исполнить просьбу подруги—оказать поддержку.

Ирина Васильевна скептически усмѣхнулась и отвѣтила не Людмилѣ, а Любочкѣ.

— Право, я очень далека отъ того, чтобы интересоваться химіей. А вы развѣ что-нибудь смыслите въ ней?

Любочка разсмѣялась:

— Я знаю только *Аш-два-о*...

— Это что же?

— Это вода. Это химическая формула воды.

— Ну, вотъ видите, я даже этого не знала.

— Да, но этотъ диспутъ, мамочка, всѣхъ интересуетъ...— сказала Людмила съ замѣтной настойчивостью.

— Всѣхъ, кромѣ меня!—очень твердо и тономъ безповоротнаго рѣшенія отвѣтила Ирина Васильевна, и подойдя къ дивану, расположилась на немъ.

— Пойдемъ, Любочка,—сказала Людмила.

Онѣ вошли въ ея комнату. Здѣсь Людмила причесала волосы и надѣла шляпку. Дверь осталась отворенной, было неловко говорить тихонько, и онѣ все время молчали.

Когда Людмила была готова, онѣ прошли черезъ комнату Ирины Васильевны, и Людмила подошла къ ней, наклонилась и поцѣловала ее въ голову.

— Жаль, мама,—тихо сказала она и почувствовала, что Ирина Васильевна взяла ея руку и задержала въ своей рукѣ..

— Тебѣ этого очень хочется?—спросила она и, приподнявшись, посмотрѣла на нее какимъ-то горящимъ взглядомъ.

— О, о, мамочка, ты это знаешь...—промолвила Людмила.

Тогда Ирина Васильевна подняла руку, прикоснулась ею къ головѣ Людмилы и нѣжно, какъ ребенка, погладила ее по волосамъ.

— Ну, иди, иди... дитя мое... Любочка ждетъ тебя,—сказала она и, крѣпко пожавъ ея руку, отпустила ее, а сама опять положила голову на диванъ.

Людмила больше ни о чемъ не спросила ее, хотя ей очень хотѣлось спросить: «можетъ быть, ты придешь?» Она была поражена этой неожиданной нѣжностью.

И въ прежнее время, когда ихъ отношенія были лучше, такая нѣжность прорывалась у Ирины Васильевны только при исключительныхъ обстоятельствахъ, во время большого огорченія или нездоровья Людмилы, а теперь, когда между ними появилась эта холодность, она менѣе всего ожидала этого порыва.

Она ушла. Любочка, какъ бы почувствовавъ, что между ними происходитъ что-то интимное, давно уже прошла въ столовую. Отсюда онѣ направились въ переднюю и потомъ вышли на улицу.

— Мнѣ кажется, что мама пріѣдетъ,—сказала Людмила, когда онѣ сѣли въ извозчичьи дрожки.

— Она пообѣщала что-нибудь?

— Нѣтъ, она не обѣщала... Но какъ-то странно... Зачѣмъ-то спросила, очень ли я хочу этого... И вообще... была такая, какой я не ожидала... Я не знаю, что дала бы за то, чтобы она пріѣхала. Ты подумай, уже около двухъ мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я ей сказала все, и вотъ точно все замерло, окаменѣло. Никакого движенія впередъ. Мнѣ жизнь въ домѣ этого человѣка невыносима, и я не могу шагу сдѣлать.

— Я на твоемъ мѣстѣ давно сдѣлала бы этотъ шагъ...

— И ты не сдѣлала бы. Это только такъ кажется. Вѣдь не считаешь же ты меня слабохарактерной. Я доказала, что способна на рѣшительные поступки, но этого я не могу сдѣлать. У мамы слишкомъ много права на меня... О, гораздо больше, чѣмъ у него, у отца... Это право она добыла двадцатью годами жизни, которые отдала мнѣ всѣ, безъ остатка. Я не начну свою жизнь съ нарушенія такого права...

— А какъ думаетъ объ этомъ господинъ Крученинов?—съ чуть слышной ироніей спросила Любочка.

— Это имя, кажется, смѣшитъ тебя,—промолвила Людмила.

— Имя? Нѣтъ. Красивое имя. Мнѣ нравится

— А что же?

— То, что ты въ послѣднее время, кажется, стараешься мыслить точь-въ-точь, какъ онъ.

— Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Крученинов мыслитъ благородно. Онъ многому меня научилъ... освѣтилъ многое...

— И это?

— Да, отчасти и это. Онъ сказалъ про маму: она двадцать лѣтъ заблуждалась, за это не казнить надо, а жалѣть.

— А онъ, кажется, никогда ни въ чемъ не заблуждается... Такой счастливецъ!

— Любочка, ты сегодня хочешь злить меня.

— Да, съ особеннымъ наслажденіемъ.

— За что же это?

— Мною всегда овладѣваетъ такое желаніе при видѣ влюбленнаго существа... Въ особенности, если это человѣкъ умный, а еще того хуже, если онъ мнѣ милъ. А ты мнѣ мила... Ты будешь отнѣкиваться?

— Нѣтъ, не буду... Только... Знаешь ли, это не подлежитъ обсужденію... Я сама еще тутъ ничего не разберу. Поговоримъ лучше о твоихъ сценическихъ успѣхахъ.,.

Любочка уступила. Ей очень хотѣлось поиздѣваться надъ подругой, но она пощадила ее, и перемѣнила разговоръ.

Когда онѣ вошли въ зданіе университета, внизу было движеніе, и во всѣхъ углахъ слышался оживленный говоръ. Много было студентовъ, но они не очень были замѣтны среди большого количества посторонней публики.

Богъ знаетъ какимъ образомъ распространились свѣдѣнія объ интересномъ прошломъ диссертанта. Но несомнѣнно, что огромное большинство публики было привлечено сюда не темой диссертаціи, которая была спеціальна, а личностью будущаго магистра.

Всѣ знали, что онъ почти старикъ и что въ его ученой карьерѣ былъ болѣе чѣмъ двадцатилѣтній перерывъ. Въ разныхъ кружкахъ сообщались очень неточныя свѣдѣнія о томъ, что онъ дѣлалъ эти двадцать лѣтъ. Никто ничего не зналъ достовѣрно, и это-то главнымъ образомъ и интриговало всѣхъ.

Среди публики были почтенные и сановные люди, попадались даже украшенные звѣздами. Были свѣтскія дамы, одѣтыя въ темныя платья, съ той кокетливо-постной миной на лицахъ, которая вызывается у нихъ уваженіемъ къ наукѣ и присутствіемъ въ суровыхъ академическихъ стѣнахъ.

Дѣвушки сняли свои кофточки внизу и едва только вступили на лѣстницу, какъ увидѣли быстро спускавшагося съ верхней площадки Крученинова. Онъ ихъ узналъ и торопился къ нимъ.

— Я запасся мѣстами для васъ,—сказалъ онъ, здороваясь съ ними,—но я разочарованъ,—я приготовилъ три мѣста.

— Довольствуйтесъ пока двумя,—улыбаясь, сказала Люба.

— Пока?—спросилъ Крученинов.

— Можетъ быть, пока,—отвѣтила Людмила.

Они поднялись во второй этажъ и вошли въ залъ. Здѣсь была толкотня страшная. Всѣ мѣста были заняты, а въ боковыхъ проходахъ густыми рядами стояли студенты. Крученинов проклады-

валъ для нихъ дорогу, и онѣ шли за нимъ. Онъ привелъ ихъ въ третій рядъ и усадилъ на приготовленныхъ для нихъ мѣстахъ.

— Если пока,—замѣтилъ онъ,—то я посижу на третьемъ стулѣ,—и усѣлся рядомъ съ ними.

Людмила начала внимательно осматривать публику. Среди студентовъ, стоявшихъ въ среднемъ проходѣ, она замѣтила Михаила, но не остановила на немъ своего взгляда. Глаза ея остановились на одной точкѣ, которая привлекла ея вниманіе. На другой сторонѣ зала, въ пятомъ ряду, сидѣлъ Поршневъ, его крупная голова рѣшительно выступала изъ ряда другихъ головъ. Шапка его лежала на сосѣднемъ стулѣ, который онъ, повидимому, для кого-то сберегалъ.

И почему-то въ голову ей пришла мысль, что онъ ждетъ Балясова. Ей казалось, что это непремѣнно должно быть такъ. Если Поршневъ нашелъ для себя нужнымъ быть на этомъ диспутѣ, то, вѣроятно, и у того найдутся такія же соображенія. И ей вдругъ стало непріятно, точно она находилась не среди нѣсколькихъ сотенъ людей, а исключительно въ ихъ обществѣ.

Она отвела отъ Поршнева свои глаза и довольно долго осматривала другую публику, но часто ея взглядъ возвращался туда, и она видѣла, что сосѣдній стулъ все оставался незанятымъ. Такимъ онъ и остался, когда въ залѣ произошло новое совсѣмъ особенное движеніе, вошла, должно быть, ученая комиссія, и говоръ въ публикѣ затихъ. Сейчасъ долженъ начаться диспутъ.

Людмила усѣлась и устремила взоры на каѳедру.

II.

То, что происходило на каѳедрѣ, интересовало ее только съ внѣшней стороны. Она никогда не бывала на университетскихъ диспутахъ и смотрѣла на все это, какъ на представленіе. Самая сущность того, о чемъ говорили, была ей чужда и не только ей, а девяти десятымъ всей присутствовавшей публики. И тѣмъ не менѣе у всѣхъ на лицахъ было написано крайнее любопытство.

И объяснялось это нѣсколькими фразами, промелькнувшими въ curriculum vitae магистранта, именно тѣмъ мѣстомъ, гдѣ говорилось о странномъ перерывѣ въ его ученой карьерѣ и возобновленіи имъ научныхъ занятій черезъ двадцать съ лишнимъ лѣтъ, о вторичномъ экзаменѣ, который онъ выдержалъ и о нѣкоторыхъ научныхъ работахъ, которыя онъ успѣлъ за три года сдѣлать. Эти двадцать лѣтъ составляли тайну того интереса, съ которымъ публика явилась сюда и слушала чуждыя ей и непонятныя рѣчи, потому что эти двадцать лѣтъ были загадочны.

И когда за каѳедрой появилась крупная фигура съ сѣдой го-

ловой, всѣ стали усиленно думать именно объ этихъ двадцати годахъ. И такъ какъ ходили неясные слухи о томъ, что двадцать лѣтъ были проведены имъ съ «жертвами», то, въ противность всѣмъ академическимъ обычаямъ, его встрѣтили громомъ апплодисментовъ.

Людмила съ улыбкой слушала казавшіяся ей странными рѣчи ученыхъ мужей, суровые комплименты однихъ и ласковыя ругательства другихъ; для нея были новы и этотъ языкъ, и эта манера. Но ея собственное чувство, которое тревожило ее, мѣшало ей быть вполнѣ внимательной. Она часто приподымалась съ своего мѣста, поворачивала голову то вправо, то влѣво и пристально осматривала публику.

Но вотъ лицо ея сдѣлалось серьезнымъ, даже суровымъ, она сѣла и тихонько толкнула Любочку локтемъ.

— И Балясовъ здѣсь,—шепнула она,—рядомъ съ Поршневымъ... Какъ это непріятно...

— Чѣмъ огорчена Людмила Модестовна?—тихо спросилъ Крученинов у Любочки.

— Здѣсь Балясовъ,—отвѣтила ему Любочка.

— Этого надо было ожидать... Онъ пришелъ свистать и шикать.

— Онъ не посмѣетъ,—отвѣтила Любочка.

— Вы правы. Онъ въ сущности трусъ. Однако, надо слушать...

— Даже и въ томъ случаѣ, когда ничего не понимаешь?—спросила Любочка.

— Да, изъ уваженія къ почтенной дамѣ, которая называется наукой.

— Я съ этой дамой незнакома.

— Я могу представить васъ ей.

— Безполезно, изъ этого знакомства ничего не выйдетъ. Кто этотъ высокій господинъ съ лицомъ человѣка, постившагося сорокъ дней и сорокъ ночей? Вонъ который стоитъ у стѣны и щиплетъ свою бородку... Длинные волосы и такіе горящіе глаза...

— Онъ васъ заинтересовалъ? Это молодой ученый... Надежда университета.

— Вы съ этой надеждой знакомы?

— Даже очень... Онъ хорошій пріятель Рокотова.

— Такъ вотъ вы лучше его мнѣ представьте.

— А! Вотъ удивительно... Всѣ женщины имъ интересуются, а онъ ихъ игнорируетъ.

— А вотъ мы посмотримъ... А какая его спеціальность?

— Востокъ...

— Какъ?

— Ну, да, востокъ... Онъ знаетъ востокъ, какъ свои пять пальцевъ... Главнымъ образомъ Индію, памятники религіи и народной поэзіи.

— Онъ не факиръ?

— Кажется, нѣтъ.

— Это я спрашиваю потому, что только то и знаю про Индію, что тамъ есть факиры... Но все-таки вы меня познакомьте...

— Помолчимте. Я изъ-за васъ пропустилъ интересныя вещи.

Въ самомъ дѣлѣ около каѳедры поднялся какой-то оживленный споръ. Ученые мужи разгорячились и въ чемъ-то не соглашались. Рокотовъ говорилъ очень убѣжденно и властно—это была его манера, усвоенная въ тѣ времена, когда онъ еще былъ «трибуномъ». Его голосъ звучалъ сильно и благородно, хотя нѣсколько рѣзко.

Это всѣмъ нравилось. Аудиторія была на его сторонѣ, хотя ничего не понимала, и, когда онъ возражалъ, ему апплодировали.

Онъ держался свободно и имѣлъ видъ человѣка, который пришелъ не защищать свои тезисы, а разъяснить кой-что собравшейся ученой братіи. Съ его губъ не сходила улыбка, глаза его были увѣрены и спокойны.

Наконецъ, споръ уладился. Поднялся профессоръ химіи, сѣдовласый, широкоплечій, любимецъ студентовъ, тотъ самый, который нѣкогда былъ товарищемъ Рокотова, а теперь взялъ его къ себѣ въ ученики, и заговорилъ.

Его рѣчь была спеціальна, но все же легко было понять, что онъ высоко ставитъ работу диссертанта и привѣтствуетъ его, какъ солидную научную силу.

Ему тоже апплодировали, но послѣ его рѣчи опять возгорѣлся споръ. У Рокотова были, очевидно, ученые враги, которымъ не хотѣлось его тріумфа. Однако, было ясно, что этотъ тріумфъ неизбѣженъ.

Обо всемъ этомъ Людмила заключала по выраженію лицъ говорившихъ, по ихъ интонаціямъ и по настроенію публики, такъ какъ по существу вовсе не могла судить, кто правъ.

И вотъ наступилъ перерывъ. Ученые мужи удалились для совѣщанія. Въ публикѣ началось движеніе, поднялся говоръ, многіе выходили въ корридоръ и возвращались.

— Я побѣгу къ нему,—сказалъ Крученинов:—онъ вѣдь не видѣлъ васъ...

И ушелъ отыскивать Рокотова. Людмила опять начала осматривать публику. Глаза ея медленно переходили отъ одной группы къ другой и вдругъ лицо ея, серьезное и отчасти утомленное, освѣтилось довольной улыбкой. Она прищурила глаза и долго присматривалась къ одной точкѣ, какъ бы провѣряя себя.

— Любочка, встань и посмотри въ самый дальній уголъ справа,—сказала она. Любочка встала и начала смотрѣть по ея указанію.

— Присмотрись, не ошибаюсь ли я? Эта дама въ черномъ платьи и маленькой шляпкѣ...

— Это твоя мама,—воскликнула Любочка.

— Я пойду къ ней...—И Людмила уже сдѣлала движеніе, чтобы выйти изъ своего ряда... Но Любочка остановила ее.

— Погоди... Надо разсудить... Можетъ быть, она не хочетъ, чтобъ ее замѣтили...

Людмила остановилась.

— Почему ты такъ думаешь?

— Я говорю: можетъ быть. И у меня есть основанія. Она не поѣхала съ нами и даже не пообѣщала, что поѣдетъ. А здѣсь помѣстилась въ самомъ отдаленномъ углу, очевидно, чтобы ее не замѣтили. Почему ты знаешь, что, пріѣхавъ домой, она не сдѣлаетъ видъ, что и не думала быть здѣсь, и тогда вѣдь мы съ тобой должны тоже сдѣлать видъ, что не видали ее.

— А вотъ я то и хотѣла бы подчеркнуть это.

— Пригвоздить? А вѣдь это будетъ насиліе, Людмилочка.

— Да мнѣ лишь бы ближе къ цѣли...

— Не будетъ ли это дальше?

— Ты меня смутила...

— Я и хотѣла смутить. Погоди, вонъ возвращается Крученинов, онъ все это разрѣшитъ, какъ по нотамъ.

Въ самомъ дѣлѣ Крученинов уже приближался къ нимъ и скоро былъ у своего мѣста.

— Ну, онъ тамъ нарасхватъ,—сообщилъ онъ,—я едва-едва на одну минуту получилъ его. Я успѣлъ сказать, что вы здѣсь, а онъ велѣлъ звать васъ обѣихъ на пирогъ.

— На пирогъ?

— Ну, да, у насъ послѣ защиты будетъ пирогъ. Его уже пекутъ тамъ. Будетъ человѣкъ двадцать народа. Нѣсколько ученыхъ мужей и нѣсколько студентовъ. Будутъ и дамы...

— Ученыя?—иронически спросила Любочка, которая что-то питала противъ ученыхъ дамъ.

— Не особенно,—отвѣтилъ Крученинов.—А я вамъ разскажу еще чудо. Вы знаете, кто здѣсь?

— Навѣрно знаю,—отвѣтила Людмила.—Это чудо мы хотѣли разсказать вамъ.

— Ваша мама?

— Да, мы ее сейчасъ замѣтили.

— Представьте, и онъ замѣтилъ. Былъ ужасно пораженъ. Я шутя сказалъ ему: и ее просить на пирогъ? Онъ махнулъ рукой:

скорѣе, говоритъ, Петръ Великій съ памятника, что у сената, придетъ ко мнѣ ѣсть пирогъ, чѣмъ она.

— А мы ждали васъ въ качествѣ мудраго Соломона,—сказала Любочка,—разрѣшите недоумѣніе: подойти ли къ Иринѣ Васильевнѣ или дать ей возможность заблуждаться, что она не замѣчена?

— Если вы думаете, что ей пріятнѣе заблуждаться, то не слѣдуетъ мѣшать этому,—отвѣтилъ Крученинов.

— А я хотѣла сдѣлать для нея невозможнымъ отступленіе,—сказала Людмила.

— Я противникъ военныхъ пріемовъ, Людмила Модестовна.

Людмила вдругъ нахмурила брови и съ выраженіемъ досады посмотрѣла на него.

— Вы разсердились?—спросилъ онъ.

— Вы знаете, что́ здѣсь мнѣ непріятно...

— Ей-ей, не знаю... Никакъ не могу постигнуть,—растерянно отвѣтилъ Крученинов.

— Модестовна,—шепнула ему на ухо Любочка.

Крученинов спохватился. Это уже не въ первый разъ, что Людмила хмурилась при произнесеніи ея отчества. На этотъ разъ ей особенно было непріятно, потому что здѣсь были и Балясовъ, и ея настоящій отецъ.

— Простите,—съ смущеніемъ сказалъ Крученинов,—но я въ затрудненіи.

— Меня зовутъ Людмилой. Неужели этого недостаточно?

— Если позволяете, я и буду такъ называть. Уже идутъ... сядемте.

Говоръ стихъ. Всѣ усѣлись по мѣстамъ. Явилась коммиссія, кто-то вышелъ на каѳедру и громкимъ голосомъ объявилъ, что Сергѣй Николаевичъ Рокотовъ признанъ достойнымъ степени магистра химіи. Залъ оглушился громомъ апплодисментовъ, многіе быстро двинулись къ тому мѣсту, гдѣ была каѳедра, столпились тамъ, видимо поздравляя новаго магистра. Онъ совсѣмъ исчезъ въ окружившей его толпѣ, только̀ изрѣдка его сѣдая голова мелькала надъ другими головами.

У Людмилы вдругъ явилось необъяснимое радостное настроеніе. Ей былъ пріятенъ тріумфъ Рокотова, хотя она не предвидѣла отъ этого для него никакихъ выгодъ и преимуществъ.

— Что же мы теперь должны дѣлать?—спросила Людмила у Крученинова.—Не станемъ же мы протискиваться къ нему.

— Конечно, нѣтъ, вы съ нимъ встрѣтитесь дома.

— А мама?

— О, она, навѣрно, уже уѣхала... На прежнемъ мѣстѣ ея нѣтъ...

— Да, вѣроятно...—разсѣянно сказала Людмила, слѣдя глазами

за кѣмъ-то около выхода изъ залы. То были Балясовъ и Поршневъ, они выходили. У Балясова было злое лицо. Онъ, видимо, испытывалъ непріятное ощущеніе. Поршневъ шелъ позади его. Они скрылись за дверью.

— Пойдемте и мы,—предложилъ Крученинов.

— Минуту выждемъ. Дадимъ этимъ пройти... Вы видите?

— Да, имѣю эту непріятность.

Они подождали немного и двинулись къ выходу, уже не обращая вниманія на толпу, окружавшую магистра. Тамъ было много студентовъ, которые всѣ хотѣли пожать ему руку.

Они вышли на площадку и стали спускаться внизъ. Когда они дошли до половины лѣстницы, Крученинов наклонился къ уху Людмилы и тихонько сказалъ ей:

— Ваша мама не ушла. Она тамъ надъ площадкой, въ толпѣ. Поднялась на нѣсколько ступенекъ и ждетъ... Она хочетъ его видѣть... Я нарочно не сказалъ вамъ, чтобы вы не остановились...

— Боже, вотъ если бы они встрѣтились!..

— Не думаю... Но я вижу одно: что уже строится мостъ, по которому они подойдутъ другъ къ другу... Пойдемте скорѣе, Людмила... Пусть она думаетъ, что мы ее не видали.

Они быстро спустились внизъ, Крученинов добылъ имъ кофточки, и вотъ они уже на улицѣ.

Всѣ эти впечатлѣнія очень быстро смѣняли одно другое. Людмила не успѣвала давать себѣ отчетъ въ нихъ, но въ душѣ у нея надъ всѣмъ царило одно нетерпѣливое желаніе, чтобы мать ея какъ-нибудь встрѣтилась съ Рокотовымъ. Ей казалось, что, встрѣтившись, они не могутъ не подать другъ другу руки.

И теперь, идя по направленію къ отдаленному уголку Васильевскаго Острова, она въ своей романтической головѣ рисовала картину, какъ они встрѣчаются, заговорили и вотъ черезъ какіе-нибудь полчаса придутъ вмѣстѣ въ его квартиру. Этихъ мыслей она не сказала ни Крученинову, ни Любочкѣ, въ полной увѣренности, что они оба осмѣяли бы ихъ, но она мечтала объ этомъ и даже почти вѣрила въ это.

Въ знакомомъ флигелѣ они нашли уже гостей. Здѣсь было съ десятокъ молодыхъ людей, съ большинствомъ которыхъ Людмила была знакома, такъ какъ встрѣчалась здѣсь съ ними раньше. Любочкѣ представили ихъ, но она никого не нашла интереснымъ.

Да и ни съ кѣмъ не пришлось говорить, потому что Крученинов тотчасъ же навязалъ имъ обѣимъ хозяйственныя обязанности. Нужно было организовать закуску человѣкъ на двадцать. Правда, не предполагалось ничего опредѣленнаго. При помощи кухарки и случайно пришедшаго къ ней въ гости ея знакомаго выдвинули длинный столъ въ большую комнату, которая была со-

вершенно пуста, накрыли его бѣлой скатертью, вытащили посуду, какая нашлась, и поставили закуски и вино. Пирогъ былъ уже въ печи и ждалъ только виновника торжества.

И вотъ во дворѣ появилась небольшая группа людей, раздался звонокъ, и въ квартиру съ шумомъ и говоромъ ввалилось цѣлое общество, въ которомъ были и двѣ дамы. Людмила вглядывалась въ лица этихъ дамъ, когда онѣ раздѣвались въ полутемной передней, страстно желая въ одной изъ нихъ найти свою мать, но обѣ дамы нисколько не напоминали ее.

Рокотовъ первый вошелъ въ комнату, а Людмила была первая, кому онъ протянулъ обѣ руки.

Потомъ вошли другіе. Всѣ здоровались, болтали, приглашали другъ друга къ столу, говорили о томъ, что проголодались, что ученые диспуты истощаютъ.

Кухарка и ея знакомый засуетились, и скоро былъ внесенъ въ комнату и водруженъ на столѣ грандіозный пирогъ. Всѣ занялись имъ и другими закусками.

А Рокотовъ въ это время подошелъ къ Людмилѣ, взялъ ее за руку и отвелъ къ окну.

— Ты знаешь, Людмила, сегодня мы пожали другъ другу руки!—сказалъ онъ, съ видомъ глубокаго довольства, смотря ей въ лицо.

Людмила широко раскрыла глаза, и лицо ея засіяло радостью.

— Съ мамой?—спросила она, какъ бы боясь, что невѣрно понимаетъ его.

— Ну, да, ну, да... Это случилось какъ-то странно... Я совсѣмъ, совсѣмъ не ожидалъ этого... Ну, ты довольна?

— Почему же она не пришла сюда?—спросила Людмила.

— О-о! ты слишкомъ многаго захотѣла... Посмѣлъ бы я позвать ее!.. Нѣтъ, ты не преувеличивай значенія этого событія... Я, можетъ быть, засталъ ее врасплохъ, когда протянулъ ей руку... можетъ быть, если бы она имѣла время подумать, она отвернулась бы отъ меня... Къ счастью, я не далъ ей времени... Мы не обмѣнялись ни однимъ словомъ. Но все же это оказалось возможнымъ. А ты не находишь глупымъ, что вдругъ, ни съ того, ни съ сего, я взялъ да и сдѣлался магистромъ?—прибавилъ онъ тономъ шутки, очевидно, желая перебить ея настроеніе, такъ какъ отъ послѣдняго сообщенія глаза ея вдругъ омрачились.

Но Людмила даже не улыбнулась, а въ эту минуту кто-то подошелъ къ нимъ, и они уже не могли продолжать разговоръ.

«Такъ это случилось, это случилось!» думала Людмила въ то время, какъ вокругъ нея общество шумѣло, шутило и весело смѣялось.

«И какъ странно!.. Пожали другъ другу руки и не сказали

ни слова... послѣ двадцати лѣтъ разлуки... Что теперь должна испытывать мама!.. Надо бы убѣжать отсюда къ ней...»

Такъ думала Людмила, но не бѣжала, потому что ею овладѣла глубокая нерѣшительность. Ей хотѣлось подѣлиться своими мыслями съ Крученіновымъ. Съ нѣкоторыхъ поръ у нея эта потребность являлась во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Она точно смотрѣла на его голову, какъ на неотдѣлимую часть своей, и всякій, повидимому, обсуженный вопросъ считала нерѣшеннымъ, пока не узнавала его мнѣніе. Она объясняла это тѣмъ, что онъ сыгралъ въ ея жизни такую важную роль: онъ былъ виновникъ перемѣны всего ея существованія.

И она теперь искала случая какъ-нибудь уединиться съ нимъ и поговорить о важномъ событіи. Но сдѣлать это было очень трудно: Крученіновъ исполнялъ роль хозяина и угощалъ всѣхъ.

Сосредоточенная на своихъ мысляхъ и очень далекая отъ тѣхъ интересовъ, которые здѣсь господствовали, она обошла всѣ группы, разыскивая Любочку; но, увидѣвъ ее, съ минуту постояла въ нерѣшительности и отошла. Любочка была страшно занята разговоромъ съ тѣмъ самымъ молодымъ ученымъ, знатокомъ Индіи, который такъ привлекъ ея вниманіе на диспутѣ.

Крученіновъ познакомилъ ихъ. У Любочки были странные глаза. Они были полны изумленія. Собственно, она почти не говорила, а только задавала вопросы и изумлялась. Новый знакомый, котораго звали Максимомъ Никодимовичемъ Лихаревымъ, былъ для нея дѣйствительно новымъ явленіемъ.

Знакомя ихъ, Крученіновъ сказалъ:

— Вотъ, Максимъ Никодимовичъ, я васъ представлю особѣ, на которую вы произвели сильное впечатлѣніе!

И Лихаревъ, пожавъ ей руку, не теряя ни минуты, сразу заговорилъ такимъ тономъ, какъ будто давно уже зналъ ее.

— Мнѣ очень пріятно, потому что у васъ превосходная душа...

— Почему вы думаете?—спросила Любочка.

— Я знаю это навѣрное. Мнѣ совершенно опредѣленно говоритъ объ этомъ ваше лицо.

— О! лицо часто вводитъ въ заблужденіе, въ особенности мое, потому что я актриса.

— Это не имѣетъ никакого значенія. Лицо часто, да почти всегда, старается ввести въ заблужденіе, но это ему удается только въ глазахъ людей, не знающихъ грамоты... Ну, да, я разумѣю грамоту лица... Вотъ вы говорите, что вы актриса, а хотите, я, глядя на ваше лицо, разскажу вамъ тѣ внутреннія движенія, какими вы живете...

— Разумѣется, хочу... Это такъ интересно... Я навѣрное и сама ихъ не знаю...

— Вы, можетъ быть, не констатировали ихъ, но когда я вамъ ихъ назову, вы непремѣнно признаете...

Онъ говорилъ все это съ странными интонаціями человѣка, который въ чемъ-то глубоко убѣжденъ и хочетъ во что бы то ни стало убѣдить въ этомъ другого. Въ первую минуту это производило непріятное впечатлѣніе навязчивости, насилія, но къ этому скоро можно было было привыкнуть. Манера эта стушевывалась передъ горячимъ блескомъ его глазъ и страннымъ обаяніемъ его лица—длиннаго, со впалыми щеками, въ которыхъ однако-жъ не было ничего болѣзненнаго, съ высокимъ прямымъ лбомъ, съ длиннымъ тонкимъ носомъ, съ крупными бѣлыми зубами. При этомъ, говоря, онъ смотрѣлъ въ лицо собесѣдника какъ-то непрерывно и настойчиво, точно боясь хоть на одинъ мигъ выпустить его изъ сферы своего вліянія. Этотъ взглядъ дѣйствовалъ почти гипнотически.

— Вы считаете свой умъ практическимъ,—говорилъ Лихаревъ,—и думаете, что можете управлять всѣми своими чувствами и поступками. Но это вамъ только кажется, и оттого кажется, что въ васъ еще не закончилось ваше органическое развитіе. Вы еще неопредѣлившаяся личность. Вамъ свойственна властность, вы любите управлять человѣкомъ, но не потому, чтобы это насыщало вашу дѣйствительную потребность, а просто потому, что это кажется вамъ занимательнымъ, тѣшитъ васъ. Это у васъ, такъ сказать, искусство для искусства. Поэтому вамъ все равно, чѣмъ управлять—значительнымъ или ничтожнымъ, умнымъ или глупымъ, добрымъ или злымъ. И это оттого, что не закончено развитіе вашей физической личности. Женское существо, пока оно не превратилось въ женщину, всегда ребенокъ, и это вы. Но съ момента, когда закончится развитіе вашей личности, съ тѣмъ, что васъ теперь интересуетъ и забавляетъ, вы поступите совершенно такъ, какъ ребенокъ поступаетъ съ игрушками, которыя ему надоѣли: онъ швыряетъ ихъ и ломаетъ. И если вамъ кажется, что вы теперь способны дѣлать глупости, то тогда вы назовете себя способной на безумства.....

— Вы точно читаете по книгѣ...—промолвила Любочка, ни на минуту не переставая изумляться.

— Но это такъ и есть. Ваше лицо для меня книга.

— Но гдѣ же вы научились этой грамотѣ? Должно быть, въ Индіи?

Лихаревъ разсмѣялся.

— Для этого не надо было такъ далеко ѣздить. Достаточно быть наблюдательнымъ, и можно вовсе не совершать такого далекаго путешествія. Надо видѣть много лицъ, изучать ихъ, срав-

нивать... На лицахъ все написано, ни одно душевное движеніе не ускользаетъ отъ этой записи.

— Съ вами просто страшно... Ничего нельзя подумать, чтобы вы не прочитали.

И Любочка вплотную занялась своимъ интереснымъ собесѣдникомъ, который, видимо, съ большой охотой разсказывалъ ей и о своихъ психологическихъ наблюденіяхъ и выводахъ, чѣмъ онъ усердно занимался, какъ любитель, и о своемъ путешествіи на востокъ, а особенно по Индіи.

И когда Людмила подошла къ ней съ намѣреніемъ поговорить съ нею о своихъ новостяхъ, Любочка посмотрѣла на подругу разсѣяннымъ взглядомъ, и Людмила поняла, что ее не слѣдуетъ «отрывать отъ дѣла».

II.

Встрѣча Рокотова съ Ириной Васильевной была, дѣйствительно, странная, неожиданная для обоихъ.

Когда Ирина Васильевна осталась дома одна, послѣ ухода дѣвушекъ, она почти уже окончательно рѣшила ни въ какомъ случаѣ не ѣздить на диспутъ. Этотъ диспутъ давно уже досаждалъ ей. О немъ начали говорить уже съ мѣсяцъ, вскорѣ послѣ того, какъ Ирина Васильевна объяснилась съ дочерью.

Для Людмилы было это внезапностью. Раньше, когда она бывала у отца, о намѣреніи Рокотова защищать диссертацію не говорили ни онъ, ни Крученинов. Они оба не придавали этому значенія, да и не предполагалось, чтобы это могло имѣть какое-нибудь значеніе.

Собственно Рокотовъ не разсчитывалъ дѣлать ученую карьеру. Было поздно уже начинать ее, да къ тому же онъ не чувствовалъ себя пригоднымъ для какой бы то ни было карьеры. Но его уговорилъ товарищъ-профессоръ, который находилъ у него исключительныя способности и познанія.

— Надо, чтобы способные люди носили ученыя степени,—говорилъ онъ,—нельзя же, чтобы это было привилегіей усердныхъ посредственностей.

И Рокотовъ согласился, но все время смотрѣлъ на это, какъ на мимолетный эпизодъ. Только за нѣсколько дней передъ защитой профессоръ высказалъ мысль, что онъ можетъ стать у него ассистентомъ и такимъ образомъ получить возможность заниматься химіей съ лучшими средствами, чѣмъ тѣ, какія есть въ его маленькой лабораторіи, и Рокотовъ призналъ это.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся къ своей старой спеціальности, голова его, какъ онъ самъ говорилъ, «начала неудержимо

работать химически», и у него было уже нѣсколько блестящихъ идей, которыя онъ не могъ разрабатывать при своихъ средствахъ. И такъ какъ онъ вообще страдалъ отъ невозможности съ пользой проводить все свое время, то онъ ухватился за мысль профессора. Поэтому и Людмилѣ онъ сообщилъ объ этомъ однажды только мимоходомъ.

— Надѣюсь, ты будешь на моей защитѣ!

Послѣ этого Людмила все время думала объ этой защитѣ. Она смотрѣла на нее, какъ на рѣшительный моментъ. До сихъ поръ ей не удалось подѣйствовать на мать въ примирительномъ духѣ.

Послѣ ихъ объясненія, въ Иринѣ Васильевнѣ не было замѣтно значительной перемѣны, она только стала болѣе замкнутой и нѣсколько холоднѣй, но видимо своимъ обращеніемъ старалась показать, что не придаетъ важнаго значенія происшедшему. Она какъ бы хотѣла твердо установить мысль, что огромныя ея права не допускаютъ даже и намека на какую-нибудь перемѣну. То, что въ Петербургѣ оказался Рокотовъ, что Людмила узнала объ этомъ и познакомилась съ нимъ, все это неважныя случайности въ сравненіи съ ея правами.

Единственная перемѣна, какая произошла въ домѣ, это та, что Поршневъ на время пересталъ бывать у нихъ, и это онъ сдѣлалъ по прямому указанію самой Ирины Васильевны.

Однажды она сказала ему:

— Не знаю, какъ будетъ дальше, мои взгляды и намѣренія не измѣнились. Но настроеніе Людмилы таково, что ваши визиты могутъ только ухудшить ваши шансы. Вамъ не надо ѣздить къ намъ пока.

И Поршневъ подчинился.

Когда Людмила узнала о диспутѣ, она сейчасъ же сообщила матери.

— Почему ты думаешь, что меня это можетъ интересовать?— очень холодно спросила Ирина Васильевна.

— Я хотѣла бы, чтобы это было такъ,—отвѣтила Людмила.

— Я до сихъ поръ ничего не понимала въ химіи, и не стану понимать только оттого, что написана новая диссертація.

— Не въ химіи дѣло, мама...

— Я это очень хорошо знаю, мой другъ... Ты, конечно, пойдешь на диссертацію, я тебя не отговариваю, но и ты меня не уговаривай...

На этомъ разговоръ прекратился. Чувствуя себя безсильной повліять сколько-нибудь на мать, чтобы направить ея мысли къ возможности сближенія съ Рокотовымъ, Людмила рѣшилась ввести въ домъ Крученинова. Она не возлагала на него никакой опредѣленной надежды, но просто, какъ она мысленно говорила себѣ, «хотѣла усилить свою партію».

Она пригласила его, и онъ явился какъ разъ въ тотъ часъ, когда Ирина Васильевна была дома. Онъ засталъ ее въ столовой, и ей не удалось быстро уклониться. Волей-неволей она должна была узнать его поближе.

Первое впечатлѣніе не дало ей никакого разочарованія. Онъ обо всемъ говорилъ такъ просто, повидимому, безъ задней мысли, безъ хитрости. Людмила посидѣла съ ними полчаса и затѣмъ, можетъ быть нарочно, ушла зачѣмъ-то къ себѣ. Она отсутствовала минутъ десять, но въ этотъ короткій срокъ произошелъ значительный разговоръ.

— Я долженъ просить у васъ прощенія,—сказалъ Крученинов Иринѣ Васильевнѣ.

— За что?

— За то, что безъ вашего позволенія познакомилъ Людмилу Модестовну съ Сергѣемъ Николаевичемъ.

— По всей вѣроятности, вы считали это неизбѣжнымъ,— слегка иронически замѣтила Ирина Васильевна,— и, можетъ быть, важнымъ для ея счастья...

— Счастье не поддается предсказанію,—промолвилъ Крученинов,—но мы обыкновенно дѣйствуемъ пристрастно, а я пристрастенъ... Мнѣ казалось, что такой отецъ имѣетъ право на то, чтобы дочь узнала его...

— Не будемъ теперь говорить о правахъ, тѣмъ болѣе, что они въ сущности никому неизвѣстны,—промолвила Ирина Васильевна.

— Вы въ правѣ вовсе прекратить этотъ разговоръ, но я все-таки прошу у васъ прощенія.

— Почему вы просите у меня прощенія, m-r Крученинов? Не признаете ли вы этимъ самымъ, что сдѣлали мнѣ зло?

— Зло—не знаю... Это тоже спорное понятіе... Но, сколько я знаю, вамъ это причинило страданіе... вотъ въ этомъ и прошу прощенія...

Въ это время вошла Людмила, и разговоръ прекратился. Послѣ этого Крученинов заходилъ къ нимъ не часто и оставался недолго, но эти визиты подкрѣпляли Людмилу. Нисколько они не помогли ей въ «дѣлѣ сближенія», но все же она чувствовала, что не одинока.

Но какъ ни категорически отвергла Ирина Васильевна всякую мысль о томъ, что она можетъ поѣхать на диспутъ, въ сущности не было ни одного момента, когда въ душѣ ея это было бы рѣшено безповоротно. Она думала, что это рѣшено и что это совсѣмъ невозможно, но было что-то странное, чего она сама не могла уловить, въ этомъ рѣшеніи, что какъ бы дѣлало его неокончательнымъ.

Она ни разу не сказала себѣ: «я не поѣду», а все спрашивала себя: «неужели же это возможно?»

Иногда ей казалось, что это могло бы представить своеобразный интересъ: изъ гущины толпы посмотрѣть, чѣмъ теперь сталъ этотъ человѣкъ. Бывали даже такія минуты, когда она видѣла въ этомъ случай посмѣяться надъ нимъ: вотъ онъ, молъ, такъ непримиримо отрицавшій въ тѣ времена науку, теперь добивается ученой степени...

Но это были мимолетныя мысли, какъ бы нечаянно попадавшія въ ея голову, когда же она овладѣвала своей волей, то сейчасъ же начинала понимать, что это не то. И отрицаніе науки въ тѣ времена, и исканіе степени—все не такъ, какъ она силилась объяснить себѣ.

Въ другіе же моменты въ ея душѣ точно вдругъ наступала какая-то ясность. Она понимала этого человѣка вполнѣ, признавала его, не питала къ нему ни малѣйшей злобы... Но за эти мгновенія, когда они проходили, она жестоко казнила себя. Она говорила себѣ: «что значитъ поѣхать на защиту? примириться, протянуть руку? Это значитъ признать, что онъ тогда былъ правъ... Но онъ не былъ правъ. А, да если бы даже онъ былъ правъ, то все равно, куда же дѣвать эти двадцать лѣтъ кошмара, можетъ быть и добровольнаго, но отъ этого не дѣлается легче».

«Она говорила, что я заблуждалась,—раздумывала Ирина Васильевна, вспоминая разговоръ съ Людмилой.—Но пусть это такъ. Я заблуждалась двадцать лѣтъ, и за это заблужденіе заплатила всей своей молодостью. Такъ ужъ надо, по крайней мѣрѣ, быть послѣдовательной, тѣмъ больше, что ужъ осталось времени заблуждаться гораздо меньше».

Такъ думала она, но не было твердости въ ея душѣ, той твердости, которая не покидала ее всѣ эти двадцать лѣтъ. Явилось что-то новое, чего она не хотѣла признать, но оно существовало и незримо подтачивало ея убѣжденность.

И это незримое «что-то» подкралось къ ней и теперь, когда Людмила съ Любочкой уѣхали въ университетъ. Она съ рѣшительнымъ видомъ поудобнѣе улеглась на диванѣ. Это уже значило, что она никуда не поѣдетъ. Ей даже показалось, что теперь, когда въ домѣ тишина, хорошо можно заснуть. Эту ночь она спала плохо (ей мѣшало «незримое»).

Но вотъ мысль, которая была естественной: Людмила такъ хотѣла видѣть ее тамъ. Она въ послѣднее время была холодна съ Людмилой; бѣдная дѣвочка изъ силъ выбивается, чтобы попасть въ тактъ между нею и Рокотовымъ и, конечно, не можетъ, потому что это два различные темпа... Надо бы протянуть ей руку... Наконецъ, она должна видѣть, что ей, Иринѣ Васильевнѣ, рѣши-

тельно все равно, кто тамъ защищаетъ диссертацію. Она просто можетъ сдѣлать ей удовольствіе. Кстати, проѣздится, подышетъ свѣжимъ воздухомъ, посмотритъ на толпу, которой она давно не видала...

Нашъ умъ всегда является къ услугамъ нашимъ затаеннымъ желаніямъ. Въ желаніи онъ находитъ поддержку, и ему легко тогда обмануть насъ. Не надо основательныхъ доводовъ, не надо строгой логики, достаточно наскоро сколотить рядъ посылокъ и вывести изъ нихъ чуть-чуть правдоподобное заключеніе. Мы тогда вѣримъ нашему уму и торопимся опереться на его авторитетъ.

Ирина Васильевна поднялась и начала быстро одѣваться въ полной увѣренности, что главная задача ея—доставить удовольствіе бѣдной дѣвочкѣ и между прочимъ подышать свѣжимъ воздухомъ.

А что она торопилась, видимо боясь не захватить самаго начала, этого она не замѣчала. Минутъ черезъ десять она уже ѣхала на Васильевскій Островъ.

Когда она вошла въ залъ, было какое-то движеніе, должно быть во время спора возникшаго около каѳедры. Задніе ряды стоявшихъ студентовъ придвинулись поближе къ стульямъ, чтобы лучше слышать, и вдоль стѣны образовался проходъ, она воспользовалась этимъ и безъ всякаго труда прошла въ дальній уголъ. Здѣсь ей достался кѣмъ-то оставленный стулъ, она завладѣла имъ, сидѣла на немъ, а иногда вставала на ноги, чтобы разсмотрѣть происходящее и тогда была нѣсколькими головами выше другихъ.

Устроившись такимъ образомъ, она начала внимательно смотрѣть, и когда взглядъ ея упалъ на каѳедру, и она увидѣла человѣка съ сѣдой головой, съ длинной бородой, съ крупными чрезвычайно опредѣленными и характерными чертами лица, когда услышала его нѣсколько рѣзкій, настойчивый и убѣжденный голосъ, съ нею сдѣлалось что-то непостижимее.

Звуки долетали до нея, но она слышала не тѣ слова, которыя произносились этимъ человѣкомъ и другими возражавшими ему, а совсѣмъ, совсѣмъ другія, она видала другого оратора и другую толпу. Вдругъ воображеніе взяло верхъ надъ всѣми ея способностями и перенесло ее въ далекое минувшее время.

И представилось ей, что это не строгій и чинный диспутъ, а сходка молодежи, и не въ высокомъ университетскомъ залѣ, а гдѣ-то тамъ въ Измайловскомъ полку, въ кухмистерской, подъ низкими сводами, при свѣтѣ пары тускло горѣвшихъ лампъ, висѣвшихъ на стѣнахъ, въ воздухѣ, напоенномъ запахомъ подававшихся здѣсь днемъ щей, супа, котлетъ и лука.

Толпа наполняетъ большую комнату и нѣсколько небольшихъ, и какая толпа! Все молодыя, кудрявыя головы, съ безусыми ли-

цами, съ горящими глазами, съ смѣлымъ вызывающимъ видомъ. Тутъ и дѣвушки въ простыхъ ситцевыхъ рубашечкахъ, съ короткими, небрежно зачесанными волосами.

Тамъ, въ далекомъ углу, кто-то, ставъ на табуретъ, говоритъ громкимъ голосомъ, твердо отчеканивая слова, говоритъ страстно, и какая-то властность слышется въ его голосѣ и свѣтится въ его глазахъ. А слушатели не только слушаютъ его, но какъ бы уже повинуются ему.

О чемъ говоритъ онъ? Ничего особенно умнаго, ничего глубокаго и ничего новаго. Тысячу разъ слышала она эти слова, эти призывы къ работѣ, къ общему дѣлу. Но въ его голосѣ, въ манерѣ, въ движеніяхъ есть какъ будто какая-то сила, исходящая отъ него въ видѣ крѣпкихъ стальныхъ нитей; эти нити окутываютъ толпу, тѣсно связываютъ ее въ одно цѣлое, и всѣ, даже слабые, колеблющіеся, даже пришедшіе сюда изъ любопытства, даже враждующіе, чувствуютъ себя однимъ великимъ цѣлымъ.

Этой силой владѣетъ только онъ, тотъ, кто говоритъ тамъ,— человѣкъ съ такимъ жесткимъ на первый взглядъ лицомъ, съ такой грубоватой наружностью. Такимъ она его видѣла въ первый разъ и тогда же поняла, что этотъ человѣкъ выше всѣхъ, кого она знала до тѣхъ поръ, и тогда же она мысленно присудила ему себя.

Она стояла съ закрытыми глазами и передъ нею проносились картины той жизни, жизни того времени. Сколько въ нихъ дѣтской вѣры, сколько наивнаго восторга, доходившаго иногда до глупости, сколько увлеченія, страданія и величія... И во всемъ этомъ сколько жизни—молодой, кипучей, не знающей и не желающей знать разсчета и удержу...

Теперь уже никто такъ не живетъ, точно остыла кровь, похолодѣлъ огонь, постарѣли люди...

Она открыла глаза и видѣніе кончилось. Слышались апплодисменты, она видѣла человѣка съ бѣлой головой, которая наклонялась передъ публикой, но она отвернула лицо, она не хотѣла видѣть этого.

Она разсматривала публику съ видомъ разсѣянности и даже брезгливости. Она видѣла Балясова и Поршнева и пожала плечами: «Имъ-то зачѣмъ было приходить сюда?..» А Людмилы съ Любочкой она не видала.

И все время она испытывала какое-то тревожное чувство. Ей было досадно, что она попала сюда. Картина, которая пронеслась въ ея воображеніи, напомнила ей ту эпоху ея жизни, которая никогда не повторится. Зачѣмъ это? Тѣ люди и тѣ слова, они были красивы и звонки, а развѣ изъ этого что-нибудь вышло? Вотъ онъ, этотъ трибунъ, зажигавшій сердца, онъ теперь побѣ-

лѣлъ, стоитъ на академической каѳедрѣ и съ такимъ же увлеченіемъ говоритъ о фторахъ и хлорахъ, какъ тогда говорилъ о народѣ, объ общемъ дѣлѣ, о дружной работѣ... Значитъ, для всякаго времени—свои слова. Тѣ слова были сказаны, прозвучали въ воздухѣ и забыты. Теперь говорятся другія слова, которыя тоже звучатъ въ воздухѣ и тоже, вѣроятно, будутъ забыты, смѣнившись другими, новыми.

Вотъ его объявили достойнымъ ученой степени, его поздравляютъ и онъ, конечно, доволенъ, онъ, который тогда презиралъ и науку и всѣ степени, и ученость, и всякую карьеру.

И она торопливо стала пробивать себѣ дорогу къ выходу, но когда вышла на площадку, вдругъ точно противъ воли остановилась.

Она увидѣла нѣсколькихъ молодыхъ людей и дѣвушекъ, поднявшихся на ступеньки, которыя вели въ слѣдующій этажъ и ожидавшихъ. Она машинально тоже поднялась и стала ждать.

Если бы она призналась себѣ во всемъ, то сказала бы, что ей хотѣлось поближе разсмотрѣть черты его лица, чтобы видѣть, во что превратился этотъ человѣкъ. А если бы она еще глубже заглянула себѣ въ душу, то нашла бы тамъ какое-то странное чувство, похожее на трепетное предчувствіе или смутное желаніе чего-то неизбѣжнаго...

И она стояла и ждала. Публика выходила медленно. Многіе изъ стоявшихъ на площадкѣ и на ступенькахъ устали ждать и ушли. Она видѣла, какъ вышли изъ залы Крученинов, Любочка и Людмила съ пылающими глазами, съ возбужденнымъ лицомъ и она отвернулась, чтобы не быть замѣченной ими.

Прошло еще минутъ пять. Вдругъ она почувствовала, что ея сердце какъ будто перестало биться. Что же это? Изъ залы вышелъ Рокотовъ, съ нимъ не было никого, знакомаго ему, онъ вышелъ одинъ и его взглядъ упалъ прямо на тѣхъ, кто стоялъ на лѣстницѣ и остановился на ней.

Она хотѣла отвернуться или подняться выше, совсѣмъ убѣжать наверхъ, но стояла неподвижно и смотрѣла на него, точно уже совсѣмъ не владѣя своими движеніями.

Онъ идетъ прямо къ ней, останавливается и нѣсколько секундъ колеблется, какъ будто что-то хочетъ сказать. Но не говоритъ ни слова, а просто протягиваетъ ей руку, и она, Богъ знаетъ почему, противъ своего убѣжденія, противъ своего чувства, противъ всей себя, протягиваетъ ему свою и чувствуетъ, что лицо ея смертельно блѣдно. Онъ крѣпко пожимаетъ ея руку и опять какъ будто что-то хочетъ сказать... И, можетъ быть, онъ сказалъ, но такъ тихо, что она не могла разслышать. Ей кажется, что она слышала эти слова: «спасибо вамъ...» А можетъ быть, это фантазія.

—

Но онъ тотчасъ же оставилъ ея руку и ушелъ внизъ, и только тогда она опять почувствовала, что сердце ея бьется.

Она ухватилась обѣими руками за перила и крѣпко держалась за нихъ, чтобы не упасть. На нее смотрѣли нѣсколько паръ глазъ, не то съ изумленіемъ, не то съ любопытствомъ, не то съ завистью. Она простояла здѣсь еще нѣсколько минутъ и начала тихо, едва передвигая ноги, спускаться по лѣстницѣ.

Внизу уже не было ни души. Она одѣлась, вышла на улицу, взяла перваго попавшагося извозчика и поѣхала домой. Дома она бросилась въ постель и впала въ забывчивость.

Когда она пришла въ себя и припомнила все, что произошло въ этотъ день, ее охватило чувство возмущенія. Все, что произошло, казалось ей теперь насиліемъ. Ничего этого не должно было быть. Она не должна была ѣхать туда, оставаться тамъ, ждать на лѣстницѣ и... она даже не понимала, какъ могло это случиться,—протягивать ему руку.

Когда же въ часъ спускавшихся сумерекъ пріѣхала домой Людмила и вошла въ ея комнату, она была больна. Она дѣйствительно была больна, вся разбита, всѣ нервы болѣли у нея, потому что каждый принималъ участіе въ работѣ сопротивленія какой-то непонятной силѣ, работѣ, оказавшейся непосильной и напрасной.

— Ты вѣдь была тамъ, мама?—полувопросительно сказала Людмила, еще не знавшая, желаетъ ли она, чтобы ея присутствіе на диспутѣ было замѣчено.

— Да, да, да...—нетерпѣливо и недружелюбно отвѣтила Ирина Васильевна и голова ея съ какимъ-то отчаяніемъ заметалась на подушкѣ.—Но я больна... Я не могу говорить ни о чемъ... ни о чемъ. Ради Бога, пощадите меня...

Людмила больше не сказала ни слова. Она тихонько, на цыпочкахъ, вошла въ свою комнату и, вставъ у окна, замерла, съ напряженнымъ вниманіемъ прислушиваясь къ тому, что будетъ съ матерью. Но она ничего не услышала.

Ирина Васильевна нѣсколько часовъ лежала безъ движенія, безъ вздоха.

И. Потапенко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Обзоръ русской исторіи съ соціологической точки зрѣнія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Кіевская Русь (съ VI до конца XII вѣка).

(*Окончаніе* *).

Мы подходимъ теперь къ самому главному вопросу психологической исторіи,—къ характеристикѣ *волевой дѣятельности* древнѣйшаго русскаго общества. Воля есть результатъ извѣстнаго сочетанія чувствованій и умственныхъ актовъ, эмоціональныхъ и интеллектуальныхъ свойствъ. Поэтому, изучая волевыя явленія, мы тѣмъ самымъ открываемъ основной законъ психологическаго развитія общества, устанавливаемъ неясную раньше связь между отдѣльными, изложенными нами раньше, фактами этого психологическаго развитія. Понятно, какую важность имѣетъ вопросъ о правильныхъ методическихъ пріемахъ такого изученія. На немъ мы, прежде всего, и должны остановиться. Можно ли разсматривать общество какъ отдѣльную личность съ психологической точки зрѣнія? Я думаю, что на этотъ вопросъ можно отвѣтить только отрицательно. Изслѣдуя исторію хозяйства, соціальныхъ отношеній и политическаго строя, нельзя обойтись безъ анализа, безъ расчлененія этихъ сторонъ общежитія на простѣйшіе процессы, изъ совокупности которыхъ и получается цѣлое путемъ установленія связи между этими простѣйшими процессами. Та же аналитическая работа должна быть произведена и въ сферѣ явленій психической жизни, потому что всѣ попытки психологическихъ характеристикъ общества безъ такого анализа неизмѣнно кончались неуспѣхомъ. Въ послѣднее время очень многіе усвоили эту истину и стали искать точки опоры для анализа. Обратили вниманіе, что въ сферѣ такъ называемой матеріальной исторіи выработана уже такая группировка на экономической основѣ—это извѣстное уже намъ дѣленіе общества на классы—и на основѣ юридической—это дѣленіе на сословія. Опираясь на эти данныя, много говорили и писали о сословной и въ особенности о классовой психологіи. Но вѣдь перенесеніе въ область психическихъ явленій группировки, основанной на юридическихъ и хозяйственныхъ при-

*) См. „Міръ Божій“, № 7, іюль, 1903 г.

знакахъ, включаетъ въ себѣ апріорное предположеніе, что хозяйственные и юридическіе признаки сполна опредѣляютъ духовную организацію. Не лучше ли, пока не отрицая, но и не утверждая этого, поискать основы для анализа сначала въ самой области психическихъ явленій, чтобы потомъ уже рѣшить серьезный вопросъ объ отношеніи психологическихъ группъ къ юридическимъ и экономическимъ? Вотъ это мы и попытаемся сейчасъ сдѣлать, причемъ намъ придется уйти въ сферы, на поверхностный взглядъ очень далекія отъ изученія древнѣйшей русской исторіи.

Одинъ изъ величайшихъ философскихъ умовъ XIX-го вѣка, Джонъ Стюартъ Милль, въ своей «Системѣ логики» впервые ясно и опредѣленно выставилъ въ качествѣ очередной задачи психологической науки разработку *этологіи* или ученія о характерѣ. И въ самомъ дѣлѣ: общая психологія имѣетъ дѣло съ *человѣкомъ вообще*, съ отвлеченной человѣческой личностью, воплощающей съ себѣ духовныя свойства, въ одинаковой мѣрѣ присущія всѣмъ людямъ. Между тѣмъ всѣ мы въ повседневной жизни непрерывно наблюдаемъ удивительное разнообразіе духовнаго склада отдѣльныхъ лицъ, съ которыми встрѣчаемся. При всей многочисленности и сложности индивидуальныхъ психическихъ отличій, едва-ли однако можетъ существовать сомнѣніе въ возможности подмѣтить въ этихъ отличіяхъ пункты сходства, свести индивидуальное многообразіе къ нѣсколькимъ болѣе крупнымъ категоріямъ, разгруппировать отдѣльныя лица по ихъ типическимъ признакамъ, другими словами, отвлекая общія духовныя свойства, отличающія извѣстную группу людей, объединить эту группу въ одно цѣлое, въ типъ или характеръ. Въ этомъ и заключается основная задача этологіи. Несомнѣнно, что правильное разрѣшеніе основныхъ этологическихъ проблемъ имѣетъ для нашей—исторической и вмѣстѣ соціологической—цѣли громадное значеніе; въ самомъ дѣлѣ: представимъ себѣ, что намъ удалось выработать классификацію психическихъ типовъ или характеровъ; руководясь ею, можно, пользуясь историческими данными, установить для каждаго народа въ каждый періодъ его исторической жизни извѣстное соотношеніе типовъ или характеровъ, въ то время существовавшихъ; тогда можно изобразить эволюцію типовъ, установить ея законы, подобно тому какъ современная наука до извѣстной степени опредѣлила законы эволюціи хозяйственныхъ формъ, соціальныхъ связей, политическихъ отношеній. А вѣдь это какъ разъ и значитъ разрѣшить занимающій насъ въ настоящее время вопросъ.

Совершенно понятно поэтому, что призывъ Милля къ построенію этологіи не остался безъ отклика. Не имѣя даже въ виду полнаго перечня существующихъ въ настоящее время этологическихъ трудовъ, можно все-таки указать на цѣлый рядъ изслѣдователей, занимавшихся и занимающихся психологіей характера: таковы, напр., Бэнъ, Пере, Поланъ, Рибо, Фуллье, Кейра, у насъ гг. Лесгафтъ, Дриль, Викторовъ.

Въ ихъ работахъ, какъ и въ трудахъ другихъ ученыхъ, можно найти много блестящихъ мыслей, тонкихъ психологическихъ замѣчаній, даже интересныхъ попытокъ охватить вопросъ въ цѣломъ и теперь же окончательно разрѣшить его. При этомъ большинство изслѣдователей, работая въ области этологіи, отправляется въ своихъ разсужденіяхъ отъ какого либо одного заранѣе выбраннаго психологическаго принципа и съ этой точки зрѣнія классифицируетъ характеры. Такъ, напр., Бэнъ Фуллье и Кейра берутъ за основу извѣстное ужъ намъ дѣленіе психическихъ явленій на умъ, чувство и волю и различаютъ три основныхъ типа,—умственный, эмоціональный и волевой; Поланъ исходитъ въ своихъ построеніяхъ изъ явленій умственной жизни, изъ законовъ ассоціаціи идей; у Рибо первую роль играетъ чувствованіе и т. д. Но правильнѣе отказаться отъ такихъ предвзятыхъ точекъ зрѣнія и поискать руководящихъ—при классификаціи характеровъ—нитей въ самой дѣйствительности. Но здѣсь встѣчаются затрудненія: вѣдь дѣйствительность безконечно разнообразна и необъятна; притомъ кругъ наблюденій отдѣльнаго лица случаенъ и ограниченъ; наконецъ,—и это главное—вѣрность наблюденій ничѣмъ не гарантирована и недоступна повѣркѣ. Какъ избѣжать этихъ неудобствъ и затрудненій? Я думаю, что есть для этого средство: есть люди, которые много наблюдаютъ и наблюдаютъ, по общему признанію, точно и вѣрно, обладая способностью въ конкретныхъ образахъ отмѣтить характерное и важное въ данномъ обществѣ; эти люди—великіе художники слова, романисты реалистическаго направленія. Наблюденія талантливаго и тѣмъ болѣе геніальнаго романиста всегда будутъ служить надежной опорой для этологическихъ выводовъ, потому что онъ не можетъ не замѣтить явленій типическихъ. Ихъ мы и возьмемъ за основаніе, для того, чтобы отмѣтить основные типы, существующіе въ современномъ культурномъ обществѣ. Мы ограничимся при этомъ пока только главными и притомъ чистыми, простыми типами, имѣющими одно основное свойство,—со сложными характерами мы познакомимся въ свое время позднѣе. Изучить происхожденіе этихъ типовъ—вотъ задача историческаго изученія, важная и съ соціологической точки зрѣнія. Надо при этомъ замѣтить, что основная задача этологической классификаціи и описанія того или другого характера заключается не только въ томъ, чтобы подмѣтить главную характеристическую черту типа, но и въ томъ также, чтобы изъ этой главной черты вывести, объяснить всѣ остальныя. Эту послѣднюю цѣль мало и рѣдко, во всякомъ случаѣ недостаточно часто принимаютъ во вниманіе при этологическихъ изслѣдованіяхъ *).

Въ общественной и частной жизни нерѣдко приходится имѣть дѣло

*) Изложенное ниже было отчасти подробнѣе развито авторомъ въ его статьяхъ въ журналѣ „Образованіе“ за 1900, 1901 и 1902 годы

съ людьми, для которыхъ вопросъ долга, совѣсти, идеала имѣетъ совершенно исключительное, первостепенное, даже подавляющее значеніе. Такихъ людей мы будемъ называть *этическими* характерами. Чтобы уяснить себѣ психическую организацію такого рода людей, разберемъ замѣчательный по высотѣ художественной разработки типъ Константина Левина изъ романа гр. Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Первостепенное значеніе нравственнаго идеала для Левина не подлежитъ сомнѣнію. Всегда и вездѣ нравственные интересы и запросы первенствовали у него надъ всѣми другими: Левинъ «боялся запачкать то, что переполняло его душу», «онъ всегда чувствовалъ несправедливость своего избытка въ сравненіи съ бѣдностью народа», постоянно мечталъ о «трудовой, чистой и общей, прелестной жизни», ему всегда было свойственно «не оставляющее его желаніе быть лучше». Будучи носителемъ нравственнаго идеала и дѣятельно осуществляя его по мѣрѣ силъ и возможности, Левинъ именно по этой причинѣ отличался сильно развитыми этическими чувствами разныхъ порядковъ: извѣстна прежде всего его любовь къ дѣтямъ; воспоминаніе о рано потерянной матери для него «было священнымъ»; у Левина было много людей, къ которымъ онъ былъ искренно расположенъ, какъ къ Щербацкому, Облонскому, Свіяжскому и др. Но самое сложное и вмѣстѣ самое характерное для людей каждаго типа чувствованіе — это, конечно, любовь къ существу другого пола. У Левина—и это характерно для людей этическаго склада — физіологическій, чувственный элементъ любви былъ довольно сильно развитъ: его мечты о семейной жизни, неудержимые порывы къ ней имѣютъ своимъ источникомъ, между прочимъ, и напряженный физіологическій инстинктъ. Но его любовь — вовсе не голая чувственность, въ ней еще болѣе силенъ духовный, этическій элементъ; онъ одухотворяетъ и идеализируетъ предметъ своей страсти; «только одни на свѣтѣ были эти глаза, только одно на свѣтѣ существо, способное сосредоточить для него весь свѣтъ и смыслъ жизни». Итакъ, господствующее значеніе этическихъ чувствъ въ натурѣ Левина не подлежитъ сомнѣнію. Посмотримъ теперь, какъ это обстоятельство отражается въ другихъ сферахъ его эмоціональной жизни. Здѣсь прежде всего обращаютъ на себя вниманіе чувства общественныя, то, что мы называемъ политическими убѣжденіями и что лучше всего было бы, въ сущности, называть политическими чувствованіями. Эта область эмоціональной жизни была сплошь окрашена у Левина этическими красками. Безусловный этическій характеръ общественныхъ чувствъ ведетъ въ сущности къ отсутствію политическихъ убѣжденій, къ невозможности иного отношенія къ существующему соціальному строю, кромѣ отрицательнаго, къ утопіи, потому что этическія требованія въ чистомъ своемъ видѣ — абсолютны и не считаются съ обстоятельствами, не терпятъ поправокъ и ограниченій. Такимъ отрицателемъ и былъ Левинъ, презиравшій земство и не признававшій смысла во всѣхъ обще-

ственныхъ учрежденіяхъ. Понятно, что въ тѣхъ случаяхъ, когда люди этическаго склада пытаются создать что-либо положительное въ сферѣ соціальныхъ отношеній, получается нѣчто уродливое и неосуществимое, разрушающееся, какъ карточный домикъ, отъ перваго грубаго соприкосновенія съ дѣйствительностью. Припомните соціальныя мечтанія Левина и ихъ судьбу: онъ задумалъ преобразовать хозяйство, сдѣлавъ рабочихъ пайщиками, но ничего изъ этого не вышло; онъ былъ убѣжденъ, что его сочиненіе о сельскомъ хозяйствѣ «должно было не только произвести переворотъ въ политической экономіи, но совершенно уничтожить эту науку и положить начало новой наукѣ—объ отношеніяхъ народа къ землѣ»; нужно ли прибавлять, что и эти планы уничтоженія политической экономіи кончились неудачей? Тотъ, кто въ жизни ставитъ на первый планъ осуществленіе нравственнаго идеала,—всегда рано или поздно почувствуетъ потребность въ *религіозной* санкціи. Онъ не будетъ углубляться въ метафизическую сторону религіи, въ догматику, но этическая ея сторона привлекаетъ и волнуетъ его, вѣра въ Бога, какъ Высшее Существо, Которое блюдетъ міровой нравственный порядокъ, составляетъ для такого человѣка насущную потребность. И Левинъ, дѣйствительно, послѣ своихъ мучительныхъ порывовъ и исканій кончаетъ вѣрой.

Итакъ, наиболѣе сложныя чувства—этическія, общественныя и религіозныя—отличаются у Левина сильнымъ развитіемъ, значительной напряженностью. Это нельзя сказать о другихъ порядкахъ эмоціональной жизни—о чувствованіяхъ *эгоистическихъ* и *эстетическихъ*. Сравнительная слабость эгоистическихъ и эстетическихъ эмоцій совершенно понятна при господствѣ чувствованій моральнаго порядка: постоянно имѣя передъ своимъ духовнымъ взоромъ нравственный идеалъ, дѣятельно осуществляя его, заботясь о другихъ, этическій человѣкъ забываетъ о себѣ, съ одной стороны, и съ другой—не замѣчаетъ красоты, заслоняемой отъ него присущимъ ему, всецѣло поглощающимъ его понятіемъ добра. Матеріальныя блага и утонченныя физическія наслажденія не имѣютъ въ его глазахъ никакой цѣнности. Это всего яснѣе видно изъ сцены обѣда Левина съ Облонскимъ въ ресторанѣ: «мнѣ лучше всего щи и каша», замѣчаетъ Левинъ въ отвѣтъ на гастрономическіе планы Облонскаго; «Левинъ ѣлъ и устрицы, хотя бѣлый хлѣбъ съ сыромъ былъ ему пріятнѣе». Страхъ во всѣхъ его видахъ былъ чуждъ Левину, деньги не имѣли для него никакой цѣны. Зато не подлежитъ сомнѣнію наличность у Левина болѣе сложнаго эгоистическаго чувства,—самолюбія, хотя опять-таки надо отмѣтить его этическій характеръ: Левина оскорбляетъ, главнымъ образомъ, то, что нарушаетъ его святая святыхъ, грязнитъ его идеалъ. Наконецъ, интересъ къ искусству хотя и былъ у Левина, но не игралъ видной роли.

Въ совершенной гармоніи съ господствующимъ чувствованіемъ находились у Левина и *умственныя* свойства. Основнымъ свойствомъ ума

является то, что Вундтъ называетъ «активной апперцепціей», общее направленіе ума, степень его широты и воспріимчивости къ тѣмъ или инымъ идеямъ. Вообще говоря, можно раздѣлить всѣ умы съ этой точки зрѣнія на два разряда: умы субъективные и умы объективные. Первые вращаются въ узкой сферѣ идей, свойственныхъ мыслящему субъекту или лицамъ, психологически родственнымъ ему; вторые отличаются способностью понимать какъ нельзя болѣе точно все сложное и безконечное разнообразіе чужихъ, даже прямо противоположныхъ умственныхъ движеній и чувствованій. Умъ Левина былъ чисто субъективный; онъ не понималъ умовъ другого склада. Левинъ пріѣзжалъ въ Москву «большею частью съ совершенно новымъ, неожиданнымъ взглядомъ на вещи», смотрѣлъ на все сквозь призму своихъ исключительныхъ воззрѣній и клеймилъ презрѣніемъ то, что нельзя было подъ нихъ подвести. Этотъ субъективизмъ естественно вытекаетъ изъ господства стремленія къ нравственному идеалу надъ всѣми сторонами духовной природы Левина: всѣ умственныя силы его были поглощены этическими запросами опредѣленнаго характера, повелительно ими направлялись къ одной цѣли и по одной дорогѣ. Умственная прямолинейность, безпощадное доктринерство, своего рода безусловность мысли—отличительная черта этическихъ характеровъ. Такіе характеры не чужды интереса къ наукѣ и философіи, но лишь постольку, поскольку наука и философія связаны съ ихъ нравственными идеалами. Поэтому въ философіи Левина занимаютъ не тонкости метафизической теоріи и даже не попытки цѣльнаго научнаго міровоззрѣнія, а первостепенные съ нравственной точки зрѣнія «вопросы о значеніи жизни и смерти». Такимъ же нравственнымъ мѣриломъ опредѣлялось и отношеніе Левина къ наукѣ: занятіе книгой казалось ему ненужнымъ внѣ непосредственнаго его отношенія къ жизни; онъ не понимаетъ, почему Свіяжскій интересуется вопросомъ о паденіи Польши, и ждетъ практическаго вывода, спрашивая: «ну, такъ что же?» Слушая теоретическій разговоръ Кознышева съ профессоромъ, онъ пришелъ къ выводу, что «они, подходя къ самому главному, опять отходятъ», и не сталъ въ концѣ концовъ ихъ слушать.

И господство всеподавляющаго этическаго элемента и субъективизмъ ума въ высшей степени способствуютъ *силѣ воли*, рѣшительности дѣйствія, проявленію большой иниціативы, хотя можетъ быть и не всегда сопровождающейся способностью довести дѣло до конца. По словамъ Левина, «съ собой сдѣлать все возможно»; онъ быстро и безповоротно мѣняетъ свое отношеніе къ тѣмъ или инымъ житейскимъ условіямъ, разъ они его не удовлетворяютъ.

Мы можемъ теперь выразить весь духовный обликъ этическихъ характеровъ въ сжатой формулѣ такого приблизительно вида: этическіе характеры отличаются въ эмоціональной сферѣ преобладаніемъ чувствованій моральнаго порядка, этической окраской общественныхъ и

религіозныхъ чувствованій и слабостью эмоцій эгоистическихъ и эстетическихъ; въ сферѣ интеллектуальной они отличаются субъективизмомъ ума и слабымъ интересомъ къ теоретическому знанію; наконецъ, воля ихъ характеризуется значительной энергіей.

Можетъ быть, произведеннаго только что психологическаго анализа этическихъ характеровъ было бы достаточно для того, чтобы показать, какъ, по моему мнѣнію, надо производить этологическія изслѣдованія. Но я имѣю въ виду въ этомъ довольно обширномъ вводномъ экскурсѣ еще другую задачу: мнѣ хочется изобразить подробно и ясно главные типы, существующіе въ современномъ образованномъ обществѣ, чтобы можно было затѣмъ, сравнивая съ ними психологическія явленія историческаго прошлаго, точно опредѣлить различія послѣднихъ отъ первыхъ. Поэтому надо заняться анализомъ еще нѣсколькихъ типовъ разнаго рода.

Въ обществѣ часто приходится встрѣчать людей, всецѣло преданныхъ чувству красоты не по убѣжденію и не вслѣдствіе какихъ-либо воспитательныхъ вліяній, а по внутреннему влеченію, присущему имъ отъ рожденія. Характеры, отмѣченные такой основной чертой, можно назвать *эстетическими*. Для того, чтобы выяснить духовную организацію подобнаго рода типовъ, возьмемъ характеръ Райскаго изъ романа Гончарова «Обрывъ» и произведемъ его анализъ. Что Райскій—художественная натура, что эстетическія впечатлѣнія составляютъ главное содержаніе его жизни,—это едва ли стоитъ доказывать сколько-нибудь обстоятельно: до такой степени это очевидно и всѣмъ извѣстно. Ограничимся поэтому лишь нѣсколькими бѣглыми замѣчаніями. «Музыку онъ любилъ до опьяненія», самъ занимался ею; еще въ дѣтствѣ онъ умѣлъ художественно изображать воображаемыя страны, зачитывался Тассомъ, Оссіаномъ, Гомеромъ, Вольтеромъ какъ поэтомъ, Боккачіо, самъ писалъ романъ и стихотворенія. Въ школѣ Райскій хорошо и съ увлеченіемъ рисовалъ и позднѣе не оставилъ этого искусства: писалъ портреты горничныхъ, кучера, деревенскихъ мужиковъ, Марѳиньки, Вѣры, бабушки. Два *эгоистическихъ* чувства—склонность къ грубымъ физическимъ ощущеніямъ и корыстолюбіе—были совершенно чужды Райскому. Комфортъ былъ ему, конечно нуженъ, но наслажденіе вкусовыми ощущеніями или грубая, ничѣмъ не прикрытая чувственность претили ему. Точно также онъ былъ вполнѣ равнодушенъ къ своимъ хозяйству, деньгамъ, бабушкинымъ отчетамъ и вѣдомостямъ по управленію имѣніемъ, хотѣлъ даромъ отпустить мужиковъ на волю, все подарить Вѣрѣ и Марѳиньнѣ, давалъ Марку Волохову деньги взаймы безъ всякой надежды получить ихъ обратно. Все это совершенно понятно въ эстетической, художественной натурѣ: въ грубыхъ чувственныхъ удовольствіяхъ и въ скупости и жадности нѣтъ совершенно элемента красоты, почему эстетическій характеръ мало имъ доступенъ, брезгливо отъ нихъ отстраняется; не безнравственность, а безобразіе этихъ свойствъ и

ихъ проявленій отталкиваетъ такого человѣка отъ нихъ. Но тотъ же перевѣсъ эстетическаго чувства обусловливалъ сильное развитіе другихъ, высшихъ и болѣе сложныхъ, включающихъ въ себѣ элементъ красоты эгоистическихъ чувствованій: самоуваженіе (самолюбіе) и честолюбіе принадлежали къ числу отличительныхъ чертъ Райскаго. Въ школѣ онъ учился блестяще уроки, если было задѣто его самолюбіе; гордился своимъ легкимъ успѣхомъ въ рисованіи; шатался отъ упоенія при похвалахъ профессора его стихамъ. Еще сильнѣе выражена была у Райскаго неудержимая потребность въ разнообразіи впечатлѣній: чуть бывало отдается онъ извѣстному впечатлѣнію, какъ оказывается, что «лучъ померкъ, краски пропали, форма износилась, и онъ бросалъ и искалъ жадными глазами другого явленія, другого чувства, зрѣлища, и если не было,—скучалъ». Фантазія его постоянно «била лихорадкой какого-нибудь встрѣчнаго ощущенія, мгновеннаго впечатлѣнія»; ему вѣчно нужны были «чадъ, шумъ, студіи художниковъ, обѣды и ужины». Такой большой напряженностью отличались у Райскаго тѣ эгоистическія эмоціи, которыя доступны эстетической окраскѣ. Зато *этическія* чувства Райскаго поражали своей слабостью или отличались чрезвычайно сильной примѣсью эстетическаго элемента,—настолько сильной, что эта примѣсь заслоняла и подавляла основной ихъ характеръ. Напрасно мы стали бы искать у Райскаго тоски по нравственномъ идеалѣ, мучительной работы надъ вопросомъ о томъ, какъ надо жить. Чувство дружбы не было сильно и имѣло эстетическій характеръ: «симпатіи его такъ часто мѣнялись, что у него не было ни постоянныхъ друзей, ни враговъ»; на дружбу и вражду «онъ какъ будто смотрѣлъ со стороны и наслаждался, видя и себя, и другого, и всю картину передъ собой». Такъ же мало значили для него и семейныя привязанности, которыя, подобно дружбѣ, не имѣли у него активнаго характера, а отличались оттѣнкомъ диллетантизма, артистичности, красоты: Райскій любилъ бабушку, но не дѣятельной любовью,—писалъ ей рѣдко и мало, почти не посѣщалъ ея и т. д.; онъ жалѣлъ Наташу, оплакивалъ ея несчастную жизнь и смерть, но скучалъ съ ней и обманывалъ ее, и на смѣну острой душевной боли послѣ ея смерти вскорѣ «въ головѣ только осталась вибрація воздуха отъ свѣчъ, тихое пѣніе, расплывшееся отъ слезъ лицо тетки и безмолвный, судорожный плачъ подруги»;—однимъ словомъ, уцѣлѣлъ лишь художественный образъ. А какъ характерно отношеніе Райскаго къ Вѣрѣ и Марѳинькѣ: послѣдняя скоро перестала его интересовать совсѣмъ, а къ первой, вмѣсто родственной привязанности и дружбы, онъ сразу воспылалъ любовью и опять таки не дѣятельной любовью, а такой, къ которой вполнѣ примѣнимы его собственныя слова: «мы тамъ въ кучѣ стряпаемъ свою жизнь и страсти, какъ повара тонкія блюда». Въ любовныхъ увлеченіяхъ Райскаго гораздо меньше чувственныхъ элементовъ (не говоря уже объ этическихъ), чѣмъ элементовъ эстетическихъ.

Бѣловодова нравилась ему соединеніемъ безупречной красоты съ холодностью; онъ былъ неудовлетворенъ любовью Наташи, въ ней видѣлось ему «зерно скуки», потому что онъ «мечталъ о страсти, о ея безконечно-разнобразныхъ видахъ, о всѣхъ сверкающихъ молніяхъ». Ему было необходимо чтобы въ глазахъ женщины блестѣлъ «таинственный лучъ затаеннаго, сдержаннаго упоенія». Эти тонкости, оттѣнки, переливы, варіаціи, вообще эстетика чувства имѣла для Райскаго несравненно большее значеніе, чѣмъ самое чувство. Врожденное чувство красоты, артистическія наклонности исключаютъ возможность рѣзкаго отрицанія существующаго общественнаго строя, съ одной стороны, и реакціонныхъ порывовъ и вожделѣній, съ другой: и то и другое не гармонично и некрасиво, уродливо и грубо. Скептическій консерватизмъ—вотъ какъ всего лучше слѣдуетъ опредѣлить *общественныя* чувства эстетической натуры. Райскій «открыто заявлялъ, что, вѣря въ прогрессъ, даже досадуя на его черепашій шагъ, самъ онъ не спѣшилъ укладывать себя всего въ какое-нибудь едва обозначившееся десятилѣтіе, дешево отрекаясь и отъ завѣщанныхъ исторіею, добытыхъ наукой и еще болѣе отъ выработанныхъ собственной жизнью убѣжденій, наблюденій и опытовъ, въ виду едва занявшейся зари quasi-новыхъ идей». «Онъ терпѣливо шелъ за вѣкомъ». По его мнѣнію, «подъ старыми заученными правилами таился здравый смыслъ и житейская мудрость». Чтобы выйти изъ сферы эмоцій, остается только указать, что эстетическій диллетантизмъ приводилъ Райскаго и къ *религіозному* индифферентизму.

Основное свойство натуръ, подобныхъ Райскому, сказывается, конечно, въ сильной степени и въ сферѣ *ума*. Пушкинъ въ извѣстномъ своемъ стихотвореніи сравниваетъ поэта съ эхомъ. Въ этомъ сравненіи справедливо не только то, что художественныя натуры отличаются разносторонней впечатлительностью,—здѣсь отражается также главное свойство ума индивидуальностей эстетическаго типа, именно разносторонность, объективность ума. Красота въ своихъ проявленіяхъ безконечно-разнообразна, почему и полное ея пониманіе требуетъ непремѣнно умственнаго объективизма, терпимости къ чужимъ взглядамъ и пониманія ихъ. Это качество было въ достаточной мѣрѣ свойственно Райскому: оно позволяло ему терпимо относиться къ Волохову, напр., и вообще расширяло сферу его интересовъ и наблюденій, къ сожалѣнію только не углубляя ихъ. Эта поверхностность, неустойчивость, недостатокъ выдержки составляетъ вторую отличительную черту умственной природы Райскаго. Въ наукѣ онъ «схватывалъ тѣнь, верхушку истины», «узнавать ему было скучно, онъ отталкивалъ наскучившій предметъ прочь». Этимъ объясняется и философскій скептицизмъ Райскаго: онъ интересовался философіей,—читалъ, напр., Спинозу,—но это опять-таки былъ не активный, а художественный интересъ: философія не осмыслила для него никакого нравственнаго идеала, не вдохновила

его ни на какую опредѣленную дѣятельность. Самый выборъ Спинозы для чтенія характеренъ: онъ указываетъ на господство метафизическаго интереса.

Параличъ *воли* у Райскаго, его полная неспособность къ дѣйствію не разъ уже была отмѣчена въ предшествующемъ изложеніи и представляетъ собою совершенно несомнѣнную черту его характера. Недаромъ всѣ его замыслы и предпріятія сводятся къ нулю: начатый романъ не удается, картины не оканчиваются; напрасно нѣсколько разъ Райскій собирается уѣхать отъ бабушки,—онъ не въ состояніи выполнить это намѣреніе; онъ готовится спасти счастье Козлова и поступаетъ какъ разъ наперекоръ своимъ цѣлямъ и т. д. И здѣсь эстетическое чувство и объективизмъ ума ведутъ къ борьбѣ слишкомъ многочисленныхъ и различныхъ мотивовъ и тѣмъ уничтожаютъ возможность дѣйствія.

Если сдѣлать теперь общій выводъ объ отличительныхъ чертахъ эстетическихъ характеровъ, то придется формулировать его слѣдующимъ образомъ: эстетическіе характеры въ области *чувства* отличаются крайнимъ развитіемъ эстетическаго вкуса, довольно значительной напряженностью эгоистическихъ чувствъ, особенно высшихъ, и слабостью чувствъ этическихъ, общественныхъ и религіозныхъ; въ области *ума* главная черта эстетическихъ характеровъ—объективизмъ и вмѣстѣ поверхностность, при значительномъ однако интересѣ къ теоретическимъ вопросамъ; наконецъ, *воля* индивидовъ съ эстетическимъ духовнымъ складомъ поражаетъ своей слабостью.

Мы должны теперь обратить наше вниманіе на такого рода людей, въ основѣ характера которыхъ лежатъ *эгоистическія чувства*. Но намъ уже извѣстно, что можно различать два разряда эгоистическихъ чувствъ: простѣйшія—напр., страхъ, корыстолюбіе,—это чувства, унижающія человѣческую личность и ея достоинство,—и болѣе сложныя, какъ самоуваженіе или самолюбіе, честолюбіе, стремленіе къ разнообразію впечатлѣній, которыя нисколько не роняютъ личнаго достоинства человѣка. Это различіе между двумя указанными разрядами эгоистическихъ чувствъ настолько велико, что на немъ основывается различіе между двумя типами,—*индивидуалистическимъ*, главной чертой котораго является преобладаніе болѣе сложныхъ эгоистическихъ чувствъ, и *эгоистическимъ* въ тѣсномъ смыслѣ, господствующимъ свойствомъ котораго надо признать сильную напряженность простѣйшихъ эгоистическихъ чувствъ.

Типическимъ индивидуалистомъ является Вронскій, герой того же романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Въ самомъ дѣлѣ: что составляетъ отличительную, главную, наиболѣе рѣзко выраженную и сразу бросающуюся въ глаза черту его характера? Несомнѣнно, самоуваженіе, необыкновенно высокое и твердое убѣжденіе его въ великой важности своихъ личныхъ интересовъ, своего «я». О себѣ онъ ду-

малъ «не безъ внутренней гордости», «казался гордъ и самодовлѣющъ, смотрѣлъ на людей, какъ на вещи». Отсюда вытекало острое чувство обиды отъ всякаго униженія и нежеланіе этому униженію подвергаться: «еще смолоду, бывши въ корпусѣ, Вронскій испыталъ униженіе отказа, когда онъ, запутавшись, попросилъ взаймы денегъ, и съ тѣхъ поръ онъ ни разу не ставилъ себя въ такое положеніе». Это же высоко развитое чувство самоуваженія даетъ индивидуалисту гордость своими чувствами, необыкновенную прямоту и смѣлость въ ихъ выраженіи. Полюбивъ Анну Каренину, «Вронскій чувствовалъ себя царемъ, не потому, чтобъ онъ вѣрилъ, что произвелъ впечатлѣніе на Анну,—онъ еще не вѣрилъ этому,—но потому, что впечатлѣніе, которая она произвела на него, давало ему счастье и гордость». Не менѣе развито было у Вронскаго и другое высшее эгоистическое чувство,—честолюбіе: оно было «старинной мечтой его юности». Наконецъ, жажда разнообразія впечатлѣній была также ему свойственна: «я никогда ничего не видалъ необыкновеннаго», говорилъ онъ, «хотя вездѣ отыскиваю»; отказавшись отъ службы и уѣхавъ за границу съ Карениной, Вронскій «скоро почувствовалъ, что въ душѣ его поднялось желаніе желаній—тоска» и «сталъ хвататься за каждый мимолетный капризъ, принимая его за желаніе и цѣль». Но при столь высокомъ уровнѣ развитія *высшихъ* эгоистическихъ чувствъ, мы тщетно стали бы искать въ характерѣ Вронскаго *низшихъ* чувствъ того же порядка. Само собою разумѣется, Вронскій умѣлъ блюсти свои матеріальные интересы: «тамъ гдѣ дѣло шло о доходахъ, продажѣ лѣсовъ, хлѣба, шерсти, отдачѣ земли, онъ былъ крѣпокъ, какъ кремень, и умѣлъ выдерживать цѣну», но корыстолюбивъ онъ не былъ никогда: онъ отказался отъ стотысячнаго дохода въ пользу брата и, хотя нуждался въ деньгахъ, не принялъ ихъ отъ матери, предлагавшей ихъ на условіи разрыва съ Анной. Еще менѣе былъ свойственъ Вронскому всякаго рода страхъ. Господствующая черта характера отразилась на *этическихъ* чувствахъ Вронскаго: тѣ изъ нихъ, въ которыхъ силенъ индивидуалистическій элементъ, въ которыхъ личное «я» можетъ выступить на первый планъ, были у него очень сильны. Это особенно видно въ чувствѣ любви. Встрѣтившись съ Карениной, онъ сразу почувствовалъ сильное и глубокое къ ней влеченіе и весь ему отдался. Онъ не отходилъ отъ нея на балу въ Москвѣ, поѣхалъ за ней въ Петербургъ и въ дорогѣ прямо сказалъ ей: «вы знаете, я ѣду для того, чтобы быть тамъ, гдѣ вы: я не могу иначе». «Онъ чувствовалъ, что всѣ его доселѣ распущенныя, разбросанныя силы были собраны въ одно и съ страшною энергіей были направлены къ одной блаженной цѣли»; «въ его воображеніи, заставляя замирать сердце, носились картины возможнаго будущаго». Но другія этическія чувства Вронскаго были несравненно слабѣе, хотя онъ не чуждъ былъ и дружбы, и родственныхъ привязанностей, и къ людямъ вообще относился «спокойно и дружелюбно», имѣлъ ко всѣмъ

«простое и ровное отношеніе», чуждъ былъ унизительной злобы и мелкаго ненавистничества. Конечно, никакой тоски по нравственномъ идеалѣ у него никогда не было и замѣтно. Какъ сильная индивидуальность, способная испытывать наслажденіе отъ разнообразія впечатлѣній, Вронскій имѣлъ достаточно развитыя *эстетическія* чувства: «у него была способность понимать искусство и вѣрно, со вкусомъ подражать искусству», но не было вдохновенія, творческаго дара: «онъ имѣлъ настолько вкуса къ живописи, что не могъ докончить свою картину». Рѣзко выраженный индивидуалистическій характеръ виденъ въ *общественныхъ* чувствахъ Вронскаго: въ общественной дѣятельности онъ цѣнилъ не какія-либо стремленія къ справедливости, порядку или общему благу, а интересъ новизны, жаръ борьбы и торжество побѣды. О дворянскихъ выборахъ, напр., Вронскій говорилъ: «да, это забираетъ за живое; и разъ взявшись за дѣло, хочется его сдѣлать. Борьба»! Понятно послѣ всего сказаннаго, что Вронскій обладалъ необыкновенной силой воли, энергіей дѣйствія, проявлялъ и иниціативу, и способность быть настойчивымъ въ достиженіи разъ поставленной цѣли. Это видно уже по исторіи его отношеній къ Карениной, замѣтно и въ отношеніи къ матери и въ рѣшимости бросить блестящее служебное положеніе и т. д. и т. д. Вездѣ онъ дѣйствовалъ «твердо и упорно», «съ страшною энергіей», «съ свойственной ему рѣшительностью», «никогда ни на минуту не колебался въ исполненіи того, что должно».

Итакъ формула индивидуалистическаго характера такова: въ *эмоціональной* сферѣ онъ отличается силой болѣе сложныхъ эгоистическихъ чувствъ и слабостью простѣйшихъ; значительно развиты чувства эстетическія и тѣ этическія, которыя доступныя индивидуалистической окраскѣ; остальныя этическія чувства, равно какъ и эмоціи общественныя и религіозныя, слабы; *умъ* твердъ и не всегда объективенъ; *воля* очень сильна.

Чисто эгоистическіе типы во многомъ противоположны индивидуалистамъ. Для того, чтобы уяснить себѣ ихъ психическую природу, мы возьмемъ характеръ, знакомый всѣмъ еще съ юности, — характеръ главнаго героя гоголевскихъ «Мертвыхъ Душъ»,—Чичикова. Никто, конечно, не будетъ сомнѣваться, что это—эгоистъ чистѣйшей воды. Самъ авторъ заклеймилъ его названіемъ «плута-пріобрѣтателя» и тѣмъ подчеркнулъ сильно-развитое въ немъ чувство карыстолюбія. Вся служебная карьера Чичикова—и исторія его съ повытчикомъ, и служба въ таможнѣ, — годы его воспитанія въ школѣ, когда онъ копилъ деньги и производилъ при помощи ихъ спекуляціи, наконецъ исторія съ покупкой мертвыхъ душъ подтверждаютъ, какъ нельзя лучше, эту характеристику. Другое низшее эгоистическое чувство—рабское чувство страха—также очень сильно выражается въ характерѣ Чичикова: припомнимъ хотя бы его униженное ползаніе на колѣняхъ передъ кня-

земъ, когда были открыты его продѣлки. Можно ли при этихъ условіяхъ говорить о развитіи высшихъ эгоистическихъ чувствъ? Достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы отвѣтить отрицательно. Тотъ же отрицательный отвѣтъ надо будетъ, конечно, дать и на вопросъ о томъ, сильно ли были развиты въ характерѣ гоголевскаго героя чувства эстетическія, этическія, общественныя и религіозныя. Типъ Чичикова настолько и такъ давно всѣмъ извѣстенъ, что какъ-то даже неловко приводить доказательства крайней бѣдности его эмоціональной жизни. Напомню поэтому для иллюстраціи этой бѣдности только о чувствахъ Чичикова къ губернаторской дочкѣ. Когда онъ ее увидѣлъ, то «нельзя сказать навѣрное, точно ли пробудилось въ немъ чувство любви», но все же онъ «на нѣсколько минутъ въ жизни обратился въ поэта»; «вѣдь если, положимъ, этой дѣвушкѣ», разсуждалъ Чичиковъ, «да придать тысченокъ двѣсти приданаго, изъ нея бы могъ выйти очень, очень лакомый кусочекъ. Это могло бы составить, такъ сказать, счастье порядочнаго человѣка». Таковъ былъ Чичиковъ въ своихъ чувствахъ даже тогда, когда онъ обращался въ поэта; понятно, чѣмъ онъ оказывался, будучи лишенъ поэтическаго вдохновенія. Естественно, что слѣдствіемъ бѣдности жизни чувства былъ крайній субъективизмъ *ума* Чичикова, ограниченнаго узкими рамками элементарныхъ эгоистическихъ побужденій и лишеннаго возможности понять все, что выходитъ изъ этой узкой сферы. Одинъ только пунктъ сходства можно найти между эгоистами, индивидуалистами и людьми этическаго склада: мы видѣли, что люди каждой изъ двухъ послѣднихъ сейчасъ названныхъ психическихъ организацій отличались крайней волевой энергіей; это же надо сказать и объ эгоистахъ вродѣ Чичикова: цѣли ихъ мелки, ничтожны и возбуждаютъ отвращеніе, но энергіи въ ихъ осуществленіи у нихъ очень много.

Такимъ образомъ у эгоистическихъ характеровъ вся эмоціональная сторона ихъ духовной природы, кромѣ элементарныхъ эгоистическихъ чувствъ, крайне неразвита, умъ субъективенъ до послѣдней степени, а воля отличается значительной силой.

Намъ остается сосредоточить теперь вниманіе на характерахъ, основная черта которыхъ заключается въ преобладаніи во всемъ психическомъ строѣ *ума*, анализа, иными словами на характерахъ *аналитическихъ* или интеллектуальныхъ по преимуществу. Можно намѣтить двѣ основныхъ разновидности аналитическихъ характеровъ: одна изъ нихъ отличается преобладаніемъ умственной сферы надъ сферой чувства по той причинѣ, что всѣ чувства, хотя и отличаются значительной напряженностью, но ни одно изъ нихъ не подавляетъ другихъ, такъ что они другъ друга нейтрализуютъ, находятся въ постоянной борьбѣ безъ перевѣса въ ту или иную сторону; но существуетъ и другая разновидность, характеризующаяся преобладаніе ума или анализа надъ эмоціональной жизнью не вслѣдствіе равномѣрности

и равносильности значительно развитыхъ и достаточно напряженныхъ чувствъ, а по причинѣ именно крайней слабости всѣхъ эмоцій, ихъ ничтожества и безсилія.

Примѣромъ первой разновидности намъ послужитъ шекспировскій Гамлетъ. Въ психической природѣ Гамлета на первый планъ выступаетъ необыкновенная сила анализа, необычайная глубина, объективная широта и поражающая мощь ума. Неутомимый умъ Гамлета постоянно работаетъ, искрится разнообразнѣйшими цвѣтами остроумія, обнаруживаетъ чрезвычайно—развитую наблюдательность и проницательное пониманіе другихъ людей и окружающей среды. Когда король обращается къ Гамлету, называя его другомъ и сыномъ, Гамлетъ сразу замѣчаетъ неискренность и отмѣчаетъ про себя: «поближе сына, но подальше друга». Необыкновенно тонкая иронія и вмѣстѣ глубина мысли замѣтны и въ слѣдующихъ затѣмъ отвѣтахъ принца на вопросъ короля—«какъ, надъ тобой еще летаютъ тучи?»—и на замѣчаніе королевы, что не нужно горевать объ отцѣ, такъ какъ все умретъ: первому онъ остроумно и язвительно замѣчаетъ: «о нѣтъ! мнѣ солнце слишкомъ ярко свѣтитъ», а второй меланхолически вторитъ: «да, все умретъ», разумѣя подъ этими словами, очевидно, и смерть чувства своей матери къ своему покойному отцу. Пониманіе людей и среды Гамлетъ проявляетъ постоянно: онъ хорошо знаетъ Горація и увѣренъ, что не лѣность вызвала его изъ Виттенберга; Полоній сразу ему понятенъ, какъ и типическіе придворные Розенкранцъ и Гильденштернъ; онъ составилъ для актеровъ прекрасный планъ представленія и разгадалъ вѣрно чувства короля, увидѣвшаго на сценѣ себя самого. Наконецъ, высшіе научные и философскіе вопросы привлекаютъ сильно вниманіе Гамлета; онъ обнаруживаетъ большую широту теоретическаго мышленія, когда замѣчаетъ нѣсколько педантическому Горацію: «есть многое на небѣ и землѣ, что и во снѣ, Горацію, не снилось твоей учености». А кому не извѣстенъ удивительный по глубинѣ мысли монологъ «Быть или не быть?» Но при великой силѣ мысли, при развитомъ умѣ и способности анализа, Гамлетъ вовсе не былъ холоднымъ человѣкомъ, лишеннымъ способности чувствовать. Слабѣе другихъ эмоцій были у него низшія эгоистическія чувства, что, конечно, вполнѣ понятно, потому что эти чувства — неумны, противорѣчатъ здравому мышленію. У Гамлета нѣтъ, напр., наклонности къ грубымъ физическимъ наслажденіямъ: онъ не любитъ пировъ, находитъ, что обычай пировать «забыть гораздо благороднѣй», что «похмелья и пирушки марaютъ насъ въ понятіи народовъ», что «всю славу дѣлъ великихъ и прекрасныхъ смываетъ съ насъ вино». А можетъ ли быть что-нибудь неразумнѣе страха во всѣхъ его видахъ? И Гамлетъ совершенно лишенъ этого унизительнаго чувства: онъ смѣло идетъ за тѣнью отца и ни мало не боится смерти. Онъ не знаетъ и пустого самолюбія: «я обиду перенесъ бы», говоритъ онъ, «во мнѣ нѣтъ жолчи, и мнѣ обида

не горька». Но жажда мщенія свойственно Гамлету; не даромъ онъ замѣчаетъ тѣни отца: «на крыльяхъ, какъ мысль любви, какъ вдохновенье быстрыхъ, я къ мести полечу». *Этическія* чувства Гамлета достигли очень значительной напряженности и играли видную роль въ его эмоціональной природѣ. Передъ нимъ ясно стояло понятіе о нравственномъ идеалѣ чистоты и совершенства, и онъ глубоко страдалъ отъ несоотвѣтствія дѣйствительности этому идеалу, что и выразилось особенно ярко во время его полубезумнаго на первый взглядъ, но вполнѣ понятнаго при его душевномъ состояніи разговора съ Офеліей въ третьемъ дѣйствіи. Едва ли не еще болѣе рельефнымъ выраженіемъ высокаго понятія Гамлета о нравственности и любви служитъ первый его монологъ въ первомъ дѣйствіи, когда онъ не можетъ опомниться отъ негодованія по поводу второго брака матери, послѣдовавшаго такъ скоро за смертью его отца. Сознаніе необходимости мщенія и неизбѣжности торжества пошлости и безнравственности на землѣ преисполняютъ Гамлета скептицизмомъ по отношенію къ величайшему изъ этическихъ чувствъ,—любви. Любовь парализуется у него такимъ образомъ другими эмоціями, но она все-таки, несомнѣнно, свойственна Гамлету и даже, напр., постоянно сквозитъ въ его жестокой бесѣдѣ съ Офеліей, такъ что вполнѣ справедливы его слова: «я любилъ Офелію, и сорокъ тысячъ братьевъ со всею полнотой любви не могутъ ее любить такъ горячо». Цѣлый рядъ сложныхъ чувствъ парализуетъ въ Гамлетѣ и всякую возможность непосредственнаго, немедленнаго и энергичнаго проявленія его, несомнѣнно, очень сильной любви къ отцу. Сила этой любви видна всего лучше изъ неподдѣльной скорби Гамлета по поводу смерти отца,—скорби, которой едва ли можно подыскать лучшее выраженіе, чѣмъ слѣдующія его слова: «ни траурный мой плащъ, ни черный цвѣтъ печальнаго наряда, ни грустный видъ унылаго лица, ни бурный вздохъ стѣсненнаго дыханья, ни слезъ текущій изъ очей потокъ—ничто, ничто изъ этихъ знаковъ скорби не скажетъ истины; ихъ можно и сыграть, и это все *казаться* точно можетъ. Въ моей душѣ ношу я то, что́ *есть*, что выше всѣхъ печали украшеній». Еще болѣе парализованной является искренняя любовь Гамлета къ матери, омраченная сознаніямъ ея «гнусной поспѣшности», быстраго паденія «въ кровосмѣшенья ложе». Вообще, можно сказать, что ни одно этическое чувство не чуждо датскому принцу; онъ, напр., знаетъ и цѣнитъ дружбу съ Горація и Марцелло; онъ преисполненъ доброжелательства ко всѣмъ, хорошо обращается съ актерами, искренне жалѣетъ случайно погибшаго отъ его руки Полонія, хорошо относится къ Лаэрту и т. д. Человѣкъ, въ духовной природѣ котораго видную роль играютъ эмоціи нравственнаго порядка, всегда нуждается въ вѣрѣ, имѣетъ серьезное *религіозное чувство*. Оно свойственно и Гамлету: онъ удерживается отъ самоубійства, потому что считаетъ его грѣхомъ; изъ религіозныхъ побужденій онъ не рѣшается убить короля въ то

время, когда послѣдній молится; «и воробей не погибнетъ безъ воли Провидѣнія», замѣчаетъ онъ въ разговорѣ съ Горація въ послѣднемъ дѣйствіи. *Эстетическое* чувство, чувство красоты, любовь къ искусству живетъ въ душѣ Гамлета, доступно ему въ высокой степени: онъ, напр., заставляетъ актера декламировать; его критическія замѣчанія и режиссерскія указанія отличаются большой тонкостью и глубиной. Особенно обращай вниманія на то, чтобы не переступать за границу естественнаго. Все, что изысканно, противорѣчитъ намѣренію театра, цѣль котораго была, есть и будетъ—отражать въ себѣ природу: добро зло, время и люди должны видѣть себя въ немъ, какъ въ зеркалѣ». Это, дѣйствительно, «сужденіе знатока», которое «должно перевѣшивать мнѣніе всѣхъ остальныхъ». Но въ то же время Гамлетъ не чистый эстетикъ, который никогда не позволилъ бы примѣшать къ искусству постороннія цѣли: театромъ Гамлетъ пользуется, чтобы изобличить короля въ преступленіи и придать себѣ рѣшимости въ мщеніи. Опять такимъ образомъ мы встрѣчаемъ конфликтъ чувствъ разныхъ порядковъ, причемъ трудно рѣшить, которое изъ нихъ сильнѣе, тѣмъ болѣе, что каждое далеко не ничтожно, а достигаетъ высокаго уровня развитія. Результатъ естественъ, понятенъ и давно сдѣлался ходячимъ общимъ мнѣніемъ: этотъ результатъ сводится къ слабости *воли*, къ крайней нерѣшительности къ внутреннему разладу. Коллизія чувствъ даетъ перевѣсъ анализу, уму, который разлагаетъ на составные элементы всякое хотѣніе, всякое волевое движеніе и тѣмъ уничтожаетъ послѣднее. Гамлетъ все время поступаетъ не такъ, какъ хочетъ, а какъ велятъ ему всесильныя обстоятельства. Онъ, въ сущности, плыветъ по теченію. Ему тяжело оставаться въ Даніи, и все-таки онъ остается, сдаваясь на просьбы короля и королевы. Онъ съ болью въ сердцѣ сознаетъ свою слабость, говоря: «я презрѣнный, малодушный рабъ, я дѣла чуждъ», «я расточаю сердце въ пустыхъ, словахъ «я слабъ и преданъ грусти», «мнѣ нужно основаніе потверже.» Гамлетъ никакъ не можетъ сдѣлать безповоротный шагъ въ ту или другую сторону: тысячи чувствъ и соображеній, взаимно перепутываясь, связываютъ по рукамъ и по ногамъ. Только исключительное стеченіе обстоятельствъ—состязаніе съ Лаэртомъ, коварный замыслъ короля погубить Гамлета, сознаніе Лаэрта, смерть матери—повели къ мщенію королю со стороны Гамлета. Этотъ заключительный поступокъ является такимъ образомъ не столько результатомъ внутренней психической работы и волевой энергіи, сколько слѣдствіемъ внѣшнихъ вліяній, повелительно направившихъ Гамлета на путь рѣшительныхъ дѣй-

Мы можемъ, слѣдовательно, сказать, что люди первой разновидности аналитическихъ характеровъ отличаются сильнымъ, но равномѣрнымъ развитіемъ всѣхъ эмоцій и происходящими отсюда объективизмомъ ума и параличемъ воли. Эту разновидность можно назвать аналитически—эмоціональнымъ типомъ.

Образцомъ второй разновидности аналитическаго типа я выберу характеръ Алексѣя Александровича Каренина опять изъ романа «Анна Каренина». Уже самая внѣшность Алексѣя Александровича, какъ она изображена у Толстого, указываетъ на человѣка необыкновенно уравновѣшеннаго, разсудочнаго, холоднаго. У него была «холодная и представительная фигура», «упорный и усталый взглядъ», говорилъ онъ «холодно и спокойно», «медлительнымъ и тонкимъ голосомъ». Какую важную роль играли въ жизни Каренина потребности и интересы ума—это лучше всего видно изъ его необыкновенной аккуратности и точности; «каждая минута жизни Алексѣя Александровича была занята и распредѣлена. И для того, чтобы успѣвать сдѣлать то, что ему предстояло каждый день, онъ держался строжайшей аккуратности. Безъ поспѣшности и безъ отдыха—было его девизомъ». «Несмотря на поглащавшія почти все его время служебныя обязанности, онъ считалъ своимъ долгомъ слѣдить за всѣмъ замѣчательнымъ, появлявшимся въ умственноой сферѣ». «Его интересовали книги политическія, философскія, богословскія». Каренинъ не былъ лишенъ и наблюдательности: онъ замѣтилъ, напр., что всѣ нашли неприличнымъ оживленный разговоръ Анны съ Вронскимъ во время появленія его въ гостиной графини Тверской; онъ также «зналъ несомнѣнно, что онъ былъ обманутый мужъ». Но на ряду со всѣмъ этимъ, несмотря на обширность, силу и проницательность ума, Каренинъ многого, однако, не понималъ, особенно, въ сферѣ чувства. Такъ, когда онъ сталъ замѣчать, что Анна относится къ Вронскому далеко не безразлично и совсѣмъ особенно, то онъ «чувствовалъ, что стоитъ лицомъ къ лицу передъ чѣмъ-то нелогичнымъ и безтолковымъ, и не зналъ, что надо дѣлать»; онъ не понималъ Анны: «переноситься мыслью и чувствомъ въ другое существо было душевное дѣйствіе, чуждое Алексѣю Александровичу. Онъ считалъ это душевное дѣйствіе вреднымъ и опаснымъ». Характеренъ и выходъ изъ такого положенія, найденный Карениным: «вопросы о ея чувствахъ — это не мое дѣло, это дѣло ея совѣсти и подлежитъ религіи,—сказалъ онъ себѣ, чувствуя облегченіе при сознаніи, что найденъ тотъ отдѣлъ узаконеній, которому подлежало возникшее обстоятельство, — моя же обязанность ясно опредѣляется: какъ глава семьи, я — лицо, обязанное руководить ею, и потому отчасти лицо отвѣтственное; я долженъ указать опасность, которую я вижу, предостеречь и даже употребить власть». Во всемъ этомъ сказалась какъ нельзя лучше крайняя узость, односторонность, субъективизмъ ума Каренина. Мы сейчасъ увидимъ, какъ дальнѣйшія наблюденія укажутъ на причину такой односторонности: эта причина—бѣдность эмоціональной жизни, слабость чувства въ различныхъ его проявленіяхъ. Едва ли не единственнымъ сколько-нибудь развитымъ *эгоистическимъ* чувствомъ Каренина было самолюбіе, соединенное со служебнымъ или чиновнымъ честолюбіемъ. Это самолюбіе заста-

вяло его скрывать даже тѣ небольшіе проблески нѣжности и привязанности, на какіе онъ былъ способенъ: такъ съ женой онъ говорилъ обыкновенно «тономъ насмѣшки надъ тѣмъ, кто бы на самомъ дѣлѣ такъ говорилъ». Онъ «исключительно отдался служебному честолюбію». Ему свойственно было до нѣкоторой степени и чувство страха: онъ «былъ физически робкій человѣкъ», боялся оружія и не могъ рѣшиться на дуэль. Все это вполнѣ понятно въ разсудочной натурѣ. Понятно также и то, что чувство гнѣва въ его крайнихъ или даже просто сильныхъ проявленіяхъ было несвойственно Каренину: такъ когда Анна прямо объявила ему о своей связи съ Вранскимъ, то «Алексѣй Александровичъ не пошевелился и не измѣнилъ прямого направленія взгляда, но все лицо его вдругъ приняло торжественную неподвижность мертваго». Не менѣе бѣдна содержаніемъ и сфера *этическихъ* чувствъ Каренина. Начать съ того, что потребность въ нравственномъ идеалѣ замѣнялась у него узкимъ кодексомъ правилъ общепринятой морали и понятіемъ о приличіи. Зная о связи жены съ Вронскимъ, онъ рѣшилъ бывать у нея на дачѣ разъ въ недѣлю «для приличія». Этому соотвѣтствовала и слабость другихъ чувствъ нравственнаго порядка. «Ни въ гимназіи, ни въ университетѣ, ни послѣ на службѣ Алексѣй Александровичъ не завязалъ ни съ кѣмъ дружескихъ отношеній». Любовь къ женщинѣ въ сущности мало значила для него: передъ женитьбой онъ «долго колебался» и потомъ только «отдалъ невѣстѣ и женѣ все то чувство, на которое былъ способенъ». А онъ способенъ былъ въ этомъ отношеніи на очень немногое: въ сущности все содержаніе его чувства очень хорошо выразилось въ слѣдующихъ словахъ, сказанныхъ имъ Аннѣ при ея возвращеніи изъ Москвы: «опять буду обѣдать не одинъ. Ты не повѣришь, какъ я привыкъ». Нечего и говорить объ отношеніи къ другимъ людямъ, къ чужимъ, къ постороннимъ: холодность, разсчетъ и отчужденіе—вотъ къ чему оно сводилось. Каренинъ, напр., «очень дорожилъ» кружкомъ графини Лидіи Ивановны, состоявшимъ изъ «старыхъ, некрасивыхъ, добродѣтельныхъ и набожныхъ женщинъ и умныхъ, ученыхъ, честолюбивыхъ мужчинъ», но дорожилъ онъ имъ по той причинѣ, что черезъ него «сдѣлалъ свою карьеру». Характерно также отношеніе къ Вронскому при первой съ нимъ встрѣчѣ на вокзалѣ: Каренинъ смотрѣлъ на него «съ неудовольствіемъ, разсѣянно вспоминая, кто это», и «холодно» пригласилъ его бывать у себя. Только гдѣ то далеко въ глубинѣ души тлѣла у Алексѣя Александровича искра истинно человѣческаго состраданія и жалости, приводившая къ тому, что онъ «не могъ равнодушно видѣть слезы ребенка или женщины. Видъ слезъ приводилъ его въ растерянное состояніе, и онъ терялъ совершенно способность соображенія». Только разъ въ жизни эта искра разгорѣлась въ пламя: при опасной болѣзни Анны «радостное чувство любви и прощенія къ врагамъ наполнило его душу». «Онъ у постели боль-

ной жены въ первый разъ въ жизни отдался тому чувству умиленнаго состраданія, которое въ немъ вызывали страданія другихъ людей, и котораго онъ прежде стыдился, какъ вредной слабости». Но это было единственный разъ въ жизни. Если этическія чувства Каренина были слабы, то чувствъ *эстетическихъ* у него, можно сказать, совсѣмъ не было: «искусство было по его натурѣ совершенно чуждо ему, но, несмотря на это, или лучше вслѣдствіе этого, Алексѣй Александровичъ не пропускалъ ничего изъ того, что дѣлало шумъ въ этой области, и считалъ своимъ долгомъ все читать. Въ области политики, философіи, богословія Алексѣй Александровичъ сомнѣвался или отыскивалъ, но въ вопросахъ искусства и поэзіи, въ особенности музыки, пониманія которой онъ былъ совершенно лишенъ, у него были самыя опредѣленныя, твердыя мнѣнія. Онъ любилъ говорить о Шекспирѣ, Рафаэлѣ, Бетховенѣ, о значеніи новыхъ школъ поэзіи и музыки, которыя всѣ были у него распредѣлены съ очень ясною послѣдовательностью». Послѣ всего сказаннаго ясно, что натура, подобная Каренину, должна быть лишена и чувствъ *общественныхъ* и *религіозныхъ*. И въ самомъ дѣлѣ: общественныя чувства Каренина не были серьезны; онъ въ сущности не имѣлъ ихъ, и основаніями его убѣжденій служили или его чиновничье честолюбіе и самолюбіе, или взгляды тѣхъ, кто стоялъ выше его на ступеняхъ чиновной лѣстницы. «Алексѣй Александровичъ сочувствовалъ гласному суду въ принципѣ, но нѣкоторымъ подробностямъ его примѣненія у насъ онъ не вполнѣ сочувствовалъ, *по извѣстнымъ ему высшимъ служебнымъ отношеніямъ*, и осуждалъ, насколько онъ могъ осуждать что-либо высочайше утвержденное». «Съ самодовольной улыбкой разсказывалъ онъ о шумѣ, который произвело новое положеніе, проведенное имъ въ совѣтѣ, объ овацiяхъ, которыя были ему по этому случаю сдѣланы». «Въ головѣ его нарождалась капитальная мысль, долженствующая распутать все это (служебное) дѣло, возвысить его въ служебной карьерѣ, уронить его враговъ и потому принести величайшую пользу государству». Тѣ же мотивы лежали и въ основѣ религіознаго чувства Каренина: «переживая тяжелыя минуты, онъ и не подумалъ ни разу о томъ, чтобы искать руководства въ религіи». «Онъ былъ вѣрующій человѣкъ, интересовавшійся религіей преимущественно въ политическомъ смыслѣ». Неудивительно поэтому, что въ концѣ концовъ Каренинъ вдался въ ханжество и мистицизмъ: «онъ каждую минуту думалъ, что въ душѣ его живетъ Христосъ, и что, подписывая бумаги, онъ исполняетъ Его волю». И въ то же время его образъ дѣйствій уже совершенно не соотвѣтствовалъ нравственнымъ принципамъ христіанства: онъ наотрѣзъ отказалъ Аннѣ въ столь необходимомъ для нея разводѣ. Понятно, что тогда, когда можно было положить въ основу своихъ дѣйствій холодныя соображенія ума, Каренинъ не колебался и былъ рѣшителенъ. Но его *воля* совершенно парализовалась, и онъ былъ

безпомощенъ, когда дѣло касалось болѣе деликатныхъ отношеній и интимныхъ чувствъ.

Итакъ чисто аналитическіе характеры отличаются преобладаніемъ ума, чисто однако субъективнаго, слабостью всей эмоціональной сферы и весьма ограниченной силою воли.

Шесть характеризованныхъ нами психическихъ типовъ—этическій, эстетическій, индивидуалистическій, эгоистическій, аналитически-эмоціональный и чистоаналитическій—представляютъ собою главное и основное, что необходимо было выяснить въ этологіи современнаго намъ общества для того, чтобы дать съ той же точки зрѣнія характеристику древнѣйшаго русскаго общества. Само собою разумѣется, для полноты изображенія слѣдовало бы еще коснуться патологическихъ типовъ, изъ которыхъ первенствующее въ общественномъ развитіи значеніе принадлежитъ эротоманамъ, и такихъ сложныхъ характеровъ, въ основѣ психической организаціи которыхъ лежатъ двѣ главныхъ черты, борющихся между собою, но со всѣми этими разновидностями мы познакомимся впослѣдствіи, при ихъ постепенномъ образованіи. Теперь же вернемся къ кіевской Руси.

Чтобы опредѣлить отличительныя свойства извѣстнаго общества съ точки зрѣнія психологіи характера, надо выбрать для характеристики прежде всего такую личность, которая, во-первыхъ, была бы типической для своего времени и, во-вторыхъ, обладала бы выдающимися природными свойствами, достаточно притомъ развитыми всей суммой образовательныхъ и соціальныхъ вліяній, въ то время существовавшихъ. Взявъ такую личность, мы, характеризуя ее, опредѣлимъ *высшій* типъ психологическаго развитія, достигнутый эпохой, а это дастъ намъ возможность разобраться и въ остальныхъ подробностяхъ вопроса. Я думаю, что изложеннымъ условіямъ соотвѣтствуетъ личность Владиміра Мономаха. Онъ стоялъ на вершинѣ общественной лѣстницы, отличался выдающимися талантами и высокимъ по тому времени образованіемъ и въ то же время, какъ признаютъ изслѣдователи, въ сущности, «не возвышался надъ своимъ вѣкомъ». Мы издавна привыкли вѣрить словамъ южнаго лѣтописца, горячаго поклонника Мономаха, что этотъ князь былъ «добрымъ страдальцемъ за русскую землю», которую онъ постоянно защищалъ отъ половцевъ и въ которой устанавливалъ внутренній миръ, устраняя княжескія усобицы. Эта характеристика, если ей безусловно вѣрить, создаетъ впечатлѣніе, что Владиміръ Мономахъ—настоящій этическій характеръ, для котораго нравственный идеалъ—все въ жизни. Но мы не должны принимать ничего безъ критики, а критическій анализъ въ данномъ случаѣ совершенно мѣняетъ первоначальное впечатлѣніе. Нѣтъ спора: въ два послѣднія десятилѣтія своей жизни Мономахъ много боролся съ половцами, сознательно преслѣдуя при этомъ народные русскіе интересы. Но въ этой борьбѣ замѣтны и мотивы иного рода, не имѣющіе ничего об-

щаго съ нравственнымъ идеаломъ: прежде всего Владиміръ былъ очень чутокъ къ общественному мнѣнію, а оно недвусмысленно указывало на необходимость борьбы; затѣмъ онъ хорошо понималъ, что борьба эта выдвигаетъ его на первый планъ между князьями, создаетъ ему славу и даетъ власть, а къ славѣ и власти, какъ сейчасъ увидимъ, онъ далеко не былъ равнодушенъ; наконецъ, Мономахъ владѣлъ съ молодыхъ лѣтъ Переяславской областью, которая, находясь въ ближайшемъ сосѣдствѣ со степью, подвергалась наибольшей опасности отъ половцевъ, такъ что борьба съ кочевниками соотвѣтствовала и собственнымъ, личнымъ интересамъ переяславскаго князя. Притомъ же борьба съ половцами была не главной составной частью даже и военной дѣятельности Мономаха, не говоря уже о другихъ сторонахъ этой дѣятельности. Въ своемъ «Поученіи» Мономахъ доставляетъ намъ драгоцѣнный матеріалъ, позволяющій понять, что онъ воевалъ въ своей жизни не столько для защиты родины отъ внѣшнихъ враговъ, сколько въ интересахъ личныхъ и династическихъ, причемъ не колеблясь направлялъ свое оружіе противъ того самаго народа, добрымъ страдальцемъ за который называетъ его нашъ южный лѣтописецъ. Во время одной изъ такихъ усобицъ, разсказываетъ Мономахъ, онъ взялъ русскій же городъ Минскъ и не оставилъ тамъ «ни челядина, ни скотины»,—всѣ были вырѣзаны. И это—добрый страдалецъ за «русскую землю»? Утвердившись въ Кіевѣ, Мономахъ сталъ вести дѣятельную и разсчетливую политику въ пользу сосредоточенія русскихъ земель въ рукахъ своего потомства и успѣлъ собрать $^3/_4$ всей Руси. Недавно доказано, какъ двусмысленно и эгоистично было поведеніе Мономаха въ извѣстномъ черномъ дѣлѣ конца XI-го вѣка,—ослѣпленіи князя Василька. Въ самомъ дѣлѣ: странно уже то, что, по разсказу Василя, занесенному въ «Начальный лѣтописный сводъ», Мономахъ проливалъ слезы о преступленіи Святополка и Давида надъ Васильком, а потомъ самъ же наградилъ Святополка Волынью и хотѣлъ лишить волости несчастнаго Василька. Въ дѣйствительности не нравственныя соображенія и не стремленіе возстановить попранное право и оскорбленную справедливость вызвали походъ Владиміра и Святославичей на Святополка и Давида: Владиміръ сблизился со Святославичами и пошелъ на Святополка, хорошо понимая недовольство Святополка тѣмъ, что Мстиславъ Владиміровичъ сдѣлался княземъ въ Новгородѣ; но не въ интересахъ Мономаха было лишать Святополка кіевскаго стола, потому что это значило расчищать дорогу для занятія послѣдняго Олегу Святославичу, и потому Мономахъ и не подумалъ наказывать Святополка за участіе въ ослѣпленіи Василька, а ограничился тѣмъ, что разстроилъ союзъ Святополка съ Давидомъ, пообѣщавъ первому Волынь. Мы имѣемъ вообще не мало доказательствъ того, что эгоистическія чувства—простѣйшія и сложныя—играли важную роль въ духовной природѣ Владиміра Мономаха. Правда, въ скупости его нельзя

подозрѣвать—онъ былъ щедръ,—но хозяйственность, практичность въ матеріальныхъ вопросахъ составляла одну изъ его характеристическихъ чертъ: онъ не только умѣлъ пріумножить свои владѣнія, но, по его словамъ, «творилъ и весь нарядъ въ дому своемъ», велъ все свое домашнее хозяйство. Славолюбіе или честолюбіе было его страстью: онъ совѣтуетъ хорошо принимать иностранцевъ, чтобы они разносили добрую славу; онъ гордится и хвалится своими военными подвигами и своей охотничьей удалью, съ удовольствіемъ вспоминая, какъ онъ ловилъ дикихъ коней и какія опасности вытерпѣлъ отъ туровъ, вепрей, медвѣдей. При всемъ томъ было бы ошибкой считать Мономаха эгоистическимъ или индивидуалистическимъ характеромъ, потому что эгоистическія чувства—высшія и низшія—не играли опредѣляющей, главной роли въ его духовной природѣ. Мы уже видѣли, что въ его общественной дѣятельности были и этическіе элементы. Намъ мало извѣстна его интимная жизнь, но, повидимому, и она не лишена была этическихъ элементовъ: по крайней мѣрѣ, изъ письма Мономаха къ Олегу Святославичу видна сильная его привязанность къ сыну, убитому въ усобицѣ съ Олегомъ. Итакъ, надо признать, что эгоистическія и этическія чувства находились въ душѣ Мономаха въ постоянной борьбѣ или даже чаще существовали рядомъ, не вступая между собою ни въ какую связь, а проявляясь въ его дѣятельности попеременно. Все это отразилось и на его религіозномъ чувствѣ: его «Поученіе» свидѣтельствуетъ о несомнѣнной, большой набожности автора, но отъ набожности до глубокаго религіознаго чувства еще далеко; правда, по письму къ Олегу видно, что Мономахъ понималъ «законъ христіанина —прощать и миловать», но едва ли можно признать это примирительное письмо вполнѣ искреннимъ: недаромъ Олегъ ему не повѣрилъ, да и не надо забывать, что въ то время сыновья Мономаха на сѣверѣ были въ большой опасности: по собственнымъ словамъ письма Олегъ могъ ихъ всѣхъ убить. Большая тактичность Мономаха, его ясный, практическій умъ также не вяжутся, наконецъ, съ представленіемъ о немъ, какъ объ этической натурѣ.

Владиміръ Мономахъ далекъ отъ насъ. Мы не имѣемъ никакихъ побужденій выступать противъ него съ обличительными памфлетами въ противовѣсъ панегирику, вышедшему изъ-подъ пера древняго лѣтописателя. Безспорно, у Мономаха были зародыши добрыхъ чувствъ и высокихъ побужденій, но на ряду съ ними въ этой натурѣ можно наблюдать и дурные задатки, столь же зачаточные, безсвязные и безпорядочные. Это собственно не характеръ, не типъ, а только едва разрыхленная, слабо подготовленная почва для развитія цѣлаго ряда разныхъ характеровъ, неорганизованный матеріалъ, первоначальный хаосъ, механическая, безсвязная смѣсь самыхъ разнообразныхъ душевныхъ свойствъ, находящихся притомъ въ зародышѣ. Но если такова была *высшая* ступень психологическаго развитія, достигнутая

въ кіевскій періодъ, то что же можно сказать о низшихъ? Неясно ли, что тамъ характеръ психической неорганизованности долженъ былъ выразиться еще сильнѣе? Мнѣ кажется, что этотъ выводъ освобождаетъ насъ отъ необходимости характеризовать другихъ историческихъ дѣятелей изучаемаго періода и даетъ намъ возможность отмѣтить психическую (въ частности волевую) неорганизованность древнѣйшаго русскаго общества.

Закончивъ изученіе духовной жизни древнѣйшей Россіи, мы, по принятому нами порядку, должны теперь поставить только что изученныя явленія въ связь съ историческими процессами, ранѣе нами изслѣдованными. Эту связь мы можемъ установить только черезъ посредство того соединительнаго звена, которымъ является психологическая характеристика, сейчасъ представленная. Въ самомъ дѣлѣ: вѣдь эта психологическая или этологическая характеристика собираетъ воедино, разомъ обнимаетъ всѣ отдѣльныя наблюденія, произведенныя нами раньше надъ нравственной, эстетической, религіозной, умственной жизнью древнѣйшаго русскаго общества; мы убѣдились въ свое время, что нравственная жизнь отличалась примитивностью, господствомъ грубыхъ инстинктовъ съ примѣсью къ нимъ новыхъ этическихъ началъ, не вступавшихъ притомъ въ органическую связь со старыми и неглубокихъ; что въ религіи господствовала такая же механическая смѣсь разныхъ вѣрованій, отмѣченная названіемъ двоевѣрія, что искусство отразило въ себѣ непереработанныя и безсвязныя вліянія иностранныхъ образцовъ, и что, наконецъ, просвѣщеніе общества стояло на самомъ низкомъ уровнѣ развитія. *Теперь ясна причина всего этого—психологическая неорганизованность общества*: какъ отдѣльный некультурный человѣкъ не въ силахъ противостоять никакому внѣшнему вліянію, не въ состояніи его переработать и найти ему мѣсто въ системѣ своихъ воззрѣній, потому что какъ разъ этой *системы* у него и нѣтъ, такъ и некультурное общество, не имѣя въ своемъ составѣ ни одной личности въ законченномъ, отлившемся въ опредѣленную форму видѣ, представляетъ собою съ психологической точки зрѣнія безпорядочную массу первоначальныхъ матеріаловъ, изъ которыхъ только въ будущемъ должна выработаться стройная и опредѣленная общественно-психологическая жизнь.

Но если отсутствіе цѣльныхъ и опредѣленныхъ характеровъ всецѣло опредѣляетъ всѣ подробности духовнаго состоянія общества въ кіевскій періодъ русской исторіи, то, спрашивается, чѣмъ же обусловливается самое отсутствіе характеровъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается въ томъ, что намъ извѣстно о процессахъ политическаго, соціальнаго и хозяйственнаго развитія кіевской Руси. Мы наблюдали тамъ полную неорганизованность государственнаго союза: отсутствіе учрежденій, примитивныя понятія о субъектѣ власти и о цѣли госу-

дарственнаго союза; мы наблюдали слабость расчлененія общества, въ которомъ не было сословій, и даже классы едва только слабо намѣчались; мы видѣли господство натуральнаго хозяйства, первобытной хозяйственной системы, примитивныхъ формъ землевладѣнія съ едва начинавшеюся примѣсью нѣкоторыхъ вновь зарождавшихся явленій. *Неорганизованность, безсвязность—общая черта всѣхъ процессовъ общежитія, совершавшихся въ кіевскій періодъ. Поэтому не отдѣльныя подробности матеріальной (т. е. экономической, соціальной и политической) исторіи, а вся она въ цѣломъ вліяла на духовное состояніе общества, дѣлая послѣднее такимъ-же аморфнымъ, безформеннымъ и безсвязнымъ въ психологическомъ отношеніи, какимъ оно было въ отношеніи хозяйственномъ, соціальномъ и политическомъ.* Самое большее, что можно допустить,—это слабые зародыши новаго будущаго, но это относится ко всѣмъ сферамъ общественной жизни совершенно одинаково.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Общіе историческіе и соціологическіе выводы.

Намъ предстоитъ теперь подвести итогъ всему предшествующему изложенію съ исторической и соціологической точекъ зрѣнія. Итогъ историческаго изученія древнѣйшей Россіи сводится къ тому порядку, въ которомъ располагаются изслѣдованныя явленія съ точки зрѣнія ихъ зависимости одно отъ другого. Въ этомъ отношеніи можно, на основаніи всего предшествующаго изложенія, составить слѣдующую связную цѣпь явленій.

I. Основнымъ явленіемъ, зерномъ, изъ котораго развилось все послѣдующее, была рѣдкость населенія сравнительно съ громаднымъ пространствомъ страны, изобиловавшей ботаническими и зоологическими богатствами.

II. Послѣдствіемъ этого основного явленія явилось преобладаніе въ народномъ хозяйствѣ кіевской Руси добывающей промышленности и скотоводства при второстепенномъ значеніи земледѣлія и внѣшней торговли и съ нѣкоторой, совершенно уже ничтожной, примѣсью внутренней торговли и обрабатывающей промышленности.

III. Въ свою очередь относительно значеніе разныхъ отраслей производство оказало вліяніе на формы землевладѣнія; именно: господство добывающей промышленности и скотоводства повело къ преобладанію вольнаго землепользованія, а примѣсь земледѣлія и внѣшней торговли ограничила вольное землепользованіе предѣлами верви и вызвала къ жизни основанное на идеѣ полной собственности землевладѣніе князей, бояръ и монастырей.

IV. Существовавшія въ кіевской Руси отрасли производства (см. II)

и формы землевладѣнія (см. III) опредѣлили форму хозяйства: вольное землепользованіе на ряду съ преобладаніемъ добывающей промышленности и скотоводства создало семейную форму предпріятій, въ то время какъ землевладѣніе князей, бояръ и монастырей вмѣстѣ съ земледѣліемъ и внѣшней торговлей произвело новыя формы труда,—полусвободныя и несвободныя.

V. Тѣми же условіями, т.-е. господствомъ добывающей промышленности и скотоводства и вольнымъ землепользованіемъ, опредѣлялась существовавшая въ кіевскій періодъ экстенсивная система хозяйства.

VI. Второе, третье и четвертое явленія, т.-е. господство первобытныхъ отраслей промышленности (II), вольнаго землепользованія (III) и семейной формы хозяйства (IV), вызвали приблизительно равномѣрное распредѣленіе предметовъ необходимости, между тѣмъ какъ примѣсь внѣшней торговли (II), полной личной собственности на землю (III) и несвободнаго и полусвободнаго труда (IV) сосредоточила денежный капиталъ въ немногихъ рукахъ.

VII. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ второго, третьяго, четвертаго и шестого явленій сложились главныя особенности соціальнаго строя кіевской Руси, именно: преобладаніе добывающей промышленности и скотоводства (II), вольнаго землепользованія (III), домашней формы производства (IV) и равномѣрнаго распредѣленія натурально-хозяйственныхъ благъ между отдѣльными семьями (VI) привело къ господству класса смердовъ; а развитіе классовъ бояръ и купцовъ и ростъ числа холоповъ и закуповъ были вызваны къ жизни примѣсью внѣшней торговли (II), зарожденіемъ личнаго землевладѣнія (III) и владѣльческихъ формъ хозяйства (IV) и, наконецъ, сосредоточеніемъ денежныхъ капиталовъ въ рукахъ торговавшаго меньшинства (VI).

VIII. Соціальныя потребности (VII) и нужды добывающей промышленности и внѣшней торговли (II) совокупнымъ своимъ дѣйствіемъ создали древнѣйшее русское государство.

IX. Соціальное значеніе смердовъ (VII) отразилось на роли вѣча, а боярская дума была отраженіемъ вліянія боярскаго класса (VII).

X. Слѣдствіемъ преобладанія добывающей промышленности и скотоводства (II), господства вольнаго землепользованія (III) и первобытной системы хозяйства (V) явился примитивный государственный строй, отличающійся слабостью организаціи средствъ управленія, преобладаніемъ личныхъ интересовъ и личнымъ господствомъ.

XI. Примитивность государственнаго строя (X) создала церковь, какъ учрежденіе, и духовенство, какъ общественную группу.

XII. Преобладаніе добывающей промышленности и скотоводства (II), вольнаго землепользованія (III), экстенсивной системы хозяйства (V), развитіе полусвободныхъ и несвободныхъ состояній (VII) и примитивный политическій строй (X) произвели и развили рѣзко выражен-

ный процессъ колонизаціи, разселенія русскаго народа по восточно-европейской равнинѣ.

XIII. Неорганизованность общества въ экономическомъ, соціальномъ и политическомъ отношеніяхъ (II—X) имѣла послѣдствіемъ психологическую аморфность общества, отсутствіе сложившихся и рѣзко выраженныхъ характеровъ.

XIV. Психологическая аморфность общества повлекла за собой, наконецъ, безсвязность и нестройность нравственныхъ чувствъ, религіозныхъ воззрѣній, подражательность искусства и литературы, слабость просвѣщенія.

Таковы общіе *историческіе* выводы, получающіеся въ результатѣ изученія общественной жизни въ древнѣйшей Россіи. Спрашивается теперь: какое *соціологическое* значеніе они имѣютъ? Другими словами: поскольку можно считать установленныя нами явленія и ихъ связь выраженіемъ общихъ законовъ общественной жизни, и каковы именно эти общіе законы? Мы думаемъ, что *историческое развитіе кіевской Руси надо признать типическимъ для первоначальнаго развитія всякаго другого народа, находящагося на низкомъ уровнѣ культуры и живущаго въ условіяхъ почти еще совершенно дѣвственной природы.* Невозможно вдаваться въ подробныя историческія параллели, но стоитъ напомнить объ основныхъ чертахъ историческаго развитія древнихъ германцевъ передъ ихъ поселеніемъ въ предѣлахъ Западной римской имперіи, отчасти также въ первое время послѣ этого поселенія. Изучая экономическій бытъ кіевской Руси, мы уже проводили параллель между господствующими отраслями промышленности и формами земледѣлія у древнихъ германцевъ и у русскихъ въ кіевскій періодъ, такъ что повторять это незачѣмъ. Подсѣчная и переложная системы земледѣлія существовали и въ древней Германіи, и въ кіевской Руси. И у германцевъ можно наблюдать—далѣе—появленіе частновладѣльческихъ хуторовъ и обработку земли въ нихъ рабами и полусвободными, закабаленными за долги. На ряду съ просто свободными начали выдѣляться у германцевъ и знатные—principes римскихъ писателей. Вѣче, напр., по свидѣтельству Тацита, являлось у германцевъ первымъ, главнымъ органомъ власти. Мало-по-малу появились князья, герцоги и короли, сложился первоначальный государственный союзъ. Всѣ эти учрежденія и порядки поразительно похожи на древнѣйшіе русскіе. То же надо сказать о языческой религіи германцевъ и о народной ихъ поэзіи, а съ принятіемъ ими христіанства можно видѣть и знакомое уже намъ двоевѣріе, и рядъ римскихъ вліяній въ литературѣ и искусствѣ, и нравственную безпорядочность, и психологическую безформенность.

Явленія, совершенно параллельныя нами изслѣдованнымъ, можно было бы наблюдать и въ древнѣйшихъ Греціи и Римѣ и вообще почти во всякой другой первобытной еще странѣ, начинающей заселяться некультурнымъ народомъ. Исключенія представляютъ лишь такія страны,

какъ Египетъ и Ассиро-Вавилонія, гдѣ самыя природныя условія— главнымъ образомъ разливы громадныхъ рѣкъ, утучняющихъ при этомъ почву и заставляющихъ человѣка позаботиться объ искусственномъ орошеніи въ сухое время, — предопредѣлили преобладаніе земледѣлія. Но исключенія ничего не говорятъ противъ общаго правила.

Изслѣдованный нами матеріалъ не даетъ намъ еще права сдѣлать окончательный выводъ по главному соціологическому вопросу,—о томъ, какой изъ пяти процессовъ общежитія долженъ быть признанъ основнымъ, потому что изученъ только начальный, первый періодъ исторической жизни русскаго народа, и то, что оказывается установленнымъ и прочнымъ для него, легко можетъ быть непримѣнимымъ къ послѣдующему времени. Такимъ образомъ вопросъ этотъ въ его общей, окончательной формѣ остается пока открытымъ. Но это не мѣшаетъ формулировать отвѣтъ на него *для даннаго періода*. Изъ предыдущаго видно прежде всего, что *простѣйшимъ процессомъ является процессъ экономическій*, для объясненія котораго нѣтъ нужды въ изученіи соціальныхъ, политическихъ и психологическихъ явленій, а достаточно принять во вниманіе только отношеніе пространства страны къ ея населенію. Этотъ экономическій процессъ разлагается на составные элементы, изъ которыхъ одни являются производными отъ другихъ. Вообще можно, слѣдовательно, сказать, что *хозяйственныя явленія въ началѣ исторической жизни опредѣляются въ своемъ развитіи вліяніемъ или внѣшней природы, или другихъ хозяйственныхъ же явленій*. Идя далѣе, можно замѣтить, что *соціальный процессъ слагается подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ экономическихъ явленій*,—именно господства первобытныхъ отраслей производства, первоначальныхъ формъ землевладѣнія, семейной формы хозяйства и равномѣрнаго распредѣленія хозяйственныхъ благъ, кромѣ денежнаго капитала. Мы видѣли также, что *непосредственная роль соціальныхъ явленій въ политическомъ процессѣ очень велика; но на ряду съ ними вліяютъ непосредственно и явленія экономическія*. Наконецъ, *психологическій процессъ развитія некультурнаго общества слагается изъ непосредственныхъ вліяній и экономическаго, и соціальнаго, и политическаго процессовъ*. Въ такой перспективѣ располагаются основные процессы общежитія при свѣтѣ тѣхъ конкретныхъ данныхъ, какія представляетъ намъ первый періодъ русской исторіи. Дальнѣйшее изученіе должно повести къ повѣркѣ полученныхъ выводовъ и къ пополненію ихъ большими подробностями.

Существуетъ еще одинъ вопросъ, который нельзя игнорировать,— особенно въ настоящее время: это вопросъ объ оцѣнкѣ историческихъ явленій съ нравственной точки зрѣнія, о томъ, благодѣтельны или зловредны были порядки, существовавшіе въ древней Россіи. Въ предшествующемъ изложеніи намъ неоднократно приходилось сравнивать современные порядки съ древними, но это было только сравненіе, из-

вѣстный пріемъ теоретическаго изученія съ цѣлью большаго уясненія вопроса, а вовсе не нравственная оцѣнка; это было сужденіе, относящееся къ категоріи бытія, а не сужденіе, относящееся къ категоріи долженствованія: мы рѣшали вопросъ о томъ, что было, а не о томъ, что должно было быть съ точки зрѣнія моралистической. Примѣнима ли моралистическая точка зрѣнія въ данномъ случаѣ? Мы думаемъ, что она вполнѣ и всегда законна, потому что человѣкъ не только познаетъ и чувствуетъ, но и имѣетъ желанія и дѣйствуетъ. Въ примѣненіи къ историческимъ явленіямъ она полезна по той причинѣ, что такимъ путемъ лучше всего можно научиться правильно примѣнять ее къ современности. Но какъ ее *правильно* примѣнить? На этомъ вопросѣ необходимо остановиться внимательнѣе.

Ни одинъ сторонникъ научнаго міровоззрѣнія или, что то же, ни одинъ критическій позитивистъ ничего не можетъ возразить противъ сужденій по категоріи долженствованія по той причинѣ, что эти сужденія—эмпирическій фактъ, устанавливаемый научно, т.-е. при помощи точно провѣренныхъ и правильно поставленныхъ опыта и наблюденія. Разногласіе между позитивистами и такъ называемыми идеалистами или метафизиками начинается тогда, когда у послѣднихъ заходитъ рѣчь объ особой природѣ нравственныхъ явленій, объ абсолютномъ характерѣ нравственныхъ понятій, основнымъ изъ которыхъ признается понятіе «добра». Въ основѣ этого разногласія лежитъ гносеологическій вопросъ, т.-е. вопросъ, относящійся къ теоріи познанія. Гносеологія идеалистовъ, слѣдующихъ въ этомъ отношеніи Канту, отличается дуализмомъ: они признаютъ, что въ области чистаго разума (въ явленіяхъ, подводимыхъ подъ категорію бытія) человѣческое знаніе относительно, человѣкъ познаетъ только феномены, а не ноумены, не сущности вещей, ему доступны лишь состоянія собственнаго сознанія, но въ области практическаго разума (въ явленіяхъ, подводимыхъ подъ категорію долженствованія) господствуютъ, по мнѣнію идеалистовъ, абсолютныя начала, не познаваемыя человѣкомъ посредствомъ опыта и наблюденія, а постигаемыя имъ при помощи внутренней интуиціи, умозрѣнія, независимаго отъ научныхъ пріемовъ познанія и ничего общаго съ ними не имѣющаго. Позитивисты не могутъ принять эту дуалистическую гносеологію и настаиваютъ на томъ, что можно назвать феноменологическимъ монизмомъ въ теоріи познанія: человѣкъ познаетъ всегда только феномены и ничего больше; онъ познаетъ ихъ лишь путемъ опыта и наблюденія. Вотъ два положенія, на которыхъ покоится позитивно-критическая теорія познанія. Что эта теорія должна быть примѣняема и къ явленіямъ категоріи долженствованія,—это видно изъ того, во-первыхъ, что, анализируя фармальное, лишенное всякаго содержанія, понятіе добра, мы не найдемъ въ немъ ничего, кромѣ простого констатированія того эмпирически-устанавливаемаго факта, что человѣкъ имѣетъ волю и дѣйствуетъ; во-вторыхъ, изъ того, что

какъ только мы попытаемся заполнить эту форму конкретнымъ содержаніемъ, такъ безъ труда убѣдимся въ относительности и нашихъ нравственныхъ понятій: допустимъ напр., что мы признаемъ добромъ свободу; это признаніе въ его абсолютной формѣ совершенно несостоятельно, потому что не всякая свобода соотвѣтствуетъ реальнымъ интересамъ общества какъ цѣлаго: такъ пресловутая свобода труда, отрицающая рабочія организаціи и рабочее законодательство, несомнѣнное зло не только для рабочихъ, но и для общества какъ цѣлаго, потому что ведетъ къ угнетенію и вырожденію значительной части населенія.

Итакъ моральныя истины также относительны, какъ и истины теоретическія, категорія долженствованія и категорія бытія ничѣмъ не отличаются съ гносеологической точки зрѣнія. Но у этой относительности понятій «истина» и «добро» есть свои предѣлы, опредѣляемые опять-таки на основаніи теоріи познанія: при всѣхъ различіяхъ въ условіяхъ мѣста и времени, состоянія сознанія разныхъ людей имѣютъ много общаго между собой; на этомъ основывается преемство идей; это выяснится для насъ съ особенной полнотой позднѣе, когда будетъ развита нами въ послѣдующемъ изложеніи теорія этологическаго развитія общества.

Изъ сказаннаго видно такимъ образомъ, что *основное понятіе позитивной или научной морали это реальные интересы общества какъ цѣлаго*. Понятно, что эти реальные интересы неразрывно связаны съ условіями времени, такъ что при опредѣленіи первыхъ нельзя игнорировать послѣднія. А это значитъ, что, производя нравственный судъ надъ историческимъ прошлымъ, мы не имѣемъ права принимать за основу этого суда наши современныя нравственныя понятія, а должны стать на точку зрѣнія того прошлаго историческаго момента, о которомъ мы судимъ. Съ нашей современной точки зрѣнія хозяйственные, соціальные, политическіе порядки и психологическое состояніе кіевской Руси необыкновенно дурны, мы не въ состояніи представить себѣ, чтобы возможно было для насъ благоденствіе при такихъ условіяхъ. *Для насъ* оно дѣйствительно невозможно, но *для людей того времени* оно было въ большинствѣ случаевъ не только возможностью, но и реальнымъ фактомъ. Возьмемъ одинъ конкретный примѣръ: допустимъ, что по какой-нибудь случайности, на дѣлѣ, конечно, совершенно невозможной, судъ въ кіевскій періодъ потерялъ бы свойственный ему формальный характеръ и обратился бы въ судъ по существу, съ предварительнымъ слѣдствіемъ, съ участіемъ прокуратуры, съ оцѣнкой и оспариваніемъ судебныхъ доказательствъ; не говоря о всемъ прочемъ, такая судебная организація въ концѣ разорила бы населеніе вслѣдствіе своей дороговизны; мало того: она не содѣйствовала бы и правосудію въ той, по крайней мѣрѣ, степени, въ какой его интересамъ удовлетворялъ судебный формализмъ того времени: она открыла бы,

по условіямъ того времени (слабости власти, некультурности населенія отсутствію надзора и т. д.), большой просторъ для судейскаго усмотрѣнія, тогда какъ такое усмотрѣніе въ корень пресѣкалось наличностью извѣстныхъ процессуальныхъ формулъ, неоспоримостью доказательствъ и другими существенными признаками формальнаго судопроизводства, при которомъ судья играетъ чисто-пассивную роль во время самаго судоговоренія и не играетъ никакой почти роли во время слѣдствія.

Итакъ можно признать порядки, существовавшіе въ кіевской Руси, въ общемъ соотвѣтствующими существовавшимъ тогда реальнымъ интересамъ общества какъ цѣлаго. Внѣшнимъ выраженіемъ этого является тотъ фактъ, что человѣческое общежитіе въ кіевскій періодъ не только существовало, но и развивалось. Но бываютъ случаи, когда общество какъ самостоятельное цѣлое погибаетъ, уничтожается. Съ такими случаями мы скоро встрѣтимся. Они бываютъ именно тогда, когда порядки общежитія, установившіеся въ извѣстное время, перестаютъ соотвѣтствовать реальнымъ интересамъ общества какъ цѣлаго. Тогда неминуемо наступаетъ катастрофа. Признаніе такихъ фактовъ съ нашей стороны всего лучше можетъ отстранить отъ насъ возможный но неосновательный упрекъ въ безграничномъ оптимизмѣ. Въ оптимизмѣ, введенномъ въ извѣстные предѣлы, мы оправдываться не будемъ: такой оптимизмъ законенъ, естественъ и потому необходимъ. Безъ него нѣтъ жизни.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Литература по исторіи кіевской Руси.

Цѣль предлагаемыхъ указаній на литературу по исторіи кіевской Руси заключается не въ томъ, чтобы дать полный библіографическій обзоръ—это должно служить задачей спеціальнаго библіографическаго труда,—и не въ томъ, чтобы представить ходъ развитія научной разработки этого періода—развитіе русской исторіографіи входитъ въ нашу задачу въ послѣдующемъ изложеніи, какъ часть цѣлаго процесса психологическаго развитія общества. Мы имѣемъ въ виду указать лишь труды наиболѣе важные или по соотвѣтствію ихъ новѣйшимъ научнымъ требованіямъ, или по оригинальности рѣшенія научныхъ вопросовъ, разбираемыхъ въ этихъ трудахъ, или, наконецъ, вслѣдствіе ихъ сводnаго, резюмирующаго характера. Вмѣстѣ съ тѣмъ имѣются также въ виду указанія на порядокъ чтенія. Читатель, безъ сомнѣнія, не встрѣтитъ здѣсь многихъ сочиненій по исторіи кіевской Руси именно потому, что они не соотвѣтствуютъ сейчасъ указаннымъ требованіямъ и, слѣдовательно, подлежатъ уже изученію со стороны

спеціалиста, запасшагося достаточными предварительными, важнѣйшими свѣдѣніями.

Принимаясь за изученіе литературы по исторіи кіевской Руси, прежде всего необходимо познакомиться съ общими изложеніями русской исторіи, захватывающими и кіевскій періодъ. Первое мѣсто между этими изложеніями по высокимъ научнымъ достоинствамъ и по оригинальности построенія принадлежитъ лекціямъ по русской исторіи проф. Ключевскаго. Остальные общіе труды или не касаются кіевской Руси въ цѣломъ, какъ «Очерки по исторіи русской культуры» г. Милюкова, или устарѣли, подобно первымъ томамъ «Исторіи Россіи» Соловьева или I-му тому «Русской Исторіи» Бестужева-Рюмина, или, наконецъ, не отличаются особыми достоинствами; поэтому всѣ эти труды подлежатъ изученію уже спеціальному, позднѣйшему. Кромѣ курса г. Ключевскаго въ качествѣ общаго обозрѣнія можно указать еще на изданный подъ редакціей г. Сторожева въ «Библіотекѣ для самообразованія» (изд. Сытина) сборникъ статей подъ заглавіемъ «Русская Исторія».

Основныя свѣдѣнія о физической географіи Россіи можно почерпнуть изъ книги г. Воейкова «Климаты земного шара» и изъ статьи Сибирцева «Краткій обзоръ важнѣйшихъ почвенныхъ типовъ Россіи» въ «Запискахъ Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства», томъ XI-й, выпускъ 3-й.

Главный матеріалъ по исторіи экономическаго быта собранъ въ книгѣ Аристова «Промышленность древней Руси»; общее изложеніе экономическаго развитія кіевской Руси въ книжкѣ пишущаго эти строки «Городъ и деревня въ русской исторіи (краткій очеркъ экономической исторіи Россіи)». При изученіи формъ землевладѣнія важна статья г. Леонтовича «О значеніи верви» въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» за 1864 годъ.

При изученіи соціальныхъ отношеній и политическаго строя на первый планъ слѣдуетъ поставить знакомство со слѣдующими работами: «Боярская дума древней Руси» г. Ключевскаго; «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома», Соловьева; «Русскія юридическія древности» г. Сергѣевича (сочиненіе, отличающееся многими своеобразными, хотя и мало основательными, взглядами). Сюда же можно отнести лучшія изъ работъ по мѣстной исторіи: г. Грушевскаго «Исторія кіевской земли», г. Багалѣя «Исторія сѣверской земли» и г. Голубовскаго «Печенѣги, торки и половцы» и «Исторія смоленской земли».

Исторію языческой религіи и христіанской церкви въ древнѣйшей Россіи слѣдуетъ изучать прежде всего по сочиненіямъ: Аѳанасьева «Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу», Котляревскаго «Погребальные обычаи языческихъ славянъ» и г. Голубинскаго «Исторія русской церкви».

Въ томъ же трудѣ г. Голубинскаго читатель найдетъ весьма обстоятельные очерки просвѣщенія, литературы и искусства въ кіевской Руси. По исторіи искусства можно рекомендовать для первоначальнаго знакомства съ матеріаломъ «Исторію русскаго искусства» г. Новицкаго и «Русскія древности въ памятникахъ искусства» гр. Толстого и г. Кондакова. Для ознакомленія съ двумя противоположными взглядами на вопросъ полезно прежде всего прочитать сочиненіе Віолле-ле-Дюка «Русское искусство» (или по-французски «L'art russe») и изданную гр. Строгановымъ книгу «Русское искусство» Віолле-ле-Дюка и архитектура въ Россіи съ X-го по XVIII-й вѣкъ». Древности кіевскаго Софійскаго собора обстоятельно описаны въ брошюрѣ гг. Айналова и Рѣдина «Древніе памятники искусства Кіева». Для исторіи живописи важна «Исторія русскихъ школъ иконописанія» Ровинскаго (въ VIII т. «Записокъ Императорскаго Археологическаго общества»).

По исторіи русской литературы кіевскаго періода, кромѣ сочиненій Порфирьева «Исторія русской словесности» (значительно устарѣвшаго) и г. Пыпина «Исторія русской литературы», сводныя работы принадлежатъ г. Владимірову: это, во-первыхъ, «Введеніе въ исторію русской словесности», во-вторыхъ, «Древняя русская литература кіевскаго періода». (Обстоятельный критическій разборъ послѣдняго труда, принадлежащій г. Истрину, напечатанъ въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» за 1902 г., №№ 3 и 8). Въ частности для занимающагося русской исторіей полезно познакомиться съ главнѣйшими сочиненіями о лѣтописяхъ: Сухомлинова «О древней русской лѣтописи какъ памятникѣ литературномъ», Бестужева-Рюмина «О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV-го вѣка» и г. Шахматова «О начальномъ кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ».

Для первоначальнаго изученія русскаго права кіевскаго періода можно указать на «Обзоръ исторіи русскаго права» г. Владимірскаго-Буданова, на книгу г. Дювернуа «Источники права и судъ въ древней Россіи» и на сочиненіе Чебышева-Дмитріева «Изслѣдованіе о преступномъ дѣйствіи по русскому до-петровскому праву». Сводная работа—«Очерки юридическаго быта по «Русской Правдѣ» напечатана пишущимъ эти строки въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» за 1897 г., №№ 11 и 12.

Наконецъ, самымъ удобнымъ общимъ руководствомъ по соціологіи, помогающимъ ориентироваться въ литературѣ предмета, является «Введеніе въ соціологію» г. Карѣева.

Только послѣ всего этого наступаетъ очередь изученія сначала первоисточниковъ, а потомъ остальныхъ пособій. Указанія на тѣ и другія читатель легко найдетъ въ названныхъ сейчасъ сочиненіяхъ.

Н. Рожковъ.

ВОСЕМЬ ПЛЕМЕНЪ.

Романъ

Изъ древней жизни крайняго сѣверо-востока.

*(Окончаніе *).*

XII.

Побѣдители разбили лагерь у подножія Щелеватой сопки. Молодые люди поставили походную палатку Мами, закололи оленей и приготовили ужинъ. Усталое стадо паслось на сосѣднемъ моховищѣ подъ присмотромъ двухъ добровольныхъ стражей. Каррита отыскала въ скудномъ багажѣ мышѣдовъ кое-какіе остатки палатокъ своего племени и соединила ихъ всѣ вмѣстѣ въ видѣ большого навѣса надъ четырехъугольнымъ спальнымъ пологомъ Мами. Въ довершеніе всего поздно вечеромъ подъѣхалъ Камакъ, который, отыскавъ на полъ-дорогѣ слѣды своего украденнаго стада, не вытерпѣлъ и, оставивъ обозъ сзади, помчался догонять отрядъ.

На дворѣ давно стемнѣло. Почти всѣ воины, утомленные походомъ и приключеніями дня, спали. Но въ палаткѣ еще горѣла жировая лампа. Передняя пола была слегка откинута, открывая доступъ свѣжему воздуху. Камакъ сидѣлъ на хозяйскомъ мѣстѣ справа. Мами сидѣла рядомъ, рука старика все время лежала на широкомъ мѣховомъ рукавѣ дочери, какъ будто онъ боялся, что она опять можетъ неожиданно исчезнуть.

Ваттанъ сидѣлъ справа на почетномъ мѣстѣ. Поближе къ выходу сидѣли Колхочъ и Каррита. Дѣвочка впрочемъ незамѣтно для самой себя тоже заснула и голова ея опять покоилась на колѣняхъ ея друга, который терпѣливо сидѣлъ и не дѣлалъ ни одного движенія, чтобы не спугнуть ея отдыха.

— А сѣрый съ подпалинами? — спросилъ Камакъ, слегка повернувъ лицо къ дочери.

— Съѣли!—неохотно сказала дѣвушка.

Камакъ перемѣнилъ положеніе, какъ будто ему неудобно стало сидѣть.

---

*) См. „Міръ Божій“, № 7, іюль 1903 г.

— А черный упряжной?—

— Убѣжалъ невѣдомо куда!—

Онъ распрашивалъ ее о потеряхъ стада и при каждомъ новомъ свѣдѣніи все болѣе убѣждался, что значительная часть его богатства исчезла.

— Оставь, старикъ!—сказалъ наконецъ Ваттанъ, который сгоралъ отъ нетерпѣнія, слушая этотъ однообразный перечень и хотѣлъ перейти къ дѣлу, для него несравненно болѣе важному. У меня большое стадо!—

— «Не моей семьи тавро!»—возразилъ Камакъ съ упрямой привязанностью оленевода къ собственному стаду, унаслѣдованному отъ отца и дѣда.

— Смѣшаемъ вмѣстѣ оленей!—утвердительно сказалъ Ваттанъ.—У нашихъ стадъ будутъ два отца...—

— А съ шатромъ что сдѣлаю?—спросилъ Камакъ угрюмо.

Семейные очаги оленныхъ людей были непримиримы и когда двѣ семьи сливались вмѣстѣ, одна изъ нихъ должна была бросить на произволъ судьбы свой шатеръ, домашнія принадлежности и идоловъ.

— Мой огонь останется безъ кормильца,—продолжалъ Камакъ.—Придется намъ жить на твоей удачѣ и ѣдѣ.

Ваттанъ подумалъ немного, потомъ рѣшительно тряхнулъ головой.

— Пусть Ваттантъ сердится,—сказалъ онъ,—но если зовешь, пойду въ зятья въ твой домъ.

Лицо Камака смягчилось. Лучше такого пріемнаго зятя нельзя было отыскать на своей землѣ между трехъ морей. Однако прежде чѣмъ отвѣтить, онъ посмотрѣлъ на лицо Мами. Оно было озабоченно и какъ будто печально. Дѣвушка весь вечеръ хранила необыкновенную задумчивость и даже неохотно отвѣчала на задаваемые вопросы.

— Я старъ!—наконецъ сказалъ Камакъ.—Вотъ настоящая хозяйка.—

Послѣднія событія пробудили въ его душѣ совершенно новое смиреніе.

— Ты знаешь!—съ гордостью продолжалъ старикъ.—Мы изъ памятливой семьи. Я помню имена восьми поколѣній, а она одна дочь. Она приноситъ жертву домашнимъ богамъ, колетъ оленей, въ ея чреслахъ все будущее потомство...—

— Она—моя добыча!—снова сказалъ Ваттанъ, какъ на мѣстѣ побоища.

Мами вдругъ очнулась отъ своей думы.

— Пойдемъ со мною!—сказала она молодому оленоводу.—Я скажу тебѣ.—

Они вылѣзли изъ подъ полуприподнятой полы. Ваттанъ почувствовалъ, что наступаетъ торжественная минута, ибо дѣвушки оленоводовъ любили кончать объясненія съ своими искателями на вольномъ воздухѣ вдали отъ нескромныхъ глазъ.

— Посмотри на небо, Ваттанъ! — сказала дѣвушка послѣ короткаго молчанія.

Вечеръ былъ необычайно тихъ, ночной воздухъ былъ прозраченъ и чистъ, но на небесахъ мерцали только крупныя звѣзды, знакъ того, что ясная погода установилась надолго.

— Вотъ Юлтаятъ!—сказала дѣвушка, указывая рукой на Оріона. А вонъ четыре сестры!—продолжала она, указывая на Плеядъ.

— Я знаю звѣзды,—сказалъ Ваттанъ съ удивленіемъ. Онъ не понималъ, къ чему клонятся рѣчи дѣвушки.

— Видишь бѣгутъ, а онъ гонится съ лукомъ... Вотъ и стрѣла летитъ!—она протянула руку по направленію къ Альдебарану.— Все равно не догнать. Онѣ быстрѣе...

— Какое намъ дѣло?—возразилъ Ваттанъ съ непріятнымъ чувствомъ. Онъ вдругъ вспомнилъ, какъ онъ догонялъ и не могъ догнать Мами на бѣгу.

Мами продолжала глядѣть на звѣзды и вдругъ запѣла тихимъ голосомъ старинную пѣсню или легенду:

— Юлтаятъ съ кривой спиной пришелъ свататься къ четыремъ сестричкамъ. Онѣ говорятъ: намъ тебя не нужно. Ты великъ и тяжелъ. Намъ нужно ровню?..

— Я служу Сестрамъ!—прибавила она, переставъ пѣть.— Онѣ на меня зарокъ положили.

Голосъ ея былъ тихъ, но совершенно внятенъ.

— Зарокъ?—переспросилъ Ваттанъ съ сомнѣніемъ въ голосѣ.

Онъ еще не понималъ, къ чему клонятъ рѣчи Мами, но и здѣсь остался вѣренъ своему недовѣрію къ духамъ и всему сверхъестественному.

— Знаешь ты, какъ я на свѣтъ родилась? — продолжала дѣвушка съ возрастающимъ волненіемъ. — Мою мать задушилъ Ивметунъ. Я одна осталась, маленькая хилая, хромая,—одна, какъ перстъ. Даже не росла совсѣмъ, какъ дерево съ чахлымъ корнемъ. Дѣвчонки бѣгаютъ, а я въ пологу сижу. Имъ жарко, а мнѣ холодно. Онѣ смѣются, я плачу...

— Бѣдняжка!—сказалъ Ваттанъ сочувственно.

Даже имя Ивметуна, коварнаго духа таинственныхъ припадковъ, которые для жителей тундры страшнѣе любой заразы, не могло испугать его.

— Отецъ придетъ домой, говоритъ: «на что ты мнѣ такая? Не видать мнѣ отъ тебя внука!..» Думаю, что мнѣ дѣлать?..

Ваттанъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на это молодое сильное тѣло. Онъ не могъ себѣ представить, чтобы Мами когда-нибудь была такой хилой дѣвочкой, какъ она описывала.

— Разъ ночью—зимняя была, ясная ночь—вылѣзла я изъ полога; смотрю на небо,—думаю: кто бы мнѣ помогъ? Думаю:—мужчины помогаютъ мужчинамъ, женщины женщинамъ, а дѣвушки дѣвушкамъ. Гляжу, а сестры мнѣ смѣются сверху...

Лицо ея было обращено кверху и повидимому она опять переживала эти полузабытыя, давно минувшія чувства.

— Сестры, говорю, сдѣлайте меня проворнѣе всѣхъ, такою быстрою, какъ вы сами! Что попросите дамъ въ плату. Будь это камень, звѣрь, человѣкъ, грудной ребенокъ, все отдамъ... А сестры мигаютъ: ладно!

Озябла я, вошла въ пологъ, легла спать. Во снѣ явились ко мнѣ всѣ четыре сестры. Говорятъ, не нужно намъ ни звѣря, ни малаго ребенка. Но если хочешь служить намъ, будь безъ мужа, какъ мы...

— Какъ безъ мужа?—стремительно возразилъ Ваттанъ.

Онъ почувствовалъ, какъ будто предъ нимъ вдругъ разверзлась бездна.

— Ты сказала: моя кровь—твоя!..—прибавилъ онъ совсѣмъ другимъ, хриплымъ голосомъ.

— Я не отрекаюсь!—сказала Мами.—Вотъ жилы на моей рукѣ. Дай свою руку и свой ножъ! Смѣшаемъ нашу кровь. Будемъ братъ и сестра, какъ два встрѣчные вѣтра.

— Провались съ своимъ сестринствомъ!—запальчиво крикнулъ Ваттанъ.—Я человѣкъ, а не дерево!.. Мнѣ нужно жену!

Мами положила Ваттану руку на плечо.

— Прости меня—сказала она мягкимъ и немного виноватымъ голосомъ. — Боги не судили... Что можемъ мы сдѣлать противъ нихъ?..

Ваттанъ сердито сбросилъ ея руку съ своего плеча.

— Не лги!..—воскликнулъ онъ съ возрастающимъ гнѣвомъ.—Договаривай!.. Твоему отцу нужны внуки!..

— Я говорила имъ!..—сказала Мами, невольно отступая назадъ передъ его угрожающимъ жестомъ.—И я не буду мать. «Кто обгонитъ меня, тотъ сильнѣе меня. Онъ для меня, какъ я для другихъ». Такъ сказали сестры,—прибавила она, мысленно останавливаясь на минуту передъ этой таинственной, знакомой съ дѣтства, но неясной фразой, похожей на оракулъ.

Ваттанъ сдѣлалъ шагъ къ дѣвушкѣ, потомъ остановился и посмотрѣлъ ей въ лицо долгимъ взглядомъ, пронзительнымъ и яркимъ даже въ ночной темнотѣ.

— Лучше бы мнѣ убить тебя!—сказалъ онъ, наконецъ, тѣмъ же чужимъ голосомъ, хриплымъ и заикающимся отъ гнѣва.

Дѣвушка разорвала воротъ своего мѣхового корсажа.

— Вотъ моя грудь!—безстрашно сказала она. — Два раза ты выручилъ меня,—бей, если хочешь!..

Ваттанъ вдругъ схватилъ ее въ свои крѣпкія объятія, которыхъ опасались на тундрѣ самые сильные бойцы.

— Ты моя жена!—шепталъ онъ, задыхаясь и осыпая поцѣлуями это прекрасное и упрямое лицо и крѣпкую бѣлую грудь.

Но Мами выскользнула изъ его рукъ проворнѣе, чѣмъ горностай, и отскочила въ сторону.

— Я уйду!—сказала она поспѣшно.—Прощай, Ваттанъ!..

Губы Ваттана искривились отъ ярости и стыда...

— Куда уйдешь?—крикнулъ онъ задыхаясь.—Я знаю, кто тебѣ нуженъ? Тотъ бродяга, волчій выродокъ!.. Гдѣ поймаю, тамъ и убью его...

Дѣвушка опять повернулась къ Ваттану.

— Тебѣ не поймать его!—громко сказала она. Если медвѣдь на ногахъ, то соколъ на крыльяхъ.

Ваттанъ не могъ ясно видѣть выраженіе ея лица, но голосъ ея звучалъ насмѣшкой, какъ послѣ бѣга на Чагарскомъ полѣ.

Насмѣшка переполнила чашу. Ваттанъ быстро выдернулъ изъза пояса короткую плеть съ ручкой изъ китоваго уса, которая служила ему для обученія молодыхъ оленей, и угрожающе замахнулся ею на дѣвушку.

— Что-жъ, — спокойно сказала Мами, не дѣлая движенія, чтобы уклониться отъ удара, — мышеѣдъ билъ меня утромъ, теперь твой чередъ.

Ваттанъ съ проклятьемъ бросилъ плеть на землю.

— Уйди!—сказалъ онъ глухо.—Ты меня сдѣлала хуже, чѣмъ мышеѣды.

Дѣвушка молча повернулась, чтобы войти въ пологъ, но потомъ посмотрѣла на небо и вдругъ побѣжала по дорогѣ въ глубину спокойной ночи. Ваттанъ остался стоять на мѣстѣ. Ему показалось на минуту, что онъ Юлтаятъ, а Мами меньшая и самая быстрая изъ небесныхъ сестеръ, убѣгающая прочь, чтобы избѣгнуть его объятій.

Мами пробѣжала нѣсколько сотъ шаговъ и вдругъ чуть не наткнулась на другую человѣческую фигуру, которая бѣжала прямо ей навстрѣчу.

— Это ты, Гирканъ?—спросила она безъ удивленія.

Одулъ остановился и взялъ ее за руку.

— Откуда ты?—спросила дѣвушка.

Гирканъ показалъ рукой въ сторону горъ.

Послѣ минутнаго появленія на скалѣ, Гирканъ исчезъ и больше не показывался. Оленные люди не могли даже судить, были ли съ нимъ другіе соплеменники, или онъ одинъ сбрасывалъ съ верху обломки вывѣтрившихся скалъ, нависшіе надъ обрывомъ. Иные продолжали думать, что это былъ горный духъ, принявшій на короткое время форму молодого охотника.

— Зачѣмъ ты пришелъ сюда? — снова спросила Мами.— Можетъ ты, вправду, духъ? Эти горы—твои горы?

— Всѣ горы—мои горы и тундра—моя тундра. — отвѣчалъ Гирканъ.

— А гдѣ отецъ твой?—спросила Мами.

Гирканъ пожалъ плечами.

— Ты, значитъ, одинъ пришелъ, — настаивала Мами. — Зачѣмъ?

— Рынто, небось, не спрашивалъ, зачѣмъ!—проворчалъ охотникъ.—Было бы вамъ хлопотъ съ мышѣдами, если бы не я.

Мами почувствовала, что волна радости влилась въ ея сердце. Гирканъ, очевидно, интересовался ея судьбой.

— Мой шатеръ здѣсь,—торопливо заговорила она. — Пойдемъ къ намъ. Ты всѣхъ проворнѣе, мой отецъ не скажетъ: нѣтъ. Онъ знаетъ!..

Гирканъ взялъ ее и за другую руку и привлекъ ее къ себѣ.— На что мнѣ твой отецъ?—возразилъ онъ.—Я искалъ тебя...

Дѣвушка сдѣлала попытку вырваться, но Гирканъ безъ особаго труда удержалъ ее на своей груди, ибо ея движенія потеряли прежнюю стремительность.

— Послушай!—сказалъ охотникъ, близко нагибая свое лицо къ ея горячей щекѣ. Волки сходятся на большой дорогѣ. Олень и важенка ищутъ другъ друга въ ночной темнотѣ; а мы чѣмъ лучше?... И звѣзды видятъ!—прибавилъ онъ, слѣдуя глазами за направленіемъ ея взгляда.

Мами почувствовала, что слабѣетъ. Ей показалось, что старый сонъ воскресаетъ и хочетъ сбыться на яву.

— Развѣ ты хочешь,—прошептала она,—чтобы я бросила отца и стадо и пошла за твоимъ племенемъ?

Гордая дочь оленнаго племени добровольно признала себя побѣжденной.

Гирканъ не отвѣтилъ словами, но губы его были болѣе, чѣмъ краснорѣчивы. На холодномъ снѣжномъ ложѣ, подъ пологомъ темно-прозрачнаго неба совершился ихъ вольный бракъ, внезапный и таинственный, какъ вѣтеръ, пролетающій мимо. Ночной морозъ тщетно пытался охладить знойную силу ихъ объятій, а звѣзды подмигивали съ высоты благосклонно и насмѣшливо, какъ пожилыя брачныя гостьи передъ юной и счастливой четой.

Гирканъ и Мами провели ночь на открытомъ воздухѣ, какъ въ прекрасномъ брачномъ чертогѣ. Они выгребли яму въ снѣгу и молодой Одулъ устлалъ ея дно широкимъ и тонкимъ плащомъ, который онъ носилъ скатаннымъ за плечами. Оба они привыкли къ холоду и не испытывали неудобства. Они заснули въ своей снѣжной берлогѣ, сжимая и грѣя другъ друга въ своихъ объятіяхъ.

Мами приснился даже сонъ, связанный съ событіями дня. Ей снилось, что Юлтаятъ, Кривая Спина, съ лицомъ Ваттана, одержалъ надъ нею полную побѣду и держитъ ее въ объятіяхъ вмѣсто Гиркана. Объятья его такъ крѣпки и холодны, что она не можетъ вырваться и крикнуть и постепенно костенѣетъ подъ ихъ несокрушимымъ ярмомъ. Наконецъ, она сдѣлала послѣднее усиліе, вскрикнула и проснулась. Гирканъ проснулся еще раньше и стоялъ на снѣгу, рядомъ съ ихъ импровизированнымъ ложемъ.

— Вставай!—окликнулъ онъ ее.—Зачѣмъ ты кричишь во снѣ?

Какъ только она поднялась на ноги, онъ немедленно сталъ скатывать свой плащъ. Въ это время вдали послышался протяжный свистъ.

— Меня зовутъ!—сказалъ Гирканъ,—надо идти!

— Кто зоветъ?—съ удивленіемъ спросила Мами. Она думала, что Гирканъ дѣйствительно пришелъ одинъ.

— Шестеро насъ пришли!—сказалъ Гирканъ, въ первый разъ давая прямой отвѣтъ.

— Хочешь, я пойду запрягу оленей, себѣ и тебѣ?—предложила дѣвушка.

— Не нужно!—отказался Гирканъ.—Мы пришли на лыжахъ.

Онъ досталъ изъ подъ изголовья свои лыжи и тщательно осмотрѣлъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Онѣ были широки, какъ лодки, и тонки, какъ береста, а наружная сторона была подклеена гладкимъ и тонкимъ мѣхомъ молодой выдры.

Такія лыжи придавали своему владѣльцу фантастическую быстроту особенно внутри лѣсной черты, гдѣ снѣгъ лежалъ мягче и ровнѣе.

— Не то вправду! — сказалъ Гирканъ, — ступай домой!... Стадо разбѣжится безъ тебя, отецъ умретъ съ горя.

— Чтожъ дѣлать? —сказала Мами, сжимая губы, чтобы не заплакать. Теперь, когда она готовилась навсегда покинуть свой родной очагъ, сердце ея было готово разорваться отъ жалости.

— Мнѣ надо спѣшить,—сказалъ Гирканъ.—Нашъ родъ въ шести переходахъ отсюда. Ступай лучше домой. Я приду послѣ!

— Какъ послѣ?—воскликнула Мами съ оживленіемъ на лицѣ. Ей показалось, что въ концѣ концовъ онъ хочетъ остаться при домѣ ея отца.

— Только бы ты пришелъ,—радостно сказала она,—и весь родъ твой!.. Буду кормить всѣхъ, не попрекну никого кускомъ, не заставлю пасти стадо. Лежите, ѣшьте, пейте; спите, какъ Лѣнивый Богатырь Тало изъ старой сказки...

— Я приду!—повторилъ Гирканъ. — Когда дикому волку надоѣстъ шляться на волѣ, онъ возвращается къ волчихѣ!—прибавилъ онъ въ видѣ поясненія.

Дѣвушка внезапно умолкла и посмотрѣла ему въ лицо. Послѣднія слова Гиркана не показывали желанія сдѣлаться оленеводомъ.

— Я пойду за тобой!—рѣшила она послѣ короткаго раздумья. — Жалко стада, а тебя еще жальче. Любовь—крѣпкій арканъ, хотя и не видно его.

— Пойдемъ! —спокойно согласился Гирканъ.

Онъ подвязалъ свои лыжи и пустился въ путь, тихо скользя по гладкому снѣгу и останавливаясь время отъ времени, чтобы дождаться дѣвушки, которая несмотря на быстроту своихъ ногъ, не могла держаться наравнѣ съ широкимъ и легкимъ движеніемъ своего спутника.

Они перерѣзали нѣсколько низкихъ уваловъ, лежавшихъ подъ снѣжнымъ покровомъ, какъ широко застывшія волны, и, перебравшись черезъ послѣдній подъемъ, почти неожиданно наткнулись на группу товарищей Гиркана, которые стояли рядомъ, совершенно готовые къ походу, съ подвязанными лыжами, съ котомками на спинахъ и посохомъ въ рукѣ. Всѣ они были худощавы и очень статны и даже лицомъ походили на Гиркана. Одинъ приводилъ въ порядокъ завязки на лыжахъ. Онъ очевидно приходилъ за Гирканомъ и вернулся за нѣсколько минутъ предъ молодой четой.

На лѣвой сторонѣ съ краю былъ тотъ же самый старикъ, который явился вмѣстѣ съ Гирканомъ на игрище на Чагарскомъ полѣ.

Отсюда дорога спускалась внизъ широко и полого и значительная часть предгорій открывалась предъ глазами внизу.

— Неужели вы все этакъ бѣжите?—невольно спросила дѣвушка.

Она не могла примириться съ этимъ способомъ путешествія, дѣйствительно похожимъ на волчій.

Гирканъ пожалъ плечами. Одулы стали выравниваться, какъ будто готовые къ состязанію.

— А я какъ?—съ безпокойствомъ спросила дѣвушка.—У меня нѣтъ лыжъ.

Она вдругъ увидѣла, что идти за молодымъ одуломъ вовсе не такъ легко, даже при полномъ желаніи съ ея стороны.

— У тебя нѣтъ лыжъ!—повторилъ Гирканъ, какъ эхо.

— Куга!—воскликнулъ гортаннымъ голосомъ старикъ, стоявшій слѣва.

Одулы вдругъ пригнулись къ лыжамъ и стремительно ринулись впередъ. Они походили на дикихъ оленей, внезапно испуганныхъ и сорвавшихся съ пастбища.

— Куда же вы?—крикнула Мами, бросаясь вслѣдъ и тщетно пытаясь догнать ихъ своими невооруженными шагами. Она напрягла всю свою быстроту и нѣсколько минутъ держалась вмѣстѣ, но на первомъ поворотѣ одулы взяли по подвѣтренной сторонѣ, гдѣ снѣгъ лежалъ толще и мягче. Лыжи пошли еще ходчѣе, а дѣвушка, напротивъ, стала проваливаться. Одулы стали уходить впередъ и понемногу уменьшаться передъ глазами Мами. Иногда они бѣжали рядомъ, потомъ начинали обѣгать и обгонять другъ друга, какъ будто играя.

Мами вспомнила свое вчерашнее слово: Гирканъ дѣйствительно походилъ на сокола, но теперь въ положеніе неуклюжей медвѣдицы, тщетно пытающейся догнать летучую птицу, попалъ не Ваттанъ, а уже она сама. Снѣжная полоса прервалась промежуткомъ болѣе твердой почвы. Она опять помчалась впередъ, задыхаясь отъ напряженія, но одулы были далеко. Вотъ они взлетѣли на пригорокъ, какъ будто несомые попутнымъ вѣтромъ. Гирканъ вдругъ наполовину обернулся, сорвалъ съ себя мѣховой шлыкъ и высоко взмахнулъ имъ въ воздухѣ въ знакъ прощанія, или какъ обѣщаніе новой встрѣчи.

Черезъ минуту они снова исчезли за подъемомъ. Мами вдругъ грянулась объ землю и зарылась въ снѣгъ своей разгоряченной головой. Она припомнила странныя слова предсказанія Сестеръ, которое она нѣкогда принимала, какъ разрѣшеніе зарока, но которое неожиданно сбылось такъ зловѣще правдиво, ибо Гирканъ насмѣялся надъ ней до конца и дѣйствительно поступилъ съ ней, какъ она поступала съ другими.

Мами вернулась домой поздно вечеромъ.

На импровизированномъ стойбищѣ былъ шумъ и оживленіе, ибо обозъ Камака только что пришелъ и вмѣстѣ съ нимъ четыре другихъ шатра, которые неожиданно подоспѣли сзади на полдорогѣ. Стойбище превратилось въ оживленный лагерь, женщины ставили палатки, молодые пастухи отгоняли оленей на пастбище. Камакъ сидѣлъ на порогѣ своего жилища и глядѣлъ на дорогу.

— Гдѣ ты была?—спросилъ онъ Мами со вздохомъ облегченія.—Я думалъ ты опять дерешься съ мышѣдами.

— Пойдемъ въ стадо?—сказала Мами, не отвѣчая на вопросъ.

Старый оленеводъ поднялся съ мѣста и послѣдовалъ за дочерью. Стадо паслось на склонахъ ближайшей горы среди жидкихъ порослей ползучаго кедровника.

— Вотъ пятнистый,—говорила Мами, подходя къ оленю, который вынесъ ее изъ давки на Щелеватой сопкѣ, и обнимая его за шею:—вотъ сѣрый упряжной!.. Важенки, бѣгуны, все наше стадо!..

Она переходила отъ животнаго къ животному и ласкала ихъ, какъ мать ласкаетъ дѣтей. Это была привязанность, которая не угрожала измѣной.

— Наше стадо!—повторяла она, какъ въ лихорадкѣ.—Поѣдемъ, покочуемъ!.. Домой! домой!

Такъ раненая лисица убѣгаетъ черезъ холмы и лѣса на знакомое поле, гдѣ вырыта ея нора.

— Покочуемъ!—согласился старикъ.—А Ваттану сказала?

Мами вся затряслась отъ отвращенія.

— Не надо!—крикнула она.—Мы сами, мы одни!

— Вѣдь онъ женихъ твой!—съ удивленіемъ уговаривалъ ее старикъ, не имѣвшій никакого понятія о событіяхъ.

— Не надо жениха!—крикнула дѣвушка.—Утоплюсь лучше.

Она упала на землю и забилась въ припадкѣ, откидывая голову назадъ и судорожно сжимая кулаки. Пѣна выступила на углахъ ея рта и двѣ тонкія струйки крови брызнули изъ глазъ.

Старикъ отступилъ въ ужасѣ. Это былъ знакомый, хорошо памятный припадокъ, печать Ивметуна, ужаснаго духа тоски, который гнѣздится въ брошенныхъ шатрахъ и подстерегаетъ людей на кочевыхъ дорогахъ.

Нѣкогда онъ погубилъ его жену, послѣ того, какъ она родила мертваго сына и забеременѣла въ послѣдній разъ; теперь онъ хотѣлъ привязаться къ дочери.

Ивметунъ страшнѣе всѣхъ духовъ на тундрѣ, ибо никто не знаетъ, откуда онъ приходитъ. Ступни его выворочены, онъ вѣчно ходитъ задомъ и является не съ той стороны, откуда его ожидаютъ.

— Покочуемъ!—твердилъ старикъ въ ужасѣ.—Бѣжимъ!..

Отъ Ивметуна одно спасеніе—бѣгство, ибо онъ не можетъ гнаться сзади, но уловки его такъ коварны, что жертвы приходятъ къ нему по доброй волѣ...

Они покочевали на другой день утромъ, снова отдѣлившись отъ всѣхъ спутниковъ. Дѣвушка скоро очнулась, но осталась ночевать въ стадѣ. Предъ ихъ уходомъ Ваттанъ сдѣлалъ еще одну попытку приблизиться къ Мами, но при видѣ его она обратилась въ бѣгство и стала прятаться между оленями, какъ два дня тому назадъ, спасаясь отъ Рынто.

Ни одному изъ своихъ избавителей она не сказала добраго слова на прощанье.

Обозъ Камака двинулся по дорогѣ на сѣверъ. Гнать стадо

было труднѣе, чѣмъ прежде, ибо у Камака почти не осталось пастуховъ, но дѣвушка не входила въ шатеръ и все время проводила съ оленями. Она совсѣмъ перестала разговаривать съ людьми, но въ стадѣ чувствовала себя лучше. Она переходила отъ одного оленя къ другому, называла ихъ по именамъ и говорила съ ними, какъ съ друзьями. Въ концѣ концовъ они такъ привыкли къ ней, что слѣдовали за ней, какъ собаки, и ея высокая фигура, двигаясь впереди стада, увлекала его впередъ, не нуждаясь въ помощникахъ и пастухахъ, какъ важенка, ведущая свободный полевой косякъ.

XIII.

Черезъ три мѣсяца стадо Ватанта было на своихъ обычныхъ пастбищахъ на берегу Боброваго моря, верстахъ въ двадцати отъ лѣтнихъ жилищъ, въ которыхъ поселились старики и дѣти стойбища. Лѣто выдалось удачное. Насѣкомыхъ было мало; олени спокойно паслись, жирѣя и не доставляя хлопотъ пастухамъ. Молодые люди сходились вмѣстѣ у костровъ и устраивали борьбу и состязанія; подростки, оставленные у стада, забавлялись, бросая камешки изъ пращи, и по цѣлымъ часамъ дули въ маленькія костяныя дощечки съ дрожащимъ язычкомъ, извлекая изъ нихъ простую мелодію. Вся тундра жила весело и привольно, только старшій сынъ Ватанта, доблесть котораго прогремѣла отъ Кончана до высокаго хребта на востокѣ, и о которомъ дѣвушки пѣли пѣсни на всѣхъ стойбищахъ, ходилъ безучастный ко всему и не посѣщалъ состязаній и вечернихъ пиршествъ у костровъ.

Сверхъ обыкновенія, Ваттувій тоже былъ при стадѣ. Онъ ушелъ вслѣдъ за племянникомъ и теперь наблюдалъ за нимъ, не безпокоя его разспросами и только время отъ времени показываясь въ его полѣ зрѣнія, притомъ такъ искусно, что Ваттанъ почти не замѣчалъ его. Шаманъ съ неудовольствіемъ видѣлъ, что Ваттанъ много спитъ теперь и часто среди бѣлаго дня ложится подъ первымъ попавшимся кустомъ и не встаетъ до полуночи.

Въ одинъ ясный и безвѣтреный полдень шаманъ тихо бродилъ въ ивовыхъ кустахъ, собирая небольшую черную ягоду, которую жители тундры называли вороньими глазами. Онъ зналъ, что въ сотнѣ шаговъ къ югу Ваттанъ сидитъ подъ кустами на краю небольшой поляны. Въ сущности, теперь Ваттувій всегда зналъ, гдѣ находится его племянникъ. У него образовалось на время какъ бы особое шестое чувство, при помощи котораго онъ такъ же вѣрно могъ находить предметъ своихъ поисковъ, какъ игла отыскиваетъ магнитъ.

Переходя отъ куста къ кусту, Ваттувій нашелъ мѣсто, обиль-

ное ягодой, и сталъ собирать ее полными горстями. Въ самомъ разгарѣ этого пріятнаго занятія шаманъ вдругъ пригнулся къ землѣ и быстро поползъ впередъ между сухими вѣтвями мелкаго валежника, изгибаясь взадъ и впередъ, какъ лисица, подползающая къ добычѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ шаманъ вылѣзъ изъ зарослей на край прогалины и очутился прямо за спиной Ваттана, всего въ десяти или пятнадцати шагахъ.

Но молодой оленеводъ не могъ замѣтить его приближенія, даже если бы Шаманъ былъ менѣе остороженъ. Ваттанъ сидѣлъ подъ кустомъ и былъ занятъ страннымъ и страшнымъ дѣломъ.

Притянувъ къ землѣ одну изъ самыхъ крѣпкихъ вѣтвей, колебавшихся надъ его головой, онъ привязалъ ее къ корню, выставившемуся наполовину изъ-подъ земли. Снявъ съ себя тонкій ременной поясъ, онъ связалъ одинъ конецъ петлей и надѣлъ себѣ на шею, а другой конецъ привязалъ къ серединѣ вѣтви. Потомъ, откинувшись назадъ онъ вытянулся во всю длину на землѣ и протянулъ руку, готовый распустить связку вѣтви, которая должна была отпрянуть вверхъ и внезапно затянуть на его шеѣ узелъ. Онъ, очевидно, лѣнился встать съ мѣста и идти на поиски достаточно высокаго дерева, какихъ на берегу моря было мало, и вмѣсто того устроилъ для себя самодѣйствующую петлю, которою въ былые годы онъ не разъ ловилъ зайцевъ, лисицъ и даже оленей.

Передъ тѣмъ какъ окончательно привести въ дѣйствіе импровизированную пружину, Ваттанъ еще разъ поднесъ руку къ шеѣ, ощупалъ, все ли въ порядкѣ, потомъ схватилъ концы связки и безъ колебанія опустилъ петлю.

Вѣтвь отпрянула вверхъ, но голова Ваттана даже не сдвинулась съ мѣста и обрывокъ веревки упалъ ему на лицо.

Въ рѣшительную минуту Ваттувій перерѣзалъ веревку своимъ блестящимъ ножомъ и спасъ племянника отъ смерти.

Шаманъ проворно скользнулъ сквозь кустарникъ и опустился на землю впереди Ваттана.

— Что ты дѣлаешь?—спросилъ онъ, усаживаясь предъ племянникомъ, какъ лѣсной бѣсъ, пришедшій посмотрѣть на самоубійцу.

— А что видишь! — сказалъ Ваттанъ, даже не поднимая головы.

— Зачѣмъ?—спросилъ шаманъ, сдвинувъ брови. Даже его необузданная душа была смущена этимъ нечеловѣческимъ спокойствіемъ.

— Зачѣмъ жить?—отвѣтилъ равнодушно Ваттанъ.

Ваттувій медленно обвелъ глазами окружающую природу

Былъ ясный лѣтній день. Солнце только что перешло на полдень. На лѣсной полянкѣ было ясно и тепло. Вблизи тихонько журчалъ ручей. Птицы весело щебетали и перепрыгивали съ вѣтки на вѣтку прямо надъ головой самоубійцы и бѣлые цвѣточки дресвянки выглядывали изъ травы и заглядывали ему въ глаза, какъ будто пытаясь отвѣтить на заданный вопросъ.

— Посмотри,—сказалъ Ваттувій, — дятелъ стучитъ носомъ въ пустое дерево, какъ въ бубенъ. Маленькая синяя плиска въ углу вѣтви распѣваетъ шаманскіе напѣвы. Горное эхо живетъ въ рѣчномъ яру и тонкимъ голосомъ откликается на вопросы. Весь свѣтъ живетъ, движется и поетъ!..

— Скучно жить на свѣтѣ!—возразилъ Ваттанъ, не поднимая головы.

— Послушай!—сказалъ Ваттувій.—Я знаю, что тебѣ нужно: есть въ лѣсу корень, медвѣжій любистокъ. Когда медвѣжьему старику придетъ время, онъ ищетъ его и веселится, находя. Если съѣстъ одинъ корень, отъ него идетъ духъ, медвѣжья старуха радуется ему и сама ждетъ его и ложится предъ нимъ.

— Все враки!—проворчалъ Ваттанъ не поворачиваясь.

— Послушай! — сказалъ Ваттувій, помолчавъ. — Есть еще средство человѣческое?..

— Какое?—лѣниво спросилъ Ваттанъ

— Если будешь лежать, какъ колода, то не скажу, — возразилъ Ваттувій.

— Ну, говори! — Ваттанъ повернулся и сѣлъ, опираясь спиной на упавшее дерево.

— Ты, желавшій умереть, ты знаешь, что смерть сильнѣе всего,—сказалъ Ваттувій.

Ваттанъ утвердительно кивнулъ головой.

— Смерть сильна,—продолжалъ Ваттувій. — Мертвецы могутъ много. Кто не боится приблизиться къ нимъ, можетъ отнять часть ихъ силы и присвоить себѣ...

Измѣнчивая природа дикаго шамана уже перешла отъ наивнаго поклоненія живой природѣ къ мрачному увлеченію магическими колдованіями.

На лицѣ Ваттана опять отразилось недовѣріе.

— Враки все!—проворчалъ онъ прежнимъ тономъ.

— Зачѣмъ я стану обманывать тебя?—настаивалъ шаманъ.— Есть одно колдовство—я научу тебя. Старое средство, даже нынѣшніе старики нѣ знаютъ.

— Какое?—опять спросилъ Ваттанъ.

— Свѣтъ забылъ его, ибо оно опасно,—продолжалъ Ваттувій пониженнымъ голосомъ.—Все равно, какъ черезъ обрывъ

переходить по жердочкѣ. Пройдешь—твоя взяла; сорвешься—голову разбилъ! Ну, да вѣдь тебѣ не страшно!—прибавилъ онъ тихо и какъ будто про себя.

— Правда!—сказалъ Ваттанъ съ чѣмъ-то въ родѣ интереса въ глазахъ.

Оригинальная идея рискнуть головой, чтобы пріобрѣсти загадочное средство, соблазнила его, какъ послѣдняя ставка игрока. Опасеніе, звучавшее въ голосѣ дикаго шамана, было до такой степени необычно, что оно заинтересовало даже его каменное равнодушіе.

Хитрый Ваттувій, быть можетъ, разсчитывалъ на это съ своими таинственными и важными ужимками.

— Какое колдовство?—спросилъ Ваттанъ.—Ну говори!

— Не надо!—замахалъ руками шаманъ.—Теперь день, лѣсъ слушаетъ... Придетъ полночь. Я научу тебя... Пойдемъ въ шалашъ; намъ нужно готовиться.

Онъ заставилъ племянника подняться съ земли и повелъ его на опушку кустарника, гдѣ стоялъ ихъ походный шалашъ и были спрятаны запасы подъ дерномъ.

— Смотри же!—сказалъ вдругъ Ваттанъ.—Не шути со мной. Либо чтобы вышло по моему, либо конецъ.

Мрачный огонь вспыхнулъ въ его глазахъ.

— Не шути со мной,—прибавилъ онъ съ угрозой.—Черти страшны, а я еще страшнѣе чорта.

Онъ схватилъ своими крѣпкими руками ту самую вѣтвь, которой пытался удавиться и вдругъ выдернулъ ее изъ земли съ частью корня и съ цѣлой сѣтью молодыхъ побѣговъ, зеленыхъ сверху и засыпанныхъ снизу землей.

— Увидишь!—сказалъ Ваттувій.

Лицо дикаго шамана имѣло напряженное и какъ бы прислушивающееся выраженіе. Ваттанъ шелъ за нимъ сзади съ лицомъ человѣка, который внезапно проснулся отъ сна и по дорогѣ каждый разъ протягивалъ руку, схватывалъ и ломалъ толстыя вѣтви и вырывалъ изъ земли цѣлые кусты, движимый стихійной силой разрушенія.

Въ полночь того же дня, когда птицы и звѣри крѣпко спали и только мѣсяцъ смотрѣлъ бѣлымъ взглядомъ на росистую землю, Ваттанъ и Ваттувій поспѣшно шли впередъ по узкой тропинкѣ между кустами. Горная рѣка попалась имъ навстрѣчу. Они сняли обувь и, перепрыгивая съ камня на камень, стали перебираться на небольшой островъ, со всѣхъ сторонъ опоясанный мелкими струями развѣтвившагося теченія.

— Здѣсь!—сказалъ Ваттувій, ступивъ на сухую землю.—Сдѣлаемъ, какъ я сказалъ тебѣ.

На островѣ не было кустовъ, но онъ весь поросъ густой травой по поясъ человѣку.

Они разошлись въ стороны и, очутившись на разныхъ концахъ острова, стали почти одновременно снимать съ себя одежду. Скоро оба они стояли совершенно нагіе, снявъ съ себя даже шейные амулеты. Ноги ихъ скрывались въ травѣ, но верхняя часть ихъ тѣлъ бѣлѣла въ лунномъ свѣтѣ. Прежде чѣмъ начать колдованіе, Ваттувій посмотрѣлъ на мѣсяцъ

— Солнце мертвыхъ,—громко сказалъ онъ,—свѣтило злыхъ духовъ, посмотри благосклонно на мои злыя мысли!..

Онъ самъ не зналъ, вѣритъ ли онъ или нѣтъ въ силу заклинанія, но ему непремѣнно хотѣлось, чтобы эта ночь дала Ваттану настоящее средство для чаръ.

— Ка! Ка! Ка! — закричалъ шаманъ, съ неподражаемымъ искусствомъ подражая призыву песца и подавая условный знакъ.

Оба они упали на четвереньки и поползли къ срединѣ острова, почти совершенно скрываясь въ травѣ.

— Ка! Ка!—кричалъ Ваттувій.

— Ка! Ка!—вторилъ ему съ противоположной стороны болѣе густой голосъ Ваттана.

Они представляли песцовъ и для большаго сходства ползли на трехъ конечностяхъ, волоча за собой одну ногу, какъ хвостъ.

Въ срединѣ острова была небольшая круглая ложбина съ влажнымъ днемъ, густо поросшимъ хвощами и осокой. Въ осокѣ лежалъ прошлогодній трупъ, почти совершенно объѣденный воронами и песцами. Трупы были рѣдки въ этой части тундры, ибо оленные люди сжигали своихъ мертвецовъ. Ваттанъ даже не могъ сообразить, чье именно тѣло лежало на островѣ. Въ минувшемъ году по стойбищамъ ходилъ духъ Колотья и во время осеннихъ кочевокъ, пастухи изъ разныхъ лагерей ослабѣвали на пути и пропадали безъ вѣсти.

Они остановились передъ трупомъ съ разныхъ сторонъ. Лицо мертвеца было обращено къ Ваттану; щеки его были совершенно объѣдены, но на головѣ присохла большая черная прядь волосъ. Мертвецъ, повидимому, сердился. Ротъ его сердито оскалился и пустые глаза напряженно смотрѣли прямо въ лицо Ваттану.

— Мѣсяцъ, смотри!—громко сказалъ Ваттувій.—Это не покойникъ, это ея любовникъ. Она не дѣвушка, а полевая телка. Трупнымъ запахомъ наноситъ на нее отъ ея прежней любви, она убѣгаетъ стремглавъ, бѣжитъ по нашей тропѣ, чтобы стать нашей добычей!..

Они подползли къ трупу совсѣмъ близко и нагнулись надъ этими черными, полуобглоданными костями.

— Ну!—нетерпѣливо шепнулъ Ваттувій.

Ваттанъ, пересиливая невольное отвращеніе, припалъ къ трупу и сорвалъ своими крѣпкими зубами частицу чего-то жесткаго, мясо или кость, онъ самъ не зналъ хорошенько. И когда зубы его прикоснулись къ трупу, въ головѣ у него помутилось, и онъ на минуту почувствовалъ себя песцомъ, оскверняющимъ останки покойника. Мертвыя кости заскрипѣли и развалились въ разныя стороны. Мертвецъ по своему протестовалъ противъ святотатственнаго оскорбленія, но Ваттанъ уже ползъ обратно, зловѣщая частица была зажата въ его рукѣ, и ему казалось, что она такъ велика, что мѣшаетъ ему какъ слѣдуетъ опираться на землю.

Онъ продолжалъ чувствовать отвратительный вкусъ и зловонный запахъ гнилого мяса и ему казалось, что часть покойника осталась у него во рту и что ему никогда не отвязаться отъ нея.

Черезъ нѣсколько минутъ, накинувъ на себя одежду, они опять переходили рѣку, прыгая съ камня на камень своими босыми ногами. Ваттанъ спряталъ частицу въ свой шейный мѣшочекъ, гдѣ лежала голова горностаевой шкурки, данная ему шаманами во время очистительнаго обряда при рожденіи. На самой срединѣ рѣчки Ваттувій, бывшій немного впереди, остановился и дождался племянника. Они стояли рядомъ, разставивъ ноги, какъ жонглеры, и слегка балансируя, чтобы сохранить равновѣсіе на скользкихъ камняхъ. Спереди, сзади, подъ ногами шуршала бѣгущая вода, заглушая всѣ остальные звуки.

Ваттувій приблизилъ свое лицо къ лицу молодого оленевода.

— Отняли!—сказалъ онъ.—Захватили!

Въ глазахъ его блеснуло торжество.

— Слушай,—продолжалъ онъ:—кругомъ вода, никто не услышитъ, ни люди, ни духи. Въ этомъ сильная порча, присуха, тайное колдовство. Отъ бѣлой суки, не родившей щенковъ, возьми сердечной крови, тѣмъ обмажь. У пятнисто-чернаго кобеля вырѣжь кожу изъ-подъ горла, сшей мѣшокъ, туда вложи, надѣнь на шею. Тогда ищи ее, кого тебѣ нужно.

Онъ все время избѣгалъ называть имя дѣвушки.

— Ну!—жадно спросилъ Ваттанъ.

Отъ его прежняго спокойствія не осталось и слѣда.

Шаманъ еще ближе нагнулся къ уху Ваттана и далъ ему послѣднее краткое и безстыдное наставленіе.

— А что тогда будетъ?—спросилъ Ваттанъ.

— На-двое,—сказалъ шаманъ.—Я тебѣ говорилъ, все на-двое. Если твои духи сильнѣе, будетъ она у тебя, какъ важенка, пью-

щая изъ рукъ, а если ея духи сильнѣе, порча твоя отскочитъ и вернется къ тебѣ!

— А она?—спросилъ Ваттанъ.

— И ей тоже не поздоровится!—объяснилъ Ваттувій.—Будетъ на гибель обоимъ. Ты самъ выбиралъ!

— Лишь бы вмѣстѣ!—сказалъ Ваттанъ.—Что за бѣда! Все равно уходить надо,—прибавилъ онъ съ страннымъ равнодушіемъ къ смерти, которое всегда лежало въ самой основѣ характера сѣверныхъ племенъ и дѣлало ихъ такими безстрашными въ битвахъ и поспѣшными къ самоубійству.

XIV.

Уже третью недѣлю Ваттанъ странствовалъ пѣшкомъ, переходя съ сопки на сопку и съ рѣки на рѣку и направляясь на сѣверъ. Это было трудное и необыкновенное путешествіе, ибо лѣтомъ не странствуетъ никакое изъ племенъ сѣверной пустыни.

На каждомъ шагу ему попадались неожиданныя препятствія. Онъ переходилъ болота, перепрыгивая съ кочки на кочку и погружаясь при каждомъ невѣрномъ шагѣ въ холодную воду, хранившую въ глубинѣ вѣчно не тающее дно, и цѣлыми часами искалъ брода на горной рѣкѣ, вздувшейся отъ внезапнаго прилива, выносилъ дождь и солнцепекъ, и нападеніе комаровъ въ сырыхъ низинахъ. Онъ не имѣлъ съ собой запасовъ и питался случайной добычей: мелкой рыбой, попавшейся на крюкъ во время вечерняго отдыха, куропаткой, подстрѣленной изъ лука, горстью ягодъ, парой съѣдобныхъ корней.

Сперва ему попадались по дорогѣ стойбища соплеменниковъ, потомъ началась горная пустыня и продолжалась много дней безъ малѣйшихъ слѣдовъ человѣческаго пребыванія, столь же дикая, какъ тотъ Щелеватый перевалъ, на которомъ онъ одержалъ побѣду надъ мышеѣдами.

Наконецъ воды, попадавшіяся ему на встрѣчу, потекли на сѣверъ, сопки стали ниже и горные отроги стали перемежаться полосами открытой равнины. Это начиналась земля Таньговъ, соплеменниковъ Мами. Снова стали встрѣчаться стойбища и стада. Шатры были похожи на южные, но болѣе грубы и грязны; люди говорили сходнымъ языкомъ, но были болѣе свирѣпы, чѣмъ соплеменники Ваттана, и однажды онъ набрелъ на разграбленный лагерь, гдѣ нѣсколько труповъ валялось среди опустѣвшихъ шатровъ. Однако его принимали привѣтливо на стойбищахъ и даже не насмѣхались надъ его южнымъ произношеніемъ, ибо Таньги ненавидѣли мышеѣдовъ непримиримой ненавистью, и по всѣмъ

стойбищамъ ихъ земли съ увлеченіемъ передавался разсказъ о великой побѣдѣ Ваттана надъ хищниками.

Ваттанъ все шелъ впередъ, распрашивая о предметѣ своихъ поисковъ и на двадцать пятый день приблизился къ стойбищу Мами.

Его послѣдній ночлегъ былъ въ шатрахъ Коплянто, приходившагося старому Камаку двоюроднымъ братомъ и здѣсь ему разсказали странныя вѣсти.

Мами съ самаго ухода съ Щелеватой сопки продолжала избѣгать людей и проводила все время съ оленями.

Придя на родную землю, она внезапно отбила лучшую половину стада и угнала его на юго-западъ въ ближайшія предгорья. Никто не осмѣлился послѣдовать за ней, ибо она забралась въ Ущелье Каменныхъ Людей, наполненное каменными столбами и обломками странной формы.

Таньги считали ихъ недодѣланными людьми и вѣрили, что Всемогущій Воронъ, вырубивъ на зарѣ Творенія еще неопытнымъ рѣзцомъ такія неуклюжія фигуры, разсердился и не захотѣлъ вдохнуть въ нихъ жизнь.

Мами жила въ ущельѣ уже третій мѣсяцъ и никто не посѣщалъ ее, тѣмъ не менѣе Коплянто разсказалъ, что по словамъ людей Камака, она ведетъ въ ущельѣ странную жизнь, не ѣстъ мяса и не разводитъ огня и все время проводитъ въ разговорѣ съ оленями, которые понимаютъ ея рѣчь какъ люди.

На тундрѣ вѣрили, что подъ вліяніемъ духа Ивметуна, иные люди уподобляются различнымъ животнымъ, оленямъ, волкамъ и даже лисицамъ, и живутъ съ ними одной жизнью, изъ года въ годъ питаются мхомъ и листьями, или сырымъ мясомъ и подъ конецъ даже покрываются шерстью и пріобрѣтаютъ когти, или копыта.

На ранней зарѣ Ваттанъ оставилъ стойбище Коплянто и отправился на юго-западъ. Сердобольныя дѣвушки стойбища, которымъ были извѣстны многія подробности его неудачнаго сватовства, почти насильно навязали ему котомку съ сушеннымъ мясомъ и проводили его до ближайшей рѣки.

Ущелье Каменныхъ Людей отстояло оттуда на два долгихъ дневныхъ перехода, и Ваттанъ торопился, сгорая желаніемъ увидѣть свою прежнюю невѣсту.

На другой день поздно вечеромъ, съ сильно бьющимся сердцемъ, онъ вступилъ въ ущелье. Это была широкая круглая долина, среди которой лежало небольшое, но глубокое озеро. Берега его были покрыты разнообразной порослью, дающей лѣтнюю пищу оленямъ, а горные склоны бѣлѣли отъ пышныхъ моховыхъ пастбищъ. Всѣ они были усѣяны странными каменными обломками,

остатками неудачныхъ твореній Полярнаго Бога Каменные люди стояли и лежали въ разнообразныхъ позахъ по одиночкѣ и группами; другіе камни побольше представляли окаменѣвшіе шатры и хижины. Все вмѣстѣ дѣйствительно напоминало недодѣланный городъ, капризно брошенный художникомъ въ половинѣ работы.

Въ одной изъ стѣнъ ущелья открывался темный ходъ внутрь.

Впереди лежалъ большой обломокъ скалы, круглый какъ куполъ, и подъѣденный внизу подземнымъ ключемъ. Пещера была извѣстна по всей сѣверной тундрѣ подъ именемъ Каменнаго Шатра, а куполъ назывался сѣнями.

Между обломками окаменѣвшаго города тамъ и сямъ спокойно паслись олени, Ваттанъ подвигался впередъ, пытливо разглядывая всѣ закоулки ущелья, и стараясь отыскать ту, ради которой онъ предпринялъ свое необыкновенное путешествіе.

— Кто ты: человѣкъ или олень?—Мами показалась изнутри Каменнаго Шатра и остановилась въ проходѣ.

Она показалась Ваттану выше и тоньше прежняго. Лицо ея было очень блѣдно; тонкая лѣтняя одежда плотно прилегала къ стройному тѣлу и большой зеленый вѣнокъ украшалъ ея густыя растрепанныя косы.

Ваттанъ стоялъ, не зная, что отвѣтить, но Мами сама вывела его изъ затрудненія.

— Пришелъ!—крикнула она, выбѣгая впередъ и бросаясь ему на шею.

— Милый! А я ждала, ждала.

Можно было подумать, что это молодая жена, дождавшаяся домой отсутствовавшаго супруга.

— Пойдемъ домой!

Она увлекла его вглубь каменнаго прохода. Въ пещерѣ у передней стѣны на сухой каменной площадкѣ было устроено широкое и уютное ложе изъ опавшихъ листьевъ.

«Дѣйствуетъ присуха!» подумалъ Ваттанъ съ торжествомъ и крѣпко прижалъ къ себѣ молодую дѣвушку.

— Милый!—сказала Мами, прилегая щекой къ его лицу.— Олень мой быстроногій, желанный мужъ!..

Сердце Ваттана на минуту сжалось. Ему показалось, что эти слова относятся къ другому, а не къ нему, но это мимолетное чувство тотчасъ же исчезло. Душа его была слишкомъ переполнена бурнымъ и необузданнымъ счастьемъ, ибо онъ держалъ въ своихъ рукахъ дорогое лицо и заглядывалъ въ глаза, которые сіяли лаской, хотя въ глубинѣ ихъ таилась закутанная душа и подмѣненный духами разсудокъ.

XV.

Они прожили въ ущельи недѣлю, какъ мужъ и жена странной жизнью, не похожей ни на что существующее на землѣ.

Былъ конецъ лѣта, стояли ясные, теплые дни. Послѣдніе цвѣты отцвѣтали, наполняя тихое ущелье слабымъ ароматомъ. Утромъ верхушки каменнаго шатра золотились отъ восходящаго солнца, а окаменѣлые люди неподвижно стояли на берегу озера и заглядывали внутрь, и призраки ихъ, еще болѣе мрачные и таинственные, наполняли спокойную черную глубину озера, какъ новое подземное царство.

Мами не называла Ваттана по имени, и онъ никакъ не могъ рѣшить, узнаетъ ли она его или нѣтъ. Но онъ страшился разспрашивать ее, чтобы внезапно не провалиться въ истину, какъ въ бездну. Потерять ее опять было бы слишкомъ мучительно. Въ самой болѣзни своей она была окружена какимъ-то новымъ и страннымъ очарованіемъ, и онъ любилъ ее еще больше, чѣмъ прежде. Она дѣлила свое вниманіе между нимъ и оленями, которые собирались вокругъ нея каждый разъ, когда она показывалась на пастбищѣ, и слѣдовали за ней повсюду, какъ собаки. У ней было для каждаго особое имя, и она описывала ихъ Ваттану, какъ описываютъ близко знакомыхъ людей. Она показывала ему косяки молодыхъ телятъ, которые дружно паслись и рѣзвились вмѣстѣ, не обращая вниманія на полъ, и группы подростковъ, гдѣ молодые бычки уже начинали ухаживать за своими подругами, ибо приближалось время любви. Она указывала капризныхъ важенокъ, которыя ежегодно отвергали всѣхъ искателей своего стада и дожидались незнакомыхъ гостей съ вольныхъ пастбищъ на тундрѣ. Мимо нихъ тяжелой поступью проходили старые, отяжелѣвшіе, быки, думавшіе только о кормѣ и отдыхѣ, сильные самцы съ острыми рогами расхаживали между камнями, угрюмо поглядывая другъ на друга и приготовляясь къ предстоящимъ битвамъ, а легконогіе двухлѣтки, на сторонѣ которыхъ была численность, соединялись партіями и готовились отстаивать свои права.

Мами знала характеръ и особенности каждаго. Такой-то черный быкъ съ третьимъ рогомъ на лбу, ѣлъ всегда вмѣстѣ съ бѣлой важенкой, у которой были желтыя копыта и концы роговъ были закручены изящной спиралью.

А этотъ быкъ въ бѣлыхъ чулкахъ, для того, чтобы приняться за ѣду, сгонялъ товарищей съ мѣста. Эти телята постоянно рѣзвились и прыгали вокругъ каменныхъ обломковъ, какъ будто играли въ чехарду. А тѣ копались въ узенькой песчаной полосѣ на берегу озера и подбирали тамъ тонкую гусиную травку.

Скоро и Ваттанъ сталъ разсматривать оленей глазами Мами. Среди каменныхъ призраковъ и живыхъ четвероногихъ друзей своей подруги онъ совсѣмъ потерялъ свое человѣческое мѣрило, и ему не показалось бы удивительно, если бы олени или даже камни и кусты заговорили съ нимъ понятнымъ языкомъ.

Съ перваго же дня онъ убѣдился, что Мами ничѣмъ не пользуется отъ стада. Никакихъ признаковъ убоя не было около ея каменнаго жилища, и у ней не было даже свѣжей оленьей шкуры, чтобы защититься отъ холода. Онъ не понималъ хорошенько, чѣмъ она питается. Прогуливаясь съ нимъ по своимъ вольнымъ владѣніямъ, она иногда срывала нѣсколько ягодъ или выдергивала изъ земли мясистый корешокъ макарши, но этого было бы мало для больной птицы, а не только для взрослой женщины. Впрочемъ, Мами замѣтно похудѣла, хотя была попрежнему бодра и проворна. Быть можетъ, ее поддерживала настойчивая выносливость первобытныхъ людей, которые способны долгое время поддерживать свою силу самой умѣренной пищей.

Самъ Ваттанъ питался сухимъ мясомъ, которое женщины послѣдняго стойбища дали ему на дорогу. Она ничего не говорила, но отворачивалась, если это было въ ея присутствіи, и у него не хватало духу предложить ей часть.

На пятый день произошла ихъ первая размолвка.

Они сидѣли у входа въ пещеру, на широкомъ плоскомъ камнѣ, который лежалъ впереди каменнаго купола, какъ порогъ или нарочно устроенная скамья. Мами положила голову на колѣни Ваттану и незамѣтно задремала. Онъ медленно перебиралъ рукою ея волосы и пристально разсматривалъ жилы на ея бѣлыхъ вискахъ, которыя теперь выдѣлялись замѣтнѣе прежняго. Огромный быкъ съ пестрой шкурой и тяжелыми рогами смѣло подошелъ и протянулъ голову, собираясь потереть морду о щеку дѣвушки. Это былъ любимецъ Мами, тотъ самый олень, который вынесъ ее изъ свалки на Щелеватой сопкѣ. Вмѣстѣ съ большимъ бѣлымъ быкомъ, котораго убилъ Рынто, онъ принадлежалъ къ собственной упряжкѣ дѣвушки. Теперь онъ былъ самымъ крупнымъ быкомъ и вожакомъ стада. Ваттанъ посмотрѣлъ на него, и въ его душѣ шевельнулось непріязненное чувство. Онъ поднялъ руку и ударилъ оленя кулакомъ по лбу. Олень неохотно отошелъ и опять остановился, уставившись въ Ваттана недружелюбнымъ взглядомъ.

Мами тотчасъ же проснулась.

— Зачѣмъ ты бьешь оленя?—сказала она съ упрекомъ.

Ваттанъ все смотрѣлъ на пестраго быка.

— Давай убьемъ его!—вдругъ предложилъ онъ.

Дѣвушка тотчасъ же сѣла и посмотрѣла на него испуганными глазами.

— Убивать худо!—сказала она.—Развѣ ты не знаешь, все это мои братья?

Ея рука продолжала лежать на его колѣняхъ, и онъ почувствовалъ, что она вся начинаетъ дрожать.

— Ну, полно!—успокоительно сказалъ онъ.—Братья, такъ братья.

— Убивать грѣхъ!—продолжала дѣвушка, нѣсколько успокоившись.—И такъ всѣ убиваютъ. Волки, люди, совы, орлы... Я не хочу.

— А какъ же жить?—невольно возразилъ Ваттанъ.

— Я не знаю,—возразила Мами,—я живу, какъ они.

Она указала рукой на оленя, продолжавшаго стоять вблизи.

Ваттанъ вдругъ припомнилъ разсказы, ходившіе по тундрѣ.—Неужели она вправду кормится мхомъ?—подумалъ онъ.

Ему внезапно до смерти захотѣлось ѣсть. Онъ протянулъ руку къ котомкѣ, которая лежала въ двухъ шагахъ, и вынувъ ломоть сухого мяса, принялся раздирать его по волокнамъ.

Мами тотчасъ же убрала свою руку и отвернулась въ сторону.

— Что ты, Мами?—невольно спросилъ онъ.

До сихъ поръ она не высказывала еще своего отвращенія такъ ясно.

— Вѣдь это мертвое тѣло!—сказала дѣвушка.—Ты мертвечину ѣшь.

Ваттанъ вздрогнулъ и съ ужасомъ посмотрѣлъ на нее. Повинуясь своему отвращенію къ сверхъестественнымъ вещамъ, онъ совсѣмъ забылъ про амулетъ, хотя при первомъ удобномъ случаѣ исполнилъ предписаніе Ваттувія и нисколько не сомнѣвался, что именно частицѣ мертваго мяса, висѣвшей на его груди, онъ обязанъ своимъ торжествомъ. Слова Мами показались ему исполненными нечеловѣческой прозорливости, и онъ со страхомъ и печалью смотрѣлъ на нее, чувствуя, что ихъ счеты съ судьбой еще не сведены, и что эта странная жизнь въ забытомъ людьми ущельи не можетъ длиться долго и окончиться счастливо.

XVI.

Тепло внезапно окончилось, какъ оторвалось. Начались крѣпкіе ночные заморозки, земля отвердѣла, какъ желѣзо, на ивовыхъ кустахъ не осталось ни одного листочка. Небо постоянно хмурилось. Тонкій снѣжокъ выпалъ и не растаялъ... Мами проводила больше времени въ пещерѣ. Она теперь много спала и нерѣдко

показывалась на свѣтъ только въ полдень. Ваттанъ съ опасеніемъ видѣлъ, что сила ея убываетъ вмѣстѣ съ уходящимъ теплом. Онъ чувствовалъ себя вдвойнѣ несчастнымъ, ибо запасъ его кончился, и уже два дня онъ провелъ безъ пищи.

Въ противность своему лѣтнему образу жизни, онъ спалъ мало и все время, пока Мами лежала въ пещерѣ, зарывшись въ листья, онъ бродилъ по ущелью, съ непріязненнымъ чувствомъ разсматривая ожирѣвшихъ оленей и расчленяя своимъ опытнымъ взглядомъ каждое упитанное тѣло, проходившее мимо. Онъ никакъ не хотѣлъ допустить, что они съ Мами должны погибнуть среди этого обилія.

Инстинкты скотовода, владѣтеля стадъ, проснулись въ его голодномъ тѣлѣ и неспокойномъ умѣ, и онъ уже не думалъ о томъ, могутъ ли олени говорить понятной рѣчью. Онъ разсматривалъ ихъ, какъ рабовъ, которые должны служить ему и приносить пользу своей жизнью и смертью.

У оленей начиналась пора любви. Подростки затѣвали первыя драки. Крупные быки съ налитыми кровью глазами гонялись взадъ и впередъ за стройными двухлѣтками, которые пользовались у легкомысленныхъ важенокъ бо́льшимъ успѣхомъ, чѣмъ владыки стада.

Ваттанъ медленно прошелъ среди стада, какъ будто выбирая наиболѣе подходящее животное, потомъ свернулъ къ озеру и сталъ спускаться внизъ по широкимъ каменнымъ уступамъ.

Пестрый быкъ стоялъ у самой воды. Онъ пришелъ для водопоя и, удовлетворивъ жажду, остановился на краю озера, заглянулъ вглубь и сердито встряхнулъ подгривкомъ, увидѣвъ тамъ собственную рогатую голову. Потомъ онъ протянулъ шею и испустилъ неописуемый хриплый ревъ, которымъ оленьи самцы вызываютъ другъ друга на состязаніе. Послѣ этого онъ повернулъ голову, и увидѣвъ молодого человѣка, внезапно бросился на него, опустивъ рога.

Ваттанъ почувствовалъ приливъ страшной ненависти къ этому оленю. Пестрый быкъ былъ какъ будто соперникъ, который уже второй разъ попадался ему на дорогѣ.

Онъ выхватилъ изъ-за пояса блестящій ножъ Колхоча, который дядя отдалъ ему обратно передъ уходомъ съ родной рѣки, и, отскочивъ въ сторону, схватилъ лѣвой рукой подбѣжавшаго оленя за отростки рога, а правой вонзилъ ему ножъ въ сердце, привычнымъ жестомъ богатаго оленевода, который ежегодно убиваетъ многія сотни животныхъ для своихъ домочадцевъ и сосѣдей.

Олень остановился, какъ вкопанный, еще больше протянулъ

шею и посмотрѣлъ на Ваттана дикими глазами, гдѣ послѣдняя вспышка злости погасала, какъ свѣтильня, внезапно вынутая изъ лампы; ноги его задрожали и стали гнуться въ колѣняхъ; черезъ минуту онъ грянулся на землю и разъ или два ударилъ задними копытами въ послѣдней агоніи.

Ваттанъ съ восхищеніемъ посмотрѣлъ на ножъ; потомъ небрежно пощупалъ у оленя за ушами. Быкъ былъ немного старъ, но очень жиренъ.

Молодой оленеводъ чувствовалъ себя въ своемъ элементѣ, какъ рыба въ водѣ. Всѣ тревожныя мысли покинули его передъ этой блестящей дѣйствительностью. Съ горящими глазами онъ распоролъ оленье брюхо, запустилъ обѣ руки въ дымящіяся внутренности и вытащилъ почки, обвитыя нѣжнымъ бѣлымъ жиромъ. Одну изъ нихъ онъ тщательно обтеръ объ шкуру оленя и положилъ на камень, а другую, не теряя времени, сталъ рѣзать на кусочки и отправлять въ ротъ сырьемъ, какъ до сихъ поръ дѣлаютъ всѣ сѣверные скотоводы.

Въ это время высокая фигура дѣвушки показалась вверху. Она только что проснулась и тоже отправлялась къ водѣ, чтобы умыться и утолить жажду.

— Мами, иди ѣсть почки!—громко закричалъ Ваттанъ, нисколько не думая о томъ, что дѣвушка можетъ взглянуть на его поступокъ тѣмъ же испуганнымъ взглядомъ, какой онъ видѣлъ у нея четыре дня тому назадъ при первомъ предложеніи заколоть оленя.

Отвѣтомъ Мами былъ громкій и пронзительный крикъ. Она быстро бросилась впередъ, какъ будто желая остановить убійство, которое уже совершилось.

Не добѣжавъ десяти шаговъ до кровавой сцены, она остановилась, какъ будто опасаясь приблизиться ближе.

— Людоѣдъ!—сказала она, глядя глазами, полными неописуемаго ужаса, на кровавый кусокъ мяса, который Ваттанъ держалъ въ рукѣ.—Убійца! Пожиратель труповъ!

Лицо ея исказилось отъ отвращенія и въ углахъ глазъ началось странное подергиванье.

— Что ты? что ты?—безсвязно возразилъ Ваттанъ, заражаясь ея волненіемъ и страхомъ.

Онъ бросилъ свой кусокъ и протянулъ къ ней руки, по локоть покрытыя кровью.

— Кто ты?—дико закричала дѣвушка, отступая назадъ.—Ты не Гирканъ! Тебя подмѣнили!

Ваттанъ, не смотря на испугъ, почувствовалъ болѣзненный уколъ въ сердце. Очевидно, она все время принимала его за ненавистнаго соперника.

— Не подходи!—кричала дѣвушка.—Ты—Рынто!

Высокая фигура Ваттана съ засученными по локоть и окровавленными руками внезапно вызвала въ ея умѣ воспоминаніе о предводителѣ мышеѣдовъ, когда онъ разбиралъ на части къ ужину перваго оленя изъ ея стада.

— Мами!—воскликнулъ тоскливо Ваттанъ, дѣлая шагъ впередъ.

Дѣвушка повернулась и, какъ дикая коза, бросилась вверхъ по тропинкѣ.

Ваттанъ послѣдовалъ сзади, увлеченный ея примѣромъ и опасаясь, что съ ней случится какое-нибудь несчастіе, и на бѣгу онъ вспомнилъ, какъ минувшей весною онъ точно также бѣжалъ сзади и не могъ догнать дѣвушку.

Мами бѣжала также быстро, какъ прежде, но въ головѣ ея мутилось. Обрывки мыслей дико и странно мелькали въ ея умѣ, и какъ будто тоже бѣжали взапуски. Ей казалось, что это Чайвунъ лежитъ тамъ на снѣгу, среди кровавой лужи. Рынто гнался сзади и хотѣлъ сдѣлать ее своей женой, какъ въ послѣднюю памятную ночь.

Они добѣжали до стѣны ущелья. Ваттанъ, пользуясь выгодой поворота дороги, взялъ наперерѣзъ, но Мами стала перебѣгать между каменными столбами, стараясь найти мѣсто, чтобы спрятаться. Но среди странныхъ сѣрыхъ колоннъ, похожихъ на кучу неправильныхъ окаменѣвшихъ зубовъ, спрятаться было негдѣ.

Ваттанъ уже набѣгалъ; тогда молодая дѣвушка, объятая внезапной силой отчаянія, вдругъ стала лѣзть на самую высокую, совершенно отвѣсную колонну, поднимавшуюся среди окаменѣвшихъ людей, какъ стволъ каменнаго дерева.

Черезъ минуту она была на вершинѣ. Ваттанъ стоялъ внизу и простиралъ руки вверхъ. Ей показалось, что онъ сейчасъ подскочитъ и схватитъ ее. Голова ея закружилась, свѣтлые круги побѣжали передъ глазами, потомъ проплыло какое-то страшное лицо съ огненнымъ взглядомъ и клыкастой, разинутой пастью.

То было лицо Ивметуна.

Она судорожно стиснула кулаки, зажавъ больше пальцы внутрь, вскрикнула хрипло и слабо и какъ снопъ слетѣла внизъ къ ногамъ Ваттана, который съ крикомъ отскочилъ назадъ. Голова ея ударилась о каменный выступъ, въ углахъ рта показалось немного крови; потомъ ноги ея передернулись два раза точно также, какъ у пестраго быка, и тѣло ея стало совершенно неподвижно.

Обѣ половины предвѣщанія, сдѣланнаго Ваттувіемъ, исполнились. Чары, созданныя имъ, привлекли Мами въ объятія молодого оленевода, но грозный Ивметунъ оказался сильнѣе, чѣмъ мертвецъ съ южной рѣки, и окончательно унесъ свою добычу.

Ваттанъ поднялъ дѣвушку на руки и отнесъ ее къ водѣ, потомъ тщательно обмылъ ея лицо и положилъ ее на ровномъ мѣстѣ, старательно очищенномъ отъ снѣга; онъ снялъ съ себя амулетъ, тяжелымъ камнемъ раздробилъ на мелкія части и бросилъ въ воду вмѣстѣ съ мѣшкомъ и горностаевой головой. Онъ готовился исполнить послѣднюю часть предвѣщанія и снова чувствовалъ себя свободнымъ отъ вліянія людей, духовъ и боговъ.

Послѣ этого онъ съ дѣловымъ видомъ содралъ съ оленя шкуру, ощипалъ и оскоблилъ ее отъ шерсти, искусно разрѣзалъ ножомъ на очень тонкіе ремни и сталъ переплетать ихъ между собою. Черезъ нѣсколько минутъ усердной работы онъ сплелъ еще сырой арканъ, надставивъ его съ одного конца ремнями отъ котомки, связанными вмѣстѣ. Онъ хотѣлъ устроить Мами торжественныя похороны сообразно съ обычаемъ тундры и сжечь ея тѣло на кострѣ. И въ жертву ей онъ хотѣлъ принести стадо, неумѣренная любовь къ которому погубила ее. Весь остатокъ дня онъ занимался исполненіемъ своей кровавой затѣи, закидывая арканъ оленямъ на рога и закалывая ихъ ножомъ въ сердце. Олени до такой степени обручнѣли, что первыхъ пятнадцать или двадцать онъ могъ перехватить просто руками. Но потомъ запахъ крови и видъ труповъ, лежащихъ на землѣ, сталъ пугать тѣхъ, которые проходили или пробѣгали близко. Мало-по-малу стадо пришло въ смятеніе и въ стремительномъ бѣгствѣ разсыпалось по ущелью. Но Ваттанъ мчался за ними вслѣдъ проворнѣе полевого волка, арканъ его не зналъ промаха и сверкающій ножъ убивалъ, какъ ударъ молніи. Мелкимъ оленямъ онъ для скорости просто скручивалъ головы своими крѣпкими руками и спѣшилъ перейти къ новой жертвѣ. Бойня продолжалось до поздней ночи. Даже въ темнотѣ Ваттанъ продолжалъ колоть и душить слабыхъ и отстающихъ сзади, пока самъ не упалъ отъ изнеможенія на землю. Большая часть стада была перебита, остальные олени спаслись изъ рокового ущелья и разбѣжались куда глаза глядятъ, разнося по сосѣднимъ пастбищамъ и ущельямъ вѣсть о великомъ несчастіи.

Съ первымъ лучомъ разсвѣта Ваттанъ сталъ стаскивать оленей на мѣсто выбранное для погребенія. Ихъ было такъ много, что работа длилась дольше полудня, хотя огромная сила витязя казалось удесятерилась и онъ переносилъ тяжелыя туши на плечахъ такъ легко, какъ будто это были зайцы, убитые на охотѣ. Онъ не считалъ животныхъ, но клалъ ихъ большимъ полукругомъ вокругъ тѣла Мами, оставляя со стороны озера широкій входъ. Это было подобіе загона, какъ его дѣлаютъ оленные люди передъ тѣмъ, какъ отправиться въ путь.

Молодой оленеводъ собирался отправиться въ путь вмѣстѣ со своей женой и хотѣлъ взять съ собой всѣхъ этихъ животныхъ.

Наконецъ, валъ грузныхъ сѣрыхъ тѣлъ окружилъ Мами. Ваттанъ принялся ломать и вырывать съ корнемъ кусты и сносить ихъ на мѣсто. Они были такъ смолисты и сухи, что представляли прекрасный матеріалъ для костра. Эта работа шла гораздо быстрѣе и къ вечеру на мѣстѣ погребенія воздвиглась груда вѣтвей и корявыхъ корней вышиной почти съ круглыя сѣни каменнаго шатра.

Когда все было готово, Ваттанъ сдѣлалъ приборъ для вытиранія огня, съ деревянной дощечкой, сверломъ и вращательнымъ лукомъ, какъ его устраиваютъ оленные люди, и не далѣе какъ черезъ минуту съ обычной ловкостью дѣтей тундры добылъ необходимую искру.

Когда первая струя дыма повалила изъ костра, онъ взялъ Мами на руки и взошелъ на вершину дровяной кучи. Потомъ усѣлся на срединѣ, положилъ голову мертвой дѣвушки себѣ на колѣни и сталъ тихонько перебирать пальцами ея тонкіе волосы. Костеръ быстро разгорался, смолистыя вѣтви трещали, шишки ползучаго кедровника громко лопались отъ жара, сырые корни скручивались, какъ живыя руки. Когда языки пламени стали пронизывать костеръ и дымъ повалилъ столбомъ, окутывая мертвую жену и добровольно погибающаго мужа, Ваттанъ поднялъ лежавшій подлѣ ножъ и твердою рукою всадилъ его себѣ въ сердце. Струя крови хлынула прямо въ огонь, и лицо его низко склонилось внизъ, какъ будто стремясь слиться съ лицомъ Мами въ послѣднемъ смертномъ поцѣлуѣ.

Танъ.

ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ САТИРИЧЕСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ.

(1857—1864 гг.).

(*Окончаніе* *).

XI.

Чиновничій міръ стараго времени представленъ въ *Искрѣ* такъ полно и всесторонне, что его удобнѣе выдѣлить въ особую главу.

Устами «мичмана Кропотова» *Искра* писала министру внутреннихъ дѣлъ:

«Если бы вы взяли на себя трудъ анатомировать и раскрыть порученную вамъ внутренность, то сколько бы вы нашли въ нѣдрахъ ея испорченныхъ сильною несправедливостью кишекъ! Вы бы увидѣли, что иной тощій желудокъ третьи сутки страдаетъ спазмою; сколько бы вы обрѣли попорченныхъ нервовъ, могущихъ въ порученной вамъ внутренности служить для варенія пищи всеобщаго благоденствія, но угнетеніе остановило въ нихъ кровь патріотическаго усердія. Я увѣренъ, что ваше превосходительство, прочитавъ письмо сіе, въ предложеніи вашемъ департаменту, пришлете мнѣ спасительную микстуру. Впрочемъ, если вы письмо сіе примите въ противномъ смыслѣ, то для меня все равно: въ Сибири тоже солнце свѣтитъ. Здѣсь кровь леденѣетъ отъ всеобщей холодности, а тамъ оная согрѣвается земляным соучастіемъ» **).

Когда стали ходить слухи о назначеніи М. Н. Муравьева-Виленскаго генералъ-губернаторомъ сѣверо-западнаго края, въ *Искрѣ* появилась такая каррикатура. На первомъ планѣ дерево; на немъ сидитъ птица, подъ деревомъ—большая муравьиная куча. Въ отдаленіи пересѣченіе дорогъ и верстовой столбъ съ надписью: «Петербургъ—Вильно». Подъ каррикатурой подпись:

---

*) См. „Міръ Божій“, № 7, іюль, 1903 г.

**) 1863 г., № 14. Впослѣдствіи оказалось, что мичманъ Кропотовъ дѣйствительно существовалъ—его письма къ министрамъ напечатаны въ „Русской Старинѣ“.

„Муравьевъ-то, муравьевъ,
Вотъ гдѣ пища соловьевъ;
Прилетай же поскорѣй,
Обличитель-соловей“ *).

Не обиженъ былъ невниманіемъ и гр. Валуевъ, только что назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ. Онъ изображенъ балансирующимъ на канатѣ между «да» и «нѣтъ». Подъ каррикатурою подпись: «либералъ-эквилибристъ, ловко колеблющійся во всѣ стороны и отыскивающій благоразумную середину» **).

Очень остроумна другая работа Степанова, въ нѣсколькихъ штрихахъ нарисовавшаго несообразности въ распоряженіяхъ чиновниковъ.

КУРЬЕРЪ.

Проскакалъ, сломя голову, 6 т. верстъ въ 12 дней, чтобы доставить очень нужную бумагу, на которой тотчасъ же было написано рукою Его Пр-ва: „принять къ свѣдѣнію“.

(*Искра*, 1859 г., № 11).

*) 1863 г., № 1.
**) 1862 г., № 21.

Такихъ господъ законъ весьма мало стѣснялъ.

Передъ военнымъ генераломъ стоитъ чиновникъ.

— По моему мнѣнію, съ Иванова слѣдуетъ взыскать въ пользу казны.

— По закону нельзя-съ.

— Такъ вы такъ и напишите, что хоть по закону нельзя взыскать, но по духу законодательства онъ подлежитъ платежу» *).

Къ важному «генералу» приходитъ чиновникъ.

— Помилуйте! За что вы уволили меня со службы?

— Я не увольнялъ, кто вамъ это сказалъ?

— Да вы вчера изволили подписать мое увольненіе, я самъ читалъ его.

«(*Звонитъ, входитъ камердинеръ*). Какъ же это ты, братецъ, такъ неосмотрителенъ! Вчера, какъ докладывалъ мнѣ бумаги, сказалъ, что нѣтъ ни одной важной, а вотъ вышла важная. Пошелъ вонъ дуракъ!» **).

«Въ г. Арбатовѣ одинъ изъ уѣздныхъ начальниковъ обратился къ знакомому и, кажется, ему подвѣдомственному доктору съ слѣдующей рѣчью: «У предводителя послѣ завтра балъ; я не приглашенъ, а между тѣмъ, слышалъ, что мои чиновники А. и Г. получили пригласительные билеты. Потрудитесь передать имъ, что если будутъ на предводительскомъ балѣ, то чтобъ на другой же день подали въ отставку!» Коротко и ясно» ***).

Вообще съ подчиненными не стѣснялись.

— Доложи, что секретарь съ бумагами пришелъ.

— Нельзя-съ, не принимаютъ теперь... курятъ сигару-съ.

— А потомъ?

— Потомъ приказали набить трубку-съ» ****).

Теперь перейдемъ въ область взяточничества, мздоимства, лихоимства, вымогательства и tutti quanti.

Въ концѣ 1858 года Н. А. Вышнеградскій (братъ И. А., бывшаго потомъ министромъ финансовъ), бывшій тогда начальникомъ перваго женскаго маріинскаго училища, печатно заявилъ о предлагаемыхъ ему по службѣ взяткахъ и о своемъ безкорыстіи. За нимъ послѣдовало нѣсколько человѣкъ. Это было совершенно ново и не потому, что не было людей, не принимавшихъ взятки, а потому, что объ этомъ никто никогда печатно не заявлялъ... Въ *Искрѣ* появляется пародія на подобныя заявленія:

„Замѣчено мною—къ несчастію и соболѣзнованію—уже не разъ, что многіе слѣпые или близорукіе люди поставляютъ себѣ долгомъ приносить ко мнѣ по

*) 1859 г., № 12.
**) 1861 г., № 14.
***) 1860 г., № 35.
****) 1859 г., № 19.

праздникамъ различныя снѣди и питья. Принимая въ соображеніе, что я, какъ человѣкъ, назначенный къ исправленію занимаемой мною должности, обезпеченъ съ избыткомъ получаемымъ мною по службѣ содержаніемъ, принимаю смѣлость напомнить объ этомъ вышеозначеннымъ людямъ и этимъ печатнымъ внушеніемъ, къ которому я приступилъ послѣ тягостной борьбы съ самимъ собою, исцѣлить ихъ отъ дальнѣйшихъ подобныхъ приношеній, присовокупляя, что приношенія эти, несогласныя съ здравымъ разсудкомъ и духомъ нашихъ учрежденій, будутъ оставляемы мною безъ вниманія. Въ заключеніе долженъ увѣдомить, что кулекъ съ пшеничною мукою, полученный мною отъ одного господина, фамилію котораго на сей разъ я скрою отъ публики, возвращенъ по принадлежности, а десятокъ утокъ, присланныхъ недавно изъ одной прилегающей деревни, возвратятся приславшему ихъ, если онъ потрудится сходить ко мнѣ на кухню и потребовать ихъ отъ повара Авдѣя.

„Секретарь уѣзднаго суда *Н. Нижнесельскій*“ *).

Когда же вятскій губернскій прокуроръ Сырневъ явился въ «Москов. Вѣдомостяхъ» съ заявленіемъ, что онъ вообще въ теченіе свой 35-лѣтней службы взятокъ ни отъ кого не бралъ, Вс. С. Курочкинъ помѣстилъ стихотвореніе, пресѣкшее на время такую «гласность особаго рода»:

Привело меня въ смущенье
Это объявленье.
Неужели только въ Вяткѣ
Не берутся взятки?
Нѣтъ! Въ столицѣ есть подобный,
Нѣкій мужъ незлобный;
О себѣ онъ также внятно,
Возвѣстилъ печатно.
Правда держится межъ нами
Онымй мужами:
Господиномъ Вышнеградскимъ
Съ прокуроромъ вятскимъ.
Мужи правды и совѣта!
Вамъ зачтется это.
Передъ честностію вашей,
Всплывшей солнца краше,
При хвалебномъ общемъ кликѣ,
Нынѣ всѣ языки
Благодарныя Россіи
Преклоняютъ выи *).

А вотъ подражаніе «Вѣткѣ Палестины», озаглавленное «Кредитная бумажка»:

Скажи мнѣ, ветхая бумажка:
Гдѣ ты была, гдѣ ты жила?
Въ какомъ чиновничьемъ карманѣ
Ты темный вѣкъ свой провела?
Не на дому-ль тебя въ халатѣ
Совѣтникъ важный принималъ?
Въ части-ль, въ полиціи, въ палатѣ
Писецъ ревниво поджидалъ?

*) 1859 г., № 4.
**) 1859 г., № 45.

Указъ суда тогда-ль читали,
Обрядъ свершая старины,
Когда къ рукамъ тебя прибрали
Ѳемиды честные сыны?

И тотъ, кто взялъ, на службѣ-ль нынѣ?
Беретъ, какъ прежде, каждый день?
На мѣстѣ *злачномъ*, въ крупномъ чинѣ
Имѣетъ *вѣсъ*, даетъ ли тѣнь?

Иль разлученъ со взяткой, гладный,
Въ одеждѣ ветхой, какъ и ты,
Кончаетъ вѣкъ свой безотрадный
На лонѣ гнусной нищеты?

Повѣдай: подлою рукою
Кто первый въ даръ тебя принесъ?
Что было куплено тобою:
Дѣла-ли крови, или слезъ?

Воръ—откупщикъ къ большому-ль плуту
Тебя послалъ въ день именинъ?
И отдана ты въ ту-жъ минуту
Женой за тряпки въ магазинъ?

Ходатай-ли за каверзъ ловкій
Тебя вручилъ секретарю?
И гдѣ ты съ нимъ потомъ, плутовка,
Встрѣчала блѣдную зарю?.. *)

Въ другомъ мѣстѣ изложена очень остроумная «практическая ариѳметика», а вслѣдъ за нею дана для упражненія слѣдующая «задача на всѣ четыре правила»:

Нѣкто въ нашемъ уѣздномъ городѣ получаетъ въ годъ казеннаго содержанія 800 руб.

Изъ числа 800 руб. платитъ:

За квартиру	450 руб.
Прислугѣ	200 —
За четырехъ дочерей, въ разные пансіоны	800 —
На аристократическіе наряды жены и дочери	1.200 —
На одежду и обувь собственно для себя .	250 —
На ремонтъ экипажа, мебель и проч. . .	300 —
На столъ и четыре бала въ годъ	900 —

(Не мѣшаетъ замѣтить, что большая часть живности доставляется изъ деревень—gratis). Затѣмъ откладывается въ запасный капиталъ отъ 3 до 5.000 р. Спрашивается, откуда берется такая благодать?“ **).

Понятно, кто этотъ магъ и чародѣй:—капитанъ-исправникъ, премированный жизнью волшебникъ, умѣвшій, какъ и городничій, изъ всего извлечь пользу. Русскій исправникъ не сходилъ со страницъ *Искры* и, конечно, клялъ ее всѣми силами своей души. Вотъ, напримѣръ, «Идеальная ревизія»:

*) 1859 г., № 16.
**) 1860 г., № 10.

— Дороги у васъ въ околоткѣ!
Ухабы, озера, бугры!
— Пожалуста, рюмочку водки;
Пожалуста, свѣжей икры.
— Выходитъ, что вы, не по чину...
За это достанется вамъ...
— Пожалуста, кюммелю, джину,
Пожалуста, рижскій бальзамъ.
— Пословица службы боярской:
Бери, да по чину бери.
— Пожалуста, честеръ, швейцарскій,
Пожалуста, стильтону, бри.
— Дороги положимъ, бездѣлки;
Но былъ я въ острогѣ у васъ...
— Пожалуста, старой горѣлки,
Галушекъ, грибочковъ, колбасъ.
— Положимъ, что часъ адмиральскій;
Да вотъ и купцы говорятъ...
— Угодно-съ ветчинки вестфальской?
Стерлядка-съ, дичинка, салатъ...
— Положимъ, что въ вашу защиту
Вы фактъ не одинъ привели...
— Угодно-съ икемцу, лафиту?
Угодно-съ рейнвейну, шабли?
— Положимъ, что вы увлекались...
Сходило предмѣстнику съ рукъ.
— Сигарочку вамъ-съ: Имперьялисъ,
Регалія, Упманъ, Трабукъ.
— Положимъ, я строгъ черезъ мѣру
И какъ-нибудь дѣло сойдетъ...
— Пожалуста... Ей! Редереру!
Поставить двѣ дюжины въ ледъ *).

Молодому человѣку, повидимому пробовавшему объяснить такому капитану-исправнику, что такое «прогрессъ», сѣрый волкъ отвѣчаетъ: «Э, Лука Лукичъ, это только кричатъ—прогрессъ, прогрессъ. А я вамъ скажу: все это вздоръ! Мой предшественникъ по 20 тысячъ въ годъ получалъ, а я едва десятокъ могъ собрать. съ уѣзда—вотъ вамъ и прогрессъ!» **).

Очень остроуменъ и «словарь словъ, доставлявшихъ вѣрный доходъ городничимъ былого времени». Вотъ онъ:

А. Артель, Арестанты, Аптекаря.
В. Бани, Бродяги, Билеты, Бойни.
В. Вводъ во владѣніе, Взносъ купеческихъ капиталовъ, Винные погреба, Водка, Воры, Ворожеи.
Г. Говядина, Гурты, Грабители, Годовые праздники.
Д. Домовладѣльцы, Драки, Доносы.
Е. Ереси, Евреи.

---

*) 1860 г., № 18.
**) 1860 г., № 51.

Ж. Живность, Жиды.

З. Знахари, Звѣринцы.

И. Именины.

К. Кабаки, Камеліи, Конокрады, Купцы, Колбасники, Кузнецы, Квитанціи.

Л. Лавки, Лодочники, Лабазники.

М. Моровая язва, Модистки, Мощеніе улицъ, Мука, Медъ, Музыканты.

Н. Находка, Наводненія, Новый годъ.

О. Обманъ, Отводъ квартиры, Отопленіе, Освѣщеніе, Откупъ, Оптовая продажа, Обмѣръ, Обвѣсъ.

П. Пожары, Подрядчики, Поставщики, Портные, Постоялые дворы, Паспорты, Продукты, Пожарные инструменты.

Р. Разбойники, Ремесленники, Ресторація, Рекрутскіе наборы, Ревизскія сказки, Ремонтъ.

С. Слѣдствія, Сахарные, Свѣчные заводы, Судохозяева, Сало, Солонина, Сѣно, Столяры, Сапожники, Слесаря.

Т. Товары, Табуны, Такса, Торговля.

У. Утопленники, Улицы, Увѣчья.

Ф. Фабрики, Фонари, Фигляры, Фортунки, Фальшивая монета.

Х. Холера, Хлѣбники, Харчевни.

Ц. Цѣны справочныя, Цыгане, Цѣловальники.

Ч. Чай, Чума, Чумаки, Чародѣи, Чудеса.

Ш. Шапошники, Шиканье (въ театрѣ), Шумъ, Шайки, Шулера, Шабашъ.

Ѣ. Ѣзда (быстрая по городу).

Э. Эпидеміи, Экзекуція.

Я. Ярмарки, Яды, Ябедники *).

Невѣжество чиновничества, какъ извѣстно, доходило до геркулесовыхъ столбовъ. *Искра* полна всевозможными иллюстраціями этой черты стараго крючкотвора, но и здѣсь я приведу лишь кое-что.

Одному просящему мѣста начальство дало тему: «Нева съ притоками и ея исторія», отъ выполненія которой зависѣла дальнѣйшая судьба кандидата. Сочиненіе было представлно. Вотъ помѣтка на немъ «генерала»: «Приведенныя г. авторомъ цифры и данныя по излагаемому вопросу оказались, по провѣркѣ съ дѣлами канцеляріи, вполнѣ правильными. Что же касается до положенія г. автора, что будто бы при устьѣ р. Ижоры в. к. Александръ Ярославичъ одержалъ побѣду надъ шведами и за это получилъ названіе «Невскаго», то, по справкѣ, свѣдѣній объ этомъ въ дѣлахъ канцеляріи не имѣется»... **).

«— Департаментъ спрашиваетъ: не имѣется ли въ здѣшней губерніи антрацита? то какъ прикажите отписать. Я не знаю, что это за антрацитъ.

«— Такъ какъ наша губернія изобилуетъ лѣсами, то, надо полагать, что тутъ спрашивается о какомъ-нибудь звѣрѣ; отвѣчайте, что въ нашей губерніи такихъ звѣрей не водится» ***).

---

*) 1861 г., № 2.

**) 1859 г., № 3.

***) 1859 г, № 45.

Вообще антрациту везло. Вотъ еще о немъ же.

«— Я уже сдѣлалъ-съ распоряженіе объ отысканіи *его*.

«— Извините, я не догадываюсь.

— *(Шопотомъ)* Объ отысканіи антрацита.

«— А вѣдь это, мой милый, должно быть, какой-нибудь важный злоумышленникъ.

«— Это минералъ-съ.

«— Прошу покорно, еще и генералъ!» *)

Передъ начальникомъ стоитъ чиновникъ, съ руками, вытянутыми «по швамъ».

«— Изъ какихъ доходовъ вы, милостивый государь, купили голову сахару?

«— Я купилъ не одинъ, а съ двумя товарищами, потому что такъ выгоднѣе.

«— Гм... это въ нѣкоторомъ родѣ соціализмъ, такъ знайте же, что я немогу этого допустить между моими подчиненными!» **).

Но невѣдомы были не только «антрацитъ», «коммунизмъ», «соціализмъ» и пр., но даже дѣдушка Крыловъ.

«— Какъ вы смѣли сказать вашему начальнику, что у сильнаго всегда безсильный виноватъ?!

«— Это такъ Крыловъ выразился.

«— А! такъ подать сюда Крылова!» ***).

Вотъ рапортъ, содержаніе котораго рѣшительно всѣмъ покажется загадкой:

« Въ А—скую казенную палату.

«Мез—скаго виннаго пристава рапортъ.

«Отъ скотской гнусности по обряду ихъ звѣрства, на гвоздѣ пригвождена насильственная скота дерзость. О чемъ Ар—ской казенной палатѣ и имѣю честь донести. Мез-скій винный приставъ Шепелевъ» ****). Этотъ ребусъ значилъ: винные погреба требуютъ починки; они пришли въ такую ветхость, что скотина, почесываясь объ углы, расшатываетъ зданіе и грозитъ ему конечнымъ паденіемъ. Удостовѣриться можетъ всякій на мѣстѣ, такъ какъ на гвоздяхъ видны клочья шерсти...

Кто не помнитъ щедринское: «Ну, я, разумѣется, сейчасъ же запросъ: «почему нѣтъ статьи о шелководствѣ?». Конечно, не скоро забудется и счетъ пчелъ, которыхъ оказалось «тридцать одна тысяча девятьсотъ девяносто семь штукъ»... Статистика губернаторовъ, исправниковъ и становыхъ стараго времени, поистинѣ, была сказочна по

---

*) 1860 г., № 11.

**) 1863 г., № 48.

***) 1861 г., № 38.

****) 1859 г., № 31.

своей нелѣпости. *Искра* дала не мало по этому поводу очень интересныхъ фактовъ.

«...Собачкѣ дворника, чтобы ласкова была». Эта заповѣдь Молчалина перешла въ его потомство съ плотью и кровью. Угодничество, самое наглое, самое нахальное,—средство для снисканія у начальства милостей и расположенія. На эту удочку не идутъ только исключительные люди.

Въ Брюсселѣ стали издавать русскій оффиціозъ—газету «Le Nord». Конечно, немедлено были приняты мѣры, чтобы доказать начальству, насколько блестяща эта мысль. Въ запискахъ гр. Валуева и другихъ свидѣтельствахъ современниковъ встрѣчаются положительныя указанія на старанія губернаторовъ распространить эту газету въ деревнѣ... И распространили... *Искра* отмѣтила эту нелѣпость не одинъ разъ.

«Проѣзжій. Что это у тебя въ рукахъ, мой другъ?

«Мужичокъ. Вѣдомости Нортъ, батюшка. Какъ же, вѣдь, и насъ приглашали подписываться.

«Проѣзжій (*другому проѣзжему*) Что ты на это скажешь, а? Небось замолчалъ... Ахъ вы, крикуны! Туда же: надо распространять грамотность! А ты укажи мнѣ, гдѣ простой народъ читаетъ иностранные журналы!.. Нѣтъ, братъ, далеко еще до насъ всѣмъ нашимъ иноземцамъ». *)

А сколько жизни въ этой каррикатурѣ! (стр. 236).

Сколько ея и въ стихотвореніи А. Жемчужникова «Разногласіе»!

Два господина однажды сошлись,
Очень умѣренно ѣли и пили—
И разговоромъ потомъ занялись.
Все о разумныхъ вещахъ говорили:
О томъ, что такое обязаность, право,
И какъ надо дѣйствовать честно и право,
Съ пути не сбиваясь ни влѣво, ни вправо.
Кажется, мнѣнье должно быть одно—
Подлость и честь вѣдь не спорное дѣло?
Бѣлымъ нельзя ужъ назвать что черно,
Также и чернымъ назвать то, что бѣло?
Пошли у нихъ толки, пошли примѣненія;
Того и другого терзали сомнѣнья,
Того и гляди, что раздѣлятся мнѣнья!..
Входитъ вдругъ третье лицо невзначай.
Стало оно говорить безъ умолку
То, о чемъ даже не снилося имъ, чай,
И окончательно сбило ихъ съ толку...
Одинъ изъ нихъ былъ титулярный совѣтникъ,
Межъ тѣмъ какъ другой былъ коллежскій совѣтникъ—
А третій—дѣйствительный статскій совѣтникъ **).

Приведу еще одну иллюстрацію (стр. 237).

---

*) 1859 г., № 28.
**) 1859 г., № 2.

ИЗЪ ПРОВИНЦІАЛЬНАГО БЫТА.

Подчиненный. Позвольте узнать, за что вы меня лишили мѣста?.
Начальникъ. За то, что вы не умѣете служить какъ эти господа.
(*Искра*, 1862 г., № 17).

Не мало перепадало и полиціи, едва ли не сконцентрировавшей въ себѣ всѣ отрицательныя стороны современнаго чиновничества.

Прежде всего нельзя пройти молчаніемъ одну изъ самыхъ удачныхъ елисеевскихъ «хроникъ прогресса»—удачныхъ по злой пародіи и насмѣшкѣ. Она написана по поводу извѣстнаго письма Павла Якушкина о его злоключеніяхъ въ рукахъ псковской полиціи, арестовавшей писателя за простонародный костюмъ. Думаю, что читателямъ болѣе или менѣе памятна эта исторія, а потому не буду приводить ни ея содержанія, ни всей «хроники». Остановлюсь только на двухъ ея мѣстахъ.

„Г. Якушкинъ является юмористомъ и юмористомъ замѣчательнымъ. Помѣщенный въ „Рус. Бесѣдѣ“ разсказъ его, по смѣлости вымысла, не уступаетъ самымъ фантастическимъ сказкамъ Гофмана...

„Очевидно, все это шутка, и напрасно будемъ искать въ ней другого зна-

ченія, кромѣ художественнаго. Г. Якушкинъ своею шуткою доказалъ окончательно, что въ искусствѣ фотографически-вѣрное отраженіе личностей мертво передъ свободною кистью художника, иногда набрасывающею яркіе, черезчуръ смѣлые, черезчуръ даже каррикатурные, но живые, надѣленные плотью и кровью образы. Въ этомъ тайна и послѣднее слово искусства.

„Мы не вѣрили ни одной буквѣ разсказа,но при всей видимой шаржировкѣ вымысла, въ изумленіи останавливаемся передъ поразительно вѣрными очертаніями идеально-возможныхъ характеровъ“... *).

ИЗЪ ПРОВИНЦІАЛЬНАГО БЫТА.

Чиновники города Т—ва продаютъ свое имущество, чтобы дать обѣдъ по подпискѣ вновь прибывшему начальнику.
(*Искра*, 1862 г., № 10).

Несомнѣнно, такое отношеніе *Искры* къ документально установленнымъ фактамъ было едва ли не сильнѣе многихъ громовъ и восклицаній, разумѣется, вполнѣ искреннихъ. Елисеевъ хотѣлъ показать всю сказочность якушкинскихъ злоключеній и успѣлъ въ этомъ вполнѣ...

*) 1859 г., № 40.

Многіе, вѣроятно, слышали такое четверостишіе:

Съ полисменомъ поневолѣ
Долженъ я хлѣбъ-соль вести:
Иль они со мною въ долѣ,
Или я у нихъ въ части.

Этотъ «экспромтъ арестованнаго лондонскаго мазурика»—произведеніе *Искры* *).

П р о с и т е л ь. Я къ вамъ-съ... всё насчетъ пропавшей шкатулки.
— А... да... да... воръ пойманъ! Но шкатулка еще не найдена; впрочемъ, вы не безпокойтесь: мы объ ней позаботимся. (*Искра*, 1859 г., № 36).

Полна также жизненной правды такая сценка. Будочникъ приходитъ къ торговкѣ моченными яблоками и суетъ ей билетъ на спектакль въ пользу бѣдныхъ:

«— На, бери билетъ!

«— Какой? Зачѣмъ?

«— На бѣдныхъ... Тальянская ночь будетъ, поди посмотри.

«— Да Господь съ ней, я и не знаю, что это такое. Куда я пойду?

«— Не мое дѣло; приказано—такъ бери.

*) 1860 г., № 30.

«— Да когда-жъ эта будетъ ночь?

«— Когда будетъ?! Вчера была!—Да это все равно, бери, велѣно, а не то лавку запру» *).

Идутъ два пріятеля, въ отдаленіи «недреманное око».

«— Скажи-ка, Ванюха, зачѣмъ это городовымъ дали шапки съ огненными околышами?

«— А это чтобъ знали, на чьей головѣ шапка горитъ» **).

Не рыба ловитъ крючокъ, а крючокъ рыбу.
(*Искра*, 1863 г., № 7).

Нѣтъ возможности исчерпать наиболѣе удачные номера *Искры*, въ которыхъ давалась отповѣдь русскому чиновничеству. Читатель этого, разумѣется, и не потребуетъ, потому что понимаетъ мою задачу: намѣтить лишь тѣ вопросы, освѣщенію которыхъ, главнымъ образомъ,

*) 1859 г., № 28.
**) 1863 г., № 13.

посвящали свои силы эти люди, дать общій абрисъ ихъ колоссальной работы на поприщѣ пересмотра всякаго стараго хлама, который намъ такъ нужно было поскорѣе выбросить вонъ. Заглянемъ теперь въ другія стороны многосложной и многообразной сатиры *Искры*.

XII.

Точно въ отвѣтъ на запросъ реформъ, русское общество было огорошено рядомъ выходокъ ретроградовъ. Впрочемъ, иначе и быть не могло. Разставаться съ старымъ сапогомъ многимъ тяжело и непріятно. *Искра* всегда стояла на стражѣ новыхъ идей, всегда доблестно отстаивала цѣнныя общественныя пріобрѣтенія. Когда, напримѣръ, раздался

Отставная скамейка. Прощай, благодѣтель! Попомни хоть ты мою ревностную, долголѣтнюю службу.

Педагогъ. Прощай, голубушка, прощай моя вѣрная, благородная спутница. (*Искра*, 1862 г., № 29).

голосъ изступленнаго Беллюстина о вредѣ грамотности *), когда предлагалось оставить народъ въ прежнихъ потемкахъ абсолютнаго невѣжества,—она встала какъ тигрица на защиту своего дѣтеныша. Беллюстинъ сразу, благодаря хлесткому перу Минаева, сталъ общественнымъ посмѣшищемъ, съ нимъ уже мало кто пробовалъ говорить серьезно. Другого—«педагога»—гонителя просвѣщенія — Миллера-Красовскаго, откровенно предлагавшаго, въ особой книгѣ, замѣнить «спасительныя розги» еще болѣе «удобными пощечинами» — *Искра* наградила тоже щедро, поразсказавъ о немъ такую правдивую басню, которая была хуже всякой лжи, а заканчивалась такъ:

«Толкъ этой басни тотъ, что также-бъ не мѣшало
Смирять пощечиной и взрослаго нахала,
Да не слегка
(Особенно когда болванъ учить берется),
А со всего плеча, ужъ какъ ни размахнется
Здоровая рука» **).

Очевидно, Елисеевымъ рекомендовалась пощечина не такого содержанія, какъ предлагалъ Миллеръ-Красовскій, а пощечина общественнаго смѣха и глумленія надъ изступленнымъ мракобѣсомъ. Не былъ, конечно, пройденъ молчаніемъ и извѣстный Н. И. Пироговъ въ качествѣ покровительствующаго розгѣ попечителя кіевскаго учебнаго округа. Чтобы покончить съ школьной розгой, приведу очень удачную картинку Аполлона Б. (см. стр. 210).

На нижнемъ краѣ простыни, покрывавшей скамейку, можно разобрать слово «лазаретъ»—туда, значитъ, уносили «оздоровленнаго» школьника...

Семейная педагогія, когда гувернеры служили больше огородными пугалами и мухобойцами, чѣмъ наставниками, когда вся семья насквозь была пропитана нелѣпыми традиціями произвола отцовъ, абсолютной покорности матерей, самодурства старшихъ, полнаго угнетенія ребенка, и нравственно и физически—это тоже непрерывная цѣпь работы поэтовъ, прозаиковъ, каррикатуристовъ. Вообще, можно сказать, *Искра* стояла на стражѣ новыхъ путей образованія и воспитанія и всегда подчеркивала полную непригодность старыхъ расхлябившихся дорогъ.

Теперь мы бѣгло просмотримъ ее по другимъ темамъ, чтобы въ заключеніе остановиться на литературѣ, и въ особенности на журналистикѣ.

Что было въ городскомъ управленіи до введенія положенія 1870 г., вамъ скажутъ только двѣ каррикатуры:

---

*) „Журн. Мин. Нар. Просв.“, 1860 г., октябрь.

**) 1859 г., № 25.

Выборъ головы. (*Искра*, 1859 г., № 40).

Выбрали голову. (*Искра*, 1859 г., № 46).

Вглядитесь въ нихъ внимательно и вы узнаете, кто и какъ хозяйничалъ въ муниципалитетахъ, лишенныхъ всякой тѣни самоуправленія.

Изъ массы матеріаловъ объ откупной системѣ ограничусь тоже лишь одной каррикатурой:

ОТЧАЯНІЕ ОТКУПА.

Штофъ докладываетъ откупу, что общее мнѣніе рѣшилось погубить его во имя трезвости. Откупъ въ отчаяніи хотѣлъ проговорить извѣстное изрѣченіе: *все погибло, кромѣ чести,* но запнулся на послѣднемъ словѣ и не договорилъ его. (*Искра*, 1859 г., № 22).

Остальное все было въ сущности лишь перепѣвомъ и варіаціями этой картинки. Да иначе и быть не могло: откупъ, какъ монополія, имѣлъ одну вполнѣ опредѣленную тенденцію: спаивать народъ для собиранія барышей.

Искра очень много занималась дѣлами акціонерныхъ обществъ и въ этой области дала такой богатый матеріалъ, что можно положительно утверждать: не напишетъ тотъ всестороннюю исторію русскихъ акціонерныхъ предпріятій, кто не просмотритъ ее сначала и до конца. Я приведу только одну иллюстрацію, которая одновременно характери-

зуетъ и постановку дѣла, во время желѣзнодорожной горячки, акціонерными компаніями, и самое желѣзнодорожное строительство. Вотъ она въ карандашѣ Степанова:

Нѣкоторые изъ французскихъ инженеровъ, служившіе въ обществѣ желѣзныхъ дорогъ, возвращаются къ своимъ прежнимъ занятіямъ.
(*Искра*, 1861 г., № 45).

Извѣстно, что въ 1862—63 гг. русское общество присутствовало при усиленіи сыскного режима. Припомните слова Некрасова, относящіяся именно къ этому періоду:

Литература съ трескучими фразами,
Полная духа анти-человѣчнаго,
Администрація наша съ указами
О забираніи всякаго встрѣчнаго,—
Дайте вздохнуть!..

Искра и тутъ не молчала... по мѣрѣ возможности.

«— Я встрѣтилъ васъ недавно въ каретѣ—видно разбогатѣли?

«— Нѣтъ, это карета отъ Цѣпного моста—она даромъ возитъ»*).

Въ буфетѣ вокзала встрѣчаются два пріятеля:

«— Что-жъ посидимъ и поболтаемъ.

«— Не вѣрно. Прежде болтаютъ, а потомъ сидятъ» **). Это снабжено и соотвѣтствующей каррикатурой г. Щиглева.

Какой-то господинъ несетъ связку книгъ. Его встрѣчаетъ знакомый.

«— Донесете ли вы это?

«— Помилуйте-съ, и не это доносилъ» ***).

«— Мнѣ тамъ обѣщали мѣсто.

«— Какъ, значитъ, литературу по боку?

«— Говорятъ, что мои обличенія не совсѣмъ литературны.

«— Вѣрно. Возьмите лучше обѣщанное мѣсто.

«— Требуютъ рекомендаціи.

«— Укажите на свои уши» ****).

«— Состри-ка что-нибудь, а?

«— Нѣтъ, братъ, не такое время; тутъ ухо нужно держать остро, а не языкъ» *****).

Нѣтъ сомнѣнія, что это была жила жизни, а не случайная черточка. Атмосфера дѣлалась тяжела, чувствовалось, что вотъ-вотъ вдругъ все пріостановится... И подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія Аполлонъ Б. набрасываетъ схему страшившей Россію перспективы, тѣмъ болѣе, что частично она уже выполнялась...

Обхожу молчаніемъ очень еще многія стороны русской дѣйствительности гораздо болѣе мелкаго масштаба, на которыя, главнымъ образомъ, и обратилъ вниманіе г. Трубачевъ, обвиняющій *Искру* въ мелочности ея общественной сатиры!.. Такъ, опускаю много остроумнаго текста и рисунковъ по адресу желѣзныхъ дорогъ, почты, телеграфа, благотворительности и ея акробатовъ, типичныхъ семейныхъ неурядицъ, торговцевъ и фабрикантовъ, провинціальныхъ сплетницъ и столичныхъ львицъ, модъ—словомъ, всего того, что тонуло среди содержанія гораздо болѣе глубокаго, вдумчиваго и широкаго по размаху мысли, пера и карандаша.

---

*) 1862 г., № 50.
**) 1863 г., № 45.
***) 1864 г., № 32.
****) 1864 г., № 36.
*****) 1864 г., № 30.

Конь прогресса.
(*Искра*, 1863 г., № 29).

XIII.

Переходимъ къ сатирѣ и каррикатурѣ чисто литературнымъ, къ осмѣянію журнальныхъ нравовъ, отдѣльныхъ органовъ, ихъ единичныхъ представителей. Эта сторона общественной жизни занимала серьезное мѣсто въ *Искрѣ* въ теченіе всѣхъ шести лѣтъ ея лучшаго періода, но неужели не понятна причина такой настойчивости? Редакція понимала, что литературѣ вообще, а журналистикѣ въ частности, предстоитъ громадная работа, работа, результатомъ которой должно было явиться широкое общественное перевоспитаніе, точное политическое міровоззрѣніе, ясныя требованія необходимыхъ элементовъ дальнѣйшаго прогресса. Какъ видно, роль журналистики была настолько широко и глубоко понимаема, что, конечно, нельзя было оставаться без-

участнымъ зрителемъ существующаго. Надо было клеймить ложь, продажность, постепеновщину, опортюнизмъ, наконецъ, политическое безразличіе. У *Искры* въ этомъ отношеніи арсеналъ былъ полонъ самыхъ цѣлесообразныхъ орудій борьбы: смѣхъ, смѣхъ и смѣхъ—вотъ они. И если литература давала пищу для каждаго нумера, то это вовсе не потому, что не объ чемъ было писать, что здѣсь не боялись отвѣтственности за клевету, а потому, что и въ самой тогдашней жизни, которую *Искрѣ* надо было отражать вполнѣ, литература была важнымъ звеномъ сложной цѣпи. Въ то время, когда юродивые Катковъ, Аскоченскій, Скарятинъ и tutti quanti, кривляясь, заунывно тянули гнусавую пѣснь, потомъ злобно хохотали и начинали въ изступленіи, надрывая грудь и горло, пророчествовать о будущемъ Россіи «отданномъ на растерзаніе» ихъ свѣтлымъ противникамъ; когда готовы были видѣть въ нихъ именно голосъ русскаго общества; когда, поддаваясь ихъ указаніямъ, предпринимали шаги государственной важности, и когда, наконецъ, ясно было, какъ скоро, рухнетъ новое, только что возведенное зданіе русской общественности, если его вздумаютъ увѣнчать непропорціонально тяжелымъ куполомъ—тогда честные люди не могли, не должны были молчать! И это-то *Искра* хорошо понимала.

Вѣрная лучшимъ завѣтамъ Бѣлинскаго и его кружка, вполнѣ солидарная съ Добролюбовымъ, Чернышевскимъ и Герценомъ, *Искра* представила ясно русскому обществу, какихъ послѣднее имѣетъ выразителей «общественнаго» мнѣнія. И пощады этимъ господамъ, дѣйствительно, не было. Каждый ихъ шагъ на пути затемнѣнія уже сдѣланнаго Россіей перехода, каждое поползновеніе представить миражъ въ видѣ идеала—все это встрѣчало хорошій, сильный отпоръ.

Съ грустью, съ болью въ сердцѣ приходится сказать, что изъ общихъ характеристикъ современной печати, несомнѣнно, выдается «Дифирамбъ», написанный 40 лѣтъ тому назадъ... г. Буренинымъ, Буренинымъ того, стараго времени... *Искра* отъ этого, конечно, не проигрываетъ въ глазахъ современнаго прогрессивнаго читателя. Могла-ли она ручаться за послѣдующую дѣятельность еще безусаго молодого сотрудника... Приведу эту «пѣснь» Владиміра Монументова:

Тебя пою, родная пресса!
Твои мнѣ милы красоты:
Благонамѣренность прогресса
И скромной гласности цвѣты!
Мнѣ мило все: Борисъ Чичеринъ,
Скарятинъ, Мельниковъ, Катковъ,
Я отъ обѣденъ до вечеренъ
Статейки ихъ читать готовъ.
Люблю, когда Скарятинъ дерзкій
Копытомъ бьетъ враговъ своихъ
И другъ раскольниковъ, Печерскій,
Караетъ тѣхъ, кто грабитъ ихъ!
Когда „свободному артисту“

Меланхолическій свистунъ,
Катковъ, въ элегіи цвѣтистой,
Пророчитъ близкій карачунъ;
Когда блестящій самородокъ,
Чичеринъ, примется вѣщать,
Что отъ однихъ *перегородокъ*
Мы можемъ счастья ожидать;
Когда боецъ съ душою страстной,
Хоть и дожившій до сѣдинъ,
Сей бичъ Надимова ужасный
Сей неподкупный гражданинъ,—
Безсмертный Павловъ,—на сближенье
Дворянъ съ народомъ возстаетъ
И въ молодое поколѣнье,
Съ передовыхъ своихъ высотъ,
Швыряетъ грязью, какъ, бывало,
Швырялъ въ него старикъ Ѳаддей *),
Перомъ Бѣлинскаго, нахала,
Сраженный на закатѣ дней.
Люблю „Пчелы“ я листъ большущій
И сикофантовъ въ ней люблю,
Люблю порой на сонъ грядущій
Прочесть Юркевича статью.
И послѣ сытнаго обѣда
Душѣ незлобивой моей
Такъ милъ, „Домашняя Бесѣда“,
Твой примирительный елей.
Заочный, Ржевскій и компанья
Равно мнѣ сердце веселятъ
И чтить привыкъ ихъ дарованья
И здравый ихъ на вещи взглядъ! **)

Не одного какого-нибудь изданія, а нѣсколькихъ касается и очень остроумная по замыслу каррикатура Степанова (стр. 249).

Каткову посвящено такъ много стиховъ, прозы, шарадъ, загадокъ, каррикатуръ, что просто теряешься въ выборѣ наиболѣе выдающагося. *Искра* понимала, что это—главный отрядъ непріятельской для прогресса арміи, и потому, понятно, всѣ выстрѣлы направляла въ его сторону. Передамъ кое-что.

Передъ Катковымъ фотографъ; московскій громовержецъ спѣшитъ снять англійское платье и надѣть русское.

«— Въ каррикатурѣ васъ изображаютъ обыкновенно англичаниномъ, я хотѣлъ и карточки сдѣлать въ такомъ же видѣ.

«— Да будетъ анаѳема тѣмъ, кто заподозритъ меня въ прежнихъ убѣжденіяхъ! Я русскій, такой же русскій, какъ они, эти люди малые, бѣдные, нищіе духомъ» ***).

---

*) Ѳ. В. Булгаринъ.
**) 1862 г., № 24.
***) 1863 г., № 16.

Собесѣдникъ говоритъ Каткову:

— Черезъ Ніагару онъ вѣдь перешелъ, вотъ что-съ!...

— Что жъ такое? А ему все-таки такъ не перейти, какъ я перешелъ» *).

ЖУРНАЛЬНЫЕ ФОКУСЫ.

— ...Теперь, г-да, позвольте доказать вамъ наглядным образомъ, что убѣжденія наши стоятъ всегда выше подкупа.

(*Искра*, 1863 г., № 4).

Въ каррикатурахъ Катковъ всегда фигурировалъ въ одномъ и томъ же видѣ, вѣчно въ англійской шапочкѣ. Впервые его изобразилъ такъ Степановъ, другіе каррикатуристы приняли эту форму, а затѣмъ Катковъ перешелъ точно такимъ и въ прочіе журналы.

---

*) 1864 г., № 32.

Вотъ характерная и вполнѣ реальная каррикатура Степанова: Каткова преслѣдуютъ пугала: свѣтъ науки, женская эмансипація и подпольная пресса.

У СТРАХА ГЛАЗА ВЕЛИКИ.

— Вздоръ! *этой тишинѣ довѣряться нельзя*: изъ всѣхъ щелей пахнетъ *враждебнымъ*. Чортъ возьми, какой скверный духъ! Надо поскорѣе законопатить всѣ *входы и выходы*.

(*Искра*, 1863 г., № 37).

Степанову же принадлежитъ, между прочимъ, каррикатура, изображающая изступленнаго московскаго мракобѣса при видѣ новыхъ пугалъ: малороссійскихъ, бурятскихъ, татарскихъ и другихъ книгъ. Онъ бросается на нихъ, одобренный «анафемой» Аскоченскаго, издателя «Домашней Бесѣды» *). Когда въ 1863 г., съ Страстнаго бульвара,

*) 1863 г., № 44.

раздался возгласъ: «шапками закидаемъ», *Искра* рисуетъ шляпный магазинъ:

«— Это неслыханная цѣна за фуражку—очень дорого!

«— Вздорожали-съ; а скоро нигдѣ не достанете: «Московскія Вѣдомости» скупаютъ всѣ шапки» *).

1863 годъ—этотъ роковой переломъ многихъ сторонъ русской жизни—начиналъ ясно обнаруживать успѣхъ страстнобульварскаго завыванія. *Искра* во-время отмѣчаетъ это явленіе:

«— Единственное мое желаніе, ваше п—во, состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе чтеніе «Московскихъ Вѣдомостей» распространилось по всему земному шару...

— Теперь все къ тому и идетъ, ваше п—во» **).

Но Каткову мало было такого успѣха, и вотъ онъ добивается еще раньше монополіи на частныя объявленія, не желая ограничиваться одними казенными. По этому поводу въ *Искрѣ* появляется трагическая сцена—«Лордъ и маркизъ, или жертва казенныхъ объявленій». Лордъ Катковъ и маркизъ Павловъ (редакторъ издатель «Нашего Времени») ведутъ, между прочимъ, такой разговоръ:

Маркизъ Павловъ.

Милордъ! Мы, помнится, сходились съ вами въ мнѣньяхъ
Объ, объ... я...

Лордъ Катковъ.

Да, маркизъ, объ *частныхъ* объявленьяхъ? Мы бурю подняли, статей писали тьмы
И выиграли...

Маркизъ Павловъ.

Да-съ...
И выиграли мы.
Но... въ обстоятельствахъ, какъ я, весьма стѣсненныхъ,
Я поднялъ бы, милордъ, вопросъ и объ *казенныхъ*.

Лордъ Катковъ

Хе, хе, хе, хе, маркизъ!

Маркизъ Павловъ.

Хе, хе, хе, хе, милордъ!

Лордъ Катковъ *(въ сторону)*.

Еще смѣется, бѣсъ!

Маркизъ Павловъ *(въ сторону)*.

Еще хохочетъ, чортъ! *(Вслухъ)*
Мнѣ въ петлю лѣзть, милордъ, а вамъ, милордъ, забава!
Зачѣмъ же вамъ однимъ досталось это право?

Лордъ Катковъ *(продолжая хохотать)*

На объявленья?

Маркизъ Павловъ *(робко)*

Н... да...

---

*) 1863 г., № 28.
**) 1863 г., № 44.

Лордъ Катковъ (*хохочетъ*)

Ка-зен-ныя?

Маркизъ Павловъ

Ну да-съ...
При нашей бѣдности не дурно-бъ и для насъ.

Лордъ Катковъ (*покатываясь со смѣху*).

Да право-то, маркизъ, про бѣдность—слова нѣту,
Принадлежитъ не мнѣ, а университету.

Маркизъ Павловъ (*значительно*).

Въ законѣ нѣтъ, милордъ.

Лордъ Катковъ (*еще значительнѣе*).

Маркизъ въ законѣ есть;
Я вамъ совѣтую законы перечесть.

Маркизъ Павловъ.

Повѣрьте мнѣ, милордъ, когда-бъ въ законѣ было,
Я началъ бы...
(*выпрямляя станъ и закидывая голову*),
Милордъ! во мнѣ осталась сила!
Я сталъ бы *сѣтовать, роптать, негодовать,*
Писать протестъ!...

Лордъ Катковъ (*очень строго*).

Маркизъ, совѣтую молчать!
Мальчишки въ наши дни молчатъ передъ закономъ
А вы... опять таки, вы смотрите Прудономъ *).

Такую полемику эти господа, дѣйствительно, вели... Еще два штриха, и мы перейдемъ къ другому мракобѣсу.

Два пріятеля сидятъ у окошка, подходитъ баба съ связкой катковъ для пасхальнаго развлеченія ребятъ и кричитъ:

«— Катковъ! Катковъ!

«— Каково! Слышишь, какъ эта баба бранится?!» **).

На столѣ лежитъ портретъ, гость спрашиваетъ хозяина:

«— Кто это такой?

«— Это Катковъ, да вотъ не знаю, гдѣ его повѣсить...» ***).

Катковъ перваго періода,—англоманскаго, ознаменованнаго призывомъ къ намъ правящей аристократіи—зарисованъ вмѣстѣ съ редакторомъ-издателемъ «Дня»—И. С. Аксаковымъ: у нихъ тогда были нѣкоторые общіе взгляды на прогрессъ, печать и молодежь.

На первомъ планѣ сидитъ Катковъ, на второмъ Аксаковъ; оба съ перунами. Конечно, послѣ 1862 года *Искра* уже не ставила за одну скобку рѣзко разошедшихся публицистовъ.

Вообще можно рекомендовать охотникамъ составить цѣлый альбомъ изъ массы матеріала, посвященнаго *Искрой* Каткову; однѣхъ карикатуръ наберется съ полсотни.

---

*) 1862 г., № 44.
**) 1863 г., № 16.
***) 1863 г., № 10.

Асконченскій и по сіе время остался въ памяти, какъ славный преемникъ Ѳаддея Булгарина по части доносовъ, извѣтовъ и кляузы. Кромѣ того, за нимъ остается несомнѣнная слава изувѣрнаго обскуранта, никогда не потерявшаго своей завидной позиціи. О его «Домашней Бесѣдѣ» *Искра* писала, конечно, гораздо меньше, чѣмъ о «Русскомъ Вѣстникѣ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ», но все же не пропускала удобнаго случая освѣдомить Россію съ истиннымъ значеніемъ «народнаго проповѣдника», когда онъ пробовалъ опорочить дорогіе принципы и имена.

Праздные доктринеры, безголовые прогрессисты изъ кружковъ жалкаго подобія общества, пустоголовые литераторы, готовые лаять на всякаго, и разные юные, недозрѣлые пустозвоны благодарятъ за нѣжное отеческое объ нихъ попеченіе и просятъ величавыхъ олимпійцевъ не разстраивать своего драгоцѣннаго здоровья разными свирѣпыми выходками, а плюнуть и махнуть рукою на безтолковое движеніе народной жизни.

(*Искра*, 1861 г., № 46).

Очень хлестко отмѣтилъ Минаевъ эту представительницу гласности, «снискавшую мало уваженія между свѣтскими читателями», какъ призналъ одинъ оффиціальный документъ. Въ стихотвореніи «Грозный актъ» онъ изобразилъ совѣтъ въ кабинетѣ редактора, какъ встрѣтить идущій прогрессъ. Приведу вторую половину этого стихотворенія:

Собралося засѣданье
И внимало съ умиленьемъ,
Какъ редакторъ—жрецъ премудрый—
Всѣмъ читалъ актъ отлученья.
Волоса назадъ отбросивъ,
Ставъ приличной сану позой,
Началъ онъ, сверкнувъ глазами,
Раскаленными угрозой:

Силой правды и закона,
Силой истинъ всемогущихъ,—
Всѣхъ науки и прогресса
Власть открыто признающихъ,
Мы клянемъ, и къ мукамъ вѣчнымъ
Абизона и Дафона
Обрекаемъ ихъ для казни,
Горькихъ мукъ, и слезъ, и стона.
Мы клянемъ ихъ именами
Ксенофонта и Ѳаддея *)
И отнынѣ и во вѣки
Проклинаемъ, не жалѣя.
Всюду, гдѣ-бъ ихъ ни застали:
Дома, въ клубѣ, въ балаганѣ,
За перомъ, смычкомъ иль кистью,
Въ министерствѣ, въ ресторанѣ,
Спящихъ, бодрствующихъ, пьющихъ,
Трапезующихъ, cocando,
Недугующихъ, плѣненныхъ,
Чуть живыхъ... flebotomando,
Проклинаемъ во всѣхъ членахъ,
Въ сердцѣ, чревѣ и глазницахъ,
Въ волосахъ, ногтяхъ и жилахъ,
Въ бакенбардахъ и рѣсницахъ...
Всюду ихъ найдетъ проклятье
И предастъ въ жилище бѣса:
Такъ клянемъ дѣтей мы блудныхъ
Окаяннаго прогресса“...
И собратья съ дружнымъ плескомъ:
„Такъ да будетъ“, повторили
И всѣ подписью формальной
Актъ проклятья закрѣпили **).

Это «отлученіе отъ церкви» нельзя не признать очень талантливо написаннымъ для обрисовки кутейника-Аскоченскаго. Лучшей карикатурой на него нужно признать степановскую, нарисованную послѣ смерти въ Москвѣ юродиваго-прорицателя Ивана Яковлевича (стр. 255).

Изъ другихъ мишеней, въ которыя стрѣляли съ батареи *Искры*, отмѣчу тѣ, которыя поражались наиболѣе часто и удачно.

Что былъ за журналъ «Отечественныя Записки» за время со смерти Бѣлинскаго и до покупки Некрасовымъ, говорить, конечно, не надо. Также ясенъ и «Голосъ» того же Краевскаго.

«Нѣкоторая академія,—читаемъ въ *Искрѣ*,—предложила для соисканія преміи слѣдующую задачу: на какомъ логическомъ основаніи мѣсто Бѣлинскаго занялъ въ «От. Зап.» г. Дудышкинъ? По обыкновенію прислано было множество сочиненій, изъ которыхъ увѣнчано преміями два: первое, получившее полную премію, гласило: «на томъ же осно-

*) К. Полевой, Ѳ. Булгаринъ.
**) 1860 г., № 15.

ваніи, на какомъ мѣсто г. Дудышкина займетъ со временемъ г. Баистовъ»; второе, удостоенное лишь половинной преміи, отвѣчало: «на томъ основаніи, что г. Дудышкинъ прежде того находился на службѣ въ комиссаріатскомъ департаментѣ». Справедливость, однако-жъ, требуетъ сказать, что премія за послѣднее сочиненіе присуждена едва ли не пристрастно» *).

СЦЕНА ВЪ ДОМѢ УМАЛИШЕННЫХЪ.

Не стало прорицателя Ивана Яковлевича!
Добрая барыня Марья Романовна
На панихиду дала....
Умеръ, голубушка, умеръ, Касьяновна!..

Не стало прорицателя Ивана Яковлевича!
Добрая барыня Марья Романовна
На панихиду дала...
Умеръ, голубушка, умеръ, Касьяновна! *Н. Некрасовъ.*

Поклонницы Ив. Як. Умеръ благодѣтель нашъ, другъ нашъ, умеръ Иванъ Яковлевичъ.

Тѣнь Ив. Як. Жива „Домашняя Бесѣда“, живъ другой Иванъ Яковлевичъ.

Врачъ при заведеніи. Успокойтесь, сударыни! Въ томъ №, гдѣ жилъ уважаемый вами Иванъ Яковлевичъ, мы помѣстили другого почтеннаго мужа—вы останетесь довольны его „Домашней Бесѣдой“.

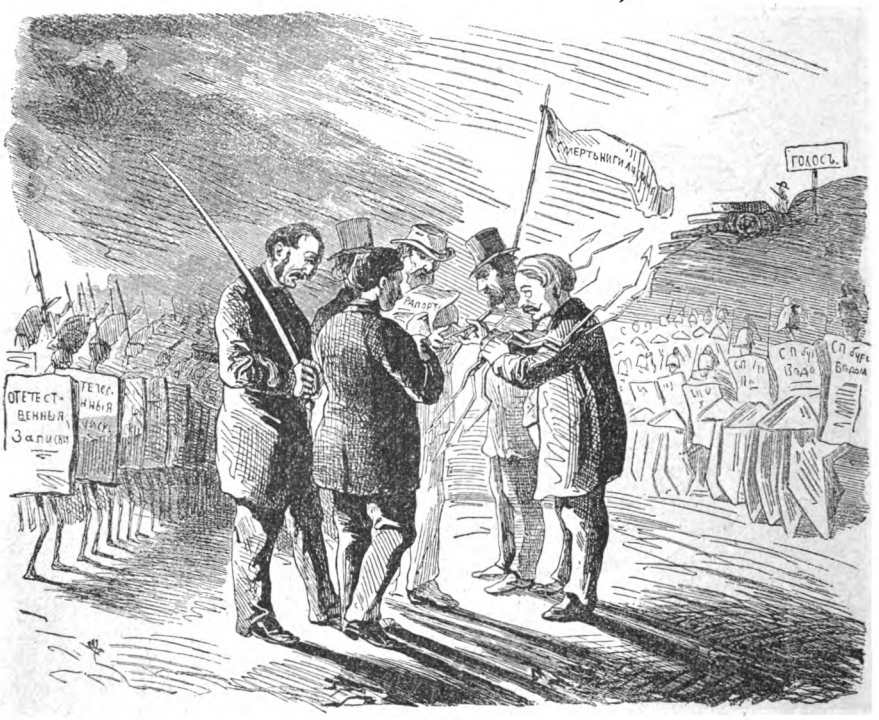
(*Искра*, 1861 г., № 15).

---

*) 1860 г., № 25.

«Голосъ», «Отечественныя Записки» и «Петерб. Вѣдомости» Очкина, въ которыхъ Краевскій былъ первой скрипкой, запечатлѣны карандашомъ Степанова очень мѣтко.

НОЧНОЙ СМОТРЪ.



Въ двѣнадцать часовъ, по ночамъ,
Скарятинъ встаетъ на тревогу
И публикѣ пишетъ рапортъ,
Что ладно здѣсь все, слава Богу.

——

Въ двѣнадцать часовъ, по ночамъ,
Съ оружьемъ Громека выходитъ,
Встаютъ полководцы—и самъ
Поднялся редакторъ и ходитъ.

——

И ходитъ онъ между вождей—
Громы раздаетъ цублицистамъ.
Пароль ихъ *„Редакторъ Андрей“*,
А лозунгъ ихъ *„Смертьнигилистамъ!“*

(*Искра*, 1862 г., № 44).

Слѣва Громека, въ серединѣ Скарятинъ—оба сотрудники «Голоса» и «Отеч. Записокъ», справа съ перунами Краевскій; на второмъ планѣ другіе сотрудники. Подъ каррикатурой надпись, составленная, вѣроятно, не Степановымъ, которому мысль передана готовой.

Не мало доставалось «Сѣверной Пчелѣ» и при Гречѣ, и при г. Усовѣ, котораго первый, въ концѣ 1859 г., отрекомендовалъ публикѣ съ са-

мой лучшей стороны...Идейное ничтожество этого органчика, этой тогда всѣмъ извѣстной «Пчелки» отмѣчалось всегда и Елисеевымъ, и другими сотрудниками. Очень недурна баллада «Литературные старовѣры» написанная Жулевымъ. Она начиналась такъ:

Въ ресторанѣ собрались
Старовѣры злые.
И бесѣды ихъ велись
Про дѣла былыя.
И бушуетъ, и кричитъ
Громко шайка эта,
Что теперь уже молчитъ
Старая газета.
И ватага эта зла
И ломаетъ стулья,
Что ихъ главная пчела
Выбыла изъ улья;
Что теперь имъ ходу нѣтъ
И карманы голы;
Что теперь коварный свѣтъ
Жаждетъ новой школы;
А что ихъ давно не чтутъ.
И труды ихъ—Боже!
На толкучемъ продаютъ
Съ хламомъ на рогожѣ... *).

Когда В. Ѳ. Коршъ, въ серединѣ 1862 года, объявилъ, что съ 1 января слѣдующаго года редакція «Петерб. Вѣдомостей» будетъ принадлежать ему, но умолчалъ о «направленіи», сказавъ, что послѣднее неудобно опредѣлять въ нѣсколькихъ словахъ, *Искра* поспѣшила написать драму въ четырехъ дѣйствіяхъ: «Коршіаду», гдѣ выяснила московскому гостю, что честное направленіе «опредѣлить очень удобно»... Потомъ каждый ложный шагъ Корша былъ своевременно иллюстрируемъ...

Старчевскій, редакторъ-издатель «Сына Отечества», положительно весь вошелъ въ удачную каррикатуру Аполлона Б. (стр. 258).

Тутъ все—и его недалекое развитіе, и скаредничество, и собственные дома, нажитые на эксплуатированіи читателей; словомъ все, что въ разное время рисовалось, даже и Степановымъ, до и послѣ этой каррикатуры.

Зато Степанову принадлежитъ такая же по опредѣленности и всесторонности характеристика «Времени» братьевъ Достоевскихъ съ Н. Н. Страховымъ (Косицей) въ качествѣ правой руки.

«Иллюстрація» В. Р. Зотова, прославившаяся благодаря историческому протесту почти всѣхъ русскихъ литераторовъ и видныхъ общественныхъ дѣятелей, напечатанному въ концѣ 1858 г. всѣми изданіями

*) 1860 г., № 21. Рѣчь идетъ о „Пчелѣ“ уже при г. Усовѣ.

СЫНЪ, НАЧИНЯЮЩІЙСЯ ЕРУНДОЙ.

— Странная, право, эта журналистика. Какія славныя вещи бросаетъ въ корзину—надо подобрать.

(*Искра*, 1864 г., № 16).

по поводу юдофобства г. Зотова,—эта «Иллюстрація» тоже не избѣгла приговора *Искры*. Такъ, напримѣръ, однажды «Иллюстрація» очень откровенно высказала, что женщинѣ нужна не эмансипація, а «букварь да плетка». *Искра*, зная безсиліе редактора-домостроевца, не обрушилась на него, а такъ выпутила, что этотъ господинъ долго помнилъ Вотъ нѣсколько куплетовъ изъ большой статьи «Опытъ объ «Иллюстраціи»:

Въ минуту жизни трудную
Прочелъ я въ „Иллюстраціи“
Одну статейку чудную
Для женщинъ русской націи.
Какая комбинація
Любви съ наукой кроткою:
Прогрессъ, эмансипація

Въ соединеньи съ плеткою!
Не вѣрится... Не плачется
За ходъ цивилизаціи...
Пускай себѣ дурачится
Редакторъ „Иллюстраціи“ *).

МЕЛКО ПЛАВАЮЩІЕ И БЛИЗОРУКІЕ.

Время. Косица! Объяви *мелкоплавающимъ свистунамъ, что они надоѣли публикѣ*, потомъ, *въ видѣ назиданія*, напиши, *что нибудь* этакое, *эхъ вы!..* Ужъ **куда вамъ...** *Серьезно говорить съ ними не стоитъ.* Они портятъ только дѣло.

Косица. Да у насъ никакихъ дѣлъ нѣтъ.

Время. Какъ! А въ шкафахъ что?

Косица. Сами изволите знать: чужія мнѣнія; ну, а заголовки, точно, **наши.** (*Искра*, 1863 г., № 7.)

Въ 1860 г. въ Петербургѣ происходилъ нашумѣвшій въ свое время **диспутъ** Костомарова и Погодина о происхожденіи Руси. *Искра* дала **къ нему** иллюстрацію, которая заслуживаетъ быть отмѣченной, такъ какъ **въ ней** всѣ элементы серьезной каррикатуры.

*) 1860 г., № 47.

Погодина, какъ несомнѣннаго врага прогресса, сидящаго за московскими стѣнами, *Искра* поняла сразу и опредѣленіе, сдѣланное ею, было даже потомъ ходячимъ. Вотъ оно:

Ты—ученый безъ призванья,
Ты—любитель-журналистъ,
Ты—поэтъ безъ дарованья
Ты—безъ мнѣній публицистъ.
Ты—ходящій по канату—
Пусть бы каждый затвердилъ
Эту дивную кантату... *)

Ее дѣйствительно многіе затвердили.

Съ Погодинымъ, какъ представителемъ офиціальной народности, *Искра* никогда не смѣшивала истинныхъ славянофиловъ и, если смѣялась надъ послѣдними, то только по поводу ненависти къ Европѣ, страсти къ дореформенному костюму и пр. Ни одинъ изъ честныхъ славянофиловъ не былъ мишенью сатиры.

Теперь остановимся на нѣсколькихъ моментахъ литературной жизни чтобы посмотрѣть, какъ къ нимъ отнеслась *Искра*.

Когда поэзія стала наводняться «медовыми рѣчами» Фета, Вс. Крестовскаго, Случевскаго и другихъ, *Искра* поняла, симптомомъ чего это можетъ служить: грезился возвратъ минувшаго, казалось, что вотъ-вотъ

„Лиры тридцатыхъ годовъ вновь зазвучатъ тихострунныя",

что—

„Будто возстали изъ тлѣна Ершовы, Трилунные **),
Ожили съ ними ручьи, соловьи перекатные,
Пѣночки, просѣки, гроты, поля ароматныя—
Все это будто бы снова у насъ водворилося...

Такихъ опасеній было совершенно достаточно, чтобы осмѣять эти страшные призраки, и вотъ Ламанъ начинаетъ цѣлый рядъ остроумныхъ пародій на произведенія «трилунныхъ» поэтовъ. Въ публикѣ онѣ имѣютъ успѣхъ, ихъ заучиваютъ наизусть.

Романъ «Что дѣлать?» вызвалъ тоже не малую волну на поверхности общественной мысли. Это произведеніе толковалось на тысячу ладовъ и вотъ, Вс. Курочкинъ помѣщаетъ громадную статью—«Проницательные читатели», изъ которой заимствую лишь заключительные стихи:

Нѣтъ, положительно, романъ
„Что дѣлать" не хорошъ!
Не знаетъ авторъ ни цыганъ,
Ни дѣвъ, танцующихъ канканъ,
Алисъ и Ригольбошъ.
Нѣтъ, положительно, романъ
„Что дѣлать" не хорошъ!
Великосвѣтскости въ немъ нѣтъ
Малѣйшаго слѣда.

---

*) 1860 г., № 24.

**) Трилунный—псевдонимъ Д. Ю. Струйскаго въ „Библіотекѣ для Чтенія" 30-хъ годовъ.

Герой не щеголемъ одѣтъ
И подъ жилеткою корсетъ
Не носитъ никогда.
Великосвѣтскости въ немъ нѣтъ
Малѣйшаго слѣда.
Жена героя—что за стыдъ?
Живетъ своимъ трудомъ;
Не наряжается въ кредитъ
И съ бѣлошвейкой говоритъ—
Какъ съ равнымъ ей лицомъ.
Жена геро́я, что́ за стыдъ
Живетъ своимъ трудомъ.
Нѣтъ, я не дамъ женѣ своей
Читать романъ такой!
Не надо новыхъ намъ людей
И идеальныхъ этихъ швей
Въ ихъ новой мастерской!
Нѣтъ я не дамъ женѣ своей
Читать романъ такой.
Нѣтъ, положительно, романъ
„Что дѣлать“ не хорошъ!
Въ нирушкахъ романистъ—профанъ
И чудеса бѣлилъ, румянъ
Не ставитъ онъ ни въ грошъ.
Нѣтъ, положительно, романъ
„Что дѣлать“ не хорошъ! *)

Очень интересный эпизодъ представляетъ «протестъ» противъ *Искры* «всей русской литературы». Дѣло въ слѣдующемъ.

Въ декабрьской книжкѣ «Библіотеки для Чтенія» Писемскій, подъ псевдонимомъ «Никиты Безрылова», написалъ фельетонъ полный гнуснаго смѣха надъ всѣми лучшими начинаніями, чаяніями и надеждами прогрессивной части молодого русскаго общества. Тутъ осмѣивались воскресныя школы, стремленіе женщины къ образованію и независимости, литературныя чтенія въ пользу бѣдныхъ литераторовъ, студентовъ и вообще учащихся, Некрасовъ, Панаевъ, Гончаровъ, Тургеневъ и многіе другіе. Тонъ фельетона былъ настолько гнусный въ общественномъ смыслѣ, что Елисеевъ совершенно вышелъ изъ терпѣнья и написалъ «хронику прогресса» полную горячихъ порицаній по адресу когда-то подававшаго надежды Писемскаго. Онъ поставилъ вопросъ очень широко, но совершенно правильно, и въ заключеніе высказалъ мнѣніе редакціи откровенно и безцеремонно: «Прошли тѣ времена, когда литературную извѣстность можно было пріобрѣтать ловкой фразой, гладкимъ стихомъ, даже блестящимъ остроуміемъ, даже умѣньемъ сочинять повѣсти и разсказы. Нынѣ всякому, даже и не учившемуся въ семинаріи, извѣстно, что талантъ, который не имѣетъ искренняго стремленія служить общественному дѣлу, не заслуживаетъ никакого уваженія, а талантъ употребляющій свои силы на разрушеніе этого

*) 1863 г., № 32.

дѣла, достоинъ полнаго презрѣнія. Это общее убѣжденіе раздѣляемъ и мы,—и съ настоящаго времени имя г. Писемскаго въ нашемъ журналѣ будетъ неразлучно съ именемъ г. Аскоченскаго» *).

Брошенную такимъ образомъ перчатку, вмѣсто Писемскаго подняла газета «Русскій Міръ»—ближайшій конкурентъ *Искры*, такъ какъ при ней издавался сатирическій листокъ *Гудокъ*. Повиненъ въ этомъ былъ исключительно редакторъ газеты Гіероглифовъ. Онъ напечаталъ, что за выходку противъ Писемскаго *Искрѣ* готовится протестъ русскихъ литераторовъ, составленіе котораго будетъ поручено особо выбраннымъ уполномоченнымъ. Но вотъ въ *Искрѣ* появляется «Письмо къ В. С. Курочкину», подписанное М. Антоновичемъ, Н. Некрасовымъ, И. Панаевымъ, Н. Чернышевскимъ и А. Пыпинымъ. Вотъ его содержаніе:

„Редакторы и сотрудники „Современника“ послали въ редакцію газеты „Русскій Міръ“ слѣдующую замѣтку, которую просятъ васъ напечатать и въ вашей, уважаемой ими, газетѣ:

„Въ редакцію газеты „Русскій Міръ“.

„Въ № 6 „Русскаго Міра“, на стр. 158, въ статьѣ подъ заглавіемъ: „О литературномъ протестѣ противъ Искры“ напечатано, между прочимъ, слѣдующее.

„Въ обществѣ здѣшнихъ литераторовъ и журналистовъ составляется протестъ по поводу напечатанной въ № 5 „Искры“ замѣтки о г. Писемскомъ. Когда листъ съ подписями находился въ редакціи „Русскаго Міра“, подписавшихся было до 30 и ожидается еще значительное число. Мы встрѣтили здѣсь имена почти всѣхъ лучшихъ представителей русской литературы и редакторовъ и сотрудниковъ нашихъ наиболѣе популярныхъ журналовъ: „Современника“ и проч.“.

„Какія подписи лицъ, принадлежащихъ къ нашему журналу, могла видѣть на этомъ протестѣ редакція газеты „Русскій Міръ“, мы не знаемъ, потому что не видѣли этого протеста. А не видѣли мы потому, что господа собиратели подписей къ этому протесту не обращались къ намъ и съ вопросами о томъ, согласимся ли мы подписать ихъ протестъ, и въ этомъ случаѣ они поступили очень благоразумно, потому что мы вполнѣ одобряемъ ту статью „Искры“, противъ которой, по объясненію редакціи „Русскаго Міра“, хотятъ они протестовать “**).

Этого было достаточно, чтобы «протестъ остался въ рукахъ «Русскаго Міра». Но *Искра*, поддержанная «Современникомъ» не пропустила случая, чтобы дать лишній разъ истинную оцѣнку своихъ враговъ—баллада «Протестъ» противъ *Искры* была отвѣтомъ редакціи трусливымъ протестантамъ ***).

Итакъ, вотъ какова была та «литературная сатира», которая нѣкоторыми (напримѣръ, г. Трубачевъ) ставится въ вину *Искрѣ*... Читатель, надѣюсь, увидѣлъ ея серьезное общественное значеніе,—значеніе безусловно боевое—какъ и всего содержанія этого журнала,—а не зубоскальное, не личное, не месть конкурентамъ и личнымъ врагамъ. Такая литературная сатира не могла не быть въ органѣ, широко понимавшемъ свои задачи.

*) 1862 г., № 5.
**) 1862 г., № 7.
***) Idem.

XIV.

Въ заключеніе остается сказать нѣсколько словъ о сторонніхъ обстоятельствахъ, тяготѣвшихъ надъ *Искрой* съ самаго перваго ея шага и, въ концѣ концовъ, заставившихъ ее влачить, сравнительно съ прошлымъ, жалкое существованіе.

Вся политика министерства народнаго просвѣщенія, а съ 1863 года министерства внутреннихъ дѣлъ,—какъ центровъ цензурнаго воздѣйствія,—сводилась лишь къ «терпѣнію» сатирической журналистики. Обличеніе злоупотребленій, неразвитости, иногда просто тупости должностныхъ лицъ никогда не пользовалось поощреніемъ, даже безразличнымъ къ себѣ отношеніемъ. Въ результатѣ — кульминаціонный пунктъ «эзоповщины», цѣлая наука проскочить сквозь игольное ушко съ какимъ-нибудь толсточревымъ взяточникомъ...

Я не буду подробно останавливаться на томъ интересномъ матеріалѣ, который имѣется въ моемъ распоряженіи и очень ярко освѣщаетъ всѣ мытарства *Искры* и другихъ изданій. Ограничусь здѣсь нѣсколькими замѣчаніями.

Самое объявленіе о выходѣ *Искры*, выпущенное въ концѣ 1858 г., было уже принято недружелюбно, благодаря виньеткѣ. Съ перваго нумера журналъ сталъ цензуроваться особенно внимательно. Въ 1862 г. запрещенъ отдѣлъ «Намъ пишутъ». 1864 г. былъ годомъ самыхъ тяжелыхъ событій для *Искры*: то и дѣло нумера опаздывали на 10—15 дней. Наконецъ, 3-го сентября Вас. Курочкинъ былъ отставленъ отъ редактированія своего журнала, а вскорѣ мы уже видимъ только одну редакторскую подпись: «Владиміръ Курочкинъ». Это второй братъ Василія Степановича...

Вотъ тѣ условія. въ которыхъ проходила жизнь *Искры* и благодаря которымъ 1864 г. нужно считать послѣдней ея лебединой пѣснью.

Но почему же одновременно съ подписью Вас. Курочкина исчезаетъ и подпись его соредактора-соиздателя? Судя по нумерамъ, можно предположить, что выходъ Степанова былъ какъ бы непосредственнымъ результатомъ «отставки» Курочкина. Въ томъ нумерѣ, гдѣ начинаетъ подписываться уже Вл. Курочкинъ, помѣщена послѣдняя степановская работа. Что же побудило Степанова бросить дѣло? Почему онъ вышелъ изъ изданія именно въ такой моментъ?

Что, основывая дѣло, Степановъ и Курочкинъ условились дѣлить доходъ пополамъ—это г. Трубачевъ говоритъ вѣрно; что Курочкинъ проживалъ много денегъ и довольно притомъ безалаберно — тоже вѣрно *). Но что Курочкинъ, зарвавшись, все «требовалъ еще и еще»— это врядъ ли такъ; надо совершенно его не знать, чтобы рисовать, какъ какого-то нахала, чтобы не сказать больше, который, забравъ все свое, приставалъ бы къ Степанову: «Подай мнѣ изъ твоего!»

*) Интересующіеся послѣднимъ обстоятельствомъ найдутъ не мало любопытнаго въ цитированной уже книгѣ Мартьянова.

Г. Трубачевъ идетъ дальше и бросаетъ въ безмолвнаго покойнаго тяжкое обвиненіе просто-на-просто въ присвоеніи. Иначе нельзя понять такія слова: «Курочкинъ сталъ требовать весьма значительную сумму на гонораръ сотрудникамъ, несмотря на то, что въ *Искрѣ* очень рѣдко помѣщались статьи извѣстныхъ литераторовъ; большею же частью журналъ наполнялся произведеніями писателей молодыхъ или начинающихъ, а то и даровыми статейками, присылаемыми gratis изъ провинціи» *). Не говоря уже о томъ, что здѣсь полностью незнакомство съ самимъ журналомъ, — какъ могъ рѣшиться г. Трубачевъ, *совершенно не имѣя писемъ Курочкина къ Степанову*, о чемъ онъ самъ же заявляетъ, бросить въ перваго такое обвиненіе! Неужели это сдѣлано только ради желанія дорисовать картину хоть сажей, за недостаткомъ красокъ, но только не оставить чистое полотно? Теперь по существу. Тутъ говорить много не приходится. Курочкинъ не могъ требовать никакихъ себѣ сотрудническихъ денегъ, потому что всѣ разсчеты съ сотрудниками вела жена Степанова, хорошо имъ извѣстная, Софья Сергѣевна, человѣкъ очень аккуратный. Всѣ дальнѣйшія росказни г. Трубачева опровергаетъ также небольшая замѣтка В. О. Михневича, хорошо узнавшаго Степановыхъ въ «Будильникѣ». Что касается причинъ разрыва Курочкина со Степановымъ, то Михневичъ положительно утверждаетъ, что «какъ въ этомъ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ дѣло касалось денежныхъ разсчетовъ и вообще хозяйственной стороны издательства, хлопотала и распоряжалась единственно Софья Сергѣевна—женщина себѣ на умѣ, очень разсудительная и практическая, любовно, къ тому же, оберегавшая мужа отъ всякихъ безпокойствъ и дрязгъ»... «По ея же иниціативѣ и настояніямъ Н. А. разошелся съ Курочкинымъ и основалъ свой журналъ».. Софья Сергѣевна зорко учитывала бюджетъ компанейской *Искры* и, когда убѣдилась, что невозможно сладить съ *безалабернымъ компаніономъ, обидно захватывавшимъ на свои траты большую половину дохода*, рѣшительно повела дѣло къ разрыву. Н. А. покорно этому рѣшенію подчинился» **). Жаль только, что Михневичъ тоже не удержался, чтобы не бросить неосновательнаго упрека по адресу Курочкина. Объясняется это источникомъ его свѣдѣній—ихъ дала ему жена Степанова. Самъ Степановъ до конца своей жизни относился къ Курочкину безусловно хорошо—это подверждаетъ знавшая ихъ отношенія А. Г. Шиле.

Могутъ ли быть сомнѣнія, что послѣ такой перепалки, сходной съ потасовкой, учиненной на «натурѣ» Расплюева, *Искра* начала гаснуть и еле-еле дотлѣла до 1873 года... Свѣтлые ея дни «прошли безвозвратно». «Будильникъ» Степанова не пережилъ и десятой доли успѣха перваго истиннаго сатирическаго русскаго журнала...

Итакъ, вотъ въ чемъ успѣла выразиться эпоха обличительнаго жара.

---

*) „Истор. Вѣстникъ", 1891, IV, 118.

**) Страничка изъ литературныхъ воспоминаній. „Истор. Вѣстн." 1891 г. VI".

Нѣтъ сомнѣнія, ознакомившись со всѣмъ, прошедшимъ передъ его глазами, читатель въ правѣ сдѣлать выводъ о значительной роли сатирической журналистики 1857—1864 г.г., дѣятельно участвовавшей въ кипучей работѣ передовыхъ общественныхъ элементовъ. Многое было полу-замолчано, еще больше — совершенно пропущено, но развѣ не многое и освѣщено свѣтомъ все исцѣляющаго смѣха? развѣ въ *Искрѣ*, главнымъ образомъ, общество не въ правѣ было чувствовать своего вѣрнаго помощника? Теперь, на разстояніи сорока слишкомъ лѣтъ, многія страницы *Искры*, *Гудка* и отчасти *Занозы* кажутся непонятными, неинтересными, даже безсодержательными, но развѣ можно претендовать на безсмысленность отдѣльныхъ буквъ, только и получающихъ значеніе въ словѣ? Все это были кирпичи, необходимые для возведенія грандіозной постройки...

Закончу свой очеркъ словами Курочкина, сказанными въ *Искрѣ* 1870 года, только что освобожденной отъ предварительной цензуры:

«Было время, когда въ жизни *Искры* и дѣятельности были хорошіе, памятные всѣмъ дни.

«Конечно, потомъ все пошло прахомъ, но прахомъ пошло не въ одной *Искрѣ*, а вездѣ. Полоса такая нашла. Когда начиналась *Искра*, въ русскомъ обществѣ стояли свѣтлые, прекрасные дни. То была пора самыхъ свѣтлыхъ надеждъ и упованій, пора увлеченій, можетъ быть, юныхъ, незрѣлыхъ, но увлеченій чистыхъ, безкорыстныхъ, полныхъ самоотверженія, проникнутыхъ одною цѣлью—цѣлью общаго добра и счастья, и единодушныхъ. Все лучшее общество жило одними и тѣми же идеалами, если и неопредѣленными въ подробностяхъ и не всегда ясно сознаваемыми, то несомнѣнно одинаковыми въ ихъ общей основѣ; оно признавало и выражало ихъ, какъ одинъ человѣкъ. Литература несла общее, близкое всѣмъ знамя. Она несла его грозно и честно, — и этимъ создала себѣ высокое значеніе и необыкновенную силу въ обществѣ. Мы думаемъ, что нисколько не преувеличимъ заслугъ литературы того времени, если скажемъ, что все, что въ настоящее время остается лучшаго, живого, плодотворнаго въ начинаніяхъ и дѣйствіяхъ общества, было насаждено ея трудомъ, привито ея заботами и стараніями. Но при этомъ мы могли бы сказать вмѣстѣ съ Гете, что когда тѣснящіеся въ душу образы прошедшаго «приносятъ съ собою картины свѣтлыхъ дней, то вмѣстѣ съ ними появляется изъ него много дорогихъ тѣней, — и дѣлается болѣзненнѣе старая скорбь, начинаетъ вновь сильнѣе чувствоваться досада на ходъ жизни, запутывающій людей съ ихъ пути, подобно лабиринту; въ памяти оживаютъ имена тѣхъ добрыхъ спутниковъ, которые исчезли въ прекрасные часы, обманутые счастьемъ». А счастье, дѣйствительно, было обманчиво. Давно уже наступила и стоитъ другая полоса. Опредѣленная дѣйствительность смѣнила прежніе неопредѣленные идеалы»*)...

Мих. Лемке.

*) 1870 г., № 1.

ДОНАТЬЕННА

Романъ **Ренэ Базэна.**

Переводъ **З. Журавской.**

(*Продолженіе* *).

III.

Въ театрѣ.

Вечеромъ, пообѣдавъ въ комнаткѣ за лавкой, Донатьенна пріодѣлась и, несмотря на усталость въ лицѣ, вышла очень интересная въ своей шляпѣ съ черными и розовыми перьями и сѣромъ мѣховомъ боа; у нея была красивая походка и маленькія ручки, а кожи, испорченной и огрубѣвшей отъ работы, подъ перчатками не было видно. Ея сожитель шагалъ быстро, увлекая ее за собой. Сосѣдки, не хуже, чѣмъ въ провинціи, слѣдившія за всѣмъ, что происходитъ на улицѣ, видя ихъ, говорили одна другой: Опять, навѣрное, отправились въ театръ. Они много зарабатываютъ. Но только она на себя все и тратитъ. Она жить не можетъ безъ развлеченій.

Въ галстукѣ съ поддѣльной брилліантовой булавкой, въ новой жакеткѣ, грудь колесомъ, съ побѣдоноснымъ и наглымъ видомъ шелъ рядомъ съ Донатьенной Бастіенъ Ларэй. Онъ старался изгладить тягостное впечатлѣніе утренней ссоры и своей грубости; онъ понялъ, что Донатьенна въ гнѣвѣ сказала правду, что она способна бросить его даже и безъ причины... Они сѣли въ поѣздъ и скоро очутились на бульварахъ. Было уже около 9 часовъ.

Пьеса уже началась, когда они вошли въ освѣщенную залу. Публика хохотала. Однѣ и тѣ же фразы вызвали одно и то же выраженіе на лицахъ зрителей амфитеатра, принужденныхъ встать, чтобы пропустить Донатьенну и ея любовника на среднія мѣста въ первомъ ряду. Онъ былъ уже настроенъ въ унисонъ съ этой толпой. Ей хотѣлось того же, чтобъ избавиться отъ назойливой мысли, преслѣдовавшей ее весь день. Она любила театръ. Она и въ бытность свою прислугой тратила чуть не половину жалованья, чтобъ имѣть возможность «посмѣяться надъ комедіей», какъ она выражалась. И само-

*) См. „Міръ Божій“, № 7, іюль, 1903 г.

увѣренность, съ которой она прошла впередъ, высоко держа голову и вполголоса бормоча: «Извините!», и жестъ, которымъ она подобрала платье слѣва, усѣлась и, не глядя на сцену, принялась лорнировать зрителей, все указывала на привычку къ театру.

Скоро она облокотилась на красную бархатную рампу и стала смотрѣть внизъ, на сцену, стараясь сосредоточить свои мысли на томъ, что тамъ говорилось и дѣлалось. Говорилось, повидимому, что-то смѣшное. Но до нея какъ будто долетали только оболочки словъ, пустые звуки, лишенные смысла, ничего не задѣвавшіе въ ней. И наоборотъ, другіе звуки, другія слова, которыхъ никто не говорилъ и не слышалъ, волнами перекатывались въ ея головѣ: «Ноэми! Люсьенна! Жоэль!» Она не могла не слышать этихъ звуковъ, заключавшихъ въ себѣ всю драму ея жизни, какъ не могла бы задержать рукой бьющій изъ земли источникъ. И въ театрѣ она не могла уйти отъ самой себя. Она смотрѣла на оркестръ, на ложи, туалеты... Но глубоко потрясенная душа ея не могла придти въ равновѣсіе. Напротивъ, она чувствовала, какъ горе ея растетъ отъ контраста со всей этой обстановкой и этой нарядной толпой. Не въ силахъ выносить это дальше, она повернулась къ своему любовнику, чтобы сказать: «Уйдемъ!» Но не успѣла она раскрыть ротъ, какъ увидала по правую сторону Бастіена Ларэй, въ креслѣ амфитеатра, женщину, очевидно, одного съ ней общественнаго положенія, молодую, цвѣтущую, съ ребенкомъ на рукахъ, двухлѣтнимъ крошкой, котораго она прижимала къ груди. Отяжелѣвшая бѣлокурая головка свѣсилась на плечо матери. Ровное дыханіе приподнимало маленькое тѣльце, время отъ времени вздрагивавшее во снѣ.

Женщина сидѣла у самой баллюстрады и, повидимому, вся ушла въ то, что происходило на сценѣ. Донатьенна думала: «Что если она выпуститъ ребенка! Стоитъ ей только разжать руки, и онъ полетитъ внизъ, разобьется! Какой онъ хорошенькій!» Она такъ долго смотрѣла на ребенка, что мать, наконецъ, замѣтила это. Обѣ женщины поняли другъ друга. Каждая изъ нихъ была матерью. Донатьенна только грустно улыбнулась, думая про себя, что для нея было бы отрадой покачать на колѣняхъ малютку. Но высказать это она не рѣшалась. А другая женщина опять ушла въ пьесу и не отрывала глазъ отъ сцены. Донатьенна сидѣла въ полуоборотъ къ ребенку и чувствовала какъ она блѣднѣетъ, словно жизнь изъ нея уходила капля за каплей. Театръ, словечки актеровъ, смѣхъ публики,—какъ далеко все это ушло! Какимъ чужимъ казался ей человѣкъ, сидѣвшій съ ней рядомъ, не подозрѣвая, что происходило такъ близко отъ него, и какъ онъ былъ чуждъ ей на самомъ дѣлѣ! Она видѣла передъ собой послѣднія картины своей семейной жизни, сохранившіяся въ ея памяти; много лѣтъ она гнала отъ себя эти видѣнія; теперь они вернулись, торжествуя побѣду и терзая ея душу. Она видѣла домикъ въ Ро-

Гриньонѣ, на вершинѣ каменистаго холма, два поля—гречихи и ржи, двумя свѣтлыми полосами лежавшія у подножья, а за ними ланды и лѣсъ, гудѣвшій отъ вѣтра; видѣла горницу, кровать, колыбельку, дверь, выходившую въ хлѣвъ; видѣла троихъ дѣтей, кидавшихся ей на шею, когда она возвращалась съ поля.

«Родные мои, гдѣ вы? Правда ли, что вы живы?»

Все продано... Да... и убогія поля, гдѣ, не покладая рукъ, трудился Луарнъ, теперь обрабатываютъ другіе... Все кончено, давно, и у Донатьенны не было желанія вернуться къ прежней жизни. Но здѣсь, въ этой театральной залѣ, на вышкѣ, ей вдругъ показалось, она вдругъ поняла яснѣе, чѣмъ когда-либо, что, разставшись съ дѣтьми, она отняла у себя безконечную, единственную радость... Тогда она была слишкомъ молода и легкомысленна, чтобы понять это. Теперь у нея не хватило бы силы оторваться отъ этихъ маленькихъ ручекъ, плечиковъ, глазокъ, отъ этихъ ротиковъ, такъ нѣжно цѣловавшихъ ее. «Ахъ, дѣтки, дѣтки! Какъ могутъ матери оставлять васъ, если только ихъ не разлучаетъ съ вами смерть! Какое безуміе было съ моей стороны ѣхать на мѣсто въ Парижъ! Какое безуміе оставаться, когда я могла вернуться!.. Мнѣ недостаетъ вашихъ ласкъ, прикосновенія вашихъ ручекъ; мнѣ хотѣлось бы держать васъ на колѣняхъ, чувствовать вашу тяжесть... Я страдаю!..» Ея страданіе такъ явственно читалось на ея лицѣ, что Бастіенъ Ларей, обернувшись къ ней съ повеселѣвшимъ лицомъ, расплывшимся въ тяжеловѣсную улыбку, удивленно спросилъ:

— Ты не смѣешься, Донатьенна?

— Нѣтъ.

— Ты, значитъ, не слушаешь?

— Нѣтъ.

— Я не затѣмъ купилъ тебѣ билетъ, чтобы ты строила такую физіономію! Чего тебѣ еще надо?

Сосѣдка, услыхавъ перебранку, повернулась въ сторону Донатьенны, медленно и лѣниво раскачивая свое гибкое, молодое тѣло, убаюкивая ребенка. Къ ней потянулись маленькія руки въ перчаткахъ; вздрагивавшій отъ волненія голосъ спрашивалъ:

— Не дадите ли вы мнѣ покачать его?

— Это вамъ доставило бы удовольствіе?

— И отраду; у меня нѣтъ больше дѣтей.

Она была такъ блѣдна, что сосѣдка поняла, что она говоритъ правду, и пожалѣла ее.

— Ты смѣшна, Донатьенна!—пожалъ плечами любовникъ.

Но женщина осторожно подняла ребенка и за спиной протестовавшаго мужчины, къ полному удовольствію сосѣдокъ и негодованію сосѣдей, шипѣвшихъ «Тише вы бабы!», передала его Донатьеннѣ, не безъ страха однако-жъ. Но, выпустивъ изъ рукъ голубое съ бѣлымъ

платьице, она уже въ свою очередь не могла ни смотрѣть, ни слушать, ей было жаль, что она отдала ребенка. Не переставая улыбаться, изъ вѣжливости, она то и дѣло поглядывала въ сторону Донатьенны. Эта послѣдняя уложила ребенка у себя на колѣнахъ, окружила его руками и сидѣла неподвижная, согнувшись, словно изображая изъ себя колыбель. По временамъ дрожь пробѣгала по ея тѣлу, и она не могла скрыть этого, но она испытывала не удовольствіе, какъ ожидала, а скорбь и раскаяніе, еще болѣе глубокое.

Пьеса приходила къ концу. Занавѣсъ опустился.

— Ну, будетъ дурить!—сказалъ Бастіенъ.—Отдай мальчишку—идти надо.

Она не отвѣтила, подняла теплое дѣтское тѣльце къ своимъ губамъ, помедлила минуту, словно стыдясь и чувствуя себя недостойной, потомъ быстро нагнувшись, поцѣловала розовую щечку, которая сморщилась подъ поцѣлуемъ.

— Благодарю,—сказала она, передавая ребенка матери, и ушла съ Бастіеномъ Ларэй.

Былъ уже часъ ночи, когда они вернулись въ маленькую квартирку надъ кофейной. Бастіенъ, усталый и недовольный, улегся, почти не разговаривая съ ней. Донатьенна медленно раздѣвалась, нарочно не торопясь, прибирая то то, то другое; она предпочла бы провести эту ночь на коврѣ на полу или въ креслѣ. Замѣтивъ что любовникъ ея уже спитъ, она тоже легла, но отодвинулась отъ него какъ можно дальше и всю ночь проплакала.

. . . . . .

Въ душу Донатьенны закралось сожалѣніе о прошломъ. Но это новое страданіе не вызвало никакихъ перемѣнъ. Съ теченіемъ времени оно даже смягчилось, какъ все на свѣтѣ. Она никого не посвящала въ свою тайну. Картины прошлаго она гнала прочь и увѣряла себя, что ей не дождаться возвращенія вѣстника, который такъ взволновалъ ее.

Зима прошла. Мартъ уже начиналъ разрывать завѣсу тучъ. Каждое утро Донатьенна, отдергивая шторы въ витринѣ, искала взглядомъ человѣка, который обѣщалъ вернуться.

Но его не было. И она противъ воли испытывала разочарованіе. Разводя огонь, кипятя воду для кофе, она все время, не переставая думала о тѣхъ, кого покинула. И все больнѣе ей было, что своихъ дѣтей, свою плоть и кровь она не могла себѣ представить такими, какими они должны быть теперь. Она видѣла только какіе-то безформенные образы. Они не смотрѣли на нее, не улыбались ей; они были безмолвны; она не слыхала ихъ голосовъ. Какъ бы они называли ее? Какіе у нихъ глаза, ростъ, какъ они одѣты? Ничего этого она не знала...

Это мучило ее до прибытія первыхъ кліентовъ; затѣмъ хлопоты заглушали душевную боль.

Мартовскіе дни медлительно тянулись одинъ за другимъ.

IV.

Прохожій.

Далеко отъ Парижа и еще дальше отъ Бретани есть равнина, вся изрытая холмами и лощинами. Съ сѣверной стороны входъ въ нее закрытъ высокимъ плато, отъ котораго идутъ на востокъ или западъ цѣпи холмовъ пониже; такимъ образомъ равнина вся лежитъ точно въ корзинкѣ, зеленой весной, а подъ конецъ лѣта цвѣтомъ напоминающей сухой тростникъ. О размѣрахъ ея можно судить по тому, какъ медленно проходятъ надъ ней гонимыя вѣтромъ тучи. Только въ бурю онѣ проносятся быстро, а въ обыкновенную погоду по полъ-дня видны надъ долиной. Пастухи привыкшіе слѣдить за тучами смотрѣли на все остальное мечтательными глазами, словно сквозь сонъ. Они пасутъ стада барановъ и свиней на ландахъ этого плато, гдѣ между верескомъ и рожью поблескиваютъ неглубокіе пруды. Деревни на этой равнинѣ расположены далеко другъ отъ друга. Въ ясный день ихъ можно распознавать издали, не по шпицу колокольни, такъ какъ у здѣшнихъ церквей колокольни имѣютъ видъ четырехъугольныхъ башенокъ, но по краснымъ черепичнымъ крышамъ. Это центръ французской земли, втиснутый во столько рамокъ, что никогда ни вѣтеръ океана, ни вольный вѣтеръ горъ не можетъ достигнуть его, не сломавъ себѣ крыльевъ. Земля, гдѣ знойное лѣто сжигаетъ еще не налившуюся пшеницу, гдѣ нерѣдко засыхаютъ отъ зноя не успѣвшіе созрѣть плоды.

Невдалекѣ отъ устья долины дорога, круто сбѣгавшая съ горы, поднималась снова, потомъ опять спускалась и у подножія второго спуска проходила въ нѣсколькихъ метрахъ отъ бѣднаго домика: двѣ комнаты подъ крышей изъ старой черепицы, потрескавшейся, разъѣхавшейся, покрытой слоемъ пыли и мертвыхъ листьевъ, мѣнявшей свой видъ съ каждымъ временемъ года. При домѣ нѣсколько грядъ капусты и моркови, лужа, подальше колодецъ, двѣ-три узенькихъ цвѣточныхъ грядки, засѣянныхъ гвоздикой. А вокругъ этого небольшого участка, формой напоминавшаго уголъ, извилистая линія густой живой изгороди и близъ нея нѣсколько тополевыхъ пней, срубленныхъ на высотѣ шести метровъ отъ земли, доставлявшихъ хворостъ на топливо; вотъ и все. А дальше широкія полосы луговъ, клевера, хлѣбныхъ полей. Построекъ по сосѣдству не было; только неширокая дорога отъ угла изгороди вела къ деревнѣ, которая пряталась направо между фруктовыхъ садовъ, на разстояніи полукилометра.

Двадцатаго марта день выпалъ холодный; на плато дулъ вѣтеръ, разстилая надъ равниной тяжелый пологъ тучъ, которымъ, казалось, не будетъ конца. Вотъ уже недѣлю тучи тянулись по направленію къ югу; иногда только въ щель этого импровизированнаго потолка врывался ливень лучей, ярко озаряя уголокъ пейзажа, гдѣ вдругъ такъ отчетливо вырисовывались самыя мелкія подробности—стадо, ѣдущая

телѣга, очертанія рвовъ и откосовъ, золотой пѣтухъ на колокольнѣ или флюгарка. Въ такіе моменты по нѣжной окраскѣ луговъ и купъ деревьевъ видно было, что весна уже началась и на вѣтвяхъ набухаютъ почки. Ни вѣтеръ, ни небо не говорили объ этомъ. Вѣтеръ дулъ сильный, и въ садикѣ у дороги раздувалось и щелкало бѣлье, которое развѣшивала на веревкѣ дѣвочка подростокъ. Она только что выполоскала его въ лужѣ на концѣ сада, гдѣ до сихъ поръ еще не сгладилась взволнованная поверхность воды, и, сложивъ его на тачку, брала штуку за штукой, рубашки, платки, дѣтскія штанишки и тряпки, развертывала ихъ и деревянными щипчиками укрѣпляла на веревкѣ, протянутой передъ домомъ, вдоль капустныхъ грядъ. Надувавшіяся отъ вѣтра рубашки хлопали рукавами; простыни морщились, свертывались и тоже хлопали. Но дѣвочка невозмутимо продолжала свою работу, начатую съ того конца веревки, что былъ ближе къ дому.

Она была небольшого роста, но стройна и хорошо сложена, и лицо ея было интеллигентнѣе, чѣмъ вообще лица крестьянокъ. Она не видѣла, что на нее внимательно смотритъ черезъ заборъ человѣкъ въ одеждѣ рабочаго, въ плохо пригнанномъ костюмѣ изъ толстаго сукна, въ потертомъ котелкѣ и съ объемистымъ узломъ, который онъ несъ на плечѣ, на концѣ суковатой палки. Человѣкъ этотъ прищелъ, видимо, издалека. Его толстые сапоги невыдѣланной кожи были покрыты грязью. Онъ шелъ противъ вѣтра, и лицо его раскраснѣлось, а глаза слезились, такъ рѣзокъ былъ этотъ вѣтеръ. Замѣтивъ дѣвочку, онъ, еще не доходя до сада, замедлилъ шагъ и подходилъ не спѣша, часто останавливаясь, чтобы передохнуть, поступью сильно уставшаго человѣка. Онъ, дѣйствительно, немного усталъ, но, главное, ему хотѣлось разсмотрѣть хорошенько этотъ садикъ и домъ и его обитателей. И онъ старался, чтобы дѣвочка, развѣшивавшая бѣлье, не сразу увидала его.

А она думала только о своей работѣ. Она уходила, возвращалась, нагибалась, поднималась на цыпочки, и это мѣшало прохожему разглядѣть ея лицо, то отвернутое, то закрытое отъ него штукой бѣлья или руками, растягивавшими полотно. На ней была коротенькая юбка, изъ-подъ которой виднѣлись деревянные башмаки и чулки, когда-то, очевидно, красные, но теперь совсѣмъ выцвѣтшіе и во многихъ мѣстахъ заштопанные. Юбка на ней была черная, какъ и корсажъ, и поверхъ надѣтъ синій холстинковый фартукъ, очевидно для стирки, но дѣвочка и теперь не сняла его, хотя онъ былъ весь мокрый и висѣлъ жгутомъ.

Когда до домика осталось всего шаговъ пятнадцать, прохожій остановился у изгороди и на его спокойномъ лицѣ выразилось волненіе, оттянувшее книзу углы толстыхъ, потрескавшихся губъ. Онъ узналъ дѣвочку, которую видѣлъ годъ тому назадъ сидящей въ саду. Въ эту минуту она какъ разъ подошла ближе къ изгороди и, слѣдовательно, къ дорогѣ. Черты ея лица были такъ же тонки, какъ и линіи тѣла, глаза темные, съ длинными рѣсницами, ротъ крошечный, какъ у До-

натьенны, и такая же блѣдная кожа и острый подбородокъ и печальный, сдержанный видъ. Вѣтеръ развѣвалъ ея платье спереди, игралъ завитками на лбу, но каштановые волосы были уложены на макушкѣ въ тяжелую и прочную прическу, напоминавшую каску. Если бы не бѣдное платье, ее можно было бы принять скорѣе за горожанку. Въ садикѣ не было, кромѣ нея, ни души... Впрочемъ, нѣтъ... Въ дверяхъ дома показался мальчуганъ лѣтъ пяти-шести.

Каменьщикъ вспомнилъ свое обѣщаніе на обратномъ пути потолковать съ этими людьми, о которыхъ говорили, что они пріѣхали издалека, и навести справки. Тамъ на плато ему нужно было захватить поѣздъ, идущій въ Парижъ. Всего нѣсколько шаговъ отдѣляли его отъ дѣвочки, развѣшивавшей въ это время большую, бумажную, клѣтчатую рубаху, которая сейчасъ же раздулась отъ вѣтра. Прохожій кашлянулъ, чтобы обратить на себя вниманіе. Дѣвочка вздрогнула, попятилась назадъ, не выпуская деревянныхъ колышковъ, которыми она хотѣла прикрѣпить рубаху къ веревкѣ, и тутъ только увидала на дорогѣ за изгородью прохожаго, который положилъ свой узелъ съ пожитками на край канавы и утиралъ рукавомъ потъ съ лица. У прохожаго лицо было не злое. Дѣвочка чувствовала себя дома и въ безопасности по другую сторону изгороди. Она осталась. Онъ спросилъ, стараясь придать ласковое выраженіе своему голосу.

— Нельзя ли, душенька, получить у васъ стаканчикъ вина?

Ей показалось, что онъ нарочно выдумалъ этотъ предлогъ, чтобъ завязать разговоръ. Она отвѣтила:

— У насъ есть только вода.

— Ну, такъ стаканъ воды,—попить охота.

Прежде чѣмъ отвѣтить, дѣвочка всмотрѣлась въ него, чтобы убѣдиться, что это не опасный бродяга, потомъ посмотрѣла въ сторону деревни. Потомъ все тѣмъ же серьезнымъ тономъ, но живо повернувшись, сказала:

— Сейчасъ принесу.

Въ одну минуту она сбѣгала домой, зачерпнула воды въ ведрѣ и вернулась съ полнымъ стаканомъ, гдѣ отъ движенія поблескивали голубыя искорки.

— Вода хорошая и холодная—сами увидите.

Прохожій приподнялъ шляпу, выпилъ, не отрываясь, воду и выплеснулъ остатки на изгородь.

— Благодарю васъ, мадмуазель Ноэми!

Она взяла стаканъ и застыла на мѣстѣ отъ удивленія. Серьезное выраженіе этого юнаго личика смѣнилось враждебностью или тревогой.

— Меня никто не зоветъ «мадмуазель», но мое имя дѣйствительно Ноэми. Откуда вы его знаете?

— Я видѣлъ васъ въ прошломъ году проходомъ въ Парижъ. Вы не помните?

— Нѣтъ.

— Одинъ товарищъ указалъ мнѣ вашъ домъ и говоритъ: «А тутъ говоритъ, живутъ не здѣшніе. Они издалека пріѣхали. У нихъ есть мальчишка, котораго зовутъ Жоэлемъ». Это вѣрно?

— Да.

— Это онъ и есть тамъ въ дверяхъ?

— Нѣтъ, это Батисто. Жоэль съ отцомъ въ каменоломнѣ.

— Сколько же васъ всѣхъ?

— Четверо.

— Тѣмъ хуже.

— Да вамъ-то какое дѣло?

Сама не зная почему, дѣвочка вдругъ успокоилась и звонко разсмѣялась.

— Дѣло тутъ не во мнѣ,—выговорилъ прохожій, словно про себя, качая головой.—Тѣмъ хуже!..

— Ну, теперь уходите,—сказала дѣвочка, принимаясь опять за работу.—Мнѣ нужно еще покончить съ бѣльемъ, а то, если увидятъ, что я болтаю мнѣ такъ влетитъ!

Этотъ отвѣтъ «насъ четверо» огорчилъ каменьщика, какъ будто дѣло касалась его лично. Вотъ и все, что онъ можетъ сказать этой славной, пригожей хозяйкѣ кафэ въ Левалуа, этой огорченной матери! Онъ представлялъ себѣ, какъ она заплачетъ и скажетъ ему: «зачѣмъ вы пришли? Пока я васъ не видала, у меня не было надежды, а теперь вы сами отнимаете ее у меня». У прохожаго была наивная и добрая душа, легко откликающаяся на чужое горе. Онъ смотрѣлъ на дѣвочку, которая, въ свою очередь, подозрительно взглядывала на него, разстилая остальное бѣлье на капустныхъ грядахъ, такъ какъ на веревкѣ уже не было мѣста. И между лицомъ дѣвочки и тѣмъ другимъ лицомъ, которое врѣзалось въ его память, сходство было такъ велико, что онъ не поднялъ ни палки, ни узла, хотя онъ и наклонился, чтобы поднять ихъ.

— Не сердитесь, малютка Ноэми, и не думайте, что я похожъ на тѣхъ бродягъ, которые любятъ болтать черезъ заборъ съ кѣмъ придется и ведутъ себя иногда совсѣмъ не красиво. Я самъ здѣшній; я родомъ изъ Жантіу. Про меня тамъ всѣ знаютъ, что я изъ хорошей семьи... Послушайте-ка, что я вамъ скажу.

Дѣвочка подошла на нѣсколько шаговъ, не выпуская изъ рукъ простыни.

— Дѣло въ томъ, что я видѣлъ въ Парижѣ кой кого, кажется, изъ вашей родни.

— Я не знаю никакой родни,—сказала Ноэми.—Это мужчина?

— Нѣтъ.

Дѣвочка приподнялась на цыпочки, чтобы лучше видѣть прохожаго; ротикъ ея открылся, крылья носа побѣлѣли отъ волненія. Про-

хожій подумалъ: «она что-то знаетъ». Она выронила простыню и мигомъ очутилась подлѣ него по другую сторону изгороди.

— Такъ она жива?—прозвенѣлъ надъ его ухомъ взволнованный голосъ.

— Послушайте...—Прохожій понялъ, что дѣвочку глубоко захватываютъ и радость, и горе.—Видите ли, прежде чѣмъ вамъ сказать въ чемъ дѣло, мнѣ нужно многое знать. Куда же вы? Не волнуйтесь такъ... Смотрите, у васъ руки дрожатъ... Такъ вы говорите, васъ четверо?

— Да, Батисто младшій, потомъ Жоэль, Люсьенна и я. Четверо.

— Мнѣ говорили однимъ меньше. Вы пріѣхали изъ Бретани?

— Да. Мнѣ тогда шелъ шестой годъ. Я помню, я шла пѣшкомъ; остальные были въ ручной телѣжкѣ.

— Ваша мать живетъ съ вами?

Дѣвочка сдвинула брови и не сразу отвѣтила: ей тяжело было говорить съ постороннимъ о томъ, что она хранила въ самой глубинѣ души. Она еще разъ посмотрѣла въ лицо незнакомцу, убѣдилась, что онъ то же взволнованъ, что передъ нею добрый человѣкъ, и нагнувшись къ нему, скороговоркой отвѣтила, довѣрчиво, какъ женщина и ребенокъ.

— Это мать Батисто, сударь. Но мнѣ она не мать. Моя, говорятъ, допустила продать все наше имущество тамъ въ Бретани и не захотѣла вернуться къ намъ. Она уѣхала въ Парижъ въ кормилицы, такъ ее съ тѣхъ поръ и не видали.

— А какъ ее звать?

— Донатьенной.

— Ну, значитъ, я ее видѣлъ.

— Что вы говорите?! Вы ее видѣли?

— Да, и даже разговаривалъ съ ней.—Дѣвочка тихонько заплакала. Слезы катились по щекамъ ея, но она не опускала глазъ, а смотрѣла вверхъ черезъ голову прохожаго на вершины деревьевъ, гдѣ, должно быть, виталъ для нея образъ той, которая звалась Донатьенной... Потомъ она опустила рѣсницы и, рыдая, продолжала улыбаться видѣнію.

— Скажите, сударь, говорила она обо мнѣ?

— Обо всѣхъ васъ.

— Такъ она не забыла насъ? Я это знала... Я была въ этомъ увѣрена, хотя *они* говорятъ другое... Я любила ее... Скажите мнѣ, она старенькая?

— Вовсе нѣтъ, еще красивая женщина.—Про себя онъ подумалъ: «И ты будешь красива: ты такая же, какой она была въ молодости».

Но вслухъ онъ сказалъ только:

— Что вы хотите знать? Когда я сказалъ ей, что въ здѣшнихъ краяхъ есть мальчикъ, котораго зовутъ Жоэлемъ, она стала разспра-

шивать меня... Я разсказалъ ей все, что зналъ, а она какъ вскрикнетъ: «Это мои дѣти! Я ихъ мать!..» Можетъ, ей немного и нужно; можетъ быть, еслибъ ей только позволили вернуться, она бы все бросила въ Парижѣ и вернулась бы сюда.

— Охъ, нѣтъ, пусть она лучше не возвращается!—испуганно воскликнула дѣвочка.—Поклонитесь ей отъ меня, отъ Ноэми; скажите, что я ее часто вижу во снѣ... Что я каждый день молюсь за нее—другіе вѣдь слишкомъ для этого малы, не правда ли? Но пусть она не возвращается!.. Я-то очень бы этого хотѣла... Но они ни за что не позволятъ!

— Кто «они»?

Она отвѣтила пылко, трагическимъ тономъ, какъ Донатьенна:

— Мой отецъ и та,—другая. Когда они говорятъ о ней, они всякій разъ желаютъ ей смерти или увѣряютъ, что она умерла, и вообще говорятъ про нее всякія гадости... А я не хочу называть ту, другую, мамой и они за это ругаютъ меня—она бы даже колотила меня, еслибъ могла... Не очень-то мнѣ здѣсь сладко живется. Это вы можете сказать мамашѣ Донатьеннѣ... Теперь у меня только и мысли будетъ, что о ней... Но я никому не скажу, что знаю, что она жива. Нѣтъ, клянусь вамъ, я буду молчать. Скажите мнѣ, гдѣ она живетъ.

Прохожій записалъ адресъ Донатьенны на листкѣ изъ записной книжки, смятой, истрепанной, стянутой резинкой, вырвалъ листокъ и отдалъ его дѣвочкѣ. Ноэми опять посмотрѣла въ сторону деревни и сказала:

— Она возвращается домой, мать Батисто. Вонъ, идетъ! Вамъ ея не увидать, но я знаю дорогу и знаю, что это она... Онѣ съ Люсьенной ходили въ городъ за углемъ... Уходите отсюда... Когда она настроитъ отца, онъ иногда бываетъ презлой. Онъ тоже сейчасъ долженъ вернуться изъ каменоломни... Уходите же, а то и меня прибьютъ, и вамъ...

— О, за себя я спокоенъ!

Прохожій показалъ свою палку, нагнулся, перекинулъ черезъ плечо узелъ и приподнялъ шляпу.

— Такъ я скажу, что видѣлъ Ноэми,—такъ, что ли?

Бѣдная дѣвочка была такъ взволнована, что слезы хлынувшія изъ глазъ ея, не давали ей говорить. Она только знакомъ отвѣтила: «Да, скажите»—потомъ указала пальчикомъ на дорогу въ городъ и, чувствуя за собой вину, пригнулась къ самой землѣ, разстилая на грядахъ послѣднія штуки бѣлья.

Каменщикъ ушелъ. Ноэми обернувшись слѣдила за нимъ; онъ уже поднимался по откосу, на вершинѣ котораго находились известковые утесы и каменоломня, гдѣ работалъ Луарнъ. Вся ея юная смятенная и растроганная душа была съ этимъ путникомъ, который открылъ ей

*

великую тайну, который видѣлъ ея настоящую мать. Кончивъ работу, она позабыла поставить тачку назадъ, подъ навѣсъ. Прохожій поднимался все выше, словно катясь по блѣдной пыли. Вѣтеръ свѣжѣлъ. Солнце садилось. Равнина, омраченная тѣнью бѣжавшихъ по небу тучъ, стала печальна; дали расплывались въ сумеркахъ...

— Что ты тамъ дѣлаешь, лѣнтяйка? На что заглядѣлась?

Ноэми вздрогнула, поспѣшно взялась за тачку и покатила ее по направленію къ дому. Голосъ продолжалъ:

— Погоди ужо! Достанется тебѣ отъ отца! Ты у него запрыгаешь. За два часа, что меня не было дома, бѣлье даже не успѣла просушить—при этакомъ-то вѣтрѣ!

Дѣвочка была уже въ сараѣ и не слыхала. Кстати, и вѣтеръ заглушалъ слова. Онъ шевелилъ черепицы, свисталъ въ вѣтвяхъ обезглавленныхъ тополей вокругъ дома. Но уйти было некуда. Обладательница сердитаго голоса уже свернула съ тропинки на большую дорогу и скоро дошла до перелаза, раздѣлявшаго надвое живую изгородь. Ее сопровождала дѣвочка лѣтъ одиннадцати, худенькая, блондинка, ходившая въ перевалку. Женщина была настоящая мегера, плотная, широкоплечая, съ желтыми рысьими глазами, словно выискивающими предлогъ для ссоры. Кисти рукъ были огромныя; она смѣло могла бы помѣриться силой съ дюжимъ мужчиной. Это она жила съ Луарномъ, ее звали «Луарншей» сосѣди. Она была та самая женщина, которую Луарнъ случайно встрѣтилъ, въ первыя недѣли своихъ странствій, и которая подошла къ нему въ то время, какъ бѣднякъ пытался развести огонь, чтобы сварить супъ плакавшимъ отъ голода дѣтямъ. Ноэми помнила это. Она была единственной стѣснительной свидѣтельницей прошлаго, которая могла сказать:

— У меня была въ Бретани другая мать.

— Лѣнтяйка! — негодница! — снова накинулась на нее женщина, когда она вошла въ комнату.—Ты когда же это супъ-то будешь варить? теперь, что ли примешься? Котелокъ не на огнѣ! — Картофель не чищенъ!—Что ты дѣлала все это время, скажи на милость!

— Во первыхъ, я развѣшивала бѣлье...

— Во первыхъ!.. во первыхъ!.. вотъ сейчасъ придетъ отецъ: я ему разскажу, какая ты негодная дѣвчонка!

Позади нея стояла Люсьенна, принесшая мѣрку угля въ мѣшкѣ и корзину съ выглаженными чепцами, а за нею Батистъ, обдиравшій тростникъ осколкомъ стекла.

— Мамаша, сказала Люсьенна,—вотъ уголь! Только заставь Ноэми работать. Сегодня не моя очередь.

Луарнша ткнула пальцемъ въ сторону кладовушки, гдѣ хранился картофель, и вскричала:

— Ну, негодница, берись за супъ!

Сегодня эта брань больнѣе обыкновеннаго задѣвала Ноэми. Дѣ-

вочка въ душѣ была увѣрена, что ея родная мать не стала бы ни говорить съ нею такъ, ни такъ поступать, какъ эта женщина. Вмѣсто того, чтобы повиноваться, она сняла передникъ и сказала:

— Варите сами!—Мнѣ обсушиться надо; я вся мокрая; я работала больше вашего!

Та вся покраснѣла отъ гнѣва.

— Ахъ ты, дрянь этакая, ты у меня не слушаться?! Ты грубить?! Ну, погоди же!

Она нагнулась, подняла за кожаный ремешокъ свой деревянный башмакъ и швырнула имъ въ Ноэми. Деревянная подошва задѣла дѣвочку, ударилась объ стѣну и упала на землю.

— Вотъ тебѣ! теперь будешь знать, какъ грубить! — восклицала Луарниа.

Ея грубый голосъ сливался съ крикомъ перепуганнаго Батиста. Въ эту минуту въ дверяхъ появилась высокая худая фигура, загородившая входъ.

— Что тутъ еще такое?—спросилъ низкій глухой голосъ.

Это былъ Луарнъ.

Горе, тяжелый трудъ подъ открытымъ небомъ, недовѣріе къ себѣ и людямъ врѣзались глубокими морщинами въ его лицо, наложили неизгладимый отпечатокъ на его черты. Этотъ бретонецъ, съ одеревенѣвшимъ тѣломъ, пересаженный въ чужую землю, казался живой статуей бѣдности. У него отъ природы было длинное лицо; теперь оно еще больше вытянулось, и нижняя челюсть отвисала, — полуоткрывая запекшіяся, потрескавшіяся губы, какъ у сушеныхъ сельдей, искаженныхъ смертью и огнемъ. Губы этого рта, привыкшаго жаловаться на судьбу, сами собой складывались въ плаксивую гримасу; вся нижняя часть лица говорила объ усталости, безсиліи, какъ бы молила о помощи. Ни признака бороды; щеки плоскія, кожа носа натянута, подъ глазами большія темныя щели, впадины, вырытыя усталостью и слезами, и въ глубинѣ ихъ глаза, едва замѣтные, они запали такъ глубоко, что казались темными, но на свѣту они оказывались единственной свѣтлой ноткой въ этомъ мрачномъ лицѣ; они были сѣро голубые, какъ морская вода въ заливахъ, гдѣ ловятъ рыбу, усталая, съ едва замѣтной рябью на поверхности. Волосы Луарнъ носилъ полудлинными, подстриженными наравнѣ съ воротникомъ, выцвѣтшіе и покраснѣвшіе отъ солнца, какъ и кожа. На ходу онъ наклонялся впередъ и втягивалъ въ себя грудь. Въ немъ не осталось и слѣда молодости. Онъ велъ за руку хорошенькаго розоваго мальчика, Жоэля, давно уже взятаго съ той фермы въ Бретани, гдѣ его оставилъ Луарнъ, и теперь проводившаго день вмѣстѣ съ отцомъ въ каменоломнѣ на вершинѣ холма. Жоэлю уже исполнилось восемь лѣтъ.

Весь этотъ день, какъ и всѣ дни, Луарнъ работалъ тамъ, на этомъ холмѣ, возвышавшемся невдалекѣ отъ дома, — на скучномъ голомъ

холмѣ, оживленномъ лишь нѣсколькими купами низкорослыхъ дубковъ, вѣтви которыхъ, скудно питаемыя, стлались почти по землѣ. На вершинѣ, словно укрѣпленный замокъ, высился гребень дикихъ утесовъ, лишь по серединѣ прорѣзанный дорогой. Тамъ находилась каменоломня, гдѣ, семь лѣтъ тому назадъ, Луарнъ, блуждая по Франціи въ поискахъ работы, нанялся на недѣлю. Эта недѣля длилась и понынѣ. Неспособный выучиться трудному ремеслу, поденщикъ, обреченный на работы, гдѣ умъ не принимаетъ участія, онъ разбивалъ камень, подъ открытымъ небомъ, въ разсѣлинѣ утеса, выдолбленной киркою и молотомъ. Медленно, въ зной и холодъ, въ дождь и вѣтеръ, всегда находившій дорогу къ холму, какъ корабль находитъ дорогу къ острову, Жанъ Луарнъ отбивалъ мотыкой куски краснаго и желтаго мрамора отъ скалы, стѣнки которой съ дороги казались пластами живого тѣла. Изъ этого камня строили здѣсь всѣ дома. Работа была тяжелая, заработокъ ничтожный. Къ счастью, забастовки были рѣдки.

Теперь, когда Луарнъ подъ вечеръ спускался съ горы вмѣстѣ съ другими рабочими, онъ ничѣмъ уже не отличался отъ нихъ, кромѣ высокой угловатой фигуры и маленькой головы, подвижной и пугливой, какъ прибережная птица. Да еще въ глазахъ бретонца сохранилось тревожное выраженіе въ этой странѣ спокойныхъ холмовъ, которыхъ не сдвинуть съ мѣста и бурь. Эти глаза не могли ни на чемъ остановить на долго взгляда — ни на спѣлыхъ хлѣбахъ, ни мало не похожихъ на тѣ, что онъ выращивалъ въ Плекѣ, ни на прудахъ, тамъ и сямъ поблескивавшихъ на плато и приводившихъ ему на память море, ни на домахъ сосѣдняго городка и менѣе близкихъ деревень, ибо и послѣ многихъ лѣтъ онъ не обжился здѣсь, не сталъ своимъ; его только терпѣли, какъ пришлаго случайнаго работника, какъ чужого человѣка, котораго надо остерегаться. Ничто не привязывало его именно къ этому мѣсту, и онъ никому не былъ здѣсь дорогъ и нуженъ.

Правда, горе давно уже свило себѣ гнѣздо въ его домѣ, но никогда онъ не сознавалъ этого такъ ясно, какъ сегодня, въ этотъ мартовскій вечеръ, когда онъ, вернувшись съ работы, засталъ всѣхъ дома въ слезахъ или въ гнѣвѣ.

— Ну пошли!—сказалъ онъ, щуря глаза, чтобы увидѣть Батиста, который разыскивалъ въ темнотѣ, въ углу, башмакъ своей матери.— Опять драка!

— Она ничего не дѣлаетъ, когда я ухожу изъ дому;—палецъ о палецъ не ударитъ! Видѣть не могу такихъ барышень, бѣлоручекъ! Ей бы все только пѣсенки слушать!.. Ну ужъ, Луарнъ, выростилъ дочку, нечего сказать! Отъ такой дочки не разживешься... Она даже супу не успѣла сварить...

И минутъ пять еще раздавался подъ закопченными балками потолка этотъ грубый и рѣзкій голосъ, а четверо дѣтей и Луарнъ,

неподвижные въ догоравшемъ свѣтѣ заката, безмолвно ждали, когда мегера перестанетъ ругать старшую дочку.

Когда она, наконецъ, кончила, вмѣшался Луарнъ.

— Проси прощенія у мамы. И такъ какъ супъ не готовъ, вы, бабы, разводите скорѣе огонь; мы подождемъ.

Ноэми сдѣлала знакъ, что не станетъ извиняться.

— Проси прощенія у матери,—повторилъ Луарнъ.

Опять пауза, и вдругъ Ноэми, выпрямивъ станъ, кинула:

— Она мнѣ не мать! Она меня ненавидитъ! Мою маму звали Донатьенной!

— Что ты такое говоришь!

Луарнъ сильной рукой удержалъ свою сожительницу, готовую кинуться съ кулаками на дѣвочку. Мегера, обозлившись на помѣху, повернулась къ Луарну и принялась ругать его.

— А! ты позволяешь оскорблять меня, ты заступаешся за свою дочь!.. Довольно съ меня этой жизни впроголодь въ этой грязной дырѣ, гдѣ мы ничего еще не видали, кромѣ нищеты и презрѣнія. Кто на тебя здѣсь смотритъ, какъ на человѣка? Ты все молчишь, слова не скажешь, даже на вопросъ не отвѣчаешь; ты не стараешься выдвинуться; тобою всѣ помыкаютъ какъ собакой. Будетъ съ меня!

Я уйду, брошу и твою кануру, и эту дрянь, которую ты здѣсь наплодилъ!

— Ну и уходи!—сказалъ Луарнъ, выпуская ее.

Она что-то пробормотала себѣ подъ носъ и вмѣстѣ того, чтобъ уйти, чиркнула спичкой, приблизивъ ее къ связкѣ терна. И всѣмъ вдругъ стало легче при видѣ огня,—всѣмъ, кромѣ Луарна. Тотъ, не смѣя заговорить съ Ноэми, чтобъ не разсердить еще больше свою мегеру-сожительницу, привлекъ къ себѣ Жоэля и любовно гладилъ его каштановые локоны, словно ласкалъ свое прошлое. Выраженіе лица не измѣнилось, но костлявая рука медленно и осторожно приглаживала мягкіе кудри, обрамлявшіе дѣтскую головку темнымъ ореоломъ лучей, на которые падалъ золотистый отблескъ огня. Ноэми, прильнувъ къ окну, дѣлала видъ, будто смотритъ въ темноту, на верхушки тополей, на тучи, попрежнему бѣжавшія по небу сплошной пеленой, съ пятнами багроваго свѣта на западѣ.

У Луарна болѣло сердце. Онъ думалъ о Донатьеннѣ.

Но это былъ уже не юный влюбленный мужъ, который пролилъ столько слезъ, когда Донатьенна покинула свой домъ и дѣтей, чтобы поступить на мѣсто кормилицы въ Парижѣ. Далеко ему было до того Луарна, который, въ тревогѣ за свою пересаженную на чужую землю бретоночку, каждую недѣлю снова и снова ждалъ писемъ, все не приходившихъ; который распахивалъ новь, чтобы имѣть лишній заработокъ и пріукрасить и пріютить домъ для *нея*, когда она вернется. Не похожъ онъ былъ теперь и на того крестьянина, оторваннаго отъ

земли, безъ имущества, проданнаго съ молотка за невзносъ арендной платы, безъ работы и безъ пріюта, на странника, у котораго не было иной мысли въ головѣ, кромѣ какъ о кускѣ хлѣба и о томъ, гдѣ его заработать, который однажды, собравъ своихъ дѣтей, двинулся пѣшкомъ по дорогѣ въ Вандею,—этой дорогой часто уходятъ изъ Бретани, но не часто возвращаются. Давно уже гнѣвъ заступилъ мѣсто любви. Луарнъ не переставалъ думать о Донатьеннѣ, но, думая, онъ только бранилъ ее: «Это она во всемъ виновата! Скверная женщина! Дурная мать!» Онъ укорялъ ее въ томъ, что она раззорила его, бросила, заставила вести такую жалкую и грѣховную жизнь, ибо вѣра не умерла въ душѣ этого сына Бретани, и хотя совѣсть съ годами меньше упрекала его, онъ все-таки чувствовалъ потребность оправдать въ собственныхъ глазахъ свою жизнь «не въ законѣ» и винилъ въ этомъ отсутствующую, невѣрную, недостойную Донатьенну... Но когда онъ начиналъ думать объ этомъ, въ концѣ концовъ и его вина, и грѣхъ, и горе, все смѣшивалось въ его не привыкшемъ мыслить умѣ, и онъ обыкновенно говорилъ:

— Не повезло мнѣ въ жизни!

А между тѣмъ—ничто такъ хорошо не скрыто даже отъ насъ самихъ, какъ наши истинныя мысли—Луарну отрадно было узнавать въ Ноэми черты другой. И миніатюрностью, и нѣжнымъ, какъ у фарфоровой куколки, личикомъ, и звуками голоса дѣвочка очень напоминала Донатьенну. Но сердце у нея было не такое легкомысленное, какъ у ея матери...

Въ этотъ вечеръ, когда въ ихъ унылomъ домикѣ было неожиданно произнесено имя Донатьенны, Луарнъ былъ еще мрачнѣй и угрюмѣй обыкновеннаго. Ужинъ кончился; его хозяйка вынимала изъ очага головни, бранила Жоэля и Батиста за то, что они слишкомъ медленно укладывались спать въ сосѣдней комнатѣ, уходила, чтобы запереть на ключъ курятникъ и клѣтку кроликовъ, и снова возвращалась, а Луарнъ, съ гордостью, въ которой онъ никому не могъ признаться, смотрѣлъ на Люсьенну и Ноэми, складывавшихъ принесенное изъ сада, уже высохшее бѣлье. Онѣ входили съ грудой бѣлья на плечѣ, потомъ развертывали и складывали штуку за штукой—простыни, салфетки, рубашки. На дворѣ была темная ночь. Комната освѣщалась одной лишь маленькой коптившей лампочкой въ глубинѣ, далеко отъ входа, и когда въ этомъ полумракѣ появлялась Ноэми, нагруженная бѣльемъ, со своей хорошенькой фигуркой, съ полураспустившимися косами, смѣющаяся, потому что ея четырнадцать лѣтъ нуждались въ радости и создавали ее себѣ тамъ, гдѣ ея не было, Луарну ясно представлялась та, чье имя онъ сегодня неожиданно услыхалъ.

Вспоминанія были такъ отчетливы, такъ ярки, что онъ смотрѣлъ на свои руки, на эти бѣдныя руки, когда-то такъ усердно трудившіяся, вздымая новь изъ любви къ Донатьеннѣ, и говорилъ себѣ:

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Изъ лѣтнихъ впечатлѣній. — Жизнь на западѣ. — Что поражаетъ новичка въ этой жизни?—Свободная борьба силъ. — Закономѣрность ея. — Изъ выборной борьбы въ Германіи. — Народная толпа, ея самостоятельность и дисциплинированность.—Отсутствіе опеки.—Жалобы германца на стѣсненія и опеку личности. — „Свободный британецъ“ въ „Очеркахъ Англіи“ г. Діонео. — Содержательность этой книги, ея полнота и безпристрастіе. — Къ 50-лѣтнему юбилею дня рожденія Вл. Гал. Короленко.

«Когда пространствуешь, воротишься домой,—и дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ». Такъ во время оно, когда еще намъ «были новы всѣ впечатлѣнія бытія», писалъ и думалъ русскій путешественникъ, и писалъ искренно, передавая общее чувство своихъ согражданъ, которымъ привелось побывать заграницей. И искренность понятна. Да, слишкомъ ужъ тогда, сто лѣтъ назадъ, былъ далекъ русскій путешественникъ отъ существа той жизни, которая окружала его на западѣ, хотя внѣшнія формы общественной жизни и были почти одинаковы. Въ Германіи или Австріи онъ встрѣчалъ то же попечительное начальство, что и у себя дома. Печать почти отсутствовала, какъ и въ Россіи, общественной жизни съ ея безпокойнымъ движеніемъ и борьбой тоже не существовало, словомъ, все какъ у себя дома.

Его смущала развѣ разница культуры, которая неизмѣримо выше стояла на западѣ, гдѣ на каждомъ шагу онъ натыкался на слѣды исторіи и культурныхъ завоеваній въ видѣ высокаго искусства, глубокой, подавляющей науки и неустанныхъ стремленій къ широтѣ и свободѣ мысли и совѣсти. Сначала, конечно, нашимъ путешественникомъ овладѣвали восторгъ и преклоненіе. Съ наивностью дикаря онъ метался внѣ себя отъ одной диковинки къ другой, млѣлъ, восхищался и славословилъ безъ конца. Но потомъ уставалъ очень скоро и начиналъ скучать и тосковать по родной жизни, гдѣ все было однообразно и сѣро и не бередило ни пытливости, ни любознательности, ни совѣсти. Глубокій покой, непробудный сонъ, застывшая неподвижность родины сладкимъ отдохновеніемъ манили его душу, слишкомъ усталую и подавленную безконечнымъ разнообразіемъ западныхъ картинъ, и у него невольно вырывался вздохъ облегченія, когда онъ тихо погружался въ дремотную жизнь своей «Проплеванной».

Полвѣка спустя «Мальчикъ безъ штановъ» выручалъ его патріотическую гордость своимъ удалымъ, безшабашнымъ задоромъ, такъ выгодно отличавшимъ

этого юнаго гражданина отъ «Мальчика въ штанахъ», казавшагося ужъ слишкомъ дряхлымъ въ своей степенности и чрезмѣрной добродѣтельности, граничащихъ съ филистерствомъ. Но и въ утѣшеніи этомъ была уже нѣкая отрава, когда на обратномъ пути нашъ путешественникъ замѣтилъ готовность «Мальчика безъ штановъ» продать свою удаль и задоръ за мѣдный пятакъ первому встрѣчному.

А теперь добрый патріотъ своего отечества (патріотъ не въ ироническомъ смыслѣ) уже не имѣетъ и тѣни утѣшенія. «Мальчикъ въ штанахъ» страшно выросъ, возмужалъ и создалъ вокругъ себя, на устояхъ старой исторической культуры такую жизнь, что врядъ ли у кого-либо повернется нынѣ языкъ для прославленія сладости родного дыма или пресловутыхъ преимуществъ «Мальчика безъ штановъ». Боекъ послѣдній, спору нѣтъ, и симпатиченъ своимъ веселымъ, не знающимъ унынія духомъ. Но и степенный «мальчикъ въ штанахъ» тоже оказался не промахъ и линію свою выводитъ на диво умѣло, строго, и съ пониманіемъ своихъ глубоко человѣчныхъ интересовъ. Видишь на каждомъ шагу, что ни одинъ урокъ исторіи не пропалъ для него даромъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ сознательнѣе и духовнѣе начинаетъ онъ смотрѣть на себя, на міръ, на сосѣдей.

И теперь, какъ и раньше, новичка за границей удивляетъ прежде всего внѣшняя культура, чистота жизни, если можно такъ выразиться. Но скоро выдвигается изъ-за нея нѣчто другое, гораздо болѣе удивительное для нашего путешественника: *человѣкъ*, совершенно непохожій на насъ. Проѣхавъ по Германіи, по различнымъ ея областямъ, и фабричнымъ, и земледѣльческимъ, побывавъ и въ глухомъ уголкѣ, и въ огромныхъ городахъ, вы нигдѣ не встрѣчаете «мужика» въ нашемъ смыслѣ, того посконнаго мужика, который трехъ генераловъ прокормилъ.

Всюду видишь трудящуюся массу, иногда закоптѣлую и черную отъ дыма и угля, особенно когда поѣздъ мчитъ васъ по гигантскому фабрично-заводскому району мимо Эссена, Барменъ-Эльберфельда и т., гдѣ на протяженіи сотни километровъ тянется словно одна сплошная фабрика. Въ вагонахъ люди постоянно мѣняются, но «мужика» нѣтъ,—есть человѣкъ, иногда грубо одѣтый, но ничѣмъ не отличающійся отъ всѣхъ. Онъ ведетъ себя также сдержанно-свободно, простъ и вѣжливъ въ обращеніи, ни мало не запуганъ, не забитъ, не безсмысленъ. И только когда возвращаешься обратно, первая фигура, приковывающая ваше вниманіе на нашей границѣ, это—босой крестьянинъ, въ посконныхъ штанахъ, грубой и грязной рубахѣ на выпускъ, подпоясанный чѣмъ-то вродѣ лыка, безъ шапки, съ войлокомъ вмѣсто волосъ. Онъ стоитъ, привалившись къ забору, или валяется на землѣ, съ безсмысленнымъ выраженіемъ безцвѣтныхъ глазъ:—мы на родинѣ, царство «мужика» начинается...

А затѣмъ... нѣтъ начальства. Правда, въ Берлинѣ и большихъ центрахъ, вродѣ Кельна, Мюнхена и т. п., вы видите изрѣдка «шуцмана» — городового на самыхъ бойкихъ мѣстахъ, гдѣ сталкивается въ круговоротѣ нѣсколько потоковъ людей, лошадей, трамваевъ, и «шуцманъ», неподвижно стоящій въ

центрѣ или на углу, своимъ олимпійскимъ величіемъ только напоминаетъ о необходимости порядка и вниманія въ такомъ бойкомъ мѣстѣ. Но начальства нѣтъ тебѣ нигдѣ! Даже какъ-то жутко и неуютно становится первое время, когда со станціи Вержболово перейдешь на «бангофъ Эйдкуненъ». Проживъ около мѣсяца въ одномъ глухомъ городкѣ, гдѣ уютно укрылась одна изъ тѣхъ санаторій, которыми богата Германія, пишущій эти строки шутя спросилъ своего доктора, да есть ли у нихъ здѣсь, вообще, «шуцманы». Оказалось, что есть, но они, по словамъ доктора, предпочитаютъ сидѣть у себя дома или пить пиво въ ресторанахъ, чѣмъ мозолить глаза обывателю вѣчнымъ напоминаніемъ о тщетѣ всего земного. И за все время мнѣ не довелось видѣть никакого безпорядка, хотя какъ разъ случились два большихъ праздника, когда каждый добрый нѣмецъ предпочитаетъ быть гдѣ угодно, только не дома. Первый праздникъ былъ Троица, когда тысячи народа изъ большихъ городовъ наводняютъ такіе тихіе, уютные уголки, какъ тотъ, гдѣ пріютилась наша санаторія: это нѣмецъ устремляется «ins Grüne», на лоно природы, въ поля, въ «кургартены», на высоты, чтобы отдохнуть отъ городского шума, тѣсноты и духоты большихъ центровъ. И нѣмцы въ эти два дня праздника въ буквальномъ смыслѣ слова затопили своей толпой лоно природы, наполнивъ тихій «кургартенъ» и всю окружность тысячными толпами. Но мѣстный «шуцманъ» остался вѣренъ себѣ, ни разу не появившись въ толпѣ «для безпорядку», равнодушно предоставивъ обывателю «обойтись собственными средствами». И обыватель тянулъ пиво въ устрашающемъ для посторонняго наблюдателя количествѣ, пѣлъ пѣсни, танцовалъ и проявлялъ въ разныхъ видахъ свою нѣсколько неуклюжую веселость, нисколько не удрученный такимъ отсутствіемъ опеки. Правда, не было ни одного пьянаго, хотя масса состояла преимущественно изъ рабочаго люда такихъ окрестныхъ фабричныхъ центровъ, какъ Барменъ-Эльберфельдъ, Эссенъ, Дюссельдорфъ и т. п.

То же самое было и во время другого праздника—«Тѣла Христова», праздника католическаго. Населеніе городка было наполовину католическимъ, наполовину протестантскимъ. И несмотря на это, по улицамъ тянулись огромныя процессіи дѣтей, женщинъ, мужчинъ, патеровъ и монаховъ, но... безъ всякой опеки какого бы то ни было начальства. Тысячныя толпы шли, распѣвая гимны, останавливались въ особо устроенныхъ мѣстахъ, гдѣ монахи произносили проповѣди подъ открытымъ небомъ,—и никто не вмѣшивался, не устраивалъ для нихъ прохода среди многочисленныхъ протестантскихъ зрителей. А казалось бы, тутъ именно и должна быть забота для начальства, въ виду двухъ враждующихъ (и очень сильно) религій. Но два или три шуцмана съ ихъ главою—бургомистромъ здраво разсудили, что въ случаѣ порядка они не нужны, а въ случаѣ безпорядка—они безсильны и даже вредны, какъ всякая власть, вмѣшивающаяся безъ достаточнаго авторитета, чтобы помѣшать проявленію насилія.

И только одинъ разъ я видѣлъ нѣмецкое начальство, и было это именно въ такомъ случаѣ, когда начальство это вполнѣ подвердило справедливость опереточной характеристики всякаго начальства, которое, какъ извѣстно, всегда

приходитъ слишкомъ поздно. На одномъ изъ самыхъ бойкихъ мѣстъ Берлина, Александровской площади, трое подвыпившихъ «геноссеновъ» подрались и разбили въ кровь голову одному. Дѣло было сдѣлано такъ чисто и быстро, что зрители не успѣли оглянуться, какъ одинъ изъ бойцовъ уже валялся на мостовой съ проломленной головой, а виновныхъ и слѣдъ простылъ. Тогда только, въ виду моментально собравшейся толпы, прибѣжали двое запыхавшихся городовыхъ, которые безъ толку совались изъ стороны въ стороны, убѣждая толпу разойтись—словомъ, совершенно какъ у насъ, и сердце мое преисполнилось патріотической гордости...

Сначала васъ удивляетъ и смущаетъ, что вездѣ и всюду вы предоставлены самому себѣ, никто о васъ не заботится, никто за вами не смотритъ. Потомъ вы привыкаете и тогда только замѣчаете, что кто-то заранѣе о васъ подумалъ, кто-то за васъ уже сдѣлалъ рядъ необходимыхъ шаговъ, кто-то устроилъ вамъ мѣсто, дорогу и т. п.,—и вы чувствуете себя отлично. Вращаясь въ этой густой толпѣ самаго разношерстнаго состава по положенію, профессіямъ, характеру, въ вагонѣ, трамваѣ, общественномъ собраніи или частномъ домѣ, гдѣ собралось большое общество, вы постепенно начинаете понимать, кто этотъ таинственный «кто-то», который все такъ хорошо приспособилъ на общую потребу. И предъ вами вырисовывается собирательная «личность», не мужикъ, рабочій, интеллигентъ или чиновникъ, а *человѣкъ*, до мозга костей проникнутый сознаніемъ своихъ неотъемлемыхъ правъ, человѣческихъ и гражданскихъ, которыя онъ начинаетъ понимаетъ и любитъ еще въ школѣ и затѣмъ всю жизнь отстаиваетъ и защищаетъ ихъ, видя въ этомъ свой первый и главный долгъ. Вся окружающая жизнь постоянно поддерживаетъ въ немъ это сознаніе себя, какъ личности прежде всего и на каждомъ шагу. Отсюда эта дисциплинированность въ толпѣ и въ одиночку, любезность, добродушіе и готовность къ помощи и содѣйствію, совершенно устраняющія необходимость начальства.

Въ особенности наглядно это для новичка во время выборовъ. Въ этотъ день въ нашемъ мѣстечкѣ у двухъ «локалей», гдѣ были устроены выборныя урны и засѣдали власти, съ утра толпились выборные агитаторы разныхъ партій, которыхъ въ нашемъ глухомъ углу оказалось четыре: національ-либералы, центръ, соціалъ-демократы и свободомыслящіе. Агитаторы, съ кучей прокламацій въ рукахъ, сновали во всѣ стороны, раздавая проходящимъ воззванія своихъ партій и «цетели» съ именами кандидатовъ. Энергичнѣе и бойчѣе и здѣсь были соціалъ-демократы, которые даже нашему доктору, завѣдомому національ-либералу, наклеили на дверную дощечку свое воззваніе: «выбирайте Генриха Бекера» (кандидатъ ихъ партіи отъ округа Гаммъ). Каждому, входящему въ «избирательный» залъ, сразу молча протягивались четыре руки съ четырьмя кандидатами. Только соціалъ-демократическій раздаватель «цетелей» считалъ долгомъ поощрить избирателя, восхваляя своего кандидата и поясняя его программу: «нашъ противъ хлѣбныхъ пошлинъ». Избиратель бралъ тотъ или иной цетель или же, хлопая себя по боковому карману («мой кандидатъ у меня въ карманѣ», что очень веселило непритя-

зательную публику), проходилъ въ помѣщеніе, а ярые борцы за успѣхъ разныхъ партій вступали въ мирную бесѣду или заигрывали съ толпой, окружающей «локаль». А вечеромъ на площади у редакціи мѣстнаго листка («Local - anzeiger») собралась тысячная толпа, въ глубокомъ молчаніи устремившая взоры на окно, гдѣ были выставлены имена кандидатовъ и выставлялись числа поданныхъ за нихъ голосовъ по мѣрѣ полученія свѣдѣній изъ разныхъ мѣстъ округа. Толпа состояла почти исключительно изъ рабочихъ, и когда телеграфъ приносилъ лишнюю сотню голосовъ кандидату соціалъ-демократовъ, раздавалось громовое: «Hoch Heinrich Becker!» И такъ продолжалось до полуночи. На другой день оказалось, что соціалъ-демократы провалились на выборахъ въ деревенскихъ мѣстахъ округа, и предстояла перебаллотировка между центромъ и либералами. Рабочіе, видимо, пріуныли, но никакихъ проявленій недовольства не обнаруживали, а только къ вечеру было довольно много подвыпившихъ «геноссеновъ», которые кучками живо обсуждали на улицахъ свое пораженіе и довольно безцеремонно трактовали «черныхъ» (народное названіе центра). И такъ по всей почти Германіи, за нѣсколькими исключеніями, гдѣ безтактность мѣстныхъ властей вызвала столкновенія между соціалъ-демократами и центромъ.

А между тѣмъ на этихъ выборахъ рѣшались чрезвычайной важности насущные вопросы, въ родѣ хлѣбныхъ пошлинъ, въ которыхъ каждый чувствовалъ себя кровно затронутымъ. Но тутъ-то и сказалась сила сознательной личности, понимающей свои права и привыкшей уважать чужія. Конечно, люди вездѣ люди, о чемъ свидѣтельствуютъ и тѣ столкновенія страстей, о которыхъ мы только что упомянули, хотя къ чести народной толпы надо признать, что въ большинствѣ случаевъ зачинщиками оказывались патеры и ихъ агитаторы. Святые отцы и въ Германіи XX-го вѣка не могутъ отстать отъ усвоенныхъ ими вѣковыхъ привычекъ къ насилію.

Таковъ-то теперь «мальчикъ въ штанахъ», превратившійся въ развитую сознательную личность, высококультурную, съ огромной работоспособностью, смѣлую и гордую. Видя его въ обыденной трудовой жизни и въ дни отдыха, за газетой въ вечерній часъ и въ его политической борьбѣ, за ученіемъ въ школѣ и университетахъ, вы начинаете понимать чувство національной гордости.

А когда въ поѣздѣ, увозившемъ насъ изъ Гейдельберга, какая-то школа дѣвушекъ запѣла хоромъ «Deutschland, Deutschland über Alles, über Alles in der Welt», я глубже, чѣмъ когда-либо въ другомъ мѣстѣ, почувствовалъ, что нѣмцы въ правѣ и могутъ пѣть эту пѣсню. Здѣсь — одинъ изъ старѣйшихъ университетовъ Германіи, праздновавшій не такъ давно свой пятисотлѣтній юбилей, центръ чистѣйшей науки и свободы мысли, куда сотни русскихъ, не нашедшихъ себѣ мѣста въ родныхъ университетахъ, собираются со всѣхъ концовъ Россіи. И то, что они принесутъ отсюда съ собой на родину, право, не окупится тѣми милліонами, которые пресловутый «иностранный капиталъ» яко-бы выбираетъ изъ Россіи...

Но «мальчикъ въ штанахъ», повидимому, не такъ доволенъ собой, какъ

кажется съ перваго взгляда. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по одной оригинальной книгѣ—«Der Deutsche und sein Vaterland» нѣкоего д-ра Ludwig'a Gurlitt, учителя, много лѣтъ занимавшагося въ среднеучебныхъ заведеніяхъ въ качествѣ педагога. Онъ жалуется на духъ милитаризма и бюрократизма въ правящихъ сферахъ, скорбитъ объ излишней регламентаціи жизни и боится, что опека вытравляетъ нѣмецкую иниціативу. Прочитавъ его книгу, можно подумать, что написалъ ее... младо-турокъ, жалующійся на свои порядки... Всюду, говоритъ почтенный педагогъ, царитъ бюрократизмъ, стѣсняющій каждый шагъ нѣмца, мѣшающій ему проявлять свою личность, ставящій преграды на дорогахъ, не признающій за нимъ правъ взрослой и самостоятельной личности. «Право, — восклицаетъ огорченный авторъ, — ученикъ англійской школы болѣе свободенъ, чѣмъ нѣмецкій отецъ семейства!» Въ чемъ же это сказывается?—невольно спрашиваешь себя съ изумленіемъ, когда испробуешь нѣмецкіе порядки. Дѣйствительно, намъ, русскимъ, трудно понять эти жалобы, но сами нѣмцы признаютъ мнѣніе д-ра Гурлитта правильнымъ и ссылаются на Англію, которая не только Гурлитту представляется въ идеальномъ освѣщеніи.

И завистники, пожалуй, правы. Таково, по крайней мѣрѣ заключеніе, къ которому приводитъ интересная, не безъ таланта написанная книга г. Діонео «Очерки современной Англіи». Страна «свободныхъ бритовъ» всегда служила для континента Европы школой, гдѣ лучшіе люди разныхъ странъ искали поученій и утѣшенія въ особо тяжелыя времена, какія приходилось каждой странѣ переживать въ періодъ усиленнаго роста, уже не укладывавшагося въ прежнія рамки. Такъ было съ Франціей временъ Вольтера, который въ Англіи почерпнулъ матеріалъ для поученія своихъ согражданъ, какъ имъ надо жить и устраиваться. Во второй половинѣ прошлаго вѣка большимъ успѣхомъ и у насъ пользовалась книга Луи Блана объ англійской жизни, не говоря о массѣ отдѣльныхъ брошюръ, книгъ, спеціальныхъ и популярныхъ, рисующихъ общественный, экономическій и интеллектуальный бытъ Англіи. Книга Луи Блана сильно теперь устарѣла (какъ и Тэна), а интересъ къ Англіи нисколько не ослабѣлъ, а скорѣе увеличился, благодаря эволюціи, какую переживаютъ теперь главныя партіи въ Англіи, и нарожденію имперіализма. Книга г. Діонео, поэтому, очень кстати.

Составилась она изъ ряда очерковъ, помѣщавшихся авторомъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ на страницахъ «Русскаго Богатства». Все болѣе или менѣе случайное, что бываетъ необходимо въ текущей журнальной работѣ, устранено авторомъ, и многое изъ печатавшагося въ журналѣ не вошло, чтобы не нарушать цѣльности и стройности изложенія, отъ чего книга значительно выиграла. Несмотря на свой размѣръ — около 40 печатныхъ листовъ—она читается съ неослабѣвающимъ интересомъ и заслуживаетъ глубокаго вниманія.

Нужно отдать справедливость автору за его безпристрастное отношеніе, которое онъ старается выдержать на протяженіи всей книги, и если подчасъ онъ увлекается и самъ тѣмъ, что ему приходится описывать, то вина не его: таково свойство той жизни, которая постепенно развертывается передъ глазами

наблюдателя и исторгаетъ у него невольный крикъ восхищенія. Эту участь раздѣляютъ и другіе авторы, писавшіе до него и пишущіе теперь объ Англіи какъ упомянутый нами Гурлиттъ. При всей мрачности нѣкоторыхъ картинъ современной Англіи, въ видѣ, напр., недавняго дикаго увлеченія войной противъ буровъ, въ общемъ получается такая грандіозная картина мощной, бьющей черезъ край жизни, что самая мрачность отдѣльныхъ сторонъ ея лишь усиливаетъ общій эффектъ великаго общественнаго организма, живущаго всѣми силами, всѣми фибрами, и дающаго возможность каждому проявлять во всей полнотѣ все, что въ немъ есть и хорошого, и дурного.

«Англійскій школьникъ пользуется большей самостоятельностью, чѣмъ отецъ семейства въ Германіи», говоритъ д-ръ Гурлиттъ, самъ педагогъ и директоръ гимназіи. Авторъ «Очерковъ Англіи» въ легкомъ и изящномъ очеркѣ «Фрэнки» рисуетъ намъ, какъ обучается и живетъ въ школѣ будущій гражданинъ, которому съ первыхъ шаговъ его жизни все окружающее внушаетъ, что онъ долженъ быть прежде всего самостоятеленъ, смѣлъ и твердъ въ выполненіи своихъ плановъ. Въ школѣ эти уроки получаютъ рядъ наглядныхъ доказательствъ въ отношеніяхъ къ товарищамъ, въ спортивныхъ играхъ, цѣль которыхъ развить въ немъ смѣлость и духъ предпріимчивости, и въ чтеніи особой школьной литературы, поучающей его будущимъ правамъ и обязанностямъ.

«— Что вы читаете, Фрэнки?—спросилъ я недавно. Мальчикъ подалъ мнѣ небольшую «Книжку Гражданина» Арнольда Форстера, входящую въ составъ «современныхъ школьныхъ учебниковъ», изданныхъ фирмой «Коссечъ и К°». «Книжка Гражданина» предназначена для англійскихъ начальныхъ школъ и, повидимому, сильно распространена. У меня было 335-ое изданіе 1900 г. Вступленіе написано Форстеромъ, членомъ парламента, консерваторомъ. Авторъ Арнольдъ Форстеръ, тоже членъ парламента и тоже сторонникъ министерской партіи. Такимъ образомъ въ «Книжкѣ Гражданина», съ англійской точки зрѣнія, нѣтъ ничего радикальнаго. Поэтому мнѣ особенно любопытно было узнать, какую азбуку гражданственности втолковываютъ маленькимъ англичанамъ. «Въ этой книгѣ,—начинаетъ авторъ,—я хочу объяснить вамъ, какъ управляется наша страна, какъ вырабатываются законы и почему мы должны повиноваться имъ». Прежде всего маленькимъ школьникамъ объясняютъ, что такое патріотизмъ, и сейчасъ же авторъ спѣшитъ прибавить, что есть еще ложный и дурной патріотизмъ. «Иногда вы услышите, что слѣдуетъ всегда поддерживать все то, что дѣлаютъ англичане въ чужихъ странахъ. Намъ говорятъ, «хорошо ли, дурно ли поступаютъ англичане, но изъ патріотизма слѣдуетъ ихъ поддерживать». Это, во-первыхъ, совершенно несправедливо и, во-вторыхъ, можетъ причинить нашей родинѣ немалыя затрудненія. Потому, если допустить, что англичанинъ долженъ поддерживать даже преступленія своего правительства, то, оставаясь послѣдовательнымъ, слѣдуетъ полагать, что тоже должны дѣлать французы, германцы, и т. д. И мы тогда увидимъ, что великія націи, изъ чувствъ ложнаго патріотизма, поддерживаютъ то, что сами считаютъ несправедливымъ. Истинные патріоты не тѣ, которые во всякое время готовы идти на

войну. Напротивъ, иногда, когда всѣ кругомъ за войну, — требуется гораздо больше мужества и истиннаго патріотизма, чтобы стоять за миръ, чѣмъ для того, чтобы рваться на бой». И дальше слѣдуетъ примѣръ—несправедливая война противъ сѣверо-американскихъ колоній, поведшая къ ихъ отложенію, и какъ примѣръ истиннаго патріотизма выставляется Эдмондъ Беркъ, мужественно выступившій противъ всѣхъ. Въ слѣдующей главѣ дѣтямъ объясняется англійскій государственный механизмъ. «Если вы зададите вопросъ, кто управляетъ нами? Вамъ отвѣтятъ: правительство. Кто же управляетъ правительствомъ?—Парламентъ. А кѣмъ же, наконецъ, управляется парламентъ? — спросите вы. Народомъ. Такимъ образомъ вы видите что на вопросъ, кто управляетъ страной, слѣдуетъ отвѣтить: «Страна управляется сама собой!» Дальше слѣдуетъ поясненіе о парламентѣ, о палатѣ общинъ, о выборахъ и, наконецъ, о королевѣ (тогда еще была жива Викторія). «Викторія сидитъ на престолѣ не какъ король Эдуардъ I, который правилъ только потому, что былъ сыномъ Генриха III; не какъ Елизавета, которая правила только потому, что была дочерью Генриха VIII. Викторія стоитъ во главѣ имперіи, потому что она внучка Георга III, который, въ свою очередь, былъ внукомъ Георга I. Послѣдній же *избранъ* королемъ Великобританіи и Ирландіи парламентомъ, т.-е. волей народа. Такимъ образомъ, королева Викторія вступила на престолъ не по прирожденному праву, а *по волѣ народа*. И до тѣхъ поръ, покуда большинство народа желаетъ, чтобы она и ея потомки были на престолѣ, до тѣхъ поръ ихъ слѣдуетъ чтить. Поэтому до тѣхъ поръ, покуда наши короли слѣдуютъ этимъ законамъ, они должны пользоваться нашей любовью и уваженіемъ».

Дальше поясняется весь механизмъ управленія, судопроизводства, мѣстнаго самоуправленія и финансовая система. Въ какой формѣ дѣлаются эти объясненія, мы уже видили, но вотъ еще примѣръ «наглядности» поученія. «Дѣтямъ рекомендуется запомнить слѣдующія шесть «основныхъ правилъ правосудія». «Всѣ люди равны передъ закономъ. Каждый не можетъ быть арестованъ, покуда общество черезъ посредство своихъ представителей, т.-е присяжныхъ, не обвинитъ его въ преступленіи. Никто не можетъ быть судимъ дважды за одно и то же преступленіе. Все слѣдственное производство и весь судъ—публичны. Никто не можетъ быть судьею въ собственномъ дѣлѣ, и никто не можетъ взять законъ въ собственныя руки».

Вездѣ указывается въ книгѣ, что всѣ права англичанина достались ему не даромъ, а взяты путемъ борьбы, приводятся имена мужественныхъ борцовъ за право и свободу и рекомендуется, въ случаѣ покушенія на эти права, подражать этимъ героямъ, отстаивая свое право до послѣдней капли крови.

И Фрэнки не только внимательно прочиталъ книжку,—съ ранняго дѣтства онъ учится примѣнять ея правила на дѣлѣ. Онъ вычиталъ, что организаціи неотъемлемое право свободорожденнаго англичанина,—и вотъ въ школѣ возникаетъ рядъ клубовъ и обществъ. Прежде всего кружки и клубы спорта, рядомъ «общество для дебатовъ», нѣчто въ родѣ школьнаго парламента, гдѣ свободно обсуждаются всякіе вопросы—литературные, политическіе, философскіе, вносятся и обсуждаются билли, произносятся рѣчи. Секретарь ведетъ

протоколъ, который и прочитывается въ слѣдующемъ засѣданіи. Въ старшихъ классахъ Фрэнки издаетъ журналъ «Аргусъ», печатающійся въ трехстахъ экземплярахъ. И ни учителя, ни директоръ не имѣютъ права вмѣшиваться ни въ дебаты, ни въ журналъ: это нарушило бы привилегію свободнаго англичанина. Если Фрэнки очень любитъ своего директора, онъ выбираетъ его почетнымъ предсѣдателемъ на своихъ собраніяхъ—и только.

Немудрено, если д-ръ Гурлиттъ, сравнивая эту свободу воспитанія и школьной жизни, съ горечью начинаетъ перечислять всякія формальности, которыми обставлена жизнь взрослыхъ людей въ Германіи. Еще болѣе, конечно, онъ скорбитъ, когда рѣчь заходитъ о результатахъ такого воспитанія. Вотъ Фрэнки уже внѣ школы—все предъ нимъ открыто и всѣ учрежденія соперничаютъ въ томъ, чтобы ему помочь. Начиная съ пресловутаго полисмэна, «Боби», и до всесильной печати, вся жизнь англичанина ограждена правами и привилегіями, дѣлающими его дѣйствительно своего рода «царемъ созданія», который не ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ, разъ они не клонятся къ нарушенію закона.

Его совѣсть свободна и никто не можетъ предписать ему, какой вѣры долженъ онъ придерживаться. Это ведетъ къ возникновенію безчисленныхъ сектъ, подчасъ смѣшныхъ и даже съ нашей точки зрѣнія преступныхъ, но зато нѣтъ страны, гдѣ бы религіозное чувство такъ ярко горѣло, какъ въ Англіи. Англичане—люди прежде всего практическіе, и они поняли ту истину, что всякая секта безвредна, если ее оставить въ покоѣ, а преслѣдованіе только плодитъ фанатиковъ и прозелитовъ. Въ то же время дѣло совѣсти—настолько личное, что не поддается никакой регламентировкѣ, какъ показываетъ опытъ континента, гдѣ до сихъ поръ затрачиваются безплодныя усилія на вкорененіе «религіозности» по заранѣе одобренному шаблону, а въ результатѣ получается нѣчто совершенно обратное...

То же практическое правило руководитъ ими и въ дѣлѣ печати, которая нигдѣ въ мірѣ (даже въ Америкѣ) не достигла такого положенія, какъ въ Англіи. Глава о печати въ «Очеркахъ» г. Діонео одна изъ самыхъ поучительныхъ. Онъ очень много посвятилъ вниманія росту уличной, скверной, шовинистской печати, поощряющей всѣ дурныя страсти и сыгравшей немалую роль въ травлѣ буровъ. Но ни у кого, конечно, не подымется голосъ объ обузданіи или какой бы то ни было цензурѣ надъ нею, такъ какъ такое средство въ глазахъ англичанина хуже самого зла. Кромѣ того, англичанинъ усвоилъ себѣ незыблемо одну истину, что печать, хороша она или плоха, только будучи вполнѣ свободной, можетъ служить отраженіемъ общественнаго мнѣнія. А послѣднее для него важнѣе всего, ибо онъ знаетъ, что въ конечномъ счетѣ управляетъ всѣмъ общественное мнѣніе, и чтобы оно управляло хорошо, т.-е. согласно съ потребностями народа и времени, оно должно выражаться свободно. И его нисколько не смущаютъ продажныя газеты, отравляющія своихъ читателей: это зло временное, пока эти читатели не дорастутъ до истиннаго пониманія правды и истинныхъ своихъ интересовъ. А это необходимо будетъ тамъ, гдѣ все стремится содѣйствовать истинѣ, для которой всѣ пути открыты,

хотя бы временно казалось, что «желтая пресса» и Чэмберлены извратили истинный духъ англичанъ. Въ концѣ концовъ—свободный народъ, какъ коллективная личность, не можетъ быть обманутъ, и когда глаза его раскроются, вся эта мелочь летитъ, какъ шелуха отъ дуновенія вѣтра. Въ Англіи это не опасно, и авторъ правъ, говоря: «Пусть то или другое министерство совершаетъ рядъ крупныхъ ошибокъ или даже преступленій противъ основныхъ человѣческихъ правъ. Пусть «Джо» (Чэмберленъ) устраиваетъ разгромъ республики; но и министерство коллективно, и «Джо» въ отдѣльности сознаютъ, что есть *Нѣкто*, могучій, всесильный, хотя, къ несчастью, покуда въ достаточной степени невѣжественный, согласіе котораго нужно предварительно испросить, которому нужно дать отчетъ во всемъ. Этотъ «Нѣкто» можетъ быть обманутъ, его согласіе можно тогда испросить на злое дѣло невѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительности и мнимыми доводами, ибо «Нѣкто» еще недавно проснулся. Его критическое самосознаніе не успѣло еще выработаться вполнѣ. Но «Нѣкто» великодушенъ по натурѣ своей и научился уже цѣнить независимость. Великана обманули въ этой войнѣ, увѣрили, что борьба имѣетъ цѣлью освобожденіе отъ ига деспотизма. Посмотрите, какъ настойчиво повторяютъ въ избирательныхъ рѣчахъ своихъ, и Бальфуръ, и «Джо», что вновь присоединеннымъ колоніямъ будетъ дана самая широкая автономія. И по примѣру Канады и Австраліи мы знаемъ, что такое автономная англійская колонія. Этотъ «Нѣкто» сознательно не допуститъ угнетенія свободы, чужого обычая, вѣры, закона, языка или гоненія на мысль и слово. Посмотрите, какъ во время войны въ самой Англіи, несмотря на буйные протесты «кэдовъ», забили въ набатъ по поводу деспотизма англійскихъ генераловъ въ Южной Африкѣ! Всѣ стрѣлы, которыя континентальные обличители пускали въ «деспота Джона Буля (увы! какъ часто стрѣльцы могли бы выбрать мишень и ближе!), взяты изъ его же собственнаго колчана. Фактъ вскрытія военными властями письма коммонера Эллиса и присвоеніе содержанія (что на континентѣ и въ мирное время составляетъ обычное явленіе) вызвалъ черную грозовую тучу. Обратите вниманіе на эти факты и вы согласитесь, что могущественный, настойчивый, свободолюбивый «Нѣкто» никогда сознательно не будетъ деспотомъ, гнетущимъ мысль и чужой обычай изъ одной лишь ненависти или изъ озорства.

«Кто же этотъ «Нѣкто»?—Демосъ, могучая англійская демократія, полное проявленіе богатыхъ силъ которой мы видимъ въ молодыхъ колоніяхъ»,—Австраліи, Новой Зеландіи, Канадѣ.

Что значатъ для этого «демоса» жалкіе уличные листки, высмѣивающіе честь, истину, свободу,—это просто случайный налетъ, проявленіе дурной минуты, въ худшемъ случаѣ отраженіе интересовъ нѣкоторой части населенія, той части, что всюду не прочь половить рыбку въ мутной водѣ. И не имъ, конечно, извратить основы духа англійскаго народа, основы, къ которымъ съ такой завистью и вниманіемъ присматриваются и поучаются культурнѣйшіе народы континента. Существованіе подлой печати, позорящей свободную и честную англійскую прессу, которая и до сихъ поръ стоитъ, въ общемъ, далеко

выше континентальной по серьезности мысли, по глубинѣ, порядочности и чистотѣ нравовъ,—объясняется отчасти тѣмъ же духомъ, *терпимостью* англичанъ ко всякому мнѣнію. Терпимость—это азбука англійской жизни, и этотъ принципъ такъ вкоренился, что его нельзя здѣсь затронуть, не пошатнувъ всего общественнаго организма. По этому вопросу въ Англіи нѣтъ двухъ мнѣній, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ статья Лесли Стефена въ «Британской энциклопедіи», изъ которой авторъ приводитъ слѣдующую великолѣпную цитату, горячо рекомендуемую нами всѣмъ нашимъ проповѣдникамъ обузданія всѣхъ несогласно мыслящихъ:

«Широкая терпимость къ чужому мнѣнію сдѣлалась *жизненнымъ* фактомъ, а не только отвлеченнымъ принципомъ. Ее признали, наконецъ, тѣ, которые много вѣковъ были противъ толерантности, вначалѣ прямо, потомъ косвенно. Каждый ученый признаетъ, по крайней мѣрѣ въ теоріи, что онъ долженъ доказать свои положенія, а потому онъ стоитъ за изслѣдованія всякаго рода. Онъ желаетъ, чтобы даже дураку позволено было разсуждать. Ученый хочетъ только напомнить дураку, что онъ дуракъ. Время отъ времени является невѣжда, пытающійся оспаривать завоеванія разума. Онъ находитъ вѣчное движеніе, квадратуру круга, и т. п. Никто теперь не утверждаетъ, что невѣжду слѣдуетъ наказывать. Надлежитъ только доказать ему его заблужденія. Послѣднее, можетъ быть, даже полезно, такъ какъ свидѣтельствуетъ о соотвѣтственномъ развитіи знанія... Шарлатанское патентованное средство въ медицинѣ можетъ причинить порой такой же вредъ, какъ и теологическая ересь; но запрещеніе всего того, что не одобрено медицинскимъ департаментомъ, породило бы нежелательную вѣру въ непогрѣшимость этого почтеннаго учрежденія. Если мы согласились, какъ въ данномъ примѣрѣ, что невѣжество не является достаточнымъ поводомъ для расширенія полномочія властей,—ученіе о терпимости получитъ крайне широкій смыслъ. Мы тогда признаемъ, какъ незыблемую истину, что вредно подавлять свободу обсужденія и критики. Совершенно нѣтъ надобности принимать мѣры къ тому, чтобы народъ не думалъ. И безъ всякаго побужденія массы въ достаточной степени косны. Свобода мысли не только право, но обязанность. Главная обязанность прогрессивнаго общества—всячески будить пытливую мысль, а не усыплять ее. Критическая мысль не разрушаетъ, а созидаетъ раціональную власть. Выставляя аргументъ, что свобода мысли ведетъ къ скептицизму, защитники извѣстной общественной формы сами наносятъ ей смертельный ударъ, ибо доктрина, которую можно разрушить критикой, не имѣетъ за собой раціональныхъ основаній къ существованію. Умъ великаго мыслителя полонъ гипотезъ. Онъ постепенно выпутывается изъ лабиринта, пробуетъ каждый выходъ и оставляетъ его, когда послѣдній приводитъ къ тупику. Въ обществѣ, активная дѣятельность котораго велика, должно быть много заблуждающихся сектъ и фракцій; но теорія естественнаго подбора примѣнима и въ мірѣ идей. Выживетъ наиболѣе приспособленная идея, и чѣмъ сильнѣе будетъ свободное соперничество, т.-е. чѣмъ свободнѣе критика, тѣмъ скорѣе совершится эта побѣда». Умственный горизонтъ теперь такъ расширился,—продолжаетъ Лесли Стефенъ,—что

теперь болѣе невозможно «свалить въ одну кучу иностранцевъ, еретиковъ и иновѣрцевъ, объявить ихъ порочными и тѣмъ мотивировать преслѣдованіе ихъ». Тѣ же самыя доктрины примѣнимы и въ области политики. «Теперь надлежитъ понять противника вмѣсто того, чтобы преслѣдовать его».

Таковы великіе принципы, легшіе въ основу жизни англійскаго народа. Свобода мысли и слова, свобода совѣсти, терпимость, свобода организацій и личной иниціативы, что могутъ выставить противъ нихъ наши доморощенные критики западной культуры, гг. Сигмы, Меньшиковы и Демчинскіе, провозглашающіе нашу «самобытность», какъ основу истинной гуманности? Съ непонятной для насъ радостью эти нововременскіе проповѣдники выкапываютъ всякій фактъ, свидѣтельствующій, что и на западѣ, въ Германіи, въ Англіи или Америкѣ, далеко не все благополучно, въ простотѣ душевной не замѣчая противорѣчія, въ которое они при этомъ впадаютъ, ибо тѣмъ самымъ они отдаютъ дань уваженія этимъ принципамъ, какъ бы сознаваясь, что при ихъ полномъ проведеніи въ жизнь исчезли бы мрачныя стороны послѣдней. Темныя явленія западной жизни, въ родѣ несправедливой войны противъ буровъ или гоненія противъ негровъ въ Америкѣ, свидѣтельствуютъ только, что великимъ принципамъ человѣчности есть еще много надъ чѣмъ потрудиться, пока несправедливость и ненависть не будутъ укрощены и побѣждены окончательно. Но только окунувшись въ западноевропейскую жизнь, начинаешь не только понимать, но чувствовать всѣмъ существомъ своимъ, что нѣтъ иного пути къ свѣту и правдѣ, какъ тотъ, который выработала западная культура и которымъ западъ идетъ гигантскими шагами.

Много еще и тамъ неправды, всяческаго зла и насилія, о чемъ повѣствуетъ г. Діонео въ своей богатой содержаніемъ книгѣ и на что справедливо жалуется неоднократно упоминавшійся нами д-ръ Гурлиттъ. Достаточно указать на биржу и милитаризмъ, истощающіе народы, чтобы видѣть, сколько еще предстоитъ работы великому «Нѣкто», такъ еще недавно проснувшемуся отъ многовѣкового сна. Но день тамъ уже наступилъ, день труда и тяжелой неустанной работы, отъ которой гнутся даже могучія плечи мощнаго «Нѣкто», и праздничный отдыхъ еще далеко впереди. Тѣмъ не менѣе, это все же день, и свѣтитъ тамъ яркое солнце...

Солнце, а не слабый огонекъ, что маячитъ вдали, указывая дорогу усталому путнику среди безконечной, темной ночи, когда кажется, что не будь этого привѣтливаго огонька, жизнь замерла бы и остановилась. И нужно много вѣры и мужества, чтобы не сбиться съ дороги и не завязнуть въ болотѣ. Въ это-то время безконечно дороги люди, которые не только сами мужественно идутъ впередъ, но и другихъ увлекаютъ за собой, будятъ въ нихъ вѣру и бодрость. Они являются сами тѣми огоньками, что направляютъ нашъ путь и поддерживаютъ надежду въ усталыхъ сердцахъ.

Такой огонекъ загорѣлся внезапно въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ въ нашей литературѣ, съ тѣхъ поръ разгораясь все время въ яркое пламя, ко- свѣтомъ. Эт въ 1885 г., когда въ

одной изъ первыхъ книгъ «Русской Мысли» появился разсказъ Владиміра Короленко «Сонъ Макара», сразу привлекшій вниманіе читателей своимъ оригинальнымъ сѣвернымъ колоритомъ и высокимъ человѣчнымъ содержаніемъ. Время тогда было ужасно мрачное, какая-то безотрадная тоска давила всѣхъ. Истинно, это была ночь безъ просвѣта и надежды. Казалось, всѣ мы скатились глубоко-глубоко внизъ, на самое дно какого-то угрюмаго оврага, откуда немыслимо выбраться на настоящую дорогу по отвѣснымъ, поросшимъ бурьяномъ и всякой нечистью бокамъ. И вотъ на вершинѣ показался свѣтъ, и освѣтилъ едва замѣтныя тропки, извивавшіяся по стѣнамъ оврага, и вдохнулъ всѣмъ новую жажду бороться, работать и выбиваться къ свѣту изъ случайной ямы. Такимъ именно свѣтлымъ, бодрымъ и жизнерадостнымъ настроеніемъ повѣяло на всѣхъ отъ новаго произведенія незнакомаго автора, и это впечатлѣніе оставалось неизмѣннымъ съ тѣхъ поръ, усиливаясь съ каждымъ новымъ произведеніемъ того же автора, которыя стали появляться одно за другимъ непрерывной цѣпью. «Въ дурномъ обществѣ», «Изъ записокъ сибирскаго туриста», «Соколинецъ», «Слѣпой музыкантъ», «Лѣсъ шумитъ», «Въ пути», «Сказаніе о Флорѣ Римлянинѣ и о царѣ Агриппѣ» и др. упрочили симпатіи читателей, сразу завоеванные Владиміромъ Короленко, который съумѣлъ только истиннымъ художникамъ доступнымъ способомъ вызвать и поднять на поверхность скрытыя въ душѣ читателей лучшія человѣческія стороны. Мы всѣ тогда безъ колебанія отдались чарующему обаянію тепла и свѣта, вѣявшимъ отъ произведеній молодого художника, и нельзя сказать, что привлекало больше, красота его образовъ или его мысли, то, что принято характеризовать неопредѣленнымъ словомъ «направленіе». Скорѣе все вмѣстѣ очаровывало и привлекало гармоніей и полнотой образовъ и настроенія, властно подчинявшихъ своею искренностью и правдивостью. И даже реакціонная критика, въ то время особенно ожесточенная, какъ-то сконфуженно примолкла, а вскорѣ и преклонилась предъ чистотой и человѣчностью новаго художника. Мы же почувствовали въ немъ не только выдающагося художника, но и общественнаго борца, сильнаго свѣтлой правдой, которую онъ отстаивалъ и въ художественныхъ произведеніяхъ, и въ публицистикѣ, и въ общественной своей дѣятельности. Такимъ онъ выступилъ очень скоро въ своихъ обличеніяхъ воротилъ мѣстнаго (нижегородскаго дворянскаго) банка, вызвавъ правительственную ревизію и тѣмъ охранивъ отъ разоренія тысячи семействъ. Такимъ онъ явился и въ мрачный голодный годъ, который затѣмъ увѣковѣчилъ въ литературѣ своими замѣчательными очерками «Въ голодный годъ». Такимъ же былъ онъ, отстаивая несчастныхъ вотяковъ въ знаменитомъ мултанскомъ дѣлѣ. Въ мѣстной жизни, въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ онъ провелъ больше десяти лѣтъ послѣ возвращенія изъ восточной Сибири, онъ сталъ центромъ, откуда исходилъ свѣтъ на всю окружающую среду, и вліяніе этого свѣта чувствуется еще и теперь...

Въ русской жизни Вл. Короленко представляетъ исключительное явленіе именно цѣльностью, рѣдкимъ сліяніемъ въ одномъ лицѣ выдающагося художника, замѣчательнаго публициста и виднаго общественнаго дѣятеля. Жизнь у насъ такъ сложилась, что каждый живетъ словно въ загородкѣ. Врачъ лечитъ,

купецъ торгуетъ, чиновникъ служитъ, писатель пишетъ, а жизнь, общая всѣмъ, большая, живая жизнь народа и общества, идетъ гдѣ-то въ сторонѣ отъ каждаго, даже какъ будто не задѣвая никого и не трогая. Писатели какъ-то особенно уединены отъ жизни, и среди нихъ не рѣдкость встрѣтить такихъ, которые ни разу не были ни на одномъ земскомъ собраніи, не были въ думѣ, въ судѣ, не говоря уже о дѣятельномъ участіи въ этихъ учрежденіяхъ, которые только наблюдаютъ жизнь, но не творятъ ее, не смѣшиваются съ нею. Отчего это такъ,—сложный и важный вопросъ, и его нельзя разбирать мимоходомъ. Но фактъ безспорный, что Вл. Короленко единственный писатель, принимавшій и принимающій у насъ живѣйшее участіе въ окружающей его жизни. Общественный темпераментъ преобладаетъ въ немъ надъ чисто художественнымъ и составляетъ основу его, какъ человѣка. Онъ—прежде всего общественный боецъ, и художественный талантъ—только его особое, личное орудіе, кладущее особый отпечатокъ на все, что онъ творитъ, углубляющее содержаніе его дѣятельности, дающее ему проникновенную силу видѣть во всемъ и глубже, и шире, и дальше, чѣмъ обычный человѣкъ, дѣйствующій рядомъ съ нимъ. Выступая защитникомъ въ мултанскомъ дѣлѣ, устраивая столовыя и засѣдая въ комитетѣ о голодныхъ, изслѣдуя кишиневскую трагедію или защищая память редактора Сморгунера, павшаго жертвою наглаго бреттера, Вл. Короленко является общественнымъ борцомъ, художникомъ, который вноситъ въ жизнь ту же правду, человѣчность и любовь, которыми проникнуты и его образы. Мало того, какъ художникъ беретъ типичныя черты даннаго явленія, отбрасывая все случайное, такъ и общественный дѣятель въ Короленкѣ, благодаря его художественному чутью, всегда находитъ въ любомъ дѣлѣ то именно, что составляетъ его сущность и придаетъ ему не частный, а общій характеръ, общее значеніе. Вотъ почему всякое житейское дѣло, въ которомъ Короленко принимаетъ участіе, получаетъ огромный общественный интересъ,—и обратно, почему каждый созданный имъ образъ, помимо, такъ сказать, чистой красоты, еще имѣетъ и общественную основу, которая непосредственно затрагиваетъ насъ и волнуетъ, будитъ совѣсть и заставляетъ внимательно всматриваться въ окружающее. Вотъ почему онъ такъ отзывчивъ на каждое общественное явленіе, нарушающее правду: онъ чутокъ, какъ художникъ, а общественный боецъ не даетъ покоя художнику, пока тотъ не возьмется за дѣло и такъ или иначе не сдѣлаетъ его.

Приходилось слышать выраженіе сожалѣнія, что Короленко слишкомъ много занимается публицистикой и отдается разнымъ общественнымъ дѣламъ, что если бы не эта его безпокойная страсть, онъ больше творилъ бы и созданное имъ было бы выше и значительнѣе, такъ сказать прочнѣе, а теперь эта примѣсь публицистики придаетъ его твореніямъ характеръ временности. Со временемъ исчезаютъ и временные налеты, а потому, чѣмъ меньше ихъ, тѣмъ прочнѣе и выше произведеніе. Такое мнѣніе глубоко невѣрно по отношенію къ Короленкѣ. Каждый художникъ, прежде всего, дитя своего времени, и чѣмъ полнѣе онъ его захватитъ и выразитъ, тѣмъ цѣльнѣе и прочнѣе его

произведеніе во времени. А кромѣ того, въ художественномъ произведеніи должна отражаться *вся личность* творца его, со всѣми ей присущими особенностями. Вытравить въ Короленкѣ общественный темпераментъ значило бы лишить его произведенія души. Восхваляющіе его, какъ художника, и порицающіе, какъ общественнаго борца, просто его не понимаютъ. Онъ—не созерцатель жизни, не искатель отвлеченныхъ началъ, не беллетристъ только,—онъ—на рѣдкость цѣльная личность, художникъ и общественный боецъ, живой человѣкъ съ сильнымъ общественнымъ характеромъ, увлекающимъ его въ «самую гущу жизни».

И жизнь это поняла съ первыхъ шаговъ его на литературномъ поприщѣ, поняла и оцѣнила. Возникшая тогда связь живого взаимнаго пониманія только крѣпла со временемъ, и ни малѣйшая тѣнь не замутила той атмосферы любви и уваженія, которымъ окруженъ Короленко въ представленіи его читателей, какъ чистѣйшій образецъ писателя и гражданина. И въ трудныя минуты общественной жизни мы какъ-то невольно оборачиваемся и ищемъ его. И видя его всегда на самомъ трудномъ и опасномъ посту, испытываемъ то же утѣшеніе, что и путникъ мрачной ночью на рѣкѣ, при видѣ маячащаго вдали огонька: «а все же онъ свѣтитъ!»

И теперь, когда литература и общество чествуютъ пятидесятилѣтнюю годовщину его рожденія, мы можемъ пожелать только одного,—чтобы Вл. Г. Короленко свѣтилъ намъ еще долго-долго, ибо больше чѣмъ когда-либо намъ нуженъ этотъ ясный, ровный и теплый свѣтъ, который исходитъ изъ всего, что онъ пишетъ, и изъ всего, что онъ дѣлаетъ.

А. Б.

ОБЪ ОРГАНИЗАЦІИ ЛЕКЦІЙ ВЪ ПРОВИНЦІАЛЬНЫХЪ ГОРОДАХЪ.

Московское лекціонное бюро, которому многіе города почти всей наиболѣе населенной части Россіи обязаны устройствомъ публичныхъ лекцій по различнымъ отраслямъ знанія, существуетъ съ 1896 г. А до этого времени оно носило названіе подкоммиссіи для содѣйствія устройству лекцій въ провинціи; но успѣхъ лекцій П. Н. Милюкова и И. И. Иванова у насъ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ декабрѣ 1895 г., вызвалъ новую организацію при московской коммиссіи домашняго чтенія учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній, именно въ видѣ лекціоннаго бюро. Въ теченіе первыхъ 4-хъ лѣтъ дѣятельности бюро (съ начала 1896 г. до 1-го января 1900 г.) состоялось всего 55 чтеній или двухъ часовыхъ лекцій въ 20 городахъ, причемъ въ Рязани 10, въ Твери 8, въ Смоленскѣ 5. въ Тулѣ 4, въ Нижнемъ-Новгородѣ, Калугѣ, Тамбовѣ, Псковѣ и Ригѣ по 3 въ каждомъ, въ Пензѣ и Саратовѣ по двѣ, а въ Иваново-Вознесенскѣ, Ельцѣ, Орлѣ, Костромѣ, Курскѣ, Воронежѣ, Острогорскѣ, Черниговѣ и Елисаветградѣ по 1 чтенію. Небольшое количество лекцій, состоявшихся въ провинціальныхъ городахъ за первые четыре года лекціоннаго бюро можетъ быть объяснено тѣмъ, что ему на первыхъ же порахъ пришлось очень много поработать какъ при подысканіи необходимаго контингента лекторовъ для провинцій, такъ и при сношеніяхъ съ различными провинціальными организаціями. Въ 1898 г. бюро составило списокъ лекторовъ, выразившихъ согласіе читать лекціи въ провинціи съ указаніемъ выбранныхъ ими темъ, удобнаго для нихъ времени, а также и района, въ которомъ они готовы читать; вмѣстѣ съ тѣмъ оно составило и руководство для провиціальныхъ организацій по устройству чтеній. Какъ списокъ лекторовъ, такъ и руководство по устройству чтеній было разослано 45 организаціямъ, съ которыми бюро имѣло дѣло.

Но не особенно много при участіи лекціоннаго бюро устроено лекцій и въ послѣдніе три года: въ 1900 г.—30, въ 1901 г.—61, а въ 1902 г.—93 двухчасовыя лекціи *), и это относится почти исключительно къ единич-

*) При составленіи этого доклада мы пользовались статьею г. А. Д. „Публичныя чтенія въ провинціи“ и докладомъ предсѣдателя лекціоннаго бюро В. Э. Дена „Провинціальныя лекціи въ Россіи“, напечатаннымъ въ „Русск. Вѣдом.“ за 9-е января 1903 г.

нымъ лекціямъ, тогда какъ систематическіе курсы за послѣднее время состоялись только въ Кіевѣ, Николаевѣ, Твери и Харьковѣ. Такъ ничтожны цифры состоявшихся лекцій и курсовъ на всемъ почти пространствѣ нашего обширнаго отечества! *).

Во Франціи число курсовъ для юношества и взрослыхъ, устроенныхъ общественными школами въ 1894—1895 гг. (цитируемъ по ст. В. Э. Дена), составляло 8.288, а черезъ 2 года это число возросло до 30.368, причемъ въ эту цифру не входятъ 5.000 курсовъ, устроенныхъ различными просвѣтительными обществами. Число же слушателей на этихъ курсахъ въ 1897—1898 гг. составляло 482.907 челов. Германское общество распространенія народнаго образованія, насчитывающее до 160.000 своихъ членовъ, располагаетъ цѣлымъ институтомъ путешествующихъ лекторовъ и ежегодно устраиваетъ по всей странѣ болѣе 10.000 публичныхъ чтеній.

Въ Англіи и Америкѣ иниціативу устройства публичныхъ лекцій въ провинціи давно уже взяли на себя университеты, то же самое и въ Австріи. Въ 1893 году, цитируетъ по В. Гебелю проф. В. Э. Денъ, 53 профессора Вѣнскаго университета подали университетскому Сенату петицію объ открытіи народу доступа къ высшему образованію. Эта петиція была сочувственно принята сенатомъ, учредившимъ особую коммиссію для обсужденія этого вопроса. Коммиссія выработала проектъ устава университетскихъ публичныхъ курсовъ, утвержденный затѣмъ какъ университетскимъ сенатомъ, такъ и министромъ народнаго просвѣщенія. Правительство ассигновало на эти курсы 6.000 рублей и уже въ 1895—1896 гг. состоялось 59 курсовъ, на которыхъ перебывало 6.172 слушателя.

Публичныя чтенія получили также прочное развитіе въ Бельгіи, Даніи, Швеціи, Норвегіи, въ Канадѣ и Австраліи.

Чѣмъ же объяснить столь медленное развитіе лекціоннаго дѣла у насъ въ Россіи? Большинство лицъ, близко стоящихъ къ устройству лекцій у насъ въ провинціи, указываетъ на четыре причины, которыя тормозятъ у насъ широкое и прочное развитіе публичныхъ чтеній: 1) формальности и административныя затрудненія, которыя приходится преодолѣвать при полученіи разрѣшенія на устройство лекцій; 2) отсутствіе широкаго спроса на лекціи со стороны провинціальныхъ организацій; 3) малочисленность контингента лекторовъ, изъявившихъ согласіе читать въ провинціи, и 4) высота лекторскаго гонорара.

Разсмотримъ же каждую изъ этихъ причинъ на основаніи того опыта, который мы имѣли при устройствѣ лекцій въ Н.-Новгородѣ въ теченіе трехъ лѣтъ. Формальности, которыя приходится выполнять при полученіи разрѣшенія на каждый курсъ или лекцію, дѣйствительно, очень велики и онѣ, по нашему мнѣнію, лежатъ въ основѣ всѣхъ тормазовъ широкаго развитія лекцій въ Россіи. Дѣло разрѣшенія лекцій, какъ извѣстно, ведется такимъ образомъ. Мѣстная организація, получивъ отъ лектора черезъ лекціонное бюро

*) Мы не имѣемъ здѣсь въ виду педагогическихъ и общеобразовательныхъ курсовъ, устраиваемыхъ земствами для народныхъ учителей.

программу на избранную тему, направляетъ ее мѣстной администраціи съ просьбой представить программу на утвержденіе попечителя учебнаго округа. Администрація дѣлаетъ запросы о правѣ лектора читать публичныя лякціи и, получивъ неудовлетворительный отвѣтъ, прекращаетъ дѣло, но и получивъ благопріятныя свѣдѣнія, она, конечно, въ правѣ прекратить дѣло, не находя возможнымъ, по мѣстнымъ условіямъ, осуществленіе лекцій, а если администрація находитъ послѣднее возможнымъ, то представляетъ программу лекцій съ своимъ заключеніемъ на утвержденіе попечителя учебнаго округа, который также, какъ и мѣстная власть, можетъ и разрѣшить, и не разрѣшить чтеніе лекцій. Иногда попечитель требуетъ текстъ лекціи, а такое требованіе въ большинствѣ случаевъ равносильно запрещеніе, такъ какъ многіе лекторы не пишутъ своихъ лекцій. Вся процедура разрѣшенія лекціи отъ момента представленія программы мѣстной администраціи до полученія разрѣшенія отъ попечителя учебнаго округа тянется, въ среднемъ, не менѣе двухъ мѣсяцевъ, но и этого мало: для того, чтобы получить самую программу лекціи, проходитъ иногда не одна недѣля, пока бюро получитъ ее отъ лектора, а затѣмъ мало одной недѣли, обыкновенно требуется двѣ недѣли, чтобы организатору списаться съ лекторомъ о днѣ назначенія его лекціи, чтобы получить разрѣшеніе печатать афишу, сдѣлать анонсы и назначить продажу билетовъ. Здѣсь намъ приходится сказать о новомъ затрудненіи чисто мѣстнаго практическаго свойства, которое, разумѣется, существуетъ во многихъ городахъ и иногда ставитъ прямо въ безвыходное положеніе мѣстныхъ устроителей лекцій,—это выборъ помѣщенія для лекцій. Хотя послѣднее затрудненіе не имѣетъ никакого отношенія къ административнымъ формальностямъ, которыя требуются при разрѣшеніи лекцій, какъ и полученіе программы отъ лектора, но они чрезвычайно важны тѣмъ, что по необходимости еще болѣе удлиняютъ и безъ того долгій самъ по себѣ срокъ разрѣшенія, или, вѣрнѣе, еще болѣе отдаляютъ осуществленіе лекцій.

Выборъ помѣщенія обыкновенно приходится дѣлать между заломъ дворянскаго собранія и заломъ мѣстнаго клуба, которые въ большинствѣ случаевъ абонированы на нѣсколько вечеровъ или гастролерами или мѣстными благотворительными и просвѣтительными обществами. При выборѣ зала приходится считаться и съ тѣмъ, чтобы день лекціи совпалъ съ днями скораго поѣзда, напр. у насъ въ Нижнемъ, чтобы дать возможность лектору уѣхать немедленно послѣ лекціи. И сколько разъ приходилось отказываться отъ зала, уступленнаго именно на день со скорымъ поѣздомъ, лишь потому, что лекторъ, въ силу прямыхъ своихъ обязанностей, не могъ пріѣхать къ назначенному дню. Сколько разъ случалось, что лекторъ не могъ пріѣхать ни въ среду, ни въ пятницу—дни со скорымъ поѣздомъ, а только въ воскресенье или понедѣльникъ, но въ первомъ случаѣ онъ долженъ сидѣть цѣлый день въ ожиданіи обратнаго поѣзда, а во второмъ и залъ клуба нельзя получить изъ-за дамскихъ вечеровъ. Такимъ образомъ, чтобы получить программу на публичную лекцію, разрѣшеніе на нее у попечителя округа, выбрать залъ и день для лекціи, получить разрѣшеніе печатать афишу, анонсировать лекцію въ мѣстныхъ газетахъ и организовать продажу билетовъ, требуется не менѣе

3-хъ мѣсяцевъ. А это не малый періодъ времени! И вотъ что случается при такихъ условіяхъ устройства лекцій. Вели мы переписку о разрѣшеніи лекцій И. Х. Озерова: «Итоги экономической и финансовой жизни XIX вѣка», но черезъ два мѣсяца получили отвѣтъ, что попечитель округа требуетъ текстъ лекціи, котораго не было у лектора, почему и пришлось оставить лекцію. Но прошли каникулы и мы снова возобновили ходатайство о разрѣшеніи той же лекціи по программѣ: на этотъ разъ разрѣшеніе получили, но лекторъ уже успѣлъ напечатать свою лекцію. То же самое случилось съ лекціей Н. Н. Сакулина въ настоящемъ году: пока просили разрѣшеніе, пока требовали изъ учебнаго округа текстъ лекціи прошло 4 мѣсяца, и лекторъ, потерявъ, видимо, всякую, надежду на разрѣшеніе своей лекціи «О Некрасовѣ», напечаталъ ее въ одномъ изъ новыхъ журналовъ. 3-й случай можно привести съ лекціей С. А. Котляревскаго «Церковь и государство во Франціи». Пока мы просили разрѣшеніе, пока требовали изъ учебнаго округа также текстъ лекціи, лектора командировали въ заграничную поѣздку и лекцію пришлось оставить.

Длинная процедура разрѣшенія лекцій имѣетъ крайне неблагопріятное вліяніе на развитіе лекціоннаго дѣла еще и потому, что въ распоряженіи мѣстныхъ организаторовъ имѣется всего $4^1/_2$ мѣсяца въ году, въ теченіе которыхъ съ успѣхомъ можно устраивать лекціи, именно: $2^1/_2$ мѣсяца съ 1-го октября, по 15 декабря, 1 мѣсяцъ съ 15 января по 15 февраля и 1 мѣсяцъ великимъ постомъ. Да и въ теченіе этого короткаго промежутка времени у насъ, напр. въ Нижнемъ, нужно считаться съ двумя переходными временами года, когда переправа черезъ Оку весной и осенью становится чрезвычайно затруднительной и приходится прибѣгать къ помощи рѣчной полиціи и казенныхъ пароходовъ и спасательныхъ лодокъ. А между тѣмъ время передъ вскрытіемъ рѣкъ весьма удобно для устройства публичныхъ чтеній по другимъ мѣстнымъ условіямъ. Время же послѣ Пасхи, наоборотъ, совершенно неудобно для устройства лекцій, такъ какъ весьма значительная часть слушателей, отвлекается или экзаменами, или же, наконецъ, теплымъ весеннимъ временемъ года, въ которое и погулять пріятно, въ особенности молодежи.

Всѣ формальности и препоны, которыя приходится преодолѣвать при устройствѣ лекцій, обыкновенно дѣлятъ на всероссійскія и мѣстныя.

При существованіи препятствій со стороны мѣстной администраціи, дѣло совсѣмъ гибнетъ, но Нижній въ этомъ отношеніи въ настоящее время находится въ самыхъ счастливыхъ условіяхъ, такъ какъ мѣстная администрація относится вполнѣ корректно къ дѣлу организаціи какъ единичныхъ лекцій, такъ и въ особенности систематическихъ курсовъ. Но и при отсутствіи мѣстныхъ административныхъ затрудненій при устройствѣ лекцій, у устроителей иногда опускаются руки, потому что они не могутъ въ самое удобное для лекцій время располагать помѣщеніемъ, не могутъ, напр., въ Нижнемъ, въ наиболѣе удобный день назначить лекціи, такъ какъ скорые поѣзда только три раза въ недѣлю, а лекторъ не можетъ тратить цѣлый день въ ожиданіи поѣзда. Но болѣе всего подавляющимъ образомъ дѣйствуетъ на энергію устроителей, когда имъ, при условленномъ уже днѣ для лекціи, приходится обмѣ-

ниваться телеграммами съ лекторомъ о состояніи переправы черезъ рѣку и успокаивать, что переправа безопасна, что лекторъ при переѣздѣ не потеряетъ лишняго часа времени. А въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ не только непреодолимыя затрудненія при отысканіи зала для чтенія лекцій, но къ нѣкоторымъ изъ нихъ нѣтъ даже сколько-нибудь удовлетворительныхъ путей сообщенія.

При такихъ условіяхъ устройства лекцій мѣстные организаторы ихъ никогда не увѣрены, разрѣшатъ имъ лекцію или курсы и, наконецъ, сколько разрѣшатъ и къ какому времени, а если и разрѣшатъ, то удастся ли еще по чисто мѣстнымъ, приведеннымъ нами, условіямъ осуществить ихъ. Вотъ, по нашему мнѣнію, чѣмъ объясняется отсутствіе широкаго спроса на лекціи со стороны провинціальныхъ устроителей ихъ. Инертность общества, тѣмъ болѣе инертность представителей общественныхъ и частныхъ организацій здѣсь не при чемъ. Стоитъ какому либо организатору, по неопытности, назначить днями лекцій святки или послѣ пасхальное время и онъ непремѣнно приведетъ лектора въ наполовину пустую аудиторію, и вотъ первая же неудача, при всѣхъ Сцилахъ и Харибдахъ, которыя съ такимъ трудомъ приходится миновать, подавляетъ энергію устроителя.

Но не менѣе серьезную и важную причину, препятствующую широкому развитію лекцій въ провинціи, представляетъ собою и малочисленность контингента лекторовъ, которымъ располагаетъ лекціонное бюро. Въ спискѣ лекторовъ, изъявившихъ согласіе читать въ провинціи, мы обыкновенно находимъ имена людей, еще не успѣвшихъ составить себѣ крупную научную репутацію и по нашему мнѣнію даже трудно ожидать, чтобы корифеи науки, за рѣдкими развѣ исключеніями, взяли на себя трудъ чтенія лекцій въ провинціяхъ. Но чѣмъ менѣе извѣстно имя лектора, тѣмъ больше требованій предъявляютъ къ нему слушатели, тѣмъ болѣе критически они къ нему относятся. И всѣ тѣ лекціи, которыя читаются по тетрадкѣ лекторомъ, не имѣющимъ крупнаго научнаго имени, никогда не имѣютъ успѣха въ провинціи такія лекціи, будучи высланы авторомъ въ провинцію, съ гораздо большимъ успѣхомъ могли бы быть прочитаны въ отсутствіи самого лектора на засѣданіяхъ нашихъ просвѣтительныхъ обществъ.

Это относится къ единичнымъ лекціямъ, которыя по нашему мнѣнію имѣютъ большое воспитательное значеніе, пріучая общество посѣщать лекціи и слушать ихъ. А при изложеніи систематическихъ курсовъ какой либо науки, къ лектору предъявляются еще большія требованія, такъ какъ въ этомъ случаѣ онъ долженъ настолько заинтересовать аудиторію, чтобы обезпечить себя постоянный контингентъ слушателей въ теченіе цѣлаго ряда лекцій.

Переходя къ матеріальной сторонѣ дѣла, должно замѣтить, что мы далеки отъ мысли, что лекція *непремѣнно* должна давать чистый доходъ, будутъ ли то единичныя лекціи или тѣмъ болѣе цѣлые курсы, однако, нельзя согласиться и съ тѣми, по мнѣнію которыхъ *курсы ни въ какомъ случаѣ не могутъ оплатиться*.

Убытокъ въ Твери отъ курсовъ Ю. И. Айхенвальда по психологіи и А. Ѳ. Флерова по ботаникѣ, на который обыкновенно ссылаются въ подобномъ

случаѣ, по нашему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что курсы были не вовремя устроены; курсы психологіи, напр., въ концѣ апрѣля, почему они, несмотря на талантливое изложеніе предмета, и не могли привлечь большой постоянный контингентъ слушателей. Защитники того положенія, что курсы лекцій не могутъ оплатиться, обыкновенно указываютъ на то, что какъ въ университетѣ, такъ и во всѣхъ другихъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ расходы по содержанію ихъ никогда не покрываются платою за ученіе. Это совершенно вѣрно, но съ тѣмъ исключеніемъ, что и въ университетѣ многолюдная аудиторія у талантливаго лектора всегда сама въ состояніи оплатить всѣ расходы за лекціи, что дѣйствительно и наблюдается на гонорарѣ профессоровъ въ многолюдныхъ университетахъ, на нѣкоторыхъ факультетахъ и по нѣкоторымъ предметамъ. Послѣднее разсужденіе вполнѣ примѣнимо, намъ кажется, къ большимъ провинціальнымъ городамъ, имѣющимъ около сотни тысячъ жителей. Въ такихъ городахъ убытокъ или не убытокъ отъ систематическихъ курсовъ если не всецѣло, то главнымъ образомъ зависитъ отъ талантливости лектора. За примѣрами ходить не далеко: три лекціи проф. К. Э. Линдемана по зоологіи въ Ниж.-Новгородѣ дали большую прибыль въ 345 р. при абонементномъ билетѣ на всѣ три лекціи въ 50 к. для входа въ залъ, тоже самое и 10 лекцій психологіи Ю. И. Айхенвальда дали прибыль въ 607 рублей при 20 к. за входъ въ залъ. Правда, для лекцій зоологіи и психологіи выбрано было самое лучшее время во всемъ сезонѣ и за всѣ 13 лекцій, за залъ ничего не уплочено, а только за освѣщеніе и прислугѣ выдано всего 140 руб Но и вычитая изъ полученной прибыли 380 р., которые пришлось бы уплатить, считая стоимость залы съ освѣщеніемъ и прислугою на одинъ вечеръ въ 40 р., мы все-таки получаемъ отъ 13 лекцій чистую прибыль въ 572 руб. Секція гигіены воспитанія и образованія съ каждымъ годомъ стремится къ пониженію цѣнъ за слушаніе лекцій и только на дняхъ правленіе порѣшило еще болѣе понизить цѣны за слушаніе спеціальныхъ курсовъ, и мы увѣрены, что нѣкоторые курсы по свойству самаго предмета и въ большихъ городахъ непремѣнно дадутъ дефицитъ. Но всѣ другіе матеріальные результаты получаются отъ чтенія лекцій въ небольшихъ городахъ: тамъ дѣйствительно курсы лекцій ни въ какомъ случаѣ не могутъ оплатиться и если московское лекціонное бюро собираетъ капиталъ, изъ котораго можно бы было по временамъ пополнять дефициты провинціальныхъ организацій по устройству лекцій, то этотъ капиталъ всецѣло долженъ имѣть въ виду мелкіе города. Разумѣется, при развитіи потребности въ высшемъ образованіи въ среднемъ слоѣ населенія мелкихъ городовъ, а эта потребность несомнѣнно растетъ съ каждымъ годомъ, дефициты при постановкѣ цѣлыхъ систематическихъ курсовъ будутъ все меньше и меньше. Для большихъ же провинціальныхъ городовъ въ настоящее время достаточно имѣть нѣкоторый фондъ, будетъ ли то городской или земскій или же принадлежащій извѣстной частной организаціи, который давалъ бы нѣкоторую увѣренность устроителямъ курсовъ, что имъ и не придется въ случаѣ необходимости считаться съ дефицитомъ. Что касается высоты лекторскаго гонорара (въ основу его взято 30 рублей за 2-хъ часовую лекцію и плата за проѣздъ по разстоя-

нію—для Нижн.-Новгор. 30 р.), то едва ли на нее можно указывать серьезно, какъ на причину медленнаго развитія въ Россіи лекціоннаго дѣла. Во всякомъ случаѣ понижать лекторскій гонораръ даже не желательно, такъ какъ лекторы въ силу указанныхъ выше формальныхъ препятствій при разрѣшеніи лекцій, никогда не увѣрены, сколько, когда и гдѣ разрѣшатъ имъ чтеній, а оставляя университетскій городъ для провинціи, они всегда теряютъ, бросая свою ежедневную работу. Наконецъ, съ пониженіемъ лекторскаго гонорара пришлось бы отказаться отъ мысли слышать, когда-нибудь въ провинціи видныхъ представителей науки, которые по своему имущественному положенію, также какъ и молодыя силы, рѣдко бываютъ въ состояніи читать за ничтожную плату. Повторяемъ, не за платою лектору дѣло, а за его умѣньемъ талантливо излагать предметъ. Потребность въ пополненіи знаній у довольно значительнаго количества населенія большихъ провинціальныхъ городовъ давно уже опредѣлилась, и кто желалъ, могъ убѣдиться, на сколько постояненъ былъ, напр. въ Н. Новгородѣ, контингентъ слушателей на лекціяхъ зоологіи и психологіи.

Подводя итоги всѣмъ высказаннымъ здѣсь соображеніямъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что прочное и успѣшное развитіе лекцій въ нашихъ провинціальныхъ городахъ и мѣстечкахъ можетъ имѣть мѣсто только при соблюденіи слѣдующихъ условій:

1) Университеты въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей науки должны придти на помощь лекціонному бюро или взять на себя инціативу устройства лекцій въ провинціи.

2) Земскія и городскія общественныя управленія, такъ много расходующія средствъ на начальное и среднее образованіе народа, не должны отказывать въ помощи и систематическимъ научнымъ курсамъ. Самымъ естественнымъ видомъ помощи такимъ курсамъ и единичнымъ лекціямъ со стороны городскихъ управленій могло бы быть предоставленіе безплатнаго помѣщенія для лекцій въ театрахъ большихъ городовъ *), и

3) Устраненіе нѣкоторыхъ формальностей при разрѣшеніи лекцій, каковыя формальности не рѣдко губятъ все дѣло. Въ этомъ отношеніи нельзя не согласиться съ проф. В. Э. Деномъ, предлагающимъ современную разрѣшительную систему замѣнить системой явочной, при которой на обязанности устроителей лежало бы только заблаговременное заявленіе о проектируемыхъ чтеніяхъ, объ ихъ мѣстѣ и времени и о томъ, кто выступитъ на нихъ въ качествѣ лекторовъ.

Если всѣ эти три условія будутъ осуществлены, то лекціонное дѣло на нашей родинѣ быстро расцвѣтетъ и русское общество съумѣетъ пополнить всѣ недочеты въ знаніи, какіе у него существуютъ сравнительно съ западно-европейскимъ обществомъ.

Н. Граціановъ.

---

*) Нашимъ народнымъ домомъ, который предполагается отдѣлать къ осени 1903 г., едва-ли можно будетъ пользоваться для систематическихъ курсовъ по дальности его разстоянія отъ центра; многіе курсы посѣщаются съ массой дѣтей, которымъ едва ли удобно будетъ брести въ осеннія ночи на край города.

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

НА РОДИНѢ.

Исторія одного адреса. Интереснымъ отголоскомъ празднованія двухсотлѣтія города Петербурга является исторія съ юбилейнымъ адресомъ, которая разыгралась въ полтавской городской думѣ. Какъ сообщаетъ полтавскій корреспондентъ «Рус. Вѣд.», полностью этотъ адресъ былъ напечатанъ въ «Полтавскомъ Вѣстникѣ», а выдержки были приведены во многихъ другихъ газетахъ.

Самое характерное, вызвавшее разговоры мѣсто этого адреса гласитъ, что «возрожденіе творческаго духа великаго императора въ преобразовательной дѣятельности императора Александра II, въ его реформахъ, опиравшихся на довѣріи къ народной самодѣятельности, ознаменовалось прогрессомъ во всѣхъ сферахъ общественной жизни». Заканчивался адресъ выраженіемъ горячей увѣренности, что «сильное сочувствіемъ и поддержкой всѣхъ, кому дороги широкіе общественные интересы, твердо направляемое своими дѣятелями по пути, завѣщанному великимъ основателемъ столицы, петербургское городское управленіе всегда будетъ на высотѣ своей задачи—быть въ области своей дѣятельности истиннымъ представителемъ высокой и плодотворной идеи общественнаго самоуправленія».

Казалось бы, въ адресѣ нѣтъ ничего обращающаго исключительное вниманіе: представители мѣстнаго самоуправленія вспоминаютъ съ благодарностью о реформахъ императора Александра II и желаютъ своимъ петербургскимъ собратьямъ быть истинными выразителями той самой идеи, которая лежитъ въ основаніи ихъ общей дѣятельности. И однако съ первыхъ же шаговъ злополучному адресу суждено было столкнуться съ рядомъ странностей, чрезвычайно характерныхъ для настроенія данной минуты.

Прежде всего городской голова В. П. Трегубовъ нашелъ, что адресъ въ этой редакціи не можетъ быть прочитанъ въ открытомъ засѣданіи городской думы, и всѣ гласные удалились въ другую комнату, оставивъ недоумѣвающую публику на жертву самыхъ рискованныхъ предположеній. Между тѣмъ за закрытыми дверями «партикулярнаго засѣданія думы въ полномъ составѣ» происходили совершенно неожиданныя пренія. Какъ стало потомъ извѣстно въ городѣ, четыре слова вызвали нападки. Эти слова: 1) самодѣятельность;

2) самосознаніе; 3) самоуправленіе; 4) реформы Императора Александра II. Тонъ, очевидно, былъ данъ г. городскимъ головой, который обнаружилъ такой страхъ передъ этими ужасными словами, что счелъ невозможнымъ прочесть проектъ адреса въ обычномъ засѣданіи. Но затѣмъ этотъ тонъ непонятной, правда, но довольно пассивной робости былъ усиленъ нѣкоторыми гласными до такого crescendo, что одинъ изъ нихъ, указывая перстомъ по направленію защитниковъ адреса, заговорилъ даже о «крамолѣ». Къ чести полтавскихъ «представителей самоуправленія» нужно сказать, что этотъ неожиданный по своей нелѣпости натискъ встрѣтилъ должный отпоръ. Выяснилось очень скоро, что онъ произведенъ ничтожною кучкой; огромное большинство (всѣхъ думскихъ партій) приняло адресъ полностью съ самыми незначительными редакціонными поправками. И самодѣятельность, и самосознаніе, и реформы, и самоуправленіе,—все это осталось неприкосновеннымъ, и возражавшимъ господамъ возразили въ свою очередь, что самоуправленіе это и есть то самое, къ чему призваны думы, а безъ самосознанія (противъ котораго тоже были горячіе споры) не только посылать адреса, но и на улицу выходить опасно. А такъ какъ въ составѣ ранѣе избранной депутаціи были два члена, явно не сочувствовавшіе адресу, то этотъ составъ усиленъ выборомъ четвертаго (г. Пилипенка), который, наоборотъ, горячо его защищалъ.

Въ этомъ составѣ депутація уѣхала въ Петербургъ, и здѣсь судьбѣ угодно было, чтобы курьезное начало получило не менѣе курьезное продолженіе. Тотчасъ же послѣ пріѣзда депутацію посѣтилъ репортеръ «Бирж. Вѣдомостей», и въ результатѣ этого посѣщенія въ газетѣ появилась замѣтка, въ которой авторъ излагаетъ свой разговоръ съ однимъ изъ полтавскихъ депутатовъ, г. Казинымъ. На вопросъ, что прислала Полтава Петербургу, г. Казинъ отвѣтилъ. «Адресъ въ роскошной папкѣ и снимки Полтавы и ея памятниковъ. Все это,—продолжалъ г. Казинъ,—стоило массы хлопотъ (!). Составленіе же адреса произвело настолько серьезный расколъ въ думѣ, что составитель адреса даже въ депутацію не былъ избранъ».—«Въ чемъ же дѣло?» спросилъ изумленный репортеръ. «Да видите: гласные придавали этому адресу, который будетъ читаться всею Россіей, огромное значеніе, и поэтому каждая партія стремилась высказать свои завѣтныя мечты. Къ тому же,—заключилъ г. Казинъ нѣсколько, пожалуй, неожиданно,—мы, полтавцы—не просто гости на этомъ праздникѣ... Не за горами уже 1909 годъ, когда мы будемъ чествовать державнаго основателя за то, что онъ далъ намъ полтавскую побѣду».

Заявленіе это, опять перепечатанное нѣсколькими газетами, осталось безъ опроверженія. Между тѣмъ достаточно самаго поверхностнаго анализа, чтобы видѣть, сколько въ немъ разительныхъ несообразностей и въ какомъ видѣ полтавскій депутатъ изобразилъ логику пославшей его думы. Всѣ партіи стремятся выразить завѣтныя мечты, и однако составитель адреса—одинъ. Въ думѣ возникаетъ цѣлый серьезный расколъ, и все-таки не возникаетъ другого проекта адреса. Составитель какъ бы въ наказаніе лишается чести войти въ составъ депутаціи, но его адресъ принимается цѣликомъ. Избранная депу-

тація какъ будто составляется изъ противниковъ адреса, но они все-таки везутъ адресъ, съ содержаніемъ котораго, значитъ, несогласны...

Къ чести полтавской думы во всѣхъ этихъ несообразностяхъ, взведенныхъ на нее ея депутатомъ, она совершенно неповинна. Адресъ принятъ огромнымъ большинствомъ, и, значитъ, никакого «серьезнаго раскола» не было, а то, что было, едва ли можетъ считаться «серьезнымъ». Слова «самосознаніе» и «самоуправленіе» показались страшными лишь ничтожному меньшинству (и даже самъ г. Ка—инъ говорилъ за адресъ). Составитель не попалъ въ депутацію вовсе не въ наказаніе, а потому, что въ такія депутаціи обыкновенно избираются люди съ болѣе свободнымъ временемъ и средствами. Г. Казинъ, очевидно, не отдавалъ себѣ полнаго отчета въ томъ далеко не благовидномъ оттѣнкѣ, который сквозитъ въ его словахъ по отношенію къ «составителю», какъ бы наказанному думой за содержаніе адреса, да, пожалуй, еще болѣе по отношенію къ депутаціи, которая, по соображеніямъ совершенно непонятнымъ, выставляетъ думы дѣломъ одного лица, вдобавокъ понесшаго уже наказаніе!

«Совершенно понятно, говоритъ корреспондентъ, какое недоумѣніе все это вызвало въ мѣстномъ обществѣ, особенно когда и въ первыхъ газетныхъ отчетахъ о торжествѣ полтавскій адресъ явился (случайно или не случайно) лишь въ выдержкахъ наименѣе значащихъ мѣстъ и съ исключеніемъ злополучныхъ реформъ и «самоуправленія». Появленіе полнаго текста адреса въ мѣстной газетѣ,—значитъ съ одобренія мѣстной цензуры,—до извѣстной степени разсѣяло эти недоумѣнія, придавъ, разумѣется, яркій комическій оттѣнокъ, какъ филиппикамъ своихъ думскимъ цензоровъ, такъ и дипломатическимъ заявленіямъ думскаго депутата. Но фактъ все-таки остается: въ XX столѣтіи, къ двухсолѣтнему юбилею Петербурга, въ большомъ провинціальномъ городѣ возможны еще люди и даже «дѣятели мѣстнаго самоуправленія», которымъ слова «самоуправленіе», «самодѣятельность» и даже «самосознаніе» кажутся или предосудительными, или опасными».

Такова исторія о людяхъ, боящихся собственной тѣни, которую слѣдуетъ по мнѣнію корреспондента, хотя бы въ качествѣ изнанки, внести въ анналы «юбилейныхъ» торжествъ.

Судьба земскихъ ходатайствъ. Въ «Сборникѣ Пермскаго Земства» помѣщено сообщеніе о содержаніи и судьбѣ ходатайствъ пермскаго губернскаго земства за тридцатилѣтній періодъ времени.

Оказывается, что за указанный періодъ времени всего возбуждено было пермскимъ земствомъ 437 ходатайствъ. Изъ нихъ удовлетворено 58, отклонено 55, а по 32 ходатайствамъ полученъ совершенно неопредѣленный результатъ. Слѣдовательно, изъ всей массы ходатайствъ только относительно 145 (33,2%) имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія. Прочія-же ходатайства: 1) или ждутъ донынѣ разрѣшенія, 2) или потеряли свое значеніе, вслѣдствіе изданія какого-либо общаго закона, 3) или, наконецъ, подверглись совершенно неизвѣстной участи.

Что касается количества ходатайствъ, то больше всего ихъ было возбуждено: по народному продовольствію, народному образованію, сельско-хозяйственнымъ мѣропріятіямъ, по вопросамъ касательно улучшенія экономическаго быта крестьянъ, по богоугоднымъ заведеніямъ медицинѣ и санитарнымъ дѣламъ, т.-е. по предметамъ, на которые направлены наибольшія заботы земства. Больше всего отвѣтовъ поступило на ходатайства относительно земскихъ изданій, кустарной промышленности, состава и правъ земскихъ учрежденій, народнаго образованія, участія въ расходахъ правительственныхъ учрежденій и нуждъ богоугодныхъ заведеній.

Только въ двухъ рубрикахъ (участіе въ расходахъ правительственныхъ учрежденій и по вопросамъ кустарной промышленности) большинство отвѣтовъ носитъ благопріятный для земства характеръ. Изъ остальныхъ же рубрикъ: по земскимъ изданіямъ—всѣ ходатайства отклонены; о составѣ и правахъ земскихъ учрежденій удовлетворено 36,4%, отклонено 45,5% и 18,1% осталось съ неопредѣленнымъ или неизвѣстнымъ отвѣтомъ; по народному образованію—удовлетворено 28,6%, отклонено 35,7 и неизвѣстныхъ 35,7%; по богоугоднымъ заведеніямъ—удовлетворено 27,3%, отклонено 54,5% и неизвѣстно—18,1%.

Обратимся теперь къ сопоставленію сущности нѣкоторыхъ ходатайствъ съ полученными на нихъ отвѣтами. По справедливому замѣчанію автора статьи «Страничка изъ земской исторіи» (въ «Спб. Вѣд.»), категорія земскихъ ходатайствъ, касающихся продовольственнаго вопроса, представляетъ особенный интересъ, потому что закономъ 12 іюня 1900 г. продовольственное дѣло, какъ извѣстно, было изъято изъ вѣдѣнія земства и передано въ руки административныхъ учрежденій, вслѣдствіе неудовлетворительной постановки земскаго завѣдыванія означеннымъ дѣломъ. Между тѣмъ оказывается, что земскія ходатайства о расширеніи правъ земства или коренномъ измѣненіи статей устава, въ интересахъ устраненія недочетовъ продовольственнаго дѣла, отклонялись или оставлялись безъ отвѣта. Такъ, напр., ходатайства пермскаго земства объ увеличеніи нормы продовольственныхъ запасовъ и капиталовъ отклонено было въ 1883 г. комитетомъ министровъ. Два однородныхъ ходатайства въ 1885 и 1893 гг. постигла та же судьба; на подобное же ходатайство въ 1894 г. не послѣдовало отвѣта, а на ходатайство кунгурскаго уѣзднаго и пермскаго губернскаго земства въ 1897 г. полученъ былъ отвѣтъ, что оно «будетъ принято во вниманіе при окончательномъ разсмотрѣніи составленнаго уже проекта устава объ обезпеченіи народнаго продовольствія».

При подобной неопредѣленности отвѣтовъ (а въ томъ же «Сборникѣ» имѣются примѣры и другихъ такихъ же), трудно обвинять земство въ томъ, что оно ничего не сдѣлало въ интересахъ лучшей постановки продовольственнаго дѣла.

Санитарныя условія русской деревни. Въ «Саратовской Земской Недѣлѣ» помѣщено санитарно-экономическое описаніе села Малышева

Воронежскаго уѣзда, которое можетъ служить яркой иллюстраціей санитарной обстановки русской деревни.

Санитарныя условія обыкновеннаго средняго крестьянскаго жилища въ Малышевѣ таковы: у большинства лѣтомъ для жилья служитъ клѣть или пунька—легкая плетневая постройка во дворѣ, а также сараи и навѣсы, гдѣ таковые имѣются, особыхъ лѣтнихъ избъ нѣтъ. Большую же часть года жилымъ помѣщеніемъ служитъ изба.

Внутренній объемъ обыкновенной крестьянской избы въ Малышевѣ равняется 125—240 куб. арш. при среднемъ числѣ обывателей 6—8 человѣкъ, и воздуху на каждаго приходится отъ 18,9—29,5 куб. саж. (отъ 40,5—67,5 куб. арш.). Въ той же самой избѣ, гдѣ живутъ люди, зимой помѣщаются телята, домашняя птица и приплодъ отъ овецъ и свиней. Пропитывая полъ мочею и изверженіями, они дѣлаютъ въ избѣ еще болѣе тяжкимъ воздухъ, который еще ухудшается нечистоплотностью и самихъ обывателей ея и разложеніемъ органическихъ остатковъ, здѣсь же оставляемыхъ. Потѣніе, рѣдкое обмываніе и рѣдкое хожденіе въ баню, рѣдкая смѣна бѣлья, грязь и тѣснота ведутъ за собой огромное количество вшей, блохъ и таракановъ, а присутствіе лоханей, куда сваливаются всѣ отбросы и помои, и которыя рѣдко выносятся, и часто остаются невынесенными по нѣсколько дней, мытье здѣсь же, въ избѣ, грязнаго бѣлья, приготовленіе пищи, освѣщеніе коптящими дешевыми жестяными лампами, производство здѣсь же различныхъ работъ, отправленіе здѣсь же естественной потребности дѣтьми и тяжело больными, все это дѣлаетъ воздухъ зимняго помѣщенія, и особенно въ ночное время, удушливымъ и прѣлымъ, съ рѣзкимъ тяжелымъ запахомъ. Никакихъ приспособленій для искусственной вентеляціи такого воздуха въ Малышевѣ не существуетъ. И если нѣкоторое количество свѣжаго воздуха въ избу все-таки поступаетъ, то это происходитъ частью вслѣдствіе естественной вентиляціи, а частью вслѣдствіе постояннаго открыванія двери избы при входѣ и выходѣ многочисленныхъ ея обывателей.

Убранство крестьянскаго жилища въ Малышевѣ обыкновенное—божница съ образами, лавки вокругъ стѣнъ, полка для посуды и столъ, на которомъ безъ постиланія скатерти и ѣдятъ, и стряпаютъ, и исполняютъ всякія грязныя работы. Полъ или земляной (въ 54-хъ избахъ изъ 100 осмотрѣнныхъ), у болѣе зажиточныхъ деревянный (въ 46 избахъ). На жердяхъ и гвоздяхъ виситъ одежда, тулупы и полушубки, связки луку, сбруя и пр. Кроватей почти нѣтъ (онѣ оказались только въ 9 избахъ изъ 100), и всѣ спятъ на печкѣ, на полатяхъ, на лавкахъ, на полу... и женщины и дѣти, и дѣвушки и парни, и женатые и холостые, и больные и здоровые всѣ вмѣстѣ въ одной комнатѣ. Постельныхъ принадлежностей также нѣтъ, и спятъ на соломѣ, дерюжкахъ, рогожахъ, а то и на голомъ полу, покрываясь собственной одеждой (одѣяло оказалось только въ одномъ домѣ, а перины—въ 4-хъ). Подъ голову подкладывается обыкновенно также собственная одежда или мѣшокъ. Грудныя дѣти, завернутыя въ грязныя тряпки, лежатъ здѣсь же въ люлькахъ, съ

соской во рту и купаясь въ своихъ изверженіяхъ. Чувство брезгливости, выработанное имущими классами въ огражденіе своей личности отъ заразы и нечистоты, среди крестьянъ въ Малышевѣ отсутствуетъ, и никому не представляется страннымъ такой вопіющій фактъ низменности культуры, какъ отсутствіе постельныхъ принадлежностей или смѣшеніе половъ и возрастовъ ночью при спаньѣ.

Важнѣйшимъ санитарнымъ зломъ для населенія Малышева является огромная смертность дѣтей до 2-хъ лѣтъ, наблюдаемая въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ главнымъ образомъ въ іюнѣ. Причинами этого лѣтняго мора дѣтей служатъ болѣзни органовъ пищеваренія—поносы. Такія же эпидемій, какъ дифтеритъ, скарлатина, корь и оспа, хотя и часто посѣщаютъ Малышево и дѣлаютъ значительныя опустошенія, но все же уступаютъ въ своемъ распространеніи и губительности—лѣтнимъ поносамъ.

Что касается взрослаго населенія с. Малышева, то тяжелыя экономическія и санитарныя условія тяжелѣе, повидимому, отражаются на здоровьѣ женщинъ. Говоря о болѣзненности и смертности послѣднихъ, нельзя не отмѣтить высокую цифру смертныхъ случаевъ отъ родовъ: за 11 лѣтъ отъ родовъ, по свѣдѣніямъ метрикъ, погибло 15 женщинъ, что составитъ на 86 всѣхъ умершихъ за это время въ возрастѣ отъ 15 до 60 лѣтъ женщинъ почти 20 проц.

Питаніе малышевцевъ выражается въ подавляющемъ преобладаніи растительныхъ продуктовъ надъ животными, и въ пищу идетъ, главнымъ образомъ, ржаной хлѣбъ, пшено, картофель, капуста, преимущественно кислая, и разные овощи—огурцы, лукъ, арбузы, рѣдька... Главное же чѣмъ питаются въ Малышевѣ, это черный хлѣбъ, на хлѣбъ обращается главное вниманіе. По отзывамъ крестьянъ для тяжелой работы первое дѣло это—хорошій крутой хлѣбъ. Все остальное, помимо хлѣба, служитъ скорѣе приправой, имѣющей вкусовое значеніе. Мясу даже при трудовой работѣ не придается особенной важности и хотя, по словамъ малышевцевъ, каждый съ удовольствіемъ поѣлъ бы говядины или баранины, но для трудной работы важнѣе всего пища крутая, прочная, чтобы въ животѣ ее чувствовать—главное побольше чернаго хлѣба, а къ нему щи жирныя, каша съ масломъ, хотя и постнымъ... Но щи всегда должны быть кислыя, и онѣ составляютъ неизбѣжное блюдо въ обѣдъ—при такихъ щахъ можно съѣсть и гораздо больше хлѣба. Если нѣтъ кислой капусты, то она замѣняется кислымъ квасомъ съ рѣдькой, лукомъ, картофелемъ и другими овощами. Вѣроятно, извѣстное предпочтеніе крестьянъ всему кислому объясняется тѣмъ, что для перевариванія большихъ количествъ потребляемаго хлѣба требуется и большее количество кислоты.

Изъ напитковъ, кромѣ кваса, чай, составляющій одинъ изъ признаковъ нѣкоторой зажиточности, распространенъ еще въ селѣ очень мало. Пиво также не употребляется, а потребленіе водки не такъ значительно, какъ можно было бы думать. По подворной записи видно, что всего водки потребляется въ Малышевѣ 372 ведра въ годъ на 1.208 душъ взрослыхъ обоего пола, т.-е.

0,31 ведра на человѣка; распредѣленная на годъ эта цифра даетъ нѣсколько больше столовой ложки въ день—количество ничтожное. Но водка не потребляется равномѣрно въ теченіе года, а заразъ выпивается большими количествами, т.-е. нѣсколько разъ въ году крестьяне напиваются до безобразія, разстраивая при этомъ нерѣдко равновѣсіе своего бюджета.

Эксплоатація дѣтскаго труда. Въ двухъ верстахъ отъ ст. Болдино, Московско-Нижегородской ж. д., находится деревня Большая Пекша, гдѣ среди крайней деревенской нищеты пріютилась плисорѣзная «фабрика» г. А. Своимъ видомъ фабрика эта, нося такое громкое среди крестьянъ названіе, напоминаетъ обыкновенный сарай, или, еще вѣрнѣе, конюшню помѣщика былыхъ временъ,—длинное, низкое, одноэтажное зданіе, сложенное изъ тонкихъ бревенъ. Интересуясь способомъ приготовленія плиса,—пишетъ корреспондентъ «Влад. Газеты»,—я какъ-то разъ зашелъ на эту оригинальную фабрику.

Меня, — говоритъ онъ, — прежде всего поразило совершенное отсутствіе взрослыхъ, исключая одного 20-ти-лѣтняго парня, который, какъ мнѣ пояснили послѣ, былъ и мастеръ, и управляющій фабрикой. Человѣкъ тридцать или сорокъ дѣтей и дѣвицъ-подростковъ безостановочно бѣгали взадъ и впередъ около станковъ съ натянутой матеріей, и ножичками, вродѣ иголки, насаженными на длинную палку, подрѣзали ряды ткани.

Смотря на работающихъ дѣтей, я очень удивлялся искусству и аккуратности дѣтскихъ рукъ, мнѣ казалось, что достаточно малѣйшаго неправильнаго движенія, и иголка-ножикъ распоретъ натянутую матерію.

Отъ безостановочнаго бѣганья на деревянномъ полу образовались канавки болѣе $^3/_4$ вершка глубиною, а изъ босыхъ ногъ дѣтишекъ сочилась кровь.

Изъ случайныхъ разговоровъ съ дѣтьми я узналъ слѣдующее: работаютъ они отъ 4-хъ утра до 8-ми ч. вечера, а иногда и долѣе, потому что, работая сдѣльно, поштучно, обязаны кончить работу къ сроку. «Если бы, говорятъ, не штрафы, то лѣтомъ можно бы было заработать 1 р. въ недѣлю, а штафуютъ тутъ за малѣйшій пустякъ: за неоконченный къ сроку урокъ, за сломанный ножъ, за распоротую матерію, что случается весьма нерѣдко, и т. п.» Словомъ, пословица: «не бить дубьемъ, а бить рублемъ», съ большимъ успѣхомъ находитъ здѣсь примѣненіе, а потому неудивительно, что ребята не по возрасту такъ осторожны и внимательны къ работѣ. Зимой же заработокъ до смѣшного малъ. За всю зиму заработокъ не превышаетъ 5-ти—6-ти рублей и то весьма рѣдко. Дѣло въ томъ, что на этой оригинальной фабрикѣ съ рабочихъ дѣтей вычитаютъ изъ заработка за отопленіе и за освѣщеніе фабрики, а также мастеръ, онъ-же и управляющій, получая отъ хозяина всего лишь 20 рублей, вычитаетъ съ нихъ за наточку ножей. Кромѣ того, чтобы не расходоваться на наемъ сторожей, фабрику обязаны поочередно сторожить сами ребятишки.

Возрастъ работающихъ дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ, дѣвушки есть старше, но все-таки не болѣе 18 лѣтъ. Дѣти разсказывали, что весной пріѣзжалъ какой-

то баринъ (очевидно, фабричный инспекторъ), такъ имъ не велѣли совсѣмъ выходить на фабрику, а кому разрѣшили, то не ранѣе 8 час. утра, и подъ страхомъ увольненія, запретили говорить о порядкахъ на фабрикѣ. И дѣти (надо имъ отдать справедливость) умѣютъ молчать, дорожа даже такимъ скуднымъ заработкомъ. Мнѣ, прожившему среди нихъ около 3-хъ мѣсяцевъ, только передъ отъѣздомъ случайно удалось узнать кое-что.

Кто это такой г. А.? Этого я не успѣлъ разузнать, потому что вскорѣ уѣхалъ. Знаетъ ли онъ, что творится на его фабрикахъ, которыхъ, какъ передавали мнѣ мѣстные крестьяне, у него около 18-ти, и всѣ онѣ находятся въ подобныхъ же районахъ крайней деревенской нищеты?! Плисъ этотъ, правда ли—нѣтъ ли, идетъ потомъ на морозовскія фабрики, гдѣ онъ красится и пускается въ свѣтъ подъ именемъ славнаго морозовскаго манчестера.

«Божьи люди». Въ «Орловск. Вѣстн.» пишутъ, что въ послѣднихъ числахъ мая по селамъ и деревнямъ Орловскаго уѣзда появилось много странниковъ, странницъ, убогихъ и т. п. Всѣ эти странники и убогіе (какъ говорятъ сами) идутъ помолиться Богу на открытіе мощей старца Серафима Саровскаго. «Божьи люди» собираютъ здѣсь подаянія обильныя: берутъ и деньгами, и саломъ, и яйцами, и холстиной, и даже... пенькой (хлѣба не берутъ). Ходятъ «божьи люди» парочками—обязательно странникъ и странница. Нерѣдко случается, что за одинъ день по деревнѣ пройдетъ болѣе десятка такихъ парочекъ. Странники большею частью народъ молодой, сильный; рѣдко-рѣдко попадается старичокъ лѣтъ 60-ти; однихъ лѣтъ съ странниками, конечно, и странницы. У крестьянина П... заночевали парочка молодыхъ странниковъ (мужского и женскаго рода). За ужиномъ странники «скоромное» не ѣли и убѣждали со слезами и хозяевъ не «вкушать» грѣшной пищи. Своими разсказами молодой странникъ благочестивыхъ даже въ слезы вогналъ. Послѣ ужина молодая парочка попросила себѣ для ночлега отдѣльное помѣщеніе. «Мы всю ночь Богу молимся,—заявили они:—а вы будете намъ мѣшать»... Не подозрѣвая ничего дурного, хозяева помѣстили ихъ въ амбарѣ, гдѣ хранилось женское имущество. На другой день, часовъ въ 10 утра, хозяева, сготовивъ странникамъ «постной» пищи, пошли будить ихъ. Но о ужасъ! Ни странниковъ, ни самыхъ лучшихъ платковъ и платьевъ не оказалось... Взвыли, бѣдняги, да дѣлать-то нечего... Странниковъ искали, но, конечно, не нашли... Въ деревнѣ Кривцовой одинъ молодой странникъ, подвыпивъ, похвалился собравшимся женщинамъ и дѣвушкамъ, что онъ со старцемъ Серафимомъ вмѣстѣ одиннадцать лѣтъ подвизался въ пустынѣ Аравійской..... А когда одна изъ женщинъ спросила у него: «а гдѣ эта аравійская пустыня?» — странникъ, важно отвѣтилъ: «это, чадо, далеко... верстъ... верстъ тысячъ сто будетъ... Однимъ словомъ, за градомъ Питеромъ». Нѣкоторые странники ходятъ съ панорамами, показывая за гривенникъ любопытнымъ крестьянамъ «святыя мѣста» «градъ Константинъ» и т. п. Когда крестьянинъ, интересующійся посмотрѣть «святыни», начинаетъ торговаться со странникомъ—нельзя ли молъ, за пятакъ всю эту премудрость посмотрѣть, странникъ, обыкновенно укоризненно

покачавъ головою, говоритъ внушительно: «Ахъ, ты грѣховодникъ! Нечестивецъ ты этакій!.. Да развѣ ты это мнѣ подаешь? Все равно твои деньги пойдутъ на Божье дѣло!» Мужичокъ конфузится и, желая загладить свою вину, даетъ страннику вмѣсто гривенника двугривенный... Есть много такихъ странниковъ, которые, истребивъ предварительно нѣсколько «мерзавчиковъ» съ живительной влагой, настойчиво требуютъ «подаянія», и если ему отказываютъ, грозятъ страшнымъ «проклятіемъ!». Убогіе ѣздятъ на телѣгахъ, въ такъ называемыхъ «будкахъ». Самъ убогій сидитъ въ «будкѣ», а два дѣтины, чуть ли не въ сажень ростомъ, собираютъ подаяніе. Хлѣба убогіе тоже не изволятъ брать, а подай имъ сальца, яичекъ, холстинки и т. п. Нерѣдко случается, что вмѣсто убогаго въ будкѣ сидитъ здоровенный дѣтина. Въ деревнѣ Панкиной случился такой фактъ: по дорогѣ на тощей клячонкѣ, запряженной въ «будку», тихо ѣхалъ, то и дѣло останавливаясь, «несчастненькій» убогій. Голова у несчастнаго была обвязана старой тряпкой, все лицо заклеено бумагой, будто бы на лицѣ были страшныя раны. Ѣхалъ убогенькій по дорогѣ выкрикивая, жалостливымъ, за душу хватающимъ голосомъ: «мірушка-народушка православный! подайте безногому калѣкѣ милостинку...» Подавали много. Вдругъ въ одномъ домѣ хватились женщины—рубашекъ грязныхъ нѣтъ. Подозрѣніе пало на только что прошедшихъ «помощниковъ» убогаго. Собрался народъ. Рѣшено было обыскать будку. Несмотря на увѣреніе убогаго, что ему нельзя выйти изъ будки, такъ какъ у него ноги машиной отрѣзало, мужички вытащили убогаго изъ будки и... отступили въ изумленіи назадъ... Передъ ними былъ не безногій, а здоровенный мужчина, не старше тридцати лѣтъ. Какъ оказалось впослѣдствіи, это былъ крестьянинъ жиздринскаго уѣзда, Павелъ Коновъ, занимающійся такимъ промысломъ уже нѣсколько лѣтъ.

Эксплоатація темнаго крестьянина на религіозной почвѣ происходитъ, конечно, повсемѣстно, и Орловскій уѣздъ, само собой разумѣется, не составляетъ въ этомъ случаѣ исключенія.

Карьера г. Крушевана. Любопытную карьеру г. Крушевана описываетъ въ «Одесскихъ Новостяхъ» одинъ изъ сотрудниковъ газеты.

«Для того, чтобы оставить себѣ правильное и вѣрное представленіе о личности этого субъекта,—говоритъ авторъ,—необходимо знать всѣ тѣ способы и средства, при помощи которыхъ Паволакій Крушеванъ пробилъ себѣ дорогу.

Я—бессарабецъ родомъ, и на моихъ глазахъ все это происходило.

На моихъ глазахъ Крушеванъ шагъ за шагомъ при помощи самыхъ неразборчивыхъ средствъ устраивалъ себѣ свою карьеру, которая во многомъ напоминаетъ карьеру Наблоцкаго, героя популярной трилогіи кн. Барятинскаго. Всего восемь-девять лѣтъ тому назадъ Крушеванъ жилъ въ Сорокахъ и служилъ писцомъ въ канцеляріи надзирателя мѣстнаго округа акцизныхъ сборовъ... Какъ человѣкъ, умѣющій поддѣлываться тамъ, гдѣ нужно, обладавшій хорошимъ почеркомъ, расторопный и до гнусности льстивый, Крушеванъ подружился быстро со старшими заправилами канцеляріи и изъ писца скоро

превратился въ объѣздчика, а потомъ и въ младшаго акцизнаго надсмотрщика.

Въ надсмотрщикахъ Крушеванъ засиживался долго—и ему стало скучно. По службѣ дальше идти онъ не могъ—у него не было даже низшаго образовательнаго ценза. Отецъ его Александреско Крушеванъ былъ мелкимъ молдаванскимъ резешемъ и объ образованіи своихъ дѣтей не заботился... Правда, уже служа въ канцеляріи, Крушеванъ, приблизительно на тридцатомъ году отъ роду, держалъ экзаменъ при мѣстномъ уѣздномъ училищѣ въ объемѣ курса первыхъ двухъ классовъ—такой цензъ требовался для надсморщиковъ—но на большій цензъ, а слѣдовательно и на высшій постъ, онъ разчитывать не могъ.

Крушеванъ началъ серьезно подумывать о томъ какъ бы ему перейти въ другую сферу, гдѣ его таланту открылось бы болѣе широкое поле дѣятельности. И онъ избралъ публицистику. Это было въ Вильнѣ. Послѣ какой-то исторіи Крушеванъ выбылъ изъ акцизной канцеляріи, въ которую онъ перевелся изъ Сорокъ, и явился въ редакцію газеты «Виленскій Вѣстникъ».

— Вамъ нуженъ публицистъ ищейка? Предлагаю вамъ свои услуги: останетесь довольны...

«Виленскому Вѣстнику» именно такой публицистъ нуженъ былъ.

И Крушевана встрѣтили съ распростертыми объятіями. Это былъ настоящій фельетонистъ-надсмотрщикъ, который здѣсь въ печати примѣнялъ свой прежній служебный опытъ.

«Виленскій Вѣстникъ» запестрѣлъ донесеніями. Цѣлые фельетоны писались по поводу того, что «на такой-то улицѣ, въ такомъ-то подвалѣ мы лично открыли тайный кабачокъ безъ патента»... Или: «Торговцы А. Б. и С., какъ мы третьяго дня убѣдились, торгуютъ необандероленнымъ табакомъ».

Читатели по утрамъ разворачивали газету и набрасывались на фельетонъ Буки-Крушевана:

«— Кого онъ изловилъ!

«А Крушеванъ ловилъ «преступниковъ» каждый день. И каждая его статья всегда заключала въ себѣ доносъ то на лавочника, то на кабатчика, то на мелкаго служащаго... Надо сказать правду: онѣ, эти статьи, имѣли успѣхъ... Потому что это были безпримѣрныя статьи въ лѣтописяхъ русской печати...

«И популярность Крушевана особенно росла среди содержателей кабаковъ, лавочниковъ, терроризованныхъ этимъ «переодѣтымъ ищейкой», какъ его называли, и среди посѣтителей трактирныхъ заведеній.

«Черезъ два года Крушеванъ опять перекочевалъ въ Бессарабію... Здѣсь типографу Кашевскому, купившему «Бессарабскій Вѣстникъ», шепнулъ кто-то, что ему слѣдовало бы пригласить Крушевана... И онъ пригласилъ Крушевана, какъ «бессарабскаго уроженца, знакомаго съ мѣстнымъ краемъ»... Но какъ только Крушеванъ появился въ Кишиневѣ, вся коллегія сотрудниковъ газеты запротестовала и отказалась работать совмѣстно съ ищейкой.

«И Крушеванъ былъ удаленъ Кашевскимъ...

«Въ запальчивости и раздраженіи Крушеванъ возбудилъ ходатайство объ изданіи собственной газеты въ Кишиневѣ. Денегъ у него не было. «Ни гро-

ша», какъ онъ потомъ самъ сознавался въ «Бессарабцѣ». Но такіе публицисты, какъ Крушеванъ, никогда не издаютъ газету на свои деньги... Каждая строчка для нихъ—капиталъ. И Крушеванъ безъ гроша въ карманѣ все-таки добывалъ бумагу, нанималъ квартиру, арендовалъ типографію. Когда Крушевана преслѣдовала неудача въ поискахъ денегъ, объ этомъ была черезъ газету оповѣщаема вся Бессарабія. Гнусная травля такого почтеннаго дѣятеля, какъ кишиневскій гор. голова К. А. Шмидтъ, началась именно съ того момента, когда Крушевану закрытъ былъ кредитъ въ городскомъ общественномъ банкѣ.

«Первое общество взаимнаго кредита въ Кишиневѣ отказалось кредитовать «Бессарабецъ». И противъ него посыпался рядъ инсинуацій со столбцовъ этой газеты.

«Мѣстный писчебумажный складъ Шехтера отказался отпускать бумагу въ кредитъ. Противъ Шехтера въ «Бессарабцѣ» печатались громовыя статьи.

«Не пожелало отпускать бумагу въ кредитъ дитятковское товарищество. Имена двухъ мѣстныхъ представителей дитятковскаго товарищества смѣшивались въ «Бессарабцѣ» съ грязью.

«Въ то же время Крушеванъ во всѣхъ случаяхъ, когда ему приходилось выполнять какое-нибудь гаденькое дѣло,—умѣлъ замаскировать свой подвигъ передъ своими читателями маской благородства... Онъ вѣчно кричалъ о какой-то эксплоатаціи, а самъ эксплоатировалъ своихъ наборщиковъ, которые чуть ли не ежемѣсячно бросали газету. За малѣйшее прегрѣшеніе онъ штрафовалъ служащихъ своей конторы и типографіи на суммы, иногда превышавшія мѣсячный окладъ, и взималъ эти штрафы въ свою пользу.

«Онъ платилъ репортерамъ по одной копейкѣ со строки и часто, какъ агентъ «Россійскаго Телеграфнаго Агенства», пользовался трудомъ репортеровъ для телеграммъ, т.-е. не только имѣлъ «дешевую» хронику для «Бессарабца», но иногда еще извлекалъ изъ нея матеріальную выгоду для своего кармана. Въ редакціи онъ четыре года подрядъ держалъ въ качествѣ завѣдующаго политическимъ, внутреннимъ отдѣломъ и всѣми отдѣлами перепечатокъ глухонѣмого и пользовался его колоссальнымъ трудомъ за сорокъ руб. въ мѣсяцъ!!! За первые три года изданія «Бессарабца» у Крушевана перебывало девять секретарей, и всѣ эти секретари, уходя изъ газеты, не дополучали причитающагося имъ жалованья за послѣдніе полтора-два мѣсяца...»

Въ Петербургѣ окончательно возсіяла звѣзда этого «единственнаго честнаго журналиста» и его «Знамя» было оцѣнено по достоинству. Только въ послѣднее время что-то произошло, и на время, по крайней мѣрѣ, Петербургъ остался безъ «Знамени». Но никто, конечно, не сомнѣвается, что «единственный честный журналистъ» не останется безъ дѣла. Ибо «каждому времени свой мужъ потребенъ», какъ говоритъ Щедринъ, а для нашего времени г. Крушеванъ есть своего рода символъ.

Къ юбилею Вл. Г. Короленко. Пятидесятилѣтіе рожденія В. Г. Короленко вызва ло наружу тулюбовь и уваженіе, какими пользуется этотъ

писатель въ нашемъ обществѣ. Такъ въ Кишеневѣ В. Г. Короленко мѣстная интеллигенція поднесла слѣдующій адресъ:

«Глубокоуважаемый Владиміръ Галактіоновичъ!

Черезъ мѣсяцъ литературный міръ будетъ праздновать пятидесятилѣтіе со дня вашего рожденія, одного изъ самыхъ выдающихся своихъ представителей. Все мыслящее общество съ восторгомъ присоединится къ торжеству русской печати. Да иначе и быть не можетъ. Вся ваша кипучая дѣятельность, начиная съ первыхъ шаговъ, на литературномъ поприщѣ и до настоящаго времени, когда вы стоите во главѣ одного изъ лучшихъ органовъ періодической печати, посвящена самымъ жгучимъ, самымъ наболѣвшимъ вопросамъ общественной жизни. Отношеніе ваше къ мултанскому дѣлу, голоду 1891 года, а теперь къ кишиневскому событію является русской иллюстраціей вашей дѣятельности. Въ настоящее время вы въ Кишиневѣ. Интеллигентное кишиневское общество съ чувствомъ особаго удовольствія отмѣчаетъ фактъ вашего пребыванія здѣсь: и сюда васъ привело то же исканіе правды, то же стремленіе изучить и освѣтить одинъ изъ самыхъ грустныхъ симптомовъ поведенія темной части нашего общества,—стремленіе, красною нитью проходящее чрезъ всю вашу литературную и общественную дѣятельность. Кишиневцамъ тѣмъ болѣе пріятно привѣтствовать васъ въ своемъ городѣ, что ваше пребываніе среди нихъ почти совпадаетъ съ торжествомъ русской литературы и общества по поводу вашего пятидесятилѣтняго юбилея. Позвольте же, глубокоуважаемый Владиміръ Галактіоновичъ, вмѣстѣ съ поздравленіемъ и привѣтствіемъ, отъ всего сердца пожелать вамъ еще многіе годы потрудиться на пользу общества, даря его такими же высокими, такими же идейными произведеніями, какія выходили изъ подъ вашего пера до сихъ поръ, и выступая такимъ же неутомимымъ борцомъ за все доброе и свѣтлое, какимъ мы васъ всегда знали».

— Житомірскій городской голова, согласно постановленію мѣстной городской думы, послалъ 15-го прошлаго іюня въ г. Полтаву какъ уроженцу г. Житоміра, Владиміру Галактіоновичу Короленко, телеграмму, въ которой, привѣтствуя писателя съ исполнившеюся пятидесятою годовщиной его рожденія, увѣдомилъ, что житомірское городское управленіе въ ознаменованіе этого дня постановило учредить четыре стипендіи имени В. Г. Короленко, по одной при каждомъ изъ четырехъ мѣстныхъ городскихъ училищъ.

— 26-го іюня въ засѣданіи нижегородской думы, по словамъ «Нижегор. листка», было доложено заявленіе гласныхъ А. А. Савельева и др., въ числѣ 15 лицъ, по поводу предстоящаго дня 50-лѣтія рожденія извѣстнаго писателя В. Г. Короленко.

Заявленіе слѣдующаго содержанія: «15-го іюля сего года исполнится 50 лѣтъ со дня рожденія извѣстнаго писателя В. Г. Короленко. Какъ извѣстно городской думѣ, Владиміръ Галактіоновичъ провелъ 10 лѣтъ жизни въ нашемъ городѣ, въ теченіе которыхъ принималъ самое живое и дѣятельное участіе не только въ жизни города, но и въ жизни всего нижегородскаго края, здѣсь же были написаны и многія изъ его литературныхъ произведеній. Эти десять лѣтъ, прожитыя у насъ глубокоуважаемымъ писателемъ и общественнымъ дѣя-

телемъ, оставили глубокій слѣдъ въ общественной и умственной жизни нашего города и, надо полагать, не изгладятся изъ памяти не только современнаго поколѣнія, но и послѣдующихъ, кои съ благодарностью будутъ вспоминать его благотворное вліяніе на общественную и умственную жизнь города. Вотъ почему подписавшіеся считаютъ необходимымъ предложить думѣ почтить день 50-лѣтія рожденія выдающагося писателя, закрѣпивъ память о немъ какимъ либо внѣшнимъ признакомъ, а также послать въ день рожденія глубокоуважаемому Владиміру Галактіоновичу поздравительную телеграмму».

Городская управа, внося это заявленіе въ думу, съ своей стороны выразила: вполнѣ раздѣляя мнѣніе о благотворномъ вліяніи В. Г. Короленко на общественную, нравственную и умственную жизнь города, въ особенности за время его пребыванія въ немъ, полагала бы почтить день 50-ти-лѣтія рожденія этого выдающагося писателя-гуманиста и общественнаго дѣятеля учрежденіемъ стипендіи его имени при нижегородской классической гимназіи, внося ежегодно съ 1-го января 1904 года въ городскую смѣту расходъ въ суммѣ 46 р.; положеніе о стипендіи представить на утвержденіе высшему правительству въ установленномъ порядкѣ; въ день рожденія Владиміра Галактіоновича послать ему привѣтственную телеграмму отъ имени городского общественнаго управленія.

Дума единогласно приняла докладъ управы.

15-го іюля въ Полтавѣ, Житомірѣ, Нижнемъ и во многихъ городахъ были устроены засѣданія различныхъ просвѣтительныхъ обществъ, дѣтскія утра и спектакли, на которыхъ чествовался день рожденія знаменитаго писателя. По адресу его въ Полтавѣ, гдѣ живетъ В. Г. Короленко, и въ редакцію журнала «Рус. Богатство», редакторомъ котораго онъ состоитъ, получена масса телеграммъ и привѣтствій отъ общественныхъ учрежденій, городскихъ думъ, земскихъ управъ, всевозможныхъ просвѣтительныхъ и литературныхъ обществъ, органовъ печати и т. п.

Считаемъ своимъ долгомъ добавить, что пятидесятилѣтіе дня рожденія Влад. Г. Короленко совпало съ двадцатипятилѣтней годовщиной его выступленія на поприщѣ публицистической дѣятельности. Именно въ іюнѣ 1878 года появилась въ газетѣ «Новости» его первая замѣтка на событіе дня и затѣмъ онъ продолжалъ сотрудничать въ той же газетѣ. Указанная дата заслуживаетъ быть отмѣченной въ писательской дѣятельности Вл. Г. Короленко, который не только крупный художникъ въ области изящной литературы, въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и какъ постоянный сотрудникъ газетъ оказалъ существенныя услуги русскому обществу.

За мѣсяцъ. 5-го мая Высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта, вслѣдствіе представленія министра внутреннихъ дѣлъ, объ учрежденіи въ 46 губерніяхъ Европейской Россіи уѣздной полицейской стражи, впредь до общаго переустройства мѣстнаго управленія. Стража состоитъ изъ урядниковъ и стражниковъ, на каждую волость полагается одинъ урядникъ и необходимое число стражниковъ. Общее количество стражниковъ опредѣляется по разсчету не болѣе одного стражника на каждыя 2.500 душъ населенія обоего пола.

*

Высшее завѣдываніе уѣздною полицейскою стражей принадлежитъ министру внутреннихъ дѣлъ, въ губерніи они подчиняются губернатору, въ уѣздѣ—исправнику, въ станѣ—становому приставу.

Передвиженіе стражи для временнаго усиленія полицейской охраны изъ одной губерніи въ другую предоставляется министру внутреннихъ дѣлъ, а въ мѣстностяхъ, подчиненныхъ генералъ-губернаторамъ,—симъ послѣднимъ, въ предѣлахъ губерній—губернаторамъ, въ уѣздахъ—исправникамъ. Урядники и стражники могутъ быть какъ конные, такъ и пѣшіе. Число тѣхъ и другихъ опредѣляется министромъ.

На покрытіе расходовъ, вызываемыхъ введеніемъ полицейской стражи, повелѣно отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства по 10.370.700 р. въ годъ, съ зачисленіемъ въ ежегодное пособіе казнѣ изъ мѣстныхъ земскихъ средствъ: а) 71.640 р. изъ земскихъ сборовъ шести западныхъ губерній и б) суммы, соотвѣтствующей расходу на квартирное довольствіе урядниковъ въ губерніяхъ, въ которыхъ не введены земскія учрежденія.

Въ теченіе 1903 и 1904 годовъ уѣздная полицейская стража вводится въ губерніяхъ: Виленской, Воронежской, Вятской, Екатеринославской, Кіевской, Курской, Нижегородской, Орловской, Пензенской, Полтавской, Саратовской, Тамбовской, Харьковской, Херсонской и Черниговской, въ остальныхъ—въ теченіе 1905—1908 годовъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ стража вводится уже съ 1-го іюля; со введеніемъ стражи упраздняются должности полицейскихъ урядниковъ и сотскихъ.

— Опубликовано новое положеніе объ общественномъ управленіи города С.-Петербурга, Высочайше утвержденное 8-го іюня 1903 г.

— Въ «Собраніи узаконеній» опубликовано Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта объ отмѣнѣ тягчайшихъ видовъ тѣлесныхъ наказаній для ссыльныхъ: бритья головы, наказаній лозами, плетьми и приковываніемъ къ телѣжкѣ. Новый законъ замѣняетъ заключеніе въ исправительныя арестанскія отдѣленія одиночнымъ заключеніемъ, каторжными работами и временными работами на заводахъ.

— Опубликовано Высочайше утвержденное мнѣніе комитета министровъ о передачѣ капиталовъ и имущества армяно-грегоріанскихъ церквей въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ

— Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ узаконеній постановлены слѣдующія правила объ учрежденіи старостъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности, подвѣдомственныхъ присутствіямъ по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ.

1) Фабрично-заводскія промысловыя управленія съ разрѣшенія присутствій по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ имѣютъ право по предварительномъ распредѣленіи рабочихъ заведенія или промысла на разряды предоставлять этимъ разрядамъ избирать изъ своей среды кандидатовъ въ старосты. Изъ числа избранныхъ по каждому разряду кандидатовъ управленіе предпріятія утверждаетъ въ старосты даннаго разряда. 2) Кандидатами въ старосты не должны быть избираемы рабочіе моложе 25-ти лѣтъ. Отъ управленія пред-

пріятія зависитъ назначить и болѣе высокій наименьшій возрастъ для кандидатовъ въ старосты. Разряды, состоящіе въ большинствѣ изъ рабочихъ моложе установленнаго наименьшаго возраста, могутъ избирать кандидатовъ въ старосты, хотя бы изъ числа рабочихъ другихъ разрядовъ того же заведенія или промысла. 3) Староста признается уполномоченнымъ выбравшаго его разряда для заявленія управленію предпріятія, а равно учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ, коимъ ввѣренъ мѣстный надзоръ за благоустройствомъ и порядкомъ этихъ заведеній, о нуждахъ и ходатайствахъ разряда рабочихъ, его избравшаго, или отдѣльныхъ рабочихъ сего разряда, по дѣламъ, касающимся исполненія условій найма, а также быта рабочихъ въ данномъ заведеніи или промыслѣ. Черезъ старостъ передаются рабочимъ какъ распоряженія управленія предпріятія, такъ и разъясненія по сдѣланнымъ ими заявленіямъ. 4) Отдѣльные рабочіе не лишаются права ходатайствовать по указаннымъ дѣламъ и лично каждый за себя, не прибѣгая къ старостамъ. 5) Для обсужденія указанныхъ дѣлъ старостѣ предоставляется собирать рабочихъ избравшаго его разряда въ мѣстѣ и во время по указанію управленія предпріятія, причемъ староста наблюдаетъ за сохраненіемъ должнаго порядка. Для обсужденія дѣлъ относящихся къ нѣсколькимъ разрядамъ, собираются исключительно старосты этихъ разрядовъ. 6) При ходатайствѣ о разрѣшеніи избранія старосты управленіе предпріятія обязано представить составленныя имъ правила о старостахъ. Правила эти утверждаются губернаторомъ по докладу старшаго фабричнаго инспектора или подлежащаго окружного инженера по принадлежности. 7) Въ означенныхъ правилахъ должны быть опредѣлены основанія раздѣленія рабочихъ заведенія или промысла на разряды, а также порядокъ избранія старостъ, какъ-то: способъ подачи голосовъ, число голосовъ, обязательное для выбора кандидата, мѣсто и время подачи голосовъ, а равно число кандидатовъ въ старосты, представляемыхъ каждымъ разрядомъ на утвержденіе управленія предпріятія, необходимый для кандидатовъ въ старосты возрастъ и продолжительность службы рабочаго въ предпріятіи, порядокъ освобожденія старостъ отъ работы для исполненія ихъ обязанностей, срокъ полномочія старостъ и способъ замѣщенія ихъ на случай болѣзни, отсутствія, ухода со службы въ предпріятіи и по другимъ поводамъ и прочія указанія относительно старостъ, которыя покажутся необходимыми по мѣстнымъ условіямъ. Правила по ихъ утвержденіи выставляются въ мастерскихъ заведеній или на промыслѣ. 8) Старосты, не удовлетворяющіе своему назначенію, могутъ быть устраняемы отъ исполненія своихъ обязанностей распоряженіемъ губернатора и до истеченія срока, на который они были избраны. 9) На мѣстное по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствіе возлагается разсмотрѣніе жалобъ на распоряженія чиновъ фабричной инспекціи по примѣненію настоящаго закона и отмѣна въ подлежащихъ случаяхъ означенныхъ распоряженій. 10) Главному по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствію предоставляется преподать въ развитіе настоящаго узаконенія для руководства присутствія по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ фабричныхъ инспекторовъ и окружныхъ инженеровъ, а равно фабричныхъ, заводскихъ и промысловыхъ управленій инструкцій.

— По сообщенію «Самарск. Газеты», министромъ внутреннихъ дѣлъ не признано возможнымъ въ текущемъ году разрѣшить самарскому земству издавать періодическій органъ, хотя на его изданіе и внесено въ смѣту 6.700 р.

— «Черниговскими Губерн. Вѣдом.» сообщается циркуляръ черниговскаго губернатора уѣзднымъ исправникамъ по вопросу о назначеніи на должности полицейскихъ урядниковъ. Между прочимъ циркуляромъ «признается наиболѣе полезнымъ назначеніе лицъ, не имѣющихъ въ уѣздѣ осѣдлости, недвижимости, домашняго обзаведенія и вообще какихъ-либо особыхъ съ уѣздомъ связей, и ни подъ какимъ видомъ не должно быть допускаемо назначеніе урядниками лицъ, имѣющихъ таковое отношеніе къ стану, въ которомъ находится участокъ, долженствующій находиться въ ихъ вѣдѣніи». Въ другомъ циркулярѣ губернатора, въ виду необходимости установить во всѣхъ городахъ губерніи правильную организацію полицейскаго надзора и усматривая, что во многихъ уѣздахъ губерніи не вполнѣ соблюдается требованіе закона, изложенное въ ст. 660 т. II общ. учр. губ. изд. 1892 (6 п. прилож.), предлагаетъ полицеймейстерамъ и исправникамъ «относительно правильнаго размѣщенія городовыхъ на постахъ войти въ совмѣстное обсужденіе съ городскими управами, представивъ общее сужденіе о семъ губернатору».

— Обязательныя постановленія для гор. Харькова объявлены въ мѣстныхъ «Губ. Вѣд.» и. д. губернатора г. Гербелемъ объ ограниченіи пользованія оружіемъ и взрывчатыми веществами и о недопущеніи вредныхъ ученій и распространенія слуховъ.

— 26-го мая въ Костромѣ расклеено было объявленіе губернатора слѣдующаго содержанія: «Съ 20-го сего мая въ фабричномъ районѣ г. Костромы безпрепятственность и даже безопасность уличнаго движенія была неоднократно нарушаема уличною толпой. Для пресѣченія дальнѣйшаго повторенія такого безпорядка и предупрежденія возможности перенесенія его въ другія части города, попытки къ чему были дѣлаемы зачинщиками безпорядковъ, я призналъ необходимымъ усилить наружную полицейскую службу военными патрулями. Объявляя о семъ ко всеобщему свѣдѣнію и предупреждая о строгой отвѣтственности по уложенію о наказаніяхъ за всякое ослушаніе, а тѣмъ болѣе сопротивленіе воинскимъ частямъ, призываемымъ для поддержанія порядка, я выражаю увѣренность, что жители города, въ спокойномъ сознаніи, что въ распоряженіи моемъ имѣются достаточныя средства для подавленія безпорядковъ, не измѣнятъ обычнаго мирнаго теченія трудовой жизни».

— Въ «Лифляндск. Губернск. Вѣдом.» напечатанъ циркуляръ губернатора ген.-лейт. Пашкова по поводу явленія и фактовъ недавняго времени, оживленно обсуждавшихся мѣстной и столичной печатью.

«Въ виду дошедшихъ до губернскаго начальства свѣдѣній объ уклоненіи нѣкоторыхъ изъ имѣющихся въ губерніи частныхъ обществъ отъ предначертаній ихъ уставовъ, равно отъ требованій дѣйствующихъ узаконеній и правительственныхъ распоряженій, выражающемся, напримѣръ, въ самовольномъ измѣненіи района ихъ дѣйствій, въ несоблюденіи установленныхъ формальностей при устройствѣ разнаго рода вечеровъ, собраній, въ несоотвѣтственномъ

управленіи общественными капиталами и проч., лифляндскій губернаторъ въ увѣренности, что приведенныя отступленія являются лишь результатами какихъ-либо недоразумѣній, проситъ правленія частныхъ обществъ обратить особое вниманіе какъ на точное соблюденіе постановленій своихъ уставовъ, такъ и на неуклонное исполненіе касающихся ихъ дѣятельности узаконеній и правительственныхъ распоряженій.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ лифляндскій губернаторъ доводитъ до свѣдѣнія правленія частныхъ обществъ, что, по соглашенію съ попечителемъ рижскаго учебнаго округа, имъ признано необходимымъ допускать, въ будущемъ, присутствіе учащихся среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній на устраиваемыхъ частными обществами вечерахъ и собраніяхъ, а тѣмъ болѣе активное участіе ихъ на послѣднихъ въ качествѣ чтецовъ, докладчиковъ, сценическихъ исполнителей и т. д., лишь подъ непремѣннымъ условіемъ предварительнаго на то разрѣшенія начальства учебныхъ заведеній».

— Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» помѣщено: «Утромъ, 15-го іюля, рабочіе депо при станціи Михайлово, Закавказскихъ желѣзныхъ дорогъ (въ 112 верстахъ отъ Тифлиса по направленію къ Батуму), самовольно прекратили работы и произвели безпорядки, остановивъ товарный поѣздъ. Предъявленнымъ желѣзнодорожнымъ начальствомъ, полиціей и, наконецъ, начальникомъ прибывшей изъ Сурама мѣстной воинской команды требованіямъ разойтись толпа не подчинилась, вслѣдствіе чего, при новой попыткѣ съ ея стороны остановить шедшій изъ Боржома пассажирскій поѣздъ, воинская команда, въ числѣ 40 человѣкъ, послѣ неоднократныхъ предупрежденій, двинулась на толпу съ ружьями на перевѣсъ, но была встрѣчена градомъ камней и нѣсколькими револьверными выстрѣлами, вынудившими начальника команды приказать стрѣлять по толпѣ. Произведенными командой выстрѣлами десятеро рабочихъ убиты и восемнадцать ранены. Вслѣдъ за симъ порядокъ возстановился, и движеніе поѣздовъ производится безпрепятственно».

— По распоряженію администраціи комната, въ которой покойный М. М. Филипповъ производилъ опыты съ изобрѣтеннымъ имъ взрывчатымъ веществомъ, была опечатана и при открытіи комнаты присутствовалъ, по приглашенію администраціи, профессоръ михайловской артиллерійской академіи Гельфехъ. Въ присутствіи послѣдняго были убраны и упакованы какъ самое вещество, такъ и приборы, которые были въ распоряженіи покойнаго.

— Въ гор. Хвалынскѣ въ $1^1/_2$ ч. ночи на 3-е іюня объявленъ при открытыхъ дверяхъ приговоръ саратовскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, по дѣлу о поджогахъ въ имѣніи Н. С. Ермолаева при с. Спасско-Александровкѣ, Петровскаго уѣзда. Вердиктомъ присяжныхъ всѣ девятеро обвиняемыхъ оправданы, какъ въ составленіи шайки для зажигательствъ, такъ и въ совершеніи отдѣльныхъ поджоговъ. По распоряженію административной власти, всѣ подсудимые, кромѣ одного, оставлены подъ стражей.

— На основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ. св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., министръ внутреннихъ дѣлъ 18-го іюня опредѣлилъ: пріостановить изданіе газеты «Знамя» на одинъ мѣсяцъ.

— На основаніи ст. 154 уст. о ценз. и печ. св. зак. т. XIV (изд. 1890 г.), министръ внутреннихъ дѣлъ 23-го іюня опредѣлилъ: пріостановить изданіе «Владимірской Газеты» на восемь мѣсяцевъ.

Некрологъ. 12-го іюня скончалась писательница и переводчица Анна Николаевна Энгельгардтъ, много лѣтъ принимавшая участіе въ журналѣ «Вѣстникъ Европы».

ОПРОВЕРЖЕНІЕ. Въ № 6 (іюнь) нашего журнала, въ отдѣлѣ «На родинѣ» помѣщена перепечатка изъ газеты «Приазовскій Край» (ошибочно названной «Донской Рѣчью») подъ заглавіемъ «Заводскій врачъ», о столкновеніи рабочаго г. Строинскаго завода «Русскій Провидансъ» съ врачомъ того же завода г. Медалье. Въ настоящее время нами получено письмо г. Медалье съ вырѣзкой изъ № 105 «Приазовскаго Края» (отъ 23-го апр.), подъ заглавіемъ «Письмо въ редакцію», въ которомъ д-ръ Медалье опровергаетъ весь этотъ инцидентъ, подтверждая свой разсказъ ссылкой на рядъ свидѣтельствъ. Какъ видно изъ его разсказа: 1) г. Медалье дѣйствовалъ вполнѣ корректно, какъ врачъ, отказывая выдать свидѣтельство, для котораго онъ не имѣлъ врачебныхъ данныхъ; 2) г. Медалье не билъ г. Строинскаго, а самъ г. Строинскій напалъ съ палкой въ рукѣ на г. Медалье. Письмо г. Медалье подтверждено заявленіемъ правленія «Русскій Провидансъ», напечатаннымъ въ той же газетѣ. Кромѣ того, письмомъ предсѣдателя и секретаря маріупольскаго медицинскаго общества, напечатаннымъ тоже въ «Приазовскомъ Краѣ», опровергается заявленіе г. Строинскаго, что онъ обращался ко всѣмъ врачамъ въ городѣ и они всѣ находили у него признаки ушиба, но свидѣтельства почему-то не дали: г. Строинскій былъ у двухъ только врачей, которые никакихъ ушибовъ у него не нашли, а лишь явленія хронической внутренней болѣзни, наблюдавшіяся ими и раньше въ октябрѣ.

ИЗЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

(„Русская Старина“—Іюнь. „Вѣстникъ Европы“—Іюль. „Русское Богатство“—Май).

Въ іюньской книжкѣ «Русской Старины» помѣщена интересная статья г. Вейденбаума «Декабристы на «Кавказѣ». Заглавіе нашего очерка,—говоритъ авторъ—не совсѣмъ точно: въ немъ рѣчь идетъ не объ однихъ только «декабристахъ» въ тѣсномъ смыслѣ слова, но и о тѣхъ лицахъ, которыя за принадлежность къ тайнымъ обществамъ были осуждены приговорами отдѣльныхъ военно-судныхъ коммиссій. Затѣмъ въ нашъ очеркъ включены свѣдѣнія о «прикосновенныхъ» къ этимъ обществамъ и о войсковыхъ частяхъ, отправленныхъ на Кавказъ за участіе въ происшествіи 14 декабря 1825 года». Само собою разумѣется, что такое расширеніе предмета статьи г. Вейденбаума дѣлаетъ ее тѣмъ болѣе интересною.

Извѣстно, что приговоромъ верховнаго уголовнаго суда декабристы по степени тягости наложенныхъ на нихъ наказаній были раздѣлены на одиннадцать разрядовъ. Согласно высочайшей конфирмаціи, лица, осужденныя по IX-му разряду (графъ Петръ Коновницынъ, Николай Оржицкій и Нилъ Кожевниковъ), по лишеніи чиновъ и дворянства, были «написаны въ дальніе горнизоны». Въ X-й разрядъ былъ включенъ одинъ только капитанъ лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона Михаилъ Пущинъ, приговоренный къ лишенію чиновъ и дворянства и «написанію въ солдаты до выслуги». Этотъ приговоръ остался безъ измѣненія. Наконецъ, по XI-му разряду были приговорены къ лишенію только чиновъ «съ написаніемъ въ солдаты съ выслугою»: Петръ Бестужевъ, Алексѣй Веденяпинъ, Ѳедоръ Вишневскій, Епафродитъ Мусинъ-Пушкинъ, Николай Акуловъ, Александръ Фокъ, Михаилъ Лаппа и Николай Цебриковъ. По высочайшей конфирмаціи зачисленныхъ въ этотъ разрядъ лицъ повелѣно было распредѣлить на службу рядовыми въ дальніе гарнизоны, но Николая Цебрикова, «по важности вреднаго примѣра, поданнаго имъ присутствіемъ его въ толпѣ бунтовщиковъ въ виду его полка, какъ недостойнаго благороднаго имени, разжаловать въ рядовые безъ выслуги и съ лишеніемъ дворянства».

Такимъ образомъ 13 человѣкъ (12 вышепоименованныхъ и Борисъ Бодиско, которому высочайшей конфирмаціей ссылка въ Сибирь на поселеніе была замѣнена «написаніемъ въ матросы») были посланы на службу рядовыми въ отдаленные кавказскіе, сибирскіе и оренбургскіе гарнизоны. Всѣмъ этимъ лицамъ, за исключеніемъ Цебрикова, дано было право выслуги, но достигнуть этого можно было лишь боевыми отличіями и потому осужденные просили о разрѣшеніи служить имъ въ полкахъ кавказской арміи, дѣйствовавшей тогда противъ горцевъ. Такое разрѣшеніе послѣдовало въ августѣ 1826 года и осужденные, «дабы они могли загладить вину свою», были переведены въ дѣйствующую на Кавказѣ армію. Къ нимъ же присоединили еще осужденныхъ отдѣльно портупей-юнкера Цвѣловскаго и старшаго адъютанта по квартимейстерской части Евдокима Лачинова. Оба они (Цвѣловскій въ 1826 и Лачиновъ въ 1827 году) были приговорены особыми военно-судными коммиссіями за принадлежность къ тайнымъ политическимъ обществамъ къ разжалованію въ рядовые.

Началась персидская война, въ которой приняли дѣятельное участіе разжалованные въ рядовые декабристы, но выбиться изъ положенія, въ которомъ они находились, представляло неимовѣрныя трудности. Такъ, производство въ унтеръ-офицеры, напр., въ обыкновенныхъ случаяхъ принадлежало полковому командиру, по отношенію къ декабристамъ такимъ правомъ не пользовался даже командиръ корпуса. Всякое награжденіе разжалованныхъ могло произойти не иначе, какъ съ высочайшаго разрѣшенія. Между тѣмъ, общія и спеціальныя познанія этихъ образованныхъ людей приносили нашей арміи огромную пользу и начальство не могло ими не пользоваться. Такъ, по свидѣтельству очевидцевъ, «Пущинъ состоялъ при штабѣ дѣйствующихъ войскъ. Въ солдатской шинели онъ распоряжался въ отрядѣ, какъ у себя дома. Онъ руководилъ мелкими и крупными работами, начиная отъ вязанія фашинъ и ту-

ровъ, до устройства переправъ, мостовъ, укрѣпленій и т. п.». Благодаря познаніямъ, мужеству и энергіи, наши войска выигрывали очень много. Но онъ былъ декабристъ, и потому пребываніе его въ штабѣ очень не понравилось въ Петербургѣ и Дибичъ въ особомъ письмѣ далъ это понять Паскевичу. Разумѣется, положеніе разжалованныхъ ухудшилось Въ турецкую войну 1828—29 гг. число декабристовъ на Кавказѣ увеличилось вслѣдствіе того, что нѣкоторымъ изъ находившихся до того времени декабристовъ въ Сибири разрѣшено было поступить рядовыми въ кавказскую армію. На основаніи этого разрѣшенія на Кавказъ прибыли А. К. Берстель, А. А. Бестужевъ-Марлинскій, В. С. Толстой, князь В. М. Голицынъ и графъ З. Г. Чернышевъ. Въ турецкую кампанію, ознаменовавшуюся взятіемъ такихъ крѣпостей, какъ Карсъ, Ахалкалыкъ и Ахалцихъ, всѣ эти лица принимали самое дѣятельное участіе. «Акуловъ, Веденяпинъ и Фокъ за штурмъ Карса были произведены въ унтеръ-офицеры, трижды раненый подъ Ахалцихомъ Фокъ получилъ еще и знакъ отличія военнаго ордена, неутомимый и дѣятельный Пущинъ, прострѣленный въ грудь при штурмѣ Ахалциха, произведенъ въ подпоручики; но награды эти,—говоритъ г. Вейденбаумъ—были поистинѣ ничтожны въ сравненіи съ подвигами, описанными въ реляціяхъ отдѣльныхъ начальниковъ». Самъ Паскевичъ понималъ это и думалъ представить всѣхъ разжалованныхъ къ производству въ офицеры по окончаніи войны. Но тутъ случилось само по себѣ ничтожное, но, тѣмъ не менѣе, имѣвшее очень тяжелыя для разжалованныхъ послѣдствія, событіе. Г. Вейденбаумъ описываетъ его такъ: «Въ пограничное укрѣпленіе Гумры, нынѣшній гор. Александрополь пріѣхалъ генералъ Раевскій и остановился на три дня для выдержанія карантиннаго срока. Невольное сидѣніе это разнообразилось веселою бесѣдою за обѣдами и невинною игрою въ вистъ. Какъ человѣкъ общительный, Раевскій приглашалъ къ своему столу мѣстнаго коменданта Аносова, врача Гроппфа и др. Въ числѣ случайныхъ гостей и партнеровъ генерала былъ также адъютантъ начальника главнаго штаба генерала Чернышева, гвардіи штабъ-ротмистръ Бутурлинъ. Онъ пріѣзжалъ къ Эрзерумъ за дешевыми отличіями, но прибылъ слишкомъ поздно, когда кампанія была уже почти окончена. Паскевичъ, изъ угожденія вліятельному Чернышеву, далъ Бутурлину какой-то отрядъ казаковъ, наградивъ его владимірскимъ крестомъ и поручивъ доставить въ Петербургъ знамена, отбитыя у турокъ въ Гуріи. Съ этими трофеями Бутурлинъ и прибылъ въ гумринскій карантинъ, когда тамъ находился генералъ Раевскій. На другой день послѣ веселаго обѣда всѣ отправились въ дальнѣйшій путь. Изъ Тифлиса Раевскій поѣхалъ въ штабъ-квартиру своего полка, а Бутурлинъ поскакалъ въ Петербургъ. Черезъ шесть недѣль разразилась неожиданная гроза. Начальникъ главнаго штаба по высочайшему повелѣнію потребовалъ отъ Паскевича объясненій по поводу поѣздки Раевскаго: «дошло до высочайшаго свѣдѣнія,—писалъ графъ Чернышевъ,—что ген.-майоръ Раевскій, возвращаясь изъ главнаго отряда въ Тифлисъ, имѣлъ съ собою большую свиту, въ коей находились принадлежавшіе къ злоумышленнымъ обществамъ: Чернышевъ, Ворцель, Корвицкій и другіе. Въ Гумрахъ Раевскій давалъ обѣдъ въ палаткѣ, на которомъ присутствовали всѣ выше-

поименованныя лица. Государь императоръ желаетъ знать, что служитъ причиною непростительнаго послабленія, что генералъ-маіоръ Раевскій допускаетъ ихъ къ столь короткому съ собою обращенію, что дозволяетъ имъ быть даже при своемъ столѣ». По распоряженію Паскевича, началось обширное слѣдствіе, данными котораго было установлено, что у Раевскаго обѣдали разжалованные въ рядовые: декабристъ графъ Чернышевъ, члены польскаго тайнаго общества графъ Ворцель и графъ Корвицкій и нѣкто Квартано. (Судьба послѣдняго замѣчательна: будучи офицеромъ русской службы, онъ отправился въ Испанію навѣстить отца, служившаго тамъ русскимъ консуломъ. Въ Испаніи, забывъ про свое положеніе, Квартано примкнулъ къ освободительному движенію, организованному генераломъ Мина противъ абсолютизма короля Фердинанда VII. Когда возстаніе было подавлено, Квартано бѣжалъ въ Америку, потомъ вернулся въ Европу и долго скитался по ней безъ опредѣленнаго дѣла. Будучи въ Вѣнѣ, онъ рѣшился обратиться къ покровительству находившагося тамъ великаго князя Михаила Павловича. Тотъ посовѣтовалъ ему ѣхать въ Петербургъ съ повинною. Квартано такъ и поступилъ. Николай отправилъ его на службу «заглаживать вину» рядовымъ на Кавказъ). Обѣдъ Раевскаго съ этими лицами показался въ Петербургѣ дѣломъ настолько серьезнымъ, что всѣ представленія декабристовъ къ наградамъ были послѣ этого отклонены, а самъ Раевскій подвергнутъ аресту. Тутъ, въ сущности, дѣйствовала интрига, и указъ изъ Петербурга цѣлилъ не столько въ Раевскаго, сколько въ рядового Чернышева. «Для объясненія интриги,—разсказываетъ г. Вейденбаумъ,—необходимо припомнить, что начальникъ главнаго штаба А. И. Чернышевъ съ давнихъ поръ навязывался на ближайшее родство съ оберъ-шенкомъ графомъ Григоріемъ Ивановичемъ Чернышевымъ, владѣльцемъ маіората въ 200.000 душъ крестьянъ. Наслѣдникомъ этого богатства былъ единственный его сынъ Захаръ Григорьевичъ. Когда молодой человѣкъ былъ привлеченъ къ отвѣтственности по дѣлу декабристовъ, членъ слѣдственной коммиссіи А. И. Чернышевъ счелъ полезнымъ для себя заявить лишній разъ о своемъ съ нимъ родствѣ. При допросѣ онъ обратился къ нему со словами:

«Commcnt, cousin, vous êtes coupable aussi?» Графъ Захаръ Григорьевичъ рѣзко возразилъ: «Coupable peut-être, mais cousin jamais!» По приговору суда Захаръ Чернышевъ былъ приговоренъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы, и претендентомъ на наслѣдованіе маіоратомъ выступилъ А. И. Чернышевъ. «Что же тутъ удивительнаго,—сказалъ какъ-то по этому поводу Ермоловъ, — вѣдь одежда жертвы всегда поступала въ собственность палача». Между тѣмъ, послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Сибири, З. Г. Чернышеву было разрѣшено поступить рядовымъ на Кавказъ. Турецкая война могла дать ему возможность быть произведеннымъ въ офицеры и, слѣдовательно, получить полное возстановленіе правъ. Это не соотвѣтствовало видамъ А. И. Чернышева, и вотъ на его счастье подвернулась исторія съ Раевскимъ. Получивъ донесеніе Бутурлина, Чернышевъ быстро сообразилъ планъ дѣйствій для устраненія опаснаго конкурента на наслѣдованіе маіоратомъ. Поступокъ Раевскаго былъ представленъ, какъ событіе первостепенной важ-

ности. Паскевичъ поддержалъ это представленіе своимъ завѣреніемъ, что мятежный духъ еще не угасъ въ разжалованныхъ декабристахъ, но таится въ нихъ подъ давленіемъ обстоятельствъ».

Положеніе разжалованныхъ стало послѣ этого особенно тяжело.

Кромѣ осужденныхъ верховнымъ уголовнымъ судомъ за принадлежность къ тайнымъ обществамъ, на Кавказѣ служило еще не мало лицъ, переведенныхъ туда на службу изъ гвардіи и другихъ частей за «прикосновенность» къ заговору декабристовъ: къ числу этихъ лицъ принадлежали: полковникъ Леманъ, полковникъ Бурцовъ, подполковникъ Миклашевскій, ротмистръ Семичевъ, капитанъ графъ Мусинъ-Пушкинъ, капитанъ Наровъ, поручикъ Шереметевъ и многіе другіе. За всѣми этими лицами былъ учрежденъ также самый бдительный секретный надзоръ. Мнительность въ Петербургѣ превосходила въ это время всякое вѣроятіе, и надзоръ учреждался за офицерами иногда по самымъ курьезнымъ поводамъ. На основаніи оффиціальныхъ документовъ, г. Вейденбаумъ разсказываетъ, напр., про такой случай: «нѣкто капитанъ Калачевскій (ни къ чему «неприкосновенный» и не состоявшій поэтому подъ надзоромъ, но письма перлюстрировались, очевидно, не однихъ только «прикосновенныхъ») въ письмѣ къ братьямъ своимъ сообщилъ, что онъ влюбленъ въ «дѣву горъ». Письмо, отправленное по почтѣ, попало въ руки Дибича. «Дѣва горъ» показалась ему подозрительною. Копія письма была препровождена Ермолову съ требованіемъ свѣдѣній о благонадежности Колачевскаго. Ермоловъ отвѣчалъ: «Дѣва горъ», о коей говоритъ Колачевскій, есть, какъ мнѣ извѣстно, пригожая дѣвушка, въ которую онъ влюбленъ и старается получить ее въ супружество. По множеству соперниковъ совершенно на то не надѣется. Преодолѣніе затрудненій почитаетъ важнымъ успѣхомъ и, какъ надобно думать, прежде точнаго въ томъ удостовѣренія, не рѣшается братьямъ объявить о томъ. Капитанъ Колачевскій, находящійся при военно-окружномъ начальникѣ ген.-м. князѣ Мадатовѣ, хорошій офицеръ и всегда былъ такого поведенія и нравственности, которыя не навлекали ни малѣйшаго подозрѣнія». Несмотря на такой отзывъ Ермолова, влюбленный капитанъ былъ отданъ подъ секретный надзоръ. Были и другіе случаи въ томъ же роодѣ.

Сообщаетъ г. Вейденбаумъ и нѣкоторыя свѣдѣнія о получившимъ иную извѣстность въ исторіи общественнаго движенія александровскаго времени капитанѣ Майбородѣ. Когда въ Петербургѣ былъ сформированъ особый гвардейскій сводный полкъ, посланный на кавказъ для принятія участія въ войнѣ съ Персіей, то,—разсказываетъ г. Вейденбаумъ,—«въ числѣ офицеровъ своднаго полка находился Аркадій Ивановичъ Майборода, бывшій капитанъ Вятскаго пѣхотнаго полка, приславшій императору Александру I въ Таганрогъ доносъ о существованіи тайнаго общества въ старой арміи. Послѣ воцаренія Николая I, онъ былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ л.-гв. гренадерскій полкъ. Впослѣдствіи Майборода перешелъ вновь въ армію, отправился опять на Кавказъ и командовалъ (1842—1844 гг.) Апшеронскимъ пѣхотнымъ полкомъ. Жизнь свою кончилъ онъ самоубійствомъ».

Что привело Майбороду къ самоубійству, г. Вейденбаумъ, къ сожалѣнію, не сообщаетъ.

Напечатанная въ іюльской книжкѣ «Вѣстника Европы», чрезвычайно интересная статья Д. М. Щепкина «Московскій университетъ въ половинѣ двадцатыхъ годовъ», переноситъ насъ также къ любопытнымъ страницамъ отечественной исторіи. Повѣствованіе г. Щепкина относится къ тому времени, когда во главѣ россійскаго просвѣщенія стоялъ знаменитый А. С. Шишковъ. Хотя предшественникомъ новаго министра (кн. А. Н. Голицынымъ), казалось, сдѣлано было рѣшительно все, что только можно было сдѣлать для очищенія храмовъ русской науки отъ всякаго рода злокозненныхъ плевелъ (достаточно вспомнить про настоящіе погромы, произведенные при семъ въ университетахъ петербугскомъ и казанскомъ Магницкимъ и Руничемъ), но Шишковъ считалъ по прежнему университеты главнымъ очагомъ распространенія на Руси заразы и ставилъ себѣ двѣ задачи: «положить преграду тому нравственному разврату, который, подъ названіемъ духа времени, долго росъ и усиливался, успѣвъ уже заразить цѣлое поколѣніе юношей» и 2) «обуздать цензурой развратъ, разсѣиваемый въ книгахъ тысячами различныхъ способовъ». Свои взгляды на науку и ея значеніе въ жизни Шишковъ изложилъ въ произнесенной при вступленіи въ должность рѣчи. «Науки,—сказалъ онъ,—полезны только тогда, когда, какъ соль, употребляются и преподаются въ мѣру, смотря по состоянію людей и по надобности, какую всякое званіе въ нихъ имѣетъ. Обучать грамотѣ весь народъ или несоразмѣрное числу онаго количество людей принесло бы болѣе вреда, нежели пользы». Попечителемъ въ Москву былъ назначенъ непричастный ни къ какимъ наукамъ ни въ какихъ смыслахъ генералъ Писаревъ. Это былъ яркій образчикъ того исчезнувшаго было типа попечителей, на возстановленіи котораго въ настоящее время такъ горячо настаиваетъ князь Мещерскій. Попечитель былъ немудрящъ даже по части реакціонной иниціативы, но, снабженный Шишковымъ подробной инструкціей и пріученный всею своею предшествующею служебною дѣятельностью къ безпрекословному подчиненію указаніямъ начальства, онъ оказался вполнѣ на желанной Шишкову высотѣ попечительскаго званія. И, вотъ, по предложенію свыше, Писаревъ принялся за составленіе «новаго проекта университетскаго устава», который, какъ гласила препроводительная къ этому проекту бумага, онъ «дерзалъ повергнуть на судъ его высокопревосходительства» въ качествѣ «опыта своего усердія къ службѣ и подчиненности». Составитель проекта признаетъ пользу лишь за науками прикладными, да и то смотря по званію обучающихся имъ людей. Преподавать слѣдуетъ «военнымъ людямъ—военныя науки, статскимъ—гражданскія, промышленникамъ—коммерческія». Что же касается теоретическаго образованія человѣка, то противъ него Писаревъ возстаетъ даже со страстью. «Въ немъ облекается человѣкъ въ какую то глупую самонадѣянность, упрямство и смѣшное ячество, и дѣлается ни къ чему негоднымъ, ни къ служенію военному, ни къ гражданскому и

вреденъ по каѳедрѣ! Сей, такъ сказать, полиматическій пигмей ни отъ чего другого нарождается на свѣтъ, какъ отъ умственно расплодившихся наукъ, педантствомъ возлелѣянныхъ». Тутъ же рекомендуются профессорамъ методы и цѣлыя программы преподаванія ихъ предметовъ. Такъ, при преподаваніи исторіи умозрительной философіи они должны опровергать «ложныя мнѣнія древнихъ философовъ, бредни среднихъ вѣковъ схоластиковъ, безвѣріе лжефилософовъ XVIII столѣтія, поверхностное знаніе новѣйшихъ педагоговъ философіи, какъ, напримѣръ, Азанса, Окена и прочихъ». Весьма оригинальный взглядъ проводилъ генералъ Писаревъ также на политическую экономію. «Сія нововведенная наука,—писалъ онъ,—самоуправная и безотчетная, открываетъ профессору пространнѣйшее поле нелѣпствовать, а учащимся—случай терять время. Съ тѣхъ поръ какъ педагоги начали учить, какъ править государствами,—и государства поколебались; стали изыскивать богатства и мы обнищали». Такъ какъ политическая экономія занимается изученіемъ народнаго богатства, его пріобрѣтеніемъ, распредѣленіемъ и потребленіемъ; то Писаревъ возстаетъ противъ преподаванія этого предмета педагогомъ, «который едва ли что либо пріобрѣтаетъ, а и того менѣе потребляетъ и чаще всего ничѣмъ не распредѣляетъ». Въ концѣ проекта формулируются посаженныя въ основу его начала:

1) «На вѣрѣ и нравственности да основывается наука.

2) «Отечественное предпочитать иностранному.

3 «Чинопочитаніе--первый шагъ къ порядку и устройству».

Вскорѣ по вступленіи своемъ въ должность попечителя, Писаревъ обратился къ совѣту университета съ циркуляромъ, въ которомъ предписывалъ принять къ исполненію слѣдующія правила:

1) Поручить ректору имѣть неослабный надзоръ, чтобы въ урокахъ профессоровъ ничего колеблющаго или ослабляющаго ученія нашей вѣры не было.

2) Учить Закону Божію съ тою внимательностью, какой требуетъ важность сего дѣла, отнюдь не вдаваясь въ лжемистику и не увлекаясь ложною филантропіей, поставляющей всѣ ереси на ряду съ истинною христіанскою вѣрою.

3) Наблюдать, чтобы ученики и студенты не устранялись отъ исполненія правилъ церковныхъ. Они должны въ праздничные дни находиться при слушаніи Божественной литургіи, а въ будни собирались на общественную молитву, установя между ними чтеніе св. Писанія по славянскому тексту съ толкованіемъ св. отцовъ и учителей церкви».

Одновременно съ этимъ послѣдовало слѣдующее предложеніе цензурному комитету:

Цензура книгъ, предоставленная университету по всему московскому учебному округу, требуетъ особеннаго вниманія. Хитрыя увертки и изворотъ разума, подъ которыми въ наше время развратъ и невѣріе распространяютъ нечестивыя мудрствованія ко вреду религіи, правительства и гражданскаго общества,—вотъ тѣ предметы, на которые цензурный комитетъ долженъ обра-

тить все свое вниманіе. Одно только неутомимое стараніе благонамѣренныхъ и просвѣщенныхъ людей можетъ служить оплотомъ противъ наводненія такими книгами, которыя, вкрадшись единожды во всеобщее употребленіе, могутъ угрожать спокойствію всякаго благоустроеннаго государства».

Не забыта была и наука. По случаю ожиданія въ Москву министра народнаго просвѣщенія, попечитель вошелъ въ совѣтъ съ такимъ предложеніемъ:

«Желательно, чтобы на публичныхъ экзаменахъ избираемы были изъ лекцій такіе предметы, которые бы отчасти закорыстовали и самихъ посѣтителей, относясь то къ случаямъ какимъ-либо настоящимъ, то избраніемъ важнѣйшихъ эпохъ происшествій, лицъ или мѣстностей, а наиболѣе относительно къ православной нашей вѣрѣ и отечеству». Попечитель такъ поясняетъ далѣе свою мысль:

«Политическая экономія: изысканіе богатства въ собственныхъ произведеніяхъ.

«Статистика:—Таврида, Крымъ.

«Греческая словесность: примѣры изъ Іоанна Златоуста и Василія Великаго, гдѣ они говорятъ о пользѣ чтенія славянскаго писанія.

«Правила латинскаго языка и логики: переводы изъ св. Августина, замѣчанія на нѣкоторыя славянскія слова въ логическомъ смыслѣ, употребленныя преподобнымъ Ниломъ въ его поучительныхъ словахъ.

«Физика: наблюденіе надъ атмосферою московскою».

Въ такомъ же духѣ составлены были образцы и для всѣхъ другихъ, преподававшихся въ университетѣ, наукъ.

Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ университетъ не могъ не процвѣсти и не даромъ же писалъ самъ Писаревъ такія слова: «слава университета и благосостояніе членовъ для меня священны».

Въ излагаемой статьѣ читатель найдетъ также чрезвычайно интересныя подробности посѣщенія императоромъ Николаемъ I московскаго университета и состоявшаго при немъ благороднаго пансіона, но, не имѣя возможности останавливаться болѣе на этомъ предметѣ, мы отсылаемъ интересующихся къ самой статьѣ Д. М. Щепкина.

Въ майской книжкѣ «Русскаго Богатства» помѣщена очень любопытная статья г. Норова подъ заглавіемъ «Несовмѣстимыя заботы». Это даже не статья, а небольшая замѣтка, и тѣмъ не менѣе содержаніе ея заслуживаетъ вниманія со стороны читателя. Дѣло идетъ о заботахъ министерства финансовъ одновременно и насаждать трезвость, и блюсти интересы фиска, въ которомъ, какъ извѣстно, питейный доходъ играетъ весьма почтенную роль. Винная монополія введена у насъ, если вѣрить апологетамъ этой мѣры, въ цѣляхъ борьбы съ народнымъ пьянствомъ и спасенія народной нравственности отъ развращающаго вліянія кабацкой водки. Какъ же обстоитъ дѣло огражденія народа отъ этихъ язвъ въ настоящее время? На нѣкоторыя стороны этого дѣла и бросаетъ довольно яркій свѣтъ вышеназванная замѣтка г. Норова. Напомнивъ, что «до введенія казенной монополіи въ Россіи царила, можно

сказать, 40-градусная водка», г. Норовъ напоминаетъ также, что уже въ 1896 году «въ Бессарабской, Кіевской и Полтавской губерніяхъ на ряду съ 40-градусной водкой и обыкновеннымъ спиртомъ былъ выпущенъ въ продажу еще спиртъ въ 57°. Въ слѣдующемъ году спиртъ такой же крѣпости былъ введенъ въ употребленіе еще въ трехъ губерніяхъ юго-западнаго края и въ шести губерніяхъ сѣверо-западнаго; въ 1898 году тотъ же спиртъ былъ введенъ въ Херсонской губерніи, а въ 1899—въ Таврической». Населеніе отнеслось къ такой заботѣ о его благосостояніи довольно сдержанно, что выразилось чрезвычайно незначительнымъ спросомъ на новый благодѣтельный напитокъ,—въ нѣкоторыхъ губерніяхъ его расходилось менѣе 1% всего потреблявшагося вина,—тѣмъ не менѣе 57-градусный спиртъ неукоснительно появлялся въ продажѣ, и такая настойчивость принесла желанные плоды. Г. Норовъ приводитъ чрезвычайно интересную табличку, показывающую потребленіе населеніемъ 57-градуснаго спирта въ годъ введенія винной монополіи и въ годъ 1900. Вотъ эта табличка:

ГУБЕРНІИ:	Въ % къ общему расходу спирта: Въ годъ введенія.	Въ 1900 г.
Бессарабская . . .	7,5	22,5
Кіевская	0,9	11,3
Полтавская . . .	0,1	6,9
Волынская	8,9	11,4
Екатеринославская .	0,1	2,6
Подольская. . . .	12,7	16,1
Таврическая . . .	0,4	3,7
Херсонская . . .	3,0	6,7
Виленская	3,5	8,9
Витебская	5,1	11,3
Гродненская . . .	11,0	20,3
Ковенская	5,5	14,2
Минская	2,1	6,5
Могилевская . . .	1,4	6,2
Въ среднемъ .	4,5	10,6

Эта таблица ясно свидѣтельствуетъ объ одномъ и томъ же, наблюдавшемся на пространствѣ всѣхъ четырнадцати губерній, явленіи: 57-градусный спиртъ прививался сначала чрезвычайно «туго», но потомъ настойчивость продавцовъ брала свое и населеніе поддавалось соблазну. При этомъ надо имѣть въ виду, что 57-градусный спиртъ продавался все время не только въ крупной, но и въ самой мелкой посудѣ, что указываетъ на предназначеніе его для непосредственнаго употребленія. Это обстоятельство отразилось въ жизни тѣмъ, что увеличеніе потребленія спирта происходило всецѣло за счетъ потребленія 40-градусной водки, другими словами, потребляя спиртныхъ напитковъ то же количество, какъ и прежде, во дни царствованія «вольнаго кабака», населеніе стало потреблять гораздо большее количество алкоголя... «Съ точки зрѣнія

народнаго здравія и доброй нравственности,—справедливо замѣчаетъ по этому поводу г. Норовъ,—этотъ результатъ едва ли можно признать утѣшительнымъ, зато для казны онъ былъ несомнѣнно выгоднымъ». Выигрышъ казны отъ этой операціи лишь въ двухъ районахъ, юго-западномъ и сѣверо-западномъ, въ которыхъ 57-градусный спиртъ получилъ особенно большое распространеніе, авторъ замѣтки исчисляетъ слѣдующимъ образомъ: въ этихъ районахъ въ 1900 г. продано 57-градуснаго спирта 1132,2 тыс. ведеръ. «Допустимъ, — говоритъ г. Норовъ,—что спирта въ 57° въ продажѣ не было бы. Тогда населенія потребило бы 1132,2 тыс. ведеръ 40-градуснаго вина, причемъ потребленіе алкоголя было бы меньше, а именно на 481,2 тыс. ведеръ обыкновенной 40-градусной водки. При цѣнѣ ведра въ 7 р. 60 к. это составило бы 3.675.000 руб. Въ дѣйствительности, эта цифра, вѣроятно, была бы нѣсколько меньше, такъ какъ болѣе слабаго напитка потребители, вѣроятно, выпили бы по объему нѣсколько больше. Но если мы уменьшимъ приведенную цифру даже на половину, то и въ такомъ случаѣ получимъ солидную сумму почти въ 2 милліона рублей, на которую увеличились во взятыхъ районахъ доходы казны вслѣдствіе введенія въ продажу 57-градуснаго спирта. Одуряющее дѣйствіе алкоголя на населеніе, конечно, при этомъ увеличилось то, что было выгодно для фиска, несомнѣнно было убыточно для народнаго благосостоянія».

Такого же рода результатъ мѣропріятій, предпринятыхъ министерствомъ финансовъ, въ цѣляхъ борьбы съ пьянствомъ народа, г. Норовъ прослѣдилъ и въ царствѣ польскомъ. Замѣтку свою авторъ заканчиваетъ такими словами:

«Взявъ въ свои руки торговлю спиртными напитками, министерство финансовъ получило могучее средство регулировать ихъ потребленіе. Понижая послѣдовательно крѣпость напитковъ, оно могло бы пріучить населеніе къ меньшему потребленію алкоголя; увеличивая емкость посуды, въ которой напитки поступаютъ въ продажу, оно могло бы развивать домашнее потребленіе. Въ дѣйствительности оно поступило какъ разъ наоборотъ, т.-е. повышало крѣпость напитковъ и даже самые крѣпкіе изъ нихъ пускало въ продажу въ самой мелкой посудѣ.

«Располагая громадными силами и средствами, вопросъ о потребленіи спиртныхъ напитковъ казна могла и, казалось бы, должна была подвергнуть тщательному изслѣдованію. Изучивъ составъ потребителей, распредѣленіе ихъ по полу, возрасту и общественному положенію, характеръ потребленія питей въ различныхъ мѣстностяхъ и разными группами населенія, вліяніе бытовыхъ и экономическихъ условій и т. д., государство, конечно, могло бы найти прочное основаніе для цѣлесообразной, т.-е. соотвѣтствующей запросамъ и интересамъ народа политикѣ въ большомъ и серьезномъ дѣлѣ. Въ дѣйствительности ничего этого не дѣлалось и не дѣлается. Различныя мѣры предпринимались и предпринимаются какъ бы по вдохновенію. Не трудно, конечно, догадаться, что является источникомъ послѣдняго.

«Какъ бы то ни было, возникшія три года тому назадъ намѣренія ослабить крѣпость казеннаго вина и разбавить для того водку водою были не-

медленно оставлены, какъ только рѣшено было инымъ путемъ поднять налогъ на спиртные напитки. Разговоры о народномъ здравіи и доброй нравственности такъ и остались одними разговорами. Между тѣмъ, мѣры, направленныя къ распространенію среди населенія болѣе крѣпкихъ напитковъ, были проведены безъ всякихъ разговоровъ и сохранили свою силу даже тогда, когда одуряющее дѣйствіе казеннаго вина было признано оффиціально. Спиртъ и по сей день продолжаетъ вытѣснять водку».

Таковъ одинъ изъ видныхъ результатовъ того порядка, который народъ называетъ «винополью»...

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Выборы въ германскій рейхстагъ. — Общественная жизнь Германіи. Результаты послѣднихъ выборовъ въ германскій рейхстагъ представляютъ наиболѣе выдающееся событіе германской политической жизни. Несомнѣнное торжество соціалъ-демократіи, число голосовъ которой увеличилось на 800,000 сравнительно съ выборами 1898 года, вынуждаетъ германскую печать, за исключеніемъ соціалъ-демократическихъ органовъ, въ нѣсколько элегическомъ тонѣ обсуждать результаты послѣднихъ выборовъ. Нѣкоторыя изъ консервативныхъ газетъ, напр., «Kreuzzeitung», приходятъ къ неожиданному выводу, что такъ какъ сельскія избирательныя коллегіи служатъ единственною преградою успѣхамъ соціалъ-демократіи, то германское правительство *должно поддерживать аграрную политику* и не уступать въ этомъ отношеніи другимъ вліяніямъ. Другая консервативная газета «Reichsbote» рѣзко нападаетъ на графа Бюлова и успѣхи соціалъ-демократовъ приписываетъ его «зигзагной политикѣ» (zigzag-politik) Органы національ-либераловъ, взваливаютъ вину на аграріевъ, между тѣмъ какъ органъ свободныхъ консерваторовъ горюетъ о томъ, что «единственными представителями партіи прогресса въ новомъ рейхстагѣ будутъ соціалъ-демократы и результатомъ такого положенія вещей явится опасное усиленіе реакціонной политики, которую будутъ всѣми силами поддерживать ультра-консерваторы». Бывшій органъ покойнаго Бисмарка «Hamburger Nachrichten» заходитъ въ своемъ негодованіи даже такъ далеко, что настаиваетъ на немедленномъ распущеніи новаго рейхстага и отмѣнѣ всеобщей подачи голосовъ, взявъ за образецъ Саксонію, гдѣ выборы въ ландтагъ ограничены. Любопытно, что «Гамбургская Газета», указывая на Саксонію, совершенно забываетъ о томъ, что именно въ Саксоніи соціалъ-демократы одержали полную побѣду на выборахъ въ рейхстагъ, захвативъ всѣ мѣста въ рейхстагѣ. Эта побѣда явилась какъ бы отвѣтомъ на мѣры, принятыя саксонскимъ правительствомъ, устранившимъ соціалъ-демократовъ отъ участія въ народномъ представительствѣ въ саксонскомъ ландтагѣ. Благодаря такому режиму, число соціалъ-демократическихъ голосовъ увеличилось на 50% сравнительно съ 1798 годомъ. То же самое, но болѣе уже подъ вліяніемъ экономическихъ,

нежели политическихъ причинъ, произошло въ промышленныхъ округахъ Германіи, въ Бохумѣ, Дортмундѣ, Эссенѣ и др. Большіе ганзейскіе города, Гамбургъ, Бременъ, Любекъ—всѣ оказались въ рукахъ соціалъ-демократовъ—вслѣдствіе чего число соціалъ-демократовъ съ 56 возросло до 81.

Мѣстная печать удостовѣряетъ, что никогда еще выборы не производились такъ энергично и въ нѣкоторыхъ округахъ 92% избирателей, занесенныхъ въ списки, подавали голоса, тогда какъ прежде число неявившихся всегда было довольно велико. Даже такія, казалось, непоколебимыя крѣпости клерикализма, какъ Кёльнъ, непремѣнно посылавшій въ рейхстагъ ультрамонтанскихъ депутатовъ, тоже подвергся натиску соціалъ-демократіи, которая въ 1898 году владѣла только 9.008 голосовъ противъ 12.821 католиковъ, а теперь выставила уже 13.284 противъ 15.622 католиковъ и заставила вторично баллотироваться кандидата католической церкви. Это небывалый случай въ исторіи этого избирательнаго округа, извѣстнаго своими клерикальными традиціями.

Въ Берлинѣ, гдѣ соціалъ-демократы овладѣли 5 мѣстами изъ 6, число соціалъ-демократическихъ избирателей возросло до 177.801 (въ 1898 году 155.411). Тѣмъ не менѣе центръ все-таки остается одною изъ самыхъ сильныхъ партій въ рейхстагѣ и такимъ образомъ въ новомъ рейхстагѣ будутъ существовать только двѣ могущественныя политическія фракціи: ультрамонтаны—101 и соціалисты—81, и какая бы ни произошла коалиція силъ буржуазнаго либерализма, она не въ состояніи будетъ служить противовѣсомъ ни центру, ни соціалъ-демократамъ.

Съ большимъ интересомъ всѣ ожидаютъ, что скажетъ императоръ Вильгельмъ по поводу такихъ результатовъ выборовъ, какъ отнесется онъ къ новому рейхстагу. До сихъ поръ онъ еще не обмолвился ни однимъ словомъ въ своихъ рѣчахъ по этому поводу и въ своей рѣчи, произнесенной въ Гамбургѣ уже послѣ того, какъ сдѣлалась извѣстна побѣда соціалъ-демократовъ въ этомъ городѣ, Вильгельмъ II даже не намекнулъ на это «непріятное» обстоятельство и въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ восхвалялъ патріотизмъ гамбургцевъ и благодарилъ за оказанный ему пріемъ. Какова будетъ дальнѣйшая политика Вильгельма II—предугадать трудно. Онъ пріучилъ публику ко всякаго рода сюрпризамъ и весьма возможно, что проповѣдь о возвращеніи къ бисмарковской системѣ останется безъ результата. Опытъ вѣдь указываетъ, что исключительныя мѣры только помогаютъ тому дѣлу, которое они намѣреваются раздавить. Какъ бы то ни было, но императоръ Вильгельмъ очутился теперь словно въ тискахъ между двумя партіями, одинаково чуждыми его идеѣ и одинаково «интернаціональными», хотя въ то же время обѣ эти партіи глубоко пустили свои корни въ почвѣ германской національности.

Несмотря на жаркую борьбу, полемику въ газетахъ, агитаціонныя собранія и т. п., выборы прошли сравнительно очень спокойно, даже «слишкомъ спокойно», по замѣчанію нѣкоторыхъ старыхъ политиковъ, посѣдѣвшихъ въ избирательной борьбѣ. За исключеніемъ только одного довольно серьезнаго столкновенія съ властями, почти нигдѣ не было замѣтно избирательной горячки и

многіе уже готовы были видѣть въ этомъ ослабленіе интереса въ народѣ къ парламентскимъ выборамъ, но результаты показали какъ разъ обратное. На этотъ разъ большое участіе въ избирательной агитаціи принимали германскія женщины. Нѣмецкій «Verein für Frauenstimmrecht» разослалъ циркулярное посланіе всѣмъ мѣстнымъ ферейнамъ либеральныхъ партій Германіи, приглашая ихъ привлечь къ участію въ выборной агитаціи женщинъ, съ цѣлью пробудить у нихъ политическій интересъ. Три южно-германскихъ ферейна отвѣтили на это приглашеніемъ женщинамъ вступить членами. Многіе ферейны свободомыслящей партіи приглашали женщинъ говорить на собраніяхъ, а во Франкфуртѣ-на-Майнѣ была окончательно принята помощь женщинъ въ избирательной борьбѣ. Гамбургскій ферейнъ «Freisinnige Volkspartei» принялъ резолюцію въ общемъ собраніи, на основаніи которой женщины могутъ быть членами этого ферейна наравнѣ съ мужчинами. Въ Берлинѣ и др. городахъ происходили агитаціонныя собранія, на которыхъ ораторы чередовались съ ораторшами и даже предсѣдательствовали женщины. Враждебная печать конечно очень несочувственно относится къ этому факту. Но особенный гнѣвъ клерикальной печати возбудила Клара Цеткинъ, въ самомъ центрѣ ультрамонтанства, священномъ городѣ Кёльнѣ, сказавшая рѣчь, въ которой анализировала политическую дѣятельность центра и обвинила его въ томъ, что онъ, являясь повсюду защитникомъ капитализма, поощряетъ разрушительное дѣйствіе современныхъ экономическихъ условій на нѣмецкую семью.

Кромѣ своей гамбургской рѣчи, вызвавшей комментаріи именно отсутствіемъ въ ней какого бы то ни было намека на политическое положеніе, созданное выборами, Вильгельмъ II сказалъ еще нѣсколько маленькихъ «неполитическихъ» рѣчей по разнымъ поводамъ. Между прочимъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ онъ обратился съ рѣчью къ рабочему «Gesang Verein'у», въ которой преподалъ ему благой совѣтъ культивировать исключительно только народныя пѣсни и не пытаться соперничать съ хоромъ филармоническаго общества въ Берлинѣ. Отдавая должную дань результатамъ, достигнутымъ ферейномъ въ музыкальномъ отношеніи, императоръ въ то же время критиковалъ исполненіе нѣкоторыхъ музыкальныхъ номеровъ, заявивъ, что «почти всѣ пѣвцы спѣли свои партіи полутономъ выше, чѣмъ слѣдуетъ!» Въ заключеніе императоръ объявилъ озадаченнымъ регентамъ, что онъ намѣренъ въ скоромъ времени издать сборникъ національныхъ нѣмецкихъ пѣсенъ и тогда они получатъ возможность покупать его по дешевой цѣнѣ. Такимъ образомъ Вильгельмъ II, сочинившій гимнъ Эгиру, выступилъ въ роли музыкальнаго критика такъ же авторитетно, какъ онъ выступалъ въ другихъ вопросахъ, художественныхъ, теологическихъ, философскихъ, педагогическихъ, морскихъ и военныхъ, въ которыхъ онъ одинаково считаетъ себя компетентнымъ. Другое его замѣчаніе вызвало также шутливые толки въ газетахъ, внеся веселую ноту въ серьезное настроеніе, вызванное выборами. Въ одномъ изъ городовъ рейнской провинціи императору была представлена многочисленная депутація лотарингскихъ дѣвушекъ, числомъ около 200, одѣтыхъ въ національные костюмы. Вильгельмъ II со свойственною ему любезностью принялъ эту депутацію и сказалъ

краткую привѣтственную рѣчь съ обычнымъ паѳосомъ и патріотическими фразами, а затѣмъ обратившись къ бургомистру, прибавилъ: «Sorgen sie dafür, das sie alle tuchtige soldatenmutter werden!» (Позаботьтесь сдѣлать изъ нихъ хорошихъ солдатскихъ матерей). Одна изъ газетъ иронически замѣчаетъ по этому поводу, что и «самому сильному бургомистру такое порученіе не по силамъ».

Въ Берлинѣ недавно состоялось открытіе новаго музея, носящаго названіе «Ständige Ausstellung für Arbeiteswohlfart» (Постоянная выставка всего, что сдѣлано для благосостоянія рабочихъ). Этотъ новый музей представляетъ аналогію съ тѣмъ, который существуетъ въ Парижѣ подъ именемъ соціальнаго музея. Въ Германіи уже давно обсуждалась идея такого музея, но только въ 1899 году рейхстагъ занялся этимъ проектомъ и ассигновалъ на его устройство 568.000 марокъ. Однако издержки на постройку зданія и техническое устройство музея, какъ сообщаетъ франкфуртская газета, вдвое превысили эту сумму. Въ большой залѣ находятся 115 машинъ, снабженныхъ приспособленіями для защиты рабочихъ. Эти машины могутъ быть приведены въ дѣйствіе и такимъ образомъ демонстрируютъ пользу названныхъ приборовъ. Въ другомъ отдѣленіи демонстрируется предохранительная одежда рабочихъ, употребляемая при опасныхъ для здоровья работахъ. Третій отдѣлъ посвященъ промышленной и соціальной гигіенѣ и наглядно демонстрируетъ успѣхи, сдѣланные въ этомъ отношеніи. Съ нимъ соединена библіотека, въ которой собрана обширная литература, касающаяся важныхъ вопросовъ обезпеченія здоровья и благосостоянія рабочихъ.

Отдѣлъ промышленной гигіены, по словамъ корреспондентовъ, посѣтившихъ музей, представляетъ выдающійся интересъ, такъ какъ тутъ всего нагляднѣе выражены успѣхи промышленной гигіены въ тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя направлены противъ хроническихъ, сопряженныхъ съ извѣстными родами промышленности, заболѣваній. Первое мѣсто, конечно, занимаютъ аппараты, искусственно, улучшающіе воздухъ и удаляющіе изъ него вредныя для дыханія примѣси, пыль и т. п. Для демонстраціи вреднаго дѣйствія пыли, вдыхаемый рабочими въ мастерскихъ во время производства нѣкоторыхъ работъ, имѣются въ музеѣ анатомическіе препараты и раскрашенные фотографическіе снимки съ пораженныхъ болѣзненнымъ процессомъ легкихъ. Конечно, музей требуетъ еще большихъ дополненій, чтобы вполнѣ отвѣчать своей цѣли, но стоящій во главѣ его комитетъ дѣятельно работаетъ надъ его расширеніемъ и пополненіемъ его отдѣловъ.

Негритянская проблема въ Соединенныхъ Штатахъ и президентъ Рузвельтъ. Давно уже ни одинъ вопросъ не волновалъ такъ все населеніе Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, какъ снова выдвинутая на первый планъ дѣйствіями президента Рузвельта негритянская проблема. Достаточно вспомнить только взрывъ негодованія въ южныхъ штатахъ, вызванный поступкомъ президента, пригласившаго въ Бѣлый домъ, къ своему столу, негритянскаго профессора Букера Вашингтона. Это приглашеніе

справедливо считали указаніемъ, что Рузвельтъ не намѣренъ вовсе слѣдовать тактикѣ Макъ-Кинлея въ негритянскомъ вопросѣ и не считаетъ нужнымъ потворствовать предразсудкамъ бѣлаго населенія южныхъ штатовъ, для того только, чтобы не назвали республиканскую партію «Nigger party» (негритянская партія). До сихъ поръ уступки, дѣлаемыя правительствомъ южныхъ штатовъ въ этомъ отношеніи только еще сильнѣе разжигали страсти и расовую ненависть, которая мѣстами выражалась жестокими расправами и избіеніемъ негровъ. На практикѣ негры въ южныхъ штатахъ не пользуются никакими правами, хотя конституція и признаетъ ихъ равноправными гражданами американскаго союза. Однако, на дѣлѣ выходитъ не такъ, хотя американское правительство очень долго даже отрицало существованіе такого вопроса, какъ негритянскій. Сѣверные штаты съ гордостью указываютъ на потоки крови, которые были пролиты бѣлыми, чтобы завоевать неграмъ права человѣка, а южные штаты, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, отрицаютъ рабство и отказываются отъ роли рабовладѣльцевъ. Но еще Линкольнъ говорилъ: «Между двумя расами, бѣлой и черной, существуетъ такое физическое различіе, что негры и бѣлые никогда не въ состояніи будутъ жить въ полномъ согласіи и между ними не будетъ полнаго равенства». Слова эти оправдываются теперь. Въ южныхъ штатахъ энергично стараются не допускать бывшихъ рабовъ переступать извѣстныя границы и удерживаютъ ихъ въ положеніи паріевъ, если же они стремятся выйти изъ этого положенія, то всѣ средства признаются годными, чтобы заставить негра вернуться на прежнее мѣсто. Но и въ сѣверныхъ штатахъ, если и не такъ открыто, какъ въ южныхъ, все-таки стараются, чтобы рамки, объ уничтоженіи которыхъ такъ заботится Рузвельтъ, не были нарушены. Судъ Линча господствуетъ во всей своей первобытной дикости и тамъ по отношенію къ неграмъ, виновнымъ или только заподозрѣннымъ въ какомъ-нибудь преступленіи, и никакія законодательныя постановленія не могутъ помѣшать дикой расправѣ. Подчасъ достаточно бываетъ самаго ничтожнаго событія, чтобы дремлющее чувство расовой ненависти вспыхнуло и вызвало звѣрскіе поступки.

Рузвельтъ со всей энергіей пытается противодѣйствовать этимъ теченіямъ. Ему удалось заставить уважать свое рѣшеніе. Онъ не ограничился одними только словами и скорѣе, чѣмъ этого ожидали его противники, подтвердилъ ихъ дѣйствіями. Въ Индіанополѣ, маленькомъ городкѣ на Миссисипи, онъ утвердилъ назначеніе негритянки, г-жи Коксъ, на должность почтмейстера. Это возбудило сильнѣйшее негодованіе бѣлаго населенія, постаравшагося выместить свою злобу на бѣдной негритянкѣ, которая, потерпѣвъ нѣсколько дней, стала молить, чтобъ ее уволили. Рузвельтъ, въ свою очередь, не остался въ долгу и велѣлъ закрыть почтамтъ въ Индіанополѣ, вслѣдствіе того, что почтмейстеръ не могъ исполнять своихъ обязанностей безпрепятственно. Всѣ ходатайства жителей объ открытіи почтоваго бюро въ ихъ городѣ до сихъ поръ оставлены безъ вниманія, и Рузвельтъ требуетъ чтобы городъ отправилъ къ негритянкѣ депутацію съ извиненіями за нанесенныя ей оскорбленія и гарантировалъ ея полную безопасность и возможность служить. Бургомистръ и ше-

рифъ ни за что не соглашаются исполнить это приказаніе и такимъ образомъ Индіанополь, имѣющій 15.000 жителей, остается безъ почтоваго отдѣленія. Подобные поступки Рузвельта и въ особенности назначеніе негровъ на разныя другія оффиціальныя должности, создали ему множество враговъ, главнымъ образомъ среди вліятельныхъ гражданъ юга. Чѣмъ кончится эта борьба—предугадать трудно. Южные штаты упрекаютъ президента въ томъ, что онъ старается заручиться голосами негровъ для своей кандидатуры и потому такъ угождаетъ имъ, но вполнѣ безпристрастные люди признаютъ, что Рузвельтъ не могъ руководствоваться въ данномъ случаѣ какими-либо эгоистическими соображеніями, такъ какъ, несомнѣнно, его кандидатура не можетъ выиграть отъ этого.

Поѣздка на западъ, однако, укрѣпила поколебавшуюся было популярность Рузвельта. Онъ привелъ въ восхищеніе американцевъ своею неутомимостью, доказавъ имъ, что президентскія обязанности не уничтожили въ немъ прежняго спортсмена и смѣлаго охотника дальняго запада. Газеты съ восторгомъ говорили объ его охотничьихъ подвигахъ, которые ему не мѣшали удѣлять должное время политикѣ и произнести нѣсколько рѣчей, успокоившихъ его приверженцевъ, начинавшихъ уже опасаться, что онъ слишкомъ круто повернетъ въ сторону съ торной дорожки, установленной традиціями. Въ настоящее время наиболѣе серьезные органы американской печати, обсуждая шансы Рузвельта, высказываютъ мнѣніе, что, несмотря на враждебное отношеніе нѣкоторыхъ главарей его же собственной партіи, онъ все-таки будетъ выбранъ. Въ лагерѣ демократовъ замѣчается смятеніе, такъ какъ партія осталась безъ лидера, съ тѣхъ поръ какъ устранился Брайянъ. Кливилэндъ многими считается конченымъ человѣкомъ, но тѣмъ не менѣе его чествуютъ порою такъ, что всѣ овааціи, выпадающія на долю Рузвельта, блѣднѣютъ передъ этимъ. Двѣ или три большія нью-іоркскія газеты заговорили недавно о его кандидатурѣ на президентскій постъ и вызвали сочувственное эхо во всѣхъ рядахъ демократической партіи, состоящей въ Соединенныхъ Штатахъ изъ весьма разнородныхъ элементовъ. Такимъ образомъ весьма возможно, что Кливилэндъ, возбудившій къ себѣ симпатіи юга своею рѣчью о воспитаніи негровъ и высказавшій совершенно иную точку зрѣнія на негритянскій вопросъ, выступитъ соперникомъ Рузвельта на предстоящихъ президентскихъ выборахъ.

Вашингтонское правительство опубликовало недавно статистику женскаго труда въ Соединенныхъ Штатахъ. Оказывается, что женскій трудъ употребляется въ 295 отрасляхъ промышленности изъ 303, существующихъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Остальныя восемь исключительно предоставлены мужчинамъ постановленіями правительства. Къ числу ихъ принадлежитъ судоходство, но, несмотря на правительственное распоряженіе, на нѣсколькихъ парусныхъ и паровыхъ судахъ служатъ женщины. 879 женщинъ исполняютъ обязанности ночныхъ сторожей, полицейскихъ и сыщиковъ. Въ канализаціонныхъ и водяныхъ работахъ заняты 126 женщинъ, кромѣ того, имѣются женщины каменьщики (45), обойщики (241), маляры (17.9), столяры (545), горшечники (167), кузнецы (193), машинисты (571); 3.370 женщинъ работаютъ въ сталь-

ной и желѣзной промышленности; 890—жестяники, 1.775—лудильщики, 100—плотники, 373—мельники, 113—дровосѣки, 143—камнетесы, 177—кочегары, 65—чистильщики оконъ, 63—чернорабочіе, 904 занимаются выполаскиваніемъ бутылокъ, 323—мочильщики, 443—литейщики. На телеграфахъ и телефонахъ служатъ въ настоящее время 23.000 женщинъ. Съ каждымъ годомъ для женщинъ въ Америкѣ открываются новыя профессія, до сихъ поръ бывшій только исключительнымъ достояніемъ мужчинъ.

Смерть Папы Льва XIII. Болѣе двухъ недѣль вниманіе всего цивилизованнаго міра было сосредоточено на Ватиканѣ гдѣ въ это время происходила борьба между жизнью и смертью. Умеръ папа Левъ XII на 93-мъ году жизни. Толпа, съ утра до вечера наполнявшая ватиканскую площадь, не спускала глазъ съ оконъ Вомикана и съ жадностью ловили каждое малѣйшее слово стражей папскаго двора, съ любопытствомъ заглядывая въ лица входившаго и выходившаго изъ Ватикана духовенства, врачей и др. лицъ. Первое извѣстіе о начавшейся агоніи папы оказалось ложнымъ, въ состояніи папы послѣдовало даже незначительное улучшеніе, продолжавшееся однако, недолго, и 20-го іюля въ 4 часа пополудни бронзовые ворота Ватикана закрылись—признакъ, что папскій престолъ опустѣлъ.

Черезъ полчаса послѣ смерти папы кардиналъ-камерлингъ Орелья въ фіолетовомъ траурномъ одѣяніи подошелъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты, къ комнатѣ, гдѣ находился умершій папа, и три раза громко назвалъ его по имени. Не получивъ отвѣта, онъ подошелъ къ постели. Два папскихъ камердинера сняли покрывало съ лица папы, и кардиналъ три раза ударилъ его по головѣ серебрянымъ молоточкомъ, произнося его имя. Затѣмъ, обратившись къ присутствующимъ, онъ объявилъ: «Il papa è realmente morto» (папа дѣйствительно мертвъ). Церемонія констатированія смерти папы были этимъ закончена и уже оффиціально приступлено къ приготовленіямъ къ конклаву, который обыкновенно происходитъ на 11, 12 или 13-й день послѣ смерти папы.

Въ лицѣ Льва XIII вошелъ въ могилу одинъ изъ самыхъ способныхъ и искусныхъ дипломатовъ, какіе только занимали папскій престолъ. Это признаютъ даже всѣ его противники. Онъ былъ избранъ въ трудное время. Послѣ смерти Пія IX, который занялъ папскій престолъ въ цвѣтущемъ возрастѣ (48 лѣтъ) и 32 года управлялъ имъ, обѣ церковныя партіи, какъ непримиримыя такъ и готовыя идти на уступки, согласны были на компромиссъ, принимая во вниманіе переходное время, которое должна была переживать церковь. Однако, ни та, ни другая сторона не могли выставить серьезнаго кандидата, имѣющаго шансы быть избраннымъ, въ концѣ концовъ, выборъ палъ на 68-лѣтняго дряхлаго кардинала Джіоакомо Печчи, который и былъ провозглашенъ папой подъ именемъ Льва XIII.

Однако, предположенія церковныхъ партій не осуществилось. Правительство Льва XIII ни въ какомъ случаѣ нельзя было назвать переходнымъ. Левъ XIII во всѣхъ отношеніяхъ былъ противоположностью своего предшественника

Пія IX. Онъ былъ высокообразованъ въ богословскомъ отношеніи и очень тонкій дипломатъ, тогда какъ Пій IX совершенно не обладалъ дипломатическими способностями и въ отношеніи богословскаго образованія оставлялъ желать многаго. Пій IX былъ упрямъ, но Левъ XIII гораздо чаще его достигалъ желаемой цѣли, представляясь уступчивымъ и сдѣлавъ своимъ лозунгомъ, вмѣсто «non possumus» Пія IX—можетъ быть, допустимъ. Но эта уступчивость была только внѣшней и онъ съ такою же непримиримостью относился къ современнымъ міровоззрѣніямъ, какъ и всѣ его предшественники, когда-либо занимавшіе папскій престолъ.

Тяжелое наслѣдство оставилъ ему Пій IX. Вѣрующее католичество еще не успокоилось послѣ жаркой борьбы за догматъ непогрѣшимости, а въ Швейцаріи и Германіи культуркампфъ былъ въ полномъ разгарѣ. Между папствомъ и Италіей разрывъ былъ полный; казалось, и съ Франціей предстоитъ такой же разрывъ и даже Австрія, несмотря на сопротивленіе папы, отмѣнила конкордатъ и освободила свое брачное законодательство и школу изъ подъ вліянія церкви. Но кромѣ того престижъ папскаго двора сильно пошатнулся вслѣдствіе скандальныхъ разоблаченій и процесса, представившаго въ очень некрасивомъ свѣтѣ дѣйствія кардинала статсъ-секретаря. Все это омрачило послѣдніе дни жизни Пія IX и усложнило задачи новаго папы. Теперь Левъ XIII оставляетъ совсѣмъ иное наслѣдство будущему папѣ. Католическая церковь въ настоящее время гораздо болѣе сплочена. Въ Германіи исчезли послѣдніе слѣды культуркампфа и съ папскимъ дворомъ установились дипломатическія сношенія. Въ Бельгіи клерикализмъ утвердился прочнѣе, чѣмъ когда-либо, а во Франціи хитрая политика Льва XIII также привела къ укрѣпленію клерикаловъ въ республикѣ. Левъ XIII льстилъ тамъ, гдѣ его предшественникъ интриговалъ. Въ Австріи также клерикализмъ сдѣлалъ большіе успѣхи и даже съ Россіей и турецкимъ султаномъ Левъ XIII сумѣлъ создать лучшія отношенія. Въ Соединенныхъ Штатахъ, за время его папства, католичество стало весьма уважаемою силой. Во всѣхъ частяхъ свѣта, въ особенности же въ Африкѣ и Китаѣ, католическія миссіи неустанно стараются распространить вліяніе католической церкви, да и въ Европѣ можно наблюдать систематическую дѣятельность, направленную къ расширенію и укрѣпленію клерикальныхъ организацій. Вездѣ, въ Германіи, Австріи, Швейцаріи, Бельгіи, Франціи и Италіи организація католическихъ рабочихъ ферейновъ и разныхъ другихъ католическихъ ассоціацій производится очень дѣятельно. Духовенство оффиціально находится во главѣ этихъ организацій и такимъ образомъ по всему цивилизованному міру распространяется цѣпь такихъ организацій, которыя почитаютъ въ лицѣ папы высшій авторитетъ церкви. При папѣ Львѣ XIII созданы были даже крупныя организаціи, съ цѣлью оказанія вліянія на науки и искусства, но, конечно, для достиженія такихъ успѣховъ необходимъ былъ выдающійся дипломатическій талантъ и въ этомъ талантѣ никто не можетъ отказать умершему папѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ успѣлъ заботиться объ интересахъ папства весьма разумнымъ образомъ и умѣлъ выжидать. Въ особенности ярко выразилось это его умѣнье въ отношеніяхъ къ

бисмарковской Германіи. Тамъ онъ добился все-таки, что католическая церковь не только не лишилась своего значенія, но даже принудилъ свѣтскія власти отправиться въ Каноссу. Заботясь о сохраненіи прерогативъ церкви, Левъ XIII, какъ тонкій дипломатъ, избѣгалъ вмѣшательства во внутреннія дѣла государства и даже улучшилъ нѣсколько отношенія съ Италіей послѣ паденія Криспи, который былъ непримиримымъ его врагомъ. Что касается Франціи, то Левъ XIII очень искусно заставилъ католиковъ отдѣлиться отъ безсильныхъ старыхъ монархическихъ партій и постепенно пустить свои корни на почвѣ республики. Этотъ процессъ пересадки клерикализма на республиканскую почву шелъ довольно успѣшно, хотя и медленно, до тѣхъ поръ, пока дѣло Дрейфуса не открыло глаза французамъ на угрожающую имъ опасность.

Но Левъ XIII занимался не только церковными дѣлами. Онъ интересовался наукой и искусствами и писалъ стихи на своемъ любимомъ латинскомъ языкѣ, которымъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ. Когда выборъ кардиналовъ остановился на Джіоакомо Печчи, то никто не думалъ, что новый папа проживетъ такъ долго. Онъ казался такимъ старымъ и разслабленнымъ! Между тѣмъ Левъ XIII обманулъ всѣ предвидѣнія и пережилъ всѣхъ кардиналовъ, участвовавшихъ въ его избраніи, за исключеніемъ одного—кардинала Орелья. Самъ папа былъ убѣжденъ, что онъ проживетъ долго, по крайней мѣрѣ до 95 лѣтъ. Разсказываютъ, что къ нему однажды пришелъ проститься одинъ старый кардиналъ, отправлявшійся куда-то далеко въ миссію. Папа тогда только что перенесъ довольно серьезную въ его годы операцію и былъ очень слабъ. Кардиналъ, прощаясь съ нимъ, прослезился и сказалъ: «Придется ли намъ снова свидѣться?»—«Отчего же?—успокоилъ его папа.—Я надѣюсь, что вы еще долго проживете».—Однако за послѣдніе два года твердая увѣренность папы въ своемъ долголѣтіи нѣсколько поколебалась и поэтому онъ былъ очень доволенъ когда ему передали, что одна молодая монахиня предложила Богу въ жертву свою собственную жизнь, вмѣсто жизни папы. Монахиня черезъ два мѣсяца послѣ этого умерла. Клерикальныя газеты увидѣли въ этомъ знакъ, что жертва принята и пророчили папѣ необыкновенно долгую жизнь, но пророчество это все-таки не сбылось, хотя Левъ XIII былъ изъ числа немногихъ папъ, которые царствовали долѣе 25-ти лѣтъ. Одинъ только Пій IX дольше его правилъ папскимъ престоломъ (31 годъ, 7 мѣсяцевъ и 22 дня). Что касается возраста, то въ этомъ отношеніи Льву XIII принадлежитъ первое мѣсто, такъ какъ только одинъ Павелъ IV умеръ почти 93-хъ лѣтъ. Въ прежнія времена въ церковныхъ кружкахъ царила увѣренность, что ни одинъ папа не можетъ царствовать дольше 25 лѣтъ, такъ какъ ему не приличествуетъ занимать святой престолъ дольше св. Петра, которому въ этомъ отношеніи должно было принадлежать первенство; поэтому-то двадцать пятый годъ царствованія папы называется «годомъ Петра». Увѣренность эта была настолько сильна, что она даже отразилась на церемоніалѣ выборовъ папы. Чтобы напомнить объ этомъ новому папѣ, кардиналъ, возвѣщавшій ему объ избраніи, прибавлялъ слѣдующія слова: «Non videbis annos Petri!» (не уви-

дишь лѣтъ Петра). Но этотъ обычай былъ уничтоженъ со временъ папы Бенедикта XIV, который отвѣтилъ на этотъ возгласъ словами: «Hoc non est de fide!» (это не касается вѣры). Но когда папа Пій IX фактически доказалъ несостоятельность такой увѣренности, то уже болѣе никто не упоминалъ о годахъ Петра.

Какъ самая жизнь папы была подчинена самому строгому церемоніалу, такъ и смерть его, похороны и конклавъ обставлены цѣлымъ рядомъ церемоній, которыя священная коллегія никогда не рѣшилась бы отмѣнить изъ опасенія обвиненій въ ереси. Такимъ образомъ церемоніалъ конклава сохраняется во всей своей неприкосновенности въ теченіе, по крайней мѣрѣ, 300 лѣтъ. Кардиналы должны будутъ провести въ полной изоляціи отъ внѣшняго міра дни конклава, до тѣхъ поръ, пока они не придутъ къ соглашенію относительно выбора новаго папы. Они не могутъ никуда выходить изъ своихъ келій и даже кушанья подаются имъ туда. Впрочемъ, по желанію, они могутъ заказывать себѣ обѣдъ внѣ ватиканской кухни, но все, что приносится кардиналамъ, подвергается предварительно самому тщательному осмотру со стороны римскихъ прелатовъ, опасающихся, что въ кушаньяхъ можетъ быть скрыта какая-нибудь записка, адресованная которому нибудь изъ членовъ конклава. Снаружи толпа, ежедневно собирающаяся на ватиканской площади, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ, не покажется ли дымокъ изъ трубы ватиканской печи, гдѣ сжигаются листки послѣ неудачныхъ выборовъ. Этотъ дымокъ указываетъ, что соглашеніе еще не произошло, и папскій престолъ все еще остается вакантнымъ. Полагаютъ, что на этотъ разъ междуцарствіе продлится недолго. Перспектива сидѣть взаперти, въ душныхъ комнатахъ, среди знойнаго лѣта, не очень-то улыбается кардиналамъ. Къ тому же интриги, составляющія непремѣнную принадлежность такихъ выборовъ, начались уже въ то время, когда Левъ XIII упорно боролся со смертью. Европейскія державы, особенно заинтересованныя въ выборѣ новаго папы тогда уже намѣтили своихъ кандидатовъ, но съ точки зрѣнія прогресса народовъ, стремящихся къ умственной свободѣ и самостоятельности, личныя перемѣны на папскомъ престолѣ большого значенія имѣть не могутъ.

Организація международнаго обмѣна дѣтей. Французскій школьный учитель Тони Матьё, исходя изъ того убѣжденія, что путешествія и знакомство съ другими странами и народами дѣйствуютъ въ высшей степени развивающимъ образомъ на подрастающее поколѣніе, расширяя его умственные горизонты, предложилъ родителямъ въ разныхъ европейскихъ странахъ, не имѣющихъ средствъ отправлять своихъ дѣтей за границу, обмѣниваться между собою дѣтьми соотвѣтствующаго возраста на извѣстный срокъ. Французскіе родители, желающіе чтобы ихъ дѣти изучили нѣмецкій или англійскій языкъ и познакомились бы съ жизнью въ Германіи или Англіи, вступаютъ въ соглашеніе съ нѣмецкими или англійскими родителями, которые имѣютъ дѣтей соотвѣтствующаго возроста и также желаютъ отправить ихъ за границу на извѣстный срокъ. Обѣ стороны обязуются безвозмездно содержать

дѣтей въ теченіе этого времени и такимъ образомъ родители несутъ на себѣ только путевые расходы. Нѣмецкій мальчикъ или дѣвочка, попадающіе во французскую семью, обучаются французскому языку и сближаются съ французскимъ народомъ, тогда какъ посланные взамѣнъ ихъ юные французы, въ свою очередь научаются нѣмецкому языку и ближе знакомятся съ нѣмецкою жизнью. Такой временный обмѣнъ дѣтей, по мнѣнію его иниціатора, не только является прекрасною педагогическою мѣрой, но и долженъ будетъ содѣйствовать лучшему ознакомленію другъ съ другомъ и сближенію народовъ. Въ Швейцаріи давно уже установился обычай такого временнаго обмѣна и преимущественно дочери посылаются изъ французской семьи въ нѣмецкую и обратно для лучшаго изученія языка. Но такой обмѣнъ могъ производиться лишь въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ. Главное затрудненіе заключалось въ отысканіи въ чужой странѣ такихъ родителей, которые также желали бы отправить своихъ дѣтей учиться за границу и согласились бы на предлагаемый обмѣнъ. Вотъ чтобы облегчить сношенія между такими родителями французскій учитель и придумалъ открыть центральное международное бюро въ Парижѣ (Boulevard Magenta 36), которое будетъ имѣть свои отдѣленія въ каждой странѣ. Родители, желающіе отправить своихъ дѣтей за границу для обученія, должны будутъ обращаться въ соотвѣтствующее отдѣленіе центральнаго парижскаго бюро и имъ будутъ тотчасъ же препровождены адресы такихъ родителей, съ которыми они могутъ вступить въ сношенія. При этомъ всѣ тѣ, кто обращается въ бюро за посредничествомъ, должны будутъ заполнить вопросный листокъ, для того чтобы бюро имѣло возможность организовать сношенія между родителями болѣе или менѣе одинакового соціальнаго положенія. Вопросы листка касаются только самыхъ необходимыхъ пунктовъ: профессіи родителей, возраста дѣтей, численности семьи и условій помѣщенія.

Какъ только появилось въ одномъ изъ французскихъ журналовъ извѣстіе объ открытіи парижскаго бюро, то немедленно получены были 32 заявленія, изъ нихъ 16 отъ французовъ, 8—англичанъ, 7—нѣмцевъ и одно отъ испанскихъ родителей. Организаторъ бюро надѣется поэтому, что его идея получитъ большое распространеніе и принесетъ пользу не только отдѣльнымъ личностямъ, но и цѣлому обществу, такъ какъ будетъ содѣйствовать взаимному пониманію народовъ и укрѣпленію взаимнаго уваженія. «Слѣпая ненависть, являющаяся результатомъ незнанія, лишится почвы», говоритъ Тони Матьё въ своемъ воззваніи. Международныя сношенія получатъ новый могучій толчокъ и послужатъ залогомъ дружбы народовъ, основанной на лучшемъ пониманіи и уваженіи другъ друга.

Во Франціи оригинальная мысль Тони Матьё встрѣтила большое сочувствіе въ обществѣ. Многіе выдающіеся литераторы и ученые, Мишель Бреаль изъ collège de France, извѣстный физіологъ Шарль Рише, депутатъ д'Этурнелль, инспекторъ начальныхъ школъ Іостъ, множество педагоговъ, директоровъ училищъ, торговые общества и промышленники обѣщали свою поддержку новому дѣлу. Нѣкоторыя изъ германскихъ газетъ также очень сочувственно отозвались объ этомъ починѣ французскаго школьнаго учителя и выразили

надежду, что Германія откликнется на приглашеніе и приметъ участіе въ международной организаціи этого дѣла, такъ какъ оно даетъ возможность родителямъ, не обладающимъ большими средствами, посылать своихъ дѣтей, начиная съ 12—14-лѣтняго возраста и далѣе за границу, на время лѣтнихъ каникулъ, на два и болѣе мѣсяцевъ, смотря по желанію. «Frankfurt. Zeit.» печатаетъ два письма, полученныя изъ Германіи, съ предложеніями обмѣна, содержаніе которыхъ слѣдующее: «Р... 17 лѣтъ, сынъ служащаго въ торговомъ заведеніи въ Шпетрѣ, хорошенькомъ городкѣ Рейнскаго Пфальца. Понимаетъ въ достаточной степени по-французски, но не говоритъ. Семья его состоитъ изъ родителей и двухъ мальчиковъ, 15 и 17 лѣтъ. Желателенъ обмѣнъ съ 15-го іюля по 15-е сентября. Предоставляется отдѣльная комната. Предпочтительнѣе мальчикъ».

«Ф... 19 лѣтъ. Сынъ директора банка въ Берлинѣ. Жительствуетъ въ Штеглицѣ въ 10 минутахъ разстоянія отъ Берлина. Понимаетъ и говоритъ по-французски. Семья состоитъ изъ родителей, одного сына и дочери. Отдѣльная комната. Обмѣнъ желателенъ приблизительно на два мѣсяца, съ 1-го августа, съ молодымъ человѣкомъ или молодою дѣвушкой, но послѣдняя предпочтительнѣе».

Народные образовательные курсы въ Вѣнѣ и союзъ австрійскихъ женщинъ. За послѣдніе годы въ Вѣнѣ очень много сдѣлано въ области народнаго образованія. Университетъ устроилъ образовательные курсы, а общество народнаго просвѣщенія и центральная библіотека снабжаютъ ежегодно милліонами томовъ такъ называемый «Volksheim», родъ народнаго университета, въ которомъ сосредоточиваются различные роды дѣятельности народнаго образованія. Чтеніе серьезныхъ произведеній и изученіе языковъ (англійскаго, французскаго и латинскаго) сопровождаются слушаніемъ университетскаго курса и курсовъ, учрежденныхъ «Volksheim'омъ», съ которыми связаны практическія занятія въ лабораторіяхъ, химической и психологической. Членамъ этого общества дана такимъ образомъ полная возможность удовлетворить своей жаждѣ знанія и вполнѣ отъ нихъ зависитъ воспользоваться въ полной мѣрѣ предоставляемыми имъ научными пособіями. Относительно пріема новыхъ членовъ не существуетъ никакихъ ограниченій и политика въ «Folksheim'ѣ» не играетъ никакой роли. «Каждый жаждущій свѣта знанія можетъ постучаться въ дверь и она будетъ открыта». Къ сожалѣнію, эта плодотворная культурная дѣятельность поневолѣ стѣсняется и ограничивается недостаткомъ средствъ. Такъ, напр., для химической лабораторіи пришлось кое-какъ приспособить погребъ, а большая зала подвальнаго этажа далеко не всегда можетъ вмѣстить всѣхъ слушателей. Въ такіе вечера, когда читается отъ 10 до 12 различныхъ курсовъ, даже кухня превращается въ аудиторію Потребность въ болѣе просторномъ помѣщеніи ощущается съ каждымъ днемъ все сильнѣе и это побудило общество устроить нѣчто въ родѣ подписки для нобразованія фонда на постройку собственнаго дома. Благодаря щедрост нѣкоторыхъ дѣятелей уже теперь образовался небольшой основной капиталъ, недо-

статочный, впрочемъ, для постройки дома должной величины. Организаторы этого дѣла однако не унываютъ и надѣются, что, благодаря поддержкѣ, оказываемой имъ печатью, найдутся сочувствующіе люди, которые придутъ къ нимъ на помощь.

Союзъ австрійскихъ женщинъ также помогаетъ до нѣкоторой степени организаторамъ «Volksheim'a» но дѣятельность его въ этомъ отношеніи, однако, не очень значительна. На послѣднемъ засѣданіи союза былъ прочитанъ докладъ о значеніи народныхъ курсовъ, причемъ особенно указывалось на огромную пользу, которую они приносятъ въ борьбѣ съ «алкоголизмомъ». Союзъ австрійскихъ женщинъ съ своей стороны принимаетъ въ этой борьбѣ очень дѣятельное участіе, говорилось въ докладѣ; въ этомъ отношеніи онъ дѣйствуетъ рука объ руку съ обществомъ народнаго образованія. Но такъ какъ союзъ австрійскихъ женщинъ имѣетъ еще и другія важныя задачи, то онъ не можетъ посвящать всю свою дѣятельность и вниманіе народнымъ курсами. «Женское движеніе только еще начинаетъ развиваться въ Австріи, и женскій союзъ, конечно, долженъ прежде всего помогать его развитію».

Самая сѣверная желѣзная дорога. На далекомъ сѣверѣ, въ области, рѣдко посѣщаемой путешественниками, состоялось открытіе желѣзнодорожной линіи, простирающейся на 400 километровъ и лежащей уже за предѣлами полярного круга. Эта новая шведско-норвежская желѣзная дорога пересѣкаетъ Лапландію и соединяетъ Ботническій заливъ съ Атлантическимъ океаномъ. Она лежитъ сѣвернѣе Исландіи и Гренландіи, Баффиновой земли и Берингова пролива, и это одно уже достаточно указываетъ, какъ велики были затрудненія, которыя приходилось преодолѣвать строителямъ этой полярной желѣзной дороги.

Проектъ постройки желѣзной дороги, связывающей Ботническій заливъ съ Лофотенскимъ фіордомъ, возникъ уже давно. Группа англійскихъ финансистовъ и металлурговъ хотѣла построить такую дорогу, по которой можно было бы перевозить превосходную желѣзную руду изъ Лапландіи, и въ Англіи, въ свое время много говорили объ этомъ проектѣ. Но онъ потерпѣлъ неудачу вслѣдствіе недостатка капиталовъ и непредусмотрительности строителей. Начатая двадцать лѣтъ тому назадъ постройка желѣзной дороги отъ порта Лума, въ глубинѣ Ботническаго залива, была доведена только до половины пути, т.-е. до Гулливара, куда каждое лѣто, между 15-мъ іюня и 15-мъ августа, съѣзжаются туристы чтобы посмотрѣть на полночное солнце. Проектъ былъ оставленъ въ 1890 году, но спустя два года шведское и норвежское правительство взялись за это дѣло и выкупили линію Лума-Гулливара съ цѣлью довести ее до конца, т.-е до Атлантическаго океана. Въ сущности, оставалось построить лишь ту часть желѣзнодорожной линіи, которая должна была проходить по мѣстности, очень богатой рудными мѣсторожденіями; слѣдовательно, этотъ участокъ дороги, заканчивающійся у фіорда, не замерзающаго зимой, представляетъ гораздо бо́льшую доходность, нежели та часть, которая начиналась отъ Ботническаго залива, закрытаго льдами въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Теперь линія закончена и уже открыта для движенія. Ея норвежскій конечный пунктъ на Атлан-

тическомъ океанѣ, который англійскіе строители немного поторопились назвать портомъ Викторіей, теперь переименованъ норвежцами въ Нарвикъ. Благодаря этой дорогѣ, отдаленная Лапландія приблизилась къ Европѣ и сдѣлалась болѣе доступной для путешественниковъ, интересующихся этою малоизвѣстною полярною страною и ея жителями.

ИЗЪ ИНОСТРАННЫХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Въ защиту сербскаго народа.—Ибсенъ на званомъ обѣдѣ.—Ирландскій вопросъ и британскій имперіализмъ.

Бывшій сербскій министръ Владанъ Георгіевичъ печатаетъ въ берлинскомъ журналѣ «Zukunft» пламенную статью, въ которой пытается оправдать дѣйствія сербскихъ заговорщиковъ, доведенныхъ до отчаянія и преступленія поведеніемъ Александра и Драги. Онъ жалуется на то, что Европа не хочетъ принять во вниманіе страданій сербскаго народа и преступленій, которыя противъ него совершались.

«Въ теченіе десятилѣтняго царствованія короля Александра, — говоритъ Владанъ Георгіевичъ,—министерства мѣнялись ни болѣе ни менѣе, какъ пятнадцать разъ! Вмѣстѣ съ этимъ всегда мѣнялась политическая система и весь служебный персоналъ, до послѣдняго писаря и служителя, что вело за собою колебаніе всего государственнаго строя. Только одно министерство просуществовало около двухъ лѣтъ, остальныя же насчитывали нѣсколько мѣсяцевъ недѣль и даже дней, и даже было такое министерство, которое продержалось всего одинъ день! Что возможно было сдѣлать при такихъ условіяхъ? Даже если бы сербскія министерства состояли изъ однихъ только Кавуровъ и Бисмарковъ, то и тогда они врядъ ли могли бы многаго достигнуть въ такое короткое время; вѣдь едва только хватало времени, чтобы оріентироваться сколько-нибудь въ государственныхъ дѣлахъ!

«Созидательныя и нравственныя силы народа, прокладывающаго себѣ съ неимовѣрными страданіями дорогу впередъ, подвергались постоянной опасности». Молодой человѣкъ, быть можетъ, неврастеникъ или душевнобольной, постоянно грозилъ разрушить то, что было достигнуто народомъ съ такимъ неизмѣримымъ трудомъ. Путемъ цѣлаго ряда преступленій онъ сдѣлался неограниченнымъ властелиномъ страны, и если теперь иные въ Европѣ готовы видѣть въ немъ трагическаго героя, то исторія должна будетъ возстановить попранную справедливость. Еще всѣмъ памятенъ первый государственный переворотъ въ Сербіи, совершившійся 1-го апрѣля 1893 года. Тогда еще Александръ не находился подъ вліяніемъ Драги, но уже тогда можно было предвидѣть будущее. Онъ призвалъ къ себѣ на помощь армію, и если теперь эту армію обзываютъ «преторіанцами» то во всякомъ случаѣ, первые уроки въ этомъ направленіи были получены ею отъ самого Александра. Онъ приготовилъ для престарѣлыхъ регентовъ, которые три раза спасали сербскую корону для Обреновичей, настоящій походъ Борджіа. Онъ самовольно и будучи не-

совершеннолѣтнимъ овладѣлъ правительствомъ, что противорѣчило конституціи. Мнѣ не хотѣлось бы даже вспоминать о томъ, какъ онъ поступилъ съ министерствомъ Авакумовича, которое незаконнымъ образомъ посадилъ на скамью подсудимыхъ и затѣмъ такъ же незаконно помиловалъ. Его рѣчи проникнуты были дикимъ коварствомъ, возможнымъ развѣ только въ нероновскія времена. Одинъ министръ, напр., доложилъ ему, что митрополитъ Михаилъ дѣлаетъ затрудненія. Король тогда спросилъ, нельзя ли отдѣлаться отъ несноснаго пастыря «посредствомъ чашки кофе». Послѣ государственнаго переворота попали въ милость радикалы, но вскорѣ и ихъ понадобилось изгнать. Однако, этому нужно было все-таки придать законную форму, и тутъ мальчикъ-король выказалъ богатую хитрость, что никто не могъ бы потягаться съ нимъ. Ему нужно было устроить новый государственный переворотъ и онъ изобрѣлъ государственную опасность, будто бы исходящую отъ радикаловъ, распустивъ слухъ о заговорѣ радикальныхъ министровъ на жизнь короля и придалъ этимъ слухамъ такое вѣроятіе, что многіе были обмануты. Это и было только нужно королю для того, чтобы наложить руку на конституцію и, упразднивъ ее, ввести конституцію 1868 года, отмѣна которой была достигнута путемъ кровопролитій... Но патріотическій народъ не такъ-то легко лишается вѣры въ своего возлюбленнаго юнаго монарха и поэтому въ Сербіи продолжали возлагать всѣ надежды на своего юнаго короля, снисходительно прощая ему всѣ его провинности и объясняя ихъ то его молодостью, то пылкимъ темпераментомъ, и т. д.

«Я былъ у него министромъ-президентомъ—девятымъ, въ теченіе трехъ лѣтъ! Теперь, приближаясь уже къ концу своего жизненнаго пути, я заявляю, передъ лицомъ всей Европы, что король Александръ и его любовница Драга подкупили убійцу, чтобы удалить со сцены эксъ-короля Милана. Тогда Александръ уже всецѣло находился подъ вліяніемъ этой женщины. Я зналъ о его отношеніяхъ къ Драгѣ, но развѣ дѣло министра вмѣшиваться и контролировать экзотическія похожденія своего монарха? Впрочемъ и никто не придавалъ тогда значенія Драги Машиной, которая пользовалась весьма дурною репутаціей. Притомъ и наслѣдственность у нея была очень плохая: отецъ ея умеръ въ домѣ сумасшедшихъ, а мать была пьяница. Это было всѣмъ извѣстно, также и королю. Перваго своего мужа Драга обезчестила и свела въ могилу. Королева Наталья взяла къ себѣ на службу Драгу, чтобы спасти ее, но ей не удалось это. Драга осталась такою же, какъ было... Король отправлялся къ ней на свиданія въ маленькій домикъ, въ предмѣстьи Бѣлграда и когда бѣлградскій префектъ полиціи намекнулъ мнѣ на то, что у короля можетъ явиться идея жениться на этой особѣ, то меня это разсердило и я ему сказалъ: «Вы хорошій полицейскій, но психологія короля вамъ не извѣстна». Мнѣ эта идея показалась совершенно нелѣпой. Король зналъ прошлое Драги, зналъ, что по лѣтамъ она годится ему въ матери, она была его любовница, зачѣмъ же ему нужно было жениться на ней? Но я оказался неправъ. Любовь короля принесла страшныя несчастья!.. Цѣлая гора грязи обрушилась на нашу бѣдную страну. Въ концѣ концовъ никакое министерство не могло быть

организовано, но Александръ и Драга не унывали. Успѣхъ вскружилъ имъ голову и наконецъ у нихъ явилась безумная мысль провозгласить наслѣдникомъ брата Драги Никодима Луневицу. Все было готово и спеціально для этого избранная скупщина конечно вотировала бы такой законопроектъ. Это было слишкомъ много даже для Цинцара Марковича, послушно выполнявшаго всѣ желанія короля, и за нѣсколько часовъ до своей трагической смерти, онъ подалъ королю прошеніе объ отставкѣ... Семью Луневица ненавидѣли въ народѣ и результатомъ его провозглашенія непремѣнно была бы гражданская война. То, что произошло въ ночь на 10-е іюня въ бѣлградскомъ конакѣ, не было дѣломъ отдѣльныхъ личностей, а отчаяннымъ поступкомъ борящейся за свое существованіе Сербіи»!

Въ своей статьѣ объ Ибсенѣ въ «Revue Bleue» Георгъ Брандесъ разсказываетъ, что въ 1891 году, находясь въ Сандвикенѣ, вблизи Христіаніи, онъ узналъ, что Ибсенъ живетъ въ отелѣ одинъ и рѣшился вмѣстѣ со своими друзьями норвежскими художниками пригласить его къ обѣду. Но какъ только онъ заикнулся объ этомъ Ибсену, тотъ, вслѣдствіе своей нелюдимости, сейчасъ же воспротивился. Брандесъ однако началъ убѣждать его.—«Сколько будетъ гостей?» спросилъ Ибсенъ.—«Девять» отвѣчалъ Брандесъ.—«Я не обѣдаю въ такой многочисленной компаніи» заявилъ Ибсенъ.—«Но вѣдь это все художники. Незванныхъ не будетъ. Притомъ же обѣдъ будетъ происходить въ этомъ же отелѣ, такъ что вамъ не нужно будетъ ни уходить, ни переодѣваться», наконецъ, послѣ долгихъ уговоровъ, Ибсенъ соглашается. Между тѣмъ въ городѣ раздался слухъ, что Ибсену дается банкетъ и всѣ захотѣли принять въ немъ участіе. Брандесъ былъ заваленъ просьбами объ этомъ. Онъ старательно отстранилъ всѣхъ не знакомыхъ людей, но не рѣшился отказать въ этой милости тѣхъ, кто всегда выказывалъ ему любезность. Вернувшись къ Ибсену, онъ ему сообщилъ, что «одна дама желала бы присутствовать на обѣдѣ.»—Ибсенъ возмутился и категорически объявилъ, что не поѣдетъ. Но Брандесъ не терялъ надежды.—«Это совсѣмъ молоденькая женщина, кругленькая и веселенькая, убѣждалъ онъ Ибсена.—«Я не люблю ни веселыхъ, ни кругленькихъ молоденькихъ женщинъ», упрямо возражалъ Ибсенъ. —«Кажется, вы были когда то неравнодушны къ ея теткѣ...»—«А, это другое дѣло! Пусть въ такомъ случаѣ приходитъ». Въ назначенный день Брандесъ, въ изящномъ фракѣ, стучится въ дверь Ибсена; замѣтивъ, что Брандесъ парадно одѣтъ, Ибсенъ съ раздраженіемъ сказалъ: «Какъ, вы во фраки? У меня нѣтъ фрака».—«Что за бѣда, вы можете идти въ сюртукѣ».— «Ну, а эта дама? Она тамъ?»—«Да и еще нѣсколько другихъ».—«Сколько же васъ всѣхъ?» «Двадцать два.»—«Это измѣна. Вы мнѣ говорили, что васъ будетъ только девятнадцать. Я не пойду!»

Не мало стоило труда Брандесу уговорить упрямаго Ибсена и хотя въ концѣ концовъ онъ уступилъ, но видъ у него былъ такой хмурый и сердитый, что когда онъ явился въ залу, то всѣ присмирѣли и встрѣтили его робкимъ молчаніемъ. Чтобы сколько нибудь разогрѣть общество, которое чув-

ствовало себя не въ своей тарелкѣ, рѣшено было подать шампанское за вторымъ блюдомъ и провозгласить тостъ въ честь Ибсена. Но Ибсенъ съ первыхъ же словъ остановилъ оратора. Брандесъ однако не смутился и вѣжливо попросилъ Ибсена подождать конца его рѣчи. Волей неволей Ибсенъ долженъ былъ выслушивать, какъ его приравнивали къ солнцу и звѣздамъ. Но лобъ его продолжалъ хмуриться. Когда же наконецъ Брандесъ кончилъ свою хвалебную рѣчь, то Ибсенъ замѣтилъ: «Вотъ рѣчь, на которую я бы могъ сдѣлать нѣсколько возраженій, но я предпочитаю ихъ не дѣлать».—«Пожалуйста, сдѣлайте ихъ, учитель. Это будетъ намъ гораздо пріятнѣе.»—«Я предпочитаю не дѣлать», отвѣтилъ Ибсенъ прежнимъ вѣжливымъ тономъ. Тогда какой то господинъ, сидѣвшій возлѣ одной прелестной актрисы, сказалъ: «Моя сосѣдка проситъ меня выразить доктору Ибсену благодарность всѣхъ дамъ, посвятившихъ себя театральному искусству и сказать ему, что нѣтъ ролей, которыя бы онѣ исполняли охотнѣе, чѣмъ его роли.»—«Я не пишу ролей» угрюмо возразилъ Ибсенъ.—«Я изображаю лицъ и никогда не пишу, имѣя въ виду какого нибудь актера или актрису.»

Знаменитый драматургъ, повидимому, совершенно не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, какое впечатлѣніе производитъ на гостей его дурное расположеніе духа и рѣзкая манера обращенія. Вставая изъ за стола онъ наивно сказалъ Брандесу: «А вѣдь праздникъ то удался». «И онъ былъ вполнѣ искренен», прибавляетъ Брандесъ.

Въ статьѣ объ ирландскомъ вопросѣ и британскомъ имперіализмѣ, помѣщенной въ «Revue des deux Mondes» авторъ говоритъ, что имперіализмъ пробудилъ «дремавшій ирландскій сфинксъ». Достаточно вспомнить, какъ восторженно было встрѣчено въ парламентѣ ирландскими членами извѣстіе о взятіи въ плѣнъ генерала Мэтуена. Затѣмъ, въ Голлуэѣ былъ выбранъ въ парламентъ депутатъ, открыто сражавшійся въ бурской арміи, а выборные представители Ирландіи демонстративно не принимали участія въ коронаціонныхъ празднествахъ. Невольно возникаетъ вопросъ: не будетъ ли это имѣть какихъ либо неожиданныхъ послѣдствій для Англіи? Въ теченіе извѣстнаго періода сравнительнаго спокойствія, послѣдовавшаго послѣ пораженія гомруля, Ирландія, лишенная возможности продолжать борьбу, занялась реставраціей собственной національности, стараясь освободиться изъ подъ интеллектуальнаго и соціальнаго ига Англіи и возстановить связь съ традиціями и языкомъ старыхъ временъ. Домашнія распри ирландскихъ членовъ парламента, послѣ исчезновенія со сцены Парнелля, уже не возбуждали болѣе особеннаго интереса въ Ирландіи. Бальфуровская политика, дѣйствовавшая примирительно, какъ будто имѣла успѣхъ, но вспыхнула южно-африканская война и стало ясно, что до примиренія Ирландіи еще далеко. Ирландцы открыто чествовали Крюгера и отправлялись на помощь къ бурамъ. По мнѣнію автора двигателемъ въ данномъ случаѣ, была не только вражда Ирландіи къ Англіи, но и вполнѣ естественное чувство симпатіи, которое питаютъ другъ къ другу два маленькихъ народа въ виду грозной силы имперіализма, стремящагося захватить

ихъ въ свои тиски. Вѣдь Ирландія даже симпатизировала испанцамъ въ испано-американской войнѣ, несмотря на узы, прикрѣпляющія ее къ Соединеннымъ Штатамъ. Въ настояще время Ирландія уже идетъ по опредѣленному пути. Возобновленіе агитаціи вызвало исключительные законы и угрозы сократить ирландское представительство въ Вестминстерскомъ дворцѣ. Аграрный билль, который, къ слову сказать, слишкомъ выгоденъ для ландлордовъ представляетъ лишь полумѣру и не можетъ разрѣшить всего ирландскаго вопроса, хотя аграрный вопросъ вѣроятно будетъ разрѣшенъ. Однако, по мнѣнію автора, въ Ирландіи долженъ произойти великій соціальный переворотъ, который создастъ мелкое землевладѣніе и положитъ конецъ англійскому преобладанію. Врядъ ли можно разсчитывать на то, что консервативное правительство откажется отъ своихъ принциповъ и дастъ Ирландіи что-нибудь похожее на гомруль. Скорѣе можно ожидать возобновленія притѣсненій и введенія въ Ирландіи новыхъ мѣръ угнетенія. Въ заключеніе авторъ присоединяется къ ирландцамъ пессимистамъ, думающимъ, что спасеніе ихъ родины возможно лишь при условіи упадка Англіи. Звѣзда Эрина не заблеститъ, пока не поблѣднѣетъ звѣзда Альбіона! Работая надъ своимъ соціальнымъ переустройствомъ, развивая кооперацію, распространяя техническое образованіе и т. д. Ирландія стремится къ своему возрожденію и конечно достигнетъ той свободы, идеѣ которой она всегда оставалась вѣрна.

ВЪ СТАРОМЪ ПЕКИНѢ.

(Письмо второе).

Весь укладъ жизни китайскаго народа настолько своеобразенъ, настолько самобытенъ, что для современнаго европейца даже непонятенъ во многихъ своихъ проявленіяхъ. Китаецъ и европеецъ дѣйствительно являются двумя различными мірами, между которыми нѣтъ гармоніи.

Для каждаго народа, какъ націи въ цѣломъ, равно какъ и для каждаго человѣка, взятаго отдѣльно, наиболѣе сильно вліяющими моментами ихъ національной или личной жизни являются: или общее, національное горе, національная радость, національное оскорбленіе, столь же сильно понимаемыя и чувствуемыя и сердцемъ всего народа, какъ и отдѣльно взятымъ сердцемъ каждаго человѣка.

Несомнѣнно, что и китаецъ чувствуетъ и горе, и радость, и наносимое ему оскорбленіе, но проявляетъ свои ощущенія китаецъ по своему, своеобразно.

Для каждаго человѣка наиболѣе тяжелымъ и грустнымъ событіемъ жизни является смерть, но и къ смерти китаецъ относится совершенно иначе, нежели европеецъ. Китаецъ признаетъ главнымъ образомъ важность этого событія и остается совершенно равнодушнымъ къ его неизбѣжности. Китаецъ готовится нерѣдко всю свою жизнь къ похоронамъ своимъ и нисколько не смущается приближеніемъ смерти.

Книга церемоній «Ли-цзи», основа всей жизни китайскаго народа, особое

*

вниманіе удѣляетъ переходу отъ жизни на землѣ къ жизни среди предковъ. Въ этой книгѣ переселеніе въ загробный міръ обдумано во всѣхъ подробностяхъ, взвѣшены всѣ обстоятельства, не пропущена ни одна мелочь. На все обращено самое серіозное вниманіе, все расчитано и предусмотрено начиная отъ гроба и его размѣровъ, цвѣта, одеждъ покойника, траура родныхъ, участія ихъ въ погребеніи, извѣщеній и приглашеній на похороны, жертвоприношеній, выбора счастливаго мѣста для могилы и счастливаго дня для погребенія и кончая выполненіемъ разнообразныхъ погребальныхъ церемоній. Быть можетъ потому китайцы и относятся такъ разсудительно—спокойно къ смерти своей и близкихъ себѣ лицъ, что смерть подготовлена и обдумана ими до мельчайшихъ подробностей.

Здоровые китайцы совершенно равнодушно говорятъ о смерти, а больные совершенно спокойно ее ожидаютъ. Равнодушіе и спокойствіе предъ неизбѣжнымъ удѣломъ каждаго человѣка на землѣ дѣлаютъ то, что для китайца важнымъ событіемъ является не смерть, а похороны.

Китаецъ задолго еще до смерти, въ самую лучшую пору жизни и здоровья, заготовляетъ себѣ гробъ. Богатые люди выбираютъ себѣ гробъ по вкусу, платятъ за него часто громадныя деньги, такъ какъ гробъ заказываютъ себѣ сдѣлать изъ дорогого дубоваго, кипарисоваго или камфарнаго дерева. Богатые люди гробъ свой возятъ съ собой, если уѣзжаютъ изъ мѣста своего жительства и сохраняютъ его или у себя въ домѣ, или въ храмѣ предковъ, въ которыхъ всегда имѣется спеціально для храненія гробовъ отдѣленіе, приносящее хорошій доходъ бонзамъ—владѣльцамъ храма.

Среди китайцевъ возможны явленія, которыя немыслимы среди европейцевъ. Поступокъ, непонятный европейцу, представляется разумнымъ въ глазахъ китайца, для котораго нѣтъ бо́льшаго выраженія уваженія и почтенія, если сынъ подаритъ отцу гробъ, пріобрѣтенный на свои трудовыя деньги.

Люди несостоятельные часто всю свою жизнь отказываютъ себѣ во всемъ и копятъ деньги, чтобы купить себѣ при жизни гробъ и изготовить по смерти приличныя похороны. Въ соблюденіи всѣхъ похоронныхъ обрядностей заключается величайшее самоудовлетвореніе китайца.

Похороны въ Китаѣ обходятся очень дорого, почему въ расходахъ принимаютъ участіе всѣ родственники покойнаго, участвуя по подпискѣ или деньгами или принимая на себя часть расходовъ заготовленіемъ соотвѣтствующихъ жертвоприношеній. Въ семьяхъ дружныхъ, но бѣдныхъ, нѣтъ большаго доказательства сыновней или дочерней любви, если кто-либо изъ нихъ продастъ себя во временное или даже и постоянное рабство, чтобы только достать деньги, необходимыя для приличнаго погребенія своихъ родителей. Въ честь такихъ дѣтей воздвигаются правительствомъ почетныя арки—пай-ло.

Не всегда однако оканчивается благополучно похоронная церемонія. Нерѣдко бываютъ случаи, что родственники, взявъ въ долгъ въ бюро похоронныхъ процессій гробъ и прочія принадлежности, бываютъ не въ состояніи въ назначенный ими срокъ выполнить свои долговыя обязательства, и не могутъ въ то же время представить надежныхъ поручителей. Наступаетъ тогда одинъ изъ

ужасныхъ въ жизни китайца моментовъ: кредиторъ въ лицѣ гробовщика не только можетъ задержать похороны, это еще не очень большая бѣда, такъ какъ родственники покойнаго приложатъ всѣ свои старанія, чтобы собрать деньги и удовлетворить кредитора. Задержка похоронъ составитъ лишь временное осложненіе, но, что особенно ужасно, кредиторъ, если признаетъ безнадежность полученія долга, можетъ потребовать, чтобы покойникъ былъ вынутъ изъ гроба, а гробъ возвращенъ обратно въ лавку.

Въ подобныхъ случаяхъ остается одна надежда на помощь благотворителей, которые покупаютъ для погребенія бѣдныхъ гроба. Вообще покупка гроба обходится не дешево въ Китаѣ въ виду дороговизны дерева. Самый дешевый еловый гробъ стоитъ отъ пяти до десяти рублей, а гробы для богатыхъ людей стоятъ отъ пятисотъ и до двухъ тысячъ. По формѣ своей китайскій гробъ напоминаетъ стволъ дерева: расширяясь и скругляясь къ головной части, съуживаясь къ ножной.

Богатые очень заботливо помѣщаютъ покойника въ гробу. Они кладутъ въ гробъ слой ваты, извести, пахучихъ травъ; всѣ щели между досокъ внутри плотно замазываютъ цементомъ. Покойника кладутъ въ лучшихъ парадныхъ одеждахъ, причемъ въ одну руку вкладываютъ вѣеръ, а въ другую молитву на свиткѣ бумаги, служащую пропускомъ души умершаго въ загробный міръ.

Послѣ положенія тѣла гробъ плотно закрывается крышкой, всѣ щели снаружи еще разъ покрываются цементомъ, и весь гробъ покрывается лакомъ. У богатыхъ покойникъ остается въ домѣ отъ одного до трехъ мѣсяцевъ, слѣдовательно такая заботливая задѣлка гроба является вполнѣ разумной и отвѣчающей санитарной необходимости.

Въ Китаѣ, равно какъ и въ Европѣ, несоизмѣримо велико разстояніе между богатствомъ и нищетой, и нищета въ Китаѣ, предоставленная самой себѣ, не скрываемая отъ посторонніхъ взоровъ, выступаетъ во всей своей ужасной наготѣ, выступаетъ выпукло на общемъ фонѣ общественной жизни. Китайскіе нищіе и похороны бѣдняка особенно рѣзко оттѣняютъ благосостояніе людей имущихъ и, уживаясь мирно съ богатствомъ и пышностью, словно указываютъ на возможность существованія той формы общественной анархіи, при которой каждый предоставленъ самъ себѣ.

На отдаленныхъ улицахъ Пекина не рѣдкость встрѣтить трупъ скоропостижно умершаго, или погибшаго насильственной смертью, который пролежитъ нѣсколько дней, при всеобщемъ равнодушіи, пока власти примутъ мѣры къ погребенію жертвы несчастнаго случая или преступленія. Бездомные нищіе, умирающіе на улицахъ, подбираются полиціей и хоронятся на казенный счетъ разъ или два въ недѣлю, смотря по количеству подобранныхъ труповъ.

Бѣдняка хоронятъ въ простомъ, плохо сколоченномъ гробѣ, сдѣланномъ изъ тонкихъ и узкихъ досокъ. Гробъ несутъ на перекладинахъ четыре рабочихъ—кули. Сопровождающихъ никого нѣтъ. Сквозь щели гроба свободно выходитъ удушливый запахъ разлагающагося трупа, а иногда просачивается и трупная жидкость.

Степенью зажиточности покойнаго опредѣляется и пышность похоронной

процессіи. Не стану указывать на отдѣльныя ступени погребальныхъ процессій, входящихъ неизмѣнно составными частями во всякую пышную процессію, а опишу одну изъ богатыхъ процессій во всей ея подробности.

Начну съ того, что китайская улица, по которой идетъ пышная похоронная процессія, остается сама собой въ своемъ жизненномъ движеніи. Полиціи нѣтъ и никто не вмѣшивается ни въ остановку движенія, ни въ водвореніе порядка. Многочисленныя повозки, верховые и пѣшіе, сами останавливаются и даютъ дорогу процессіи, которая тѣмъ не менѣе на пересѣченіи большихъ улицъ неизбѣжно также замедляется и пріостанавливается, такъ какъ съ процессіей сливаются въ этихъ людныхъ мѣстахъ и другія процессіи, и повозки, и носилки знатныхъ мандариновъ, и телѣги съ тяжестями, и телѣжки изъ которыхъ выглядываютъ раскрашенныя лица нарядныхъ, веселыхъ китаянокъ, дамъ полусвѣта, и стадо овецъ, табунъ лошадей или караванъ верблюдовъ, которые степенно идутъ за своимъ вожатымъ. Шумъ, смятеніе, общая путаница, общіе крики, толкотня и ругань охватываютъ эту живую толпу. Кажется, что на долгое время останется эта сутолока безъ полицейскаго назиданія и даже перейдетъ въ общую свалку. Ничуть не бывало. Поражаешься, какъ эта, повидимому, анархическая, китайская тысячная толпа, прогалдѣвъ на разные голоса очень короткое время, сама, по взаимному соглашенію, сознавая права и нужды каждаго, вдругъ смолкаетъ, расходится по сторонамъ и каждый выходитъ на свою дорогу, каждый идетъ своимъ чередомъ, не обращая уже никакого вниманія на постороннихъ, пока опять не встрѣтится по пути общее какое-либо дѣло всѣхъ касающееся, которое будетъ такъ же быстро и мирно разобрано и улажено. Въ китайской народной толпѣ, предоставленной безусловно только самой себѣ, поражаетъ тотъ тактъ, то сознаніе необходимости взаимнаго самоподчиненія и уступокъ, которые ей присущи, и которые поддерживаютъ въ китайской жизни достойный подражанія порядокъ.

Похоронныя процессіи всегда выходятъ изъ дома утромъ между 6—7 часами. Процессію открываетъ въ красномъ плащѣ и въ красномъ остроконечномъ на головѣ колпакѣ особый церемоніймейстеръ, который время отъ времени ударяетъ въ мѣдный гонгъ, давая тѣмъ знакъ, что процессія должна шествовать не останавливаясь. Таковыхъ распорядителей, или какъ ихъ называютъ, «да-лоба», т.-е. ударяющихъ въ гонги, при большой процессіи нѣсколько человѣкъ. За первымъ «да-лоба» слѣдуютъ люди попарно, идущіе каждый по сторонѣ дороги и несущіе различные символы и предметы, относящіеся къ покойному. Въ числѣ этихъ предметовъ на высокихъ древкахъ несутъ четыре свернутыхъ знамени—фань. Назначеніе этихъ знаменъ весьма важное: душа покойнаго, которая сопровождаетъ тѣло отдѣльно, можетъ съ высоты этихъ знаменъ наблюдать за ходомъ гроба, въ которомъ находится ея бывшее тѣло. Затѣмъ слѣдуютъ попарно четыре красныхъ расшитыхъ драконами зонта, которые имѣютъ только значеніе почета и украшенія процессіи.

За зонтами—«сань»—слѣдуютъ аршинныя деревянныя красныя доски съ

черными на нихъ гіероглифами. Этихъ досокъ—«пай»—восемь; на нихъ обозначено званіе, фамилія, должность, чинъ, награды и другія служебныя преимущества, которыя имѣлъ при жизни покойный.

За досками слѣдуютъ опять восемь высокихъ вызолоченныхъ древковъ, оканчивающихся изображеніемъ топоровъ, копій, сабель, сжатой въ кулакъ руки,—все это имѣетъ назначеніемъ устрашать демоновъ, носящихся въ воздухѣ, чтобы они не препятствовали шествію души умершаго. Тутъ же около идетъ человѣкъ съ бѣлой доской на плечѣ, на которой черными гіероглифами написанъ адресъ той лавки, которая устроиваетъ похоронныя процессіи. Реклама сопутствуетъ процессіи? За золотыми вещами—«цинь-чжи-ши» несутъ двѣ деревянныхъ квадратныхъ доски съ надписью: «всѣ прохожіе да окажутъ почтеніе покойному». За досками слѣдуетъ человѣкъ, несущій металлическую раму, къ которой подвѣшены девять мѣдныхъ чашечекъ, въ края которыхъ онъ ударяетъ тонкой палочкой и извлекаетъ довольно гармоническіе звуки. Этотъ инструментъ такъ и называется «девять звуковъ».

За нимъ слѣдуютъ музыканты съ длинными трубами, особаго устройства. Изъ этихъ трубъ—«лаба»—извлекается одинъ громкій и длительный звукъ.

Трубы эти громоздки и несутъ ихъ по-двое: одинъ человѣкъ за конецъ, а другой дуетъ въ отверстіе трубы. За большими трубами слѣдуютъ маленькія трубы и барабаны «да-гуда». Время отъ времени въ барабаны ударяютъ палками. За барабанами несутъ большіе, загнутые на подобіе листа, картонные вѣера, непремѣнно зеленаго цвѣта. На этихъ вѣерахъ «шань» написано имя и званіе покойнаго. За вѣерами несутъ носилки покойника. Носилки въ похоронной процессіи имѣютъ тоже значеніе, что и знамена. Душа покойнаго, летающая вблизи шествія, въ случаѣ усталости можетъ сѣсть и отдохнуть.

За носилками слѣдуютъ музыканты. Чѣмъ похороны пышнѣе, тѣмъ и музыка нѣжнѣе. Музыканты имѣютъ только нѣсколько флейтъ и свирѣлей. Похоронная мелодія очень гармоничная, нѣжная. Музыкантовъ сопровождаютъ восемь плакальщиковъ въ бѣлыхъ траурныхъ одеждахъ. Они по знаку своего старшаго произносятъ тягучій полугромкій звукъ, какъ бы протяжный вздохъ. На поясницѣ у нихъ прикрѣплены маленькіе барабаны, въ которыя слѣдующіе за ними одновременно производятъ негромкій ударъ. Плакальщики носятъ названіе «нао-санъ-гу», т.-е. производящіе траурный шумъ, что дѣйствительно вѣрно опредѣляетъ ихъ участіе въ процессіи, такъ какъ на самомъ дѣлѣ они не плачутъ.

За ними слѣдуютъ уже въ полномъ траурѣ старшіе родственники, т.-е. сынъ покойнаго, братья сопутствуемые жрецами. Сынъ, весь въ бѣломъ, идетъ опираясь на посохъ, съ котораго спускается нѣсколько бѣлыхъ полотняныхъ полосъ. За родственниками движется несомый на катафалкѣ гробъ. Издали кажется, что это колышется и какъ бы плыветъ надъ людскими головами глухой улицы, какое-то зданіе.

Гробъ богатаго китайца всегда бываетъ огромныхъ размѣровъ и вѣситъ не менѣе 30 пудовъ, но часто гораздо болѣе.

Гробъ ставится на особыя носилки, составляемыя изъ круглыхъ и крупныхъ красныхъ брусьевъ, связываемыхъ другъ съ другомъ красными толстыми жгутами. Къ этимъ основнымъ брусьямъ присоединяются спереди и сзади другіе меньшіе брусья.

Надъ основными брусьями воздвигается обширный балдахинъ, который весь закрывается богато вышитыми золотомъ, серебромъ и шелками завѣсами съ изображеніемъ на нихъ драконовъ и миѳическихъ птицъ. Вышивки бываютъ или чернаго цвѣта, или синяго, или краснаго.

Когда гробъ установленъ подъ балдахинъ, то носильщики въ количествѣ 84 человѣкъ, какъ это опредѣлено для важныхъ мандариновъ, поднимаютъ носилки на плечи и шествіе получаетъ движеніе.

Похоронное шествіе въ Китаѣ представляетъ собою весьма внушительную и красивую картину. Въ богатомъ похоронномъ шествіи участвуетъ не менѣе 300—400 человѣкъ и само шествіе растягивается на протяженіи двухъ-трехъ верстъ.

Особенно красивымъ и внушительнымъ кажется медленное движеніе катафалка надъ людской толпой. Кажется, что катафалкъ плыветъ среди людского моря, покачиваясь изъ стороны въ сторону на его волнахъ. За уличнымъ движеніемъ не видны люди, сгибающіеся подъ тяжестью ноши.

Катафалкъ часто останавливается, такъ какъ люди перемѣняются; иногда съ большимъ трудомъ выносятъ гробъ, если по дорогѣ попадается рытвина, или когда дорога бываетъ тяжела послѣ дождя и ноги скользятъ въ глубокой грязи. Около носильщиковъ идутъ нѣсколько человѣкъ, имѣющихъ въ рукахъ палочки и время отъ времени ударяющихъ ими одна объ другую. Этотъ стукъ въ палочки напоминаетъ носильщикамъ, что надо идти въ ногу, иначе гробъ начинаетъ сильно раскачиваться изъ стороны въ сторону.

Если мы будемъ смотрѣть на похоронную процессію въ Китаѣ издали, то она представится красивой, внушительной и живописной по разнообразію участвующихъ группъ, но если мы подойдемъ и посмотримъ на участниковъ въ церемоніи вблизи, то глазамъ представится дѣйствительность очень непривлекательная.

Участниковъ въ церемоніи лавки похоронныхъ процессій каждый разъ набираютъ изъ многочисленныхъ пекинскихъ нищихъ, которымъ выдаютъ на руки вмѣстѣ съ похоронными эмблемами и символами и похоронное верхнее одѣяніе, состоящее изъ зеленаго цвѣта куртки съ рукавами и черной войлочной шляпы, съ краснымъ султаномъ изъ перьевъ на верхушкѣ.

Взятые съ улицы нищіе въ своихъ грязныхъ отрепьяхъ изъ-подъ верхней одежды, босые, съ запачканными лицами и руками, представляютъ изъ себя жалкую толпу, часто съ смѣшными отдѣльными типами.

Среди высокаго роста, которому одѣяніе коротко и не покрываетъ ихъ нищенскаго отрепья, попадаются мальчуганы, у которыхъ одѣяніе это или волочится по землѣ, или подоткнуто и подпоясано грязной веревкой. Шествіе не соблюдаетъ ни порядка, ни благопристойности, отвѣчающихъ торжественности событія. Случайные участники въ процессіи идутъ какъ имъ вздумается, дер-

жатъ символы и эмблемы кое-какъ, пересмѣиваются, переругиваются, болтаютъ другъ съ другомъ, курятъ свои трубочки. Въ общемъ, получается впечатлѣніе, что эти бродяги и нищіе очень счастливы тѣмъ, что получатъ за свое участіе въ процессіи нѣсколько копеекъ денегъ и по чашкѣ рейсу, чтобы утолить свой голодъ. Когда процессія подходитъ къ городскимъ воротамъ, то гробъ пріостанавливается. Передъ нимъ разстилаются на землѣ коврики, жрецы читаютъ молитву, а родные совершаютъ поклоненіе. Особо сопутствующіе участники процессіи бросаютъ въ воздухъ бѣлые кружки бумаги, которые въ данномъ случаѣ изображаютъ собою деньги и должны служить умилостивленіемъ духовъ, охранителей воротъ, чтобы они не препятствовали проходу души въ обитель смерти.

За гробомъ тянется рядъ траурныхъ бѣлыхъ телѣгъ, въ которыхъ помѣщаются женщины и дѣти. Рѣдко, рѣдко, когда можно бываетъ прочесть на лицахъ женщинъ живое выраженіе горя, но обычно раскрашенныя лица живыхъ куколъ ничего не выражаютъ.

За телѣгами родныхъ слѣдуютъ телѣги прислугъ, которые везутъ связки бумажныхъ золотыхъ и серебряныхъ денегъ, долженствующихъ служить для жертвеннаго сожиганія на могилѣ, а иногда сдѣланныя изъ бумаги и тростника вещи, каковы павильончики, кресла, которыя необходимы покойному въ дальнѣйшемъ странствованіи души и которыя также сожигаются на могилѣ.

Похоронныя процессіи именитыхъ китайцевъ рѣзко отличаются отъ похоронныхъ процессій именитыхъ манчжуровъ, удержавшихъ многія особенности своей прежней кочевой жизни.

У манчжуровъ похоронное шествіе открывается большимъ флагомъ, несомымъ на высокомъ древкѣ. Этотъ флагъ—«путь жизни» —долженъ служить указателемъ, что покойный отправился въ путешествіе. Затѣмъ слѣдуютъ попарно верблюды съ навьюченными на нихъ палатками, что, подтверждая путешествіе, указываетъ, что покойный велъ кочевой образъ жизни. За верблюдами слѣдуетъ табунъ лошадей и отрядъ всадниковъ, что указываетъ, что покойный—богатый и владѣтельный человѣкъ, имѣющій слугъ и воиновъ.

За отрядомъ всадниковъ слѣдуетъ охота, которую ведетъ особый охотничій, держа на сворѣ собакъ, а другой несетъ на рукѣ ручнаго сокола. Участіе въ процессіи охоты указываетъ, что покойный занимался охотой и, уничтожая дикихъ и вредныхъ звѣрей, приносилъ пользу своему народу, а охотясь на птицъ и мирныхъ животныхъ, принадлежалъ къ владѣтельному роду. Занятіе охотой у манчжура считается не только почетнымъ, но и обязательнымъ для каждаго владѣтельнаго князя. За охотой слѣдуетъ снова отрядъ всадниковъ, указывающій, что покойный имѣетъ тѣлохранителей и дружинниковъ.

Вслѣдъ за этими атрибутами князя или владѣтельнаго родовитаго манчжура слѣдуютъ тѣ же самые символы и эмблемы, что и у китайцевъ, но среди китайскихъ символовъ появляются указанія и на манчжурскій бытовой укладъ жизни.

Въ процессіи несутъ искусно сдѣланныхъ изъ травы и сосновыхъ вѣтвей

изображенія тигровъ, оленей, птицъ, а изъ раскрашенной бумаги и тростника очень правдиво воспроизведенныхъ куколъ-слугъ, мужчинъ и женщинъ. Всѣ эти слуги необходимы покойному въ его путешествіи, а потому и сожигаются на его могилѣ и переходятъ вмѣстѣ съ нимъ въ царство тѣней.

По пути шествія процессіи устраиваются палатки, въ которыхъ на столахъ разставлены различныя явства, фрукты, бумажныя серебряныя и золотыя деньги, а вдоль стѣнъ поставлены изъ дерева сдѣланныя сабли, копья, сѣкиры.

Путь далекъ, и душа покойнаго можетъ подкрѣпиться и запастись всѣмъ, что необходимо, если бы оказался въ чемъ недочетъ.

Нѣкоторая особенность встрѣчается у манчжура и въ одеждѣ родныхъ. Старшій сынъ или старшій въ родѣ идетъ, опираясь на высокій посохъ, а на плечо ему накинута бѣлая баранья шкура. Эта особенность указываетъ опять-таки на принадлежность покойнаго къ кочевникамъ-скотоводамъ.

Вмѣстѣ съ родственниками идутъ и жрецы, причемъ въ похоронныхъ процессіяхъ участвуютъ одинаково и жрецы-буддисты и жрецы-даосы. Даосы особенно славятся своимъ умѣньемъ облегчить душѣ хожденіе по мытарствамъ и помочь ей миновать тяжелое пребываніе въ чистилищѣ.

За гробомъ въ манчжурской похоронной процессіи ведутъ осѣдланнаго коня покойнаго.

Такимъ образомъ похоронная процессія манчжура-покойника выдѣляется болѣе яркими и жизненными бытовыми чертами. Манчжуры, завоеватели Китая переняли очень многое изъ духовной и религіозной жизни побѣжденнаго ими народа, но въ похоронныхъ процессіяхъ и домашней своей бытовой жизни сохраняютъ еще и до сихъ поръ многіе обычаи и преданія старины.

Что касается вѣрованій китайцевъ относительно души, то они убѣждены, что каждый человѣкъ обладаетъ самью животными чувствами, которыя умираютъ вмѣстѣ съ тѣломъ и тремя душами, которыя не умираютъ съ тѣломъ, а одна душа удаляется въ миѳическій рай, гдѣ ожидаетъ приговора суда, назначающаго ей мѣстопребываніе, другая душа остается жить на землѣ, поселяясь въ приготовленную для нея родными табличку и остается въ этой табличкѣ въ родномъ домѣ. Поставленная на домашнемъ алтарѣ душа каждаго предка и составляетъ культъ почитанія предковъ для всего китайскаго народа, совершающаго поклоненія, жертвоприношенія и почитаніе этихъ табличекъ. Третья душа сопутствуетъ тѣлу и уходитъ съ нимъ жить вмѣстѣ въ могилу.

Обрядность, которая строго выполняется при смерти, и забота о выборѣ могилы для погребенія, составляютъ въ жизни китайскаго народа одну изъ самыхъ важныхъ обязанностей въ отношеніи своихъ предковъ.

В. В. Корсаковъ.

Пекинъ, 29 мая 1903 г.

НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

О «сущности» жизни *).

(*Окончаніе* **).

Наука есть систематизація опыта человѣчества; въ одной изъ своихъ статей я назвалъ ее даже «типовой» фотографіей человѣчества, подобной типовымъ фотографіямъ банкировъ, журналистовъ, художниковъ, различныхъ національныхъ типовъ и т. д.

Но не все, чѣмъ занимаются ученые въ своихъ изслѣдованіяхъ, нужно считать наукой: многія отдѣльныя черты исчезаютъ въ типовой фотографіи. Часто нельзя предвидѣть, какія научныя работы явятся необходимыми для построенія науки, для символизаціи опытнаго матеріала, какія же, наоборотъ, останутся навѣкъ неиспользованными и сгніютъ въ библіотечныхъ шкафахъ, но есть вопросы, относительно которыхъ, по моему мнѣнію, можно сдѣлать вполнѣ точное предсказаніе—это всѣ вопросы о такъ называемыхъ «сущностяхъ».

Въ настоящее время и въ Западной Европѣ, и въ Россіи, съ обычнымъ для нея запозданіемъ, для нѣкоторой части общества характеренъ поворотъ къ метафизикѣ, къ «идализму», къ различнаго рода «сущностямъ» и «абсолютамъ».

Наука находится подъ могучимъ давленіемъ запросовъ жизни, и всѣ, даже кратковременныя, настроенія сказываются на представителяхъ науки, но далеко не все изъ этого преходящаго войдетъ въ нее, а только полезное для созданія новыхъ болѣе общихъ и болѣе экономныхъ символовъ. Поэтому нечего бояться за поврежденіе науки подобными воинами «не отъ міра сего»—они отпадутъ отъ нея, какъ отпадаютъ различныя индивидуальныя уродливости въ типовой фотографіи,—но все же жаль потерянаго времени и силъ—ихъ не воротишь.

Особенно жаль, мнѣ по крайней мѣрѣ, когда эти воины вторгаются въ естествознаніе. За послѣдніе 10—15 лѣтъ сильно страдаетъ отъ подобнаго вторженія біологія: вопросъ о «сущности жизни» сталъ теперь модньмъ.

Я не намѣренъ здѣсь давать полной картины этого вопроса, а хочу остановиться только на наиболѣе рѣзкихъ и характерныхъ мнѣніяхъ и гипотезахъ.

---

*) „Наука и жизнь“. „М. Б.“, 1902, февраль

**) См. „Міръ Божій“ № 7, 1903 г.

Исходнымъ пунктомъ, для сравненія мы возьмемъ воззрѣнія Клодъ-Бернара, развитыя имъ лѣтъ 25 тому назадъ. Знаменитый физіологъ опирается на еще болѣе знаменитаго своего соотечественника—Паскаля. Какъ извѣстно, Паскаль утверждаетъ, что научный методъ не употребляетъ никакого термина, смыслъ котораго не былъ бы предварительно точно объясненъ. Этотъ методъ состоитъ въ томъ, чтобы все опредѣлять, все доказывать; но вслѣдъ за этимъ самъ же Паскаль замѣчаетъ, что это невозможно. Истинное опредѣленіе, говоритъ онъ, въ дѣйствительности—не что иное, какъ словесное опредѣленіе, опредѣленіе посредствомъ словъ или названій, т.-е. приданіе имени или названія предметамъ, созданнымъ умомъ, съ цѣлью сократить рѣчь. Соотвѣтственно этому, и Клодъ Бернаръ полагаетъ, что «въ естествознаніи нельзя ничего опредѣлить; всякая попытка опредѣленія выражаетъ только простую гипотезу. Мы узнаемъ предметы только постепенно, съ разныхъ точекъ зрѣнія; не въ началѣ науки мы получаемъ полное, цѣльное познаніе о предметѣ, какое необходимо для опредѣленія его, но въ концѣ ея, какъ конечный и недостижимый идеалъ изученія... Методъ, состоящій въ томъ, чтобы сначала давать опредѣленія и потомъ все выводить изъ опредѣленій, можетъ быть пригоденъ только для теоретическихъ и отвлеченныхъ наукъ, но онъ противенъ самому духу опытныхъ наукъ... Вотъ почему нельзя опредѣлить жизни и въ физіологіи. Когда говорятъ о жизни, то всякій безъ труда понимаетъ, о какомъ предметѣ идетъ рѣчь, и этого достаточно, чтобы оправдать употребленіе термина, не подающаго повода къ двусмысленностямъ и недоразумѣніямъ... Достаточно только согласиться насчетъ слова жизнь, чтобы потомъ употреблять его; но необходимо при этомъ помнить, что искать безусловнаго опредѣленія—это иллюзія, противная самому духу науки. Мы должны стремиться только къ тому, чтобы установить признаки предмета и распредѣлить ихъ въ естественномъ порядкѣ ихъ подчиненности».

И потому Клодъ Бернаръ стремится охарактеризовать живыя существа только отношеніемъ ихъ къ неживымъ и устанавливаетъ слѣдующія характеристическіе признаки живыхъ существъ: организація, воспроизведеніе, питаніе, развитіе (эволюція), старость, болѣзнь, смерть.

Организація, по мнѣнію знаменитаго физіолога, есть результатъ смѣси сложныхъ веществъ, реагирующихъ другъ на друга; свойства, присущія живой матеріи, зависятъ отъ группировки этихъ веществъ, особенной и весьма сложной, но подчиненной общимъ химическимъ законамъ группировки матеріи.

Столь же безусловно характерной для живыхъ организмовъ является ихъ способность *воспроизведенія:* всякій организмъ происходитъ отъ родителей и въ извѣстный моментъ становится способнымъ въ свою очередь сдѣлаться родителемъ.

Но можетъ быть самой замѣчательной чертой живыхъ существъ, а слѣдовательно и жизни, является *развитіе*: живое существо рождается, растетъ, склоняется къ упадку и умираетъ; оно находится въ состояніи постояннаго измѣненія; оно подвержено смерти; оно выходитъ изъ зародыша, изъ яйца или изъ сѣмени, развивается, дифференцируясь, образуетъ органы и, въ концѣ концовъ, разрушается. Вещество же минеральное остается неизмѣннымъ и невредимымъ во все время, пока остаются неизмѣнными внѣшнія условія. Смерти, по мнѣнію

Клода Бернара, подчиненъ всякій живой индивидумъ, который посредствомъ смерти возвращается въ минеральный міръ; кромѣ того, онъ подверженъ болѣзни и способенъ къ выздоровленію.

Наконецъ, *питаніе* является отличительной существенной чертой живого существа, наиболѣе постоянной и всеобщей: одного питанія, говоритъ Клодъ Бернаръ, достаточно для характеристики жизни. Питаніе есть непрерывная смѣна частичекъ, изъ которыхъ состоитъ живое существо. Организмъ есть мѣсто постояннаго движенія, не оставляющаго въ покоѣ ни одной его части, каждая изъ нихъ безъ перерыва и остановки питается въ окружающей ее средѣ, въ которую отдаетъ свои отбросы и продукты. Благодаря этому невидимому, непрерывному току веществъ, проходящему черезъ организмъ, составъ его обновляется, но форма остается и не измѣняется.

Мы видѣли при изложеніи книги И. Мечникова, что въ настоящее время далеко не всѣ ученые считаютъ смерть признакомъ всѣхъ живыхъ организмовъ. Да и, дѣйствительно, въ понятіи о смерти слишкомъ много еще антропоморфизма, чтобы его съ пользой можно было прилагать ко всѣмъ, даже одноклѣточнымъ организмамъ.

Вообще, въ живомъ существѣ Клодъ Бернаръ выдѣляетъ два порядка явленій: 1) *явленія жизненнаго созиданія или организующаго синтеза* и 2) *явленія смерти или органическаго разрушенія.* Въ неорганической матеріи ничто не теряется и ничто не творится, въ живыхъ же существахъ все творится, организуется и все умираетъ, разрушается; первый изъ этихъ двухъ порядковъ явленій — синтезъ, сопровождающійся развитіемъ, единственный въ своемъ родѣ, *не имѣющій аналогій*, въ немъ и заключается настоящая жизненность; жизнь, по Клоду Бернару, есть *твореніе или созиданіе.* «Второй же порядокъ—жизненное разрушеніе, если его разсматривать съ физико-химической стороны, бываетъ весьма часто результатомъ горѣнія, броженія, гніенія, словомъ, такого дѣйствія, которое можетъ быть сравнено съ большимъ числомъ химическихъ фактовъ разложенія или раздвоенія. Когда эти явленія созерцаются въ организованномъ существѣ, то это—явленія *смерти*». Мы не можемъ непосредственно наблюдать явленій жизни; только ученый, слѣдя за развитіемъ живого элемента или существа, схватываетъ измѣненія и фазы, раскрывающія передъ нимъ глухую работу организующаго синтеза; на оборотъ, явленія жизненнаго разрушенія или смерти бросается намъ въ глаза, и мы часто бываемъ жертвой иллюзіи, когда, желая характеризовать явленія жизни, указываемъ на явленія смерти. Біологія должна стремиться только къ тому, чтобы опредѣлить условія и обстоятельства этихъ двухъ порядковъ явленій—организаціи и дезорганизаціи.

Если бы явленія жизни, задаетъ вопросъ Клодъ Бернаръ, управлялись «внутреннимъ, независимымъ жизненнымъ принципомъ», то чѣмъ обусловливался бы тотъ фактъ, что у нѣкоторыхъ живыхъ существъ жизнь энергичнѣе лѣтомъ, чѣмъ зимою, сильнѣе въ присутствіи кислорода, чѣмъ въ его отсутствіи, болѣе дѣятельна въ водной, чѣмъ въ сухой средѣ. Этого внутренняго принципа нельзя уловить, нельзя уединить или дѣйствовать на него.

Напротивъ, необходимымъ условіемъ жизненныхъ актовъ служатъ всегда физико-химическія обстоятельства, совершенно опредѣленныя и способныя или вызвать проявленія жизни, или помѣшать имъ. Жизнь не есть проявленіе единственно чего-то внутренняго въ организмѣ, но и не есть дѣйствіе однихъ только внѣшнихъ физико-химическихъ условій, поэтому ее нельзя характеризовать исключительно ни воззрѣніемъ виталистическимъ ни матеріалистическимъ.

Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести слѣдующія слова Клода Бернара: они писаны какъ будто сегодня, а не 25 лѣтъ тому назадъ. «Стремленіе, которое, повидимому, оживаетъ въ наше время и направляется къ тому, чтобы впутывать въ физіологію вопросы телеологическіе и философскіе и искать ихъ воображаемаго примиренія съ нею, есть, по моему мнѣнію, стремленіе безплодное и гибельное, потому что оно спутываетъ вмѣстѣ умъ и чувство и смѣшиваетъ то, что познается и принимается безъ физическаго доказательства, съ тѣмъ, что нужно принимать только экспериментально и послѣ полнаго доказательства. И, дѣйствительно, спиритуалистомъ или матеріалистомъ можно быть только по чувству, между тѣмъ какъ физіологомъ можно быть только путемъ научнаго доказательства».

Не правда ли 25 лѣтъ очень небольшой промежутокъ времени въ области научной мысли! Но пойдемъ дальше за Клодомъ Бернаромъ.

«Жизненная сила», говоритъ онъ, не можетъ ничего произвести сама по себѣ, потому что она можетъ дѣйствовать, только пользуясь общею дѣятельностью силъ природы, и сама не способна обнаруживаться внѣ ея, но, съ другой стороны, и одни физико-химическія условія не могли бы сгруппировать и привести въ гармонію явленія въ томъ порядкѣ и въ той послѣдовательности, въ какой они обнаруживаются въ живыхъ существахъ. «Жизненная сила» представляется Клоду Бернару въ видѣ «*направляющей силы*». Въ одушевленныхъ тѣлахъ существуетъ такое устройство, такой *порядокъ*, который нельзя упускать изъ виду, потому что онъ, дѣйствительно, составляетъ самую выдающуюся черту живыхъ существъ. Конечно, жизненныя явленія имѣютъ свои строго опредѣленныя жизненныя физико-химическія условія, но въ то же время они подчиняются другъ другу и слѣдуютъ другъ за другомъ въ извѣстной связи и по извѣстному закону, опредѣленному напередъ: они повторяются вѣчно въ порядкѣ, съ правильностью, постоянствомъ и съ гармоніей между собой, направляясь къ одному результату, который есть организація и возрастаніе идивида. Этотъ *предустановленный жизненный порядокъ является основнымъ характернымъ признакомъ всякаго живого существа.* Наблюденіе, говоритъ Клодъ Бернаръ, указываетъ намъ на органическій планъ, но не на дѣятельное вмѣшательство жизненной силы. «Жизненная сила управляетъ явленіями, которыхъ она не производитъ, а физическіе агенты производятъ явленія, которыми они не управляютъ». Но именно вслѣдствіе этого, когда физіологъ захочетъ узнать, вызвать явленія жизни, дѣйствовать на нихъ, видоизмѣнять ихъ, тогда ему нужно обращаться не къ жизненной силѣ, *къ этой неуловимой сущности*, но къ единственно доступнымъ намъ физическимъ и химическимъ условіямъ, которыя вызываютъ жизненныя проявленія и управляютъ

ею. Мы можемъ, утверждаетъ знаменитый физіологъ, знать только матеріальныя условія, а не внутреннюю природу явленій жизни, и намъ приходится имѣть дѣло только съ матеріей, а не съ первыми причинами, не съ направляющей жизненной силой, которая зависитъ отъ нихъ. Эти причины для насъ недоступны. «Жизненная сила, жизнь принадлежитъ міру метафизическому; выраженія эти есть необходимость ума, мы можемъ пользоваться ими только субъективно. Нашъ умъ схватываетъ единство, связь и гармонію явленій и считаетъ ихъ выраженіемъ силы; но было бы большою ошибкою думать, что эта метафизическая сила дѣятельна. То же самое примѣнимо, впрочемъ, и къ тѣмъ отвлеченіямъ, которыя мы называемъ физическими силами; было бы чистой иллюзіей пытаться сдѣлать что-нибудь посредствомъ ихъ. Это необходимыя метафизическія воззрѣнія, но не выходящія изъ умственной области, въ которой они возникли, и не дѣйствующія на явленія, которыя дали уму поводъ составить ихъ».

Итакъ, говоритъ Клодъ Бернаръ, перефразируя слова Лейбница: «*Все въ живомъ тѣлѣ совершается такъ, какъ если бы живой силы не существовало*». Физическія силы столь же темны и недоступны для опыта, какъ и жизненная сила. Мы можемъ дѣйствовать не на эти сущности, но только на физическія или химическія условія, вызывающія то или другое явленіе. Словомъ, цѣль всякой науки о природѣ состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить детерминизмъ (причинность) явленій. «Детерминизмъ физіологическій состоитъ въ признаніи того принципа, что всякое жизненное явленіе, также какъ и всякое явленіе физическое, неизмѣнно опредѣляется физико-химическими условіями, которыя вызываютъ его или препятствуютъ его обнаруженію и такимъ образомъ бываютъ его условіями или матеріальными непосредственными и ближайшими его причинами. Совокупность опредѣляющихъ условій какого-нибудь явленія необходимо вызываетъ собою это явленіе. Вотъ чѣмъ нужно замѣнить прежнее темное, спиритуалистическое или матеріалистическое понятіе о причинѣ». Жизнь не болѣе и не менѣе темна, чѣмъ всѣ другія первыя причины; можно и нужно искать и изслѣдовать только условія жизни.

Такимъ образомъ, уже Клодъ Бернаръ ясно понималъ метафизическій характеръ понятій о «жизненной силѣ», «жизненномъ принципѣ», «сущности жизни» и ненужность этихъ сущностей для естествоиспытателя, но въ то же время знаменитый біологъ утверждалъ, что и механистическое, или вѣрнѣе, физико-химическое объясненіе жизненныхъ явленій, доведенное до конца и якобы охватывающее всю совокупность этихъ явленій, столь же метафизично и неправильно.

Здѣсь нужно подчеркнуть слѣдующее различіе этихъ двухъ направленій. До извѣстныхъ предѣловъ физико-химическое объясненіе жизненныхъ явленій есть не только удобная, но даже единственная рабочая гипотеза: благодаря ей, часть ихъ, покрайней мѣрѣ, связывается цѣпью общихъ символовъ съ явленіями неорганизованной природы; виталистическая же гипотеза, въ какой бы формѣ она ни являлась, въ видѣ ли «біогеновъ» Ферворна, «доминантъ» Рейнеке или «жизненной силы» старыхъ виталистовъ—безразлично—можетъ быть только объектомъ философскихъ споровъ, но быть рабочей гипотезой, служить

путеводной связующей нитью при опытной работѣ не можетъ: въ ней не къ чему прицѣпиться, въ ней не на что опереться, она виситъ на воздухѣ.

Но съ другой стороны неоспоримой заслугой представителей витализма является выясненіе и неустанная пропаганда такого, казалось бы, уже совершенно яснаго со времени Клода Бернара и Спенсера положенія, что жизненныя явленія—явленія специфическія, которыхъ нельзя свести къ однимъ физико-химическимъ. Насколько намъ помнится, первымъ въ защиту этого основного положенія неовитализма выступилъ *Бунге въ* 1886 г.

Бунге оспариваетъ «механистовъ», утверждающихъ что въ живыхъ существахъ нѣтъ никакихъ другихъ дѣятельныхъ факторовъ, кромѣ тѣхъ силъ и веществъ, которыя принимались до сихъ поръ для объясненія безжизненной природы. Что мы въ живыхъ существахъ ничего другого не познаемъ, зависитъ, говоритъ онъ, только отъ того, что для наблюденія живой и неживой природы мы пользуемся одними и тѣми же органами чувствъ, не воспринимающими ничего другого, кромѣ ограниченнаго круга явленій движенія. Но, по мнѣнію Бунге, для наблюденія живой природы у насъ однимъ чувствомъ больше: это внутреннее чувство для наблюденія состояній и процессовъ нашего собственнаго сознанія, которые не могутъ быть сведены къ процесамъ движенія, потому что далеко не всѣ расположены пространственно. Въ пространствѣ расположено только то, что входитъ въ наше сознаніе черезъ ворота зрѣнія, осязанія и мускульнаго чувства. Всѣ остальныя чувственныя воспріятія, чувств а эффекты, побужденія и необозримый рядъ представленій никогда не группируются въ пространствѣ, а только во времени. О механизмѣ здѣсь, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи. Въ противоположность механистамъ, Бунге утверждаетъ что чѣмъ подробнѣе, многостороннѣе, основательнѣе изслѣдуемъ мы жизненныя явленія, тѣмъ болѣе приходимъ къ убѣжденію, что даже процессы, въ возможности объясненія которыхъ съ физической и химической точки зрѣнія мы уже были увѣрены, являются по природѣ своей гораздо болѣе запутанными и не допускаютъ пока никакого механическаго объясненія. Таковы напр., по мнѣнію Бунге, явленія поглощенія, всасыванія пищи въ кишечникѣ функціи нѣкоторыхъ железъ, не сводимыя къ законамъ диффузіи и эндосмоса, вообще въ физіологіи обмѣна веществъ, да и въ остальныхъ отдѣлахъ физіологіи не удалось свести жизненныя явленія цѣликомъ на физическіе и химическіе законы; отъ объясненія мускульныхъ и нервныхъ функцій процессами электрическими въ настоящее время мы стоимъ, повидимому, болѣе далеко, чѣмъ раньше. Правда, глазъ есть физическій снарядъ, но какъ и почему произошелъ этотъ сложный органъ, не поддается физическому объясненію; то же относится ко всѣмъ главамъ физіологіи. Кровь слѣдуетъ законамъ гидростатики, процессы дыхательнаго газоваго обмѣна, вѣроятно, удастся свести къ законамъ аэродинамики, диффузіи и поглощенія, но какъ произошли легкія, какъ они сохраняются, какъ приводятся въ движеніе,—это не объяснимо механистически. Вообще, вывертывая опредѣленіе жизни, такъ сказать, на изнанку, Бунге утверждаетъ, что всѣ процессы нашего организма, поддающіеся механическому объясненію, настолько же мало представляютъ жиз-

ненныя явленія, какъ и движеніе листьевъ и вѣтвей дерева, колеблемаго вѣтромъ. Загадка жизни кроется въ *активности*, понятіе же о послѣдней мы почерпнули не изъ чувственныхъ воспріятій, а изъ самонаблюденій и перенесли только на объекты нашихъ чувственныхъ воспріятій—на органы, на элементы тканей, на каждую маленькую клѣтку. Не только физика и химія, но и анатомія и гистологія не подвинутъ насъ къ рѣшенію загадки жизни. Ибо когда съ помощью микроскопа и скальпеля мы разлагаемъ организмы на послѣдніе элементы, когда передъ нами находятся, наконецъ, простѣйшія клѣтки, величайшая загадка остается еще впереди: простѣйшая клѣтка, безформенная, безструктурная, микроскопическая капля протоплазмы все же обнаруживаетъ всѣ существенныя жизненныя функціи—питаніе, ростъ, размноженіе, движеніе, чувствительность—даже такія функціи, которыя, по меньшей мѣрѣ, замѣняютъ собою «чувствилище» (sensorium), душевную жизнь высшаго животнаго.

При посредствѣ сперматозоида—маленькой клѣтки, 500 милліоновъ которыхъ едва занимаютъ пространство въ одну кубическую линію, унаслѣдуются отъ отца сыномъ тѣлесныя и духовныя особенности. Если это, дѣйствительно, чисто механическій процессъ, то какъ безконечно удивительно должно быть строеніе атомовъ, какъ безконечно сложны должны быть разнообразныя движенія этой маленькой клѣтки, и невольно встаетъ вопросъ, какъ это маленькое сооруженіе можетъ быть носителемъ душевныхъ явленій.

До сихъ поръ Бунге говоритъ то же, что и Клодъ Бернаръ, то же, что заключается въ опредѣленіи жизни Спенсера. Онъ только другими словами указываетъ характерные признаки живого: процессъ организаціи и дезорганизаціи размноженія, движенія, чувствительности и т. п. Но стремленіе къ единству и инерція спора ведетъ его дальше и критикъ механизма уступаетъ мѣсто пѣвцу витализма.

Въ мельчайшей клѣткѣ, говоритъ Бунге, передъ нами уже лежатъ всѣ «загадки» жизни, *а въ изслѣдованіи мельчайшей клѣтки съ тѣми вспомогательными средствами* (*физика, химія и анатомія*), *которыя имѣются въ настоящее время, мы находимся уже у предѣла* *). Поэтому начало физіологическаго изслѣдованія, по мнѣнію Бунге, должно начинаться съ самаго сложнаго организма, съ человѣческаго, такъ какъ при изслѣдованіи его мы не только руководимся нашими чувствами, но одновременно проникаемъ въ самую сокровенную сущность еще съ другой стороны – посредствомъ самонаблюденія, внутренняго чувства, и такимъ образомъ подаемъ руку проникающей извнѣ физикѣ. Сущность витализма—правильнѣе идеализма—состоитъ въ томъ, что мы исходимъ отъ извѣстнаго—отъ міра внутренняго, чтобы объяснить неизвѣстное—внѣшній міръ. Механизмъ же, который есть нечто иное, какъ матеріализмъ, исходитъ отъ неизвѣстнаго, отъ внѣшняго міра, отъ гипотетическихъ объектовъ чувственныхъ воспріятій, чтобы объяснить извѣстное—міръ внутренній. Гипотезы, на которыя упираются гипотетическое объясненіе природы—атомитическая гипотеза, теорія волнообразныхъ колебаній, механическая тео-

*) Курсивъ нашъ. В. А.

ія теплоты—суть метафизическія спекуляціи, при помощи которыхъ надѣ-
ются проникнуть въ сущность вещей, каковы они на самомъ дѣлѣ, въ про-
тивоположность тому, каковыми они намъ кажутся. Къ этимъ гипотезамъ можно
ыло придти только путемъ перенесенія извѣстныхъ понятій, пріобрѣтенныхъ
амонаблюденіемъ, въ міръ внѣшній—понятій о пространствѣ, времени, коли-
ествѣ, числѣ, силѣ. Механисты подобно раку пятятся задомъ. Они обратно
ереносятъ на внутреннюю сущность жизненныхъ процессовъ понятія, проэци-
ованныя внѣшнимъ міромъ, и думаютъ объяснить всю полноту, все богатство
нутренняго міра упомянутыми уже выше представленіями, незначительными
бѣдными по содержанію. Нѣтъ достаточныхъ основаній вѣрить, что міръ
нутренняго чувства, душевная жизнь ограничены отдѣльными частями боль-
ого мозга. Откуда является душевная жизнь? Она, вѣдь, унаслѣдуется при
осредствѣ простой клѣтки. «И развѣ можно утверждать, — восклицаетъ
Бунге, — что душевная жизнь прекращается тамъ, гдѣ нѣтъ больше мозга,
дѣ нельзя доказать существованіе дифференцированной нервной системы—
ъ одноклѣточныхъ организмахъ. Не будетъ ли скорѣе каждая клѣтка, каждый
томъ одушевленнымъ существомъ, не есть ли вся жизнь—только духовная
изнь?»

Мы не станемъ здѣсь вдаваться въ разборъ философскихъ построеній Бунге,
о только подчеркнемъ, что ослѣпленіе своей идеей и преувеличеніе ошибокъ
ротивниковъ заставили ученаго физіолога съ одной стороны утверждать, по
еньшей мѣрѣ, неправильное положеніе, что открыты какіе-то новые методы
изіологическаго изслѣдованія, не сводящіеся на физику, химію и анатомію, а
ъ другой—мстить нѣкоторымъ механистамъ, не признающимъ «души» даже
многихъ животныхъ, признаніемъ, хотя и смягченнымъ вопросительнымъ
накомъ, духовной жизни въ атомѣ.

Для насъ представляется особенно интереснымъ, что къ такому же призна-
нію «души» у атомовъ пришелъ, какъ извѣстно, Геккель, а въ новѣйшее
ремя такой послѣдовательный механистъ (вѣрнѣе «физико-химикъ»), какъ *Ле-
Дантекъ*. Еще въ 1895 г. этотъ ученый выпустилъ книгу «La matière
ivante», въ которой высказывалъ слѣдующія мысли.

Слова жизнь, жить, живой и т. п. созданы, говоритъ Ле-Дантекъ, нашими пред-
ами, которые, конечно, подмѣчали кажущуюся независимость актовъ, совершае-
ыхъ живыми организмами; также подмѣтили они рѣзкій переходъ отъ жизни къ
овому состоянію, въ которомъ всякое проявленіе воли уже исчезало, между тѣмъ
акъ тѣло организма, казалось, не испытавало никакой физической перемѣны;
тсюда и появилось у людей понятіе о *жизни*, какъ элементѣ, способномъ оду-
евлять нѣкоторыя тѣла. Мертвый организмъ отличается отъ живого потерей
изни точно такъ же, какъ, по теоріи Сталя, тѣло сгорѣвшее отличается потерей
логистона отъ горючаго тѣла, изъ котораго оно происходитъ. Такимъ обра-
омъ, явленія, оказавшіяся сложными въ человѣкѣ, объяснялись при помощи

*) Ф. Ле-Дантекъ. Живое вещество. Съ двумя дополнительными статьями „Жизнь и смерть“. Переводъ подъ ред. В. К. Агафонова. Москва.

гипотезъ о жизни и смерти, но затѣмъ эти гипотезы начали примѣняться къ различнымъ явленіямъ, происходящимъ и въ низшихъ организмахъ; но вѣдь эти послѣднія явленія можно свести къ гораздо болѣе простымъ. Дантекъ предлагаетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда говорятъ объ одноклѣточныхъ организмахъ, употреблять выраженіе: *элементарная жизнь*. Всякій одноклѣточный организмъ—*пластида*—есть опредѣленная масса, имѣющая опредѣленную же, смотря по виду пластиды, форму; пластида отдѣлена отъ окружающаго и составлена изъ веществъ, изъ которыхъ, по крайней мѣрѣ, наружныя нерастворимы. Вещества пластиды при опредѣленныхъ физическихъ условіяхъ, именно, если пластида находится въ водной средѣ, содержащей въ себѣ необходимыя вещества (непремѣнно кислородъ), даютъ рядъ реакцій, слѣдствіемъ чего является количественное увеличеніе всѣхъ пластическихъ веществъ, а также образованіе опредѣленныхъ для каждаго случая, для каждой пластиды, новыхъ веществъ, между которыми необходимо должна быть угольная кислота. Такимъ образомъ, Дантекъ *элементарною жизнью* называетъ свойство нѣкотораго тѣла быть пластидой, а *обнаруженной элементарной жизнью* то дѣятельное состояніе пластиды, когда происходятъ ея синтетическія реакціи; движеніе, присоединеніе, ассимиляція будутъ явленія обнаруженной элементарной жизни. Съ удаленіемъ одного изъ элементовъ, необходимыхъ для элементарной обнаруженной жизни пластиды, возможны два случая: 1) прекращаются всѣ реакціи, наступаетъ химическое безразличіе, скрытая жизнь, 2) реакціи все же продолжаются между веществами, способными къ взаимодѣйствію; происходитъ разрушеніе пластиды, смерть ея. Слѣдовательно, мертвая пластида уже не пластида, и выраженія «мертвая» или «живая» пластида—плеоназмъ: пластида не можетъ быть сразу и пластидой и мертвымъ существомъ.

Иначе говоря, Дантекъ элементарной жизнью называетъ свойство пластиды имѣть опредѣленный химическій составъ, для котораго, въ свою очередь, характерна способность пластиды къ ассимиляціи — основному отправленію живого организма (см. Клодъ Бернаръ). Но вѣдь дѣло то обстоитъ «совсѣмъ наоборотъ»: первичнымъ, неоспоримымъ фактомъ является способность пластиды къ ассимиляціи и весьма гипотетична зависимость ассимиляціи отъ химическаго состава пластиды.

Здѣсь въ погонѣ за физико-химическимъ единствомъ построенія неорганизованныхъ веществъ и организованныхъ существъ, Дантекъ, незамѣтно слову «химическій составъ» придаетъ новое значеніе и нѣкоторые свойства (ассимиляція), характерныя для живыхъ существъ; также попадаетъ онъ въ заколдованный кругъ и благодаря такой операціи, утверждаетъ, что обнаруженная элементарная жизнь, а также и смерть пластиды—явленія, *физико-химическія*; пластиды отличаются отъ неорганизованнаго вещества только способностью ассимиляціи, только это свойство обще всѣмъ пластидамъ; реакція, вызываемая ассимиляціей и есть *обнаруженная элементарная жизнь*—отправленія данной пластиды.

Иначе обстоитъ дѣло у многоклѣточнаго животнаго. Жизнь его, по мнѣнію

*

Дантека, начинается съ оплодотворенія яйца, только тогда яйцо становится пластидой въ состояніи обнаруженной элементарной жизни; затѣмъ яйцо дѣлится на нѣсколько пластидъ, находящихся въ такомъ же состояніи, но остающихся соединенными другъ съ другомъ, благодаря установленію между ними нервной непрерывности и непрерывности внутренней среды, здѣсь происходятъ, слѣдовательно, двѣ группы реакцій: реакціи между пластидою и средой (физіологическая жизнь, животнаго) и реакція между самими пластидами (психическая жизнь); тѣ и другія реакціи связаны другъ съ другомъ— остановилась физіологическая жизнь останавливается и психическая, и наоборотъ.

Итакъ, высшее животное состоитъ изъ пластидъ, которыя постоянно или время отъ времени находятся въ состояніи обнаруженной элементарной жизни; эти пластиды дѣйствуютъ другъ на друга, вслѣдствіе чего внутренняя среда сохраняетъ способность поддерживать общую обнаруженную жизнь. Слѣдовательно, жизнь высшаго организма въ смыслѣ строенія есть существованіе координаціи между гистологическими элементами, жизнь же, какъ явленіе, есть результатъ совокупности всѣхъ реакцій этихъ элементовъ въ состояніи обнаруженной жизни. Такимъ образомъ, по мнѣнію Дантека, жизнь высшаго организма есть результатъ дѣятельности милліардовъ пластидъ, составляющихъ этотъ организмъ. Жизнь же пластиды есть рядъ химическихъ явленій.

Мы знаемъ, говоритъ Дантекъ, что существуютъ изолированныя пластиды, которыя способны въ этомъ состояніи проявлять всѣ, свойственныя имъ реакціи,—мы говоримъ, что эти пластиды живутъ; но многіе спрашиваютъ: мыслятъ ли и чувствуютъ ли эти пластиды, какъ человѣкъ; но почему же никто никогда не задаетъ вопроса, можетъ ли ткать кусокъ дерева, совершающій движеніе одной изъ составныхъ частей ткацкаго станка? Ни одна изъ составныхъ частей этого станка, взятая въ отдѣльности, не можетъ ткать, это мы хорошо знаемъ; также неосновательно и наивно ожидать, что изолированныя пластиды будутъ мыслить, потому что существо, состоящее изъ миріадовъ этихъ пластидъ, способно къ мышленію.

Вотъ что писалъ Ле-Дантекъ въ 1895 г. и вотъ что пишетъ онъ теперь въ только что появившейся книгѣ «Les limites du connaissable. La vie et les phénomènes naturels». *Всѣ* отправленія человѣка, которыя могутъ подлежать объективному анализу, происходятъ изъ синергетическихъ дѣятельностей... Нашей точкѣ зрѣнія на природу человѣка менѣе всего противорѣчитъ предположеніе, что субъективное явленіе нашего сознанія есть также синтезъ элементарныхъ явленій,—это, конечно, чистая гипотеза, не подлежащая прямому доказательству, но гипотеза, получающая большую вѣроятность, благодаря тому факту, что одинаковыя модификаціи нашего организма, каждый разъ, когда онѣ происходятъ въ сравнимыхъ условіяхъ (что, къ тому же, весьма трудно осуществить болѣе или менѣе совершеннымъ образомъ, вслѣдствіе непрекращающагося измѣненія организма) производятъ на нихъ одни и тѣ же ощущенія. Такимъ образомъ мы приходимъ къ мысли (я не могу до-

статочно подчеркнуть гипотетичность этого), что матеріальные элементы, изъ которыхъ сложенъ нашъ организмъ, содержатъ уже въ себѣ *элементы сознанія*. Съ каждымъ матеріальнымъ атомомъ неразрывно связанъ атомный разумъ (esprit), который владѣетъ свойствомъ знать перипетіи исторіи этого атома. Въ молекулѣ — кучѣ атомовъ — находится молекулярный—синтезъ атомныхъ, въ человѣкѣ—синтезѣ молекулъ—человѣческій—синтезъ молекулярныхъ. Больше, если мы предположимъ существованіе атомнаго разума, неразрывно связаннаго съ атомомъ,то нужно допустить, что атомъ владѣетъ элементомъ сознанія».

Вотъ къ чему такого механиста, какъ Ле-Дантекъ, привело стремленіе къ физико-химическому единству въ построеніи вселенной; онъ подаетъ руку своему антиподу Бунге.

Это, конечно, совпаденіе траги-комическое, но и вообще можно сказать, что между «механистами» и «неовиталистами» не такая ужъ бо́льшая пропасть, какъ-то кажется съ перваго взгляда, и пропасть, къ тому же, не опасная, такъ какъ представитель опытной науки въ своей плодотворной работѣ почти не забирается въ эти философскія дебри.

Ужъ, кажется, на что острый вопросъ о цѣлесообразности, въ концѣ концовъ корень разногласія, но и здѣсь чувствуются ноты примиренія.

Читатель «Міра Божія» помнитъ, можетъ быть, что въ одной изъ нашихъ статей «Наука и жизнь» (февраль 1902 г.) мы передавали воззрѣнія «механиста» *Бючли* на этотъ вопросъ. Хотя Бючли и утверждаетъ, что вопросъ о цѣлесообразности насквозь проникнутъ антропоморфизмомъ и что невозможно считать, напр., цѣль органа мотивомъ его происхожденія и цѣлесообразной дѣятельности, но все же признаетъ, конечно, существованіе цѣлесообразныхъ реакцій организма на раздраженіе.

Вольфъ,*) возражая Бючли, говоритъ, что органическая цѣлесообразность такихъ приборовъ, какъ глазъ, ухо, сердце, почки, не требуетъ доказательствъ; для естествоиспытателя невозможно отрицать цѣлесообразность, онъ долженъ ее констатировать, и если можно—объяснить. Неудовлетворительность механистическаго толкованія заключается, по его мнѣнію, не въ томъ, что оно не отвергаетъ случая, но единственно въ томъ, что предоставляетъ ему руководящую роль въ происхожденіи цѣлесообразнаго. Непонятнымъ является не то, что вообще встрѣчаются случайности, но то, будто однѣ только случайности приводятъ къ возникновенію цѣлесообразныхъ образованій. Не тѣмъ отличается витализмъ отъ механизма, что онъ отказывается отъ казуальнаго (причиннаго) объясненія, но тѣмъ, что онъ для органической цѣлесообразности требуетъ казуальнаго объясненія, тогда какъ механизмъ старается игнорировать это властное требованіе нашего разума.

Вообще говоритъ Вольфъ, очень часто, когда противъ телеологіи выдви-

---

*) *Г. Вольфъ*. Механизмъ и витализмъ. См. „Сущность жизни“. Сборникъ статей подъ ред. проф. В. А. Фаусека. Библіотека самообразованія. Изд. Брокгауза-Ефрона.

гаются такъ называемыя нецѣлесообразности, аргументація начинаетъ опираться на неподходящее значеніе словъ «цѣлесообразный и нецѣлесообразный». Указываютъ на неудачный исходъ какой-нибудь реакціи и объявляютъ ее нецѣлесообразной, но для того чтобы процессъ являлся цѣлесообразнымъ въ біологическомъ смыслѣ, т.-е. требовалъ телеологическаго объясненія, вовсе не нужно, чтобы онъ приводилъ къ цѣли, *нужно лишь, чтобы онъ стремился къ цѣли.* Для телеологическаго толкованія успѣхъ, слѣдовательно, вовсе не долженъ приниматься въ разсчетъ, и степень совершенства той или другой функціи для біологическаго обсужденія имѣетъ принципіально второстепенное значеніе.

Уже при одномъ только описаніи біологическихъ фактовъ, утверждаетъ Вольфъ, нельзя обойтись безъ телеологическаго воззрѣнія. Что сталось бы съ физіологіей, если бы она перестала интересоваться цѣлью органовъ. Она рѣшаетъ вопросъ о цѣли и въ томъ случаѣ, когда замѣняетъ это слово выраженіями «функція, работа, физіологическое значеніе». Вѣдь и Бючли допускаетъ цѣлесообразность, когда говоритъ: «Извѣстная сумма цѣлесообразныхъ реакцій—необходимое условіе для длительнаго сохраненія вида». Но доказательство ея необходимости для сохраненія не есть объясненіе ея происхожденія. Никто вѣдь еще не спорилъ противъ того, что естествоиспытатель имѣетъ не только право, но и обязанность прилагать механистическій масштабъ, до тѣхъ поръ, пока это хотя сколько-нибудь возможно, и къ органической природѣ.

Такимъ образомъ, соглашается Вольфъ, въ дѣйствительности разница въ воззрѣніяхъ относится не къ вопросу о существованіи цѣлесообразности, но лишь къ вопросу, какъ слѣдуетъ къ этому факту относиться. Виталистъ и механистъ стоятъ передъ однимъ и тѣмъ же фактомъ. Механистъ говоритъ: онъ можетъ быть объясненъ механистически. Виталистъ говоритъ: до сихъ поръ это никому не удалось, ибо единственная попытка—Дарвина—оказалась настолько неудачною, что большинствомъ біологовъ признается нынѣ ошибочною (?!). Если же дарвинизмъ не вѣренъ, то телеологическое воззрѣніе, которое онъ долженъ былъ устранить, остается въ силѣ до тѣхъ поръ, пока не появится настоящій «Ньютонъ біологіи» и не разрѣшитъ задачи болѣе счастливо. Вольфъ хлопочетъ только о томъ, чтобы органическая цѣлесообразность была признана «специфической біологической проблемой», но, соглашается, что она «еще недоступна нашему пониманію».

Посмотримъ, какъ оперируютъ съ этой «недоступной нашему пониманію біологической проблемой» болѣе смѣлые виталисты. Блестящимъ примѣромъ такой смѣлости является ботаникъ *Рейнке* въ своей книгѣ «Сущность жизни» *).

Въ организованной природѣ, говоритъ онъ, мы вездѣ видимъ, что въ организаціи воплощено извѣстное назначеніе; цѣлесообразность органовъ растеній и животныхъ очевидна, точно такъ же какъ и въ отдѣльныхъ частяхъ карманныхъ часовъ. Подобно тому какъ въ машинѣ сказывается умъ строителя, такъ

*) См. Сборникъ статей. „Сущность жизни“.

и каждому организму присущъ извѣстный мастеръ, который передается по наслѣдству изъ материнскаго организма и строитъ данный организмъ, начиная съ яйца и до полнаго развитія; онъ же регулируетъ запутанныя жизненныя отношенія взрослаго тѣла; но отъ машины организмъ отличается какъ тѣмъ, что матеріалъ, изъ котораго формируются растенія и животныя, обладаетъ извѣстной пластичностью, такъ и тѣмъ, что при постройкѣ машины созидающая сила находится внѣ ея, а въ организмѣ, напротивъ, внутри его—организмъ самъ себя созидаетъ. Сила самосозиданія передается при воспроизведеніи отъ поколѣнія къ поколѣнію и можетъ при этомъ размножиться до невѣроятныхъ размѣровъ, но зато она и уничтожается при смерти организма. Изъ этого слѣдуетъ, что эта образующая сила не подлежитъ закону сохраненія энергіи и не представляетъ изъ себя какого-либо вида энергіи, но оказывается чѣмъ-то инымъ. Эту высшую силу, стоящую надъ энергіей и управляющую ею, Рейнке называетъ *доминантой*. Доминанты не происходятъ отъ энергіи и не превращаются въ нее; это руководители, дающіе направленіе силамъ природы, но безъ послѣднихъ ничего не могущіе создать. Благодаря энергіи, въ организмѣ происходитъ работа, доминанты же направляютъ эту работу; безъ нихъ энергіи работали бы безъ всякой цѣли, между тѣмъ какъ мы видимъ, что химическіе и строительные процессы въ организмахъ протекаютъ цѣлестремительно и согласно общему плану. Насколько тонко работаютъ доминанты объ этомъ свидѣтельствуетъ передача чертъ человѣка черезъ много поколѣній: вспомнимъ только о Габсбургахъ, Капетингахъ, евреяхъ и китайцахъ.

Къ доминантамъ Рейнке причисляетъ и инстинктъ животныхъ, т.-е. ихъ наслѣдственную, а не пріобрѣтенную изученіемъ способность къ извѣстнымъ дѣйствіямъ. До нѣкоторой степени, говоритъ Рейнке, доминанты оказываются лишь описательнымъ выраженіемъ для явленій, воплощеніемъ направляющихъ силъ растенія и животнаго, не укладывающихся въ понятіе объ энергіи, уже по одному тому, что они сами изъ себя могутъ умножаться и перестаютъ существовать вмѣстѣ со смертью особи. Доминанты организма можно раздѣлить на работающихъ и созидающихъ; тѣ и другіе передаются по наслѣдству изъ поколѣнія въ поколѣніе; потому же въ небольшихъ размѣрахъ онѣ поддаются и измѣненіямъ. Рабочія доминанты завѣдуютъ главнымъ образомъ химическими отправленіями; они представляютъ изъ себя скрытыхъ въ клѣткахъ химиковъ, подобно тому, какъ доминанты созидающія являются невидимыми строителями. Въ то время какъ въ оплодотворенномъ яйцѣ растенія господствуютъ доминанты, опредѣляющія послѣдующую стадію развитія зародыша, въ молодомъ растеніи появляются доминанты молодыхъ листьевъ, а въ болѣе взрослой особи начинаютъ дѣйствовать доминанты, отъ которыхъ зависитъ созиданіе цвѣтовъ и плодовъ; рабочія доминанты выдѣленія меда появляютея лишь послѣ развертыванія цвѣтовъ, въ то время когда доминанты въ зародышевой жизни растенія давно уже прекратили свою дѣятельность и снова перешли въ скрытое состояніе; доминанты же частей цвѣтка были въ скрытомъ состояніи въ молодомъ растеніи.

Рейнке признаетъ, что доминанты организмовъ требуютъ извѣстнаго строенія клѣточекъ тканей, подобно тому какъ доминанты карманныхъ часовъ, мельницы,

паровоза вызываются извѣстной конфигураціей этихъ машинъ; какъ за строеніемъ машины мы не забываемъ разума ея строителя и интеллигентную цѣлесообразность, которой послѣдній снабдилъ ее, также мы не можемъ думать чтобы одно только строеніе извѣстной ступени развитія растенія или животнаго опредѣляло наступленіе слѣдующей его стадіи.

Рейнке допускаетъ, что при установленіи понятія о доминантахъ явленія объясняются съ нашей человѣческой точки зрѣнія; однако, съ другой стороны, говоритъ онъ, развѣ не всякое представленіе, всякое познаніе даннаго явленія, даннаго мірового закона, будетъ человѣческимъ. И даже самое понятіе о законѣ природы не столь же ли человѣческое, столь же антропоморфное, какъ и понятіе о доминантахъ.

Вотъ къ какому странному опредѣленію «антропоморфизма» пришелъ Рейнке; даже и законы тяготѣнія—антропоморфны. О чемъ же спорить?!

Къ той же атомной душѣ и панпсихизму приходитъ и харьковскій проф. *А. О. Брандтъ* въ недавно выпущенной имъ брошюрѣ «Отъ матеріализма къ спиритуализму».

Характерно то, что уважаемый профессоръ начинаетъ какъ бы съ отрицанія «сущностей». «Сущность вещей для насъ сокрыта. Весь міръ явленій, какъ это развилъ впервые Кантъ, познается нами только косвенно, подъ видомъ тѣхъ отраженій, тѣхъ измѣненій, которыя вызываются феноменами—при посредствѣ органовъ чувствъ—въ нашемъ собственномъ душевномъ *я*. Послѣднее лишь объективируетъ, переноситъ во внѣшній міръ причины *собственныхъ* измѣненій». Это *я* есть «единственное мѣрило для оцѣнки всего, что находится внѣ насъ»—и потому, дѣлаетъ нѣкоторый скачокъ г. Брандтъ, *я* «является и точкой исхода при разсмотрѣніи альтернативы: спиритуализмъ или матеріализмъ?» Но откуда взялась обязательность этой альтернативы? Почтенный профессоръ забываетъ, что существуетъ и третья точка зрѣнія—отрицаніе самой этой альтернативы: ни матеріализмъ, ни спиритуализмъ.

Психика разлита всюду, только въ различныхъ граадціяхъ; даже у нѣкоторыхъ инфузорій замѣчаются высокія психическія функціи: онѣ отыскиваютъ и преслѣдуютъ добычу, обстрѣливаютъ залпомъ особыхъ палочекъ и, отломивъ ее такимъ способомъ, проглатываютъ. При всей простотѣ устройства инфузоріи, ея психическія проявленія не лишены своего рода антропоморфнаго характера, говоритъ проф. Брандтъ. Еще у болѣе низшихъ организмовъ, напр., у амебъ, «психика обнаруживается лишь въ формѣ чувства осязанія, въ раздражимости и въ элементарныхъ движеніяхъ, связанныхъ съ захватомъ пищи и съ размноженіемъ, и можетъ быть сведена на какое-то внутреннее влеченіе или побужденіе, которое напоминаетъ собою притяженіе веществъ, обладающихъ такъ называемымъ химическимъ сродствомъ».

Такимъ образомъ, какъ и акад. *А. С. Фаминцынъ* и многіе другіе, проф. Брандъ приходитъ къ мысли объ эволюціи психики. Индивидуальныя варіаціи психики, особенно ясныя для насъ среди человѣческаго рода, явленія рѣзкаго измѣненія личности, ея раздвоенія, дробленіе вниманія (автоматическое чтеніе, вязаніе и т. п.) явленія сна, умопомѣшательства, развитія

и роста «души» человѣка, размноженіе организмовъ дѣленіемъ и почкованіемъ и т. п. приводятъ проф. Брандта, во-первыхъ, къ мысли, что зачатки психики должны быть присвоены еще яйцевой клѣткѣ и должны наслѣдственно передаваться, что вмѣстѣ съ органами чувствъ и нервными центрами во время развитія индивидуума упражняется и «*нѣчто*, составляющее духовное существо индивида», во-вторыхъ позволяютъ ему утверждать, что однимъ изъ свойствъ души является ея *дѣлимость*, что ученіе о цѣлостности души—заблужденіе. Душа можетъ не только дѣлиться, но и сливаться, сочетаться съ другой; подобную сочетаемость душъ проф. Брандтъ видитъ въ слитіи нѣсколькихъ монеръ въ одну большую, въ слитіи нѣкоторыхъ клѣточекъ нашихъ тканей другъ съ другомъ при посредствѣ такъ называемыхъ ложноножекъ и наконецъ, у высшихъ организмовъ въ слитіи материнской яйцеклѣтки съ мужскимъ элементомъ. «Такимъ образомъ,—торжественно заявляетъ профессоръ-зоологъ,—и наша собственная душа можетъ быть разсматриваема какъ существо *дуалистическое по происхожденію*».

Кромѣ дѣлимости и сочетаемости душъ проф. Брандтъ признаетъ еще явленіе убыли, исчезновенія, инволюціи психики. Въ жизни человѣка—это появленіе идіотизма, напр., при прогрессивномъ параличѣ, при старческой немощи, временное безпамятство при глубокомъ снѣ, обморокѣ, отравленіи опіемъ, алкоголемъ и т. д. Но и среди низшихъ наблюдается подобная инволюція психики. Здѣсь проф. Брандтъ указываетъ на опыты зоолога Клейнберга. Послѣдній заставилъ прѣсноводную гидру разростись почкованіемъ въ цѣлую колонію—кустикъ связанныхъ между собою особей, принадлежавшихъ къ 4 послѣдовательнымъ поколѣніямъ; затѣмъ экспериментаторъ лишалъ эту колонію пищи,—тогда отдѣльныя особи стали уменьшаться и исчезать поколѣніе за поколѣніемъ, въ очереди, обратной ихъ возникновенію; въ концѣ концовъ осталась одна только родоначальная особь. Что же произошло при этомъ съ психикой исчезнувшихъ особей?

«Она, очевидно, не сконцентрировалась въ родоначальной особи,—утверждаетъ проф. Брандтъ;—по крайней мѣрѣ на это не указывали какіе-либо симптомы. Стало быть, она пошла на убыль въ томъ же родѣ, какъ пріумножалась въ періодъ почкованія потомства».

Психическія явленія нашъ авторъ разсматриваетъ какъ формы энергіи высшаго порядка, а концентрацію и гармоническое взаимодѣйствіе этихъ формъ энергіи въ опредѣленномъ пунктѣ пространства называетъ *душою*. Такимъ психическимъ центромъ, и весьма сложнымъ, является наше *я*; около $1^1/_2$ милліарда подобныхъ центровъ раскинуто по лицу земли, а между ними разсѣяны разнородные низшіе психическіе центры различныхъ животныхъ и растеній; въ промежуткахъ органо-психической сѣти расположена неоживленная матерія. «Зачатки психической энергіи преемственно передаются организмами отъ индивидовъ къ индивидамъ въ безконечной послѣдовательности поколѣній; но спрашиваетъ Брандтъ, какъ ихъ пріобрѣли самые первые на нашей землѣ организмы», и, конечно, какъ всѣ ставившіе этотъ вопросъ въ подобной формѣ, какъ механисты, такъ и виталисты, и нашъ авторъ приходитъ «къ предпо-

ложенію, что уже въ *атомѣ* преднамѣчена *элементарнѣйшая форма влеченія*, вѣрнѣе его зачатокъ. Лишь сочетаніемъ многихъ атомовъ дается *внутренняя связь* этихъ зачатковъ, необходимое условіе сознанія...»

Монизмъ проф. Брандтъ обосновываетъ на четырехъ столпахъ: на законѣ сохраненія матеріи, на законѣ сохраненія энергіи, на представленіи объ основной единой матеріи и объ основной единой энергіи и, наконецъ, на ученіи о генетическомъ единствѣ всего органическаго міра, о происхожденіи его изъ простѣйшихъ формъ путемъ постепеннаго соматическаго (тѣлеснаго, матеріальнаго) и психическаго осложненія. Гармоничная цѣлостность міросданія указываетъ, по мнѣнію проф. Брандта, на *цѣлостную же*, единую, неограниченную, всемогущую первопричину — первоначальный двигатель—Божество, толкнувшее единую первичную матерію, колеблемую первичной же энергіей, на путь *дифференцировки*. Человѣческое существо состоитъ изъ милліардовъ микроскопическихъ живыхъ существъ—клѣточекъ, но въ то же время оно составляетъ и гармоничное цѣлое, связанное взаимодѣйствіемъ веществъ и силъ въ неустанной ихъ смѣнѣ, — *микрокосмъ*. Микрокосмъ въ всѣхъ своихъ клѣточкахъ какъ бы пропитанъ психикою, которая въ нѣкоторыхъ органахъ—нервной системѣ сгущается и разгарается въ яркое пламя. Подобно этому и въ *макрокосмѣ* природы всюду разлита *міровая душа*, но наиболѣе сильно она сконцентрирована въ микрокосмахъ живыхъ существъ вообще.

„Заложенныя еще въ неоживленный атомъ крупицы психики аккумулируются, растутъ, крѣпнутъ, объединяются и возвышаются въ болѣе совершенную форму еще въ одноклѣтномъ органическомъ существѣ на счетъ другихъ, физическихъ, формъ энергіи. Въ микрокосмахъ высшихъ существъ накопленіе психическихъ формъ энергіи начинается съ той же одноклѣтной ступени, съ яйцевого элемента. Переработка ихъ тянется черезъ всю жизнь. Рядомъ съ ней происходитъ обогащеніе психики и сокращеннымъ путемъ, передачею, своего рода зараженіемъ, отъ другихъ индивидовъ. Отсюда съ одной стороны заимствованіе микрокосмомъ психическихъ элементовъ изъ готоваго запаса въ мертвой и живой природѣ, а съ другой—переработка въ нихъ низменныхъ формъ энергіи. Что, если во всѣхъ пунктахъ вселенной, гдѣ живутъ и множатся живые существа, представляющія собою сѣть психическихъ сгущеній, высшія, психическія формы энергіи мало-по-малу скопляются на счетъ остальныхъ, физическихъ? Не вернется ли въ такомъ случаѣ черезъ эоны эоновъ лѣтъ вся сумма энергій къ своему универсальному первоисточнику, послѣ чего новымъ всемогущимъ „да будетъ“ создастся новый, быть можетъ, лучшій міръ? Въ отличіе отъ ученія матеріалистовъ, началомъ и концомъ въ круговоротѣ творенія тутъ принимается не механическая, а психическая энергія. Само собою разумѣется, что подъ сотвореніемъ макрокосма слѣдуетъ разумѣть не одинъ только начальный моментъ. Творческій актъ продолжается непрерывно во вѣки вѣковъ, воплощаясь въ жизнь вселенной... Вседержитель присутствуетъ даже въ мельчайшихъ клѣточкахъ и атомахъ. На самомъ дѣлѣ, ни мыслителю, ни беззавѣтно вѣрующему не пристало ограничивать Вездѣсущаго какими бы то ни было предѣлами наименьшаго пространства...“

Эти мысли, по мнѣнію ученаго зоолога, нисколько не противорѣчатъ христіанской религіи и даже способствуютъ тому, что «вездѣсущность и всевѣдѣніе Божества, хотя бы и на малый шагъ, приближаютъ къ пониманію вѣрующихъ».

Собственно говоря къ такому же метафизическому психизму, поэму «тайнъ», «загадокъ» и «сущностей» сводитъ явленія жизни и акад. *В. Бехтеревъ* *), хотя слова и термины у него другіе, чѣмъ у проф. Брандта. Но не въ словахъ тутъ сила.

Бехтеревъ признаетъ, что психическое и физическое—два ряда явленій параллельныхъ, но не соизмѣримыхъ, недопускающихъ никакихъ непосредственныхъ переходовъ одного въ другое; параллельность же ихъ обусловливается тѣмъ, что оба порядка явленій обязаны своимъ происхожденіемъ одной общей, скрытой отъ насъ причинѣ, которую Бехтеревъ условно называетъ *скрытой* энергіей; при этомъ подъ словомъ энергія или сила онъ подразумѣваетъ не обычное физическое понятіе. «По нашему мнѣнію,—говоритъ онъ, —та или другая форма движенія частицъ матеріи еще не есть сама энергія или сила, а лишь проявленіе ея въ опредѣленной средѣ. Энергія же или сила *по существу* есть ни что иное, какъ «*дѣятельное начало, разлитое въ природѣ вселенной*»; «сущности» этого начала мы не знаемъ, общая среда проявленія его есть міровой эфиръ, а разныя формы этого проявленія мы называемъ силами и энергіями; *скрытой энергіей*, въ частности Бехтеревъ называетъ «проявленіе дѣятельнаго начала, присущее всякой вообще живой организованной средѣ и не представляющее собою чего либо матеріальнаго въ настоящемъ смыслѣ этого слова».

«Скрытая энергія» организмовъ приводитъ «не только къ матеріальнымъ измѣненіямъ, но въ извѣстныхъ случаяхъ и къ субъективнымъ явленіямъ, образующимъ психическую сферу организмовъ».

Да проститъ намъ ученый психіатръ, но слово «скрытая» является, по нашему мнѣнію, плохой маской, черезъ которую мы легко различаемъ знакомыя уже намъ черты «атомной души», «доминантъ», «жизненной силы» и прочихъ неуловимыхъ сущностей и врядъ ли можно согласиться съ нимъ, что вопросы о сущности жизни, о сущности сознанія и о связи ихъ другъ съ другъ съ другомъ «устраняются съ принятіемъ положенія, что жизнь и психизмъ одно и то же, что всѣ жизненные процессы обусловливаются особой скрытой энергіей, которая лежитъ такъ же въ основѣ психическихъ, а, слѣдовательно, и сознательныхъ процессовъ, и что уже на порогѣ жизни мы встрѣчаемъ зачаточныя формы психической дѣятельности». Жизнь, по Бехтереву, есть «постоянное превращеніе внѣшнихъ энергій природы въ скрытую энергію фатума, приводящее у высшихъ животныхъ къ накопленію послѣдней въ особыхъ органахъ, называемыхъ центральными, и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянное же расходованіе этой энергіи въ окружающую среду при активномъ отношеніи организма къ этой средѣ».

Нервная система, говоритъ Бехтеревъ, скопляетъ въ себѣ огромный запасъ энергіи, съ одной стороны, благодаря необыкновенной сложности своего химическаго состава, съ другой благодаря тому, что нервныя волокна являются превосходными проводниками электричества и свободное электричество какъ бы

*) *Психика и жизнь.* Акад. В. Бехтерева. etc. Спб. 1903 г. 138 стр.

стекаетъ по нимъ и скопляется въ центральныхъ органахъ нервной системы; этотъ запасъ энергіи и обусловливаетъ, по мнѣнію Бехтерева, «активное отношеніе организмовъ къ окружающимъ условіямъ, такъ въ любой моментъ, при соотвѣтствующихъ внѣшнихъ условіяхъ, онъ переходитъ въ живую силу—«скрытую энергію»; дѣйствіе этой энергіи и является причиной одновременнаго и параллельнаго развитія съ одной стороны электрохимическихъ реакцій въ нервной ткани животныхъ, съ другой—субъективныхъ явленій сознанія.

Въ концѣ концовъ акад. Бехтеревъ признаетъ, «съ сожалѣніемъ», что мы и нынѣ также далеки отъ «пониманія *сущности* энергіи и силы», какъ и столѣтія тому назадъ, но все же онъ думаетъ, что въ энергіи имѣются двѣ стороны—*матеріальная*, выражающаяся опредѣленнымъ колебаніемъ частицъ вещества, и *не матеріальная*—т. е. сила или дѣятельное начало, которое и является началомъ всего психическаго. Обязанные своимъ происхожденіемъ одному общему началу жизнь и психика связаны неразрывными нитями и жизнь безъ психики невозможна.

Мы не станемъ дольше останавливаться на эклектическомъ произведеніи ученаго невропатолога, такъ какъ, несмотря на монистическую вывѣску въ видѣ таинственной первопричины — «скрытой энергіи», произведеніе это является довольно таки пестрымъ калейдоскономъ и матеріализма и спиритуализма и энергетики. Стремленіе къ монизму и здѣсь потерпѣло фіаско.

Какъ Дантека, Бунге и Брандта жажда монизма—у перваго физико-химическаго, у второго и третьяго — виталистическаго и пантеистическаго привела, конечно совершенно различными путями, къ атомной душѣ, такъ таже жажда заставила Рейнке «направляющую силу» Клода Бернара превратить въ вездѣсущихъ и всемогущихъ доминантъ—не то боговъ, не то метафизическія «сущности»—все равно одинаково ненужныхъ и безполезныхъ для біологической работы и научнаго прогресса.

Неужели въ этомъ виноватъ монизмъ—эта неискоренимая потребность нашего обобщающаго ума?! Конечно, нѣтъ.

Причина такого рокового исхода и трогательнаго согласія механистовъ и виталистовъ лежитъ, по нашему мнѣнію, въ томъ, что и тѣ и другіе символами, въ которыхъ они выражаютъ явленія неорганизованной и организованной природы, брали понятія слишкомъ узкія и спеціальныя и потому въ концѣ концовъ каждому приходилось заимствовать у другого—то, чего не заключалось въ его собственномъ коренномъ понятіи.

Ле-Дантекъ думалъ, что онъ свелъ всѣ явленія жизни къ физико-химическимъ явленіямъ тѣмъ, что «элементарную жизнь» пластиды, выражающуюся въ характерной для жизни *ассимиляціи*—назвалъ физико-химическимъ свойствомъ этого сложнаго «тѣла».

Но затѣмъ передъ Дантекомъ невольно всталъ вопросъ, какъ же «объяснить» появленіе сознанія,—вѣдь изъ понятія объ ассимиляціи его не выведешь. Пришлось разбить сознаніе на элементы и снабдить атомъ душой. Тотъ же грозный вопросъ довелъ проф. Брандта до атомнаго вездѣсущія Божія.

Заслуга виталистовъ *) въ томъ и заключается, что они не уставали говорить о логической ошибкѣ матеріалистовъ. Дѣйствительно, нельзя *всѣ* явленія, наблюдаемыя нами въ живомъ организмѣ, свести къ физико-химическимъ, такъ какъ и символы то физики и химіи созданы человѣчествомъ путемъ сознательнаго игнорированія многихъ и наиболѣе характерныхъ процессовъ жизни. Но съ другой стороны, нельзя же серьезно думать, что произойдетъ какой-нибудь прогрессъ въ методахъ научнаго изслѣдованія и, вообще, въ созиданіи міровоззрѣнія, если мы, какъ-то предлагаютъ виталисты, столь сложные, столь разноцвѣтные, если можно такъ выразиться, символы, какъ сознаніе, психика распространимъ на всѣ явленія, наблюдаемыя нами въ живыхъ организмахъ. Въ лучшемъ случаѣ здѣсь произойдетъ только игра словъ въ родѣ доминанта Рейнке, которыми авторъ лишь затуманиваетъ простое описаніе явленій, въ худшемъ таинственные фетиши въ видѣ различныхъ энергій.

То, что зовутъ обыкновенно «объясненіемъ» всегда было есть и будетъ—сведеніемъ болѣе сложныхъ, но въ тоже время болѣе узкихъ, символовъ на символы болѣе простые, но зато болѣе широкіе, приложимые къ болѣе обширному кругу явленій; при этой операціи всегда является нѣкоторый остатокъ отъ стараго символа, не вмѣщающійся въ новый. Тотъ же процессъ совершается и при «объясненіи» явленій, происходящихъ въ организмѣ, явленіями физико-химическими,—это единственный путь, и при немъ всегда будетъ оставаться значительный остатокъ «необъяснимаго»; явленія, заключающіяся въ этомъ жизненномъ «остаткѣ» пока мы можемъ только описывать.

Но неужели монизмъ несбыточная мечта? Мы этого не думаемъ, мы утверждаемъ только, что для построенія эволюціонной цѣпи, связывающей неорганизованную природу съ организованной и символы виталистовъ:—психика, сознаніе и символы матеріалистовъ—физико-химическія явленія—слишкомъ спеціальны и узки. Будемъ искать болѣе широкаго и всеобъемлющаго символа.

В. Агафоновъ.

---

*) Впрочемъ не ихъ однихъ и не ихъ первыхъ. Напомнимъ хотя бы Ланге

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Августъ 1903 г.

Содержаніе: Беллетристика. — Исторія литературы и критика. — Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія и соціологія.—Антропологія.—Медицина. — Народныя изданія. — Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Р. Э. Циммерманъ (Гвоздевъ). „Разсказы".—*Ф. Лангманъ.* „Драмы и новеллы".

Р. Э. Циммерманъ (Р. Гвоздевъ). Разсказы. Съ портретомъ автора. 1903 г. Спб. Ц. 1 р. Годъ тому назадъ скончался еще молодой авторъ этихъ небольшихъ очерковъ и разсказовъ изъ сибирской жизни, Р. Э. Циммерманъ. Теперь, собранные вмѣстѣ, эти разсказы, печатавшіеся въ свое время въ лучшихъ журналахъ и газетахъ, даютъ возможность оцѣнить небольшое, но несомѣнное, къ сожалѣнію, не успѣвшее вполнѣ проявить себя, дарованіе покойнаго, который вынесъ изъ своего пребыванія въ далекой Сибири не малый запасъ фактовъ и наблюденій. Очерки его написаны живымъ, хорошимъ языкомъ съ той подкупающей правдой, которая лучше всего говоритъ о дарованіи автора, какъ умѣлаго наблюдателя, вдумчиво подмѣчавшаго типичныя черты окружавшей его жизни. Изъ нихъ потомъ и созданы имъ такіе живые и типичные образы, какъ его «Панъ Оленскій», «Горбачъ», «Смѣнщикъ» «Шаманъ» и др. Образы печальные, какъ печальна тоскливая тайга, на фонѣ которой они выступаютъ, или арестантская, этапная жизнь, составляющая главное содержаніе разсказовъ. Къ болѣе значительнымъ по содержанію, не только по размѣрамъ, принадлежитъ «Панъ Оленскій», бывшій польскій повстанецъ закинутый роковой судьбой въ одинъ изъ глухихъ уголковъ Сибири. Несмотря на годы каторги и время, убѣлившее сѣдиной его голову, идеалистическая струнка его души не замолкла и продолжаетъ отзываться на голосъ правды, за которую онъ ратуетъ среди населенія, равнодушно живущаго среди грубаго насилія и несправедливости. Окружающіе его не понимаютъ, хотя и чувствуютъ инстинктивное уваженіе къ личности борца, стремившагося внести хоть искру свѣта въ ихъ темную среду. «Правдивый, добродѣтельной души былъ человѣкъ», говоритъ про него одинъ изъ сосѣдей. «Это вѣрно,—подхватилъ другой.—Справедливый былъ человѣкъ... Только и куражливый былъ старичишка. Бывало, какъ есть ничѣмъ не уломаешь—все норовитъ по своему, не по-людски сдѣлать... Такъ сказать нужно, что чудной полячишка былъ»... Фигура этого идеалиста—лучшая въ числѣ образовъ Гвоздева и дополняетъ галлерею типовъ Сибири, созданную такими мастерами, какъ Короленко, Сѣрошевскій, Танъ, Шиманскій и др. Въ остальныхъ очеркахъ проходятъ предъ читателями болѣе знакомыя фигуры изъ міра арестантовъ и бродягъ. Таковъ «Смѣнщикъ»—бродяга, котораго артель арестантовъ всякими правдами и не правдами заставляетъ смѣниться именами съ безсрочнымъ каторжникомъ.

Сцена смѣны и поддѣлыванія «знаковъ» написана очень живо и своимъ реализмомъ производитъ сильное впечатлѣніе. Очень интересенъ очеркъ «Шаманъ» изъ жизни бурятъ, бытъ которыхъ у насъ меньше описанъ въ литературѣ, чѣмъ якутовъ или чукчей. Борьба, которую ведетъ старый шаманъ Олзой съ представителями мѣстной власти въ лицѣ взяточника и пьяницы писаря и засѣдателя, и гибель старика, умирающаго съ отчаянія при видѣ безплодности своихъ жертвъ и безсилія запуганныхъ бурятъ—дѣлаютъ очеркъ полнымъ драматизма. Разсказы «Горбачъ» и «Тварь» живо рисуютъ то огрубѣніе человѣческихъ чувствъ и нравовъ, которыми такъ отличается таежная и пріискивая жизнь, гдѣ звѣриный законъ попралъ человѣческій. Равнодушіе къ человѣческой жизни и спокойствіе, съ какимъ относятся къ самимъ ужаснымъ проявленіямъ дикости жители тайги, переданы просто, безъ подчеркиванія, безъ всякихъ морализирующихъ выводовъ и заключеній, что еще усиливаетъ впечатлѣніе разсказа.

Таково содержаніе этой небольшой книжечки рано умершаго автора, несомнѣнный художественный талантъ котораго не успѣлъ развиться. Гвоздевъ писалъ много въ провинціальной печати, какъ умѣлый работникъ, не мало способствовавшій росту этой печати. Дѣятельность его относится къ срединѣ девяностыхъ годовъ, когда онъ много работалъ въ поволжской прессѣ.

А. Б.

Филиппъ Лангманъ. Драмы и новеллы. 364 стр. 1903 г. Изд. Е. Кусковой. Пер. М. Толмачевой. Ц. 1 р. 35 к. Имя Филиппа Лангмана ничего не говоритъ русскому читателю, не встрѣчавшему его ни въ журнальной литературѣ, ни на сценѣ. Тѣмъ интереснѣе поэтому ознакомиться съ содержаніемъ творчества этого, какъ оказывается, въ высокой степени оригинальнаго художника. Филиппъ Лангманъ, какъ узнаемъ изъ небольшаго предисловія, много работалъ на фабрикѣ и превосходно изучилъ бытъ фабричныхъ рабочихъ. Проницательный наблюдатель и поэтъ, съ чуткой душой и вдумчивымъ умомъ, Лангманъ весь отдался тому міру, въ которомъ ему пришлось провести всю жизнь, и въ рядѣ драмъ возсоздалъ не только внѣшнюю, бытовую сторону жизни рабочихъ, но и ихъ духовную жизнь. «Онъ рисуетъ эту жизнь такъ, какъ она представляется, не прикрашивая и не идеализируя ее. Онъ показываетъ, какъ подъ давленіемъ внѣшнихъ условій притупляются духовныя способности и человѣкъ превращается въ машину. Его рабочимъ чужды сентиментальности и изящныя чувствованія, и тѣмъ не менѣе эти образы производятъ на читателя сильное впечатлѣніе, — художникъ относится къ нимъ не только разсудочно, но и сердечно. Онъ сочувствуетъ имъ и умѣетъ войти въ ихъ міросозерцаніе, и вслѣдствіе этого и читателю понятны ихъ душевныя движенія»,—такъ очерчиваетъ талантъ Лангмана нѣмецкій критикъ, статья котораго и служитъ введеніемъ къ переводу.

Изъ всѣхъ драмъ, вошедшихъ въ книгу, наиболѣе интересны, значительны и художественны по выполненію, двѣ—«Бартель Туразеръ» и «Гертруда Антлесъ». Хороша въ особенности первая, въ которой съ силой и простотой, напоминающей «Ткачей», развертывается исторія рабочей трагедіи, разыгравшейся на почвѣ стачки. Бартель Туразеръ — одинъ изъ вожаковъ и вдохновителей своихъ товарищей—измѣняетъ общему дѣлу, подавленный нуждой и соблазненный подкупомъ. Но когда плоды этой измѣны не отвѣчаютъ его ожиданіямъ, и любимый малютка сынъ умираетъ отчасти благодаря результатамъ подкупа, Туразеръ впадаетъ въ еще большее отчаяніе, чѣмъ въ моментъ стачки, и въ концѣ концовъ идетъ въ судъ донести на себя о подкупѣ, погубившемъ общее дѣло. Превосходна сцена перваго акта, когда несчастный Туразеръ борется между долгомъ и честью, обязывающими его стоять до конца, какъ зачинщика стачки, и нуждою, отъ которой на его глазахъ таютъ его

дѣти и жена. И когда соблазнъ побѣждаетъ и измученный отецъ соглашается дать ложное показаніе на судѣ, спасающее главнаго виновника стачки, мастера заправляющаго возмутившимся отдѣленіемъ фабрики, и губящее дѣло рабочихъ,—у читателя нѣтъ для него осужденія, а только глубокая жалость охватываетъ васъ при видѣ того, какъ гнусныя условія жизни губятъ даже благородныхъ и стойкихъ людей, способныхъ на самопожертвованіе, но не готовыхъ на еще большую жертву—видѣть гибель самыхъ дорогихъ и близкихъ существъ, дѣтей и женъ. Но еще лучше изображены въ драмѣ чувства его товарищей, которые послѣ перваго естественнаго порыва негодованія, узнавъ о несчастьи, постигшемъ Туразера, прощаютъ его вину и выражаютъ ему участіе и жалость. Они сами—отцы и мужья, и понимаютъ, что кто не испыталъ искушенія и съ честью не выдержалъ его, не можетъ строго судить другихъ.

Другая драма «Гертруда Антлесъ» любопытна для русскихъ читателей совпаденіемъ темы съ разсказомъ Тургенева «Степной король Лиръ». Только роль Лира выпадаетъ на долю старухи Антлесъ, бабушки—родоначальницы богатаго крестьянскаго рода Антлесовъ. Подчиняясь желанію старшихъ дѣтей, Гертруда при жизни передаетъ дворъ и владѣніе землею дѣтямъ, которыя съ наивнымъ эгоизмомъ все больше и больше стѣсняютъ старую и добрую женщину, ограничивая не только ея вліяніе на ходъ хозяйства, но даже ея личную жизнь въ мелочахъ. Когда, наконецъ, ради младшей внучки, выходящей замужъ, старуху хотятъ выгнать на чердакъ изъ комнаты, которую она занимала всю жизнь,—доведенная до отчаянія Гертруда поджигаетъ свой старый родовой дворъ и погибаетъ вмѣстѣ со всѣмъ имуществомъ Антлесовъ. Въ драмѣ превосходно выдержанъ характеръ властной, но доброй, великодушной и справедливой крестьянки, у которой постепенно раскрываются глаза на отношенія, сложившіяся въ семьѣ, на эгоизмъ и черствость дѣтей, ихъ простодушную жадность и примитивную жестокость сильнаго, здороваго животнаго къ больному и старому, которое занимаетъ мѣсто и загораживаетъ дорогу.

Обѣ драмы могли бы составить украшеніе любого репертуара, такъ какъ обѣ очень эффектны при глубокомъ, общественномъ и человѣческомъ содержаніи. Остальныя драмы (одна комедія) болѣе мелки, хотя и въ нихъ очень хорошо изображены различные типы рабочихъ, крестьянъ, солдатъ и т. п. Авторъ несомнѣнный реалистъ и психологъ, а въ своихъ небольшихъ разсказахъ онъ обнаруживаетъ тенденцію и къ символизму, какъ, напр., въ разсказѣ «Пюхмелье». Лучше другихъ разсказъ «Юла и бездомный», въ которомъ превосходна психологія человѣка и лошади, двухъ рабочихъ животныхъ, которыхъ сближаетъ и уподобляетъ общая судьба. Лангманъ мало посвящаетъ вниманія природѣ и въ разсказахъ люди и ихъ жизнь на первомъ мѣстѣ. Онъ—драматургъ и въ новеллахъ, гдѣ дѣйствіе на первомъ планѣ, языкъ разговоровъ сжатый и сильный, описанія скупо приведены, напоминая ремарки въ пьесѣ, но всегда выразительны и картинны. Лангманъ—несомнѣнный крупный талантъ, выдвинутый новыми соціальными условіями, которыя ему, какъ фабричному служащему, ближе и доступнѣе, чѣмъ кому-либо другому. Отъ него нѣмецкая литература въ правѣ ожидать многаго; это еще молодой, полный жизни писатель,—ему около сорока лѣтъ и предъ нимъ почти вся жизнь впереди.

А. Б.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ. КРИТИКА.

Н. Барсуковъ. „Жизнь и труды Погодина“.—*Н. Баженовъ.* „Психіатрическія бесѣды на литературныя темы“.

Николай Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина. Книга семнадцатая. Спб. 1903. Стр. 494. Ц. 2 р. 50 к. Новый томъ объемистаго сочиненія г. Барсу-

кова обнимаетъ 1859 и 1860 годы жизни Погодина. Въ это время такъ же, какъ и прежде, Погодинъ говорилъ застольныя рѣчи, писалъ политическія письма и записки (объ университетской реформѣ), отзывался на злобы дня журнальными статьями, читалъ въ Москвѣ и Петербургѣ свою статью о цесаревичѣ Алексѣѣ, устно, печатно и письменно ратовалъ противъ Костомарова за норманскую теорію происхожденія Руси и наконецъ на шестидесятомъ году своей жизни вступилъ во второй бракъ и отправился въ свадебное путешествіе по Волгѣ, на Кавказъ и Крымъ.

Какъ прежде, такъ и въ это время судьба не особенно баловала Погодина и заставила его пережить не одну крупную непріятность. Давно облюбованное Погодинымъ мѣсто воспитателя цесаревича было занято графомъ Строгановымъ; статьи его по университетскому вопросу не могли появиться въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и даже печатаніе «Дорожныхъ записокъ» было остановлено цензурой. Даже на торжественный обѣдъ, данный въ Москвѣ въ честь князя Борятинскаго, Погодинъ сверхъ обыкновенія не былъ приглашенъ, хотя онъ уже заблаговременно приготовилъ «рѣчь съ чувствомъ» и даже отложилъ поѣздку въ Петербургъ, чтобы не пропустить удобнаго случая блеснуть своимъ ультрапатріотическимъ краснорѣчіемъ съ примѣсью хлесткихъ либеральныхъ фразъ. Но все это мелочи по сравненію съ тѣми непріятностями, которыя доставилъ Погодину его диспутъ съ Костомаровымъ. Погодинъ вызвалъ своего ученаго противника на диспутъ въ шутку, какъ онъ объяснялъ впослѣдствіи, а Костомаровъ принялъ вызовъ серьезно. Оба противника по окончаніи диспута были вынесены изъ залы на рукахъ при оглушительныхъ крикахъ, но общій голосъ либеральной прессы и учащейся молодежи призналъ побѣдителемъ Костомарова съ его литовской теоріей происхожденія Руси. Даже друзья Погодина были крайне недовольны, что онъ не съумѣлъ такое ясное дѣло «выиграть такъ, чтобы и слѣпые видѣли, кто побѣдилъ». А въ «Современникѣ» ученые труды Погодина были объявлены неимѣющими «ровно никакого ученаго значенія», и самъ онъ былъ названъ человѣкомъ тщеславнымъ, наглымъ и неразборчивымъ на средства.

Въ новомъ томѣ біографіи Погодина такъ же, какъ и въ предыдущихъ, сообщается о московскомъ историкѣ много курьезныхъ мелочей. Когда рушились всякія надежды попасть на обѣдъ въ честь князя Барятинскаго, «я— сообщаетъ Погодинъ своей дочери—заперъ двери у себя въ кабинетѣ, взялъ набросанную третьяго дня ночью страничку и пошелъ ходить по комнатѣ и декламировать, размахивая руками. Я декламировалъ, ходя по комнатѣ, смѣялся, бранился, сердился и слезы показались у меня на глазахъ» (с. 154). Въ одной и той же запискѣ къ Костомарову Погодинъ и просилъ редакцію «Современника» о безплатной высылкѣ журнала и бранилъ этотъ журналъ «самымъ неудобнымъ образомъ» (с. 301). При переѣздѣ черезъ Оку, по командѣ управлявшаго паромомъ татарина, православные сняли шапки и стали креститься. Этотъ ничтожный случай заставилъ Погодина прійти въ патріотическое умиленіе: «О Россія—подумалъ онъ—какіе у тебя жернова, которыми перемеливаешь (!) ты и мусульманство, и протестантство, и нѣмечество, и татарство, и чухонство въ русскую муку!» (с. 335). «Еврейство» почему-то пропущено въ этомъ перечнѣ, но за-то въ Тифлисѣ Погодинъ посодѣйствовалъ переходу въ православіе и еврея, явившись чуть ли не крестнымъ отцомъ «чада Авраамова» (с. 364).

Курьезенъ и проектъ Погодина образовать «правильное, зажиточное, оригинальное сословіе» станціонныхъ смотрителей, которые держали бы коровъ, свиней, овецъ, барановъ, утокъ, гусей и индѣекъ и утоляли бы голодъ проѣзжихъ сливками, творогомъ, яичницей и свѣжимъ жаркимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ проектировалось «перевоспитаніе» станціонной прислуги и даже смотрителевой

жены, и перевоспитаніе это возлагалось на почтъ-инспектора (с. 403). Справедливость требуетъ упомянуть, что во время путешествія Погодину приходили въ голову и болѣе разумные проекты. Такъ, напримѣръ, онъ мечталъ объ основаніи университетовъ въ Крыму и на Кавказѣ, но и тутъ не обошлось безъ ложки дегтя въ бочкѣ меду. Распредѣляя профессуры Кавказскаго университета, Погодинъ не забылъ своихъ знакомыхъ и своихъ сотрудниковъ по «Москвитянину», которымъ онъ платилъ, да и то не всегда аккуратно, по 15 руб. за печатный листъ: каѳедра русской словесности предназначена была Алмазову, каѳедру русской исторіи долженъ былъ занять Аполлонъ Григорьевъ.

Какъ въ прежнихъ книгахъ біографіи Погодина, такъ и въ 17-омъ томѣ много вниманія удѣлено такимъ событіямъ и фактамъ общественной жизни, въ которыхъ Погодинъ не принималъ ровно никакого участія. Такъ, напримѣръ, крестьянской реформѣ посвящено до тридцати главъ. Очень много также помѣщено въ новой книгѣ г. Барсукова писемъ, извлеченныхъ изъ архива Погодина. Но эти письма далеко не имѣютъ того интереса, которымъ отличались письма, появившіяся въ прежнихъ книгахъ біографіи Погодина. Изъ многочисленныхъ писемъ 17-ой книги наибольшій интересъ представляютъ письма Костомарова къ Погодину. Они показываютъ, между прочимъ, что Костомаровъ относился къ своему противнику съ полнымъ уваженіемъ и съ признаніемъ его ученыхъ заслугъ. *С. А.*

Д-ръ медицины Н. Н. Баженовъ, прив.-доц. московскаго университета. Психіатрическія бесѣды на литературныя и общественныя темы. М. 1903 г. Ц. 1 р. 50 к. Книга доктора Баженова вызываетъ на размышленія, и въ этомъ главное достоинство ея. Содержаніе книги составляютъ лекціи, читанныя авторомъ въ разное время. Темой большинства изъ нихъ служитъ творчество «больныхъ» писателей, или, какъ называетъ его авторъ, «патологическое творчество», и самой интересной изъ всѣхъ посвященныхъ этому вопросу лекцій представляется намъ вторая по порядку, озаглавленная «Больные писатели и патологическое творчество». На ней мы и остановимся подробнѣе.

Не безъ умысла заключили мы выше слова *патологическое творчество* въ кавычки. Подъ послѣднимъ авторъ понимаетъ не только собственно больное творчество, свидѣтельствующее о ненормальности психическаго состоянія писателя и охарактеризованное авторомъ въ третьей по порядку лекціи («Символисты и декаденты»), какъ такое, въ которомъ «ассоціаціи по контрасту выходятъ за предѣлы психологической нормы, во-вторыхъ, ассоціаціи совершаются неправильно, по необычнымъ путямъ» (стр. 65), но и творчество нормальное, объектомъ котораго только служатъ психопатологическія состоянія, творчество, представителями котораго г. Баженовъ называетъ Гаршина, Достоевскаго, Мопассана, Поэ и англійскаго поэта первой половины XIX вѣка Ѳому Quincey, автора «Исповѣди опіофага». Въ этомъ преимущественномъ изображеніи «такихъ психопатологическихъ состояній, которыя могли быть воспроизведены только благодаря сочетанію въ авторѣ большого таланта съ большимъ душевнымъ страданіемъ» (стр. 40) г. Баженовъ видитъ особенность патологическаго творчества. Намъ представляется эта особенность очень характерной для психики даннаго писателя вообще, и совершенно несущественной для его творчества, совершающагося нормальнымъ для этого рода психической дѣятельности путемъ.

Каждый «творецъ» переживаетъ въ періодъ творчества то въ корнѣ ненормальное психическое состояніе, о которомъ самъ г. Баженовъ распространяется въ пятой по порядку лекціи («Область и предѣлы внушенія»): мы говоримъ *о раздвоеніи личности*. Самонаблюденіе—вотъ единственно необходимое существо всякаго истиннаго (а не «патологическаго») творчества, бле-

стящіе образцы котораго оставили, напримѣръ, Мопассанъ и Достоевскій. Только тамъ, гдѣ нѣтъ «самонаблюденія», начинается «патологія», и истинно больными писателями являются тѣ несчастные Шамбижи, Уайльды, Валеріаны Брюсовы и Добролюбовы, о которыхъ г. Баженовъ говоритъ въ лекціи о символистахъ и декадентахъ. Для ихъ творчества характерно то, что мы *не понимаемъ* ихъ произведеній, отъ которыхъ вѣетъ домомъ для умалишенныхъ. Только нормальный наблюдатель въ состояніи дать намъ представленіе о душевномъ состояніи психически разстроеннаго субъекта, собственныя же признанія послѣдняго всегда производятъ впечатлѣніе бреда, впрочемъ, совершенно такъ же, какъ стихотвореніе Метерлинка, въ которомъ:

Во глубь забывчивыхъ лѣсовъ
Лиловыхъ грезъ несутся своры,
И стрѣлы желтыя—укоры—
Казнятъ оленей лживыхъ снова...

Большой интересъ представляютъ помѣщенные въ книгѣ г. Баженова этюды «Душевная драма Гаршина» и «Болѣзнь и смерть Гоголя». Изъ послѣдней у насъ приводились большія выдержки, когда она печаталась въ «Русск. Мысли» (см. 1902 г., «Изъ рус. журн.»). Къ книгѣ г. Баженова намъ еще придется, по всей вѣроятности, вернуться.

Чистый доходъ съ книги г. Баженова поступаетъ въ распоряженіе московскаго общества невропатологовъ и психіатровъ въ пользу фонда имени покойнаго профессора С. С. Корсакова, блестящей характеристикѣ котораго, какъ врача и учителя, посвящена первая, такъ сказать, вступительная лекція. Кстати, любопытно отмѣтить изумительное противорѣчіе моральныхъ типовъ, которыми врачебная профессія подарила наше отечество: съ одной стороны—Гаазъ, Пироговъ, Гиршманъ, Корсаковъ—«этотъ, по удачному выраженію автора разбираемой книги, почетный лейбъ-медикъ московскаго и даже русскаго рабочаго интеллигента», (стр. 3), съ другой—многіе и многіе, въ которыхъ дарованія очень миролюбиво уживаются съ алчностью настоящихъ лавочниковъ. *В. И. Б—ъ.*

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Н. Шильдеръ. „Императоръ Николай I“.—*Р. Виппперъ.* „Учебникъ исторіи среднихъ вѣковъ“.

Н. К. Шильдеръ. Императоръ Николай Первый, его жизнь и царствованіе. Съ 262 иллюстрац. Т. I-й. Спб. Изд. А. С. Суворина. 1903. Цѣна 1 и 2 томовъ—25 рублей. Послѣднимъ предсмертнымъ трудомъ Н. К. Шильдера является исторія жизни и царствованія императора Николая Перваго. Шильдеръ не довелъ до конца своего изслѣдованія и приготовилъ къ печати только первые два тома, охватывающіе время отъ рожденія императора Николая до подавленія польскаго возстанія въ 1831 году. Въ окончательный порядокъ трудъ Шильдера былъ приведенъ уже редакторомъ «Историческаго Вѣстника» г. Шубинскимъ. Въ настоящее время появился первый, огромный томъ, обильно иллюстрированный, съ обширнымъ отдѣломъ приложеній.

Несмотря на незаконченность посмертный трудъ Шильдера займетъ видное мѣсто въ исторіографіи 19 вѣка и спеціально царствованія Николая I. Этотъ трудъ построенъ по тому же плану и написанъ съ тѣми же достоинствами, которыя присущи изслѣдованіямъ Шильдера объ императорахъ Павлѣ Петровичѣ и Александрѣ I. Мы найдемъ въ немъ тотъ же блескъ и легкость изложенія, легкость, характеризующую французскихъ историковъ, искусный пси-

*

хологическій анализъ, обиліе и новизну матеріаловъ. Книги Шильдера по исторіи Павла I, Александра I занимаютъ особенное и важное мѣсто въ русской исторической литературѣ. Онѣ всегда основаны на матеріалахъ новыхъ, изъ источниковъ, раньше по большей части недоступныхъ даже для спеціалистовъ; вводя въ научный обиходъ эпохи и лица, до тѣхъ поръ не затрагивавшіяся или затрагивавшіяся односторонне, допускавшія только извѣстныя мнѣнія, изслѣдованія Шильдера расширили историческое пониманіе большой публики. То же значеніе, если не большее, нужно признать и за послѣднимъ изслѣдованіемъ Шильдера. Эпохи и лица, о которыхъ идетъ въ немъ рѣчь, совсѣмъ не затронуты исторической наукой; относительно ихъ возможны были извѣстные взгляды и мнѣнія, разсѣевающіяся при первыхъ приложеніяхъ научнаго анализа. Трудъ Шильдера открываетъ доступъ тѣмъ точкамъ зрѣнія, которыя до сихъ поръ должны были отсутствовать въ исторіографіи даннаго періода. Изслѣдованіе Шильдера отличается безпристрастіемъ, даже необычнымъ для историковъ его положенія и авторитета; тѣмъ большее, почти непреложное значеніе получаютъ взгляды на нѣкоторые вопросы, разъ они имъ высказаны. А. Н. Пыпинъ, характеризуя дѣятельность Шильдера, вѣрно отмѣтилъ особенность его историческаго міросозерцанія—никогда не покидающее его представленіе о высшемъ нравственномъ законѣ, какъ о критеріи для оцѣнки историческихъ событій и лицъ. Это представленіе не покинуло Шильдера и въ исторіи императора Николая.

Читатели, знакомые съ манерой изложенія Шильдера, отмѣтили двойственность, присущую его трудамъ и являющуюся результатомъ различныхъ причинъ. Вы читаете книги Шильдера; рядъ фактовъ, имъ приводимыхъ, неотразимо приводитъ васъ къ опредѣленному убѣжденію, и вдругъ вы сталкиваетесь съ совершенно противоположнымъ выводомъ, или сдѣланнымъ самимъ Шильдеромъ, или имъ приводимымъ и одобряемымъ. Въ этомъ смыслѣ любопытны, напр., въ изслѣдованіи объ Александрѣ страницы о его кончинѣ. Чувствуется нѣчто удивительное, чувствуется, что самъ авторъ хочетъ вѣрить легендѣ о Кузьмичѣ. Приведенный нами примѣръ двойственности можетъ быть объясненъ причинами субъективнаго характера; въ другихъ же случаяхъ двойственность объясняется гораздо проще, но при чтеніи книги объ ней нельзя забывать.

Первый томъ исторіи императора Николая Павловича доведенъ до 1826 года. Въ немъ предстояло автору дать психологическій анализъ личности, передать внѣшнюю исторію жизни великаго князя, еще разъ перебрать вопросъ о междуцарствіи со дня смерти Александра I по 14 декабря, разсказать о днѣ 14 декабря и выяснить его значеніе въ исторіи жизни императора и въ исторіи его царствованія. Шильдеру пришлось впервые поставить нѣкоторые вопросы по исторіи Николая и дать соотвѣтствующее дѣйствительности рѣшеніе. Основной вопросъ первой книги труда Шильдера: вліяніе и значеніе дня 14 декабря. Заканчивая одну изъ главъ, Шильдеръ приводитъ слова генерала Левашева, сказанныя имъ послѣ допроса князю Трубецкому: «Ахъ, князь! Вы причинили большое зло Россіи, вы отодвинули ее на пятьдесятъ лѣтъ». Этой фразой отвѣчаетъ Шильдеръ на основной вопросъ тома. Рядъ данныхъ, имъ собранныхъ, весь первый томъ предполагаютъ возможность иного отвѣта. Міросозерцаніе императора Николая было вполнѣ сложившимся и опредѣленнымъ въ моментъ восшествія на престолъ; матеріалы, собранные Шильдеромъ, съ убѣдительностью говорятъ за то, что, не будь четырнадцатаго декабря, характеръ царствованія Николая Павловича врядъ ли бы измѣнился.

Правда, первый томъ еще не даетъ цѣльнаго и тонкаго психологическаго анализа личности Николая Павловича; образъ его только зарисованъ штри-

хами, но уже въ наброскахъ отмѣчены основныя, выдающіяся черты императора. Стремясь однимъ словомъ опредѣлить сущность характера, Шильдеръ беретъ выраженіе императрицы Екатерины въ письмѣ къ Гримму о только что родившемся внукѣ: «рыцарь Николай». Настойчивость и непоколебимость —вотъ двѣ основныхъ черты рыцарскаго характера Николая, по мнѣнію Шильдера. Шильдеру слѣдовало бы еще поставить вопросъ о наслѣдственныхъ вліяніяхъ; тогда онъ могъ бы констатировать, что настойчивость и непоколебимость, столь характерныя для императора Павла, такъ сказать, Павловскія настойчивость и непоколебимость перешли отъ отца къ сыну. Шильдеръ тщательно анализируетъ данныя объ обстановкѣ дѣтскихъ лѣтъ Николая Павловича. Въ дѣтствѣ уже проявились тѣ черты, которыя остались въ его характерѣ на всю жизнь: настойчивость, стремленіе повелѣвать, страсть ко всему военному. Воспитаніе не поборолo этихъ свойствъ, хотя, по мысли императрицы-матери, руководившей всѣмъ воспитаніемъ, главнѣйшей цѣлью воспитательной системы было уничтоженіе нехорошихъ свойствъ характера, въ особенности необыкновеннаго пристрастія ко всему военному. «Почему же было поступлено какъ разъ обратно ея желаніямъ?» спрашиваетъ Шильдеръ и отвѣчаетъ: «вообще трудно придумать объясненіе для царствовавшаго воспитательнаго хаоса». Шильдеръ очень сурово относится къ воспитательной системѣ главнаго воспитателя генерала Ламздорфа, весьма широко проводившей принципъ тяжелыхъ тѣлесныхъ наказаній за мелкіе поступки. Сопоставляя пріемы системы и ея результаты, Шильдеръ приходитъ къ слѣдующему выводу: «установившаяся система воспитанія была суровая, и тѣлесныя наказанія играли въ ней большую роль. Такими мѣрами тщетно старались обуздывать и исправлять порывы строптиваго и вспыльчиваго характера Николая Павловича. Испытанные имъ въ дѣтствѣ педагогическіе пріемы принесли и другіе печальные пріемы; они несомнѣнно повліяли на міросозерцаніе будущаго вѣнценосца, который впослѣдствіи провелъ подобныя же суровыя начала въ воспитаніи современнаго ему подрастающаго поколѣнія. Шильдеръ отмѣчаетъ въ пристрастіи къ военному двѣ особенности: пристрастіе къ военному оставалось всю жизнь и было чисто внѣшнимъ, такъ сказать, къ процедурѣ военнаго дѣла (оно показало себя въ надлежащемъ видѣ въ крымскую кампанію), и, во-вторыхъ, оно мирилось въ дѣтскіе годы съ трусостью и робостью. Между прочимъ, пристрастіе къ военному, къ военнымъ играмъ вредно отозвалось на другихъ сторонахъ характера. Казалось, что военное званіе и грубость неразлучны; послѣдствіемъ такого заблужденія было то, что и внѣ военныхъ игръ манеры и обращеніе Николая Павловича стали вообще грубыми, заносчивыми и самонадѣянными. Въ дневникахъ кавалеровъ и воспитателей великаго князя неоднократно отмѣчаются его необузданные порывы; буйныя игры, почти всегда оканчивающіяся причиненіемъ боли или себѣ, или другимъ; нежеланіе сознаваться въ своихъ ошибкахъ, уступать силѣ убѣжденій и т. д.

Съ неменьшей суровостью отзывается Шильдеръ и объ образованіи Николая Павловича, который, впрочемъ, и самъ признавалъ свое образованіе скуднымъ. Учили его многимъ предметамъ, даже мнимымъ, въ родѣ «морали», но не то неудачный выборъ преподавателей, не то другія какія причины— наука почти ничего не дала Николаю Павловичу. Характерны въ устахъ Николая Павловича отзывы о преподавателяхъ и наукахъ: «одинъ (Балугьянскій) толковалъ намъ на смѣси всѣхъ языковъ, изъ которыхъ не зналъ хорошенько ни одного, о римскихъ, нѣмецкихъ и, Богъ знаетъ, какихъ еще законахъ; другой что-то о мнимомъ естественномъ правѣ. И что же выходило? На урокахъ этихъ господъ мы или дремали, или рисовали какой-либо вздоръ... По моему, лучшая теорія права—добрая нравственность, а она должна быть въ сердцѣ независимо отъ этихъ отвлеченностей и имѣть своимъ основаніемъ ре-

лигію». Итакъ, ни воспитаніе, ни образованіе не принесли плодовъ: врожденныя наклонности, говоритъ Шильдеръ, остались непоколебленными и въ полной силѣ.

По мысли императрицы, образованіе Николая Павловича должны были пополнить путешествія по внутренней Россіи и Англіи. Правда, путешествія были непродолжительны и поспѣшны; и за границей интересы вел. князя были направлены, главнымъ образомъ, на военное. Передъ отправленіемъ въ Англію у Маріи Ѳеодоровны явились нѣкоторыя опасенія, какъ бы не увлекся Николай Павловичъ свободными учрежденіями Англіи и не поставилъ ихъ въ связь съ видомъ несомнѣннаго благосостоянія ея. Графу Нессельроде было поручено составить записку для юнаго путешественника, которая предостерегала бы его отъ излишнихъ увлеченій. Шильдеръ цѣликомъ печатаетъ въ приложеніяхъ этотъ любопытнѣйшій документъ. Графъ Нессельроде указываетъ на географическое положеніе страны, какъ на главнѣйшую причину ея политическаго строя. «Однимъ словомъ, заканчиваетъ онъ.—учрежденія англичанъ заслуживаютъ быть разсматриваемы вблизи лишь для того, чтобы изощрять умъ наблюдателя въ области мышленія, а не для того, чтобы служить репертуаромъ конституціонныхъ формъ, изъ котораго можно было бы позаимствовать масштабъ для возведенія новаго зданія подъ совершенно другимъ небомъ и въ совершенно иномъ климатѣ». Эта записка, въ сущности, являлась совершенно лишней, и ея авторъ, по выраженію Шильдера, ломился въ открытую дверь. «Уже въ это время (1816 г.), пишетъ Шильдеръ, характеръ Николая Павловича успѣлъ уже настолько образоваться съ присущимъ ему трезвымъ, далекимъ отъ всякой мечтательности міросозерцаніемъ, что увлеченій въ конституціонномъ смыслѣ нельзя было предвидѣть». Во время своего пребыванія въ Англіи Николай Павловичъ совершенно не обнаружилъ никакого интереса къ дѣятельности палатъ, а по поводу митинговъ и клубовъ онъ выразился: «Если бы, къ нашему несчастію, какой-нибудь злой геній перенесъ къ намъ эти клубы и митинги, дѣлающіе болѣе шума, чѣмъ дѣла, то я просилъ бы Бога повторить чудо смѣшенія языковъ или, еще лучше, лишить дара словъ всѣхъ тѣхъ, которые дѣлаютъ изъ него такое употребленіе». Эти данныя чрезвычайно важны для рѣшенія основного вопроса книги. Приведемъ еще резолюцію Николая, которую онъ сдѣлалъ въ первый мѣсяцъ своего царствованія на одной бумагѣ: «Сомнѣваюсь, чтобы кто-либо изъ моихъ подданныхъ осмѣлился дѣйствовать не въ указанномъ мною направленіи, коль скоро ему предписана точная воля». Какъ же послѣ этого оцѣнивать значеніе и вліянія 14-го декабря на складъ по внутренней политики, какъ отвѣчать не вопросъ, отодвинуло ли 14-го декабря на пятьдесятъ лѣтъ Россію?

Эпизодъ междуцарствія съ 19-го ноября по 14-го декабря 1825 г., который уже давно привлекалъ къ себѣ вниманіе Шильдера, разсказанъ имъ по новымъ документамъ. Шильдеръ прямо-таки не находитъ слова для выраженія недоумѣнія. Начать съ того, что Николай Павловичъ только разъ въ 1819 году слышалъ отъ Александра о томъ, что, за отказомъ Константина Павловича, ему придется царствовать, а между тѣмъ былъ составленъ въ глубокой тайнѣ актъ объ отреченіи Константина и назначеніи Николая. Этотъ актъ хранился въ сенатѣ, синодѣ и госуд. совѣтѣ съ высочайшей помѣткой: «хранить до востребованія, а по кончинѣ вскрыть прежде всякаго дѣйствія». Объ этомъ актѣ знало всего три лица: Аракчеевъ, Голицынъ и митрополитъ Филаретъ, и ничего не знали ни Константинъ, ни Николай Павловичъ. Почему же Александръ не объявилъ имъ объ этомъ и держалъ все дѣло въ такой тайнѣ? «Странными и непонятными мѣрами,—пишетъ Шильдеръ, имп. Александру благоугодно было обставить столь важный жизненный для государства вопросъ, заранѣе обрекая избраннаго имъ наслѣдника престола на крайне двусмысленнаго положеніе, какъ въ отношеніи къ своему старшему брату, такъ и къ Россіи вообще. Все сводилось,

въ сущности къ тому, что въ случаѣ несчастья раскроютъ завѣщаніе и узнаютъ, чья Россія. Трудно придти къ другому заключенію и придумать лучшее объясненіе». Послѣ смерти Александра I, прежде всякаго другого дѣйствія, и Николай Павловичъ, и войска принесли присягу Константину Павловичу. Потомъ вскрыли пакетъ съ актомъ, но было поздно: царемъ уже былъ Константинъ. А Константинъ Павловичъ, жившій въ это время въ Варшавѣ, вѣрный своему желанію отречься отъ престола, принесъ присягу Николаю Павловичу и, не зная объ актѣ, отправилъ формальное заявленіе о томъ, что онъ уступаетъ престолъ Николаю. Выходило большое недоумѣніе, какъ быть? Константину Павловичу нужно было или принять престолъ, или ѣхать самому въ Петербургъ, или же издать манифестъ къ народу. Но онъ не сдѣлалъ ни того, ни другого, ни третьяго. Письма, которыми обмѣнивались Николай и Константинъ (изъ нихъ нѣкоторыя впервые приведены въ книгѣ Шильдера), мало выясняли дѣло, и только донесеніе Дибича изъ Таганрога объ обширномъ заговорѣ, полученное Николаемъ Павловичемъ 12-го декабря, да письмо Константина, подтверждающее отреченіе, ускорило развязку этого инцидента. На 14-е декабря была назначена присяга Николаю Павловичу. 12-го декабря вечеромъ Николай Павловичъ писалъ Дибичу: «Послѣзавтра поутру я — или государь, или безъ дыханія... Надѣюсь быть достойнымъ сего званія не съ боязнью или недовѣрчивостью, но съ надеждой, что какъ я самъ исполнилъ свой долгъ, такъ и всѣ оный предо мной исполнятъ».

Исторіи декабристовъ и ихъ движенію, происшествіямъ 14-го декабря, наконецъ, эпилогу трагедіи, слѣдствію и суду посвящена значительная часть труда Шильдера. Авторъ пользуется источниками, мало или вовсе недоступными; многіе изъ матеріаловъ напечатаны имъ впервые, такъ, напр., письмо отъ брата Николая къ брату Константину, начатое вечеромъ 14-го и писанное съ урывками между допросами приводимыхъ во дворецъ декабристовъ вплоть до полночи на 15-е, таковы, напр., доносы Майбороды, Шервуда, Николаева, оффиціальныя записки изъ дѣла о Рылѣевѣ и Пестелѣ и многіе другіе матеріалы. Прибавимъ, что въ въ книгѣ дано очень много портретовъ декабристовъ, нѣчто въ родѣ ихъ портретной галлереи. Но не только обиліемъ матеріаловъ отличается этотъ отдѣлъ книги Шильдера; важно также и то освѣщеніе, которые онъ дѣлаетъ. Мнѣнія о характерѣ оффиціальнаго разсмотрѣнія, о судѣ, слѣдствіи, высказанныя столь авторитетнымъ лицомъ, какъ Шильдеръ, имѣютъ особенный вѣсъ и могутъ быть положены въ основу дальнѣйшихъ изслѣдованій. Интересны соображенія Шильдера о томъ, могли ли одержать побѣду заговорщики въ день 14-го декабря. Оказывается, ихъ побѣда не была невозможна, хотя сами они на успѣхъ не надѣялись. Имп. Николай вскорѣ послѣ 14-го въ бесѣдѣ съ французскимъ посломъ сказалъ: «Съ перваго появленія на революціонномъ поприщѣ русскіе превзошли бы вашихъ Робеспьеровъ и Маратовъ, и когда этимъ злодѣямъ сказали, что они несомнѣнно сами пали бы первыми жертвами столь ужаснаго безумія, они дерзко отвѣчали, что знаютъ это, но что свобода можетъ быть основана только на трупахъ, и что они гордились бы, запечатлѣвая кровью то зданіе, которые хотѣли воздвигнуть». Шильдеръ, отказываясь, за неимѣніемъ объективныхъ данныхъ, говорить объ этихъ людяхъ и ихъ идеяхъ, замѣчаетъ: «Со времени декабрьскаго мятежа прошло уже 76 лѣтъ, и вмѣсто пристрастія и увлеченія, понятныхъ въ отзывахъ современниковъ этихъ событій, должна заговорить наконецъ, историческая правда.—Каковы бы ни были сужденія о дѣлѣ вообще, представителями котораго явились декабристы, въ немъ выдѣляется одна общая черта, которую отрицать невозможно, признавая даже самое дѣло ошибочнымъ, какъ слѣдствіе заблужденія. Черта эта есть самопожертвованіе въ самомъ обширномъ значеніи этого слова.—Движеніе несомнѣнно было чисто и безкорыстно, причемъ самопожертвованіе руководителей его является еще тѣмъ

болѣе яркимъ, что едва ли кто-либо изъ нихъ лелѣялъ надежду на успѣхъ; всѣ, напротивъ того, приготовились пасть жертвой своихъ убѣжденій». Необходимо сопоставить это заключеніе съ оффиціальной статьей («Спб. Вѣд». 1826, № 2), въ которой говорится, что люди, недостойные имени русскихъ, умышляли неслыханныя въ отечествѣ нашемъ злодѣйства: истребленіе всей императорской фамиліи, грабежъ, расхищеніе имуществъ, убіеніе не принадлежащихъ къ мятежническому ихъ сообществу гражданъ, однимъ словомъ, всѣ неисчислимые ужасы безначалія». Шильдеръ даетъ яркую и тяжелую картину слѣдствія и суда надъ декабристами. Слѣдствіе велось, по его словамъ, согласно стариннымъ русскимъ преданіямъ, усвоеннымъ при веденіи прежнихъ, печальной памяти политическихъ процессовъ. Допросы велись съ пристрастіемъ. «Подъ вліяніемъ физическаго и нравственнаго гнета,—говоритъ историкъ,—писались показанія, въ которыхъ нѣкоторые изъ подсудимыхъ отказывали комитету; иной разъ проявлялось даже съ избыткомъ раскаяніе». Любопытно то, что иногда откровенность въ показаніяхъ, въ особенности въ письмахъ, обращенныхъ заключенными въ крѣпости непосредственно къ императору Николаю, вызывалось тѣмъ несоотвѣтствующимъ дѣйствительности представленіемъ о личности, взглядахъ и намѣреніяхъ новаго государя, которое заговорщики удивительнымъ образомъ выносили изъ его бесѣдъ съ ними во время допросовъ. Возвращаясь въ свои камеры и обдумывая слова императора, они видѣли въ государѣ человѣка, относящагося не безусловно враждебно къ ихъ мечтамъ и даже склоннаго осуществить ихъ (см. «Ист. Вѣст.», 1903, іюль, стр. 127). Чрезвычайно важны тѣ страницы труда Шильдера, на которыхъ идетъ рѣчь объ оффиціальномъ донесеніи, какъ историческомъ свидѣтельствѣ. До сихъ поръ оно является почти единственнымъ источникомъ нашихъ оффиціальныхъ свѣдѣній о движеніи декабристовъ. Шильдеръ доказываетъ, что оно вовсе не заслуживаетъ нашего вниманія по случайности своего происхожденія, нѣкоторой легкомысленности отношенія къ такому серьезному дѣлу и отсутствію надлежащей критики слѣдственнаго матеріала. Дѣйствительно, какъ это ни удивительно, а всеподданнѣйшее донесеніе возникло случайно, изъ *журнальной статьи*, которую написалъ прикомандированный съ этой цѣлью къ комитету чиновникъ Блудовъ. Грибовскій, бывшій статсъ-секретарь Екатерины II-й, называетъ докладъ Блудова романическимъ: Блудовъ все время старается выискивать всѣ ужасныя слова, когда-либо сказанныя декабристами, въ его изложеніи декабристы раздѣляются или на людей безконечно ужасныхъ, или на людей нелѣпыхъ до смѣшного. Суровое отношеніе вызываетъ въ Шильдерѣ и верховный уголовный судъ, засѣдавшій съ 1-го іюня по 11-е іюля 1826 года. Всѣ дѣйствія суда по разбору дѣла ограничились исключительно тѣмъ, что подсудимому предъявлялись его показанія въ комитетѣ и предъявлялись вопросы, его ли рукой они писаны, добровольно ли подписаны, были ли очныя ставки. Графъ Бенкендорфъ въ своихъ запискахъ говоритъ о томъ, что суду была придана возможная степень законности и гласности, что рѣдко судъ въ Россіи пользовался большей независимостью и даже что подсудимые будто бы благодарили за предоставленіе имъ всѣхъ способовъ къ защитѣ. По поводу этого отзыва гр. Беккендорфа Шильдеръ лаконически замѣчаетъ: «Трудно въ немногихъ строкахъ высказать взглядъ, менѣе согласный съ истиннымъ положеніемъ дѣла. Исторія должна признать, что верховный уголовный судъ не судилъ, а осудилъ декабристовъ, обреченныхъ уже предварительно на жертву».

Какъ же отозвались событія 14-го декабря на дальнѣйшей жизни Императора Николая и внутренней политикѣ его царствованія? Шильдеръ, несомнѣнно, не правъ, приписывая слишкомъ большое значеніе этому дню и впадая такимъ образомъ даже въ явное противорѣчіе съ фактами, имъ собранными.

Для вѣрнаго отвѣта на вопросъ, нужно раздѣлять вліянія на душевный складъ и на теоретическое міросозерцаніе. Мы уже видѣли, что міросозерцаніе императора Николая сложилось очень давно (уже въ 1816 году) и оно было весьма опредѣленнымъ и непоколебимымъ. Шильдеръ слѣдующимъ образомъ описываетъ значеніе этого дня въ личной психологіи императора: «Происшествія 14-го декабря произвели на императора Николая тяжкое впечатлѣніе, отразившееся на характерѣ правленія всего послѣдовавшаго затѣмъ тридцатилѣтія. Укажемъ здѣсь на подходящее къ разбираемымъ событіямъ явленіе: императору Александру I никогда не удалось одолѣть прискорбное припоминаніе о событіяхъ 11-го марта 1801 года, среди которыхъ свершилось его воцареніе, какъ преемника Павла. Къ несчастію, самый фактъ немирнаго воцаренія повторился снова въ 1825 году, хотя и въ иной формѣ. «Никто не въ состояніи понять ту жгучую боль, которую я испытываю и буду испытывать во всю жизнь, при воспоминаніи объ этомъ днѣ», признался Николай Павловичъ, французскому послу вскорѣ послѣ своего воцаренія. Такимъ образомъ, несомнѣнно устанавливается фактъ, что воспоминаніе о мятежѣ 14-го декабря и связанномъ съ нимъ обширномъ заговорѣ должно было оставить въ умѣ императора Николая неизгладимые слѣды, отъ которыхъ онъ дѣйствительно не могъ освободиться до смертнаго одра. Несчастныя событія перваго дня его царствованія должны были сопровождаться, сверхъ сего, еще и другимъ явленіемъ: они поставили государя въ совершенно особыя условія ко всякому свободному и независимому выраженію какой бы то ни было политической мысли, не согласовавшейся съ его собственными крайне опредѣленными воззрѣніями. При малѣйшемъ нарушеніи общественнаго спокойствія и дисциплины императоръ Николай имѣлъ привычку повторять: «Ce sont mes amis de quatorze».—Шильдеръ съ видимымъ одобреніемъ цитируетъ фразу гр. Д. А. Толстого: «Позволительно заключать, особенно изъ его личнаго характера и изъ исторіи его царствованія, что 14-е декабря дало этому государю совсѣмъ иное направленіе».

Но данныя, собранныя Шильдеромъ, выводы по частнымъ вопросамъ, имъ сдѣланные, позволяютъ выставить и защищать положеніе, прямо противоположнѣе высказанному гр. Толстымъ. *П. Щеголевъ.*

Проф. Р. Виппперъ. Учебникъ исторіи среднихъ вѣковъ. Съ историческими картами. М. 1903 г. Стр. 312. За послѣдніе 2—3 года учебная наша литература значительно оживилась, по историческому отдѣлу въ особенности. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, какое практическое значеніе имѣетъ этотъ фактъ для нашей оффиціальной школы (хотя, несомнѣнно, это оживленіе вызвано въ значительной степени надеждами на «обновленіе» школы), нельзя все-таки не признать его полезнымъ и желательнымъ. Что наши оффиціально признанные учебники представляютъ въ значительномъ большинствѣ величину сомнительную со стороны научной и педагогической, — это стало трюизмомъ; такъ пусть же наши дѣти получатъ возможность хоть дома почитать книгу, дающую нѣчто болѣе основательное и цѣнное, чѣмъ знаменитый «Иловайскій» и т. п. И прежде всего по исторіи. Историческія знанія, историческая точка зрѣнія особенно важны въ наше любопытное время для того, чтобы правильно разобраться въ явленіяхъ окружающей жизни. А между тѣмъ какъ и во имя чего только не коверкается историческая точка зрѣнія, какія только издѣвательства и насилія не продѣлываются надъ научной истиной въ нашихъ учебникахъ исторіи!

Книжка проф. Виппера уже однимъ именемъ автора представляетъ ручательство за то, что мы не встрѣтимъ въ ней историческихъ фокусовъ съ переодѣваніями, ad majorem gloriam всевозможныхъ «китовъ», ничего общаго съ наукой не имѣющихъ. Книжка составлена не только популярно, но и вполнѣ

научно. Эволюція экономическая, культурная, соціальная, какъ основа для явленій политическихъ, занимаетъ главное мѣсто въ учебникѣ, что, безъ сомнѣнія, и составляетъ одно изъ важнѣйшихъ его достоинствъ. Главнѣйшія особенности экономическаго и политическаго строя средневѣковыхъ народовъ авторъ объясняетъ очень доступно, живымъ, даже образнымъ языкомъ, и въ то же время это не мѣшаетъ ему сохранить полную научность въ освѣщеніи той или иной эпохи, того или другого явленія. Внѣшняя, «батальная», такъ сказать, часть средневѣковой исторіи, особенно неудобоваримымъ бременемъ ложащаяся на мозги юношества, обреченнаго «изучать» обычные наши учебники, сведена проф. Виппером на подобающее ей мѣсто; то же можно сказать и о хронологіи; довольно многочисленныя карты въ самомъ текстѣ значительно помогаютъ ясному усвоенію его.

Есть, однако, въ новомъ учебникѣ нѣкоторыя детали, которыя нельзя причислить къ его плюсамъ. Такъ, напр., глава о Византіи далеко не такъ полна, общая оцѣнка культурно-исторической роли этого государства далеко не такъ вѣрна, какъ мы могли бы ожидать, судя по другимъ отдѣламъ книги. Внутренняя жизнь, или, точнѣе, маразмъ Византіи далеко не выяснены; и намъ кажется, что нѣсколько рискованно такъ опредѣлять «значеніе Византіи для культуры», какъ это дѣлаетъ авторъ: «за время своего процвѣтанія Византія оказала важныя услуги восточнымъ и западнымъ европейскимъ народамъ: первымъ она передала христіанство, вторымъ—древнюю (греко-римскую) науку и литературу, которую она частью сохранила, а частью возстановила» (65 стр.). Такой общій выводъ вполнѣ вяжется съ предыдущимъ изложеніемъ учебника; но самъ по себѣ взятый, не слишкомъ ли онъ односторонень и оптимистиченъ? И въ наше время усиленнаго культивированія всякаго рода «византійщины» этотъ пробѣлъ въ изображеній и оцѣнкѣ Византіи не является ли особенно важнымъ недостаткомъ именно для русскаго учебника?

Съ той же точки зрѣнія современности приходится пожалѣть и о другомъ пробѣлѣ: въ учебникѣ ничего не говорится о судьбахъ и положеніи евреевъ въ средніе вѣка; а вѣдь это и съ научной точки зрѣнія—необъяснимое упущеніе. Наконецъ, чтобы покончить съ этой стороной дѣла, укажемъ на сравнительную неполноту главы объ итальянскихъ государствахъ конца разсматриваемаго періода (284—301). Тутъ не выяснены тѣ общія экономическія, географическія и политическія причины, которыя породили рѣзкое отличіе Италіи отъ другихъ странъ, создали ея своеобразное политическое устройство и раннюю эмансипацію мысли; не указаны и тѣ специфическія причины, которыя дѣлали Италію болѣе подвижной и смѣлой въ борьбѣ свѣтской критической мысли противъ порабощенія богословской схоластикой и мистицизмомъ.

Сравнительно меньшее значеніе имѣютъ недостатки собственно изложенія, такъ сказать, редакціоннаго характера. Какъ на примѣры такихъ недосмотровъ, укажемъ хотя бы на совершенно ненужныя, а слѣдовательно и лишнія подробности въ главѣ о Мохамедѣ («Мохамедъ молился лицомъ къ Іерусалиму», 12 стр.; въѣздъ Мохамеда въ Мекку, стр. 13), или на слишкомъ общія, а потому мало вразумительныя для юноши 14—15 лѣтъ фразы, какъ, напр.: «интересы имперіи были обращены теперь болѣе всего на востокъ» (стр. 2). Но всѣ эти недостатки легко устранимы при новомъ изданіи и вполнѣ покрываются выдающимися достоинствами книги, заставляющими пожелать ей возможно широкаго распространенія. *А. Э.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СОЦІОЛОГІЯ.

П. Лохтинъ. „Къ вопросу о реформѣ сельскаго быта крестьянъ“ — *Г. А. Ефремовъ.* „Крестьянскій вопросъ въ его современной постановкѣ„.

Петръ Лохтинъ. Къ вопросу о реформѣ сельскаго быта крестьянъ. М. 1902 г. Стр. VII+156. Ц. 1 р. 25 к. Въ этой книгѣ г. Лохтинъ развиваетъ и дополняетъ взгляды, высказанные имъ раньше въ книгѣ: «Состояніе сельскаго хозяйства въ Россіи сравнительно съ другими странами. Итоги къ XX-му вѣку. Сбп. 1901 г.». Авторъ—фанатическій врагъ сельской общины. По его убѣжденію, община превратила крестьянина въ манекена и создала сѣть непреодолимыхъ препятствій къ замѣнѣ устарѣлаго трехполья новыми системами хозяйства. Между тѣмъ трехполье уже истощило землю свыше всякой мѣры. Только уничтоженіи мертваго пара и переходъ къ стойловому кормленію скота могутъ спасти Россію отъ голодовокъ, отъ нищеты и связанной съ нею общей некультурности. Но для такой реформы нужны свободные землевладѣльцы-собственники, а не манекены-общинники.

Хотя о связи между упадкомъ крестьянскаго хозяйства и приниженнымъ, безправнымъ положеніемъ личности крестьянина говорилось много и съ давнихъ поръ, но повторять снова и снова можетъ быть только полезно. И вовсе не нужно раздѣлять съ г. Лохтинымъ его фанатической вражды къ общинѣ, чтобы согласиться, что современные общинные порядки не даютъ достаточнаго простора свободному развитію личности, личной энергіи, личной иниціативы. Мы даже готовы согласиться, что и среди интеллигенціи, защищающей общину, существуетъ нѣкоторая непріязнь противъ новаго начала и предразсудокъ въ пользу всеобщаго и постояннаго равенства. Защита личнаго начала въ жизни и въ литературѣ—очень нужное и своевременное для настоящаго момента дѣло. При всемъ томъ, мы думаемъ, что сочиненія, подобныя книгѣ г. Лохтина, не смотря на всѣ пышныя фразы ея о свободѣ, способны даже повредить, чѣмъ помочь дѣлу свободы и укрѣпленія личнаго начала. Свободу личности г. Лохтинъ отожествляетъ съ правомъ частной собственности. Это и составляетъ основной недостатокъ его книги. Защита института частной собственности тоже можетъ быть весьма почтеннымъ дѣломъ. Но нельзя смѣшивать ее съ защитой свободы личности. А г. Лохтинъ именно смѣшиваетъ.

Онъ избѣгаетъ выраженія: частная собственность, предпочитая постоянно говорить о «свободномъ распоряженіи землей», «свободномъ землепользованіи», «свободной самодѣятельности». Но предложенія его сводятся къ тому, чтобы путемъ размежеванія и разселенія превратить крестьянъ въ независимыхъ, самостоятельныхъ собственниковъ отдѣльныхъ округленныхъ участковъ. Ясно, что такую реформу, даже при самой горячей вѣрѣ въ институтъ частной собственности, можно признать только однимъ изъ многихъ средствъ къ поднятію личной энергіи, а слѣдовательно и сельскохозяйственной техники. Г. же Лохтинъ, отожествляя личную свободу съ правомъ частной собственности, придаетъ своимъ проектамъ универсальное значеніе, а всѣ прочія средства отодвигаетъ на второй и третій планъ. Онъ непозволительно упрощаетъ себѣ задачу, во-первыхъ возлагая преувеличенныя надежды на благодѣтельныя послѣдствія предлагаемой реформы, а во-вторыхъ закрывая глаза на связанныя съ ней трудности и опасности.

Г. Лохтинъ считаетъ мало дѣйствительными средствами и народное образованіе, и агрономическую помощь со стороны правительства и земства, и дешевый кредитъ, и облегченіе налоговаго бремени; все это, по мнѣнію г. Лохтина, —палліативы, пока остается въ дѣйствіи «средневѣковая система быта» (стр.

41—49). Но подъ «средневѣковымъ бытомъ» самъ же г. Лохтинъ подразумѣваетъ всю совокупность неблагопріятныхъ условій современнаго крестьянскаго хозяйства: сюда относятся—«средневѣковыя привычки, гнетъ міра, страхъ голодной смерти, розогъ и выколачиванья налоговъ и недоимокъ» (18). Почему же мы должны вѣрить, что мѣры, предлагаемыя г. Лохтинымъ, положатъ конецъ всему «средневѣковому быту»? Почему «средневѣковыя привычки» и «страхъ голодной смерти» непремѣнно исчезнутъ, какъ только исчезнетъ «гнетъ міра»? Г. Лохтинъ много распространяется о томъ, какія чудеса можетъ произвести улучшенная техника хозяйства. Но онъ безъ всякихъ доказательствъ принимаетъ, что торжество частной собственности непремѣнно поведетъ къ улучшенной техникѣ. Особенно поражаетъ въ разбираемой книгѣ совершенное умолчаніе о современномъ положеніи хозяйства на частно владѣльческихъ земляхъ и о взаимныхъ отношеніяхъ между хозяйствомъ частновладѣльческимъ и крестьянскимъ (за исключеніемъ краткой оговорки на стр. 128). Никакой «гнетъ міра» не стѣсняетъ нашихъ помѣщиковъ и все-таки у нихъ царитъ та же «средневѣковая» система, то же трехполье съ недостаточнымъ удобреніемъ полей и безполезной тратой навоза. Частная собственность не сдѣлала нашихъ помѣщиковъ ни предпріимчивыми, ни богатыми. Почему же у крестьянъ она способна сдѣлать чудеса и произвести то, чего нельзя добиться ни посредствомъ народнаго образованія, ни путемъ финансовыхъ реформъ, ни путемъ пропаганды техническихъ знаній?

Но даже если согласиться, что торжество частной собственности приведетъ къ общему благосостоянію, остается вопросъ: какимъ путемъ достигнуть этого торжества?

Г. Лохтинъ считаетъ, что замѣна общинныхъ порядковъ господствомъ частной собственности есть не что иное, какъ простая отмѣна устарѣлыхъ несправедливостей, освобожденіе, раскрѣпощеніе личности. На самомъ же дѣлѣ торжество частной собственности можетъ быть достигнуто весьма различными способами, въ зависимости отъ большей или меньшей степени насилія, допускаемаго при разрушеніи старыхъ формъ жизни. Ибо нѣкоторая доля насилія надъ личностью крестьянина, во всякомъ случаѣ, потребуется для разрушенія общиннаго быта и водворенія частной собственности. Самымъ простымъ способомъ была бы конфискація всѣхъ крестьянскихъ надѣльныхъ земель и продажа ихъ съ публичнаго торга всѣмъ тѣмъ изъ крестьянъ или изъ другихъ сословій, кто окажется наиболѣе выгодными покупателями. Но передъ такою мѣрой отступили бы даже самые ярые противники общины, точно такъ же, какъ при крѣпостномъ правѣ даже самые ярые поборники крестьянскаго освобожденія отступили бы передъ конфискаціей всѣхъ помѣщичьихъ земель. Г. Лохтинъ считаетъ предлагаемую имъ реформу столь же необходимымъ требованіемъ исторіи, какъ освобожденіе крестьянъ у насъ и за границей. Къ сожалѣнію, однако, освобожденіе крестьянъ, всюду представлявшее сложную и болѣзненную операцію, совершалось большею частью безъ достаточнаго уваженія къ свободѣ личности, въ истинномъ значеніи этого слова, и наоборотъ, съ весьма достаточной дозой произвола и насилія. Въ частности, въ Германіи, которую г. Лохтинъ ставитъ примѣромъ для Россіи, ликвидація стараго строя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и переходъ къ новымъ раціональнымъ способамъ хозяйства были достигнуты путемъ насильственнаго обезземеленія значительной части сельскаго населенія. Насаждать «раціональную» культуру тѣми же способами, какими она насаждалась въ Германіи въ концѣ XVIII-го в. и въ первой половинѣ XIX-го в., въ настоящее время въ Россіи и не желательно, и невозможно. Невозможно по той простой причинѣ, что наши крестьяне больше не крѣпостные и имѣютъ опредѣленные, закономъ обезпеченные права. Фридрихъ Великій, котораго г. Лохтинъ выставляетъ образцомъ для подражанія, заботился объ интересахъ кресть-

янъ либо какъ полновластный хозяинъ государственныхъ земель, обрабатывавшихся крѣпостнымъ трудомъ, либо какъ повелитель феодаловъ, жившихъ тѣмъ же крѣпостнымъ трудомъ; помѣщики въ прусскомъ королевствѣ сохраняли значительную часть своей феодальной власти надъ крестьянами во все время, пока происходило постепенное освобожденіе крестьянъ отъ натуральныхъ повинностей и отмежеваніе помѣщичьихъ земель отъ крестьянскихъ. Въ Мекленбургѣ феодалы, для введенія новой, болѣе доходной системы хозяйства, самымъ широкимъ образомъ воспользовались грубымъ средневѣковымъ правомъ перемѣщать и уничтожать крестьянскіе дворы; въ результатѣ мекленбургская система хозяйства, заведенная въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, прославилась на весь міръ, но зато къ серединѣ XIX-го в. сельскіе батраки въ Мекленбургѣ были фактически менѣе свободны, чѣмъ прежде крѣпостные, число браковъ и законныхъ рожденій уменьшалось въ угрожающей пропорціи и изъ призываемыхъ рекрутъ только $^1/_7$ были грамотные. Не всякое «освобожденіе» приноситъ добрые плоды. И не всякій, у кого на устахъ «свобода», служитъ дѣйствительно дѣлу свободы.

Какую же свободу обѣщаетъ крестьянамъ г. Лохтинъ? Онъ говоритъ, что «реформа должна идти непринудительнымъ образомъ» (56); она «должна двигаться вслѣдствіе очевидной для крестьянъ выгодности перейти къ новому порядку жизни» (65). Но что если крестьяне не захотятъ признать новый порядокъ выгоднымъ для себя? Или какъ быть, если новый порядокъ въ дѣйствительности будетъ выгоденъ для одной части крестьянъ и невыгоденъ для другой, и притомъ первые окажутся въ меньшинствѣ? Г. Лохтинъ полагаетъ, что крестьянамъ, желающимъ перейти къ личному владѣнію землей, «должны быть оказаны всевозможныя поддержки и поощренія» (65). Но возможны ли подобныя поддержки безъ насилія надъ другими крестьянами, не желающими перейти къ личному владѣнію? Самое важное предложеніе г. Лохтина заключается въ томъ, чтобы каждый крестьянинъ имѣлъ право требовать себѣ выдѣла самостоятельнаго округленнаго участка, равнаго по величинѣ его надѣлу, и чтобы подобное выдѣленіе могло совершаться и безъ согласія міра, вопреки волѣ большинства. Г. Лохтинъ отлично понимаетъ, что эта реформа осталась бы фиктивной, если оставить во власти міра выравниваніе цѣнности отдѣльныхъ участковъ. Не опредѣляя въ точности, чья же власть замѣнитъ въ этомъ отношеніи власть міра, г. Лохтинъ лаконически замѣчаетъ, что вмѣстѣ съ міромъ желательно здѣсь (т.-е. въ бонетированіи земли и выравниваніи цѣнности отдѣльныхъ участковъ) «участіе болѣе объективнаго элемента» (59). Во всякомъ случаѣ, законъ, удовлетворяющій требованіямъ г. Лохтина, предоставилъ бы каждому отдѣльному крестьянину полную возможность въ каждый данный моментъ нарушить всѣ разчеты всѣхъ остальныхъ, остающихся въ общинѣ крестьянъ, всю принятую ими систему землепользованія, и слѣдовательно нанести имъ существенный имущественный ущербъ. Неужели это не насиліе? Если въ интересахъ государственной политики подобное насиліе надъ міромъ будетъ признано необходимымъ, то нужно во всякомъ случаѣ принять какія-либо мѣры, чтобы оно не превратилось въ настоящую конфискацію общинныхъ земель, выгодную только для меньшинства богатыхъ крестьянъ. Защищать же насиліе подъ именемъ свободы—плохая услуга крестьянамъ и сельскому хозяйству.

Замѣтимъ, что г. Лохтинъ какъ мѣру противъ обезземеленья крестьянъ допускаетъ признаніе неотчуждаемости тѣхъ участковъ, которые будутъ нарѣзаны крестьянамъ въ личную собственность (стр. 50—52). Это, конечно, непослѣдовательность. Неотчуждаемость крестьянской земли есть ограниченіе свободнаго распоряженія землей и можетъ послужить существеннымъ препятствіемъ къ агрикультурнымъ улучшеніямъ для отдѣльныхъ хозяйствъ. Своею не-

послѣдовательностью г. Лохтинъ ясно показываетъ, какую малую цѣну имѣютъ его общія отвлеченныя положенія о необходимости уравнять права крестьянъ съ правами другихъ сословій. «Сомнительно, чтобы въ началѣ XX вѣка нужны были доказательства того, что законы для всѣхъ гражданъ государства, должны быть одинаковы...» (стр. 25) Но вѣдь неотчуждаемость крестьянскихъ участковъ уже есть изъятіе изъ «одинаковыхъ для всѣхъ гражданъ законовъ».

Больше половины книги посвящено полемикѣ и критикѣ; критикуется «земско-крестьянское травосѣяніе», земская статистика и рецензенты, давшіе отзывы о первой книгѣ г. Лохтина. Г. Лохтинъ очень сурово и придирчиво относится къ статистическимъ пріемамъ и методамъ, употребляемымъ другими писателями, но самъ обращается съ статистикой болѣе чѣмъ неосторожно. Такъ, защищая достовѣрность статистическихъ свѣдѣній центральнаго стат. комитета, г. Лохтинъ довольствуется утвержденіемъ, что точность статистики урожаевъ «прямо пропорціональна числу корреспондентовъ» (стр. 106). По его словамъ «центр. стат. комитетъ въ 1900 г. имѣлъ свѣдѣнія отъ 386.000 корреспондентовъ» (стр. 105); о недостовѣрности свѣдѣній комитета «не можетъ быть и рѣчи» (114). Въ дѣйствительности же приводимая г. Лохтинымъ цифра относится не къ «корреспондентамъ», а къ числу вопросныхъ бланковъ, разсылаемыхъ для крестьянскихъ хозяйствъ въ волостныя правленія, а для владѣльческихъ—становымъ приставамъ; только владѣльцы всегда сами заполняютъ свои бланки; относительно же крестьянскихъ земель роль «корреспондентовъ» обязаны исполнять волостныя правленія, такъ что на одного такого «корреспондента»—волостнаго писаря—приходится нѣсколько вопросныхъ листковъ (на каждую волость полагается 6 листковъ для крестьянскихъ земель). Недостовѣрность свѣдѣній происходитъ главнымъ образомъ не отъ малаго количества разсылаемыхъ бланковъ и не отъ малаго количества волостныхъ правленій, а отъ неудовлетворительнаго качества собираемыхъ волостными правленіями отвѣтовъ. Далѣе, г. Лохтинъ, въ полемикѣ съ г. В. В. ясно обнаруживаетъ неумѣнье или нежеланіе отличать тѣ изданія правительственныхъ учрежденій, которыя служатъ первоисточниками, отъ тѣхъ, въ которыхъ собираются и обрабатываются ранѣе опубликованныя свѣдѣнія, взятыя изъ разныхъ источниковъ. Между тѣмъ серьезный изслѣдователь долженъ былъ бы пользоваться такими изданіями, какъ «Сельское и лѣсное хозяйство Россіи» (изд. мин. земл. для Колумбійской выставки), «Сборникъ Свѣдѣній по Европейской Россіи» (изд. центр. стат. комитета), «Сводъ Матеріаловъ», изданный канц. комит. мин. и друг., не иначе какъ послѣ самостоятельной критики и сличенія первоисточниками.

Странно также видѣть столь враждебное отношеніе къ «земско-крестьянскому травосѣянію» со стороны человѣка, болѣе всего озабоченнаго прогрессомъ техники въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Мы не обладаемъ достаточной компетенціей, чтобы судить, дѣйствительно ли клеверъ, введенный въ крестьянскій сѣвооборотъ, представляетъ «новое и весьма энергичное средство для вящаго истощенія полей» (стр. 71). Но полагаемъ, что никакія агрикультурныя соображенія не даютъ г. Лохтину права говорить, что «земско-крестьянское травосѣяніе является попыткою защитниковъ средневѣкового быта крестьянъ найти modus vivendi для отжившей системы» (стр. 102). Крестьянское травосѣяніе представляетъ во всякомъ случаѣ попытку освободиться отъ рутины, а такія попытки полезны даже тогда, когда не вполнѣ оправдываютъ всѣхъ связанныхъ съ ними надеждъ. *А. Рыкачевъ.*

Г. А. Евреиновъ. Крестьянскій вопросъ въ его современной постановкѣ. Спб. 1903 г. Стр. II + 83. Интересно сравнить рѣзкіе приговоры и вызывающія требованія г. Лохтина съ спокойнымъ изложеніемъ г. Евреинова. Программа обоихъ авторовъ сходится въ очень многихъ пунктахъ. Но въ книгѣ г. Евреинова при всемъ спокойствіи ея тона, гораздо больше твердости,

ясности, послѣдовательности и истиннаго либерализма. Также какъ и г. Лохтинъ, г. Евреиновъ даетъ яркую картину русской бѣдности, некультурности, отсталости. Также какъ и г. Лохтинъ, г. Евреиновъ видитъ выходъ изъ современнаго бѣдственнаго и унизительнаго положенія въ предоставленіи крестьянамъ совершенной политической и гражданской равноправности съ лицами другихъ состояній; «самые жизненные интересы нашего отечества требуютъ прежде всего устраненія тѣхъ условій, которыя обращаютъ все сельское населеніе нашей земледѣльческой страны въ обособленную, инертную и безправную массу» (41). Кратко, но обстоятельно излагаетъ г. Евреиновъ все тѣ стѣсненія, тяготѣющія надъ личностью крестьянина, которыя г. Лохтинъ включаетъ въ своей неопредѣленный терминъ «средневѣковый бытъ». Также какъ и г. Лохтинъ, г. Евреиновъ отрицательно относится къ обычному праву и, также какъ г. Лохтинъ, считаетъ общину препятствіемъ на пути къ прогрессу. Интенсивная культура, по мнѣнію г. Евреинова, «возможна для земледѣльца только на землѣ, на которой онъ полный хозяинъ» (75). «Общинный порядокъ пользованія землей полагаетъ успѣхами сельскаго хозяйства предѣлъ, ограничивая ихъ тѣсными рамками трехполья» (70). «Общинное землевладѣніе не можетъ стать постоянной, законченной формой землепользованія, а составляетъ только переходную ступень къ индивидуальной поземельной собственности» (69). Но г. Евреиновъ, не сочувствуя какому бы то ни было насилію, не желаетъ насилія и надъ общиной, и потому требуетъ права свободнаго выхода изъ общины только для тѣхъ, кто отказывается отъ земельнаго надѣла. Прочія же законодательныя мѣропріятія должны только поощрять, но не навязывать насильственно образованіе мелкой земельной собственности. Законодатель, говоритъ г. Евреиновъ, «не можетъ ставить себѣ цѣлью совершить въ стомилліонной массѣ земледѣльческаго крестьянскаго населенія грандіозный аграрный переворотъ упраздненіемъ со дня на день особенностей сложной крестьянской семьи и обращеніемъ, велѣніемъ власти, общиннаго и подворнаго пользованія въ личную и индивидуальную собственность. Переходъ этотъ долженъ совершиться по волѣ самихъ крестьянскихъ обществъ, а въ извѣстныхъ случаяхъ и отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ» (66). «Какъ относительно сложной крестьянской семьи, такъ и при начертаніи законовъ объ особенностяхъ крестьянскаго землевладѣнія, общиннаго и подворнаго, слѣдуетъ исходить изъ того положенія, что разъ особенности эти существуютъ, ихъ надо изучить, опредѣлить ихъ юридическую природу и санкціонировать ихъ примѣненія, внеся соотвѣтствующія постановленія въ общую систему нашихъ гражданскихъ законовъ» (69). Замѣчательно, что почти къ тѣмъ же результатамъ приходитъ и самый горячій защитникъ общины г. Кочаровскій. «Единственная правильная формула,—говоритъ онъ,—отношенія къ общинѣ въ настоящее время очень проста: *надо пока оставить ее въ покоѣ*. Надо оставить всѣ проекты прямого или косвеннаго ея разрушенія, надо предоставить ей выжить или умереть самой. А для этого необходимо одно: распространить на крестьянъ и общину *общее право*, иначе говоря, признать общину просто *юридическою личностью*, какъ городъ, какъ акціонерная компанія и т. п.» (ст. «Русская община» въ «Журналѣ для всѣхъ», 1903 г., іюль, 861). Мы видимъ, что между серьезными врагами и друзьями общины не такая ужъ непроходимая пропасть, какъ это кажется г. Лохтину. *А. Рыкачевъ.*

АНТРОПОЛОГІЯ.

А. Д. Элькиндъ. Евреи. Сравнительно антропологическое изслѣдованіе".

А. Д. Элькиндъ. Евреи. (Сравнительно-антропологическое изслѣдованіе, преимущественно по наблюденіямъ надъ польскими евреями). Извѣстія Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этно-

графіи, состоящаго при Московскомъ Университетѣ. Томъ CIV. Труды Антропологическаго Отдѣла, Томъ XXI. VI+458 стр. въ больш. 4°, со многими таблицами измѣреній, 6 діаграммами и 60 фотографическими рисунками (цинкографіями) въ текстѣ. Москва 1903 г. Цѣна 4 рубля. Старый споръ о томъ, слѣдуетъ ли принимать евреевъ за особую замкнутую расу съ опредѣленными физическими и психическими признаками организаціи, или представляютъ они собою не болѣе, чѣмъ народъ въ этнографическомъ смыслѣ, заключающій цѣлое сборище различныхъ расовыхъ типовъ—этотъ споръ продолжается еще и теперь въ нашъ «вѣкъ естествознанія». Рѣшить его возможно лишь путемъ объективнаго анализа фактическихъ данныхъ, но не иначе, какъ отказавшись разъ навсегда отъ какихъ бы то ни было предустановленныхъ сужденій и предразсудковъ. Дѣло это приходится начать, исходя отъ новыхъ фактовъ и разслѣдуя новые достаточные матеріалы. Но задачу, которая сама по себѣ черезчуръ обширна, слѣдуетъ прежде всего ограничить надлежащимъ образомъ. Антропологическое изученіе опредѣленной народности, по собственному замѣчанію автора, ведется въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, необходимо собирать наблюденія и измѣренія надъ отдѣльными индивидуумами данной народной группы, чѣмъ дается матеріалъ для сужденія о расовыхъ и соматическихъ способностяхъ послѣдней, для опредѣленія, иначе говоря, «статики» антропологическаго типа. Съ другой стороны, предстоитъ выяснить исторію происхожденія, генезисъ даннаго типа, предѣлы его распространенія и смѣшенія съ иными типами, выяснить, слѣдовательно, «динамическую» антропологію описываемой народности. Послѣдней стороны вопроса, т. е. собственно эволюціи евреевъ, авторъ касается въ ограниченной степени, такъ какъ болѣе подробное разсмотрѣніе историческаго и расоваго развитія народовъ требуетъ совершенно самостоятельныхъ обширныхъ матеріаловъ, до сихъ поръ не добытыхъ никѣмъ. Настоящее изслѣдованіе имѣетъ прежде всего въ виду дать, по выраженію автора, «синтезъ чисто антропологическихъ», т. е. собственно антропометрическихъ и антропографическихъ матеріаловъ—авторъ изслѣдовалъ главнѣйшіе описательные и измѣрительные признаки тѣла евреевъ—и на основаніи такого синтеза подойти ближе къ вопросу о племенныхъ и соматическихъ особенностяхъ этой народности въ качественномъ и количественномъ отношеніи.

Значитъ, авторъ хочетъ представить намъ въ нѣкоторомъ родѣ естественно историческій или, точнѣе, *физическій очеркъ* евреевъ въ монографическомъ видѣ. Спрашивается, какими-же матеріалами онъ воспользовался для своей задачи? Прежде всего онъ изслѣдовалъ особую группу евреевъ, обитающую въ предѣлахъ царства польскаго; ихъ главнымъ образомъ и касаются выводы его труда. Весь собранный авторомъ матеріалъ, на которомъ онъ производилъ свои измѣренія и наблюденія, обнимаетъ 200 мужчинъ въ возрастѣ отъ 20 до 60 лѣтъ, и 125 женщинъ въ возрастѣ отъ 15—37 лѣтъ. Измѣренія производились согласно особой схемѣ, изданной Антропологическимъ Отдѣломъ Общества Любителей Естествознанія при Московскомъ Университетѣ подъ заглавіемъ «Инструкціи для описанія и измѣренія живыхъ». Матеріалъ, изслѣдованный авторомъ, отличается еще одною важною особенностью: собранъ онъ исключительно среди *фабричныхъ рабочихъ*, въ г. Варшавѣ. Въ извѣстномъ смыслѣ изслѣдованія автора носятъ характеръ соціально—статистическихъ наблюденій, давая намъ представленіе объ антропологическихъ отношеніяхъ людей въ средѣ особаго спеціальнаго промысла. Но такъ какъ за дверьми промышленныхъ учрежденій не прекращается вліяніе расы, то фабричные рабочіе составляютъ весьма удобную почву также для массовыхъ антропологическихъ изслѣдованій. Нѣкоторые, между прочимъ и русскіе ученые съ Д. Н. Анучинымъ во главѣ, придерживаются даже того мнѣнія, что ка-

ковы бы ни были условія жизни и работы, надъ ними всегда преобладаетъ вліяніе *племенного* происхожденія. Раса въ широкомъ смыслѣ этого слова, т.-е. не только физическій обликъ, но и душевныя и другія свойства, рѣшаетъ конечную судьбу человѣка, въ какихъ бы условіяхъ онъ ни жилъ. Самъ авторъ, въ свою очередь, высказывается въ томъ смыслѣ, что тѣ или другія тѣлесныя особенности евреевъ являются «несомнѣнно» результатомъ своеобразнаго вліянія *среды*. Значитъ, по его мнѣнію, условія, въ которыхъ живетъ человѣкъ, выказываютъ огромное вліяніе на его организацію. Ссылаясь на авторитетъ такихъ ученыхъ, какъ Іоганнесъ фонъ Ранке, онъ устанавливаетъ, что воздѣйствіе внѣшнихъ факторовъ на физическое развитіе сказывалось въ его случаяхъ въ выдѣленіи изъ среды изслѣдованныхъ имъ польскихъ евреевъ двухъ группъ, работавшихъ при различныхъ условіяхъ. Продолжительность пребыванія на фабрикѣ, по мнѣнію автора, отражается даже на такихъ основныхъ признакахъ организаціи, какъ величина роста, окружность груди и вѣсъ тѣла. Такимъ образомъ, удалось выяснить съ довольно большою очевидностью тормозящее вліяніе фабрики на физическое развитіе. Тѣмъ не менѣе, продолжаетъ авторъ, одновременно съ вліяніемъ фабрики сохраняютъ свою силу, какъ онъ убѣдился при этомъ анализѣ, и біологическіе факты, которые въ неослабѣвающей силѣ ведутъ—при благопріятныхъ условіяхъ—къ болѣе положительному и даже къ болѣе совершенному типу развитія тѣла.

Мы не можемъ войти здѣсь въ тотъ огромный арсеналъ отдѣльныхъ цифровыхъ данныхъ и статическихъ матеріаловъ, которые всегда составляютъ ядро статистическо-антропологическихъ изслѣдованій на подобіе разбираемой монографіи и которые имѣютъ особое значеніе для того, кто спеціально занимается вопросами антропометріи. Но цѣль всѣхъ цифръ и цифровыхъ вычисленій—выяснить изъ массы отдѣльныхъ наблюденій и частныхъ случаевъ характерныя и типичныя явленія, установить, какъ принято выражаться, свойства «антропологическихъ» типовъ. Результаты статистики, не сами цифры, здѣсь имѣютъ первенствующій интересъ. Авторъ прежде всего отмѣчаетъ, что, будучи разбросаны по различнымъ странамъ свѣта, евреи тѣмъ не менѣе *сохраняютъ довольно сходную физическую организацію, отличающуюся тѣмъ же ритмомъ развитія, которому слѣдуютъ остальные культурные народы*. Прежнее же мнѣніе, приписывающее евреямъ иныя пропорціи тѣла, должно теперь считаться неосновательнымъ. Вообще же трудно въ немногихъ словахъ, сказать, въ чемъ именно заключаются характерныя особенности «еврейскаго типа». Современный польскій еврей, продолжаетъ авторъ, и по одеждѣ, и по наружности, мимикѣ, жестамъ, производитъ на наблюдателя особое, не скоро забываемое впечатлѣніе: длинный, почти до пятъ сюртукъ, своеобразная фуражка, составляютъ необходимую принадлежность костюма и молодыхъ, и старыхъ субъектовъ; обильная растительность на лицѣ въ связи съ ея болѣе темною окраскою сильно отличаетъ ихъ отъ христіанскаго населенія; затѣмъ, крупный носъ при неправильныхъ другихъ чертахъ лица; испытующій, неувѣренный взглядъ, въ которомъ то сквозитъ сознаніе прошлыхъ и настоящихъ лишеній, то отражается чувство извѣстнаго внутренняго удовлетворенія, благодаря достигнутому благополучію; впавшія щеки и оттого нѣсколько выдающіяся скуловыя области—вотъ нѣкоторыя особенности еврейской физіономіи, обращающія на себя вниманіе при первомъ взглядѣ. Наружность польскихъ евреевъ очень часто отличается также своеобразнымъ обликомъ, граничащимъ нерѣдко съ южнымъ и даже восточнымъ характеромъ очертаній и выраженій лица.

Само собою разумѣется, что это описаніе польскихъ евреевъ слишкомъ поверхностно и обще, чтобы имѣть серьезное научное значеніе. Опираясь на

сравнительный методъ изслѣдованія, авторъ въ различныхъ мѣстахъ своего труда показываетъ и старается доказать, что евреямъ свойственны болѣе или менѣе низкій ростъ, относительно длинное лицо, средней длины и ширины черепъ, темные волосы и темные-же глаза. Горбатый носъ встрѣчается у нихъ чаще, нежели среди не евреевъ, однако далеко не въ такой степени, какъ то думали прежде. Нѣкоторые признаки, весьма характерные для еврея, не поддаются точному измѣренію или даже только описанію; ихъ трудно уловить и выразить въ краткихъ, наглядныхъ словахъ, а тѣмъ болѣе въ цифрахъ. Сюда принадлежатъ, по мнѣнію автора, очертанія линіи волосъ на лбу, форма и направленіе бровей, взаимное положеніе глазныхъ щелей и кожа носа, очертанія губъ и подбородка, конфигурація скуловыхъ областей и т. д. Эти признаки, будучи выражены въ тѣхъ или иныхъ между собою комбинаціяхъ, и обусловливаютъ тотъ опредѣленный, типичный обликъ еврея, который передается по законамъ наслѣдственности изъ рода въ родъ и изъ поколѣнія въ поколѣніе. Они настолько характерны и постоянны въ данной расѣ, что даже въ случаѣ значительнаго уклоненія отъ еврейскаго habitus'a опытный глазъ безошибочно и сразу устанавливаетъ принадлежность даннаго субъекта къ еврейскому племени.

Что касается, въ частности, польскихъ евреевъ, то авторъ на основаніи своихъ изслѣдованій думаетъ, что они лучше сохранили антропологическія особенности своей расы, чѣмъ большинство другихъ многочисленныхъ развѣтвленій еврейскаго племени. Потому то, по заключенію автора, польскіе евреи даютъ цѣнный матеріалъ для познанія физическаго и антропологическаго типа евреевъ вообще.

Свое изслѣдованіе авторъ называетъ «сравнительно—антропологическимъ», выраженіе, установленное впервые, насколько намъ извѣстно, академикомъ К. Э. фонъ Бэромъ. Для сравненія авторъ привлекаетъ не только евреевъ всевозможныхъ другихъ областей Россіи и земного шара, среди которыхъ, какъ извѣстно, особое положеніе занимаютъ по своимъ физическимъ особенностямъ кавказскіе евреи—горцы, но и цѣлый рядъ славянскихъ, финскихъ и другихъ народностей. Но какія либо существенныя, коренныя различія автору не удалось открыть между тѣми и другими въ отношеніи отдѣльныхъ размѣровъ тѣла, головы, пропорцій конечностей и проч. Это, собственно говоря, можно было предвидѣть àргіогі, на основаніи повседневнаго антропологическаго опыта, показывающаго намъ, что между народами, мало отдаленными другъ отъ друга, трудно установить опредѣленныя границы въ ихъ физической организаціи, а тѣмъ болѣе выразить эти различія точными цифровыми данными. Въ этомъ и лежитъ одна изъ цѣнныхъ сторонъ разбираемой монографіи, что она приноситъ намъ фактическое доказательство физической близости или тожественности евреевъ съ племенами такъ наз. арійской или индо-европейской группы народовъ.

Въ отношеніи евреевъ, которыхъ еще до сихъ поръ охотно изображаютъ въ роли какой то совершенно исключительной, стоящей въ человѣчествѣ совершенно особнякомъ, или, какъ выражаются, «аллофильной» расы, подобное доказательство, естественно имѣетъ особо выдающееся значеніе, въ чемъ увѣрены не только приверженцы ученія о единствѣ человѣческаго рода, но, надѣемся, и всѣ представители противоположнаго лагеря. Работа изслѣдованія польскихъ евреевъ исполнена авторомъ по почину проф. Д. Н. Анучина, которому и посвященъ настоящій трудъ.

Да и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ антропологическое изслѣдованіе евреевъ являлось насущною потребностью. Только отъ науки мы можемъ ожидать разрѣшеніе еврейскаго вопроса, столь наболѣвшаго въ продолженіи цѣлаго ряда

вѣковъ. Извѣстная книжка Andrie, будучи прекрасною компиляціей, давнымъ давно устарѣла по ея содержанію, а вышедшая сравнительно недавно брошюрка психіатора Ломброзо подъ громкимъ заглавіемъ «антисемитизмъ и евреи» далеко не исполняетъ того, что обѣщается на ея заголовкѣ. Несмотря, наконецъ, на относящееся еще, если не ошибаемся, къ началу девяностыхъ годовъ (нѣсколько поверхностное, впрочемъ) сообщеніе берлинскаго профессора Феликса фонъ Зупана по вопросу объ «антропологическомъ положеніи евреевъ», гдѣ этотъ авторъ старается открыть тѣ расовые элементы, изъ которыхъ въ концѣ концовъ сложился типъ современныхъ евреевъ и гдѣ онъ особенно ударяетъ на коренное различіе между евреями и настоящими семитами, несмотря на все это, вопросъ объ эволюціи и расовыхъ особенностяхъ евреевъ остается однимъ изъ самыхъ загадочныхъ во всей исторіи человѣчества. Его разрѣшенію могутъ способствовать только обширныя изысканія, образцомъ которыхъ навсегда послужитъ трудъ г. Элкинда. Цѣлый рядъ попытокъ, выяснить степень обособленности евреевъ, въ послѣднее время былъ сдѣланъ преимущественно со стороны американскихъ и англійскихъ авторовъ, которые, между прочимъ, представили цѣнныя данныя въ области деміологіи и сравнительно-расовой патологіи евреевъ. Часть этихъ работъ уже вошла въ обзоръ литературныхъ источниковъ, которымъ г. Элкиндъ заканчиваетъ свое изслѣдованіе. Если нѣкоторые существенные источники и ускользнули отъ вниманія автора,—въ числѣ ихъ я съ особеннымъ сожалѣніемъ долженъ упомянуть о выдающемся по своей точности трудѣ д-ра Ховорки подъ заглавіемъ «Наружный носъ»,—гдѣ авторъ излагаетъ свои взгляды на сущность такъ наз. іудейскаго типа, то число ихъ повидимому не очень велико. Да не въ источникахъ дѣло. Если бы авторъ ихъ и не коснулся вовсе, это нисколько не умаляло бы значеніе и цѣнность его изслѣдованія: настолько оно выполенно тщательно, добросовѣстно и съ полнымъ знаніемъ дѣла; по богатству фактическаго матеріала, легшаго въ основаніе работы, оно превосходитъ всѣ статьи и монографическія изслѣдованія, которыя когда либо были опубликованы по этому предмету. Особой похвалы заслуживаютъ также разбросанныя по тексту многочисленныя цинкографіи, представляющія воспроизведенія наиболѣе характерныхъ физіономическихъ типовъ, которые наблюдаются среди польскихъ евреевъ. Между ними перепечатанными оказываются еще и рисунки изъ извѣстнаго изслѣдованія американскаго антрополога Рипле о евреяхъ: глядя на эти послѣдніе рисунки и сравнивая ихъ съ первыми, нельзя не удивиться тому разнообразію физическихъ типовъ, какое обнаруживаетъ еврейскій народъ въ различныхъ областяхъ своего распространенія. Сопоставляя Рембрандтовскаго раввина или Христа съ типомъ среднеазіатскаго, южно-русскаго и особенно съ типомъ туниссkаго еврея, трудно на первый взглядъ, повѣрить гипотезѣ о физическомъ единствѣ еврейской расы. А между тѣмъ авторъ склоняется, какъ кажется, именно въ пользу такого мнѣнія о происхожденіи евреевъ.

На долю будущихъ изслѣдователей выпадаетъ задача, представить, на почвѣ объективныхъ данныхъ, *психологическій* обликъ евреевъ на подобіе того, какъ въ разбираемомъ трудѣ нашли обработку признаки ихъ физической организаціи. Уже по тѣмъ даннымъ, которыя существуютъ теперь, можно съ увѣренностью сказать, что ключъ къ еврейскому вопросу и къ пониманію своеобразныхъ историческихъ судебъ евреевъ скрывается не столько въ физической эволюціи, сколько въ особенностяхъ душевной жизни этой замѣчательной народности. Пр.—доц. *Р. Вейнбергъ.*

МЕДИЦИНА.

Г. Поповъ. „Русская народно-бытовая медицина".

Русская народно-бытовая медицина, по матеріаламъ этнографическаго бюро кн. В. Н. Тенишева. Д-ра м-ны Г. Попова VIII+404 стр. Спб. 1903. Ц. 1 р. 25 к. Не нужно спеціально заниматься этнографіей для того, чтобы съ большимъ интересомъ прочесть названную книгу. Излагая въ умѣло обработанномъ видѣ огромный фактическій матеріалъ, собранный отъ 350 сотрудниковъ по 23 губерніямъ, книга д-ра Попова наглядно живописуетъ обстановку жизни русскаго народа, его взгляды и вѣрованія. Невеселыя родныя картины условій, въ которыхъ существуютъ милліоны русскихъ людей, конечно, не новы, но о нихъ никогда не мѣшаетъ напоминать, такъ какъ милліоны продолжаютъ существовать все въ тѣхъ же нечеловѣческихъ условіяхъ. «Постоянная темнота и копоть, хата кишитъ клопами, тараканами, а лѣтомъ еще и мухами въ огромномъ количествѣ, подъ печкой живутъ куры, подъ лавкой овцы съ ягнятами, подъ полатямъ свиньи; все это тутъ пьетъ, ѣстъ, испражняется на земляной полъ, покрытый гнилой соломой, подъ которой при каждомъ шагѣ хлябаетъ вонючая жижа» (стр. 165). Воздухъ удушливый и спертый, а нерѣдко и зловонный; «экономизируя тепло, стараются закрыть трубу пораньше и «захватить духъ», но зато платятся угаромъ. Встрѣчаются избы, гдѣ топятъ «по черному» (стр. 6). «Немудрено, что дѣти младшаго возраста, сидя всю зиму безвыходно въ избѣ, къ веснѣ становятся вялыми и малоподвижными». Немудрено, что вымираетъ значительная ихъ часть ($^1/_2$—$^1/_4$ всѣхъ родившихся не доживаетъ до 1 года), въ особенности при томъ невозможномъ кормленіи, которому со дня рожденія они подвергаются, получая грязныя и вонючія, никогда немѣняющіяся соски, «жвачку» изъ чернаго хлѣба, огурцовъ и пр., передаваемую изо рта въ ротъ, а потомъ еще грудные—всѣ, что ѣдятъ взрослые.

Заболѣваемость и смертность поражающе велики и среди взрослыхъ, которыхъ губитъ плохое и недостаточное питаніе, нерѣдко плохая вода изъ гніющихъ прудовъ, непомѣрный, истощающій трудъ въ условіяхъ, легко производящихъ простудныя формы болѣзней... И понятно, почему Россіи принадлежитъ незавидное первенство по смертности среди другихъ европейскихъ странъ. Все это, ярко очерченное въ книгѣ Попова, повторяемъ не ново. Но много новаго вноситъ въ литературу вопроса излагаемый авторомъ въ 12 главахъ книги сложный и обильный арсеналъ средствъ, который народъ противопоставляетъ постояннымъ своимъ заболѣваніямъ. Въ первой главѣ говорится объ истинныхъ причинахъ болѣзней и народномъ взглядѣ на нихъ; во второй характеризуется знахарство, въ третьей излагается отношеніе народа къ научной медицинѣ, которая уже начинаетъ оказывать культурное вліяніе на народные взгляды и на всю его жизнь; въ четвертой авторъ говоритъ о заразныхъ болѣзняхъ и санитарныхъ мѣропріятіяхъ и отношеніи къ нимъ народа, въ пятой—о діэтѣ и уходѣ за больными въ деревняхъ, въ шестой—о народной классификаціи болѣзней, затѣмъ, о суевѣрномъ леченіи, о религіозныхъ средствахъ, о различныхъ физическихъ и химическихъ воздѣйствіяхъ на организмъ и отдѣльно—о родахъ, о сумасшествіи и кликушахъ.

Не ограничиваясь однимъ изложеніемъ своего богатаго фактическаго матеріала, авторъ обобщаетъ его и, вдумчиво относясь къ разсматриваемымъ явленіямъ, высказывается по многимъ общимъ вопросамъ.

Пріятно встрѣтить въ его книгѣ признаніе той огромной роли, какую играетъ въ дѣлѣ борьбы съ заразными болѣзнями «предъявленіе требованій

въ формѣ *доступной* для пониманія мужика, умѣніе подѣйствовать на его психику». «И когда, справедливо заключаетъ г. Поповъ, формальное требованіе пріобрѣтаетъ характеръ насильственности, то со стороны крестьянъ большею частью являются только внѣшнее ихъ исполненіе, внутренне же они настроены противъ нихъ скептически и даже враждебно»; въ тревожныя же времена дѣло доходило до народныхъ возмущеній, подобныхъ холернымъ въ 1892 г., когда въ Хвалынскѣ былъ убитъ толпою докторъ Молчановъ. Послѣ истекшей болѣе чѣмъ 10-ти-лѣтней давности это печальное событіе должно сдѣлаться достояніемъ безпристрастной исторіи, и такую исторію мы находимъ въ книгѣ г. Попова. Изъ нея оказывается, что Молчановъ задолго до холернаго времени возбудилъ противъ себя населеніе,—до того, что городская управа должна была его удалить; и однако вскорѣ послѣ удаленія онъ былъ назначенъ администраціей врачомъ для борьбы съ холерой. На этой-то почвѣ, которая до сихъ поръ въ печати оставалось невыясненною, разыгралась кровавая хвалынская драма... Сопоставляя другого врача *), встрѣтившаго самое хорошее отношеніе къ себѣ населенія, съ убитымъ Молчановымъ, авторъ говоритъ между прочимъ: «Одинъ изъ нихъ пришелъ къ народу съ истинными пониманіемъ его быта, свойствъ и духовныхъ особенностей, съ уваженіемъ къ его вѣковымъ вѣрованіемъ и не съ мертвыми и формальными требованіями, а съ живымъ примѣромъ и тою сердечностью, которая почти всегда такъ хорошо разгадывается народомъ. Другой же, безъ знанія и пониманія народа, всю свою дѣятельность основывалъ только на однихъ внѣшнихъ требованіяхъ и предписаніяхъ, какъ готовыхъ формулахъ, такъ хорошо понятныхъ ему самому и совсѣмъ непонятныхъ для народа. Первый былъ вѣрно понятъ и оцѣненъ народомъ, второй же, создавъ между нимъ и собою неразрѣшимое недоразумѣніе, былъ безжалостно убитъ. Такимъ образомъ, въ исторіи убійства врача Молчанова въ полной мѣрѣ выразилась та пропасть или, вѣрнѣе, та стѣна взаимнаго незнанія, которая отдѣляетъ наши образованные классы отъ простаго народа» (151 стр.).

Симпатіей къ массамъ проникнута рецензируемая книга, но иногда это симпатичное отношеніе выражается у автора въ преувеличеніяхъ славянофильско-народническаго характера. Такъ, въ одномъ мѣстѣ (399 стр.) онъ совершенно бездоказательно утверждаетъ, что народъ нашъ «при своей меньшей некультурности и несмотря на внѣшнюю, иногда даже грубую, оболочку проникнутъ большимъ гуманизмомъ и меньшею эгоистичностью, чѣмъ, напр., представители тевтонской или англосаксской расы...» Утвержденіе, по нашему мнѣнію, рискованное...

Не можемъ согласиться мы и съ нѣкоторыми другими утвержденіями автора. На стр. 187 онъ говоритъ между прочимъ, что «развитіе народа когда-то давно во многомъ было гораздо выше, чѣмъ теперь». Если бы авторъ ограничился указаніемъ на одну большую поэтичность древняго народа-пантеиста, жившаго въ тѣсномъ общеніи съ природою, одухотворявшаго её, вездѣ видѣвшаго проявленія высшаго начала и борьбу этихъ началъ между собою,—то такой выводъ онъ былъ бы въ правѣ сдѣлать, изучая уцѣлѣвшіе обломки прежнихъ поэтическихъ воззрѣній, искаженныхъ послѣдующими вліяніями. Но нѣтъ сомнѣнія, что невозможно говорить вообще о большемъ интеллектуальномъ развитіи народа, жившаго примитивною жизнью дикарей, по сравненію съ народомъ, существующимъ подъ многообразными вліяніями сложныхъ условій современности, изъ-за того только, что поэтическое суевѣріе замѣнилось суевѣріемъ безъ поэзіи.

---

*) Мартынова, боровшагося съ холерой въ воронежской губ. *Ред.*

Христіанское язычество или языческое христіанство, которое, по мнѣнію автора, составляетъ все то лучшее, что есть въ жизни народа, являясь будто бы его «нравственною совѣстью», хорошо характеризуется множествомъ помѣщенныхъ въ рецензируемой книгѣ заговоровъ, наговоровъ и описаній ритуальныхъ подробностей знахарскаго леченія. Въ нихъ постоянно переплетаются призывы богородицы и святыхъ угодниковъ съ заклинаніями духовъ различныхъ болѣзней.

Вотъ нѣсколько образцовъ заговоровъ.

«На морѣ-океанѣ, на островѣ Буянѣ, подлѣ рѣки Іордана стоитъ Никитій, на злыхъ духовъ побѣдитель, и Іоаннъ Креститель. Воду изъ рѣки черпаютъ, повитухамъ раздаваютъ и приказываютъ имъ, приговариваютъ: «обрызгайте и напойте этой водою родильницу и младенчика некрещеная, но крещеной порожденнаго, отъ лихаго брата врага супостата, отъ лѣсовиковъ, отъ водяниковъ, отъ домовиковъ, отъ луговиковъ, отъ полунощниковъ, отъ полуденниковъ, отъ часовиковъ, отъ получасовиковъ, отъ злого духа крылатаго, рогатаго, лохматаго, летучаго, ползучаго, ходячаго; заклинаемъ васъ и т. д.» (225 стр.). Или еще:

«На горѣ Фаворѣ сидятъ три мужа-архангела: Михаилъ, Гавріилъ и Рафаилъ, да три св. отца: Іоаннъ Предтеча, Іоаннъ Богословъ и Пафнутій, да три юродивыхъ: Василій Блаженный, Симеонъ юродивый и Андрей, Христа ради юродивый. Сидятъ сіи мужи и глаголятъ о святыхъ духовныхъ словахъ. Идутъ къ нимъ 12 дѣвъ съ моря простоволосыхъ, страшныя и безобразныя. Святые отцы ихъ вопроша: «куда вы грядете?» и двѣ имъ отвѣчали: «мы идемъ къ разнымъ людямъ, тѣла сушить, кости ломить, души томить, за то, что оные постовъ не соблюдаютъ, заутрени просыпаютъ». Святые дали имъ по три тысячи ударовъ прутьями желѣзными, и онѣ стали молиться и заклинаться, отъ роду человѣческаго бѣжать за триста поприщъ, если эту молитву напишутъ и будутъ носить на персяхъ. Аминь» (237 стр.).

Не вдаваясь въ дальнѣйшія подробности, ограничиваемся въ заключеніе нѣсколькими замѣчаніями. Мы не можемъ понять, съ кѣмъ и противъ чего авторъ полемизируетъ на стр. 397—398, говоря, что народнаго міровоззрѣнія нельзя измѣнить «путемъ одного только простого отрицанія или путемъ примѣненія какой-либо заимствованной западно-европейской идеи, теоріи или голой системы». «Измѣнить міровоззрѣніе народа можно только мелкой и кропотливой работой...» «Какъ бы ни было примитивно, подчасъ даже нелѣпо и уродливо это міросозерцаніе, съ точки зрѣнія народа оно ясно и послѣдовательно, и отнять это міровоззрѣніе, значитъ лишить его внутренняго содержанія, его духовнаго *я*».

Намъ кажется, что авторъ ломится въ открытую дверь. Совершенно вѣрно, что народное міровоззрѣніе не можетъ измѣниться сразу, и потому именно народъ и не мѣняетъ «своего духовнаго *я*». Такъ о чемъ же говорить? А если бы оно дѣйствительно измѣнилось, то измѣнилось бы потому, что явилось бы другое міровоззрѣніе; слѣдовательно, «безъ внутренняго содержанія» народъ не остается и въ этомъ случаѣ.

Въ выноскѣ къ той же страницѣ авторъ тоже безъ достаточныхъ основаній ополчается на русскую интеллигенцію (и этимъ даетъ поводъ думать, что онъ съ нею полемизировалъ въ цитированномъ выше мѣстѣ). «За преобладаніе теоретическихъ мыслей и общихъ идей въ ущербъ точнымъ и фактическимъ знаніямъ», за то, что она будто бы обнаруживаетъ «такую же мечтательность и такое же отсутствіе дѣйствительной свободы и самостоятельности мысли, какъ и нашъ простой народъ». Подобныя огульныя и бездоказательныя обвиненія часто раздаются со страницъ «Московскихъ Вѣдомостей», но

намъ не хотѣлось бы думать, чтобы между ними и нашимъ авторомъ было что-либо общее.

Не развивая своихъ возраженій дальше, мы укажемъ еще на нѣсколько частностей, съ которыми невозможно согласиться; таковы надежды автора на институтъ деревенскихъ сестеръ милосердія, какъ на проводниковъ знанія въ народную среду и народныхъ лекарей; удивило насъ также примѣчаніе автора на стр. 272: «По Требнику Петра Могилы, священникъ долженъ былъ посѣщать больныхъ, не дожидаясь зова, и помимо исполненія пастырскаго долга, утѣшать, ободрять ихъ и подавать совѣтъ. Въ наше время до извѣстной степени *выразителемъ этой стороны древней русской жизни является от. І. Сергіевъ Кронштадтскій*» *) (?!).

Жаль, что авторъ въ своей цѣнной книгѣ не привелъ той программы, по которой собирался матеріалъ: для критической оцѣнки отвѣтовъ всегда необходимо знать, какъ поставлены были вопросы; не сдѣлано въ книгѣ существенныхъ указаній на тѣ годы, къ которымъ относятся сообщаемыя свѣдѣнія; общее число корреспондентовъ не разгруппировано по губерніямъ и уѣздамъ, и поэтому трудно судить, насколько характеризуетъ книга тѣ всѣ 23 губерніи, по которымъ сообщены матеріалы. Среди корреспондентовъ насъ удивляетъ отсутствіе врачей въ то время, какъ были представители всѣхъ видовъ деревенской интеллигенціи,—или врачи, которые могли бы дать наиболѣе достовѣрныя данныя по народной медицинѣ, такъ мало отзывчивы на обращенія за доступнымъ или этнографическимъ матеріаламъ, или же къ врачамъ не обращались совсѣмъ? Тогда—почему?

Въ заключеніе, рекомендуя рецензируемую книгу всѣмъ интересующимся народною жизнью, мы останавливаемъ на ней особенное вниманіе врачей и фельдшеровъ, ѣдущихъ въ деревню; они многому могутъ поучиться въ этой книгѣ, которая познакомитъ ихъ съ обитателемъ деревни. Издана книга прекрасно; цѣна ея очень недорога. Врачъ *В. Х—въ.*

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

Изданія вятскаго губернскаго земства. Желая дать хорошую и полезную книгу грамотной массѣ крестьянскаго населенія, вятское губернское земство предприняло рядъ дешевыхъ изданій отдѣльныхъ произведеній русскихъ писателей, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, ставшихъ теперь уже общимъ достояніемъ, и выпустило два сборника избранныхъ сочиненій: Лермонтова въ одномъ томѣ за 50 к. и Гоголя въ 3 томахъ за 1 р. 50 к. Въ обоихъ сборникахъ есть вступительныя статьи съ характеристикой произведеній этихъ писателей. Избранныя сочиненія Гоголя, вышедшія въ свѣтъ въ 1902 г., къ юбилею писателя, подъ редакціей и со вступительной статьей В. П. Острогорскаго, снабжены массою иллюстрацій.

Передъ нами рядъ книжечекъ отдѣльныхъ произведеній Лермонтова и Гоголя, всѣ изданныя очень заботливо: хорошая бумага и печать при умѣренной цѣнѣ въ 3 к. за книжечку въ два листа выгодно отличаетъ ихъ отъ небрежныхъ изданій коммерческихъ предпріятій. На сколько эти изданія удовлетворяютъ назрѣвшую потребность, можно видѣть уже изъ того, что нѣкоторыя изъ нихъ за короткое время выходятъ 2-мъ изданіемъ, напр., изъ сочиненій Лермонтова: «Пѣснь про купца Калашникова» 3 к.; «Мцыри» 3 к.; «Бояринъ

---

*) Курсивъ нашъ.

Орша» 4 к.; «Бэла» 5 к.; «Стихотворенія» 5 к.; Изъ сочиненій Пушкина: «Капитанская дочка» 10 к.; «Полтава» 5 к.

Иллюстрированныя повѣсти Гоголя въ изданіяхъ вят. губ. зем. стоятъ отъ 5 к. («Старосвѣтскіе помѣщики», «Вечеръ наканунѣ Ивана Купала») до 18 к. («Тарасъ Бульба»), а вся поэма «Мертвыя души» 60 к. Литературно-біографическій очеркъ В. П. Острогорскаго «Николай Васильевичъ Гоголь». (въ отдѣльномъ изданіи ц. 8 к.) даетъ читателю въ живомъ и простомъ изложеніи біографію писателя, главнѣйшіе моменты развитія его литературнаго таланта, оцѣнку его художественныхъ произведеній и ихъ литературнаго и общественнаго значенія.

Изъ другихъ беллетристическихъ изданій вят. губ. зем. отмѣтимъ нѣсколько хорошихъ разсказовъ изъ морской жизни К. Станюковича («Васька» 8 к., «Пропавшій матросъ» 5 к., «На каменьяхъ» 5 к., «Максимка 7 к.), Де-фо «Робинзонъ Крузое», въ переп. 90 к., печатающійся 2 изданіемъ, «Юрій Милославскій» Загоскина, 40 к.

Кромѣ беллетристическихъ, вят. губ. зем. издало рядъ книжекъ по вопросамъ сельскаго хозяйства, медицины и прикладныхъ знаній, сообразуясь съ мѣстными потребностями населенія. Таковы, напр., книги: Д. Горностаева «Приготовленіе извести и обыкновеннаго известковаго раствора», ц. 4 к. О. М. Жирнова «Какъ дѣлать черепицу и какъ покрывать ею крыши», 6 к. Д. Горностаевъ и А. Шкляева «Кирпичное производство» 6 к. Всѣ эти книжечки, написанныя ясно, даютъ рядъ практическихъ совѣтовъ для примѣненія наиболѣе успѣшныхъ и правильныхъ способовъ производства, причемъ составители, считаясь съ условіями крестьянской жизни, указываютъ наиболѣе дешевыя и простыя орудія и пріемы, доступные не только единицамъ, но и всей массѣ населенія. Потому руководства эти могутъ сослужить большую службу, попавъ въ руки людей, нѣсколько знакомыхъ съ такими работами, и будутъ содѣйствовать усовершенствованію традиціонныхъ способовъ производства. Для облегченія практическаго примѣненія указанныхъ въ книгахъ совѣтовъ, къ каждой изъ нихъ приложены соотвѣтственные рисунки и чертежи, помогающіе разобраться въ изложеніи. Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ выходятъ уже третьимъ изданіемъ.

Мы перечислили далеко не всѣ изданія вят. губ. зем., нельзя не пожелать успѣха и дальнѣйшаго развитія его издательской дѣятельности, отвѣчающей запросамъ и потребностямъ читателей изъ среды многомилліонныхъ крестьянскихъ массъ.

На недостатокъ хорошихъ, популярно и научно составленныхъ дешевыхъ книгъ по исторіи давно уже указывалось въ русской литературѣ,—пополнить этотъ недостатокъ имѣетъ, очевидно, въ виду серія популярныхъ книжекъ по исторіи исторической коммиссіи учебнаго отдѣла общества распространенія техническихъ знаній въ Москвѣ. Пріятное впечатлѣніе оставляютъ выпущенныя ею первыя три книжечки по древней исторіи, напечатанныя четкимъ довольно крупнымъ шрифтомъ и снабженныя недурными рисунками.

М. Мелгунова. Страна пирамидъ (Египетъ). 35 стр. Ц. 10 к. Въ ясномъ и простомъ изложеніи авторъ даетъ исторію древняго Египта, описаніе его природы, быта, жителей, ихъ религіи, занятій и государственнаго и общественнаго строя страны. Не останавливаясь на подробностяхъ, авторъ затрагиваетъ наиболѣе существенныя черты историческаго развитія и жизни египтянъ и для начинающаго, мало подготовленнаго читателя эта элементарная исторія древняго Египта будетъ хорошимъ введеніемъ для дальнѣйшаго, болѣе основательнаго знакомства съ исторіей.

Е. Мелгунова. Въ римскомъ циркѣ. 24 стр. Ц. 8 к. Небольшая книжечка—картинка изъ жизни Рима временъ упадка. На нѣсколькихъ первыхъ стра-

ницахъ авторъ даетъ общій очеркъ жизни богатыхъ римлянъ, развращенныхъ роскошью и рабскимъ трудомъ, и массы бѣднаго, безземельнаго, праздная народа, жившаго подачками богачей, а затѣмъ идетъ описаніе празднествъ и зрѣлищъ, устраиваемыхъ императоромъ для своей потѣхи и развлеченій знати и народа, заканчивающихся жестокою травлею первыхъ христіанъ.

Платонъ Лебедевъ. Будда, его жизнь и ученіе. Стр. 33 Ц. 10 к. Краткая исторія древней Индіи, описаніе быта и религіи ея жителей древидовъ и арійцевъ даютъ читателю возможность орантироваться въ условіяхъ, среди которыхъ начинается жизнь и проповѣдь Будды. Вторая глава посвящена юнымъ годамъ жизни Будды и его воспитанію; читатель съ интересомъ будетъ слѣдить здѣсь за зарожденіемъ въ молодомъ царевичѣ первыхъ стремленій къ знанію и первымъ пробужденіемъ работы мысли, дальнѣйшее развитіе которой заставило его оставить родительскій домъ для жизни отшельника, а затѣмъ проповѣдника новаго ученія. Недурно изложено дальше и ученіе Будды, его жизнь проповѣдника и судьба буддизма и его послѣдователей послѣ смерти учителя.

Вл. Львовъ. Самоѣды. Стр. 32. Ц. 15. Книга эта первая, вышедшая въ свѣтъ, изъ проектируемой авторомъ серіи книжекъ по географіи и этнографіи Россіи, знакомитъ читателя съ унылой и однообразной природой сѣвера Россіи и съ жизнью его кочевыхъ обитателей. Живо и интересно описаны въ ней бытъ самоѣдовъ, ихъ религія, обычаи, жилища, обстановка, одежда и главное занятіе ихъ—оленеводство, съ которымъ тѣсно связана вся жизнь самоѣда. Нѣкоторые зажиточные самоѣды за послѣднее время часто теряютъ свое единственное богатство—оленей—и вытѣсняются изъ тундры болѣе культурными и богатыми зырянами и русскими, къ которымъ лишившіеся оленей самоѣды поступаютъ пастухами ихъ большихъ оленьихъ стадъ.

Описаніе природы сѣвера Россіи и его обитателей посвящено не мало книжекъ въ нашей популярной дешевой литературѣ, но книжка Львова займетъ среди нихъ не послѣднее мѣсто.

Индо-Китай. Составила В. Колокольникова. Изд. книжнаго склада Панафидина. Москва. 1902 г. Стр. 76. Ц. 25 к. Книга Колокольниковой относится къ многочисленному типу географическихъ очерковъ, знакомящихъ читателей съ внѣшней стороной жизни описываемыхъ странъ. Читатель выноситъ изъ такихъ очерковъ очень поверхностное представленіе о странѣ, внутренняя жизнь которой попрежнему остается ему совершенно чуждой и неизвѣстной.

Авторъ отдѣльно останавливается на каждой изъ индо-китайскихъ областей: Бирмѣ, Сіамѣ, Аннамѣ, Камбоджѣ, и знакомитъ читателей съ ихъ природой и климатомъ, обитателями, ихъ бытомъ и одеждой, описываетъ досто примѣчательности страны, нѣкоторыя религіозныя обычаи, религію и религіозные обряды, слегка лишь касаясь государственнаго строя и управленія, что не даетъ читателю яснаго представленія ни о политической, ни объ общественной жизни описываемыхъ областей. Изложена книжка довольно просто и ясно. *Л. К—ства.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

отъ 15-го іюня по 15-е іюля.

«Помощь». Сборникъ въ пользу общества для распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи. Спб. 1903 г. Ц. 3 р. 50 к.

А. А. Измайловъ. Черный воронъ. 2-е изд. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

П. М. Клунный. Сборникъ стихотвореній учениковъ гадячскаго 4-хъ-класснаго городского училища. Ромны. 1903 г.

Его же. Вопросы жизни. Стихотворенія. Ромны. 1903 г.

В. Гюго. Девяносто третій годъ. Перев. Ист. ром. Изд. Поповой. Библіотека «Другъ». Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

К. Н. Льдовъ. Пустыня внемлетъ. Романъ. Изд. Вольфа. Спб. 1903 г. Ц. 1 р.

В. Дмитріева. Митюха-учитель. Очеркъ. Харьковъ. 1903 г. Изд. 2-е. В. И. Раппъ и В. И. Потапова. Ц. 25 коп.

Н. А. Лухманова. Не сказки. Для дѣтей. Спб. 1903 г. Изд. Суворина.

Б. Ауэрбахъ. Босоножка. Перев. изъ Шварцвальдскихъ разсказовъ. Спб. 1903 г. Изд. Поповой. Библіотека «Другъ». Ц. 40 к.

А. Додэ. Малышъ. Исторія одного ребенка. Спб. 1903 г. Изд. Лавровой и Попова. Библіотека нашихъ дѣтей.

Сергѣй Лемезовъ (С. А. Жевайкинъ). Вездѣ жизнь. Разсказы. Изд. Ефимова. Москва. 1903 г. Ц. 60 к.

Ѳ. Тищенко. Разсказы. Т. I, изд. 2-е. Москва. 1903 г. Ц. 1 р.

В. Е. Кардо-Сысоева. Переводы и наброски. Книга 1-я. Москва. 1903 г. Ц. 80 к.

В. И. Тьебо. Замѣтки дерев. практики о о нуждахъ сельско-хоз. промышленности Кутаисской губ. Кутаисъ 1903 г. Ц. 50 к. съ перес. 60 к.

И. Козыревъ. Учебникъ географіи. Курсъ 1-й. Кіевъ. 1903 г. Ц.

С. Л. Федоровскій. Утѣхи гордости. О человѣкѣ въ На днѣ М. Горькаго. Спб. 1903 г. Ц. 35 к.

В. Демеденко. Выгодны: сельск.-хоз. въ жаркомъ, фабрики и науки въ холодномъ климатѣ. Варшава. 1903 г. Ц. 1 р.

Ант. Ант. Радцигъ. Финансовая политика Россіи съ 1887 г. Сборн. статей. Спб. 1903 г. Ц. 2 р.

А. Е. Воскресенскій. Общинное землевладѣніе и крестьянск. малоземелье. Изд. т-ва «Литература и Наука». Спб. 1903 г. Ц. 1 р. 25 к.

П. Васильевъ. Синтаксисъ русскаго языка для младш. класс. ср. уч. заведен. и гор. училищъ. Изд. 2-е. Москва. 1903 г. Ц. 50 к.

Екатеринославская губ. Памятная книжка и адресъ календарь съ 1900 — 1903 г. Изд. екатерин. губ. з-ва. Вып. I—1 р. 50 к., вып. II—1 р. 75 к., III—2 р.

С. И. Гальперинъ. Современная соціологія. Екатеринославъ. 1903 г. Ц. 2 р. съ пер. 2 р. 25 к.

М. В. Муравьевъ. Что нужно деревнѣ. Москва. 1903 г.

Д. П. Сильчевскій. Мих. Вас. Ломоносовъ. Спб. Изд. Губернское. 1903 г. Ц. 15 к.

В. В. Фавръ. Опытъ изученія маляріи въ Россіи въ санитарномъ отношеніи. Харьковъ. 1903 г.

Сергѣй Бобинъ. Краткій курсъ географіи. Ч. I. Кіевъ. 1903 г. Ц. 75 коп.

Прив.-доц. Филипповъ. Объ атоническомъ расширеніи желудка у дѣтей. Спб. 1903 г.

Врачъ А. А. Цѣновскій. Аболиціонизмъ и борьба съ сифилисомъ. Одесса. 1903 г. Ц. 45 к.

А. Идельсонъ. Сіонизмъ. Лекція I (теоретическое обоснованіе). Изд. Ротштейна и Гинзбурга. Саратовъ. 1903 г. Ц. 15 к.

Путеводитель по Волгѣ, Окѣ, Камѣ, Вяткѣ и Бѣлой на 1903 г. Саратовъ. 1903 г. Изд. Ив. Ив. Иванова. Ц. 25 к., съ пер. 35 к.

Леонидъ Андреевъ. Афоризмы, парадоксы и избранныя мысли рус. писателей. Вып. V. Сост. М. К. Москва. 1903 г.

Отчетъ общества взаимопомощи книгопечатниковъ въ Томскѣ за 1902 г. Томскъ. 1903 г.

Грузовое движеніе по шоссейнымъ и грунтов. дорог. Балахнинскаго и западн. части Семеновскаго уѣздовъ. Изд. нижегородск. губ. земства. 1903 г. Ц.

Г. Риманъ. Музыкальный словарь. Вып. XII. Пер. Энгеля. Изд. Юргенсона. Москва. 1903 г. Ц. 12 вып. 6 руб.

Л. Давидъ. Руководство фотографіи. Перев. съ 20-го нѣм. изданія. Спб. Изд. Поповой. 1903 г. Ц. 1 р. 20 к.

Извѣстія о состояніи сельскаго хоз. въ полтав. губ. Полтава. Изд. полт. губерн. земства. 1903 г.

Л. В. Македоновъ. Хозяйственное положеніе и промыслы населенія нагорныхъ станицъ Кубанск. обл. Вып. первый. Изслѣд. 1902 г. Спб. 1903 г. Ц.

Сборникъ текущ. статистики Вологодской. губ. Т. I. Обзоръ состоянія сельскаго хозяйства 1901—1902 с.-х. г. Изд. вологодск. губ. земства. 1903 г. Ц. 1 р. 6. пер.

Школы Богородскаго уѣзда, Москов. губ. въ санитарн. отношеніи 1900—1901 г. Земск. вр. Скибневскаго. Москва. 1901 г.

Пермская губ. въ сельско-хоз. отношеніи. Вып. 2-й. 1903 г. Изд. перм. губ. з-ва

Владиміръ Павл. Добровольскій. Опыты Герца въ электрич. сигнализаціи и ист. изобрѣтенія безпроволочн. телеграфа. въ 1890 — 1891 гг. Кіевъ. 1903 г. Ц. 20 к.

Анна Столповская. Выдающіяся стороны національн. жизни и національн. характера китайцевъ. Москва. 1903 г. Ц. 50 к.

Извѣстія о состояніи сельск. хозяйства въ Полтавской губ. за 1903 г. Весна. Изд. Полт. губ. з-ва. 1903 г.

Отчетъ главнаго управленія неокладн. сбор. и казенн. продажи питей. 1901 г. Вып. I. Спб. 1903 г.

Проспектъ роскошнаго изданія Божерянова и Карпова. Иллюстрированная исторія русскаго театра XIX вѣка. Спб. 1903 г.

Главнѣйшія предварительныя данныя переписи г. Москвы, 31-го января 1902 г. Вып. II и III. Москва. 1903 г.

Сводъ товарныхъ цѣнъ на главн. русск. и иностран. рынкахъ за 1902 г. Спб. 1903 г.

Изданіе т-ва «Донская рѣчь»:

1. Пріемышъ. Вл. Короленко. Ц. 2 к.
2. Майна-Вира. В. Дмитріевой. Ц. 3 к.
3. Маленькій грѣшникъ. Е. Чирикова. Ц. 1 к.
4. Бергамотъ и Гараська. Л. Андреева. Ц. 1½ к.
5. Захромала. А. И. Свирскаго. Ц. 1 к.
6. Для души. А. Крандіевской. Ц. 2 к.
7. Свинья. Е. Чирикова. Ц. 2 к.
8. На мельницѣ. К. Баранцевича. Ц. 3 к.
9. Забракованный. А. Свирскаго. Ц. 2 к.
10. На посту. К. Баранцевича. Ц. 3 к.
11. Ее всѣ знаютъ. В. Дмитріевой. Ц. 3 к.
12. За щупленькаго. Станюковича. Ц. 2 к.
13. Вода. И. Митропольскаго. Ц. 2 к.
14. Месть. К. Баранцевича. Ц. 3 к.
15. Искорка. Л. Мельшина. Ц. 3 к.
16. Чертовъ яръ. Л. Мельшина. Ц. 4 к.
17. Гостинецъ. Л. Андреева. Ц. 2 к.
18. Петька на дачѣ. Л. Андреева. Ц. 2 к.
19. Въ Собуровѣ. Л. Андреева. Ц. 2 к.
20. Страховка. П. Н. Бѣлоконскаго. Ц. 2 к.
21. Мой день. П. Иванова. Ц. 2 к.
22. Ночью. В. Г. Короленко. Ц. 5 к.

Библіотека народнаго блага. Подписка на годъ 3 руб.

В. Е. Ермиловъ: Жизнь и сердце поэта. Ц. 15 к. (Памяти Некрасова). Ермиловъ. Начатки русской грамматики для дѣт. мл. возр. Ц. 15 к. Завѣты Бѣлинскаго молодому поколѣнію. Ц. 15 к.

Л. Андреевъ: Гостинецъ. Ц. 5 к. Бергамотъ и Гараська. Ц. 5 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«*Die Mutter des Menschen*» *von Marie Diers* (*Alehander Duncker*). *Berlin* (*Мать человѣка*). Авторъ проповѣдуетъ чистыя формы брака, которыя могутъ облагородить человѣчество и создать новое, сильное и здоровое поколѣніе. «Только хорошая почва приноситъ хорошіе плоды», говоритъ авторъ. Для достиженія этой цѣли необходима реформа воспитанія какъ юношей, такъ и молодыхъ дѣвушекъ.

(Berliner Tageblatt).

«*Moderne Erziehungsfragen*» *von Iohanna Thimm. Briefe einer Mutter* (*Leonhard Simion*). *Berlin* (*Современные вопросы воспитанія*). Въ своихъ письмахъ матери о современныхъ воспитательныхъ проблемахъ авторъ разсуждаетъ о томъ, какъ воспитывать дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, чтобы личность ихъ могла свободно и правильно развиваться.

(Berliner Tageblatt).

«*Die Grenzen der Zurechnungsfähigkeit und die Kriminalanthropologie*» *von D-r Hans Kurella* (*Gebauer-Schwetschke*). *Halle* (*Границы вмѣняемости и уголовная антропологія*). Этотъ трудъ принадлежитъ перу бреславльскаго врача по нервнымъ болѣзнямъ и имѣетъ цѣлью познакомить широкіе круги читателей съ ученіемъ о вмѣняемости и возникающими отсюда проблемами. Авторъ указываетъ на такія состоянія, которыя исключаютъ вмѣняемость, но которыя нельзя все-таки причислить къ явленіямъ безсознательнаго состоянія или болѣзненнаго разстройства душевной дѣятельности, допускающимъ освобожденіе отъ отвѣтственности, согласно нынѣ дѣйствующимъ уголовнымъ законамъ. Къ числу ихъ принадлежатъ разныя аномаліи полового чувста, потемнѣніе сознанія, разстройство памяти и состояніе вырожденія. Въ заключеніе авторъ говоритъ о практическихъ выводахъ, къ которымъ приводитъ критическое изслѣдованіе уголовнаго законодательства и ученія о вмѣняемости.

(Frankfurt. Zeit).

«*Geschlecht und Entartung*» *von D-r P. J. Möbius* (*Verlag Karl Marhold*). *Halle* (*Полъ и вырожденіе*). Въ книгѣ доказывается, что всѣ неправильности половой системы непремѣнно служатъ признакомъ вырожденія и что разстройство полового чувства принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ признаковъ этого. Авторъ разсматриваетъ разстройства этого чувства частью физическаго, частью же психическаго характера; далѣе онъ говоритъ о патологическихъ разстройствахъ, о наслѣдственности и вліяніи алкоголизма на вырожденіе. Профилактическою мѣрою противъ вырожденія можетъ служить только борьба съ алкоголизмомъ; съ наслѣдственностью же при современныхъ общественныхъ и политическихъ условіяхъ бороться почти невозможно.

(Frankfurt. Zeit.).

«*Neue Staatslehre*» *von Anton Menger* (*Gastav Fischer*). (*Новое ученіе о государствѣ*). Эта книга представляющая результатъ десятилѣтняей упорной работы, заключаетъ въ себѣ изложеніе всѣхъ современныхъ соціалистскихъ доктринъ и изображеніе той внутренней эволюціи, которой подверглись эти доктрины, прежде чѣмъ достигли теперешняго своего состоянія. Цѣль автора — ближе познакомить образованные классы Германіи и др. странъ съ соціолистскою доктриной и представить читающей публикѣ результаты своихъ долгихъ и тщательныхъ изслѣдованій въ этой области.

(Journal des Débats).

«*The Religions Sense in its Scientific Aspect*» *by Gerville Macdcnald* (*Hodder and Stoughton*). 5 *s.* (*Религіозное чувство съ научной точки зрѣнія*). Авторъ стремится доказать существованіе духовнаго закона и религіознаго чувства въ организаціи животныхъ и растительныхъ созданій, основывая на этомъ свою вѣру въ единообразное развитіе жизни, безъ всякихъ перерывовъ и нарушеній въ своемъ послѣдовательномъ теченіи. По словамъ автора можно прослѣдить дремлющее религіозное чувство въ его первобытной формѣ черезъ всю эволюцію органическаго міра. Подъ религіознымъ чувствомъ, въ его примитивной формѣ, авторъ подразумѣваетъ подчиненіе закону, который заставляетъ всякій живой организмъ трудиться и жить ради извѣстныхъ цѣлей, непосредственныхъ или отдаленныхъ, но не подлежащихъ его личному обсужденію. Подтвержденіе своихъ оригинальныхъ мыслей авторъ ищетъ въ мірѣ низшихъ организмовъ. Къ тексту приложены рисунки.

(Daily News).

«*Charles-James Fox.: A Political Study*» *by J. L. Le B. Hammond* (*Methuen*). *10 s. 6 d.* (*Чарльзъ-Джемсъ Фоксъ: политическій этюдъ*). Прекрасное изображеніе англійской политики въ самый блестящій періодъ ея исторіи. Въ своей біографіи замѣчательнаго политическаго дѣятеля авторъ выясняетъ принципы, которые заложены въ основу англійской свободы, и въ которыхъ заключается главная сущность и слава англійской политической жизни. (Times).

«*The Tramps Handbook*» *by Henry Roberts. New-York* (*John Lane*). (*Руководство для бродягъ*). Оригинальная книга, проникнутая духомъ возмущенія противъ «чрезмѣрной культуры» и стремленіемъ къ природѣ. Авторъ говоритъ объ инстинктахъ, которые въ прежніе вѣка заставляли людей искать убѣжища въ монастыряхъ. Но жизнь въ монастырѣ пригодна не для всѣхъ, и для многихъ человѣческихъ натуръ особенную прелесть представляетъ цыганская бродячая жизнь, исполненная поэзіи въ сравненіи съ пошлостью и рутиной обыденной жизни, со всѣми ея мелкими цѣлями и стремленіями. Для этихъ-то людей, стремящихся уйти отъ этой рутины и слиться съ природой, авторъ и написалъ свою книгу. (Daily News).

«*Die Anormalen Kinder und ihre erzichliche Behandlung in Haus und Schule*» *von D-r med. Leon Demoor, Prof. an der medicinschen Fakultät und Oberarzt an der Hilfsschule in Brüssel* (*Oskar Bonde*) (*Анормальныя дѣти и ихъ воспитаніе въ семьѣ и школѣ*). Успѣхи педагогики указываютъ, что ненормальныя дѣти заслуживаютъ такого вниманія въ жизни и воспитаніи, какъ и вполнѣ нормальныя, но съ тою разницею, что къ нимъ должна быть примѣнена совершенно особенная система воспитанія. Вотъ эту проблему особеннаго воспитанія анормальныхъ дѣтей и обсуждаетъ авторъ въ своей книгѣ. (Frankfurt. Zeit.).

«*Outlines of Psychology*» *by Josiah Royce* (*Macmillan*) (*Очерки психологіи*). Въ этихъ очеркахъ, представляющихъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова элементарный курсъ психологіи, авторъ излагаетъ и свои собственные философскіе взгляды, которые и составляютъ главный интересъ книги и дѣлаютъ ее драгоцѣннымъ руководствомъ для наставниковъ и воспитателей. (Daily News).

«*A Fight for the City*» *by Alfred Hodder* (*Macmillan and C°*). *6 s.* (*Борьба изъза города*). Это описаніе борьбы съ могущественною организаціею Таммани въ Нью-Іоркѣ представляетъ не только мѣстный интересъ. Исторія судьи Джерома и затѣяннаго имъ похода противъ подкупа, который въ такихъ широкихъ размѣрахъ примѣняется во время избирательной кампаніи въ Соединенныхъ Штатахъ, служитъ самымъ наглядным доказательствомъ, какъ много можетъ сдѣлать энергія и неподкупная честность одного человѣка. Разсказъ написанъ очень живо и даетъ прекрасное изображеніе жизни большого города, касаясь такимъ образомъ многихъ жгучихъ современныхъ соціальныхъ вопросовъ. (Daily News).

«*Christianity and Modern Civilisation*» *being some chapters in European History, with an Introductory Dialogue on the Philosophy of History by William Samuel Lilly* (*Chapman and Holl*). *London* (*Христіанство и современная цивилизація*). Задавшись цѣлью представить вліяніе христіанства на современную цивилизацію, авторъ, прежде всего, очень подробно изъясняетъ, что онъ понимаетъ подъ словомъ «современная» и подъ словомъ «цивилизація». Подъ первымъ онъ обозначаетъ сопредѣльную съ христіанскою эрою цивилизацію, а подъ словомъ цивилизація онъ подразумѣваетъ все, что отличаетъ человѣка отъ низшихъ животныхъ. Онъ приходитъ къ заключенію, что каждый человѣкъ—это «цивилизованное животное» и поэтому доказываетъ, что нѣтъ такой человѣческой общины, какъ бы ни были первобытны и хаотичны ея нравы, обычаи, промышленныя искусства, этика, которую можно было бы называть въ полномъ смыслѣ этого слова нецивилизованной. Особенно интересны первыя главы, гдѣ говорится объ аскетизмѣ и нетерпимости, которые въ гораздо позднѣйшія времена выразились въ монашествѣ и инквизиціи. Аскетизмъ вовсе не является продуктомъ христіанства и существовалъ задолго до него на востокѣ. Авторъ выдвигаетъ на сцену много вопросовъ, касающихся значенія и вліянія христіанства и т. д. (Daily News).

«*Menschen*» *von Ellen Key* (*Feischer*). *Berlin* (*Люди*). Эти критическіе очерки являются своего рода исторіей литературы, въ основу которой положено не одно только обсужденіе литературныхъ произведеній и ихъ значеніе, а анализъ души писателя въ моментъ его творчества и той внутренней связи, которая должна существовать между его произведеніемъ и окружающей его средой. Авторъ этихъ критическихъ очерковъ старается выдѣлить въ каждомъ писателѣ извѣстный опредѣленный человѣческій типъ и выяснить его отношенія къ главнѣйшимъ проблемамъ нашего времени. Такова точка зрѣнія автора, съ которою онъ приступаетъ къ изслѣдованію произведеній трехъ писателей: шведскаго, Алмквиста, и англійскихъ поэтовъ, Роберта и Елизаветы Броунингъ. (Frankfurt. Zeit.).

«*The World's Children*» *by Mortimer Menpes* (*A. and C. Block*) (*Дѣти міра*). Оригинальная задача, которую поставилъ

себѣ авторъ—изобразить дѣтей всѣхъ человѣческихъ расъ, начиная отъ англійскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, до маленькихъ дикарей, дѣтей Востока, Египта и знойной Аравійской пустыни, выполненъ имъ очень искусно. Рисунки исполнены художественно, а текстъ вводитъ читателя въ необыкновенно разнообразный міръ дѣтей и знакомитъ съ его характерными особенностями въ разныхъ странахъ. (Daily News).

«*Personal Idealism*». *Philosophical Essays. Edited by Henry Sturt* (*Macmillan and C°*). (*Личный идеализмъ*). Въ этихъ очеркахъ по философіи, написанныхъ разными авторами, преслѣдуется двойная цѣль: авторы ихъ стремятся доказать несостоятельность натуралистическихъ взглядовъ на вселенную и шаткость другой философской теоріи, извѣстной подъ именемъ абсолютизма, которую авторъ отожествляетъ съ Гегелемъ и его изслѣдователями, старыми и новыми. Эта теорія опровергается фактами. Авторы возстаютъ также и противъ безграничнаго примѣненія теоріи эволюціи и добавляютъ, что энтузіазмъ, возбуждаемый идеалами, составляетъ существенный элементъ всякаго прогресса. Авторъ одного изъ очерковъ защищаетъ свободу воли и отвергаетъ детерминизмъ. Другіе очерки касаются вопроса эволюціи, происхожденія, значенія и будущаго этики и т. д. (Athaeneum).

«*British political Leaders*» *by Justin Me Carthy. With Portraits* (*Feisher Unwin*) (*Британскіе политическіе вожди*). Авторъ извѣстенъ какъ выдающійся политическій дѣятель, но въ своихъ очеркахъ обнаруживаетъ также недюжинный литературный талантъ. Съ большимъ безпристрастіемъ рисуетъ онъ портреты другихъ политическихъ дѣятелей и даже своихъ оппонентовъ, такъ что никто не станетъ оспаривать вѣрности его изображенія. Передъ глазами читателя развертывается настоящая портретная галлерея и онъ узнаетъ въ этихъ набросанныхъ искусною рукой эскизахъ современныхъ политическихъ дѣятелей Англіи: Сольсбёри, Розберри, Чэмберлена, Редмонда, Гаркура, Лабушера, Бёрнса, Морли и др. (Bookseller).

«*A Doctor and his Dog in Uganda*» *from the Journal of A. R. Cook.* (*Religions Tract Society*) (*Докторъ и его собака въ Угандѣ*). Очень интересная маленькая книга, въ которой разсказана жизнь и приключенія врача-миссіонера въ Угандѣ. Это первая книга въ такомъ родѣ; она знакомитъ читателя съ малоизвѣстною африканскою областью и тѣми трудностями, которыя приходится преодолѣвать тамъ европейскимъ піонерамъ. Книга снабжена хорошими иллюстраціями и картой. (Bookseller).

«*Macedonian Folklore*» *by G. F. Abbott. Cambridge* (*University Press*). *Price Gs.* (*Македонскій фольклоръ*). Этотъ трудъ явился результатомъ фольклорическихъ изслѣдованій среди греческаго населенія Македоніи. Послѣдняя часть книги посвящена описанію обрядовъ и церемоній символическаго характера, которые сопровождаютъ рожденіе, бракъ, погребеніе и т. д. Особенно сложными оказываются брачныя церемоніи въ Македоніи. Авторъ проводитъ сравненія между фольклоромъ Македоніи, классической Греціи и современной Европы, отъ Средиземнаго моря до Великобританіи. Какъ и слѣдовало ожидать, многіе изъ древнихъ обычаевъ сохранились въ Македоніи и широко распространены. (Daily News).

«*The Adustment of Wages*» *by W. S. Ashley. With four maps* (*Longmans*). *12 s. 6 d.* (*Установка заработной платы*). Профессоръ Ашлей можетъ считаться авторитетомъ въ томъ вопросѣ, который онъ разсматриваетъ въ своей книгѣ. Онъ утилизировалъ матеріалъ собранный имъ съ большимъ стараніемъ и трудомъ въ Америкѣ и приходитъ къ весьма любопытнымъ и непріятнымъ для капиталистической промышленности выводамъ. Интересная глава книги посвящена трэдъ-юніонизму. (Times).

Издательница **М. К. Куприна-Давыдова.** Редакторъ **Ѳ. Д. Батюшковъ.**

стр.

15. ОБЪ ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕКЦІЙ ВЪ ПРОВИНЦІАЛЬНЫХЪ ГОРОДАХЪ. **Н. Граціанова.** 16
16. РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ. **На родинѣ.** Исторія одного адреса.— Судьба земскихъ ходатайствъ.—Санитарныя условія русской деревни.— Эксплоатація дѣтскаго труда.—«Божьи люди».— Карьера г. Крушевана.—Къ юбилею Вл. Г. Короленки.— За мѣсяцъ.—Некрологъ.—Опроверженіе. 23
17. **Изъ русскихъ журналовъ.** («Русская Старина»—іюнь. «Вѣстникъ Европы»—іюль. «Русское Богатство»—май). . . . 40
18. **За границей.** Выборы въ германскій рейхстагъ.—Общественная жизнь Германіи.—Негритянская проблема въ Соединенныхъ Штатахъ и президентъ Рузвельтъ.—Смерть папы Льва XIII.—Организація международнаго обмѣна дѣтей.— Народные образовательные курсы въ Вѣнѣ и союзъ австрійскихъ женщинъ.—Самая сѣверная желѣзная дорога. 50
19. **Изъ иностранныхъ журналовъ.** Въ защиту сербскаго народа.—Ибсенъ на званомъ обѣдѣ.—Ирландскій вопросъ и британскій имперіализмъ. 63
20. ВЪ СТАРОМЪ ПЕКИНѢ. (Письмо второе). **В. В. Корсакова.** 67
21. НАУЧНЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ. О «сущности» жизни. (Окончаніе). **В. Агафонова.** 75
22. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ ЖУРНАЛА «МІРЪ БОЖІЙ». Содержаніе: Беллетристика.—Исторія литературы и критика.—Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія и соціологія.—Антропологія.—Медицина.—Народныя изданія.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію. 94
23. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. 112

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

24. ІЕРНЪ УЛЬ. Романъ **Густава Френсена.** Перев. съ нѣмецкаго **Л. Гуревичъ.** (Окончаніе). 189
25. СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОСОФІЯ ВЪ ГЕРМАНІИ. **Освальда Кюльпе.** Переводъ съ нѣмецкаго **Н. Андреева.** 1
26. ОМУТЪ. Романъ **Франка Норриса.** Переводъ съ англійскаго **А. В. Гольстейнъ.** 1